

ДЖО ХИЛЛ

Премия «Локус»
2017 года за лучший
роман ужасов

ПОЖАРНЫЙ

ДЖО ХИЛЛ

Премия «Локус»
2017 года за лучший
роман ужасов

ПОЖАРНЫЙ

Annotation

Никто не знает, где и когда это началось. Новая эпидемия распространяется по стране, как лесной пожар. Это «Драконья чешуя» – чрезвычайно заразный грибок вызывает прекрасные черно-золотые пятна на теле, похожие на тату, а потом сжигает носителя во вспышке спонтанного возгорания. Миллионы инфицированы, а вакцины нет. Безопасности нет. Команды добровольцев убивают и сжигают разносчиков спор.

Но есть загадочный Пожарный, его кожа покрыта «чешуей», он контролирует горение своего тела и использует это для защиты других больных. В эти отчаянные времена медсестра Харпер Грейсон должна раскрыть тайны Пожарного, прежде чем обратится в пепел.

Впервые на русском языке!

- [Джо Хилл](#)
 -
 - [Источники вдохновения](#)
 - [Пролог](#)
 - [Книга первая](#)
 - [Апрель](#)
 - [Май – Июнь](#)
 - [Июль](#)
 - [Август](#)
 - [Сентябрь](#)
 - [Октябрь](#)
 - [Книга вторая](#)
 -
 - [Ноябрь](#)
 - [Декабрь](#)
 - [Книга третья](#)
 - [Январь](#)
 - [Книга четвертая](#)
 - [Книга пятая](#)
 - [Книга шестая](#)

- [Февраль](#)
 - [Книга седьмая](#)
 - [Март](#)
 - [Книга восьмая](#)
 - [Книга девятая](#)
 - [Роды](#)
 - [Авторские права](#)
 - [Кода](#)
 - [Благодарность](#)
 - [Об авторе](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
-

Джо Хилл Пожарный

*Итану Джону Кингу, который пылает ярко.
Папа любит тебя.*

Outside the street's on fire in a real death waltz...

—“Jungleland”, Bruce Springsteen

*Though I spends me time in the ashes and smoke In
this 'ole wide world there's no 'appier bloke.*

—“Chim Chim Cher-ee”, Robert and Richard
Sherman^[1]

Жечь было наслаждением

«451 градус по Фаренгейту». Рэй Брэдбери

Источники вдохновения

Дж. К. Роулинг, чьи романы подсказали мне, как писать эту книгу;

П. Л. Трэверс, у которой нашлось нужное мне лекарство;

Джули Эндрюс, которая поднесла ложку сахара, чтобы это лекарство проглотить;

Рэй Брэдбери, у которого я украл заглавие;

мой отец, у которого я украл все остальное,

и моя мать, которая разъяснила мне всю микологию (и мифологию), необходимые для моего романа.

Хотя *Draco incendia trichophyton* – выдумка, мама может подтвердить, что все характеристики вымышленного грибка действительно встречаются в природе.

Пролог

Сгоревший

Харпер Грейсон, как и все, много раз глядела на горящих людей по телевизору, но впервые увидела вспыхнувшего воочию на игровой площадке за школой.

В Бостоне и в других районах Массачусетса школы уже позакрывались, но здесь, в Нью-Гемпшире, еще работали. Инциденты случались, но нечасто. Харпер слышала, что в охраняемом отделении больницы Конкорда – столицы штата – содержались полдюжины пациентов; а присматривали за ними медики в полном защитном снаряжении, и каждая медсестра была вооружена огнетушителем.

Харпер прижимала холодный компресс к щеке первоклассника Реймонда Блая, который получил по лицу бадминтонной ракеткой. Такое случалось пару раз каждую весну, когда тренер Кейлор расчехлял ракетки. И, конечно, он говорил детишкам, что надо перетерпеть, даже если они выплевывали в ладошку собственные зубы. Очень бы хотелось однажды увидеть, как он получит ракеткой по яйцам – просто чтобы сказать ему «потерпи».

Реймонд не плакал, когда пришел, но, взглянув на себя в зеркало, совершенно расклеился; подбородок дрогнул, лицо перекосила горестная гримаса. Глаз пошел черным и лиловым и почти совсем заплыл – Харпер понимала, что отражение в зеркале для мальчика страшнее боли.

Чтобы успокоить его, пришлось вскрыть тайник с конфетами. Этот тайник представлял собой потрепанную коробку для завтраков с нарисованной Мэри Поппинс. Там хранились несколько дюжин шоколадных батончиков. Еще в коробке лежали большая редиска и картофелина – на случай крайней необходимости.

Харпер заглянула в коробку, пока Реймонд прижимал компресс к щеке.

– Хм, – сказала она. – Кажется, тут оставался еще один «Твикс», и сейчас он как раз пригодится.

– Это мне? – спросил сдавленным голосом Реймонд.

– Тебе кое-что получше. У меня есть большая вкусная редиска, и если ты будешь *очень* хорошо себя вести, то получишь ее, а я съем «Твикс». – Она показала ему содержимое коробки, чтобы он рассмотрел редиску.

– Э... я не хочу редиску.

– А большую, сладкую, вкусную картофелину? Сорт «Золото Юкона».

– Э... а давайте на руках поборемся за «Твикс». Я даже отца могу побороть.

Харпер просвистела три такта из «Моих любимых вещей», притворяясь, что раздумывает. Она любила насвистывать мелодии из киномузиков 1960-х и втайне мечтала петь хором с синими сойками и дерзкими малиновками.

– Не стоит тебе связываться со мной, Реймонд Блай. Я в хорошей форме.

Продолжая изображать задумчивость, она выглянула в окно – и вот тогда-то и заметила мужчину на игровой площадке.

Со своего места она хорошо видела дорожку – несколько сот футов бетона, – кое-где расчерченную для игры в классики. Дальше тянулась отлично оборудованная игровая площадка: качели, горки, скалолазная стена и ряд стальных труб, по которым дети стучали, наигрывая мелодии (сама Харпер называла этот инструмент «Ксилофон проклятых»).

Шел первый урок, и детей на площадке не было; единственные полчаса в день, когда перед окном медкабинета не мельтешит стая кричащих, визжащих, хохочущих, дерущихся детей. Он был один – этот мужчина в мешковатой зеленой армейской куртке и свободных коричневых рабочих штанах; лицо скрывала тень от козырька грязной бейсболки. Выйдя из-за угла здания, мужчина по диагонали пересек асфальтовую дорожку, словно не мог идти прямо. Сначала Харпер приняла его за пьяного. Потом заметила дым, вырывающийся из рукавов. Чистый белый дымок тянулся от куртки, вился вокруг рук, полз из-под воротника в длинные каштановые волосы.

Человек шагнул с края дорожки на землю. Сделав еще три шага, он уцепился за ступеньку лестницы, ведущей на конструкцию для лазания. Даже издали Харпер разглядела на тыльной стороне его

ладони темную полосу вроде татуировки с золотыми пятнышками. Точки блеснули, как пылинки в ослепительных солнечных лучах.

Она читала в газетах отчеты о подобных случаях, но теперь не сразу сообразила, что именно она видит. Конфеты из коробки с Мэри Поппинс посыпались на пол. Харпер не слышала стук, с которым они падали, не понимала, что криво держит коробку, роняя крохотные батончики и «поцелуйчики Херши». Реймонд проводил взглядом картофелину, которая сочно стукнулась об пол и откатилась под шкафчик.

Мужчина, шагавший пьяной походкой, начал заваливаться. Потом судорожно выгнул спину, голова запрокинулась, и пламя лизнуло рубашку на груди. Харпер успела увидеть худое, перекошенное лицо – и голова превратилась в факел. Человек хлопнул по груди левой рукой, а правая все еще держалась за деревянную лестницу. Рука горела, обугливая сосну. Голова запрокидывалась все дальше – рот распахнулся в крике, но из него вырвался дым.

Реймонд, заметив выражение лица Харпер, начал поворачиваться лицом к окну. Харпер, отпустив коробку, потянулась к мальчику. Взяв в одну руку холодный компресс, вторую она положила на затылок Реймонду, с силой отвернув его лицо от окна.

– Не смотри, милый, – сказала она, поразившись собственному спокойствию.

– Что это было? – спросил он.

Харпер отпустила мальчика и потянулась к шнуру, чтобы закрыть жалюзи. Горящий человек на площадке уже стоял на коленях. Он опустил голову, как паломник в Мекке. Пламя охватило его, жирный дым от бесформенной массы поднимался в светлое, прохладное апрельское небо.

С металлическим стуком упали жалюзи, закрыв всю сцену, – только в щели лихорадочно прорывались безумные вспышки золотого света.

Книга первая
Беременность

Она покинула школу только через час после того, как отправился домой последний ребенок, но все равно непривычно рано. Как правило, в будни ей приходилось дежурить в школе до пяти, потому что около пятидесяти школьников оставались на продленке, пока родители на работе. А сегодня к трем часам ушли все.

Выключив свет в медицинском кабинете, она стояла у окна и глядела на игровую площадку. У конструкции для лазания осталось черное пятно – там пожарные смывали водой из шланга все, что не удалось соскрести. У Харпер возникло предчувствие, что больше она не вернется в свой кабинет и не выглянет из этого окна, и предчувствие оказалось верным. В тот вечер были закрыты школы по всему штату – с уверениями, что они вновь откроются, как только закончится кризис. Вот только кризис не закончился.

Харпер рассчитывала, что дома никого не будет, но обнаружила, что Джейкоб уже там. Телевизор он включил, но убрал звук, и говорил с кем-то по телефону. По его голосу – ровному, спокойному, почти ленивому – нипочем нельзя было догадаться, что он взволнован. Нужно видеть, как он мечется по комнате, чтобы понять, что он на взводе.

– Нет, не своими глазами. Джонни Дипено на спецгрузовике спихивал обломки с дороги – он прислал нам фото с мобильного. Такое впечатление, что внутри бомба взорвалась. Как теракт, как... погоди. Харп пришла. – Муж прижал трубку к груди.

– Круглым путем добиралась? Понятно, что не через центр. Перекрыты все дороги от Северной Церкви до библиотеки. И повсюду полицейские и национальная гвардия. Автобус загорелся после взрыва и врезался в телефонный столб. Он был набит китайцами, зараженными этой хренью, этой чертовой драконьей чешуей. – Он длинно, нервно выдохнул и помотал головой – словно возмущенный наглостью некоторых, позволяющих себе загораться посреди

Портсмута в такой прекрасный день, – и отвернулся от жены, снова приложив телефон к уху. – Она в порядке. Даже не слышала ничего. Она дома, и нам предстоит нешуточный скандал, если она вообразила, что я еще раз отпущу ее на работу.

Харпер присела на край дивана и уставилась на экран телевизора. Передавали местные новости. Шли фрагменты вчерашней игры «Селтикс» – как ни в чем не бывало. Айзейя Томас поднялся на цыпочки, отклонился назад и бросил мяч в кольцо почти с середины поля. Никто еще не знал, что к концу следующей недели баскетбольный сезон прервется. К лету половина игроков «Селтикс» будет мертва – от возгорания или от самоубийства.

Джейкоб в веревочных сандалиях расхаживал по комнате.

– Что? Нет. Никто не выжил, – сказал он в трубку. – И хоть это и грубо, но я в каком-то смысле рад. Не будут разносить заразу. – Он послушал, неожиданно расхохотался и ответил: – Кто заказывал горящую тарелку *пуу*, ага?

Вышагивая по комнате, Джейкоб добрался до книжной полки и пошел обратно. Развернувшись, он снова зацепил взглядом Харпер и только тогда заметил выражение ее лица, от которого застыл на месте.

– Эй, миладевичка, да ты в порядке? – спросил он.

Харпер уставилась на него. И что ответить? Вопрос оказался на удивление сложным, ведь сначала надо было разобраться в себе.

– Алло, Дэнни. Мне пора. Я должен посидеть минутку с Харпер. Правильно, что решил забрать детей. – Он помолчал и добавил: – Да, ладно. Я пришлю вам с Клаудией фотки, но запомни – вы их от меня не получали. Люблю вас.

Он нажал на «отбой», положил телефон и посмотрел на жену.

– Что случилось? Почему ты дома?

– За школой был человек... – сказала Харпер и тут что-то, словно клин, застряло в горле.

Джейкоб сел рядом и погладил ее по спине.

– Тише, – сказал он. – Все в порядке.

Спазм в горле прошел, голос вернулся, и Харпер смогла начать заново.

– Он шел по игровой площадке и шатался, как пьяный. Потом упал и загорелся. Вспыхнул как соломенный. На глазах у половины

учеников. Игровую площадку видно почти изо всех окон. Потом весь день я успокаивала потрясенных детей.

– Что ж ты сразу не сказала. Надо было оторвать меня от телефона.

Харпер повернулась к мужу и уткнулась лицом ему в грудь; он обнял ее за плечи липкими от пота руками.

– В спортзале скопилось сорок детей, несколько учителей и директор, и некоторые плакали, некоторых трясло, а некоторых тошнило, а мне казалось, что и со мной сейчас начнется и одно, и другое, и третье.

– Но не началось.

– Нет. Я раздавала пакетики с соком. К вашим услугам самое современное лечение!

– Ты сделала что могла, – сказал он. – У тебя была толпа детей, переживших самое страшное происшествие в жизни. Ты ведь понимаешь это? Они никогда не забудут, как ты ухаживала за ними. А ты все сделала правильно, и все закончилось, и ты со мной.

Потихоньку Харпер успокоилась и затихла в его руках, вдыхая знакомый запах – сандаловый одеколон и кофе.

– Когда это случилось? – Он отстранился, пристально глядя на нее светло-кариими глазами.

– Во время первого урока.

– Уже три. Ты обедала?

– Не-а.

– Голова кружится?

– Ага.

– Давай тебя покормим. Не знаю, что у нас в холодильнике. Можно заказать что-нибудь.

«Кто заказывал горящую тарелку *пупу*?» – вспомнилось некстати, и комната качнулась, как палуба корабля. Харпер ухватилась за спинку дивана.

– Водички бы, – сказала она.

– Может, вина?

– Это даже лучше.

Джейкоб поднялся и подошел к винному кулеру на шесть бутылок. Он придирчиво выбирал бутылку – какое вино подают к смертельной инфекции?

– Я думал, эта штука есть только в странах с таким загрязнением, что дышать невозможно, где реки превратились в открытую канализацию. Китай. Россия. Бывшая коммунистическая республика Говностан.

– Рэйчел Мэддоу сообщила, что уже зафиксирована сотня случаев в Детройте. Вчера вечером была передача.

– Вот я и говорю: только в загаженных местах, куда никто не сунется – типа Чернобыля или Детройта. – Хлопнула пробка. – И не понимаю, какого черта заразные лезут в автобус. Или самолет.

– Может, не хотят, чтобы их отправили в карантин. Для многих одна только мысль, что их оторвут от любимых, страшнее болезни. Никто не хочет умирать в одиночестве.

– Ну да, конечно. Зачем умирать в одиночестве, когда можно найти компанию? Лучший способ признаться в любви – заразить ужасной гребаной болезнью родных и близких. – Джейкоб принес бокал золотистого вина – словно чашу чистого солнечного света. – Если бы я заболел, я бы лучше умер, чем заразил тебя. Подверг тебя опасности. Мне кажется, легче умирать, зная, что тем самым спасаешь других. Верх безответственности – разгуливать с такой штукой. – Он вручил бокал Харпер, погладив при этом ее палец. Прикосновение вышло нежным, *понимающим*; это у Джейкоба получалось великолепно – он чувствовал, когда нужно убрать прядь ее волос за ухо или ласково пригладить пушок на затылке. – А эта дрянь легко передается? Как грибок на ногах? То есть если мыть руки и не ходить босиком по спорт-залу, то не заразишься? Эй. Эй! Ты не подходила близко к мертвецу?

– Нет. – Харпер не стала совать в бокал нос, чтобы ощутить букет французского вина, как учил Джейкоб когда-то – ей было двадцать три, и она, наивная, пьянела от него больше, чем от вина. Харпер прикончила совињонблан в два глотка.

Джейкоб со вздохом сел рядом и закрыл глаза.

– Хорошо. Это хорошо. Тебя ужасно тянет заботиться о людях, Харпер, и это замечательно в обычных условиях, но иногда девушке следует...

Она не слушала. Она застыла, подавшись вперед, чтобы поставить пустой бокал на кофейный столик. На экране телевизора эпизоды хоккейного матча сменились изображением одетого в серый костюм

пожилого диктора; его голубые глаза были спрятаны за бифокальными очками. Внизу экрана возникла надпись: «СРОЧНО. ПОЖАР НА КОСМИЧЕСКОЙ ИГЛЕ».

– ...отправляемся в Сиэтл, – говорил ведущий. – Учтите, кадры излишне натуралистичны. Уберите детей от телевизора.

Не успел он договорить, как на экране появилась снятая с вертолета панорама «Космической иглы», пронзающей яркое, холодное, голубое небо. Черный дым клубился внутри и вырывался из окон; дыма было столько, что в нем терялись кружащиеся рядом вертолеты.

– О господи, – сказал Джейкоб.

Из открытого окна выпрыгнул человек в белой рубашке и черных брюках. Его волосы охватил огонь. Мужчина размахивал руками. Через несколько мгновений за ним последовала женщина в темной юбке. Она прыгнула и прижала руки к бокам, словно не хотела, чтобы юбка задралась и было видно нижнее белье.

Джейкоб взял Харпер за руку. Их пальцы переплелись.

– Что за хрень творится, Харпер? – спросил он. – Что это за хрень?

Телеканал *FOX* сообщил, что «дракона» запустила запрещенная террористическая группировка ИГИЛ, используя споры бактерий, выведенных русскими в 1980-х. По *MSNBC* заявили, что, как полагают некоторые источники, «чешую», возможно, создали инженеры компании «Халлибертон» и похитили приверженцы христианского культа, повернутые на Книге Откровения. *CNN* повторил обе версии.

В мае и июне по всем каналам шли дискуссии и «круглые столы» – вперемежку с прямыми репортажами с мест пожаров.

А потом Гленн Бек сторел прямо в эфире своей транслируемой через Интернет программы, прямо у доски, вспыхнул так жарко, что очки приварились к лицу. И после этого случая в новостях больше говорили не о том, кто запустил заразу, а о том, как ее не подхватить.

Бучу устроил пожарный.

– Сэр, – сказала медсестра. – Сэр, нельзя лезть вперед всех. Соблюдайте очередь.

Пожарный посмотрел через плечо на очередь, протянувшуюся по холлу и уходящую за угол. Потом снова повернулся. Это был мужчина с запачканным лицом, в желтой прорезиненной куртке, как у всех пожарных, а на руках он держал ребенка – мальчика, обхватившего его за шею.

– Мне не регистрироваться. Мне его отдать, – сказал он с таким акцентом, что люди в очереди обернулись. Никто не ожидал, что нью-гемпширский пожарный заговорит, как лондонец. – И я пришел по другому поводу. Не из-за грибка. Этому мальчику нужен доктор. И сейчас же, а не через два часа. Случай *экстренный*. Не понимаю, почему в вашем так называемом кабинете экстренной помощи никто не хочет этого понять.

Харпер шла вдоль очереди, раздавая малышам леденцы и бумажные стаканчики с яблочным соком. А еще в одном кармане лежала редиска, в другом – картофелина, для самых несчастных детей.

Английский акцент отвлек ее и взбодрил. В английском акценте ей чудились шумящие чайники, школы магии и волшебства и дедуктивный метод. Она понимала, что заблуждается, но тут уж была вовсе не виновата. Несомненно, сами англичане были ответственны за ее чувства. Целый век неутомимо рекламировали своих детективов, волшебников и чудесных нянь, так получите, что хотели.

Ей нужно было взбодриться. Все утро пришлось расфасовывать обугленные трупы в пластиковые мешки; черная, высохшая плоть, еще теплая на ощупь, дымилась. Запас мешков иссякал, и пришлось положить в один мешок двоих мертвых детей – впрочем, это оказалось несложно. Они погибли в пожаре, обняв друг друга, и спеклись

воедино, в запутанную колыбель для кошки из черных костей. Получилось похоже на металлическую статуэтку Смерти.

Харпер не была дома с последней недели июня и проводила по восемнадцать часов в сутки в резиновом костюме полной защиты – их разработали для борьбы с эболой. Тесные перчатки – приходилось смазывать руки вазелином, чтобы надеть их. Харпер пахла, как презерватив. Собственный запах – резины и смазки – напоминал ей неловкие свидания в общежитии колледжа.

Харпер прошла к началу очереди, оказавшись у Пожарного за спиной. Это она должна была успокаивать людей в очереди, а не медсестра Лин, и Харпер не хотела портить с медсестрой отношения. Три недели Харпер отработала в Портсмутской больнице, под началом Лин, и немного побаивалась ее. Как и все медсестры-волонтеры.

– Сэр, – сказала медсестра Лин, теряя терпение. – У каждого в этой очереди экстренный случай. И экстренные случаи тянутся до самых дверей. Но мы всех принимаем по порядку.

Пожарный, обернувшись, уставился на очередь. Сто тридцать один посетитель (Харпер сосчитала), все ослабевшие и помеченные драконьей чешуей, и все сердито на него посмотрели.

– Их экстренные случаи могут подождать. А этот мальчик не может. – Он снова повернулся лицом к медсестре Лин: – Давайте-ка по-другому.

Его правая рука висела вдоль тела. Под мышкой он держал ржавый пожарный лом – *хулиган*, с крюками, зубцами и лезвием топора. Мужчина разжал ладонь и позволил лому показаться в полную длину, так что нижний конец почти уперся в грязный линолеум. Пожарный качнул хулиганом, но не стал его поднимать.

– Или вы меня пропустите, или я начну этим хулиганом крушить все вокруг. Сначала окно, потом займусь компьютером. Зовите доктора и дайте пройти. Я не буду ждать, пока девятилетний мальчик умирает у меня на руках.

Элберт Холмс, выйдя из двойных дверей карантинного отделения, неторопливо прошел по холлу. Он, как все, носил полный костюм против эболы. Единственное, что отличало его от остального персонала, – вместо резинового капюшона на нем был шлем спецназовца с опущенным прозрачным забралом. Поверх костюма Эл

носил пояс, со значком охранника и полицейской рацией с одной стороны и тефлоновой дубинкой – с другой.

Харпер и Эл подошли одновременно с двух сторон.

– Давайте успокоимся, – сказал Эл. – Приятель, сюда нельзя с этой – как она называется? С хулиганской штукой. Пожарные должны оставлять инвентарь снаружи.

– Сэр, идemте со мной, и я с радостью поговорю с вами о жалобах вашего сына, – сказала Харпер.

– Это не мой сын, – сказал Пожарный. – А я – не истеричный отец. Я просто человек со смертельно больным ребенком и тяжелым железным ломом. Или берете одного, или получите второй. Вы хотите поговорить со мной? Где? За этими дверями, где врачи, или в хвосте очереди?

Харпер смотрела ему в глаза, *уговаривая* вести себя хорошо, обещала ему взглядом, что взамен будет добра к нему, выслушает, проявит к нему и его мальчику тепло, участие и терпение. Объясняла ему, что пытается защитить его, потому что если он не успокоится, то в итоге будет лежать лицом в пол с перцовым спреем в глазах и сапогом на шее. Харпер работала в штате меньше месяца, но уже насмотрелась на то, как охрана утихомиривает нарушителей.

– Идемте. Я дам мальчику лимонное мороженое, а вы расскажете, что с ним не так...

– ...в конце очереди. Так я и думал. – Мужчина отвернулся и шагнул к двойным дверям.

Медсестра Лин не ушла с его пути. И выглядела она внушительнее, чем даже Элберт Холмс. Она была крупнее, с необъятными грудью и животом, и напоминала непробиваемого футбольного защитника.

– Сэр, – сказала медсестра Лин. – Если вы сделаете еще хоть шаг, вечером нам придется лечить ваши многочисленные синяки и шибы. – Она обвела испепеляющим взглядом бледных глаз очередь. И заявила уже для всех: – *В этой очереди будет порядок.* Или по-хорошему, или по-плохому, но *порядок будет.* Это всем понятно?

Вдоль очереди прокатился смущенный согласный гул.

– Позвольте. – По вискам Пожарного катились капельки пота. – Вы не понимаете. Этот мальчик...

– Что у него за беда? Кроме той беды, что и у всех остальных? – спросила медсестра Лин.

Мальчик был, пожалуй, самым симпатичным ребенком, какого приходилось видеть Харпер. Темные кудряшки вились над чистыми глазами – бледно-зелеными, как пустая бутылка из-под кока-колы. Шорты позволяли разглядеть отметины на обратной стороне голеней: черные, изогнутые полосы, похожие на изысканные татуировки.

Ровным голосом сестра Лин добавила:

– Если вы не заражены, вам не стоило брать его на руки. Вы заражены?

– Разговор не обо мне, – отрезал Пожарный. Только гораздо позже Харпер поняла, что он изящно уклонился от ответа. – Он ко мне не прикасается.

Это была правда. Мальчик на руках у мужчины отвернул лицо и прижался щекой к форменной куртке. И все равно: если Пожарный не болен, то бесстрашен до глупости или просто глуп.

– Так что с ним?

– Живот, – сказал Пожарный. – У него что-то с животом. Он просто еле терпит...

– Здесь очень жарко, – сказала сестра Лин. – Наверняка не у него одного болит живот. Становитесь в конец очереди, и...

– Нет. *Нет. Пожалуйста.* Этот мальчик потерял маму. Она была в доме, который обрушился несколько дней назад.

У сестры Лин поникли плечи, и на мгновение в ее глазах появилось угрюмое сочувствие. В первый и единственный раз она посмотрела не на Пожарного, а на свернувшегося у него на руках мальчика.

– Дерьмо. Слушай, малыш, это просто дерьмо. – Если мальчик и слышал, то не подал виду.

Сестра Лин взглянула на Пожарного с прежней решительностью.

– Ну понятно, тут у любого живот заболит.

– Минутку. Я не договорил. Дом рухнул и убил женщину, а он находился там же, в доме...

– Опытные консультанты готовы поговорить с мальчиком о том, что случилось, и, может быть, дадут что-нибудь шипучее и сладкое от диспепсии.

– Диспепсии? Вы меня слушаете? Ему не нужны ни кока-кола, ни улыбка, ему нужен *врач*.

– Врач будет, когда подойдет очередь.

– Я подобрал его час назад, и он визжал. Это похоже на диспепсию, бесчувственная ты тварь?

– Эй, – вмешался Элберт Холмс. – Давайте не будем...

Лицо сестры Лин густо покраснело. Она расставила руки в стороны и стала похожа на ребенка, изображающего самолет.

– Или ты пойдешь с этим мальчиком в конец очереди, или отправишься в неотложку с ломом в своей тощей английской заднице! Понял?

Если бы медсестра Лин так заорала на Харпер, та ударилась бы в слезы. Это была настоящая буря. Дети в очереди, заткнув уши, прижались к матерям.

Англичанин не испугался. Он расвирипел. Краем сознания Харпер отметила, что и мальчик даже не вздрогнул. Он только рассеянно глядел на Харпер сонными и влажными глазами. Она решила, что он ошалел от жары, но позже выяснилось, что дело не в этом.

Харпер попробовала еще раз:

– Сэр, я уверена, что сумею помочь вам. Давайте обсудим симптомы мальчика в конце очереди, и если нужен немедленный осмотр, я приведу доктора. Если у ребенка боли в животе, не нужно пугать его криками. Давайте пройдем с ним в холл. Пожалуйста. Вы и я... что скажете?

Весь гнев мгновенно стерся с его лица, и Пожарный посмотрел на нее с усталой улыбкой. Да, мальчик потерял мать, но теперь Харпер впервые увидела, что и сам Пожарный хлебнул горя. Это читалось по глазам – его взгляд говорил о потере.

– Тоже фанатеете от «Дайр стрейтс»? Такая юная? Вы, наверное, еще кубики грызли, когда они выпустили последний хит.

– Я не понимаю, – сказала Харпер.

– «Ты и я... Что скажешь»? «Дайр стрейтс»? Ну? – Он поднял голову и с любопытством уставился на Харпер.

Она не знала, что сказать – не понимала, о чем он. Он еще немного посмотрел на нее, потом сдался. Ласково обхватил мальчика и

очень осторожно поставил его на ноги – как хрупкую вазу, наполненную водой до краев.

– Его зовут Ник. Вы отведете Ника в конец очереди? – спросил Пожарный. – А я тут продолжу разговор.

– Думаю, лучше вам *обоим* пойти со мной, – сказала она Пожарному, но взяла мальчика за руку. Ее резиновая перчатка тихо скрипнула.

Было видно, что мальчик нездоров. Лицо побледнело под веснушками, и ноги плохо слушались. А еще Харпер ощущала нехороший жар в его мягких, по-детски пухлых пальчиках. Но лихорадка бывает у многих зараженных, и сами споры теплее человеческого тела на два-три градуса. Однако ребенок, едва оказавшись на полу, согнулся пополам с гримасой боли.

Пожарный присел перед ребенком на корточки, прислонив хулиган к плечу. Потом сделал странную вещь: сжал кулаки, показал мальчику и погладил ими воздух, словно изображая роющую собаку. Мальчик скорчил гримасу и издал странный звук – такого Харпер никогда прежде не слышала от больного ребенка; так пищит резиновая игрушка.

Пожарный повернул голову к Харпер, но прежде, чем он успел сказать хоть слово, Элберт Холмс ухватился за лом.

– Какого черта? – рассердился Пожарный.

– Сэр, отпустите оружие.

Пожарный потянул хулиган на себя. Эл потянул сильнее, выведя противника из равновесия и обхватив рукой за шею. Подошвы Пожарного, пытавшегося найти опору, с визгом заскользили по плиткам.

Харпер наблюдала за поединком, словно за разгоняющейся каруселью. Она прокручивала в голове только что виденное – не только жест Пожарного, но и то, как мальчик словно пытался справиться с неподъемным грузом.

– Ты глухой, – сказала Харпер мальчику – вернее, самой себе. Потому что мальчик действительно был глухой.

На сестринских курсах им показывали американский язык жестов – всего один день, – и она не помнила ничего. По крайней мере, думала, что не помнит. Но внезапно поняла, что тычет себе в ребра и

вертит пальцами, как будто ввинчивая что-то в бока. Потом погладила живот. «Здесь болит?»

Ник неуверенно кивнул. Но стоило ей положить сложенные лодочкой ладони ему на живот, как мальчик отступил и неистово замотал головой.

– Все хорошо, – Харпер говорила медленно и отчетливо – вдруг он умеет читать по губам. Она когда-то слышала – может, в тот самый день на курсах, – что читающие по губам в лучшем случае понимают примерно 70 процентов того, что видят, а большинству глухих далеко и до этого. – Я аккуратно.

Харпер снова потянулась ощупать живот мальчика, и он снова закрылся, отступив; на верхней губе у него выступил пот. Мальчик тихонько заскулил. И она поняла. Сомнений не осталось.

Эл пережал рукой горло Пожарному, не давая вдохнуть. Этот удушающий прием пару лет назад лишил жизни темнокожего Эрика Гарнера в Нью-Йорке, но все еще не вышел из моды. Второй рукой Эл тянул вниз хулиган, прижимая его к груди Пожарного.

Если бы Харпер была в состоянии задуматься, ее, наверное, удивила бы реакция Пожарного. Он не отпускал хулиган, но и не пытался вырваться из захвата Элберта. Вместо этого он вцепился зубами в пальцы черной перчатки на своей левой руке, пытаясь ее стянуть. И тут Харпер заговорила чистым, звенящим голосом, от которого дерущиеся замерли.

– Медсестра Лин! Нужна каталка – отвезти мальчика на компьютерную томографию. И готовиться к полостной операции. Кто-нибудь в педиатрии может помочь?

Сестра Лин посмотрела поверх головы Пожарного пустым взглядом; ее лицо ничего не выражало.

– Как вас зовут? Вы из новеньких?

– Да, мэм. Я приехала три недели назад. Когда объявили набор добровольцев. Харпер. Харпер Грейсон.

– Сестра Грейсон, сейчас не место и не время...

– Время. У него или лопнул, или вот-вот лопнет аппендикс. И еще: кто-нибудь из сестер знает язык жестов? Мальчик не слышит.

Пожарный уставился на нее. Эл тоже, раскрыв рот, глядел на Харпер через плечо противника. Он уже отпустил Пожарного, и теперь тот снова мог дышать. Пожарный больше не пытался стянуть перчатку

– он тер горло левой рукой – и смотрел на Харпер с благодарностью и облегчением.

Сестра Лин снова покраснела, но, похоже, встревожилась.

– Нельзя ставить такой диагноз без томографии.

– Я вообще не могу ставить диагноз, – сказала Харпер. – Но я... я уверена. Я работала школьной медсестрой, и подобный случай был у меня в прошлом году. Видите, как он прикрывает живот? – Она взглянула на Пожарного, пытаясь вспомнить, что он говорил. – Вы сказали, рухнул дом, и мальчик находился «прямо там». Значит, он был внутри, с матерью, когда дом рухнул?

– Да. Именно это я и пытался объяснить. Мать погибла. А мальчика зажал обломками. Мы вытащили его, и он с виду был цел – немного помят, но ничего серьезного. Он не ел и не разговаривал с людьми, но мы списали это на шок. А сегодня утром он сильно вспотел и не мог даже сесть без боли.

– Удар в живот мог повредить аппендикс. Когда он последний раз ходил по-большому?

– Я не особо слежу, как дети какают. Но могу спросить, если этот джентльмен меня отпустит.

Харпер посмотрела на Элберта, который озадаченно застыл с приоткрытым ртом.

– Хорошо, – сказала она строгим голосом. – Отпустите его. Мигом. – «Мигом» – так говорила Мэри Поппинс, и Харпер с детства, когда хотелось ругнуться, пользовалась фразочками Джули Эндрюс из фильма. Так она обретала железобетонную уверенность и на время становилась самым совершенством.

– Простите, мэм, – пробормотал Эл. Он не только убрал руку от горла Пожарного, но и помог ему подняться.

– Мне повезло, что вы меня отпустили, – безо всякого гнева или недовольства сказал Пожарный. – Еще минута – и я стал бы не сопровождающим, а пациентом.

Пожарный присел на корточки перед мальчиком, но сначала наградил Харпер еще одной улыбкой.

– Вы молодец. Вы мне понравились. Мигом! – Он произнес это как высшую похвалу.

Он повернулся к Нику, который вытирал слезы большим пальцем. Пожарный показал несколько быстрых жестов: сжатые кулаки,

вытянутый палец, плотно сжатая ладонь, а вторая отлетает прочь с растопыренными пальцами. Он напоминал человека, балующегося с ножом-бабочкой, или музыканта, играющего на фантастическом невидимом инструменте.

Ник сложил вместе три пальца, как будто поймал в воздухе муху. Это Харпер поняла. Многие поняли бы. *Нет.* Дальше она не понимала – так быстро двигались его руки и лицо.

– Он говорит, что не может сходить в туалет. Он пробовал, но ему больно. Он не ходил по-большому с самой катастрофы.

Сестра Лин тяжело выдохнула, словно хотела напомнить всем, кто тут главный.

– Ясно. Вашего сына осмотрят... *мигом.* Элберт, вызовите каталку.

– Я уже говорил – это не мой сын, – ответил Пожарный. – Я проходил кастинг, но спектакль отменили.

– Значит, вы не родственник? – уточнила медсестра Лин.

– Нет.

– Тогда я не могу пропустить вас с ним на осмотр. Я... мне очень жаль, – сказала сестра Лин. Ее голос звучал неуверенно, и впервые за день в нем послышалась усталость. – Только родственники.

– Ему будет страшно. Он не поймет вас. *А меня он понимает.* Он может говорить со *мною*.

– Мы найдем человека, который сможет с ним общаться, – сказала сестра Лин. – И потом. Войдя в эти двери, он окажется в карантине. Туда входят только те, у кого драконья чешуя, и те, кто тут работает. Я не могу делать никаких исключений, сэр. Вы говорили, его мать погибла. Другие родственники у него есть?

– У него... – Пожарный замолчал, нахмурился и покачал головой. – Нет. Никого не осталось. Никого, кто мог бы прийти к нему.

– Ясно. Спасибо вам – за то, что привезли его под наше попечение. Теперь мы им займемся. Все сделаем в лучшем виде.

– Можно еще секундочку? – попросил Пожарный и, обернувшись к Нику, который смаргивал слезы, отсалютовал, потом словно подоил невидимую корову и наконец показал на грудь мальчика. Ответ Ника не требовал перевода. Он прижался к Пожарному и позволил себя обнять: нежно-нежно.

– Лучше бы вы этого не делали, сэр, – сказала сестра Лин. – А то подхватите заразу.

Пожарный не отвечал – и не уходил, пока не распахнулись двойные двери и медсестра не вытолкнула в холл каталку.

– Я приду его навестить. – Пожарный поднял мальчика и осторожно уложил на каталку.

Сестра Лин ответила:

– Вы больше его не увидите. Пока он в карантине.

– Просто справлюсь о его здоровье в регистратуре, – сказал Пожарный. Он печально, но беззлобно поклонился Элберту и сестре Лин и повернулся к Харпер: – Я ваш должник. И это серьезно. В следующий раз, когда понадобится что-нибудь потушить, надеюсь, мне повезет принять вызов.

Через сорок минут мальчик уже лежал под наркозом, а доктор Кнаб, детский хирург, оперировал его, чтобы удалить воспаленный аппендикс размером с абрикос. Мальчик поправился через три дня. А на четвертый исчез.

Сестры из послеоперационной палаты уверяли, что за дверь он не выходил. Окно было распахнуто, и возникла версия, что мальчик выпрыгнул. Но эта версия казалась безумной – послеоперационная палата находилась на третьем этаже. Он сломал бы обе ноги.

– Может, кто-то подставил ему лестницу, – предположил Элберт Холмс, когда персонал, уплетая китайскую лапшу, обсуждал происшествие.

– Никакая лестница не достанет до третьего этажа, – обиженно возразила сестра Лин.

– Достанет. Если это лестница на пожарной машине. – Эл говорил с набитым ртом, дожевывая рогалик.

В душные, жаркие дни середины лета, когда «контролируемый кризис» превращался в бесконтрольную катастрофу, глухой мальчик был не единственным пациентом, пропавшим из Портсмутской больницы. Еще одна женщина из зараженных сумела покинуть ее в последние дни перед тем, как все пошло – и не метафорически, а буквально – прахом.

Целый месяц дул северный ветер, и побережье Нью-Гемпшира накрыла мрачная бурая дымка от лесных пожаров в Мэне. Штат Мэн пылал от канадской границы до Скаухигана – мили голубых елей и ароматных сосен. От гари некуда было деться, отвратительный запах горелой хвои проникал всюду.

Харпер засыпала, вдыхая этот запах, и каждую ночь ей снился один и тот же сон: они с братом, Коннором, сидят у костра на берегу и жарят хот-доги. Иногда сосиски на прутиках превращались в обгорелые головы. Харпер просыпалась с криком. Иногда ее будил чей-нибудь плач. Медсестры спали посменно, в приемном отделении, и всем снились кошмары.

В больнице инфицированные делились на две группы: «симптоматически нормальные» и «тлеющие». Тлеющие то и дело дымились, постоянно готовые вспыхнуть. Дым поднимался от их волос, шел из ноздрей; глаза слезились. Полоски на коже нагревались так, что могли расплавить резиновую перчатку. Больные оставляли следы гари на унитазах и кроватях. Они были опасны. И, понятное дело, тлеющие постоянно балансировали на грани истерики. Тут, конечно, возникала проблема курицы и яйца: они паниковали, потому что их тела дымились, или дымились, потому что мозг постоянно находился в состоянии паники? Харпер не знала. Знала только, что с этими людьми нужно быть осторожной. Они кусались и визжали. Строили хитроумные планы – как достать солнце с неба. Считали себя настоящими драконами и пытались вылететь в окно. Приходили к выводу, что врачи прикармливают и без того скудные запасы лекарств, и пытались захватить медработников в заложники. Создавали армии, конгрессы, религию; замыслили восстания, плели заговоры, плодили ереси.

А другие пациенты, хоть и отмеченные чешуей, в остальном оставались физически и эмоционально нормальными – до того момента, как вспыхнут. Они тосковали, не знали, куда деваться, и пытались верить, что кто-нибудь изобретет лекарство до того, как пробьет их час. Многие приехали в Портсмут, потому что уже ходили слухи, что остальные больницы просто переправляют больных в лагерь в Конкорде – оттуда несколько недель назад прогнали инспекцию Красного Креста, а у ворот там припаркован танк.

Все палаты в больнице были полны, но инфицированные продолжали прибывать. Кафетерий на первом этаже превратили в просторную спальню для самых здоровых. Там Харпер и познакомилась с Рене Гилмонтон – единственной черной в палате из двухсот пациентов. Рене говорила, что в Нью-Гемпшире легче встретить лося, чем черного. Она привыкла к тому, что на нее пялятся, как будто у нее голова в огне – люди много лет провожали ее взглядами.

Койки образовывали лабиринт по всему кафетерию, а Рене Гилмонтон оказалась в самом центре. Она уже была в больнице, когда Харпер устроилась туда работать – в конце июня; и превратилась в старожилу – оставалась тут дольше остальных пациентов с чешуей. Сорокалетняя пухленькая Рене носила очки, а в ее аккуратных брейдах-косичках посверкивала седина. И поселилась в больнице она не одна: принесла с собой мяту в горшочке, которую звала Дэниель, и фотографию кота, мистера Трюффо. Если других собеседников не находилось, она говорила с ними.

Впрочем, у Рене обычно не было недостатка в собеседниках. В прошлой жизни она профессионально занималась филантропией: устраивала еженедельный завтрак с блинами в местном сиротском приюте, обучала английскому уголовников в тюрьме штата, держала страшно убыточный независимый книжный магазин, где проводились поэтические вечера. От старых привычек трудно отказаться: вскоре после прибытия Рене организовала ежедневные чтения для самых маленьких детишек и читательский клуб для взрослых пациентов. У нее было с десяток чуть подпаленных экземпляров «Моста короля Людовика Святого» – они ходили по рукам.

– А почему «Мост короля Людовика Святого»? – спросила Харпер.

– Отчасти потому, что это книга о необъяснимых трагедиях, – ответила Рене. – А еще потому, что она короткая. Мне кажется, людям нужна книга, которую они наверняка успеют дочитать. Неохота начинать «Игру престолов», если в любой момент можешь вспыхнуть. Обидно погибнуть посреди хорошей истории, так и не узнав, чем все кончилось. Я, конечно, понимаю, что все и каждый в каком-то смысле умирают посреди хорошей истории. Своей собственной. Истории детей. Внуков. Смерть – нечестная уловка для подсевших на истории.

В кафетерии Рене прозвали миссис Асбест: ее не лихорадило, она не дымилась, а если кто-то вспыхивал, Рене бежала к нему и пыталась вытащить наружу, хотя все остальные кидались наутек. Вообще-то врачи запрещали приближаться к горящим, и Рене часто получала выговоры. Накопилось множество свидетельств того, что одного вида горящего человека бывает достаточно, чтобы воспламенился другой. Цепная реакция стала привычным делом в Портсмутской больнице.

Харпер понимала, что нельзя привязываться к пациентам. Иначе вообще невозможно выполнять эту работу день за днем. Если она хоть к кому-то будет слишком ласкова, ежедневные смерти разорвут ее изнутри. Лишат ее лучших качеств: наивности и детской игривости, и веры в то, что доброта к другим может что-то изменить.

Полный защитный костюм был не единственной броней Харпер на работе. Еще она укутывалась в прозрачное, профессиональное спокойствие. Иногда она представляла, что находится на полномасштабном тренажере, а забрало маски – экран виртуальной реальности. Еще помогало не запоминать имена пациентов и менять палаты, чтобы все время видеть разные лица.

И все же в конце смены ей приходилось на полчаса запирается в кабинке дамского туалета, чтобы выплакать боль. И не ей одной. Многие медсестры включали послесменный рев в список дел на день. В девять вечера дамский туалет в подвале превращался в набитую горем бетонную коробку, в склеп, по которому эхом разносились всхлипы и прерывистое дыхание.

Но в Рене Харпер влюбилась – и ничего не могла с этим поделать. Может быть, потому, что Рене позволяла себе все, о чем старалась даже не думать Харпер. Она звала каждого по имени и заводила дружбу со всеми. Сажала дымящихся детишек с инфекцией к себе на колени, когда читала им вслух. И Рене заботилась о медсестрах не меньше, чем сестры о ней.

– Вы никому не поможете, если будете валиться с ног от усталости, – сказала как-то она Харпер.

«Я и так не помогу, – хотела ответить Харпер. – Я никому не помогаю». Но вслух ничего не сказала. Получится жалоба, а перекладывать свои печали на того, для кого этот день может оказаться последним, – нечестно.

Но Рене дожила до следующего дня. И до следующего. И до того, что был после.

И она не пыталась скрыть драконью чешую перчатками, шарфами и длинными рукавами. Чешуя образовывала ожерелье прямо на горле – изящные петли, присыпанные золотом; на руках красовались браслеты до локтей. Рене покрывала ногти черным лаком с золотыми блестками – в тон.

– Могло быть и хуже, – говорила Рене. – Какая-нибудь болезнь с гнойниками или недержанием. Или когда плоть гниет и отваливается. В свином гриппе ничего сексуального нет. А эта зараза, на мой взгляд, очень сексуальна. По-моему, я стала похожа на тигрицу! Толстую, немодно одетую тигрицу. На чересчур располневшую Женщину-кошку.

– Кажется, у Женщины-кошки не было полосок, – сказала Харпер. Она присела на краешек койки Рене и кивнула на фотографию кота. – Кто теперь приглядывает за таким симпатичным парнем?

– Улица, – ответила Рене. – Я выпустила его, когда собиралась сюда.

– Жалко.

– Пожары выгнали из домов всех мышей. Я уверена, что Трюффо как мохнатый сыр в масле катается. Как думаете, они останутся, когда мы выйдем? Коты. Или мы заберем их с собой?

– Коты выживут, и мы тоже. – Харпер изо всех сил старалась говорить уверенно. – Мы умные. И найдем разгадку.

Рене тоскливо улыбнулась. Глаза ее смотрели весело и сочувственно. На шоколадных радужках поблескивали золотые крупинки – то ли от драконьей чешуи, то ли Рене родилась с такими.

– И кто сказал, что мы умные? – спросила она с веселым презрением. – Мы даже не умеем управлять огнем. Думали, что умеем, но оказалось, это он нами управляет.

И тут в углу комнаты завизжала девочка-подросток. Харпер оглянулась и увидела, как прибежавшие ординаторы набрасывают огнеупорные одеяла на девочку, которая пытается подняться с койки. Ее накрыли и придавили. Пламя выбивалось из-под одеял.

Рене, печально глядя на все это, сказала:

– А ведь она только начала «Клан пещерного медведя».

Харпер искала встречи с Рене каждый раз, когда дежурство выпадало на кафетерий. Хотелось поговорить о книгах. Это было

приятно: нормальная бесцельная утренняя болтовня, разговор, не имеющий никакого отношения к пылающему миру. Харпер сделала разговоры с Рене частью своего дня, прекрасно понимая, что совершает ошибку, что смерть этой женщины сломает что-то в ее душе. И что, оправившись от потери, Харпер станет жестче. А она не желала становиться жестче. Она хотела остаться прежней Харпер Грейсон, на глаза которой набегают слезы при виде пожилой четы, держащейся за руки.

Она знала, что Рене однажды уйдет; так и произошло. Харпер вкатила в кафетерий тележку с чистыми простынями и вдруг заметила, что на постели Рене лежит голый матрас; ее личные вещи тоже пропали. Вид пустой постели словно ударил под дых, и Харпер, отпустив каталку, повернулась и, с грохотом распахнув двойные двери, прошла мимо охранников и дальше по холлу. До женского туалета в подвале идти было слишком далеко. Харпер отвернулась к стене, уперлась в нее рукой и дала волю горю. Плечи заходили ходуном; она рыдала, рыдала и рыдала.

Охранник – это оказался Элберт Холмс – тронул ее за плечо.

– Мэм, – позвал он. – Господи, мэм, что случилось?

Сначала Харпер не могла вымолвить ни слова. Она пыталась вздохнуть, а тело сотрясалось. Нужно взять себя в руки. Она его напугала. Он всего лишь широкоплечий веснушчатый парнишка, всего пару лет назад игравший на школьном дворе в футбол, и вид женщины в слезах для него – перебор.

– Гилмонтон, – сказала наконец Харпер и закашлялась.

– А вы не знали? – с искренним изумлением спросил Элберт.

Харпер покачала головой.

– Она ушла, – объяснил Эл. – Просто прошла мимо утренних охранников.

Харпер тяжело дышала. Легкие болели, горло щекотали слезы. Зато теперь ей, похоже, хватит сил добраться до туалета, найти кабинку и уже там всерьез...

– Что? – спросила Харпер. – Что вы сказали?

– Упорхнула! – ответил Эл. – Просто ускользнула из больницы! Со своим цветком под мышкой.

– Рене Гилмонтон ушла? – переспросила Харпер. – Со своей мятой? И ее кто-то пропустил?

Эл посмотрел на нее широкими изумленными глазами.

– Вы посмотрите запись камеры. Она светилась! Как маяк! Посмотрите видео. Просто страх. В смысле, как в Библии пишут, – страх Господень. Дежурные так и драпанули – думали, она сейчас взорвется. Как живая ядерная бомба. Она и сама боялась, что взорвется, потому и бросилась наружу. Выбежала – и уж больше не возвращалась. Никто не знает, что с ней случилось. А она даже без обуви убежала!

Харпер хотелось сунуть руку под маску и стереть с лица слезы, но это было невозможно. Пришлось бы потратить почти полчаса. Чтобы снять защитный костюм, сначала нужно пять минут стоять под обеззараживающим душем. Харпер заморгала, чтобы согнать слезы.

– Это бессмысленно. Люди с драконьей чешуей не светятся.

– А она светилась, – сказал Эл. – Она читала что-то детишкам, перед завтраком, а девочка, что сидела у нее на коленях, вдруг как подскочит, потому что миссис Гилмонтон начала нагреваться. И тут люди закричали и бросились врассыпную. Она светилась, как гребаная рождественская елка – пардон за выражение, мэм. На видео у нее из глаз прямо лучи смерти вылетают! Она проскочила два поста охраны – это из карантина! А видок был – черт, тут кто хочешь под стол спрячется.

Через пять минут Харпер с четырьмя другими медсестрами уже смотрела видеозапись – в регистратуре в конце холла. Все в больнице смотрели ее. К концу смены Харпер видела запись раз десять.

Неподвижная камера показывала широкий коридор перед дверью кафетерия – пол из антисептической белой плитки. У двери стояли охранники – в защитных костюмах и спецназовских шлемах. Один, опершись о стену, не спеша проглядывал листы на планшете с зажимом. Другой, сидя на пластиковом стуле, подкидывал и ловил дубинку.

Дверь с грохотом распахнулась, и холл залился сиянием, как будто кто-то включил прожектор. В первый момент свет был так ярок, что словно стер черно-белое изображение, залив экран синеватым свечением. Потом сенсоры камеры наблюдения подстроились – немного. Рене осталась ярким призраком, колеблющимся сиянием в виде женской фигуры. Светящиеся завитки драконьей чешуи скрывали ее черты. Из глаз струился бело-голубой свет, который и в самом деле

напоминал лучи смерти из научно-фантастических фильмов пятидесятых годов. Под мышкой Рене держала горшочек с мятой.

Охранник, который подбрасывал дубинку, шарахнулся прочь от Рене. Дубинка огрела его по плечу, и он свалился со стула. Второй охранник отшвырнул планшет, как будто тот превратился в кобру. Каблуки скользнули по плиткам, и охранник сел на пол.

Рене посмотрела на одного, на другого, подняла руку, словно успокаивая, и поспешила прочь.

Элберт Холмс сообщил Харпер:

– Она сказала: «Мальчики, не обращайтесь на меня внимания. Я просто хочу взорваться снаружи, чтобы никого не ранить».

Доктор Райалл, местный патологоанатом, не впечатлился. Он читал об исключительных случаях – драконья чешуя достигала критической массы и по какой-то причине затухала, не приводя к немедленному возгоранию человека. Он объяснял всем, кто соглашался слушать, что останки Рене Гилмонтон найдутся на расстоянии не более ста шагов от больницы. Однако несколько санитаров, прочесав высокую траву за автостоянкой в поисках поджаренных костей, ничего не нашли. Не нашлось и следов ухода Рене, никаких опаленных веток или сорняков. Как будто она не взорвалась, а *испарилась*, вместе с мятой в горшочке.

Центр контроля заболеваний собирался прислать в августе инспекцию для проверки карантинных процедур, и доктор Райалл говорил, что покажет проверяющим запись инцидента с Гилмонтон. Он был убежден, что они подтвердят его версию.

Но инспекторам из Центра контроля заболеваний так и не довелось увидеть запись, поскольку к августу от Портсмутской больницы осталась одна обгорелая труба, а доктор Райалл был мертв, как и Элберт Холмс, и сестра Лин, и больше пяти сотен пациентов.

Харпер не знала, как долго она уже стоит, глядя на горящую Портсмутскую больницу. Густой черный дым вздымался вверх на тысячу футов, грозовой тучей заволакивая небо. Солнце, еле

пробивающееся через густой дым, превратилось в красную монетку. Кто-то из докторов спросил:

– Есть зефирки? – И засмеялся, но никто его не поддержал.

Электричество отрубилось минут через пять после того, как сигнализация подняла душераздирающий вой. Мигающие в темноте фонари дробили время на яркие застывшие полосы. Харпер пробиралась сквозь мерцающие тени, положив руки на плечи шедшей впереди медсестры, в шаркающей цепочке эвакуируемых. Воздух на первом этаже уже наполнился дымом и какой-то мелкой взвесью, но огонь пока бушевал где-то над головами. Сначала вой сирены очень пугал, но к тому времени, как Харпер выбралась на свет, звук уже наскучил – сорок пять минут она брела в толпе к выходу. Она не представляла себе масштабы беды, пока не вышла из здания и не обернулась.

Кто-то сказал, что выше второго этажа уцелевших нет. Еще кто-то сказал, что началось все с кафетерия: загорелся один пациент, потом другой, третий – как цепочка фейерверков, – и будто охранник в панике запер дверь, чтобы никто не выбежал наружу. Харпер так и не узнала, правда ли это.

Национальная гвардия появилась быстро, и военнослужащие оттеснили всех к дальнему концу автостоянки. Пожарный департамент Портсмута бросил на борьбу с огнем все силы, все шесть машин... хотя было понятно, что уже ничего нельзя поделать. Пламя рвалось из разбитых окон. Пожарные трудились под падающим черным пеплом с привычным профессиональным равнодушием, заливая громадную топку больницы мощными струями воды, которые, казалось, ничего не меняли.

У Харпер кружилась голова, как после сильного удара; она словно ждала от собственного тела отчета о повреждениях. От вида пламени и дыма она лишилась способности соображать.

В какой-то момент Харпер осознала странную вещь: один пожарный стоял с *ее стороны* заграждения, хотя ему полагалось быть у машин, среди своих собратьев по оружию. Впрочем, Харпер заметила его только потому, что пожарный смотрел на нее во все глаза. Он был в шлеме и грязно-желтой куртке, а в руке держал пожарный инструмент – длинный стальной лом с крючками и лезвием топора; этот человек показался Харпер знакомым. Крепкий долговязый

мужчина в очках, с резкими чертами лица, он смотрел на нее как будто с печалью, а хлопья пепла падали мягкими черными завитками. Пепел черными полосками испещрил ее руки, перьями застревал в волосах. Один завиток ткнулся в кончик носа, и Харпер чихнула.

Она попыталась вспомнить, откуда знает этого печального пожарного, и принялась исследовать свою память мягкими, осторожными движениями, как руку ребенка в поисках перелома. Ребенок, точно: их знакомство было как-то связано с его ребенком. Точнее, не совсем его... Глупость какая-то; нужно просто подойти и спросить, почему он кажется ей знакомым. Но он уже ушел.

Внутри больницы что-то рухнуло. Видимо, крыша погребла под собой верхний этаж. Штукатурка, сажа и красный дым тучами вырвались из окон. Национальный гвардеец в закрывающей рот маске и в синих латексных перчатках поднял руки над головой, словно сдаваясь в плен.

– Люди! Мы *снова* отодвинем вас! Попрошу всех сделать три шага назад, ради вашей же безопасности. По-хорошему прошу. И лучше не дожидайтесь, пока начну по-плохому.

Харпер отступила на шаг, потом еще и покачнулась на каблуках, чувствуя головокружение и сухость во рту. Вот бы хоть один глоток холодной воды – прочистить горло, но воду найти можно только дома. Машины на стоянке не было – зачем машина, раз не приходится покидать больницу, – и Харпер повернулась, чтобы идти пешком.

Только пройдя полквартила, она поняла, что плачет. И непонятно – текут слезы от горя или от дыма, пропитавшего воздух. Пахло обедом в летнем лагере, подгоревшими хот-догами. Потом до нее дошло, что хот-догами пахнут обугленные трупы. «Это мне снится», – подумала Харпер. И ее вырвало в траву у тротуара.

На тротуаре и на мостовой толпились люди, но никто не смотрел на Харпер, пока ее тошнило. Никому она не была интересна на фоне громадного пожара. Людей привлекает пламя и отталкивает человеческое страдание – нет ли в этом ошибки? Харпер вытерла губы тыльной стороной ладони и пошла дальше.

Харпер не смотрела на лица в толпе и потому заметила Джейкоба только тогда, когда он взял ее за руку. И ему тут же пришлось подхватить ее. Ноги подкосились, и Харпер повисла на руках мужа.

– Господи, ты цела, – сказал он. – О господи. Я так испугался.

– Я люблю тебя, – сказала она, потому что так говорят, вернувшись из ада, потому что только это имеет значение в такое утро.

– Дороги перекрыты на целую милю, – прошептал Джейкоб. – Я так испугался. Всю дорогу ехал на велосипеде. Я нашел тебя. Я нашел тебя, миладевичка.

Он повел ее через толпу к телефонному столбу. Там был прислонен его велосипед – он ездил на нем с самого колледжа, – десятискоростной, с корзиной, укрепленной перед рулем. Джейкоб повел велосипед одной рукой, другой обнимая за талию Харпер, которая положила голову ему на плечо. Они шли навстречу толпе – все стремились к больнице, к черному столбу дыма, под падающий пепел.

– Каждый день – 11 сентября, – сказала Харпер. – Как жить, если каждый день – 11 сентября?

– Будем жить, сколько сможем, – ответил Джейкоб.

Она не поняла, что он имеет в виду, но прозвучали его слова умиротворяюще, даже мудро. Он говорил ласково, чуть касаясь ее губ и щек серебряно-белым шелковым платком. У Джейкоба всегда был с собой платок – эту старомодную привычку Харпер находила невыносимо приятной.

– Что ты делаешь? – спросила она.

– Пепел стираю.

– Да, – сказала она. – Пожалуйста.

Вскоре он остановился и сказал:

– Все чисто. Так лучше. – И поцеловал ее в щеку, потом в губы. – Даже не знаю, зачем я это сделал. Ты была немного похожа на диккенсовскую сиротку. Чумазую, но восхитительную. Вот что. Я тебя успокою. Поехали домой, там и выясним, насколько ты грязная девочка. Ну как?

Она засмеялась. Джейкоб обладал каким-то французским чувством абсурда; в колледже он был мимом в театральном кружке. А еще умел ходить по канату – ловок в постели, ловок в жизни.

– Это замечательно, – сказала она.

И Джейкоб ответил:

– Пусть целый мир пылает вокруг нас. Я буду обнимать тебя до самого конца. И не отпущу.

Она привстала на цыпочки и поцеловала его в соленые губы. Значит, он тоже плакал, хотя сейчас улыбался. Она положила голову

ему на грудь.

– Я устала, – сказала она. – Устала бояться. И быть не в состоянии помочь людям.

Он мягко приподнял ее голову за подбородок.

– Тебе нужно забыть об этом. О том, что ты обязана все исправлять. Тушить все пожары. – Он посмотрел со значением на клубящийся дым. – Спасать мир – не твоя работа.

Он сказал это так нежно, так разумно, что у Харпер даже голова закружилась от облегчения.

– Ты должна заботиться о себе, – продолжил он. – И мне позволь заботиться о тебе. У нас так мало времени, чтобы правильно относиться друг к другу. Но мы этим займемся. Мы будем все делать правильно, начиная с сегодняшнего вечера.

Пришлось поцеловать его снова. Его губы хранили привкус мяты и слез; он нежно ответил на поцелуй, словно впервые, с осторожностью касаясь ее губ, как будто этот поцелуй был новым опытом... каким-то экспериментом. Когда он оторвался от нее, лицо его было серьезным.

– Это важный поцелуй, – сказал Джейкоб.

Они прошли по тротуару еще несколько шагов. Она прижалась головой к бицепсу Джейкоба и зажмурилась. Еще через несколько шагов он обнял ее крепче. Она словно плыла, засыпая на ходу, и споткнулась.

– Эй, – сказал он. – Хватит. Слушай. Нужно доставить тебя домой. Залезай.

Он закинул ногу на седло велосипеда.

– Куда залезать?

– В корзинку, – ответил он.

– Нет. Я не могу.

– Можешь. Ты так уже ездила. Я довезу тебя домой.

– Тут целая миля.

– Все время под горку. Залезай.

Они когда-то дурачились так в колледже – она ездила в корзинке перед рулем его велосипеда. Она была тогда стройной, да и сейчас при пяти с половиной футах роста весила всего 115 фунтов. Харпер посмотрела на корзинку, потом на длинный спуск с холма – прочь от больницы и по кривой.

– Ты меня угробишь, – сказала она.

– Нет. Не сегодня. Залезай.

Она не могла ему отказать. Что-то внутри нее хотело подчинения, хотело удобства. Она встала перед велосипедом, занесла ногу над колесом и опустилась в корзинку.

И они помчались; деревья по правую руку легко скользили мимо. Пепел кружил вокруг громадными хлопьями, падал на волосы Харпер и на козырек бейсболки Джейкоба. Скоро они разогнались так, что вполне могли разбиться.

Ветер свистел в спицах. Харпер выдыхала, и ветер уносил ее дыхание прочь.

Люди забывают, что время и пространство – одно и то же, пока не наберут скорость, пока сосны и телефонные столбы не начнут мелькать мимо. От скорости время растягивается, и секунда, за которую пролетаешь двадцать футов, становится длиннее других секунд. Харпер ощущала ускорение висками и животом; она была рада Джейкобу, рада тому, что покинула больницу, и рада скорости. Сначала она цеплялась за корзинку обеими руками, но потом, когда спицы загудели какой-то жужжащий мотив, раскинула руки в стороны и парила, словно чайка на ветру, пока мир ускорялся и ускорялся.

В ночь, когда сторела больница, Джейкоб вел Харпер по дому, а она зевала и зевала, как засидевшийся ребенок, которому давно пора спать. Харпер чувствовала спокойствие – по-прежнему бодрствуя, она уже не в силах была думать и не знала, что будет дальше, хотя все казалось вполне предсказуемым. Джейкоб отвел ее за руку в спальню. Это было правильно. Харпер устала – значит, нужно идти в спальню. Потом она неподвижно стояла, пока Джейкоб стаскивал с нее зеленую сестринскую форму. На работу она надевала розовые панталоны до пупа – их он тоже стащил. Харпер зевнула во весь рот и прикрылась ладонью, а он засмеялся, потому что в этот момент нагнулся, чтобы поцеловать ее. Она тоже засмеялась. Было весело зевать вот так ему в лицо.

В ночь, когда сгорела больница, Джейкоб наполнил ванну на ножках, которая так нравилась Харпер. Даже непонятно, когда он успел, ни на миг не отрываясь от Харпер, но когда они подошли к ванне, она оказалась уже полна. Лампы были выключены, и горели свечи. Харпер очень обрадовалась ванне, потому что в больнице пропахла дымом и потом – дымом больше всего, – и покрылась пеплом, наверняка пеплом от сгоревших тел.

В ночь, когда сгорела больница, Джейкоб выжимал мягкую мочалку на спину Харпер. Он тер ей шею и уши, потом собрал волосы на макушке и окунул ее в ванну. Харпер вынырнула, хохоча. Он тоже засмеялся и снова макнул ее в воду, а она, вынырнув, открыла рот, чтобы зевнуть, но получился поцелуй. Потом он велел ей встать, и она стояла в ванне, и он намыливал ее. Он намыливал ее груди, и поясицу, и шею, и долго намыливал между ног, а когда у нее уже не было сил терпеть, шлепнул по попе и велел садиться обратно в ванну, и она послушалась.

В ночь, когда сгорела больница, Джейкоб сказал:

– Такая мерзость, когда говорят «Я люблю тебя». Это как наклейка для прилива гормонов, с маленьким намеком на верность. Мне никогда не нравились эти слова. И я скажу вот что: мы вместе сейчас, и будем вместе до конца. У тебя есть все, что мне нужно для счастья. С тобой мне хорошо.

Он сжал мочалку, и теплая вода потекла по шее Харпер. Она закрыла глаза, но продолжала видеть через веки красноватые отблески свечей.

– Не знаю, – продолжал Джейкоб, – сколько нам осталось. Может, пятьдесят лет. Может, всего неделя. Знаю только, что мы не станем терять ни одной секунды. Мы будем жить и чувствовать вместе. И вот что еще я скажу, касаясь тебя и целуя, – и он касался ее и целовал, – ты лучшее, что есть в моей жизни. А я эгоист, и мне нужна каждая пядь тебя и каждая минута твоей жизни. Больше нет *моей* жизни. И нет *твоей*. Есть только наша, только наша жизнь, и мы проживем ее по-своему. Я хочу праздничный торт каждый день и голую тебя в постели каждую ночь. А когда придет наше время, мы тоже все сделаем по-своему. Откроем бутылку вина, которое купили во Франции, будем слушать любимую музыку и смеяться, и примем счастливые таблетки, и ляжем спать. Умрем мило, после вечеринки, вместо того чтобы

вопить, как все эти унылые, отчаявшиеся, ждущие в больнице очереди на смерть.

Харпер словно слушала заново свадебные клятвы, только лучше и сексуальнее, она возбудилась – он продолжал водить мылом по ее телу, целовал в мочку уха, щекотал и распалаял. Все было правильно.

Но не совсем. Нельзя называть людей, пришедших в больницу, унылыми и отчаявшимися. Безнравственно насмехаться над ними. Рене Гилмонтон не была унылой и отчаявшейся. Рене Гилмонтон организовала чтения для детей в палате.

Но Джейкоб умел раскаиваться в своих словах; он говорил, как хочет ее касаться, быть с ней – и говорил с теми же решительностью и мастерством, с какими ездил на моноцикле и ходил по канату. Джейкоб, небольшой и крепенький, был крепок и умом, словно ментальный акробат. Порой такая умственная гимнастика даже утомляла Харпер; и тогда ей казалось, что они не вместе, а просто она – его аудитория, которой положено аплодисментами встречать каждый прыжок через горячий обруч экзистенциализма или заднее сальто на трамплине нонконформизма. Но потом она раздвигала перед ним ноги, потому что его руки знали, что и как нужно делать. И все его разговоры просто означали, что он хочет ее, а она дарит ему счастье. Ей снова приходилось его целовать, и она целовала, и вертелась в ванне, и прижималась грудями к холодному кафелю, и держала его затылок, не отпуская, пока не насытилась им как следует. А потом, отпустив его, зевала, и он смеялся, и все было правильно.

В ночь, когда сгорела больница, Харпер поднялась из воды, и Джейкоб протянул ей бокал красного вина и обернул теплым полотенцем. Помог вылезти из ванны. Повел в комнату, где тоже горели свечи. Вытер ее, и довел до кровати, и она поползла на четвереньках, мучительно желая, чтобы он скинул с себя одежду и вошел в нее, но он положил ладонь ей на поясницу и заставил лечь ничком. Ему нравилось заставлять ее ждать; честно говоря, ей и самой это нравилось – Джейкоб был главным. Он втирал ей в кожу крем с земляничным ароматом. Он сидел рядом голый – крепкое смуглое тело в свете свечей, грудь поросла черной шерстью.

И когда он перевернул ее и вошел, она всхлипнула от удовольствия – так все было неожиданно, и так он был полон желания. Он едва начал, как сполз презерватив, и Джейкоб застыл,

нахмурившись, но она протянула руку и отшвырнула резинку, и тогда он снова лег на нее. Ее зеленая сестринская форма, пропахшая дымом, валялась на полу. Больше ей не носить эту форму. Сотня квадратных миль французских виноградников пылают, больше двух миллионов человек сгорели заживо в Калькутте, а она хотела только одного – чтобы он был внутри нее. Она хотела видеть его лицо, когда он кончит. Она думала, что с большой вероятностью они будут мертвы к концу года, но он внутри нее, как она и хочет.

В ночь, когда сгорела больница, они любили друг друга при свечах и зачали ребенка.

Харпер мылась под душем, когда заметила полоску на внутренней стороне бедра.

Она с первого взгляда поняла, что это за полоска, и внутренности свело от ужаса, но Харпер вытерла холодную воду с лица и отругала себя: «Давай-ка не начинай, дамочка. Это обычный чертов синяк».

Хотя на синяк не было похоже. А похоже было на драконью чешую – темная, словно чернильная линия, присыпанная несколькими золотыми блестками. Нагнувшись, Харпер увидела еще одну отметину, на задней части икры – на той же ноге, – и резко выпрямилась. Пришлось заткнуть себе рот – не нужно Джейкобу слышать эти тихие жалкие всхлипы.

Она вылезла из-под душа, даже не подумав его выключить. Уже неважно. Она ведь не тратит горячую воду – ее давно уже нет. Электричество отключилось два дня назад. Под душем Харпер просто смывала с себя ощущение липкости. Воздух в доме был душный, как под кучей одеял.

Та половинка Харпер, которая пять лет проработала медсестрой, оставалась спокойной и отстраненной, даже когда пол становился липким от крови и воздух звенел от криков пациента, – и эта половинка сумела взять себя в руки. Харпер перестала всхлипывать и собралась. Она решила, что нужно вытереться и посмотреть еще раз. Может, это все же синяк. Она всегда легко покрывалась синяками, могла обнаружить громадную черную отметину на бедре или на руке и не вспомнить, где приложилась.

Она вытерлась полотенцем насухо и поставила левую ногу на полку. Посмотрела на ногу, потом на ее отражение в зеркале. У нее снова возникло желание зареветь. Она знала, что видит. В свидетельстве о смерти пишут «*Draco incendia trychophyton*», но даже главный санитарный врач говорит просто – «драконья чешуя». Вернее, говорил, пока не сгорел заживо.

Полоска на задней поверхности ноги была тонким лучиком, чернее любого синяка, присыпанным яркими зернышками. Приглядевшись, Харпер увидела, что отметина на бедре похожа не на полоску, а на знак вопроса или серп. Потом Харпер заметила неприятную тень там, где шея переходит в плечо, и щеткой отвела волосы в сторону. Открылась еще одна темная линия, усыпанная слюдяными крупинками драконьей чешуи.

Харпер пыталась унять нервную дрожь, отогнать дурман, когда Джейкоб открыл дверь.

– Крошка, меня вызывают в управление. Им не хватает... – Он внезапно замолчал, глядя на нее в зеркало.

При виде его лица Харпер почувствовала, как улечивается спокойствие. Она опустила ногу на пол и повернулась к Джейкобу. Так хотелось, чтобы он обхватил ее руками и крепко сжал, но она знала, что он не прикоснется к ней, да она и сама не позволила бы.

Джейкоб качнулся назад и посмотрел на нее пустыми, блестящими, испуганными глазами.

– Ох, Харп. О, милая девочка. – Обычно он выговаривал это в одно слово – *миладевочка*, – но сейчас отчетливо прозвучали два. – Она у тебя повсюду. На ногах. На спине.

– Нет, – беспомощно отозвалась она. – Нет. Нет-нет-нет. – Ее затошнило, едва она представила полоски на коже – там, где она не могла увидеть.

– Оставайся там, – сказал Джейкоб, выставив перед собой руку с растопыренными пальцами, хотя Харпер и не думала двигаться к нему. – Оставайся в ванной.

– Джейкоб, я хочу посмотреть, есть ли это у тебя.

Он уставился на нее недоумевающим взглядом, а когда понял, его глаза словно потухли. Плечи поникли. Загорелая кожа стала серой и болезненно-бледной, как будто он долгое время провел на холоде.

– И зачем это?

– Затем, чтобы проверить, не заразился ли ты.

Он покачал головой:

– Конечно, заразился. Раз у тебя есть зараза, то и у меня есть. Мы трахались. Прямо вчера. И позавчера. И если у меня ничего не видно сейчас, появится потом.

– Джейкоб. Я хочу посмотреть. На мне не было никаких отметин еще вчера. Не было до того, как мы занимались любовью. Не было потом. Еще не все ясно про способы передачи, но многие врачи думают, что человек не заразен, пока не появляются явные отметины.

– Было темно. Горели только свечи. Если бы мы и видели отметины у тебя, то приняли бы их за тень, – сказал Джейкоб. Он говорил со свинцовой монотонностью. Ужас, возникший на его лице мгновенно, как вспышка молнии, так же быстро пропал. Вместо него появилось – и это было гораздо хуже – бесчувственное равнодушие.

– Сними одежду, – сказала Харпер.

Он стянул через голову футболку и бросил на пол. Не сводя с Харпер глаз, горящих в сумраке комнаты, он расставил руки в стороны и стоял, скрестив ноги и задрвав подбородок, неосознанно изображая распятого Христа.

– Видишь что-нибудь?

Она покачала головой.

Он повернулся, не опуская руки, и оглянулся через плечо.

– А на спине?

– Нет, – ответила Харпер. – Снимай штаны.

Он снова повернулся и расстегнул джинсы. Они стояли лицом к лицу, в ярде друг от друга. С какой-то жестокой эротической притягательностью, медленно и неторопливо Джейкоб раздевался для Харпер; он вытащил ремень и разом стянул джинсы и трусы. Он не отрывал взгляда от ее глаз, а его похожее на маску лицо оставалось почти безучастным.

– Ничего, – сказала Харпер.

Он встал к ней спиной. Она пыталась сохранить в памяти его подвижные загорелые бедра, бледный зад, ямочки на ягодицах.

– Нет, – повторила она.

– Что ты душ не выключаешь? – спросил он.

Харпер вернулась в ванную, выключила воду, подобрала полотенце и продолжила сушить волосы. Следя за дыханием, чтобы оно было ровным и спокойным, делая все то, что обычно делала после душа, она могла удержаться от новых рыданий. И от криков. Ведь начав кричать, она уже вряд ли остановится.

Харпер наверхтела полотенце на волосы и вернулась в сумеречную духоту спальни.

Джейкоб сидел на краю кровати – снова в джинсах, но футболку он положил на колени. Ноги были босы. Харпер всегда любила его ноги – загорелые и худые, с изящными, почти архитектурными обводами.

– Извини, что я заразилась, – сказала она и снова с трудом поборола рыдания. – Клянусь, я вчера очень хорошо себя осмотрела, и все было в порядке. Может, у тебя ничего и нет. Скорее всего ты здоров.

На последнем слове Харпер чуть не задохнулась. Горло сдавило спазмом, рыдания прорывались наружу из глубины зажатых легких. Было страшно думать о таком, но она все равно думала.

Она мертва, и он мертв. Она заразила их обоих, и они сгорят заживо, как другие. Она это знала и по его лицу поняла, что он тоже знает.

– И нужно тебе было играть в гребаную Флоренс Найтингейл, – сказал он.

– Прости.

Она надеялась, что он поплачет с ней. Надеялась увидеть на его лице какие-то чувства, понять, что он только сдерживает те же эмоции. Но видела только отрешенность и странный пустой взгляд, и то, как Джейкоб сидел, устало положив запястья на колени.

– Но посмотри на светлую сторону, – сказал Джейкоб, глядя на ее живот. – По крайней мере, нам не придется ломать голову над именем, если это девочка.

Лучше бы он ударил ее. Харпер вздрогнула и отвернулась. Она хотела еще раз извиниться, но получилось только придушенно беспомощное всхлипывание.

О ребенке они узнали неделю назад. Джейкоб легко улыбнулся, когда Харпер показала ему размытую голубую полосу на домашнем экспресс-тесте, но на вопрос, как он относится к этому, ответил:

– Думаю, мне нужно время, чтобы очухаться.

На следующий день в Манчестере сгорела дотла «Веризон-арена», а с ней тысяча двести беженцев – ни один не выжил, – и Джейкоба направили в тамошнее управление общественных работ, разгребать завалы и собирать трупы. Он отсутствовал по тринадцать часов в день, возвращался, покрытый копотью, и молчал, насмотревшись ужасов, и говорить о ребенке было бы неправильно. Но как-то, когда они

улеглись в постель, он прижался к ее спине и обхватил ладонью ее живот; Харпер хотелось верить, что хоть немного счастья – ощущения смысла жизни – чувствует и он.

Он не спеша натянул футболку.

– Пожалуйста, оденься, – сказал он. – Мне легче думается, когда я всего этого не вижу.

Она пошла к шкафу, плача. Полное бесчувствие в его голосе угнетало ее. Это было даже хуже, чем заразиться, отравиться.

День обещал быть жарким – в спальне уже за двадцать градусов, а скоро должно было стать еще теплее, солнечный свет прорывался между шторами, – и Харпер начала искать на вешалках сарафан. Она выбрала белый – в нем удобно, он дает ощущение чистоты, простоты и свежести; именно всего этого ей сейчас не хватало. Потом до нее дошло, что если надеть белый сарафан, Джейкобу по-прежнему будет видна полоска на задней стороне ее ноги. Значит, и шорты не годились. Зато нашлось невзрачное старое платье цвета дешевого маргарина.

– Тебе нужно уехать, – сказала Харпер, не поворачиваясь. – Тебе нужно уехать из дома и от меня.

– Думаю, уже поздно.

– Мы не знаем, заразился ли ты. – Харпер завязала пояс, но все еще не поворачивалась. – И пока не узнаем точно, нужны меры предосторожности. Собери одежду и уезжай из дома.

– Ты трогала всю мою одежду. Стирала ее в раковине. Развешивала на веранде. Складывала и убирала.

– Тогда езжай и купи новые вещи. «Таргет», наверное, открыт.

– Ну конечно. И заодно подарю немножко драконьей чешуи девушке на кассе.

– Говорю тебе. Не зафиксировано случаев заражения до того, как появятся явные признаки.

– Верно. Не зафиксировано. Они – кто бы они ни были – вообще ничего не зафиксировали. Если бы кто-то действительно понимал, как передается зараза, мы бы не дошли до такого, правда, миладевочка?

Ей не понравилось, каким тоном он произнес «миладевочка». Почти с презрением.

– Я была осторожна. В самом деле осторожна, – сказала Харпер.

Она припомнила – с усталой обидой, – как парилась целыми днями в своем полном защитном костюме, который прилипал к

покрасневшей потной коже. Чтобы надеть его, требовалось двадцать минут, еще двадцать – чтобы снять после пятиминутного душа с обеззараживающим раствором. Она припомнила, как воняла резиной, дезинфекцией и потом. Два месяца, пока работала в Портсмутской больнице, она носила на себе эту вонь, этот запах промышленной катастрофы, и все равно заразилась – вот уж действительно злая шутка.

– Не переживай. У меня в спортивной сумке есть одежда, – сказал Джейкоб. – Эти вещи ты не трогала.

– Куда ты поедешь?

– Да с какого хрена мне знать? Понимаешь, что ты наделала?

– Прости.

– То-то. Теперь я не так боюсь того, что мы оба сгорим заживо.

Харпер подумала, что если от гнева он меньше боится, то это правильно. Она хотела, чтобы все было правильно.

– Ты можешь ночевать в управлении? – спросила она. – И не контактировать с другими парнями?

– Нет, – сказал он. – Но Джонни Дипено мертв, а ключи от его маленького трейлера-развалюхи висят у него в шкафчике. Там перекантуюсь. Помнишь Джонни? Он водил «фрейтлайнер» номер три.

– Я не знала, что он болел.

– Он не болел. Заразилась его дочь и сгорела заживо, а он спрыгнул с моста через Пискатакву.

– Я не знала.

– Ты работала. Ты была в больнице. И домой не приходила. А я не хотел писать об этом сообщение. – Он замолчал, опустив голову; глаза прятались в тени. – И я им почти восхищаюсь. Ведь он понял: он видел все лучшее, что могла предложить ему жизнь. Уяснил, что нет смысла околачиваться тут еще хоть одну сраную минуточку. Джонни Дипено пил «будвайзер», смотрел футбол, голосовал за Дональда Трампа – хладнокровный придурок, который в жизни не читал ничего серьезнее журнала «Пентхаус», но тут он сумел сообразить. Пойду блевать, – сказал вдруг Джейкоб прежним тоном и поднялся на ноги.

Харпер прошла за ним в прихожую. Он отправился не в ванную при хозяйской спальне – видимо, та была уже под запретом, поскольку ею недавно пользовалась Харпер. Джейкоб зашел в маленький туалет под лестницей. Стоя в прихожей, Харпер слушала, как его рвет за

закрытой дверью, и старалась не расплакаться. Не стоит лезть со своей тоской, нагружать его своими эмоциями. И все же хотелось, чтобы Джейкоб сказал что-нибудь ласковое, посмотрел на нее с сочувствием.

Зашумела вода в унитазе, и Харпер отступила в гостиную, чтобы дать Джейкобу пройти. Она встала у его стола, за которым он писал вечерами. Джейкоб оказался на должности заместителя начальника портсмутского Управления общественных работ почти случайно – он собирался стать романистом. Бросил колледж, чтобы писать, и с тех самых пор работал над книгой – вот уже шесть лет. Он написал 130 страниц и никому не давал почитать, даже Харпер. Назывался роман «Плуг разрушения». Харпер никогда не говорила ему, что название ей не нравится.

Джейкоб вышел из туалета и остановился у порога гостиной. Он где-то нашел свою бейсболку с надписью «фрейтлайнер» – Харпер всегда считала, что он носит ее для смеха, как бруклинские хипстеры носят кепки «Джон Дир». Если еще носят. И если вправду носили когда-нибудь.

Налитые кровью глаза под козырьком смотрели мутно. Харпер подумала, что Джейкоб, возможно, плакал в туалете, и ей стало чуть легче.

– Тебе придется подождать, – сказал он.

Она не поняла и посмотрела на него вопросительно.

– Через сколько дней мы будем точно знать, заразился ли я? – спросил он.

– Через восемь недель, – ответила она. – Если ничего не появится к концу октября, то ничего и нет.

– Хорошо. Восемь недель. По-моему, это фарс – мы оба понимаем, что раз ты больна, то и я заражен, – но подождем восемь недель. И если мы оба больны, сделаем все вместе, как договаривались. – Он помолчал, уставившись на свои ноги, потом кивнул: – А если я здоров, я буду с тобой, когда ты сделаешь это.

– Что мы сделаем вместе?

Он посмотрел на нее с непритворным удивлением:

– Убьем себя. Господи. Мы же говорили об этом. О том, что будем делать, если заразимся. Мы согласились, что лучше всего – просто заснуть. Чем ждать, пока сгорим.

Харпер почувствовала в горле такой тугой комок, что уже не знала, сможет ли произнести хоть слово. Однако смогла:

– Но я беременна.

– Теперь ты точно не сможешь родить.

Харпер сама поразилась: впервые тупая сердитая уверенность Джейкоба обидела ее.

– Нет, ты не прав, – сказала она. – Я не специалист, но все же больше тебя знаю об этих спорах. Есть исследования – серьезные исследования, – в которых показано, что зараза не может преодолеть плацентарный барьер. Споры проникают везде, в мозг, в легкие... всюду, но не туда.

– Хрень собачья. Нет таких исследований. Они просто хотят оправдаться за трату бумаги, на которой напечатан отчет. Центр контроля заболеваний в Атланте – кучка пепла. Никто больше не изучает эту сволочь. Время науки прошло. Настало время прятаться и надеяться, что эта дрянь сожжет сама себя прежде, чем испепелит весь мир. – Он сухо рассмеялся своей шутке.

– Но ее *изучают*. Все еще. В Бельгии. В Аргентине. Ладно, не веришь мне, и не надо. Поверь вот чему. В июле мы в больнице приняли здорового ребенка у инфицированной роженицы. В отделении педиатрии устроили праздник. Мы ели растаявшее вишневое мороженое и все по очереди держали ребенка. – Харпер не стала говорить, что медицинский персонал проводил с ребенком куда больше времени, чем его мать. Врач не позволял ей даже прикоснуться к сыну и вынес его из палаты, а она кричала и звала его, просила показать еще хоть разок.

Лицо Джейкоба дрогнуло. Губы сжались в белую линию.

– И что? В этом дерьме – сколько еще протянет человек? При лучшем прогнозе? После того, как появятся полоски?

– У всех по-разному. Есть люди, которые еще живы с самого начала эпидемии. Я могу протянуть...

– Три месяца? Четыре? Сколько в среднем? Вряд ли в среднем хоть *пару* месяцев. А ты узнала, что беременна, только десять дней назад. – Он недоверчиво покачал головой. – И чем ты можешь нам помочь?

– Ты про что? – Ей было тяжело уловить ход его мыслей.

– Чем ты можешь нам помочь? Ты говорила, что принесешь эту штуку – которую мне стоматолог давал, когда канал просверлил.

– Викодин.

– Его же можно растолочь?

Ее пояс развязался, и платье распахнулось, но уже не было сил поправлять, даром что она не хотела тревожить Джейкоба видом зараженного тела.

– Можно. Наверное, самый безболезненный способ покончить с собой. Таблеток двадцать виколина – и все.

– Так мы и сделаем. Если у обоих будет чешуя.

– Но у меня нет виколина. И не было никогда.

– Почему? Мы же это обсуждали. Ты сказала, что достанешь. Что украдешь немного из больницы, и если мы заболеем, то будем пить вино, слушать музыку, а потом примем таблетки – и в путь.

– Я забыла прихватить их по дороге из больницы. Слишком торопилась, чтобы не сгореть заживо. – И все же, подумала она, получается, что избежать этого не удалось.

– Ты притащила домой драконью чешую, но не удосужилась принести что-нибудь для нас. И в довершение всего забеременела. Господи, Харпер. Ну и месяц ты нам устроила. – Он сухо рассмеялся, словно залаял. Потом сказал: – Может, я смогу чем-нибудь разжиться для этого дела. Если нужно, пушку добуду. У Дипено по всему сраному пикапу приляпаны наклейки Стрелковой ассоциации. Наверняка там есть что-нибудь.

– Джейкоб. Я не собираюсь убивать себя, – сказала Харпер. – О чем бы мы ни говорили до того, как я забеременела, теперь все это не имеет значения. У меня драконья чешуя, но у меня и ребенок в утробе. Ты не считаешь, что это все меняет?

– Да хрен там. Это еще даже не ребенок. Это кучка бессмысленных клеток. И потом, я же знаю тебя. Если бы с ним было что-то не так, ты бы сделала аборт. Ради бога, ты же работала в этой чертовой больнице. Каждое утро ты входила туда, а люди кричали, что ты детоубийца.

– С ребенком все в норме, и в любом случае я бы не стала... это не значит, что я бы...

– Я считаю, испечься в утробе – не совсем нормально. Не согласна?

Джейкоб обхватил себя руками. Харпер видела, как он дрожит.

– Давай подождем. Посмотрим, подцепил ли я тоже эту хрень, – сказал он наконец. – Может быть, в следующие восемь недель мы вернемся к тому, с чего начали. Может быть, ты будешь смотреть на вещи уже не так эгоистично.

Хотя Харпер и велела Джейкобу уезжать из дома, на самом деле она не хотела его отпускать. Надеялась, что он решит остаться неподалеку: к примеру, будет ночевать в подвале. Страшно представить, что она останется один на один с болезнью; она так нуждалась в его спокойствии, его уравновешенности, пусть даже он больше не будет обнимать ее.

Но что-то изменилось за последние шестьдесят секунд. Теперь она была готова к тому, что он уйдет. Так будет лучше для них *обоих*, подумала Харпер, а она останется в темном тихом доме, в одиночестве – чтобы подумать, или не думать, а молча сидеть, или плакать, или заниматься чем придется – не видя его ужаса и сердитого отвращения.

Он сказал:

– Я поеду на велосипеде до управления. Возьму ключи от трейлера Джонни Дипено из его шкафчика. Вечером позвоню.

– Не тревожься, если я не отвечу. Может быть, отключу телефон, когда пойду спать. – Она вдруг рассмеялась горьким смехом. – А вдруг я проснусь, а все это был дурной сон.

– Ага. Будем надеяться, миладевочка. Только если это дурной сон, он снится нам обоим. – Тут он улыбнулся как-то нервно – и на мгновение снова стал ее Джейком, ее старым другом.

Он уже шел к двери, когда она сказала:

– Не говори никому.

Он остановился, держась за задвижку.

– Хорошо. Не скажу.

– Не хочу в Конкорд. Я слышала много рассказов о тамошних нравах.

– Ага. Говорят, это лагерь смерти.

– Ты не веришь?

– Верю, конечно. Туда попадают зараженные. И всех их ждет смерть. Вот и получается лагерь смерти. По определению. – Он раскрыл дверь навстречу жаркому, дымному дню. – Я не отправлю

тебя туда. В этом мы заодно. Я не отдам тебя какому-то безликому учреждению. Сами справимся.

Харпер подумала, что Джейкоб хотел ее утешить такими словами, но она почему-то не утешилась.

Он спустился по ступенькам на дорожку, ведущую к гаражу, и скрылся из виду. Дверь он оставил открытой, словно ждал, что Харпер выйдет и будет смотреть ему вслед. Будто так положено. Может, и положено. Харпер завязала пояс платья, прошла через небольшую прихожую и встала в дверях. Джейкоб вынес велосипед на плече к дороге. Не оглядываясь.

Харпер подняла голову и посмотрела на Портсмут. Грязное небо придавило белую колокольню Северной Церкви. Дым теперь постоянно висел над городом. Харпер где-то читала, что 12 процентов Нью-Гемпшира горит, но не могла в это поверить. Конечно, это еще неплохо, по сравнению с Мэном. В местных новостях теперь только и говорили, что о Мэне. Пожар, вспыхнувший в Канаде, уже добрался до магистрали I-95, разрезав штат пополам выжженной пустошью почти в сотню миль в самой широкой точке. Потушить это мог бы дождь, но жар сводил на нет все попытки погоды. Синоптик Национального общественного радио сказал, что дождь испаряется, как плевков на раскаленной печи.

В небо поднимались бурые, грязные кольца дыма над музеем «Стробери Бэнк». Теперь все время что-нибудь горело: дом, магазин, машина, человек. Поразительно, сколько дыма может дать человеческое тело, охваченное огнем.

Стоя на пороге, Харпер видела дорогу до кладбища на Южной улице. По кладбищу, по узкой аллее медленно катилась машина, словно водитель выбирал место на забитой парковке. Вот только стекло на пассажирском окне было опущено, и оттуда вырывалось пламя. Салон машины был охвачен огнем, и Харпер не могла разглядеть человека за рулем.

Она следила за тем, как автомобиль скатился с дороги в траву и застыл, уткнувшись в могильный камень. Только тут Харпер спохватилась и вспомнила, что вышла посмотреть, как уезжает Джейкоб. Она поискала его глазами, но уже не нашла.

Через два дня ее левая рука стала похожа на лист нотной бумаги. Четкие черные линии оборачивались вокруг предплечья, тонкие, как паутина, и словно покрытые золотыми нотами. Харпер каждые несколько минут подтягивала рукав, чтобы взглянуть на партитуру. К концу следующей недели вся рука была покрыта драконьей чешуей от запястья до плеча.

Однажды она стянула с себя блузку и посмотрелась в зеркало на шкафу; она увидела прямо над бедрами черно-золотую татуировку, похожую на пояс. Справившись с приступом тошноты, Харпер все же призналась себе, что вышло довольно симпатично.

Иногда она раздевалась до белья и рассматривала при свечах разукрашенную кожу. Спала она не много, и эти осмотры обычно происходили вскоре после полуночи. Точно так же, как в колеблющемся пламени можно разглядеть лицо, а в узорах на деревянной доске – чью-то фигуру, она видела намеки на образы, спрятанные в «чешуе».

Обычно в это же время Джейкоб звонил из трейлера мертвеца – ему тоже не спалось.

– Решил проверить, – говорил он. – Узнать, как ты день провела.

– Болталась по дому. Доела последние макароны. Пыталась не превратиться в кучку пепла. А как ты?

– Жарко. Тут жарко. Все время жарко.

– Открой окошко. На улице прохладно. Я все окна открыла, и мне хорошо.

– Да я тоже все открыл и все равно жарюсь. Как в духовке.

Ей не нравилось, с какой злостью он говорил об этом и как заиклился, воспринимая жару как личное оскорбление.

Харпер старалась отвлечь его, рассказывая о себе спокойным, беззаботным тоном.

– У меня появился завиток из чешуи на внутренней стороне левой руки; похож на открытый зонтик. Зонтик, уносимый ветром. Может, у чешуи есть художественный вкус? Может, она реагирует на то, что у человека в подсознании, и пытается нарисовать на коже то, что может ему понравиться?

– Не хочу говорить о хрени, которая тебя покрывает. Меня трясет, как только подумаю об этой мерзости на твоей коже.

– Приятно слышать. Спасибо.

Он резко, сердито выдохнул:

– Извини. Я ведь... я ведь вовсе не бессострадательный.

Харпер рассмеялась – удивив не только Джейкоба, но и саму себя. Старый добрый Джейкоб иногда так причудливо подбирал слова. «Бессострадательный». В колледже его специализацией была философия – пока он не бросил учебу, – и он по старой привычке иногда шерстил словари в поисках правильного слова, которое необъяснимым образом оказывалось неправильным. И часто он поправлял правописание у Харпер.

И почему, лениво подумала Харпер, нужно было заразиться, чтобы заметить, что брак трещит по швам.

Он снова начал:

– Прости. В самом деле. Я просто закипаю. Трудно даже соображать.

Сквозняк пронесся по комнате, лизнув Харпер прохладой по голому животу. Она не представляла, как Джейкобу может быть жарко, где бы он ни находился.

– Мне подумалось – не начала ли драконья чешуя рисовать зонтик Мэри Поппинс на моей руке. Знаешь, сколько раз я смотрела «Мэри Поппинс»?

– Драконья чешуя не реагирует на твое подсознание. Это ты сама реагируешь. Ты видишь то, что готова увидеть.

– Разумно, – согласилась она. – Но знаешь что? В больнице лежал садовник, так у него на ноге были рисунки – совсем как ползучие лианы. Можно было разглядеть крохотные листочки. Все говорили, что похоже на плющ. Как будто драконья чешуя в рисунке выразила суть дела всей его жизни.

– Она всегда так выглядит. Похоже на терновые ветки. Не хочу об этом говорить.

– Да, возможно, в моих мозгах ее еще нет, так что она не может знать обо мне все. Она добирается до мозга несколько недель. Мы пока на стадии знакомства.

– Господи, – сказал Джейкоб. – Я тут заживо сгорю.

– Увы, ты обратился за сочувствием не по адресу, – ответила Харпер.

9

Ночи через две она налила себе бокал красного вина и прочитала первую страницу книги Джейкоба. Харпер решила: если роман окажется неплох, то в следующем телефонном разговоре она признается, что прочитала немного, и расскажет, как ей понравилось. Он не рассердится, что она нарушила обещание не трогать рукопись без разрешения. У нее смертельная болезнь. Правила можно изменить.

Хватило одной страницы, чтобы понять, что ничего хорошего там нет; Харпер перестала читать и снова почувствовала себя нехорошо, словно чем-то обидела Джейкоба.

Немного погодя, после второго бокала – два ребенку не повредят, – Харпер прочитала тридцать страниц. Тут пришлось остановиться. Невозможно было читать дальше и по-прежнему любить Джейкоба. Честно говоря, и тридцати-то оказалось многовато – стоило остановиться страницы три назад.

Главный герой романа, бывший студент-философ Дж., разочаровался в бесперспективной карьере в Управлении общественных работ и бесперспективном браке со смешливой поверхностной блондинкой, которая не знала правописания, читала подростковые романы из-за умственной неготовности к серьезной литературе и была неспособна понять переживания мужа. Чтобы смягчить разочарование, Дж. заводит серию случайных романов; женщин Харпер узнала без труда: подруги по колледжу, учительницы начальной школы, бывший тренер. Харпер решила поначалу, что все эти приключения – выдумка, но ложь, которую Дж. скармливал жене – где он пропадал и чем занимался, пока на самом деле был с другой женщиной, – слово в слово совпадала с реальными разговорами Харпер и Джейкоба.

Однако больше всего ее поразили даже не клинически подробные отчеты о любовных похождениях. Гораздо отвратительнее было презрение главного героя.

Он ненавидел мужчин, которые водили грузовики Управления. Ненавидел их жирные рожи, жирных жен и жирных детей. Ненавидел то, как они копят целый год, чтобы купить к футбольному матчу билеты на самые дорогие места. Как радуются несколько недель после игры и как рассказывают об этой игре, будто речь идет о битве при Фермопилах.

Он ненавидел всех подруг жены – своих друзей у Дж. не было – за то, что они не знают латыни, пьют дешевое пиво, а не специальное домашнее, и растят следующее поколение перекормленных, избалованных людей-манекенов.

К жене он относился не с ненавистью, но с любовью, какую обычно мужчина может испытывать к игривому щенку. Ее готовность без колебаний принять любое мнение и суждение мужа одновременно и разочаровывала его, и немного забавляла. Все, что он заявлял, она немедленно принимала за чистую монету. Он даже устроил из этого игру. Если она готовилась к приему гостей целую неделю, потом он говорил, что никому не понравилось – хотя вечеринка была грандиозная, – и она принималась плакать, соглашалась с ним и бежала покупать книги о том, как правильно устраивать вечеринки. Нет, он не испытывал ненависти. Но жалел ее и жалел себя – из-за того, что был к ней прикован. И еще у нее глаза на мокром месте, что для него, как ни странно, означало поверхностность чувств. Женщина, которая плачет над клипами Общества защиты животных, вряд ли с той же яростью будет выступать в защиту человека в наш жестокий век.

Вот что содержалось в книге – язвительный гнев Джейкоба и жалость к себе – и написано было плохо. Бесконечно тянулись абзацы, бесконечно тянулись предложения. Иногда ему требовалось слов тридцать, чтобы добраться до глагола. Чуть ли не на каждой странице он норовил втиснуть строчку на греческом, французском или немецком. Там, где Харпер понимала эти афоризмы, ей казалось, что вполне можно было написать то же самое по-английски.

Харпер не могла не вспомнить сказку о Синей Бороде. Она не вытерпела, пошла и заглянула в запретную комнату, которую ей не

полагалось видеть. И нашла за запертой дверью не трупы, а позор. Даже ненависть было бы легче простить. Когда ненавидишь человека, значит, он хотя бы стоит твоей страсти.

Джейкоб никогда не говорил прямо, о чем его книга, хотя иногда бросал изящные намеки: «об ужасах обыденной жизни» или «о человеке, потерпевшем душевное кораблекрушение». Но они часто, отдыхая в постели после секса, подолгу беседовали о том, какой станет их жизнь, когда роман напечатают. Джейкоб надеялся, что денег хватит, чтобы купить пристанище на Манхэттене (Харпер не понимала, почему бы не назвать это просто «квартирой», но верила, что разница есть). Она с восторженным придыханием мечтала о том, как здорово он будет выступать на радио: остроумно, и талантливо, и скромно; надеялась, что его позовут на Национальное общественное радио. Они говорили о том, что придется купить, с какими знаменитостями встретиться, и все это оказалось грустным и дешевым обманом. Жаль, что она свято верила, будто он обладает блестящим умом, но еще хуже оказалось то, что он и сам в это верил – безо всяких оснований.

И ее поражало, что он, написав такую ужасную книгу, оставлял ее на виду *годами*. Он был уверен, что Харпер не прочтет, потому что он запретил, и не сомневался в ее послушании. Вся ее самооценка строилась на том, чтобы делать то, что он хочет, и вести себя так, как он скажет. Конечно, он был прав. Роман не был бы столь ужасен, если бы не содержал значительную долю правды. Харпер открыла «Плуг разрушения» только потому, что умирала.

Харпер сложила рукопись обратно на стол аккуратной хрустящей стопкой, подровняв уголки. Пачка с чистой белой титульной страницей и чистым белым обрезом выглядела невинно, как свежезастеленная постель в шикарном отеле. Люди вытворяют неопишуемые безобразия в гостиничных постелях.

Подумав, она придавила стопку бумаги коробкой кухонных спичек, используя ее как пресс-папье. Если драконья чешуя задымится и начнет чесаться, пусть спички будут под рукой. Если ей суждено сгореть, будет справедливо, что сначала сгорит эта сраная книга.

В следующий раз он позвонил почти в час ночи, но она еще не спала, работала над своей книгой для ребенка, которая начиналась так:

«Привет! Это твоя мама, в виде книги. Вот как я выглядела, пока не была книгой».

Прямо под надписью Харпер приклеила свою карточку – отец сфотографировал, когда ей было девятнадцать и она работала инструктором по стрельбе из лука в Эксетерском управлении парков. На фотографии – долговязая девчонка со светлыми волосами, торчащими ушками, костлявыми мальчишескими коленками и царапинами на внутренней стороне предплечья из-за несчастных случаев с тетивой. Впрочем, девчонка симпатичная. Солнце на фотке светило из-за ее спины, окрашивая волосы золотом. Джейкоб говорил, что на фото – ангел-подросток.

Под карточкой Харпер прилепила лентой серебристый отражающий квадрат – вырезала из рекламы в журнале – и написала: «Мы похожи?»

У нее была куча идей – что должно быть в этой книге. Рецепты. Полезные советы. Хотя бы одна игра. Тексты ее любимых песен, которые она пела бы малышу: «Люби меня», «Мои любимые вещи», «Капли дождя падают мне на голову».

Не должно быть никаких девчачьих драм – если получится. Работая школьной медсестрой, она всегда стремилась походить на Мэри Поппинс: старалась сохранить доброжелательное спокойствие, уверенность, терпимость к играм, но при этом – и убежденность, что лекарство проскочит с ложечкой сахара. Если детям казалось, что она может вдруг запеть или пустить фейерверк из зонтика, она не спорила.

Она хотела, чтобы книга для ребенка была пронизана подобным настроением. Вопрос только в том, чего хочет ребенок от матери; ответ – пластырь для царапин, колыбельная на ночь, доброта, что-нибудь сладенькое после школы, кто-нибудь, кто поможет с уроками и кого можно обнять. Харпер еще не придумала, как научить книгу обниматься, зато прикрепила степлером к обратной стороне обложки дюжину пластырей и добавила четыре влажные салфетки в упаковке. Эта книга – «Подручная мама» – станет отличным подспорьем.

Когда зазвонил телефон, Харпер сидела перед телевизором – он работал непрерывно и не отключался уже полгода, не считая тех случаев, когда пропадало электричество. Сейчас электричество было,

и Харпер устроилась перед экраном, хотя, занятая книгой, не обращала на телевизор внимания.

Впрочем, смотреть было нечего. *FOX* продолжали вещание, но уже из Бостона, а не из Нью-Йорка. *NBC* выходили из Орlando. *CNN* вещали из Атланты, но вечерние новости вел человек по имени Джим Джо Картер, баптистский священник, и рассказывал он все время о людях, которых уберег от заразы Иисус. И еще оставались *HSB* – Патриотическое вещание, передавали или местные новостные программы, или помехи. *HSB* вещали с базы Куантико в штате Вирджиния. Столица, Вашингтон, по-прежнему горела. Как и Манхэттен. У Харпер был включен канал *FOX*. Зазвонил телефон. Она подняла трубку и поняла, что это Джейкоб, еще до того, как он заговорил. Он странно, чуть придушенно дышал и сначала просто молчал.

– Джейкоб, – сказала она. – Джейкоб, поговори со мной. Скажи что-нибудь.

– У тебя включен телевизор?

Харпер отложила ручку.

– Что случилось?

Харпер не знала, как вести себя, когда он позвонит. Она боялась, что не сумеет сдержать возмущение. Если Джейкоб услышит враждебность в ее голосе, то захочет узнать причину, и придется рассказать. Она никогда не умела от него что-то утаивать. А говорить о книге не хотелось. Не хотелось даже думать. Она беременна, в ее теле поселился огнеопасный грибок, и еще она узнала, что горит Венеция и теперь ей уже не поехать смотреть на город из гондолы. При всех напастях ждать от нее литературной критики его дерьмового романа – это чересчур.

Но Джейкоб рассмеялся – грубо и невесело, – и этот звук заставил ее забыть о возмущении. По крайней мере, пока. Кто-то в голове спокойным, профессиональным тоном произнес: «Истерика». Господи, уж этого она насмотрелась за последние полгода.

– Лучшая шутка уж не знаю за сколько времени, – сказал он. – «Что случилось»? Ты имеешь в виду, помимо того, что весь мир пылает? Что пятьдесят миллионов человек превратились в шаровые молнии? Ты смотришь *FOX*?

– Смотрю. Что случилось, Джейкоб? Ты плачешь. Что-то не так? – Ничего удивительного, что он чувствовал к ней презрение. За десять секунд он успел вызвать у нее беспокойство и жалость к нему, хотя пять минут назад она собиралась объявить ему бойкот хоть на целый месяц. К своему стыду, она не могла удержать свой гнев.

– Ты это видишь?

Харпер уставилась на экран: трясущиеся кадры, какой-то луг. Несколько человек в желтых дождевиках, резиновых перчатках по локоть и противогазах, со штурмовыми винтовками «бушмейстер» в руках, стояли на дальнем краю поля. Высокая желтая трава колыхалась под мягким дождем. За людьми в дождевиках тянулась линия деревьев. Слева виднелось шоссе. На подъеме прошуршала машина со включенными в надвигающихся сумерках фарами.

– ...на камеру мобильного телефона, – говорил диктор. – Учтите, кадры слишком натуралистичные. – Об этом уже не стоило предупреждать. В те дни все было натуралистично.

Из леса выводили людей. В основном детей, но с ними – несколько женщин. Некоторые дети были голые. Одна женщина тоже была обнажена, но прижимала платье к животу.

– Они показывают это всю ночь, – сказал Джейкоб. – Новостники такое обожают. Смотри. Смотри на машины.

Поле было хорошо видно с шоссе. На подъем въехала еще одна легковушка, за ней пикап. Проезжая мимо поля, оба водителя притормозили, потом снова прибавили газу.

Женщин и детей, вышедших из-за деревьев, согнали в плотную кучу. Дети плакали. Издалека их голоса как будто вливались в стон первого осеннего ветра. Одна из женщин подняла на руки маленького мальчика и прижала к себе. Харпер вдруг ощутила короткий, но сильный приступ дежавю, невероятную уверенность в том, что она смотрит на саму себя в скором будущем. Она смотрела на свою смерть.

Раздетая женщина, сжимая в руках платье, шагнула к одному из мужчин в дождевиках. С расстояния казалось, что ее обнаженная спина изрезана, а затем зашита блестящими золотыми нитями: драконья чешуя. Женщина уронила платье и шагнула навстречу штурмовой винтовке.

– Вы не смеете, – взвыла она. – Отпустите нас! Мы в Амери...

Харпер так и не поняла, был первый выстрел намеренным или случайным. Впрочем, людей вывели на поле для расстрела, так что сложно предположить, что кого-то застрелили по ошибке. Он был *преждевременным* – вот, наверное, нужное слово. Дуло винтовки брызнуло огнем. Женщина сделала еще шаг, второй, потом повалилась в траву и исчезла из виду.

На мгновение – на полвздоха – воцарилась удивленная придавленная тишина. Еще одна машина появилась на шоссе и замедлила ход.

Остальные винтовки жахнули разом – июльским фейерверком. Дула сверкали, как фотовспышки папарацци, снимающих вылезавшего из лимузина Джорджа Клуни. Вот только Джордж Клуни был уже мертв – сгорел заживо, когда находился с гуманитарной миссией в Нью-Йорке.

Машина на шоссе почти остановилась – водителю хотелось рассмотреть все получше. Женщины и дети падали, пока винтовки стрекотали под сентябрьским дождем. Машина помчалась прочь.

Мужчины в дождевиках упустили одну жертву: невысокая девушка с эльфийской легкостью скользила по полю прямо к скрытому наблюдателю с мобильным телефоном. Она неслась по траве, словно тень от облачка. Харпер смотрела, схватив двумя руками свою книгу, и, едва дыша, посылала молчаливую мольбу: «Отпустите. Пусть она убежит». Но тут девушка сложилась пополам, упала и смялась; Харпер поняла, что это совсем и не человек. Над полем пронеслось платье, которое было в руках у обнаженной женщины. Ветер заставил платье плясать, вот и все. Танец окончен.

Снова включили студию. Ведущий стоял перед широким телеэкраном, где повторяли показанные кадры. Стоя к экрану спиной, он говорил ровным, спокойным голосом. Его слов Харпер не слышала. Джейкоб тоже что-то говорил, но Харпер не слышала и его.

Она перебила обоих:

– Правда, она была похожа на меня?

– О чем ты? – спросил Джейкоб.

– Женщина, которая обнимала маленького мальчика. По-моему, она была похожа на меня.

Телеведущий продолжал:

– ...показывает, насколько опасны люди, которые, заразившись, не хотят...

– Не заметил, – сказал Джейкоб придушенным голосом.

– Джейкоб. Скажи мне: что не так?

– Меня тошнит.

У нее закружилась голова, словно она резко встала, хотя продолжала сидеть неподвижно на краю дивана.

– У тебя полоска?

– Лихорадит.

– Ясно. Но у тебя появились отметины?

– На ноге. Я думал – это синяк. Вчера уронил на ногу мешок с песком и думал, это просто синяк. – Он словно готов был заплакать.

– О, Джейкоб. Пришли мне фото. Я хочу посмотреть.

– Нечего тебе смотреть.

– Пожалуйста. Для меня.

– Я и сам знаю, что это такое.

– Пожалуйста, Джейк.

– Я знаю, что это, и у меня лихорадка. Мне охренительно жарко. Температура за тридцать восемь. Жарко, и я не могу спать. Мне снится, что одеяла горят и я выпрыгиваю из постели. Тебе такое снится?

Нет. Ее сны были гораздо хуже. Настолько, что она решила вообще не спать. Безопаснее бодрствовать.

– А зачем тебе мешок с песком? – спросила она. Не то чтобы ее это волновало, просто он успокоится, если говорить не об инфекции.

– Мне пришлось снова выйти на работу. Пришлось рискнуть. Я ведь могу заразить других. Вот во что ты меня втянула.

– О чем ты говоришь? Я не понимаю.

– Если бы я просто исчез, люди стали бы интересоваться, что со мной. Пришли бы в дом и нашли тебя. За твою жизнь могут заплатить другие. Ты сделала меня потенциальным убийцей.

– Нет, Джейкоб, мы говорили об этом. Пока чешуя не проявится на теле, ты не заразен. В этом практически все согласны. И даже тогда передача идет только при контакте. Так что не думаю, что ты серийный убийца. Так что насчет мешка с песком?

– Однажды всех из управления послали на мост через Пискатакву – пришел приказ из Национальной гвардии. Строили укрепление с

пулеметным гнездом, чтобы отстреливать больных засранцев, которые попытаются проскочить через новый пропускной пункт. А почему мы говорим о сраном мешке?

– Мне нужно, чтобы ты прислал фото отметины на ноге, – сказала она голосом строгой медсестры.

– По-моему, это у меня и в *голове*. Иногда бывает, как будто булавки в мозг втыкают. Будто сотня тонких иголочек...

Харпер промолчала. Это уже больше походило не на истерику, а на сумасшествие.

Потом она заговорила, спокойно и уверенно:

– Нет, Джейкоб, нет. Грибок действительно покрывает миелин в мозгу и на нервных волокнах, но только после того, как драконья чешуя распространится на все тело.

– Я, блин, знаю. Я, блин, знаю, что ты сотворила со мной. Ты убила нас обоих и нашего ребенка, только чтобы ублажить свое эго.

– Да о чем ты?

– Ты знала, как опасно работать в больнице, но хотела чувствовать свою значимость. В этом ты вся, Харпер. Тебе необходимо, чтобы тебя обнимали. Все время пытаешься быть со страдальцами, чтобы прилепить им пластырь и получить взамен дешевую любовь. Ты поэтому и стала школьной медсестрой. Легко добиться поцелуя от ребенка с поцарапанной коленкой. Дети любят любого, кто угостит их леденцом и прилепит пластырь на бобо.

У Харпер перехватило дыхание от гнева, кипящего в его голосе. Прежде она ничего подобного не слышала.

– Они были в отчаянии, – сказала Харпер. – Им требовались все сестры. Больница набирала сестер-пенсионерок, которым по восемьдесят пять лет. Я не могла просто сидеть дома и безучастно наблюдать по телевизору, как умирают люди.

– Нужно решать, – сказал Джейкоб. Он почти что всхлипнул. – Я не хочу сгореть, на хрен, живьем. И не хочу в поле молить охотников о милосердии.

– Если ты не спишь, то этим, возможно, и вызвана высокая температура. Мы не знаем точно, болен ли ты. Лихорадка часто говорит об инфекции, но не всегда. Даже наоборот. У меня лихорадки нет. И я хочу, чтобы ты прислал мне фото отметины.

Послышался стук, приглушенное топание, щелчок – сработала камера. Пятнадцать секунд не было слышно ничего, кроме его затрудненного дыхания.

Потом пришло фото его темной босой ступни на каком-то фабричном ковре. Вся верхняя часть ступни растерта в кровь.

– Джейк, – сказала Харпер. – Что это?

– Я пытался ее стереть, – ответил он почти печально. – Мне было очень тяжело. Тер наждачкой.

– У тебя есть другие полосы?

– Я помню, как это выглядело, – сказал он.

– Не надо тереть ее, Джейк. Это все равно что тереть спичкой о коробок. Оставь ее в покое. – Она опустила телефон и снова взглянула на фото. – Я хочу увидеть другие полосы, прежде чем ты окончательно решишь, что у тебя драконья чешуя. На ранней стадии полосы трудно отличить от синяка, но если ты просто оставишь в покое...

– Нужно решать, – сказал он снова.

– Решать что?

– Как мы умрем. Как мы сделаем это.

По телевизору показывали сюжет из Далмации: женщины и подростки готовили обеды и пекли кексы для добровольной пожарной дружины.

– Я не собираюсь убивать себя, – сказала Харпер. – Я тебе уже говорила. Я ношу ребенка. И собираюсь дожить до его рождения. В марте можно будет делать кесарево сечение.

– В марте? Сейчас сентябрь. К марту ты превратишься в кучку золы. Или в мишень для кремационной бригады. Хочешь умереть, как те люди в поле?

– Нет, – тихо сказала Харпер.

– Я знаю, что ты сделала со мной, – простонал Джейкоб и вздохнул – тяжело, словно захлебнулся: – *Знаю*. У меня горячие пятна на руках и ногах. Мне нравилось, что ты работаешь с таким рвением, что ты служишь обществу, пусть даже этим ты потакала своему нарциссизму. Ты хотела окружать себя плачущими детьми, потому что тебе было приятно вытирать им слезки. Не бывает бескорыстных поступков. Когда человек делает что-то для другого, то всегда по личным причинам. Но то, как ты заиклилась на своих потребностях –

вот от чего меня тошнит. Тебе даже не важно, скольких ты заразила. Лишь бы ничто не мешало твоим грезам о еще одном спасенном ребенке.

Он пытался добиться от нее сопротивления, хотел заставить говорить то, чего она говорить не хотела. Харпер решила сменить тему:

– Насчет горячих пятен я не знаю. Это ведь не симптом...

– Это не твой симптом. Он мой. Не пытайся изображать хренова доктора. Гребаный диплом медсестры и три года работы в начальной школе не делают тебя сраным доктором Хаусом. Ты только вытираешь доктору пот с верхней губы, когда он оперирует, и стряхиваешь каплю с члена, когда он поссит.

– Может, тебе домой вернуться? Я осмотрю тебя, не дотрагиваясь. И, наверное, смогу успокоить.

– Я намерен ждать, – ответил он. – Пока не буду уверен. И *вот тогда* приду домой. Жди меня. Потому что ты обещала.

– Джейкоб, – позвала она, но он уже не ответил.

Одним жарким дымным утром, через несколько дней после последнего звонка Джейкоба, электричество снова вырубилось, и на сей раз окончательно.

К тому времени Харпер добралась до последних, покрытых пылью консервных банок в глубине буфета, – уже и не вспомнить, когда их покупали. Она не выходила из дома с того дня, как обнаружила первую полоску на ноге. Не осмеливалась. Полоски можно прикрыть – на лице и руках чешуи не было, – но сердце сжималось при мысли, что в магазине на углу она столкнется с кем-нибудь и обречет его на смерть.

Иногда Харпер задумывалась, можно ли питаться кулинарным жиром «Криско». В глубине души она понимала, что можно и вскорости придется. Есть немного порошкового какао, возможно, по вкусу будет как шоколадный пудинг.

Не было определенного момента, когда она сказала себе: «Ухожу». Не было определенного дня, когда она трезво осознала, что скоро останется без пищи и будет вынуждена рисковать.

Просто однажды она сняла с бельевой веревки на задней веранде одежду и начала раскладывать ее на кровати, рядом с «Подручной мамой». Сначала это были просто вещи, которые она хотела убрать: футболки, пара джинсов, спортивные костюмы. Но их можно было и взять с собой в машину, чтобы куда-нибудь поехать. И, открыв гардероб, Харпер вдруг начала не убирать вещи, а упаковывать их.

У нее не было пункта назначения, не было плана и вообще никаких мыслей. Просто возникло какое-то неясное ощущение, что неплохо бы уложить одежду в старый портплед, на случай, если придется спешно покидать дом. Харпер действовала словно машинально – без цели, без намерения, скользила, как лист на беспощадном осеннем ветру. Радио, ярко-розовый портативный приемник в стиле японской кошечки «Хелло Китти», она держала

включенным, – Харпер укладывала одежду под классический рок: фон создавали Том Петти и Боб Сигер.

Ее сознание наконец включилось, и она поняла, что музыка кончилась. Уже какое-то время распинался диджей. Харпер узнала его голос – хриплый, дребезжащий бас принадлежал бывшему шутнику из утренней программы. Или же ведущему радиостанции правого толка. Точно сказать она не могла, как не могла вспомнить и его настоящее имя. Говоря о себе – очень часто, – он представлялся Ковбоем Мальборо, в честь всех спаленных им *окурков*. Так он называл людей, больных драконьей чешуей: «окурки».

Он с тупой самоуверенностью шутил, что бывший президент стал чернее, чем прежде, поскольку изжарился заживо от драконьей чешуи. Он говорил, что после эфира отправится с кремационной бригадой выкуривать окурков из их логовищ и поджигать. Харпер, сидя на кровати, слушала отвратительно увлекательный рассказ о том, как он заставил трех девушек скинуть блузки, чтобы убедиться, что у них нет драконьей чешуи на грудях.

– Здоровые американские груди – вот за что мы сражаемся, – заявил он. – Это нужно записать в Конституцию. Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на незаразные сиськи. Зарубите на носу, девочки. Если мы появимся на вашем пороге, будьте готовы выполнить патриотический долг и предъявить нам свободолюбивые титьки безо всякого вируса.

Тут застучал дверной молоток, и Харпер подпрыгнула, словно в дом вломилась кремационная бригада. В каком-то смысле стук в дверь теперь пугал больше, чем крики на улице или пожарная сирена. Крики раздавались каждый день, сирена – и вовсе каждый час. А в дверь стучали последний раз и не упомнишь когда.

Харпер прокралась через прихожую и посмотрела в глазок. На верхней ступеньке стояли рядышком Тигр Тони с пачки кукурузных хлопьев и Капитан Америка, державший в руках сморщенные пластиковые пакеты. За ними, на дальнем конце подъездной дорожки, виднелся человек, сидящий спиной к дому; он курил, и над головой поднимались струйки дыма.

– Сласти и страсти, – раздался приглушенный голос. Девчачий.

– Сласти или... – Харпер остановилась. – Но ведь сейчас не Хэллоуин.

– Мы решили начать пораньше!

Харпер рассердилась: какой-то идиот отправляет детей по домам в разгар чумы. У нее были представления о том, как должны вести себя родители, и такое поведение не лезло ни в какие ворота. Ее внутренняя английская няня возмутилась и готова была ткнуть отвратительному взрослому в глаз зонтиком.

Харпер сняла с вешалки ветровку и надела, чтобы скрыть изящный орнамент драконьей чешуи на руках. Открыла дверь, не снимая цепочки, и выглянула в шестидюймовую щель.

Девочке могло быть и восемнадцать, и тринадцать. Лицо скрывалось за маской, и оставалось только гадать. Голова была выбрита, и если бы не голос, Харпер могла принять ее за мальчика.

Мальчик был, пожалуй, вдвое младше. В прорезях маски тигра Тони сверкали бледно-зеленые глаза цвета пустой бутылки из-под кока-колы.

– Сласти и страсти, – повторила Капитан Америка. На воротнике побитой молью водолазки блеснул золотой медальон в виде книжки.

– Не стоит вам ходить по домам за конфетами. – Харпер посмотрела на курящего мужчину, который по-прежнему сидел на тротуаре спиной к дому. – Это ваш отец?

– Мы не за угощением, – ответила капитан Америка. – Мы сами принесли. У нас есть и страсти. Можете получить все сразу. Потому я и говорю: «Сласти *и* страсти». Мы подумали, это поднимет вам настроение.

– Все равно, вам не стоит выходить на улицу. Люди болеют. Если больной тронет здорового, он может его заразить. – Она крикнула через их головы: – Эй, приятель! Детям не стоит выходить на улицу! Кругом зараза!

– Мы в перчатках, – сказала Капитан Америка. – И мы не будем вас трогать. Никто ни от кого ничего не подцепит. Я *обещаю*. Гигиена для нас – самое главное! Не хотите посмотреть на сласти? – Она пихнула мальчика локтем.

Тигр Тони открыл свой пакет. Там лежал пузырек сладких жевательных витаминок – Харпер заметила, что это витамины для беременных. Она подняла голову и посмотрела на гостей – сначала на одну, потом на второго.

– Это что?

– Как кисленькие жвачки, – сказала Капитан Америка. – Но можно только две в день. С вами все в порядке?

– Что значит «все в порядке»? Ну-ка погодите. Вы кто? Пожалуй, надо поговорить с вашим отцом.

Она поднялась на цыпочки и крикнула вдаль:

– Я хочу с вами поговорить!

Человек на тротуаре не обернулся, а только неопределенно помахал рукой. Или, может, просто отгонял дым от лица. Он пускал дымные кольца в вечернее небо.

Капитан Америка бросила на него небрежный взгляд.

– Это не наш отец. Отца с нами нет.

Харпер опустила взгляд. Мальчик все еще держал пакет открытым, показывая подарок.

– Это витамины для беременных. Откуда вам известно, что я беременна? Я не похожа на беременную. Погодите. Что, похожа?

– Не очень, – ответила Капитан Америка.

– Кто вас сюда прислал? Кто велел отдать мне это?

– Они вам не нужны? Если не хотите, не берите.

– Дело не в том, нужны ли они мне. Вы очень любезны, и я благодарна, но...

– Тогда берите.

Мальчик повесил пакет на дверную ручку и отошел. Чуть помедлив, Харпер сунула руку в щель и вытащила пакет.

– А теперь страсти. – Девочка открыла свой пакет, показывая Харпер его содержимое.

Тигр Тони, похоже, не собирался ничего говорить. Он молчал с самого начала.

Харпер заглянула в пакет. Там лежал клоунский слайд-свисток в пластиковой упаковке.

– Они очень громкие, – сказала Капитан Америка. – Будет слышно отсюда аж до Вентворта на побережье. Глухой услышит. Возьмите.

– В пакете больше ничего нет, – заметила Харпер. – Вам больше нечего раздавать.

– Вы последняя в очереди.

Харпер вдруг задумалась, не спит ли она. Такие разговоры бывают во сне. Дети в масках казались не просто детьми. Они казались *символами*. Девочка в своей речи как будто пользовалась секретным

кодом сновидений; психолог бы мог часами его расшифровывать. А этот мальчик. Он просто стоял и смотрел. И не моргал. Когда говорила Харпер, он не отрываясь смотрел на ее губы, будто хотел их поцеловать.

Харпер неожиданно ощутила короткий, но болезненный укол надежды. А может, вообще все это сон. Может, она подхватила тяжелый грипп или что похуже, и все, что случилось за последние три месяца, – лишь бред, вызванный болезнью. Разве не такие сны снятся людям, страдающим от лихорадки? Может, ей всего лишь приснилось, что Джейкоб ее бросил и она осталась одна в зараженном мире, горящем мире, и единственные ее гости за много недель – пара детей в масках, разговаривающих фразами из печений с предсказаниями.

«Я возьму слайд-свисток, – подумала Харпер, – и если свистну посильнее, моя лихорадка исчезнет и я проснусь в постели, вся в поту, а Джейкоб будет прижимать к моему лбу холодную салфетку».

Девочка повесила пакет на ручку двери и шагнула назад. Харпер взяла пакет и прижала мятый пластик к груди.

– У вас точно все в порядке? – спросила девочка. – Вам что-нибудь нужно? То есть помимо ваших сладостей и ваших страстей? Вы ведь больше не выходите из дома.

– Откуда ты знаешь, что я больше не выхожу? Как давно вы за мной следите? Не знаю, что вы задумали, но я не люблю игры. Если не знаю, с кем играю. – Она снова поднялась на цыпочки и крикнула в спину мужчине, сидящему на тротуаре: – Я не люблю игры, приятель!

– У вас все в порядке, – убежденным тоном произнесла Капитан Америка. – Если что-то понадобится, просто позвоните.

– Позвать? – переспросила Харпер. – Как я должна вас позвать? Я даже не знаю, кто вы.

– Это верно. Зато мы знаем, кто вы. – Капитан Америка ухватила мальчика за плечо и повела прочь.

Они быстро вышли по дорожке на улицу. Когда они поравнялись с тротуаром, сидящий человек поднялся на ноги, и только тут Харпер поняла, что он не курил сигарету, а просто пускал дым изо рта. Он выдохнул последнее колечко, распавшееся на сотню дымных бабочек. Они разлетелись, трепеща крыльями, в дымном утреннем воздухе.

Харпер грохнула дверью, сняла цепочку и, выскочив на крыльцо, спустилась по трем ступенькам в сад.

– Эй! – закричала она; сердце колотилось в груди, словно она только что пробежала несколько раз вокруг дома.

Человек обернулся, и Харпер увидела, что на нем маска Хиллари Клинтон. И только сейчас она заметила, что он носит чуть поблескивающие желтые штаны, как у пожарных.

– Эй, вернитесь! – крикнула она.

Человек быстро повел детей в переулок, прячась за изгородью. Мальчика практически не было видно.

Харпер пошла по желтеющей траве, все еще сжимая пакет со свистком. Выйдя в переулок, она огляделась, щурясь от тумана, который теперь постоянно застилал улицу. Густой и бледный, он постепенно стирал дорогу – уже в конце квартала ничего не было видно. Дым глотал дома, лужайки, телефонные столбы и скрывал небо. Проглотил он и мужчину с детьми. Харпер глядела им вслед увлажнившимися глазами.

Вернувшись в дом, она снова закрыла дверь на цепочку. Если нагрянет карантинный патруль, цепочка даст ей достаточно времени, чтобы спуститься в подвал и ускользнуть через заднюю дверь в лес. С портпледом. И со слайд– свистком.

Она вертела свисток в руках, пытаясь понять, насколько он громкий, и вдруг поняла, что в доме стоит полная тишина. Ни музыки, ни Ковбоя Мальборо. Минут пять назад сели батарейки в радиоприемнике. Двадцать первый век, подобно гостям в масках, быстро и без извинений ускользнул от нее, снова оставив совсем одну.

«Сласти и страсти», – подумала она.

Когда мобильный телефон был на последнем издыхании, она поняла, что настала пора для звонка, который она столько времени откладывала, – еще день, и позвонить, возможно, уже не получится. Она выпила бокал белого вина, чтобы расслабиться, и набрала номер брата. Трубку взяла невестка – Линди.

Лет в двадцать Линди выгодно сменила хобби – спать с басистами второразрядных рок-групп, – на работу в звукозаписывающей студии в Вудстоке; там она и познакомилась с Коннором. Он играл на басу в

прогрессив-метал-группе «Небьющиеся». Название группу не спасло. У Коннора теперь была лысина размером с чайное блюдце и работа по установке джакузи. Линда устроилась инструктором в высококласный тренажерный зал, где обучала домохозяек гимнастическому танцу у шеста. Она сравнивала себя с дрессировщиком тюленей:

– Хочется сардинку кинуть, если хоть одна полный круг прокрутит и не упадет.

Вскоре после этого Харпер перестала посещать свой тренажерный клуб – страшно было представить, что говорят про нее за спиной тренеры.

– Как дела, Линди? – спросила Харпер.

– Не знаю. У меня трехлетний сын. Я слишком устаю, чтобы думать о том, как дела. Спроси лет через двадцать, если свидимся. Тебе, наверное, Кон нужен.

Она опустила трубку и заорала:

– Коннор! Тебя сестра!

Брат взял трубку.

– Алло! Сестренка! Как дела?

– У меня важные новости, – сказала Харпер.

– Про того монаха в Лондоне?

– Нет. Какого монаха?

– Которого застрелили, когда он пытался пройти в «Би-би-си». Ты не слышала про монаха? Он и еще трое – все больные. И уже давно – сам монах ходил со спорами с февраля. Считается, что он мог заразить буквально тысячи людей. И подозревают, что он собирался заразить работников новостного отдела, чтобы вызвать политический резонанс. Терроризм с помощью инфекции. Психованный засранец. Он светился как лампочка, когда его шлепнули.

– Это ведь не инфекция в традиционном смысле. Ее передают не микробы, а споры.

– Ага. Его последователей окружили и допросили. Он им говорил, что можно *научиться* контролировать болезнь, чтобы не заражать других. Что они могут идти домой, жить среди нормальных людей. А если и заразят кого-то из близких, так просто научат их, как не болеть. У него, наверное, мозги грибок поросли. В твоей больнице ведь были такие пациенты, да? Психи, у которых мозги набиты спорами?

– Споры пробираются в мозг, но я не уверена, что зараженные люди сходят с ума именно от этого. Знать, что можешь в любую секунду превратиться в факел, для любого невыносимо. Удивительно то, что некоторые сохраняют здравый ум. – Харпер подумала, что скоро точно узнает, влияет ли чешуя на сознание человека. Может, грибок сейчас опутывает ее мозг.

– Случилось еще что-нибудь, кроме монаха-террориста? – спросил Коннор.

Харпер сказала:

– Я беременна.

– Ты... – Коннор запнулся. – Боже, Харпо! Боже! Линди! Линди! Харпо и Джейк ждут ребенка!

Харпер услышала фоном голос Линди: «Она беременна», – в нем не было слышно радости. Потом она сказала еще что-то, совсем тихо; кажется, что-то спросила.

– Харпо! – сказал Коннор. Он пытался говорить весело, но в голосе слышалось напряжение – понятно, что Линда почему-то не рада. – Я так рад за вас. Мы даже не подозревали, что вы собираетесь. Мы думали...

Линда в трубке негромко, но отчетливо сказала:

– Мы думали, что чистое сумасшествие заводить ребенка в разгар чумы, после того как ты несколько месяцев провела в контакте с инфицированными.

– А папа и мама знают? – взволнованно спросил Коннор. Она не успела ответить, как он сказал: – Подожди.

Он прижал трубку к груди, чтобы прикрыть микрофон, – Харпер десятки раз видела, как он это делает. Она ждала, когда Коннор вернется на линию. Наконец он заговорил:

– Алло. – Он немного запыхался, словно бежал по лестнице. Наверное, поднялся наверх – подальше от Линди. – Так о чем мы? Я так рад за тебя. Уже знаешь, мальчик или девочка?

– Еще рано. – Она глубоко вздохнула и сказала: – А что ты скажешь, если я приеду ненадолго в гости?

– Попытаюсь отговорить. Не стоит тебе ездить по дорогам в нынешнем положении. Посты через каждые тридцать миль, и это не самое худшее. Если с тобой что-то случится, я себе никогда не прощу.

– И все же – чисто гипотетически – что ты сделаешь, если я завтра возникну на твоём пороге?

– Для начала обниму тебя, а там посмотрим. А Джейкоб присутствует в твоих планах? Он знает парня с частным самолетом или что? Дай ему трубку, я его поздравлю.

– Я не могу дать ему трубку. Мы с Джейкобом больше не живем вместе.

– Что значит, вы не... да что случилось? – спросил Коннор. Он помолчал, потом сказал: – Господи. Он что, болен? Поэтому ты и хочешь приехать? Господи. Я сразу понял: что-то не так, но подумал – ты беременна, так положено.

– Не знаю, болен ли он, – мягко сказала Харпер. – Но я больна. В этом плохая новость, Коннор. Я заразилась полтора месяца назад. И если я окажусь на твоём пороге, обнимать меня точно не стоит.

– Ты про что? – спросил он тихим испуганным голосом. – Как?

– Не знаю. Я была осторожна. В больнице этого случиться не могло. Мы были упакованы в резину с головы до ног. – Харпер снова удивилась своему спокойствию перед лицом болезни. – Коннор. Утроба – неблагоприятная среда для спор. Ребенок наверняка родится здоровым.

– Повиси на линии. Подожди. Я серьезно. О господи. – Он как будто старался не заплакать. – Ты ведь еще сама ребенок. Зачем тебе было работать в больнице? Какого хрена ты туда пошла?

– Нужны были медсестры. Вот такая я, Коннор. Я могу прожить еще месяцы. *Месяцы*. Достаточно, чтобы сделать кесарево сечение. Я хочу, чтобы ты и Линди взяли ребенка после моей смерти. – Думать о Линди, как о мачехе ее еще не рожденного ребенка, было противно, но она пересилила себя. По крайней мере, Коннор будет хорошим отцом: любящим, терпеливым, веселым и чуточку строгим. А у ребенка будет «Подручная мама» – на самый тяжелый случай.

– Харпер. Харпер. Мне очень жаль. – Его напряженный голос упал почти до шепота. – Как несправедливо! Ты всегда хотела добра людям. Нечестно.

– Тихо, тихо, Коннор. Ты будешь нужен этому ребенку. И будешь нужен мне.

– Да. Нет. То есть разве не лучше пойти в больницу?

– Я не могу. Не знаю, как у вас в Нью-Йорке, но здесь, в Нью-Гемпшире, больных отправляют в карантинный лагерь в Конкорде. Это нехорошее место. Там нет медицинского обслуживания. Даже если ребенок выживет, не представляю, что с ним сделают. Куда его поместят. Я хочу, чтобы ребенок остался с тобой, Коннор. С тобой и Линди. – Даже произнести имя Линди было непросто. – И потом. Зараженные спорами люди, находясь вместе, иногда поджигают друг друга. Теперь мы это знаем. Мы видели это в больнице. Отправиться в лагерь с другими зараженными – смертный приговор. Мне и, наверное, ребенку.

– А что насчет нашего ребенка, Харпер? – Голос Линди, видимо, поднявшей вторую трубку, впился в ухо Харпер. – Мне жаль. Мне охренительно жаль, до боли. Представить не могу, что тебе пришлось пережить. Но, Харпер, у нас *трехлетний* сын. А ты хочешь, чтобы мы тебя спрятали? Чтобы впустили в дом, рискуя жизнью нашего ребенка? Нашими жизнями?

– Я могу пожить в вашем гараже, – прошептала Харпер; вряд ли Линди расслышала.

– Даже если ты не заразишь нас – что, если кто-нибудь узнает? Что будет с Коннором? Со мной? Людей забирают, Харпер. Мы нарушаем по меньшей мере шесть федеральных законов, просто *разговаривая* об этом, – сказала Линди.

Вмешался Коннор:

– Линди, повесь трубку. Дай мне поговорить с сестрой.

– Не повешу. Ты не будешь принимать решения без меня. Я не позволю ей убедить тебя рисковать нашими жизнями. Хочешь увидеть, как наш сын сторит живьем к хренам? Нет. Нет. Этого не будет.

– Линди. Это частный разговор, – сказал Коннор, чуть не плача. – Это наше с сестрой дело.

– Решения, которые повлияют на безопасность нашего ребенка, это уже не твое частное дело, – ответила она. – Я рискну своей жизнью ради любого из вас, но не буду рисковать жизнью сына, и нечестно меня просить. Рваться в герои – не вариант, когда у тебя маленький ребенок. Я это знаю, и ты, Харпер, знаешь. Если не знала, пока не забеременела, то знаешь теперь. Ты хочешь, чтобы с твоим ребенком все было в порядке. Я понимаю, *потому что хочу того же для своего*. Мне очень жаль, Харпер. Правда. Но ты сделала выбор. Мы должны

сделать свой. Выбор не геройский, но он позволит нашему ребенку выжить.

– Линди, – взмолился Коннор, хотя Харпер не поняла, о чем он молит.

Да, Линди была ужасна; ей нравилось быть матерью, потому что она могла издеваться над мужем и ребенком. Все в ней было ужасно – от острого носа до острых маленьких сисек и острого визгливого голоса... Но она была права. Харпер стала заряженным оружием, а заряженное оружие нельзя оставлять там, где до него может добраться ребенок. Харпер подумала – и не впервые, – что решение выжить, в некотором смысле, чудовищно, это акт гордыни, возможно, убийственный эгоизм. Ее смерть – дело решенное, и все теперь зависит от того, заберет ли она кого-нибудь с собой, подвергнет ли риску.

Но кто-то уже подвергается риску. Рискует ребенок.

Харпер зажмурилась. Она ощущала сквозь веки свет двух свечей, горящих на кофейном столике, мутное красное сияние.

– Коннор, – сказала Харпер. – Линди права. Я не подумала. Просто испугалась.

– Конечно, испугалась, – ответила Линди. – Ну конечно испугалась, Харпер.

– Не надо было спрашивать. Я слишком долго сидела в одиночестве – Джейкоб уехал в прошлом месяце, и помочь он не может. Когда слишком долго остаешься в одиночестве, возникают глупые идеи.

– Лучше бы тебе позвонить отцу, – сказала Линди. – Расскажи ему обо всем.

– Что? – воскликнул Коннор. – Господи, папа не должен знать! Это его убьет. У него в прошлом году был инфаркт, Линди. Хочешь, чтобы случился еще один?

– Он умный человек. Что-нибудь придумает. И потом, твои родители имеют право знать. Харпер должна рассказать, в какое положение она нас всех поставила.

Коннор захрипел.

– Его сердце не остановится. Оно разобьется. Линди, Линди...

– Наверное, ты права, Линди, – сказала Харпер. – Ты из нас самая разумная. Мне нужно будет позвонить маме и папе. Но не сегодня. У

меня на телефоне только три процента зарядки; не хочу вывалить дурные вести и отключиться. Только *пообещай* мне, что дашь мне самой сообщить им. Не хочу, чтобы они услышали все от тебя, пока я вне зоны доступа. Ну и ты сама сказала: я во всем виновата, мне и держать ответ.

Харпер вовсе не собиралась звонить родителям, чтобы сообщить, что скорее всего умрет в течение года. Ни к чему. Им уже почти по семьдесят, и они обитают в зале ожидания Бога, именуемом также штат Флорида. Оттуда они не помогут ей и приехать не смогут; единственное, что им по силам, – объявить траур заранее, а смысла в этом Харпер не видела.

Однако ничто так не смягчало Линди, как признание ее правоты, и заговорила она гораздо спокойнее:

– Конечно, сообщи им сама. Поговоришь с ними, когда сможешь, когда будешь готова. Если им захочется с кем-то поделиться, мы со своей стороны сделаем все, чтобы их утешить. – Смущенным голосом она добавила: – Может быть, именно это поможет мне сблизиться с твоей матерью.

Как мило, отметила Харпер. Пусть она сторит заживо, но хотя бы Линди сможет подружиться со свекровью.

– Линди? Коннор? Телефон сдыхает, не знаю, когда еще смогу позвонить. Электричества нет уже несколько дней. Можно, я пожелаю спокойной ночи Джуниору – Коннору-младшему? Ему, наверное, уже спать пора.

– Ну, Харпер, – сказал Коннор. – Я не знаю...

– *Разумеется*, она может пожелать Джуниору спокойной ночи, – вмешалась Линди, встав теперь на сторону Харпер.

– Харп, ты ведь не скажешь малышу, что ты больна?

– *Разумеется*, она не скажет, – снова влезла Линди.

– И... и не думаю, что стоит говорить ему о ребенке. Не хочу, чтобы он вбил себе в голову, что у него будет... Господи, Харпер. Это правда ужасно. – Он как будто старался не заплакать. – Как я хочу тебя обнять, сестренка.

Она ответила:

– Я люблю тебя, Кон. – Что бы ни придумал себе Джейкоб про эти три слова, для Харпер они были важны. Они были ближе всего к волшебству, таили в себе силу, которой не хватает другим словам.

– Я подниму Джуниора, – сказала Линди мягким тихим голосом – как в церкви. Раздался пластиковый стук – она положила свою трубку.

Брат сказал:

– Не сердись, Харпер. Не надо нас ненавидеть. – Он тоже говорил шепотом, горестным тоном.

– Конечно, – ответила она брату. – Заботьтесь друг о друге. Линди правильно говорит. Вы все делаете правильно.

– О, Харп, – сказал Коннор. Он глубоко, со всхлипом вздохнул и добавил: – Вот и мальчик.

Настала тишина – он передавал трубку. Возможно, именно из-за этой тишины Харпер услышала звук на улице: шуршание гравия и шум большого грузовика, едущего по дороге. Харпер уже отвыкла от уличного движения после заката – действовал комендантский час.

Коннор-младший сказал:

– Привет, Харпер. – Его голос вернул ее в мир на том конце провода.

– Привет, Джуниор.

– Папа плачет. Сказал, что ударился головой.

– Ты должен поцеловать его, чтобы прошло.

– Ладно. И ты плачешь? Почему? Тоже ударились головой?

– Да.

– Все головой ударяются!

– Вот такая ночь.

В трубке послышался стук. Коннор-младший закричал:

– Я тоже ударился головой!

– Не делай так, – сказала Харпер.

Харпер краем сознания отметила, что грузовик еще на улице и мотор работает.

В трубке снова послышался стук.

– Опять моя голова! – весело сказал Коннор-младший. – Мы все стукнулись головой!

– Больше не надо, – сказала Харпер. – А то заболит.

– Уже заболела, – радостно объявил мальчик.

Харпер громко чмокнула телефонную трубку.

– Я поцеловала телефон. Ты почувствовал?

– Ага! Почувствовал. Спасибо. Уже лучше.

– Хорошо, – сказала она.

Стукнул дверной молоток. Харпер подскочила на диване, как будто услышала выстрел на улице.

– Ты опять стукнулась головой? – спросил Коннор. – Я слышал – так громко!

Харпер сделала шаг в сторону прихожей. Мелькнула мысль, что она идет не в ту сторону – ведь надо в спальню, за портпледом. Кто бы ни стоял теперь за дверью – вряд ли она действительно хочет его видеть.

– Тебя поцеловать, чтобы стало лучше? – спросил Коннор.

– Конечно. Один раз, чтобы стало лучше, и еще раз – на ночь.

Послышался смачный поцелуй, а потом Коннор-младший тихо, почти смущенно сказал:

– Вот. Поможет.

– Уже помогло.

– Мне пора. Надо зубы почистить. А потом слушать сказку.

– Иди слушать сказку, Джуниор, – ответила Харпер. – Спокойной ночи.

Из прихожей донесся странный звук: грохочущий и скрежещущий «клик-клак». Потом приглушенный удар. Харпер ждала, когда же Коннор-младший пожелает ей спокойной ночи, но он молчал, и она постепенно поняла, что тишина на том конце провода стала другой. Опустив телефон, она убедилась, что он отключился, растратив остатки заряда. Теперь это было просто пресс-папье.

Снова раздался скрежет: «клик-клак-бум».

Харпер вышла в прихожую и остановилась в двух ярдах от двери, прислушиваясь к тишине.

– Кто там?

Дверь приоткрылась на четыре дюйма и уперлась в цепочку – с тем же стуком. В щель заглянул Джейкоб.

– Харпер, – сказал он. – Так ты меняпустишь? Надо поговорить.

Она стояла на пороге гостиной, глядя через прихожую на ту часть фигуры Джейкоба, которая была видна в приоткрытую дверь. Его вытянутое лицо с запавшими глазами поросло четырехдневной

щетиной. Когда-то они, как многие пары, обсуждали, кто мог бы сыграть в фильме, рассказывающем об их жизни (кому пришлось бы в голову делать фильм о школьной медсестре и диспетчере в Управлении общественных работ – другой вопрос). В роли Джейкоба Харпер представляла Джейсона Патрика или, может, молодого Джонни Деппа – кто-нибудь темный и крепкий, способный и стойку на руках изобразить, и стих написать. Сейчас Джейкоб выглядел, как Джейсон Патрик или Джонни Депп в роли наркомана. На потном лице лихорадочно блестели глаза.

(Кастинг на роль Харпер не представлял бы трудностей: Джули Эндрюс, двадцативосьмилетняя Джули Эндрюс – не потому, что они похожи, а потому что Харпер никого другого вообразить в этой роли не могла. А если не получится пригласить двадцативосьмилетнюю Джули Эндрюс, то и съемки придется отменить.)

Джейкоб приехал домой не на велосипеде. За его спиной у тротуара скучал спецгрузовик – 2,5-тонный «Фрейтлайнер» цвета тыквы с навешенным снежным плугом, помятым и почерневшим от непрерывной работы. Грузовики с плугом работали днем и ночью, расчищая дороги. То и дело требовалось сдвинуть с шоссе горящий автомобиль.

Харпер направилась к двери, обхватив себя руками. Прохладный воздух, врывающийся в приоткрытую дверь, нес запах осени – пряный сладкий аромат яблок, опавших листьев и далекого дыма. Снова дым.

– Нужно было позвонить, – сказала она. – Я не думала, что ты приедешь. Я уже собиралась ложиться. Могла вообще тебя не услышать.

– Как-нибудь все равно вошел бы. Выбил бы окно.

– Хорошо, что не выбил. В бойлере нет масла. А с выбитыми стеклами трудно сохранять тепло в доме. Холодает.

– Вот именно. Впустишь меня?

Она не стала отвечать, даже себе.

Жаль, что он не пришел днем. Харпер легко могла представить, как снимает цепочку при свете дня. Но с октябрьской тьмой за его спиной, под октябрьским холодным ветром, тянущим в приоткрытую дверь, невозможно было забыть об их последнем разговоре и об угрожающих звуках, которыми сопровождалось появление Джейкоба.

Она глубоко вздохнула и спросила:

– Как себя чувствуешь?

– Лучше. Гораздо лучше, Харп. Извини, что напугал. – Он бросил на нее виноватый взгляд из-под длинных, почти девичьих ресниц.

– Что насчет спор? Ты боялся, что подцепил заразу. У тебя появились еще отметины?

– Нет. Ни одной. Я запаниковал. Струсил. И мне нет оправданий. Я в норме – если не считать неизлечимого стыда. Драконья чешуя у тебя, но именно я повел себя как... как... – Он обернулся на свой «Фрейтлайнер», потом сказал: – *Черт*. Мне уйти? Вернуться завтра? Я только... я только поговорить хотел насчет всего этого. Меня вдруг охватило запоздалое желание убедить свою жену, что я не истеричное дерьмо.

– Я тоже хочу поговорить. Наверное, действительно надо.

– Правда? – спросил он. – О ребенке? Если мы точно хотим, чтобы малыш появился на свет, – нам нужен план. До следующего марта далеко. Что, снять с предохранителя? Я мерзну.

– Сейчас, – сказала Харпер. Она прикрыла дверь и взялась за цепочку. И тут спохватилась, прокручивая в голове его последние слова. Неправильно расслышала, решила она. Слух сыграл с ней шутку.

– Джейкоб, – сказала она, возвращая цепочку на место. – Ты что-то сказал про предохранитель?

– А? Да нет, нет. Вовсе я не... Впустишь? А то я тут отморожу свою тощую задницу.

Она посмотрела в глазок. Он стоял у самой двери, и видно было только правое ухо и часть лица.

– Джейкоб, – сказала она. – Ты меня немного пугаешь. Покажи руки.

– Ладно. Выходит, теперь паранойя у тебя, но пускай. Смотри. Вот мои руки. – Он сделал шаг назад и расставил руки в стороны.

Его левая нога с грохотом впечаталась в дверь. Цепочка отлетела. Дверь ударила Харпер в лицо. Она отшатнулась и села на пол.

В правой руке Джейкоба появился пистолет, маленький револьвер, извлеченный из глубокого кармана водительских штанов. В Харпер Джейкоб не целился. Просто вошел в прихожую и локтем захлопнул за собой дверь.

– Я хочу, чтобы все было по-доброму, – сказал он, успокаивающе подняв левую ладонь.

Харпер на четвереньках поползла прочь, пытаясь подняться на ноги.

– Стой, – сказал он.

Она не остановилась. Ей казалось, она успеет обогнуть угол, добраться до кухни и спуститься по лестнице в подвал – к задней двери. Но стоило ей подняться, Джейкоб лягнул ее под левую коленку, и Харпер снова упала.

– Миладевичка, не надо, – сказал он. – Прекрати.

Харпер перекатилась на бок. Он стоял с пистолетом в руках, озадаченно ее разглядывая.

– *Прекрати*, – повторил он. – Мне так не нравится. Я хочу, чтобы все было, как мы договаривались. По-доброму.

Харпер снова поползла прочь. Когда он шагнул за ней, она ухватилась за приставной столик, на котором стояла лампа, и швырнула его, пытаясь попасть в Джейкоба. Он отбил столик, почти не глядя; глаза его были устремлены на Харпер.

– *Пожалуйста*, – сказал он. – Я не хочу делать тебе больно. Даже думать об этом не хочется.

Он протянул левую руку, чтобы помочь подняться. Харпер не приняла ее, тогда он нагнулся, ухватил ее за плечо и рывком поставил на ноги. Она пыталась освободиться, но потеряла равновесие и упала Джейкобу на грудь. Он обнял ее и прижал к себе.

– *Пожалуйста*, – сказал он, покачиваясь вместе с ней. – Прошу тебя. Я знаю: ты напугана. И я напуган. Мы имеем право бояться. Мы оба заразились и умираем.

Пистолет прижимался к ее пояснице. Блузка задралась, и металл охлаждал кожу.

– Надо закончить все так, как мы договаривались. По-доброму. Хорошо и легко. Не хочу умирать в отчаянии, ужасе и слезах; и не хочу, чтобы ты умирала так. Я слишком тебя люблю для этого.

– Не трогай меня, – сказала она. – Мы не знаем, болен ли ты. Я не хочу тебя заразить.

– Я-то знаю. Знаю, что заражен. Знаю, что умру. Умрем мы оба. Вопрос только в том, как.

Джейкоб ослабил хватку. Поцеловал ее – ласково и искренне. Поцеловал ее волосы. Лоб. Когда Харпер закрыла глаза, он поцеловал ее веки – одно, другое. Она вздрогнула и прошептала:

– Ты не должен целовать меня.

– Ну как я могу не целовать тебя? Для меня нет ничего слаще.

Она открыла глаза и посмотрела ему в лицо.

– Джейкоб. Я чувствую, что у тебя жар, но не вижу никаких отметин. Почему ты уверен, что заражен?

Он покачал головой:

– На бедре. Началось вчера, а теперь все хуже и хуже. Все бедро горит.

Правой рукой Джейкоб легко обхватил ее за талию – пистолет скользнул по позвонкам. Костяшками пальцев левой он ласково и успокаивающе провел по ее подбородку. Харпер беспомощно вздрогнула.

– Давай сядем. Сделаем то, о чем и говорили. И по-доброму, как хотели.

14

Он отвел ее в гостиную, где полгода назад они сидели, пили белое вино и смотрели, как люди прыгают с верхушки «Космической иглы». Он вцепился в руку Харпер, словно хотел ее оторвать, выкрутить, как ножку у жареной курицы. Потом, видимо, понял, что причиняет боль, отпустил и погладил ладонью – мягко, почти нежно – ее бицепс.

Тени от свечей метались по комнате.

– Сядем, – сказала одна из теней. – Давай поговорим.

Джейкоб опустился в любимое кресло, Большое Яйцо Джейкоба... сплетенное из прутьев в форме яйца, с подушкой в полый сердцевине. Некрупный Джейкоб мог сложить ноги по-турецки и целиком поместиться в плетеной капле. Пистолет он положил на колени.

Харпер примостилась на краешке кофейного столика лицом к мужу.

– Я хочу осмотреть твое бедро. Увидеть чешую.

– Ты скажешь, что ее нет, но я знаю, что есть.

– Покажешь бедро?

Джейкоб помедлил, потом вытянул одну ногу и повернулся боком. Он оттянул резинку своих водительских штанов, открыв правое бедро – кровавое растертое месиво. Кожа стала желто-черной под сеткой глубоких царапин. Даже смотреть было страшно.

– Джейкоб! Ну что ты наделал? Я же говорила: если найдешь отметину, оставь ее в покое.

– Я не мог смотреть на нее. Не мог терпеть ее на своем теле. Не представляю, как ты терпишь. Я психанул. Пытался соскоблить ее бритвой. – Он приглушенно булькнул – рассмеялся.

Харпер прищурилась, оглядывая бедро.

– Чешуя отвердевает яркими крупинками. А крупинок я не вижу.

– Там все желтое. По краям.

– Это синяк. Просто синяк. Джейкоб... у тебя нет других отметин?

– Еще на внутренней стороне колена. И на локте. Не проси – не покажу. Я не на медосмотр пришел. – Джейкоб сел ровно и отпустил резинку штанов – она со щелчком вернулась на место.

– И в других местах так же?

– Я везде скреб. Истерил. Теперь-то стыдно, но что было, то было.

– Не думаю, что это драконья чешуя. Я на нее насмотрелась, так что узнала бы. И еще, Джейкоб, тебя не было в доме шесть недель. Почти семь. И если ее нет, то, вероятно, это значит...

– Это значит, что ты непременно попытаешься меня отговорить. Знаю – будешь доказывать, что я не болен. Я могу слово в слово угадать, что ты скажешь. Думаешь, я не знаю, как ощущается воспаление? Болит все время.

– Это воспаление, а не *trychophyton*. Заражение, потому что ты исцарапал себя, а раны не обработал и не перевязал. Джейкоб. Прошу тебя. Ты здоров. Ты будешь жить. Уходи.

– Прекрати. Хватит торговаться и врать. Я не хочу тебя возненавидеть, но каждый раз, когда ты мне врешь, чтобы спасти свою жизнь, – хочется заткнуть тебе рот.

– Когда ты ел в последний раз?

– Не представляю, как ты можешь даже думать о еде. Может, лучше сразу со всем покончить? Ужас. Мы же не так решили. Мы решили, что будем заниматься любовью, слушать музыку, читать друг другу любимые стихи. Мы хотели устроить милый вечер на двоих. А

ты перепугалась, и если бы не пистолет, ты сбежала бы. Сбежала и оставила меня умирать одного. Без тени угрызений совести о том, что сделала со мной. Что заразила меня. По-моему, только поэтому ты убеждаешь меня, что я здоров. Ты лжешь не только мне. Ты лжешь себе. Не хочешь признать, что виновата.

Он говорил спокойным голосом, без тени истерики, которую Харпер слышала по телефону. И глядел на нее спокойно. Такой стеклянный взгляд напоминал Харпер психбольных, которые в парке на скамейке радостно болтают с невидимыми собеседниками.

Это новое спокойствие не особенно удивило ее. Ужас похож на пожар, который запер тебя на верхнем этаже горящего здания; и единственное спасение – прыгать. Джейкоб неделями накручивал себя перед последним прыжком. Это можно было понять по его голосу во время телефонных разговоров, хоть Харпер тогда и не догадалась. Джейкоб сделал выбор, и это принесло ему желанное спокойствие. Он был готов шагнуть из окна, но хотел в полете держать ее за руку.

Удивительным для Харпер оказалось ее собственное спокойствие. Даже странно. До того, как Земля вспыхнула, Харпер каждое утро шла на работу с тревогой и с ней же возвращалась домой каждый вечер; безымянный безжалостный компаньон, привычно тыкающий ее под ребро при малейшей попытке расслабиться. И все же в те дни реальной причины для беспокойства не было. Голова шла кругом от мыслей, что не получится выплатить студенческий кредит, что снова нужно ругаться с соседом, собака которого завела привычку разбрасывать мусор из бака по всей лужайке. А сейчас она носит ребенка, болезнь ползет по ее коже, Джейкоб сошел с ума и сидит напротив с пистолетом, а в голове только холодная готовность, которой, кажется, она ждала всю жизнь.

«Вот теперь я такая, какой всегда мечтала быть», – подумала Харпер.

– И это так ужасно? – спросила она. – Что же ужасного в моем желании выяснить, болен ли ты? Я хотела, чтобы ты и ребенок выжили. Я хотела этого больше всего на свете, Джейк.

Что-то как будто мелькнуло в его глазах. Плечи поникли.

– И очень глупо. Никто не выживет. Весь мир – сгоревший тост. Буквально. Планета превратится в уголек, когда с нами будет покончено. Умрут все. Мы – последнее поколение. И мне кажется, мы

всегда это знали. Еще до драконьей чешуи. Знали, что захлебнемся в отходах, что останемся без еды, воздуха и прочего.

Джейкоб не мог удержаться от лекции даже в последние минуты жизни; и Харпер внезапно поняла, что давно его не любит. Он был утомительным всезнайкой. И тут же в голову пришла вторая мысль, совсем неожиданная: она пошла работать в больницу вовсе не для того, чтобы стать Флоренс Найтингейл, что бы ни утверждал Джейкоб. Она вышла на работу, потому что ее больше не интересовала собственная жизнь. И не было ощущения, что она рискует чем-то ценным.

Эта мысль сменилась нарастающим гневом, который отозвался покалыванием в драконьей чешуе. Во всем был виноват Джейкоб, вонзавший свой философский шприц в ее жизнь и высасывавший из нее простые радости. В каком-то смысле он годами убивал ее.

Харпер чувствовала готовность, хоть и не понимала – к чему. Она собирала все свое мужество для какого-то еще неясного действия, которое, как она чувствовала, приближается.

– Я прочитала твою книгу, – сказала Харпер.

И тут что-то человеческое промелькнуло за терпеливым, блаженным, опасным спокойствием. Бихевиористы говорят о микровыражениях лица, о коротких проявлениях эмоций, настолько быстрых, что их почти невозможно уловить. На краткий миг Джейкоб уставился на Харпер с неопределенным неудовольствием. Удивительно, как много информации может проскочить между двумя людьми за один взгляд, без единого слова. Джейкоб действительно изменял ей со многими общими знакомыми. Смущенный взгляд означал признание.

– Довольно мерзко, – сказала Харпер. – Я прямо пятнами покрылась – и драконья чешуя тут ни при чем.

– Я просил тебя не читать, – сказал он.

– Так пристрели меня.

Он будто залаял. Она не сразу поняла, что он смеется.

Харпер снова вздохнула и потрясла опущенными руками, словно они были мокрыми и она пыталась их просушить.

– Фу. Ладно. Миру придется гореть без нас. Но мне хочется кое-чего на прощание.

Джейкоб смотрел на нее с тупой безнадежностью.

– Пожалуйста, – сказала она. – Я постараюсь сделать все по-хорошему.

– Не знаю, что это даст. У меня все настроение пропало. Думаю, лучше сразу покончить.

– Но я еще не готова. А ты же хочешь, чтобы мне было приятно? И потом – я не собираюсь умирать, не переспав с тобой напоследок. – Она попыталась улыбнуться. – Вيني только себя, Джейкоб Грейсон. Оставляешь скучающую одинокую женщину с пачкой бесстыжей писанины. – Харпер кивнула в сторону рукописи.

Джейкоб улыбнулся, но как-то принужденно:

– Для тебя секс значит больше, чем для меня. Понимаю, что это переворачивает стереотипы. Ты действительно больше думаешь о себе. Это меня всегда в тебе возбуждало. Но сейчас, пожалуй, любой половой акт для меня отвратителен.

Харпер подошла к радиоприемнику на полке. Она вернула его на кухню, когда нашла в подвале свежие батарейки.

– Что ты делаешь? – спросил Джейкоб.

– Хочу включить музыку.

– Мне не нужна музыка. Я хочу просто поговорить.

– А мне нужна. И еще хочу выпить.

Что-то наконец дрогнуло в лице Джейкоба. Он сказал:

– Убить готов за выпивку. – И снова издал лающий звук – похоже, он так смеялся.

Он уже пристрелил бы ее, если бы желал только ее смерти, но он желал большего. Глубоко внутри он жаждал последнего поцелуя, последнего секса, последней выпивки, а может, гораздо большего: прощения, освобождения. Харпер не собиралась дарить ему ничего из перечисленного, но пусть себе надеется. Ведь это продлевает ей жизнь. Харпер включила радио. Станция классического рока передавала старые добрые хиты. Сраженный любовью Ромео готовился начать серенаду – ты и я, крошка, что скажешь, – и Харпер ни с того ни с сего подумала о Хиллари Клинтон.

Она стояла перед радиоприемником, покачивая бедрами. Вне всякого сомнения, Джейкоб, который теперь относился к сексу с отвращением, был не единственным, кто в колледже изучал психологию. Харпер помнила, какое чувство таится в шаге от отвращения.

Она постояла спиной к Джейкобу секунд десять, словно заслушавшись музыкой, а потом лениво посмотрела через плечо. Джейкоб сидел с застывшим взглядом.

– Ты сделал мне больно, – сказала она. – Ты швырнул меня на пол.

– Прости. Это перебор.

– Если только не в спальне, – сказала Харпер.

Он прищурился, и она поняла, что переборщила, посеяв недоверие – *никогда* она не говорила так о сексе. И прежде чем он успел сказать хоть слово, она воскликнула, будто только что вспомнила:

– Наша бутылка! Я хочу открыть то вино, которое мы привезли из Франции. Помнишь? Ты сказал, это вино лучшее, какое ты пробовал в жизни, и мы откроем его по торжественному случаю. – Она взглянула на Джейкоба, надеясь, что взгляд получился двусмысленный, и спросила: – Сейчас случай торжественный?

Вино хранилось тут же, в кабинете – белое в кулере, который больше не охлаждал, а красное в буфете. Из каждой поездки они привозили бутылку вина, как другие привозят магнитики на холодильник. Впрочем, в последние годы они мало куда ездили. Харпер взяла французское бордо, привезенное из свадебного путешествия; ладонь так вспотела, что бутылка чуть не выскользнула из рук в сторону Джейкоба. Харпер ясно представила, как он, подскочив от неожиданности, рефлекторно стреляет ей в живот. Убьет разом и ее, и ребенка, – Харпер вдруг подумала, что это вполне в его духе. Бережливый по натуре, он ненавидел лишние расходы; часто отчитывал ее, что она слишком много молока льет в хлопья.

Харпер прижала бутылку правой рукой к телу и сняла два бокала с держателя под книжной полкой. Хрусталь мелодично зазвенел – так дрожали ее руки. Харпер взяла штопор.

Она собиралась вытащить пробку и попросить Джейкоба наполнить бокалы. А она тем временем скрутит пробку со штопора и ударит его острием в лицо. А если духу не хватит, хотя бы постарается проткнуть руку, в которой он держит пистолет.

Харпер сидела на краешке кофейного столика, лицом к мужу и Большому Яйцу. Пистолет на колене Джейкоб повернул стволом к ней, но не нарочно. Харпер держала штопор в правой руке, между средним и безымянным пальцами. Расстояние большое – придется прыгнуть к

нему, чтобы ударить штопором в лицо. Но, может быть, он подойдет ближе, когда будет разливать вино. Может быть.

Она посмотрела мужу в глаза и увидела, как он уставился на нее, что-то холодно просчитывая. Бледное спокойное лицо оставалось каменным.

– Думаешь, если напоишь меня и трахнешь, я не стану делать то, что задумал? – спросил он.

Она ответила:

– Я-то думала напиться, заняться любовью и хорошо провести время – именно то, что мы запланировали. Закончить все по-своему. Разве не этого ты хотел?

– Этого. Но я все еще не пойму, чего хочешь ты. И не знаю, чего ты хотела всегда. Может быть, сочиняя безвкусный сценарий своей жизни, ты и думала, что мы умрем бок о бок, как Ромео и Джульетта, но не мечтала об этом всерьез. И не думала, что так случится. А теперь пришла пора, и ты на все готова, чтобы отказаться. Даже заплатить телом. – Джейкоб покачался вперед-назад и продолжил: – Может, я скажу не совсем политкорректно, но к черту, мы ведь оба помрем; так вот, я никогда не верил в женский ум. Ни разу не встретил женщину с настоящими мозгами. Вот почему всякие фейсбуки и аэропланы, и прочие великие изобретения, создали мужчины.

– Ага, – ответила она. – Ради того, чтобы с кем-нибудь переспать. Так мы пьем вино или как?

Джейкоб снова залаял:

– Даже спорить не станешь?

– С чем именно? С тем, что женщины глупы, или с тем, что я на самом деле не хочу умирать с тобой?

– С тем, что думаешь: стоит тебе повилыть задом, и я забуду, зачем пришел. Все уже решено. В любом случае у меня есть моральный долг: не дать тебе выйти в мир и заражать других, как ты заразила меня.

– Ты же сказал, что миру скоро крышка, так какая разница? Какая... – Харпер больше не могла говорить. Происходило что-то ужасное.

Пробка не вынималась из бутылки.

Толстая пробка была запечатана воском; Харпер, держа бутылку под мышкой, второй рукой тянула штопор, но пробка не поддавалась,

намертво застряв в горлышке.

Джейкоб левой рукой перехватил бутылку за горлышко и забрал ее у Харпер. В правой руке он продолжал держать пистолет.

– Я тебе говорил, что нужно держать вино в сухом месте, – сказал он. – Пробка разбухает. Я тебе говорил, что нельзя держать красное просто в буфете.

«Я тебе говорил» – кармическая противоположность словам «я тебя люблю». Джейкобу всегда было проще произнести «я тебе говорил». Сердиться, даже если бы у нее оставались на это силы, теперь бесполезно. Штопор у Джейкоба. Она без возражений, без споров отдала ему единственное оружие.

Он зажал бутылку ногами, сгорбился и начал тянуть. На покрасневшей шее вздулись жилы. Толстые восковые кляксы треснули, и пробка двинулась. Харпер взглянула на пистолет. Джейкоб еще держал его свободной рукой – но ствол, чуть сдвинувшись, указывал на книжную полку.

– Давай бокал, – сказал Джейкоб. – Выходит.

Харпер взяла бокал и, подавшись вперед, уперлась коленями в колени Джейкоба. Время поползло крошечными отрезками. Пробка сдвинулась еще на сантиметр. Еще. И вышла с легким хлопком. Джейкоб выдохнул и положил штопор возле колена – оттуда Харпер не могла его достать.

– Попробуй, – сказал он и плеснул чуть-чуть в подставленный бокал.

Джейкоб учил ее, как нужно пить вино, когда они отдыхали во Франции, – наставлял ее с великим энтузиазмом. Харпер опустила нос в бокал и вдохнула, наполняя ноздри острым запахом, от которого уже можно было опьянеть. Аромат был великолепен, но Харпер вздрогнула и нахмурилась.

– Да черт подери, почему *все* не так? – Она подняла глаза. – Скисло. Просто уксус. Откроем другую? Из Напы – ты говорил, что любой коллекционер за нее удавится.

– Да что ты говоришь? Ему и десяти лет нет. Ерунда. Дай-ка. – Он потянулся к ней, наполовину высунувшись из Большого Яйца.

Его глаза широко распахнулись, стоило Харпер шевельнуться. Джейкоб был быстр, он успел бы качнуться в сторону, но Харперхватило того, что он самую малость подался вперед.

Она ударила его бокалом в лицо. Бокал с мелодичным звоном раскололся на кусочки, которые вспороли кожу яркими красными линиями, закругляющимися на скуле, переносице и на брови. Словно тигренок прошелся лапой по лицу Джейкоба.

Он завопил и выстрелил. Грохот раскатился над самым ухом Харпер.

Книжная полка за ее спиной взорвалась, и в воздух взвилась метель из страниц. Харпер вскочила и устремилась влево, к двери в спальню. Она ударилась коленом об угол кофейного столика, огибая его, но даже не почувствовала боли.

Повисла страшная тишина – только тянулось и тянулось слабое тоненькое гудение, словно задели камертон. Обрывок страницы из какой-то книги опустился Харпер на грудь.

Большое Яйцо повалилось назад вместе с Джейкобом. Падая, он метнул бутылку через комнату и попал Харпер в плечо. Но она не оставновилась и, преодолев в три прыжка гостиную, оказалась у двери в спальню. Притолока взорвалась над ее левым ухом, осыпав белыми щепками волосы и лицо. Выстрел получился приглушенным – как будто на улице хлопнула дверь машины. Харпер влетела в спальню.

Она бездумно схватила кусок страницы, приставший к груди, взглянула на него и уловила несколько строчек:

«...его руки напоминали руки какого-то поразительного дирижера, исполняющего симфонии пламени и жара, чтобы стереть с лица земли осколки и угольки истории».

Харпер швырнула листок за спину, в гостиную, и захлопнула дверь.

Замок на двери был, но Харпер не стала тратить на него время. Нет смысла. Замок – простая задвижка, и Джейкоб выбьет дверь одним ударом. И вообще, возможно, дверь не захлопнется: пуля разворотила притолоку.

Ухватившись за деревянный стул слева от двери, Харпер повалила его на пол, чтобы хоть чем-то преградить Джейкобу путь. Портплед с «Подручной мамой» стоял на полу у кровати, под ним была сложена

одежда. Харпер ухватила сумку за кожаные ручки и направилась к окну, выходящему на задний двор. Отодвинув шпингалет, она толкнула створки. Сзади приглушенно хрустнул стул.

За домом пологий склон холма спускался к далеким деревьям. Спальня находилась на первом этаже – но это если смотреть со стороны улицы. С обратной стороны дома она казалась расположенной на втором этаже: под ней располагался подвал высотой в человеческий рост. От окна спальни до земли было футов пятнадцать.

Свесив ноги с подоконника, Харпер взглянула вниз и тут заметила, что истекает кровью: белый топик спереди пропитался красным. Она даже не заметила, когда получила ранение. И думать об этом было некогда. Она прыгнула, дернув за собой сумку. И окно тут же взорвалось осколками – Джейкоб выстрелил.

Она ждала удара о землю, но продолжала лететь. Желудок рванулся к горлу. И тут она упала, а нога подвернулась, вызвав дикую боль. Харпер вспомнила падающие в немых фильмах пианино – при ударе клавиши из слоновой кости разлетаются по переулку, как выбитые зубы.

Она не удержалась на ногах, упала лицом в грязь и покатилась – все дальше и дальше. Портплед вылетел из рук и катился рядом, а его содержимое вываливалось во тьму. Правая лодыжка, казалось, была раздроблена, но этого не могло быть, ведь иначе Джейкоб поймает ее и убьет.

Харпер прокатилась две трети пути вниз по склону; над головой нависло дымное ночное небо. Где-то вдаль она неявно видела очертания своего высокого узкого дома. В другой стороне виднелся край леса; деревья наполовину сбросили листву – остались скелеты в лохмотьях. Харпер хотела одного – лежать и ждать, пока мир остановится.

Но времени на это не было. Джейкобу хватит двадцати секунд, чтобы спуститься по лестнице в подвал – к задней двери.

И Харпер заставила себя подняться. Земля опасно накренилась под ногами, ненадежная, как палуба корабля в бушующем озере. Подумав, что голова может кружиться от потери крови, Харпер присмотрелась к красному пятну на промокнувшей блузе и тут почувствовала запах вина. Значит, пулю она все же не получила. Это бордо медового месяца. Все винодельческие районы Франции

обратились в пепел, так что теперь пятно на блузе стоит тысячи долларов на черном рынке. Никогда она не носила таких дорогих вещей.

Харпер уперлась левой рукой в землю для равновесия и почувствовала под ладонью ткань сорочек и что-то, завернутое в хрустящий пластик. Слайд-свисток. Бог знает, зачем она упаковала его с прочими вещами.

Харпер поднялась на ноги. Она оставила портплед со сваленной в кучу одеждой и «Подручной мамой», но прихватила с собой свисток. Стоило ей сделать первый шаг к лесу, как нога едва не подломилась. Что-то хрустнуло, и от резкой боли подкосились колени. Пусть Харпер избежала пули, но в лодыжке, несомненно, трещина.

– Харпер! – взревел за спиной Джейкоб. – Стой, сука!

Треснувшая кость в лодыжке снова хрустнула, и яркая белая боль вспыхнула за глазами яблоками. Харпер почти ослепла и готова была рухнуть без чувств. В боевиках люди все время прыгают из окон – и хоть бы что.

Она на ходу сдирает со свистка целлофановую обертку. Смысла в этом не было никакого, руки действовали машинально.

Снова остановившись, Харпер слишком много веса перенесла на правую ногу, и нога подогнулась. Харпер, не сдержавшись, вскрикнула. Игла сухой боли пронзила ее от лодыжки до живота. Харпер опустилась на одно колено за кустом болиголова.

Она подняла слайд-свисток и потянула поршень – по лесу разнесся неуместный здесь карнавальная визг. Громкий. От первого выстрела у Харпер что-то случилось с ушами – пострадали барабанные перепонки, – и она плохо слышала, но слайд-свисток взорвал ночную тишину, как визг шутихи.

– Харпер, сука! Посмотри, что ты сделала с моим лицом! – ревел Джейкоб. Он подошел еще ближе, почти к самому лесу.

Харпер снова заставила себя подняться. Она двинулась дальше, выставив вперед руку, чтобы уберечь лицо от веток. Каждый раз, когда она ставила на землю правую ногу, лодыжка словно ломалась заново. Пахучие опавшие листья шуршали под каблуками.

Харпер была напугана, как никогда в жизни, и ее ужас ввинчивался в ночь воем свистка: «Уи-и-и-ип». Харпер сама не знала, зачем продолжает свистеть. Ведь по звуку ее найдет Джейкоб.

Конечно, она сбилась с дороги. Нет, не так; чтобы сбиться, нужно знать, куда направляешься, а она понятия не имела. Свисток выпал из рук, и Харпер пошла дальше, не оглядываясь. Угодила ногой в ямку, снова подвернув лодыжку, тихо вскрикнула и упала на колено.

– Харпер, я иду! – взревел Джейкоб и залаял – засмеялся: – Погоди, увидишь, что я сделаю с *твоим* лицом!

Харпер вслепую потянулась к стволу дерева справа от себя – и не смогла дотянуться. Если она сейчас завалится на бок, то уже не сможет подняться. Так и будет лежать в позе эмбриона, тяжело дыша, пока Джейкоб не найдет ее и не начнет всаживать пули одну за другой.

Захрустели листья, и кто-то взял Харпер за руку. Крик застыл в горле. Харпер смотрела в мужественное, бесстрастное лицо Капитана Америки.

– Идем, – сказал капитан девичьим голосом, помогая Харпер подняться.

Они поспешно двинулись вдоль края леса, держась за руки; бритая наголо девочка показывала Харпер дорогу. Казалось, что ноги девочки едва касаются земли, и у Харпер снова, что как и в первую их встречу, возникло чувство, что все это сон.

Девочка довела Харпер до дуба, который, наверное, был древним еще в те времена, когда застрелили Кеннеди. Прибитые к стволу планки вели вверх, в крону – там таились остатки давно заброшенного дома на дереве. Харпер вспомнила Питера Пэна и его пропащих мальчишек.

– Давай наверх, – шепнула девочка. – По-бырому.

– По-быстро, – поправил Пожарный, возникший из-за деревьев справа от Харпер. Его лицо почернело от грязи, он был в пожарной каске и покрытой копотью желтой куртке, а в руке держал хулиган – длинный лом с приспособлениями для взлома на обоих концах.

– Говори правильно, Алли. Не порть, пожалуйста, язык. – И он улыбнулся.

– Тот мужик идет, – сказала Алли.

– Я его отправлю куда надо, – ответил Пожарный.

Джейкоб выругался где-то совсем рядом. Харпер слышала, как он ломится через кусты.

Она полезла на дерево, опираясь не на ступню правой ноги, а на колено. Было трудно, и девочка снизу обеими руками толкала ее под

зад.

– Можно побыстрее? – прошипела Алли.

– Я сломала лодыжку, – ответила Харпер, добравшись до толстой ветки и подтягиваясь.

Устроившись на ветке, она подвинулась, чтобы освободить место для девочки. Они оказались футах в двенадцати над землей, и Харпер видела сквозь листву дуба маленькую полянку внизу. Пожарный ушел недалеко – сделал всего несколько шагов в ту сторону, откуда слышался производимый Джейкобом шум. И стал ждать, притаившись за кустом сумаха.

Ветерок, чуть отдающий дымом костров, колыхнул волосы Харпер. Она повернула лицо навстречу ветру и обнаружила, что сквозь ветви виден ее дом. При свете дня она могла бы разглядеть отсюда заднюю веранду и окна кухни.

Джейкоб продрался сквозь кусты и миновал Пожарного, не заметив его. Лицо Джейкоба кровоточило; порез под левым глазом был особенно плох: кусок кожи свободно болтался на скуле. В волосах застряли листья, на подбородке появилась свежая царапина. Пистолет он опустил, ствол смотрел в землю.

– Эй! – окликнул его Пожарный. – Что вы бегаєте тут с пистолетом? Так можно кого-нибудь ранить. Надеюсь, он на предохранителе.

Джейкоб удивленно крикнул и повернулся, подняв револьвер. Пожарный взмахнул хулиганом – свистнув в воздухе, лом со звоном ударил по стволу револьвера. Пистолет, упав на землю, выстрелил и осветил лес вспышкой.

– Не на предохранителе, значит, – сказал Пожарный.

– Ты кто, на хрен, такой? – спросил Джейкоб. – Ты с Харпер?

Пожарный склонил голову набок, словно обдумывая неожиданный вопрос. Потом просиял и широко улыбнулся, сверкнув белыми зубами.

– Да, пожалуй, что с ней, – сказал он и качнулся туда-сюда на каблуках, словно смысл этих слов только что до него дошел и несказанно обрадовал. Харпер подумала, что он психованный – не менее психованный, чем Джейкоб. – Харпер. Вроде Харпер Ли? Я-то знал ее только как сестру Грейсон. Харпер. Прекрасное имя.

Пожарный прокашлялся и добавил:

– А еще – вали-ка ты отсюда. Это не твои леса.

– И чьи же они, на хрен, тогда? – спросил Джейкоб.

– Мои, – ответил Пожарный. – Эти хреновы леса, на хрен, мои. И я тоже умею ругаться, парень. Я англичанин. Мы ругаемся без стеснения. Матом? Да пожалуйста! – Пожарный выдал замысловатую цепочку ругательств и, не переставая улыбаться, продолжил: – Так что вали отсюда. Сдристри, жопа с ручкой.

Джейкоб с подозрением поглядывал на Пожарного, явно не зная, как с ним говорить и что делать. Потом, повернувшись, нагнулся за пистолетом.

Пожарный махнул хулиганом, как клюшкой для поло, и отбросил пистолет в заросли папоротника. Джейкоб сразу же бросился на худого, жилистого англичанина. Пожарный выставил перед собой хулиган, но Джейкоб ухватился за лом, и мужчины начали бороться, причем Джейкоб явно был сильнее.

Сильнее и устойчивее... развитое чувство равновесия позволяло ему ходить по канату и с удобством ездить на моноцикле. Он уперся ногами в землю и, развернувшись верхней частью корпуса, оторвал Пожарного от земли, качнул в воздухе и впечатал в ствол того самого дуба, на котором сидела Харпер.

Харпер почувствовала, как от удара закачалась ее ветка и дрогнуло все дерево.

Джейкоб слегка потянул лом на себя и снова толкнул Пожарного к дубу. Пожарный, ударившись о ствол, хрюкнул – воздух с резким свистом вырвался из ноздрей.

– Ты засранец, – произнес Джейкоб почти нараспев. – Я убью тебя, засранец, я убью тебя, потом убью ее, а потом... – он умолк: список тех, кого он хотел убить, закончился.

Он снова припечатал Пожарного к дереву, и пожарная каска гулко стукнула о ствол. Харпер вздрогнула и еле сдержала крик. Алли положила руку на колено Харпер и легонько его сжала.

– Смотрите, – шепнула она. Алли стянула маску, и Харпер увидела красотку: радостно сияющие шоколадные глаза, задорные веснушки и тонкие черты. Отсутствие волос делало их еще четче и острее, подчеркивая впадины висков и тонкую кость. – Смотрите на его *руку*.

И тогда Харпер увидела, что обнаженная кисть Пожарного курится сизым дымом. Левая рука отпустила хулиган и повисла вдоль

тела. Неожиданно Харпер вспомнила, как Пожарный боролся с Элбертом в приемной неотложного отделения и пытался стянуть перчатку зубами.

Джейкоб дернул хулиган на себя, собираясь снова толкнуть Пожарного на дерево. Но в этот момент Пожарный подался вперед и положил ладонь Джейкобу на горло; из руки вырвался огонь.

Пламя было голубоватым, как у газовой горелки. Ладонь Пожарного оделась в перчатку из яркого огня. Пламя гудело, как ветер; Джейкоб вскрикнул, отпустил хулиган и попятился. Снова закричал, схватившись за почерневшую шею. Ноги его заплелись, и он с размаху уселся на землю, а потом снова вскочил и побежал прочь, на ощупь продираясь сквозь кусты и ветки.

Пожарный смотрел ему вслед, подняв левую руку как факел. Потом распахнул желтую форменную куртку, сунул горящую ладонь за пазуху и захлопнул полу куртки, прижав ею руку.

Пола снова поднялась и опустилась, куртка хлопала по руке – Пожарный напоминал ребенка, который пытается «пукать» подмышками. Когда он распахнул куртку в третий раз, пламя уже погасло, а рука дымилась. Пожарный потряс кистью, отгоняя дым. Вдали еще слышался треск ломаемых веток и сучьев – Джейкоб бежал прочь. И вот стихли все звуки – только стрекотали ночные насекомые.

Пожарный, подняв левую руку, набрал в легкие воздуха и сдул остатки дыма. Его ладонь была покрыта драконьей чешуей. Пепел запорошил тонкие, изящные черные линии, словно снег, а сквозь него тут и там поблескивали несколько искорок. Остальная кожа на руке была цела. Чистая, здоровая, розовая и – что казалось невероятным – никаких ожогов.

Алли сказала:

– Мне очень нравится, как он это делает, но лучше всего, когда он пускает феникса. Никаких фейерверков не надо!

– Это точно! – сказал Пожарный, повернувшись к ним и широко улыбаясь. – Могу затмить пятое ноября Гая Фокса и ваше четвертое июля. Кому нужны римские свечи, когда есть я?

Книга вторая

Пусть засияет тусклый свет

1

Алли первая спустилась с дерева – качнулась, вцепившись в ветку, и спрыгнула. Харпер собиралась слезть по рудиментарной лестнице, но, соскользнув с ветки, на которой сидела, рухнула вниз.

Пожарный смягчил падение. Он не то чтобы поймал Харпер – просто оказался прямо под ней. Харпер грохнулась на него, и они оба упали на грязную листву. Она впечаталась затылком прямо ему в нос. Правая нога Харпер подпрыгнула от удара о землю. Лодыжку пронзила сильнейшая боль.

Они застонали в объятиях друг друга, как любовники.

– Ох, – выдохнула она. – Твою мать, твою же мать.

– И это все, на что вы способны? – спросил Пожарный. Он, держась за нос, пытался загнать слезы обратно. – Просто повторяете без конца «мать-перемать»? Не можете придумать что-нибудь новенькое? Старикану тебя на кукан. Через левое плечо на кухонном столе. Что-нибудь этакое. Вы, американцы, ругаетесь без всякой фантазии.

Харпер села. Плечи вздрогнули от первых всхлипов. Ноги трясутся, лодыжка сломана, Джейкоб чуть не убил ее, вокруг стреляли и горели в огне, и она упала с дерева, а ребенок... ребенок... тут она не выдержала. Пожарный сел рядом, обхватил ее рукой, и она склонила голову на скользкую полую его куртки.

– Тише, тише, – сказал он.

И держал ее, пока она редела – без стеснения и от души.

Когда рыдания сменились тихими всхлипываниями, он сказал:

– Давайте-ка встанем. Нужно идти. Мало ли что придет в голову вашему чокнутому бывшему мужу. Не удивлюсь, если он позвонит в карантинный патруль.

– Он не бывший. Мы не в разводе.

– Теперь в разводе. Данной мне властью.

– Какой властью?

– Знаете, что капитан судна имеет право заключать браки? Так вот, мало кому известно, но пожарные могут их расторгать. Давайте вставить.

Пожарный левой рукой обхватил Харпер за талию и поднял на ноги. Рука была еще теплой, как свежесвеженный хлеб.

– У вас рука горела, – сказала Харпер. – Как вы это сделали?

Собственно говоря, ответ был ясен. Пожарный был, как и она, заражен драконьей чешуей. Он пока не надел перчатку, и на ладони были видны черные с золотом письмена, сбегавшие завитками на запястье. Серый дымок тянулся от тонких линий.

Харпер не меньше сотни раз доводилось видеть, как горят люди с драконьей чешуей: воспаляются, начинают кричать, голубое пламя охватывает их, как будто они облиты керосином, волосы вспыхивают в один миг. Вряд ли кто-то захочет этого добровольно, и когда процесс начинается, управлять им невозможно, а итог всегда один – смерть.

Но Пожарный загорелся по собственной воле. Причем поджег только часть себя – руку. А потом хладнокровно погасил. И каким-то образом остался невредим.

– Я думал открыть курсы, – сказал Пожарный. – Но так и не решил, как их назвать. «Передовая пиромантия»? «Самовозгорание для чайников»? «Введение в воспламенение»? К тому же нелегко зазвать студентов, когда провалившийся на экзаменах сгорает заживо.

– Врет, – сказала Алли. – Он не станет вас учить. Он никого не станет учить. Врунишка, врунишка, горящие штанишки.

– Только не сегодня, Алли. Это мой любимый комбинезон, и я не буду жечь его только потому, что тебе хочется посмотреть, как я выпендриваюсь.

– Вы шпионили за мной, – сказала вдруг Харпер.

Пожарный взглянул на ветви дуба, где она только что сидела.

– Оттуда прекрасный вид на вашу спальню. Забавно, что люди, которым есть что скрывать, задерживают шторы на окнах с улицы, но даже и не думают прикрыть их с тыла.

– Вы много времени бродите в одном белье, читаете «Чего ждать, когда ждешь ребенка», – сказала Алли. – Не переживайте. Он не подглядывал в ваши окна, когда вы переодевались. Я, может, пару раз видела, но он – нет. Он истинный английский жентмен, вот он кто

такой. – Фальшивый английский акцент Алли был не хуже, чем у Дика Ван Дайка в «Мэри Поппинс». Будь Харпер шестнадцатилетним мальчишкой, точно запала бы на нее. Сразу видно: девчонка – тридцать три несчастья.

– Зачем? – спросила Харпер у Пожарного. – Зачем за мной шпионить?

– Алли, – сказал Пожарный, словно не услышав вопроса. – Беги в лагерь. Приведи дедушку и Бена Патчетта. И еще – найди Рене. Скажи, что мы раздобыли ее любимую медсестру. Она порадуетя.

И Алли побежала по сухой листве – Харпер немедленно вспомнила сердитую тень Питера Пэна в спальне Венди. Харпер, у которой голова была набита детскими книжками, не могла не сравнивать встреченных людей с их персонажами.

Когда девчонка убежала, Пожарный сказал:

– Хорошо, что мы ненадолго остались вдвоем, сестра Грейсон. Я бы доверил Алли Стори свою жизнь, но некоторые вещи не хотелось бы говорить при ней. Вы знаете летний лагерь в конце Литтл-Харбор-роуд?

– Лагерь Уиндем, – кивнула Харпер. – Конечно.

Опавшие листья шуршали под ногами и сдабривали воздух сладким осенним парфюмом.

– Вот туда она и отправилась. Там есть человек – Том Стори, дедушка Алли. Все его называют отец Стори. Когда-то он был директором лагеря. А теперь превратил его в убежище для тех, у кого драконья чешуя. У него там больше ста человек, и сложилась приличная община. Трехразовое питание – по крайней мере, пока. Не знаю, сколько это продлится. Электричества нет, но можно помыться в душе – если вы готовы терпеть ледяную воду. Есть школа и своего рода полиция – Дозорные, которые должны следить за приближением карантинных патрулей и кремационных бригад. Дозорные в основном подростки – Алли и ее друзья. Так у них хоть занятие есть. И еще они очень религиозны. В каком-то смысле такой религии прежде не бывало, а в каком-то, ну... Фундаменталисты везде одинаковые. Именно об этом я хотел вас предупредить, пока нет Алли. Она благочестивей прочих, что о многом говорит.

Внезапно над лесом пронесся громкий треск, от которого дрогнула земля и сердце Харпер забилося чаще. Она обернулась и

посмотрела в ту сторону, откуда они пришли. Даже представить было невозможно, что могло издавать такой страшный, оглушительный шум.

Пожарный бросил через плечо короткий оценивающий взгляд, потом взял Харпер за руку и повел дальше, чуть ускорив шаг. Он продолжал говорить, как будто его и не прерывали:

– Вы должны понять, что большинство обитателей лагеря по возрасту находятся между вами и Алли. Есть несколько стариков, но гораздо больше тех, кому полагалось бы ходить в школу. Почти все они потеряли семьи, своими глазами видели, как сгорают заживо близкие. Они попали в лагерь несчастными беженцами, охваченными горем и просто ждущими, когда огонь поглотит их самих. А отец Стори и его дочь Кэрол – Алли ее племянница – объяснили им, что умирать не обязательно. Вернули надежду и предложили верное спасение.

Харпер замедлила шаги, чтобы дать отдохнуть больной лодыжке и обдумать услышанное.

– Что значит – объяснили, что умирать не обязательно? Человек с драконьей чешуей не может выжить. Это невозможно. Или есть какое-то лекарство, таблетки...

– Вам ничего не надо принимать, – сказал Пожарный. – *Даже их веру.* Помните об этом, сестра Грейсон.

– Если бы существовал способ не позволить драконьей чешуе убивать людей, правительство уже знало бы об этом. Если бы было реальное средство, которое может продлить жизнь миллионам больных людей...

– ...людей со смертельными и заразными спорами на коже? Сестра Грейсон, никто не хочет *продлевать* нам жизнь. Наоборот. *Сократить* ее – вот что нужно обществу. По крайней мере, так считают здоровые. О людях с драконьей чешуей наверняка известно только одно: они не вспыхивают, если выстрелить им в голову. Можно не бояться, что труп заразит вас или ваших детей... или вызовет пожар, в котором сгорит целый квартал. – Харпер открыла рот, чтобы возразить, но Пожарный сжал ее плечо. – Мы еще успеем поспорить. Хотя предупреждаю: обо всем этом уже говорили многие, особенно бедный Гарольд Кросс. Думаю, его случай полностью закрывает тему.

– Гарольд Кросс?

Пожарный покачал головой:

– Успеете узнать. Я только хочу, чтобы вы поняли: Том и Кэрол дали людям не просто еду и убежище, даже не просто способ подавить болезнь. Они дали им *веру*... веру друг в друга, в будущее и в силу, которую они представляют, собравшись толпой. Толпа хороша, когда ты в ней, но несколько сотен скворцов разорвут в клочья некстати попавшуюся на пути ласточку. Думаю, в лагере Уиндем отступнику придется плохо. Том – вполне толерантный. Он – современный, *терпимый*, мыслящий религиозный деятель, по специальности – профессор этики. Но вот его дочь, тетка Алли – сама еще почти ребенок, а прочие дети устроили вокруг нее настоящий культ. В конце концов, это она поет песни. И с ней неохота ссориться. Она, Кэрол, вполне милая. Хочет добра. Но если невзлюбит вас, то будет вас бояться, а если боится, она опасна. Даже представить страшно, что может случиться, если Кэрол испугается всерьез.

– Я не собираюсь никого пугать, – сказала Харпер.

Пожарный улыбнулся:

– Конечно. Вы мне кажетесь не бузотером, а миротворцем. До сих пор вспоминаю, как впервые встретился с вами, сестра Грейсон. Вы же ему жизнь спасли. Я про Ника говорю. И заодно спасли мою черепушку. Насколько помню, меня уже почти пришибли, когда вы вмешались. Я ваш должник.

– Больше нет, – сказала Харпер.

В темноте перед ними зашуршали и раздалось в стороны ветки. Появилась небольшая компания с Алли во главе. Девочка покраснелась и тяжело дышала.

Мужчина за ее спиной спросил:

– Что случилось, Джон? – Голос был такой низкий и мелодичный, что Харпер, еще не разглядев лица Тома Стори, уже полюбила его. Пока что ей была видна только золотая оправа очков, поблескивающая во тьме. – Кто у нас тут?

– Кое-кто полезный, – сказал Пожарный; теперь Харпер знала его имя: Джон. – Медсестра, мисс Грейсон. Поможете ей? Я не доктор, но, боюсь, у нее трещина в лодыжке. Если вы отведете ее в лазарет, я вернусь за ее вещами, пока есть время. Подозреваю, скоро в ее доме объявятся полиция и карантинный патруль.

– Давайте-ка я помогу, – сказал один из встречающих. Он подошел ближе, легко проскользнул между Пожарным и Харпер и

обхватил ее за талию. Харпер навалилась на его плечо. Это был крупный мужчина, наверное, на четверть века старше Харпер, с покатыми плечами и серебристыми волосами, уже редющими на макушке. На ум сразу же пришел постаревший всеобщий любимец – медвежонок Паддингтон.

– Бен Патчетт, – представился мужчина. – Приятно познакомиться, мэм.

С ними была и женщина, невысокая, крепкая, с заплетенными в косички-брейды седыми волосами. Она нерешительно улыбнулась – видимо, сомневалась, вспомнит ли ее Харпер. Но разве можно было забыть женщину, которая сбежала из Портсмутской больницы, сияя, как готовая взорваться сигнальная ракета.

– Рене Гилмонтон, – сказала Харпер. – Я думала, вы убежали, чтобы где-нибудь умереть.

– Я и сама так думала. Но отец Стори рассудил иначе. – Рене подхватила Харпер под мышки, поддерживая с другой стороны. – Вы так долго и так хорошо за мной ухаживали, сестра Грейсон. И мне приятно поухаживать за вами хоть немного.

– Где вы повредили лодыжку? – спросил отец Стори, задрав подбородок.

Мутный свет блеснул на линзах очков, и Харпер впервые смогла рассмотреть его черты – худое, морщинистое лицо и седую бороду. «Дамблдор», – мелькнуло в голове. На самом деле борода была не как у Дамблдора, а скорее как у Хемингуэя, но ярко-голубые глаза за очками наводили на мысли о человеке, который читает руны и разговаривает с деревьями.

Харпер не знала, как отвечать, – не хотелось говорить о Джейкобе и о том, что он пытался сотворить с ней.

Пожарный, похоже, мигом понял, как затруднителен вопрос, и ответил сам:

– Муж пришел к ней с пистолетом. Я его прогнал. Конец истории. У нас мало времени, Том.

– Как и всегда, – кивнул отец Стори.

Пожарный пошел было прочь, но вдруг развернулся и вложил что-то в руку Харпер.

– Вы потеряли, сестра. Держите при себе. Если я снова понадоблюсь, только свистните. – Это был слайд-свисток. Харпер

уронила его, когда бежала от Джейкоба, и забыла; а сейчас почему-то несказанно обрадовалась, что он нашелся.

– Он не каждому выдает свой свисток любви, – сказала Алли. – Вы попали в список.

– Какие пошлости, Алли, – сказал Пожарный. – Что бы сказала твоя мама?

– Что-нибудь похлеще, – ответила Алли. – Пойдем, заберем вещи медсестры.

Алли надвинула на лицо маску Капитана Америки и нырнула в лес. Пожарный вполголоса выругался и поспешил следом, раздвигая ломом-хулиганом низкие кусты.

– Алли! – крикнул отец Стори. – Алли, прошу тебя! Вернись!

Но той и след простыл.

– Эта девочка не должна лезть в дела Джона, – сказал Бен Патчетт.

– Попробуйте ее остановить, – отозвалась Рене.

– Пожарный – Джон – поджег сам себя, – сказала Харпер. – Всю руку охватил огонь. Как он это сделал?

– Огонь – единственный друг дьявола, – сказал Бен Патчетт и засмеялся: – Правда, отец?

– Не знаю, дьявол ли он, – ответил отец Стори. – Но если и дьявол, то *наш*. И все же... Не стоит Алли ходить с ним. Она хочет погибнуть, как мать? Иногда мне кажется, что она пробует мир на прочность – бросает ему вызов.

– Ох, отец, – сказала Рене. – Вы вырастили двух девочек-подростков. Думаю, если кто-то и может понять Алли, так это вы. – Она посмотрела в лес – туда, где исчезла Алли. – Конечно, она бросает вызов миру.

До лагеря Уиндем вряд ли было больше мили, но Харпер показалось, что они брели за отцом Стори сквозь тяжелую, душную тьму долгие часы. Пробирались через кучи листьев, петляли в соснах, перелезали через каменные насыпи, двигаясь навстречу соленому аромату Атлантики. Лодыжка гудела.

Харпер не спрашивала, где они, а отец Стори не объяснял. Когда они двинулись в путь, он положил в рот что-то похожее на яйцо голубой сойки и не издавал ни звука.

Они подошли к Литгл-Харбор-роуд, откуда открывался вид на поворот к лагерю Уиндем: дорожку из утрамбованных ракушек и песка. Въезд был перегорожен цепью, натянутой между двумя высокими валунами, которые смотрелись бы уместно в Стоунхендже. За цепью дорога поднималась к зеленым холмам. Даже в ночи было видно белую колокольню церкви, торчащую из-за холма в полумиле от них.

Неподалеку от этих гранитных тотемов у дороги покоился обгоревший дочерна корпус автобуса. Ободья колес прятались за сорняками, автобус прожарился почти до остова.

Прежде чем переходить дорогу, отец Стори дважды хлопнул в ладоши. Все четверо выбрались из кустарника и перешли через трассу к песчаной дорожке. По ступенькам из салона автобуса спустился мальчик и остановился в дверях, ожидая их приближения.

Отец Стори достал белое яйцо изо рта и обернулся к Харпер, которая опиралась на своих спутников.

– Кажется, что автобус – полная развалина, но это не совсем так. Фары работают. Если на нашей дороге появятся незнакомцы, мальчик в автобусе подождет, пока незваные гости уйдут, а потом подаст сигнал. Другой мальчик дежурит на верхушке церковной колокольни. На башне око видит далёко. – Он улыбнулся и добавил: – Если понадобится, мы можем спрятаться в укрытии за две минуты. И проводим учения каждый день. Спасибо Бену Патчетту – это его идея. Я-то сам предлагал фантастическую систему птичьего пересвиста или, возможно, воздушных змеев.

Паренек из автобуса носил бородку, заставившую Харпер вспомнить о викингах: жесткие колечки заплетенных рыжеватых прядок. Но лицо было юное и мягкое. Харпер решила, что он вряд ли старше Алли. Мальчик лениво поигрывал дубинкой.

– Кажется, я неправильно понял ваш план, отец, – сказал часовой. – Я думал, вы отправились за медсестрой, а не за кем-то, кому нужна помощь медсестры. – Он переводил взгляд с одного на другого, беспокойно улыбаясь. – И я не вижу Алли.

– Мы услышали громовой треск, страшный грохот бессмысленного насилия и бездумного разрушения, – ответил ему отец Стори. – Разумеется, Алли тут же помчалась прямо туда. Успокойся, Майкл. С ней Пожарный.

Майкл кивнул, потом поклонился Харпер почти церемонно. Его глаза блеснули лихорадочной невинностью уверенного в спасении своей души человека.

– Приветствую вас. Мы все здесь друзья, сестра. Здесь ваша жизнь начнется заново.

Харпер улыбнулась в ответ, но не знала, что сказать, а через секунду отвечать было уже поздно: Бен и Рене вели ее дальше. Когда Харпер обернулась, мальчик уже скрылся в автобусе.

Отец Стори приготовился положить свой леденец обратно в рот, но заметил взгляд Харпер.

– А. Борюсь с собой. Вычитал у Сэмюэла Беккета. Кладу камешек в рот, чтобы постоянно напоминать себе, что надо молчать и слушать. Я несколько десятков лет преподавал в частной школе, а среди молодежи все время тянет прочитать импровизированную лекцию.

По петляющей тропинке в тени деревьев они миновали сухой плавательный бассейн и стрельбище, где среди опавшей листвы тускло поблескивали латунные гильзы. Все выглядело давно заброшенным – позже Харпер узнала, что это впечатление создавалось путем значительных усилий.

В конце концов они добрались до вершины холма. Под ними, в неглубокой лощине, открылась футбольная площадка. Дети с криком гонялись за мячом, который светился бледно-зеленым, как привидение. А дальше, за деревьями, можно было разглядеть длинный лодочный сарай и колышущийся мрак моря.

Церковь открылась справа, в стороне от дороги. Здание стояло за садом скульптур – скопищем мшистых дольменов и высоких монолитов. Мемориальный парк казался странным преддверием к очень современного вида церкви с высокой колокольней и ярко-красными дверями. Если церковь – место богослужений, то сад скульптур больше походил на место жертвоприношений.

Внимание Харпер привлекли шестеро подростков, сидевших на бревнах у громадного сарая, который оказался кафетерием. Ребята

собрались вокруг костра, который горел странным цветом, – рубиново-золотым, как будто пламя светило сквозь красный кристалл.

Узкоплечая красотка, покачиваясь в пульсирующем алом свете, брэнчала на гавайской гитаре. С первого взгляда ее можно было принять за близняшку Алли. Но все же она была постарше, лет двадцати пяти. Голова тоже выбрита, хотя остался черный завиток волос, вроде запятой, на лбу. Видимо, это и есть тетя Кэрол, решила Харпер.

Тетя вела, остальные подпевали – их голоса переплетались, как пальцы влюбленных. Они пели старый хит «Ю-2», пели о том, что они одно целое, но не одинаковые, и что они поддержат друг друга. Когда Харпер проходила мимо, женщина с гитарой подняла взгляд и улыбнулась. Глаза сияли, как золотые монеты, и только тут Харпер поняла, что никакого костра нет. Это светились они сами. Все они были покрыты петлями и изгибами драконьей чешуи, которая светилась, словно флуоресцентная краска под невидимым излучением, играла психоделическими оттенками вишневого вина и голубого пламени газовой горелки. Когда поющие открывали рты, Харпер видела, что и их глотки залиты изнутри светом, словно они – чайники, наполненные углями.

Харпер никогда не видела ничего столь пугающего и столь прекрасного. Она задрожала, по коже как будто осторожно заскользили пальцы – вдоль линий драконьей чешуи. Харпер вдруг качнулась от внезапного легкого головокружения.

– Они сияют, – хрипло пробормотала Харпер. В голове звенела их песня, и мыслям было трудно пробиться сквозь музыку.

– И вы будете, – пообещал ей Бен Патчетт. – Со временем.

– Это опасно? – выдохнула Харпер. – Они не загорятся?

Отец Стори вынул камешек изо рта и сказал:

– Не только драконья чешуя вызывает огонь, сестра Грейсон. Ею можно сжечь все дотла... а можно осветить дорогу к чему-то лучшему. Никто не умирает от самовозгорания в лагере Уиндем.

– Вы победили ее? – спросила Харпер.

– Лучше, – ответил отец Стори. – Мы с ней подружились.

Харпер очнулась от жуткого сна и рывком поднялась, запутавшись в простынях.

Кэрол Стори нагнулась над ней и положила ладонь на запястье.

– Все в порядке. Дышите.

Харпер кивнула. Голова затуманилась, а пульс стучал с такой силой, что перед глазами ползли пятна.

Она попыталась прикинуть, сколько проспала. Припомнила, как ее почти на руках втащили по ступенькам в лазарет, как Бен Патчетт и Рене Гилмонтон под ее же чутким руководством вправили лодыжку и забинтовали. И совсем смутные воспоминания остались о том, как Рене принесла тепловатой воды и несколько таблеток парацетамола, о сухой прохладной ладони, которую пожилая женщина положила Харпер на лоб, и ее тревожном, внимательном взгляде.

– Что вам снилось? – спросила Кэрол. – Помните что-нибудь?

Кэрол Стори смотрела на нее громадными любопытными глазами – шоколадные радужки были усыпаны золотыми крапинками драконьей чешуи. Она носила на запястьях браслеты из золота и эбенового дерева; короткая футболка открывала перекрещивающиеся ремни чешуи на животе. Они придавали Кэрол готично-хулиганский вид. Свободная от отметин кожа была бледной, почти прозрачной. Кэрол выглядела такой хрупкой, что казалось – если она упадет, то разобьется, как глиняная ваза.

У Харпер ныла грудь, лодыжка полыхала колючим жаром; мысли путались и увязали в остатках сна.

– Мой муж написал книгу. Я уронила рукопись. Листки летали повсюду. И... кажется, я пыталась собрать все по порядку, пока он не вернулся домой. Не хотела, чтобы он узнал, что я читала. – Во сне было еще что-то – больше и хуже, – но оно уже ускользало, пропадало из виду, как камень, брошенный в глубокую реку.

– Надо было вас разбудить, – сказала Кэрол. – Вы дрожали и издавали страшные звуки; и... немного дымились.

– Я? – удивилась Харпер. Она уловила легкий запах гари, словно кто-то сжег несколько сосновых иголок.

– Совсем чуть-чуть. – Кэрол взглянула на нее виновато. – Когда вы вздыхали, появлялся сизый дымок. Это все от стресса. Когда научитесь присоединяться к Свету, такого больше не будет. Когда вы в самом деле станете одной из нас – частью группы, – драконья чешуя

уже не будет для вас опасна. В это трудно поверить, но потом вы, возможно, начнете считать драконью чешую благословением.

В голосе Кэрол Харпер услышала чистую и абсолютную веру фанатички; это ей не понравилось. Еще Джейкоб приучил ее считать людей, говорящих о благословении и вере, беспомощными простаками. Тех, кто считает, что все предопределено, ждет разочарование. Они отказываются от попыток проникнуть своим любопытством в тайны устройства Вселенной ради удобных детских сказок. Понять таких людей Харпер могла. Детские сказки она и сама обожала. Но одно дело – дождливым субботним вечером почитать «Мэри Поппинс», и совсем другое – ждать, что она на самом деле объявится в твоём доме посидеть с детьми.

Она старалась изобразить искренний интерес, но ее сомнение, видимо, было чересчур заметным. Кэрол откинулась на спинку стула и засмеялась:

– Я сказала слишком много и слишком быстро? Вы здесь впервые. Постараюсь на вас не давить. Но предупреждаю: нашей больницей и впрямь заведуют психи. Как сказал Кот из «Алисы в стране чудес»?

– «Мы все здесь сумасшедшие», – ответила Харпер, не удержавшись от улыбки.

Кэрол кивнула:

– Мой отец хотел, чтобы я показала вам лагерь. Все мечтают с вами познакомиться. На обед уже опоздали. Впрочем, Норма Хилд – она заведует кафетерием – обещала не закрывать кухню, пока мы не поедим.

Харпер подняла голову и прищурилась – за окном было так темно, будто она под землей. В лазарете, в единственной палате стояли три койки, отделенные друг от друга занавесками, – для некоторой приватности; Харпер занимала центральную. Когда она засыпала, было темно; темно оказалось и сейчас. Харпер понятия не имела, который час.

Она решила узнать, и Кэрол сказала:

– Примерно два часа ночи. Вы проспали целый день... и это хорошо. Мы тут как вампиры: встаем на закате, прячемся по могилам с рассветом. Кровь пока еще никто не пьет, но если кончатся консервы – кто знает, чем все обернется.

Харпер села в постели, поморщившись, – грубоватая ткань толстовки коснулась ноющих, набухших грудей, и они тут же заныли, – и заметила две вещи.

Во-первых, одна занавеска была отдернута, и на соседней койке сидел мальчик – и она узнала его. Мальчик с темными курчавыми волосами и изящными, эльфийскими чертами лица. Когда она видела его в прошлый раз, он страдал от острого аппендицита и лицо заливал пот. Нет, не совсем так. Харпер полагала, что видела его и после этого. Именно он стоял на ее пороге в маске Тигра Тони, рядом с Алли. Сейчас он сидел, положив ногу на ногу, и смотрел на Харпер, не отрываясь, как на экран с любимой телепередачей.

Во-вторых, радио было включено, но из него доносился только треск статических разрядов. Приемник стоял на полке, рядом с гипсовой моделью человеческой головы – череп был открыт, чтобы продемонстрировать мозг.

Харпер вспомнила, что мальчик не слышит, и медленно помахала рукой. В ответ он нащупал на койке у себя за спиной листок бумаги и протянул Харпер. Это был рисунок – детский, но умелый, – изображавший большого полосатого кота, который брел по зеленой траве, задрвав хвост.

Под животным была надпись: «ВРЕМЕННЫЙ КОТ».

Харпер улыбнулась и вопросительно взглянула на мальчика, но тот уже соскользнул с койки и топал прочь.

– Это ведь Ник, правильно? – спросила Харпер.

– Мой племянник. Да. Белая ворона. Впрочем, это семейное.

– А Джон – его отчим?

– Что? – Невозможно было не заметить, каким резким внезапно стал голос Кэрл. – Нет. Вовсе нет. Моя сестра и Джон Руквуд встречались несколько месяцев, но это было в совершенно другом мире. Настоящий отец Ника мертв, а Джон... он больше почти не участвует в жизни мальчика.

Это показалось Харпер немного несправедливым; ведь она помнила, как Пожарный принес Ника на руках в больницу и был готов сражаться с охраной и со всей очередью, чтобы мальчика приняли. Однако Харпер понимала, когда тема разговора становилась неудобной. Тему Джона Руквуда она оставила до лучших времен и сказала:

– Ник дал мне Временного кота. Зачем он дал мне Временного кота?

– Это благодарственное письмо. Вы были медсестрой в больнице и спасли ему жизнь. Это была ужасная неделя. Самая жуткая неделя в моей жизни. Я потеряла сестру. Думала, что потеряю и племянника. Я знала, что мы с вами подружимся, что я вас буду обожать, еще до того, как мы встретились, Харпер. Из-за всего, что вы сделали для Ника. Я даже хочу, чтобы у нас были похожие пижамы – вот как я вас обожаю. Жаль, что у меня нет временного кота, чтобы подарить вам.

– Если он временный, значит, мне придется его вернуть?

– Нет. Он нужен, чтобы продержаться, пока он не сможет достать настоящего кота. Он охотится. Делает силки и хитрые ловушки. Ходит повсюду с большим сачком, как будто кота можно поймать, как бабочку. Пристает к людям, чтобы нашли ему кошачью мяту. Я не уверена, что он охотится на реального кота. Никто, кроме него, этого кота не видел. Я начинаю думать, что он вроде Снафлепагуса из «Маппет-шоу», приятеля Большой Птицы, и живет только в голове Ника.

Харпер сказала:

– Но Снафлепагус был настоящий.

– Это самые замечательные слова, что я слышала в жизни. Я хочу такую эпитафию на могильный камень: «Снафлепагус был настоящий». И больше ничего не надо.

Харпер не могла наступать на правую ногу, но Кэрол помогла ей подняться, обхватив рукой. Проходя мимо радио на полке, Кэрол потянулась к приемнику и помедлила немного, крутя ручку настройки. Анатомическая модель человеческой головы изумленно смотрела на женщин. Голова была гротескная: с половины лица кожа содрана, чтобы показать сухожилия и нервы, один глаз подвешен в фиброзном красном гнезде открытой мышцы.

– И что там? – спросила Харпер. – Вы ищете что-то конкретное?

– Снафлепагуса, – ответила Кэрол, засмеялась и выключила приемник.

Харпер подождала объяснений, но их не последовало.

Кафетерий угнездился на вершине холма, над футбольной площадкой и галечным пляжем. Мох и полосы пожухлой травы покрывали черепичную крышу; окна были заколочены досками – вид получился совсем заброшенный.

Однако впечатление разрухи развеялось, стоило Кэрол толкнуть дверь и провести Харпер в обеденный зал, похожий на затененную пещеру с открытыми балками из красной сосны. На кухне звенели тарелки, воздух пропитался запахом соуса «маринара» и тушеной свинины.

Обед, видимо, давно закончился, но зал не совсем опустел. За столиком на двоих, напротив старичка в кепке греческого рыбака, сидела Рене Гилмонтон; оба склонились над стаканами с дымящимся кофе. За соседним столом одиноко трапезничал паренек, похожий на викинга. Харпер вспомнила его имя – Майкл. Он ковырял вилкой макароны в красном соусе и перелистывал страницы старого номера «Рейнджера Рика», читая при свете свечи, поставленной в баночку из-под желе. Прошлым вечером Майкл казался семнадцатилетним. А сейчас, впившийся восторженно распахнутыми глазами в статью «Волшебные морские коровы Майами», он был похож на десятилетнего мальчишку в накладной бороде.

Рене подняла голову и встретила взглядом с Харпер. Какая радость и облегчение – встретить друга, не оказаться одной среди незнакомцев. Харпер припомнила череду обедов в других кафетериях и тревогу, возникающую, когда не видишь знакомых лиц и не знаешь, за какой столик сесть. Она заподозрила, что Рене нарочно осталась тут, в надежде дожидаться Харпер и помочь обжиться... и Харпер была до неприличия ей благодарна.

На раздаче блюд царствовала Норма Хилд – гора плоти с широкими покатыми плечами доминантного самца гориллы. В разгаре уже была послеобеденная уборка – на кухне пара подростков при свете масляной лампы окунали тарелки в мыльную воду, – однако Норма оставила немного макарон в стальной сковородке и пару ковшей подливки. Еще был кофе и к нему банка сгущенного молока.

– У нас был сахар, и там завелись муравьи. Муравьи в кофе, муравьи в кексах, муравьи в персиковом коктейле, – рассказывала Кэрол. – Несколько недель муравьи были основным источником белка.

Зато теперь никакого сахара! Только сироп. Простите! Добро пожаловать в кафе «Конец Света»!

– Сахар кончился, скоро и молока не останется, – сказала Норма. – Я оставила для кофе две банки молока, но теперь осталась всего одна.

– Вторую уже израсходовали? – спросила Кэрол. – Так быстро?

– Не-а. Украли.

– Никто не мог украсть банку молока.

– Украли, – повторила Норма тоном не гневным, а скорее довольным. Она сидела за прилавком, серебряные вязальные спицы в руках безостановочно клацали, нисколько не мешая ей говорить. Она вязала какую-то длинную бесформенную трубу из черной пряжи – похоже, презерватив для Кинг-Конга.

Харпер и Кэрол подошли к столу Майкла; Кэрол сделала приглашающий жест в сторону Рене и старика.

– Садитесь с нами. Харпер хватит на всех!

Они расселись вокруг стола, стукаясь коленями. Харпер потянулась за вилкой, но не успела – Кэрол перехватила ее пальцы.

– Прежде чем приниматься за еду, мы по очереди говорим о том, что нас радует, – сказала она доверительным тоном, наклонившись к Харпер. – Иногда это лучшая часть обеда. Поймете, когда попробуете пищу.

– Мы уже перекусили, но я не против преклонить голову с вами, – сказал старик, которого так и не представили.

Рене сжала другую ладонь Харпер; они сидели кружком, подавшись к свету единственной свечи, как на спиритическом сеансе.

– Я начну, – сказала Кэрол. – Я рада за женщину, сидящую рядом со мной, которая спасла моего племянника от аппендицита. Я рада, что она здесь и я смогу показать, насколько я благодарна. Я рада за ее малыша, потому что дети – это восхитительно! Прямо толстенские сарделечки с лицами!

Старик заговорил, опустив голову и прикрыв глаза:

– Я и сам рад за сестру, потому что здесь сто двадцать четыре человека требуют медицинского ухода и я уже несколько месяцев не знаю отдыха. С конца августа я – единственный человек в лагере, способный оказать медицинскую помощь, а я знаю только то, чему на флоте научили. Не буду говорить, сколько лет назад я учился на

санитара госпиталя – в общем, как раз в ту эпоху только-только отказались от пиявок.

– А я, наверное, больше всего рад находиться в месте, где меня любят, – сказал Майкл. – Среди таких людей, как тетя Кэрол и отец Стори. Я что угодно сделаю ради них и ради безопасности лагеря. Я уже потерял одну семью. И лучше сам умру, чем потеряю другую.

– А я рада, что ем горячий обед, – сказала Рене, – хоть это и рагу из жареного «Спама». И еще я рада, что в лагере есть первоклассный рыболов в лице Дона Льюистона, хотя радости прибавится, когда до меня дойдет очередь на рыбу. – Рене кивнула старику и бросила взгляд на Харпер. – И я ужасно рада встретить подругу из Портсмутской больницы, которая работала по восемнадцать часов в сутки, насвистывала диснеевские мелодии и пыталась поднять дух тысячи зараженных и напуганных пациентов. Она входила в палату, как солнце после месяца пасмурной погоды. И она заставила меня жить дальше, когда других причин у меня не было.

Харпер не была уверена, сможет ли она произнести хоть слово, так внезапно ее захлестнули чувства. В Портсмутской больнице ей казалось, что пользы от нее столько же, сколько от мяты в горшочке Рене, и теперь для нее стало полной неожиданностью иное мнение. Она только и смогла выдать:

– Я просто рада, что больше не одна.

Кэрол сжала ее пальцы.

– Я так рада быть частью этого круга. Мы все – голоса одного хора, и мы поем благодарность.

И Харпер снова увидела это: глаза Кэрол ярко запульсировали, радужки превратились в кольца неземного зеленого света. Глаза Майкла тоже вспыхнули, и Харпер заметила, как завитки драконьей чешуи на его оголенных руках блеснули красными и золотыми крапинками.

Харпер отпустила руку Кэрол, словно ошпарившись. Но тут жуткое свечение пропало, остался только озорной блеск в глазах Кэрол.

– Перепугала, да? Простите. Впрочем, вы привыкнете. А потом и сами начнете...

– Немного страшно, – призналась Харпер. – Но это... как волшебство.

– Это не волшебство. Это чудо, – сказала Кэрол спокойным тоном, каким обычно сообщают марку новой машины: «Это моя «Миата».

– А что происходит, когда вы начинаете сиять? – спросила Харпер. И почти сердито посмотрела на Рене: – То же самое было тогда с вами в больнице. Вы убежали, объята светом. Все ждали, что вы взорветесь.

– Точно, – ответила Рене. – Случайно вышло. Это называют «присоединиться к Свету».

– Или к Сети, – добавил Майкл. – Но так, наверное, только мои ровесники говорят. Многие мои друзья шутят, что это новая социальная сеть. Точнее, не совсем шутят.

– Вы, наверное, заметили, что драконья чешуя болезненно реагирует на стресс, – сказала Кэрол.

Старик, Дон Льюистон, рассмеялся:

– Можно и так сказать.

– Все потому, что она улавливает ваши чувства, – продолжала Кэрол. – И это очень важный принцип! Даже удивительно, что другие люди не изучали эту идею, чтобы выяснить, к чему она ведет. На ощущение безопасности, благополучия и признания драконья чешуя реагирует совсем по-иному: ты сильнее, чем прежде, начинаешь чувствовать себя живым. Цвета становятся ярче, вкус глубже и чувства сильнее. Словно вспыхиваешь от счастья. И это не только твое счастье. Это общее счастье. Счастливы все вокруг тебя. Словно мы – ноты одного идеального аккорда.

– Вспыхиваешь, но не горишь, – добавил Майкл, теребя завитки оранжевой бороды.

– Не горишь, – повторила Кэрол.

– Невероятно, – сказала Харпер. – Как это работает?

– Гармония, – ответила Кэрол.

– Гармония?

– В общем, единение, – сказала Рене. – Сильная социальная связь. У Джона есть интересные теории на этот счет – если его разговорить. Однажды он сказал мне...

Кэрол помрачнела лицом. На правом виске набухла жилка.

– Джона Руквуда здесь нет, он и не хочет появляться. Он предпочитает оставаться на расстоянии. Так проще поддерживать свой

персональный миф. Честно говоря, думаю, он смотрит на нас сверху вниз.

– Серьезно? – спросила Рене. – Мне так никогда не казалось. Я бы сказала, он нас бережет. Если он пренебрежительно относится к лагерю, то как-то странно это демонстрирует. Прежде всего, именно он привел сюда большинство из нас.

Повисло неловкое молчание. Рене уставилась на Кэрол с невинным любопытством. Кэрол избегала смотреть на нее. Она взяла кофе с нарочито беспечным видом, который несколько не обманул Харпер. На мгновение на лице Кэрол мелькнула ненависть. Прошлым вечером, в лесу, Джон дал понять, что не слишком любит Кэрол Стори; и чувства, как видно, были взаимны.

Майкл первым прервал неловкое молчание.

– Проще всего присоединиться к Свету, если петь. Мы всем лагерем собираемся каждый день в церкви после завтрака и поем – и всегда сияем. Вы тоже будете сиять. Может, и не сразу, но не отчаивайтесь. Это как будто кто-то подключает вас к гигантской батарее. Как будто свет вспыхивает у вас в душе впервые в жизни. – Его глаза так горели, что Харпер захотелось померить ему температуру.

– Я не могла понять, что со мной творится, когда я впервые попала в Свет, – сказала Рене. – Сказать, что я удивилась – ничего не сказать, миссис Грейсон.

– Лучше зовите меня Харпер. – Она не стала добавлять, что, по ее мнению, она больше не миссис Грейсон. Это фамилия Джейкоба, а все, что касается Джейкоба, похоже, осталось в лесу. Ее девичья фамилия была Уиллоуз. Она давненько не ощущала этого сочетания звуков на языке; казалось, обрести прежнее имя – это как совершить побег, гораздо более приятный и мирный побег, нежели прыжок из окна спальни.

– Харпер, – попробовала ее имя на вкус Рене и улыбнулась. – Не знаю, смогу ли привыкнуть, но попробую. Ну что ж, *Харпер*. Я читала детям вслух. Мы были на середине «Чарли и шоколадной фабрики», и я отложила книжку, чтобы спеть им «Конфетного человека» из фильма. Некоторые дети знали слова и подпевали мне. Все было так прекрасно, мирно, и я даже забыла, что мы больны. Такое чувство возникает, когда примешь у камина пару бокалов. И тут дети завизжали. Время словно

застыло. Помню, как один мальчик свалил мою мяту в горшочке со столика – и я словно полчаса тянулась, чтобы подхватить ее. А когда поймала, то заметила, что вся рука светится. Мне это так понравилось, что я несколько не испугалась. Но кто-то закричал: «Бегите от нее, она взорвется!» И вот тогда-то я и подумала: «Точно! Я взорвусь, как граната!» Наверное, люди особенно внушаемы в таком состоянии – в Свете. И я рванула со всех ног, прихватив горшочек с мятой. Мимо двух постов охраны, мимо десятков врачей и медсестер, через стоянку – в луга к югу от больницы. Я думала, трава загорится у меня под ногами, но она не загорелась. Постепенно свет угас, а я тряслась, как пьяная.

– Пьяная?

– Угу, – подтвердил Дон Льюистон. – Из этого Света вываливаешься совсем бухой. Особенно первые раза два. Свое имя забываешь.

– Имя?

Вмешалась Кэрол:

– Многие в первый раз забывают собственное имя. Думаю, это и есть самое прекрасное. Все, что, по вашему мнению, определяет вас, спадает, как обертка с рождественского подарка. Свет очищает до настоящей сути, открывает нечто более важное, чем то, как тебя зовут или за какую футбольную команду ты болеешь. Ощущаешь себя листом на дереве, а все, кого ты знаешь и любишь, – другие листья.

Харпер Уиллоуз задрожала как осиновый лист.

– Первый раз, когда я слился с хором, – сказал Дон Льюистон, – я забыл лицо своего отца, голос матери и название судна, на котором служил последние двадцать лет. Хотелось расцеловать всех, кого я видел. Я был чертовски щедр. Это в церкви было, после отменного пения. Я сидел рядом с двумя молодыми ребятами, и меня распирало рассказать, как я их люблю, я даже снял ботинки и пытался подарить им. Каждому по ботинку, от меня на память. Они посмеялись надо мной, как взрослые над пацаном, который впервые хлебнул пива.

– А почему вы не вернулись в больницу? – спросила Харпер у Рене. – После того, как... побывали в Свете?

– Сначала и в голову не приходило. Я была просто не в себе. Еще несла свою мяту – и вдруг подумала, что ей не место в горшке, что жестоко держать ее в горшке. Я устыдилась – столько месяцев

продержала ее в заточении. Зашла поглубже в лес и устроила тихую милую церемонию посадки. Потом села рядом со своей мятой, повернулась лицом к солнцу и чувствовала себя такой удовлетворенной, как никогда в жизни. И, кажется, думала, что сейчас займусь фотосинтезом, вместе с моим растением. А потом услышала хруст ветки, открыла глаза – а передо мной стоят Капитан Америка и Тигр Тони. И знаете что? Я ничуть не удивилась. Супергерой и мальчик-тигр были весьма кстати в такой день.

– Алли, – кивнула Харпер. – И Ник. Ник! А как же Ник? Как он может петь с вами и сиять с остальными, если не слышит?

Все посмотрели друг на друга и радостно расхохотались, как будто Харпер отпустила очень остроумную шутку.

– Ник – самородок, – сказала Кэрол. – Он научился сиянию раньше меня. Впрочем, почему он с такой легкостью входит в Свет... на этот вопрос никто из нас не может ответить. Ник говорит: если он не может слышать музыку, это не значит, что и его драконья чешуя не может. Мой отец говорит: просто еще одно чудо. Он охотно верит в чудеса. Да и я сама тоже. Пойдемте, Харпер, я покажу вам остальной лагерь.

– Если вам тяжело ходить, – сказал Майкл, – я готов подставить плечо.

По дороге к выходу они опустили тарелки в бак с серой мыльной водой, и Харпер взглянула на двух подростков, работающих в кухне. Они вытирали стаканы, прислушиваясь к радио.

По радио передавали статический хрип.

Дети по-прежнему гонялись за футбольным мячом – бледно-зеленый мяч летал туда-сюда, как хмельной блуждающий огонек.

– Не знаю, как с ними быть, когда пойдет снег, – сказала Кэрол.

– А что будет, когда пойдет снег?

– Мистер Патчетт говорит, что придется проявлять особую осторожность на улице, – сказал Майкл. – Если будем оставлять следы, их кто-нибудь может заметить с воздуха. Не скажу, что жду зимы с нетерпением.

– Когда ты появился в лагере, Майкл? – спросила Харпер.

– После того, как мои сестры сгорели заживо, – сказал он спокойно. – Сгорели вместе. И все еще держались друг за дружку, когда я сбил пламя. Наверное, это благословение. Они не умерли в одиночестве. Они нашли утешение друг в друге. Они ушли из этого мира, но они шепчут мне в Свете.

Кэрол сказала:

– Иногда, когда я вхожу в Свет, я чувствую – клянусь, – что сестра стоит рядом со мной, я просто могу склонить голову ей на плечо, как прежде. Когда мы сияем, они все приходят к нам. Свет, который мы вместе создаем, показывает нам то, что забрала тьма.

Харпер с трудом подавила дрожь. Говоря о Свете, они напоминали безмерно счастливых веземных гостей.

Кэрол провела Харпер по саду возвышающихся монолитов и языческих жертвенников.

– Говорят, что этим камням тысячи лет, и их поставило здесь древнее племя с помощью технологий пришельцев. Впрочем, отец утверждает, что камни доставлены сюда из Оганквитской каменоломни – вот почему его лучше не спрашивать ни о чем интересном.

На гранитных стелах Харпер видела прикрепленные медные таблички. На одной были перечислены имена семнадцати мальчиков, умерших в грязи восточной Франции во время Первой мировой войны. На другой – имена тридцати четырех мальчиков, умерших на берегах западной Франции во время Второй мировой. Харпер подумала, что все могильные камни должны быть подобных размеров, ведь небольшие плиты на обычных кладбищах не дают никакого представления об ошеломительной громадности потери невинного сына – в тысячах миль от дома, в грязи и стуже. Нужна огромная плита – чтобы казалось, что она вот-вот упадет и раздавит тебя.

– А это наша церковь, – сказала Кэрол. – Если подняться на колокольню в ясный день, то все видно до самого Мэна. Только на Мэн смотреть не стоит. На севере нет ничего, кроме черного дыма и молний. По утрам мы собираемся – поем и светимся, и обычно мой отец говорит несколько слов. А потом здесь проходят школьные занятия.

Кэрол показала на тропинку, скрытую за кустами сумаха и пихтами.

– Я живу там, в лесу, в белом домике с большой черной звездой. Вместе с отцом. Иногда стыжусь этого. Наверное, мне стоило бы жить с другими женщинами, в девчачьей спальне – мы сейчас туда пойдем. Папа говорит, что я могу переехать, как только захочу, но я-то знаю: если переберусь к остальным, он даже спать перестанет. Будет пить слишком много кофе и волноваться, и ходить по комнате, и снова волноваться. Он и сейчас спит всего по четыре часа, и то приходится таблетку давать. Идемте! Покажу вам, где я держу свой гарем!

Они обошли церковь; четыре каменные ступеньки спускались в проем, который размерами, формой и глубиной напоминал могилу. На дне ямы, через приоткрытую старую дверь на ржавых петлях, было видно подвал.

– Дальше идите без нас, – сказал Майкл, кивнув Дону. – Нам туда нельзя.

– Это не место для двух здоровенных парней вроде нас, – сказал Дон Льюистон. – Все эти женщины пожирают тебя глазами, думают, как бы заставить тебя исполнить их скрытые желания – приличный мужчина будет рад, если спасет жизнь и невинность.

Майкл опустил голову, скрывая заливший лицо румянец. Дон рассмеялся.

Кэрол покачала головой и прищелкнула языком:

– Майкл Мартин Линдквист-младший, ты слишком большой забавник, чтобы так смущаться.

Рене обратилась к Харпер:

– Если у вас нет пояса для чулок, я вам одолжу. В женской спальне одно из правил – никакой одежды, кроме французского белья. Корсеты и прочее.

– Я вас не слушаю, – заявил Майкл. – Я берегу себя до свадьбы.

Он оставил Харпер на попечение Кэрол и быстро зашагал прочь – почти бегом. Дон Льюистон отправился следом, насвистывая «Красотки Испании».

Кэрол помогла Харпер спуститься. За порогом было еще несколько ступенек, ведущих глубже в холм.

Под церковью находился громадный зал; потолок поддерживали побеленные кирпичные колонны. Раскладушки на щербатом цементном полу образовывали лабиринт высотой по колено. Около

тридцати женщин сидели на раскладушках и толпились возле раскладного стола у задней стены – там наливали кофе.

Майкл и Дон Льюистон, собственно говоря, могли бы спуститься сюда без риска попасть в шелковый сад наслаждений. В зале царил вовсе не сексуальный запах сырости и нафталина, и у большинства девушек кожа была восковая, как у тех, кто давно не видел дневного света. И поясов для чулок не было видно, зато множество мокрых носков сушились на трубах. В моде был стиль Армии Спасения.

У ступенек стояла двусторонняя меловая доска – такие обычно ставят у закусовых в переулках, чтобы рекламировать блюдо дня. Харпер остановилась, чтобы прочитать, что было написано на ней цветными мелками и девичьим почерком:

ПРАВИЛА ОБЩЕЖИТИЯ

НИКАКИХ МОБИЛЬНЫХ! МОБИЛЬНЫЙ ТЕЛЕФОН НУЖНО СДАТЬ ДОЗОРНОМУ!

ВИДИШЬ ЧТО-ТО, СЛЫШИШЬ ЧТО-ТО... РАССКАЖИ!

У КАЖДОГО ЕСТЬ РАБОТА! ЗНАЙ СВОЮ!

ЕДА, НАПИТКИ И ЛЕКАРСТВА – ОБЩИЕ!!! НИКАКОГО СКОПИДОМСТВА!

НЕ ВЫХОДИТЬ ПРИ СВЕТЕ ДНЯ!

СЛУШАЙ ДОЗОРНЫХ! ЭТО МОЖЕТ СПАСТИ ТЕБЕ ЖИЗНЬ!!!

НЕ УХОДИ ИЗ ЛАГЕРЯ, НЕ ПРЕДУПРЕДИВ ДОЗОРНОГО!

ОРУЖИЕ СТРОГО ЗАПРЕЩЕНО!

И СЕКРЕТЫ ТОЖЕ!

БЕЗОПАСНОСТЬ – ДЕЛО КАЖДОГО!!!

Действуй так, словно от тебя зависят все! Так оно и есть!!!

– Говорите не раздумывая, – сказала Кэрол. – Ваша любимая песня, любимый актер и как звали вашего первого питомца?

Харпер ответила:

– «Я тебе друг», Юэн Макгрегор – прежде всего, за «Мулен руж», а первым домашним животным был шнауцер Берт, черный как сажа, он напоминал мне трубочистов из «Мэри Поппинс».

Кэрол встала на стул, прочистила горло и помахала рукой над головой, чтобы привлечь внимание.

– Слушайте все! Это Харпер! Она наша новая медсестра! «Я тебе друг», Юэн Макгрегор и шнауцер Берт! Поприветствуем сестру Харпер!

Поднялся шквал криков, аплодисментов и приветствий. Алли Стори метнула в голову Харпер лифчик. Кто-то спросил:

– Харпер – а фамилия?

Кэрол собралась ответить, но Харпер опередила ее.

– Уиллоуз, – объявила она. – Харпер Уиллоуз! – И сама себе тихо добавила: – Снова. Наверное.

Кэрол провела Харпер по извилистому проходу между раскладушками к аккуратно заправленной койке почти в центре зала. На подушке лежал ее портплед.

Харпер расстегнула сумку и заглянула внутрь. Одежда была сложена аккуратными стопками. «Подручная мама» лежала на самом верху. Харпер сложила Временного кота и убрала под обложку. Вот первый питомец ее ребенка.

– Я хотела бы поблагодарить мистера Руквуда за то, что собрал мои вещи, – сказала Харпер и только тут вспомнила, что Пожарный вроде бы не любимец Кэрол Стори. Но было уже поздно, и она обычным тоном продолжила: – Где его можно найти?

На этот раз не было сердитых и недовольных взглядов. Наоборот, Кэрол посмотрела на нее почти ласково, потом тронула за руку:

– Пойдемте снова наружу. Я покажу.

Несмотря на помощь Кэрол, лодыжка Харпер гудела от боли, когда они добрались до верхней ступени. Похолодало. Воздух подернулся дымкой – с океана несло мелкую морось.

Они стояли у северо-восточного угла церкви. Кэрол махнула рукой за футбольное поле, за пихты и лодочный сарай внизу. Там, над волнующейся чернотой океана, виднелось пятно еще более густой черноты – маленький остров.

– Он – там, – сказала Кэрол. – Джон Руквуд. Он не ходит в церковь. Не ест с нами. Он сам по себе.

– Почему так?

– Не знаю. Секрет. Его секрет. Он никогда не покидает остров надолго, и никто не знает – почему. Разное говорят. Ведь там умерла *она*. Моя сестра. Она сгорела заживо и едва не унесла Ника с собой.

Может быть, Джон там оплакивает ее. Может, кается. А может, ему просто нравится быть таинственным.

– Кается? Он винит в этом себя?

– Наверняка. – Кэрол говорила со спокойным выражением лица, но Харпер почувствовала, что ее эмоции сплетаются в запутанный клубок, как колючая проволока. – Не то чтобы он был виноват. Его не было на острове, когда все случилось. Нет. Моей сестре не требовалась ничья помощь, чтобы убить себя. Она и сама прекрасно справилась.

Кэрол искоса взглянула на Харпер и добавила:

– Но вот что я скажу. Я не хочу, чтобы туда ходили дети – Ник и Алли. Думаю, Джон это понимает. Никому не стоит заводить привычку посещать его. Те, кто слишком сближается с Джоном, исчезают в пламени.

6

После завтрака – готовили жидкую овсянку на молоке и горький кофе – настало время службы.

Бен Патчетт снова стал опорой для Харпер – он вывел ее в не по сезону теплую октябрьскую ночь. В ароматной темноте мельтешили стрекозы. Гул радостного предвкушения вокруг вызывал в памяти деревенские карнавалы, чертовы колеса и свежеиспеченные лепешки.

Люди вереницей входили в узкую часовню с высоким потолком, под потрескавшиеся стропила. В длинном затененном нефе окна были закрыты ставнями; громадное пространство освещали только несколько свечей. Тени-великаны беспокойно качались на стенах, более отчетливые, чем люди, которые их отбрасывали.

Харпер, опираясь на плечо Бена Патчетта, добралась до скамьи в середине придела. Справа втиснулся еще один мужчина – невысокий, пузатый, чуть постарше Бена, розовощекий и гладкий, как ребенок. Бен представил его как Нельсона Гейнриха – в прошлой жизни владельца магазина рождественских подарков; видимо, этим и объяснялось то, что он был одет в свитер с северными оленями, хотя даже Хеллоуин еще не наступил.

Веселый шум затих, когда отец Стори поднялся на кафедру. Он поправил очки на носу, бросил совиный взгляд в свой песенник и объявил:

– Если вы откроете страницу триста тридцать два, мы начнем с простого, но благородного гимна, любимого пилигримами ранних дней Америки.

В ответ раздались смешки; Харпер не могла понять, чем они вызваны, пока Нельсон не открыл свой сборник на нужной странице. Это был вовсе не сборник церковных гимнов, а песенник для девчонок и мальчишек, а на странице 332 обнаружилась «Святая Холли» Нила Даймонда. Харпер это понравилось. Уж кто-то, а Даймонд точно спасет ее душу.

Кэрол поднялась со скамьи у органа и вышла вперед. Она подняла свою гавайскую гитару, вызвав легкие аплодисменты.

Нельсон нагнулся к уху Харпер и довольно громко сказал:

– Это просто, вот увидите! Ничего особенного! Просто откиньтесь и получайте удовольствие! – Харпер подумала, что это неудачный совет с неудачным подтекстом.

Бен поморщился и добавил:

– Это не всегда происходит сразу. Не переживайте, если сегодня ничего не получится. Будет даже странно, если получится! Как сразу выбить страйк, впервые взяв...

Но договорить он не успел. Кэрол заиграла мелодию, похожую и на марш, и на церковный госпел. Когда все сто с лишним голосов зазвучали в гулком полумраке, голубь порскнул со стропил над головами.

Алли и Ник сидели прямо перед Харпер; она поняла, что начинается что-то необычное, когда мальчик повернулся к ней и улыбнулся – его обычно аквамариновые радужки превратились в колечки золотого света.

Полоски драконьей чешуи на тыльной стороне ладоней Бена Патчетта засветились, как яркие нити оптического волокна.

Свечение возникало со всех сторон, затмевая мутный красноватый свет свечей. Харпер вспомнила кадры атомной вспышки в пустыне. Песня крепла вместе со светом, и Харпер уже слышала все голоса у себя в груди.

Впереди белое платье Кэрол начало просвечивать, и стало видно тело. Кэрол, похоже, не была против и даже не замечала этого. Харпер подумала – не смогла удержаться – о психоделических голых силуэтах, мелькающих во время титров в фильмах о Джеймсе Бонде.

Харпер чувствовала, как звук поглощает ее. Свечение было не прекрасным, а ужасным – она словно оказалась в свете фар с бешеной скоростью надвигающегося автомобиля.

Бен держал руку у нее на талии и машинально поглаживал бедро – Харпер сочла это отвратительным, но не знала, как от него оторваться. Она взглянула на Нельсона – его шея была окутана светом. Когда он открывал рот, чтобы проорать следующую строчку, Харпер видела, как его язык горит ядовито-зеленым светом.

Интересно, подумала Харпер, если закричать, услышит меня кто-нибудь за всеми этими голосами? Кричать она не собиралась – дыхание перехватило, она не могла даже петь. Если бы не больная лодыжка, Харпер, возможно, сбежала бы.

Продержаться до конца песни ей помогли Рене и Дон Льюистон. Они сидели за проходом и ближе к кафедре, но Харпер могла их разглядеть между прихожанами. Рене повернула голову, чтобы посмотреть на Харпер, и сочувственно улыбнулась. Петли чешуи на горле сияли, но приглушенно, и свет не захватил добрых чистых глаз. И главное – Рене была здесь, она проявила к ней внимание. Вот тогда-то Харпер и поняла, что так испугало ее в других.

В каком-то смысле Бен и Нельсон, Алли и Ник, и все остальные покинули зал, оставив вместо себя лампы из человеческой кожи. Мысль заменилась светом, личность – гармонией; но хотя бы Рене по-прежнему была здесь... и Дон Льюистон тоже – он пел старательно, но совершенно не светился. Позже Харпер узнала, что Дон только изредка мог сиять со всеми. И когда светился, светился ярко, но чаще его вовсе не трогала их песня. Дон говорил, что это из-за отсутствия слуха, но Харпер не верила. Его густой, рокочущий бас точно выводил мелодию, и Дон пел старательно, но без интереса.

Харпер слабо улыбнулась Рене, но чувствовала себя не в своей тарелке. Пришлось закрыть глаза, чтобы справиться с ударом последней громовой строки – драконья чешуя неприятно зудела, и в голове стучала одна мысль: «Хватит, хватит», – и когда все

прекратилось и зал взорвался топотом, свистками и аплодисментами, Харпер с трудом удержалась от слез.

Бен с отсутствующим видом погладил ее бедро. Он явно не замечал, что делает. Линии света на его коже гасли, но глаза еще хранили медный блеск. Он смотрел на Харпер с любовью, но как будто не узнавая.

– М-м-н-ничего? – спросил он. Голос немного дрожал, как будто Бен только что проснулся после крепкого сна. – Не получилось? Я не следил. Как-то отключился на минутку.

– Не получилось, – ответила Харпер. – Наверное, из-за лодыжки. Ноет все утро, а это отвлекает. Может, на следующей песне я сяду, чтобы нога отдохнула.

И Харпер действительно села. Села и закрыла глаза, чтобы не видеть яркого свечения, так напоминавшего надвигающиеся фары.

Она сидела и ждала, что ее вот-вот переедут.

В День благодарения Харпер очнулась от сна про Джейкоба и «Плуг разрушения». Она чувствовала запах дыма, но не могла понять, что же горит, пока не сообразила, что это она сама.

Пламени на ней не было, но полоска на шее прожгла воротник футболки с изображением группы «Колдплэй» – ткань почернела и дымилась. Под футболкой все щипало, как будто спрей от насекомых попал на рану.

Харпер с криком отбросила простыню и содрала с себя футболку. По коже чернильной линией тянулась полоса с ядовито-красными крапинками. Жжение усилилось, не давая соображать.

Со всех сторон послышался шум – это женщины заворочались в постелях, напомнив Харпер о всполошившейся голубятне, полной тревожного воркования. Потом появилась Алли – обхватила талию Харпер ногами и прижалась к ее спине. Она запела тихим, еле слышным шепотом, приблизив губы к уху Харпер. Тут же рядом оказалась Рене, она нашла в темноте руку Харпер, переплетя свои пальцы с ее пальцами.

Рене сказала:

– Вы не загоритесь. Здесь никто не горит, такое вот правило. Вы хотите нарушить правила и получить взбучку от Кэрл Стори? Дышите, сестра Уиллоуз. Дышите глубоко. Давайте вместе: в-вдох, выдох, в-вдох...

Алли пела старую песню «Оазиса». Она пела, что Харпер – ее чудная неприступная стена; пела сладким, бесстрашным голосом. И даже пела голосом Пожарного, с фальшивым гнусавым английским акцентом – который обычно называют «липовым кокни».

Харпер не плакала, пока драконья чешуя не поблекла и не погасла, пока боль не начала проходить. Остался только зуд, как при солнечном ожоге, от спор на коже.

Алли умолкла, но продолжала обнимать Харпер, уютно уткнувшись ей в плечо узеньким подбородком. Рене водила большим пальцем по костяшкам рук Харпер мягкими, материнскими движениями.

Ник Стори стоял в темноте шагах в четырех от койки Харпер и смотрел с тревогой. Ник был единственным мальчиком, который спал в девчачьей спальне и делил койку со старшей сестрой. Одной рукой он прижимал к груди слайд-свисток. Слышать свист он не мог, но знал, что так можно вызвать Пожарного. Но зачем? Чтобы Пожарный принес шланг – тушить угли, оставшиеся от Харпер?

– Умница, – сказала Рене. – Вы в безопасности. Все кончилось. Могло быть хуже.

– Могло быть и лучше, – влезла Алли. – Вы только что упустили прекрасную возможность спалить ужасную футболку с «Колдплэй». Если я когда и вспыхну, надеюсь, у меня в руках будет полный набор их компакт-дисков.

Харпер то ли засмеялась, то ли всхлипнула; она и сама не могла сказать. Видимо, всего понемножку.

Харпер, в поджаренной футболке, шла вместе со всеми навстречу кафетерию и завтраку. Она шла, не видя пути, позволив человеческому приливу нести себя.

Сон. Ее чуть не прикончил сон. Она и представить не могла, что ночные видения могут быть не менее опасными, чем бокал вина и Джейкоб с пистолетом.

Во сне она была громадно беременной, такой здоровенной, что было страшно и смешно. Она пыталась бежать, но едва переставляла ноги. Харпер прижимала к ноющей, набухшей груди «Плуг разрушения» с липкими от крови страницами. Вся бумага была в кровавых отпечатках пальцев. Харпер казалось, что она забила Джейкоба романом насмерть и теперь пытается спрятать улики.

Она спешила через дорогу, чтобы похоронить роман, как труп. Порыв ледяного ветра вырвал рукопись из пальцев и швырнул на шоссе.

Харпер опустилась на мерзлый асфальт, хватая листы и пытаясь собрать рукопись в темноте и в холоде. По логике сна, нельзя было потерять ни единой страницы. Харпер успела собрать почти треть, когда футах в трехстах от нее на дороге вспыхнули фары. У тротуара был припаркован двухтонный «Фрейтлайнер» с плугом размером с крыло самолета.

– Ах ты сучка! – крикнул Джейкоб, сидящий за рулем. – Ты знаешь, сколько сил я потратил на него? Где твое уважение к литературе?

Врубилась передача. «Фрейтлайнер» двинулся вперед. Джейкоб включил дальний свет, пригвоздив Харпер к дороге ослепительным голубым лучом. Он поддал газу, включил вторую передачу, отчего дизель взвизгнул, а фары словно пронзили Харпер насквозь, обжигая кожу, поджаривая ее...

Даже от воспоминаний об этом сне драконья чешуя налилась нездоровым жаром.

Харпер шагала с опущенной головой, погруженная в безнадежные, мрачные мысли. И вздрогнула, неожиданно ощутив холодный легкий поцелуй в щеку. Она подняла глаза и тут же получила новый поцелуй – в правое веко.

Валил снег. Пухлые белые хлопья, как перья, появлялись из темноты – такие мягкие и легкие, что висели в воздухе, почти не опускаясь. Харпер закрыла глаза. Открыла рот. Попробовала снежинку на вкус.

В кафетерии клубился пар, пахло жареным «спамом» и белой подливой. Харпер шла сквозь крики, смех и звон посуды.

Дети вырезали из подставок под горячее индеек и раскрасили их. В тот вечер все дети работали официантами и надели сделанные из картона шляпы пилигримов.

Рене направила Харпер к одному из длинных столов, и они сели вместе. Бен Патчетт присоседился к ним, стукнувшись бедром о бедро Харпер, когда усаживался на скамейку.

– Хотите сесть с нами, Бен? – спросила Рене, хотя он уже плюхнулся на свое место.

В последние три недели Бен так и лип к Харпер. Если она шла к двери, он оказывался тут как тут – открыть и придержать. Если Харпер начинала прихрамывать, он подскакивал, непрошенный, обхватывал

рукой за талию и давал на себя опереться. Его жирные теплые руки напоминали сырое дрожжевое тесто. Он не приносил вреда и хотел только помочь, а она пыталась быть благодарной, но часто ловила себя на том, что даже смотреть на него не может.

– Харпер, с вами все хорошо? – Бен, прищурившись, смотрел на нее. – Вы покраснели. Выпейте чего-нибудь.

– Все хорошо. Я уже попила воды, и вы представить не можете, сколько раз за день я бегаю в туалет.

– А я говорю – пейте. – Он подвинул ей стаканчик клюквенного сока. – То, что доктор Бен прописал.

Харпер взяла стакан – главным образом ради того, чтобы Бен заткнулся. Она понимала, что он шутит пусть и неуклюже, чтобы развеселить ее, но это раздражало еще больше. Ему-то не составляло труда войти в Свет. Бен Патчетт всегда начинал светиться в часовне, едва Кэрол брала первые аккорды на органе. Он-то не проснется в огне. Ему не страшно засыпать.

Кошмары Харпер, в которых приходилось бежать по дороге, ничуть ее не удивляли. Она чувствовала себя словно в свете надвигающихся фар по меньшей мере раз в день, когда остальные собирались петь. Она шла в часовню на службу с растущим ужасом. Вот уже месяц, как она в лагере, а войти в Свет не удалось ни разу. В часовне она оставалась одна, как перегоревшая лампочка на рождественской елке. Каждый день во время церемонии она сжимала кулаки на коленях и стискивала зубы, словно пилот самолета, попавшего в турбулентность.

В последние дни даже Бен перестал уверять ее, что нужно лишь подождать немного – и она включится, присоединится, свяжется... словно речь шла об онлайн-соединении через какой-то духовный модем. В конце службы, когда прихожане тянулись к выходу, Харпер замечала, что с ней стараются не встречаться взглядом. А если кто и смотрел в глаза, то с кривой, жалостливой улыбочкой.

По залу прокатился шумок оживления, когда Кэрол помогла отцу Стори взобраться на стул. Он поднял руки, призывая к тишине, улыбаясь пастве и сверкая бифокальными линзами в золотой оправе.

– Я... – заговорил он с трудом, потом умолк и достал изо рта белый камушек. Аудитория отозвалась взрывом восхищенного смеха.

Раздался чей-то голос, кажется, Дона Льюистона:

– Эй, отец, и это весь ужин? Господи, ну и харчи в вашем заведении!

Норма Хилд сердито зыркнула в сторону весельчака, но потом и сама не удержалась:

– Отец, не перебивайте аппетит.

Отец Стори улыбнулся и сказал:

– Я подумал, в День благодарения нужно сказать что-нибудь перед тем, как мы наляжем на еду. Можете все взяться за руки, если хотите, или возьмите за руку того, кто рядом, или слушайте не меня, а ветер.

Раздались покашливания, застучали ножки стульев. Бен Патчетт обхватил кисть Харпер своей влажной пухлой ладонью. Рене бросила косой взгляд – «Гляньте-ка, у кое-кого есть парень! Повезло!» – и взяла Харпер за вторую руку.

– Все мы – хвалебный хор спасенных песней и светом, – начал отец Стори. – Мы благодарны за возможность соединиться в гармонии, спастись нашей любовью друг к другу. У нас множество причин для благодарности. Я благодарен за бисквиты и белую подливку. Она так приятно пахнет. Мы поем слова благодарности Норме Хилд, которая из кожи вон лезет, готовя восхитительный обед на День благодарения из ограниченных запасов. Мы поем слова благодарности девочкам, которые обливались потом на кухне, помогая ей. Мы благодарим Рене Гилмонтон, которая помогала детишкам вырезать шляпы пилигримов и превратила ребят в вышколенных официантов. Мы поем благодарность Джону Руквуду, которого здесь нет, но который чудесным образом доставил нам какао и зефир... зря я об этом сказал, ведь мы не хотели, чтобы дети перевозбудились.

Радостный вопль пронесся по залу, а за ним – снисходительный приглушенный смех взрослых. Отец Стори улыбнулся, потом закрыл глаза, наморщив лоб в задумчивости.

– Когда мы поем вместе, мы поем для всех, кого мы любим, но кого с нами нет. Мы поем, вспоминая каждую минуту, которую провели с ними. У меня была дочь – прекрасная, умная и веселая, боевая, непростая и удивительная дочь – и я невыносимо тоскую по ней. И я знаю, что многие так же тоскуют по тем, кого потеряли. Я пою о том, что пережил с моей Сарой. И когда мы возвышаем голоса в гармонии, я снова ощущаю ее присутствие. Я нахожу ее дух в Свете. И слышу: она поет для меня, как и я пою для нее.

Ветер свистел под карнизами. Кто-то придушенно вздохнул. Харпер словно кожей ощущала тишину – сладкое, болезненное биение.

Отец Стори распахнул влажные глаза и обвел собравшихся благодарным и любящим взглядом.

– А остальные все еще здесь, что очень приятно. Еще один вечер на земле, немного музыки и свежих бисквитов, добрая беседа. Это почти все, о чем я мечтал. Не знаю, о чем мечтали другие. А сейчас, думаю, все запоют от радости, когда я заткнусь и мы сможем поесть.

Поднялся восторженный крик, и раздались аплодисменты. Дон Льюистон поднялся на ноги. Начали подниматься, отодвигая скамейки и стулья, остальные; все хлопали старику, сказавшему, что чувствовать радость – нормально, даже сейчас. Отец Стори слез со стула, а зрители поднимались, свистя и хлопая в ладоши, и Харпер свистела и хлопала со всеми, радуясь за отца Стори. По крайней мере, сейчас у нее не щемило сердце от страха проснуться в дыму.

Началась трапеза: жирные кубики «спама» в густой подливке, на мучных масляных бисквитах. Харпер ела безо всякого аппетита, машинально, и удивилась, обнаружив, что соскребает с тарелки остатки подливки. Пусть она и не голодна, зато ребенок всегда не прочь чем-нибудь подкрепиться. Харпер чуть задержала взгляд на половинке бисквита в тарелке Рене, и пожилая женщина, улыбнувшись, пластиковой вилкой сдвинула бисквит в тарелку Харпер.

– Нет, – возразила Харпер. – Не надо, я не хочу.

– Я бы поверила, если бы не видела, как вы едите крошки со стола.

– Господи, – ахнула Харпер. – Я просто поросенок. Все равно что сидеть со сраной свиньей у корыта.

Бен, вздрогнув, обернулся. Харпер не слишком любила бранные слова, но рядом с Беном не могла удержаться. Бен шарахался ругательств, как кошка от воды, и заменял «чертов» на «чокнутый», «говно» на «дерьмо», «сраный» на «странный»; Харпер считала это неприятным ханжеством. А стоило самой Харпер ругнуться, Бен обязательно вздрагивал. Порой Харпер казалось, что он похож на пожилую леди больше, чем Норма Хилд.

Она хотела поквитаться с ним с того самого момента, когда он начал изображать папочку и заставлял ее пить клюквенный сок. Но, выругавшись, сразу почувствовала укол вины. Мерзко обижать человека, который относится к тебе вполне пристойно.

Бен положил вилку и поднялся. Харпер охватил ужас – неужели она так оскорбила его, что он готов сбежать? Но нет, он собрался сделать собственное объявление – залез на скамейку, сунул два пальца в рот и оглушительно свистнул.

– У меня нет камешка во рту, – сказал Бен, – но когда я договорю, некоторые наверняка пожалеют об этом.

Он улыбнулся, но слушатели не могли понять, нужно ли тут смеяться, и в комнате царила тишина, только кто-то тихо перешептывался.

– Снег, конечно, прелестен, но он сильно осложнит нашу жизнь. До сих пор мы могли свободно гулять по лагерю, и детям было вдоволь места для игр. К сожалению, все изменится. Сегодня дозорные уложат доски для прохода между зданиями. И от здания к зданию вы обязаны ходить по этим доскам. Если сюда забредет карантинный патруль и найдет на снегу следы, то поймет, что здесь прячутся люди. Дозорных я жду сегодня ночью в Мемориальном парке после службы. Потренируемся устанавливать и прятать доски. Они должны убираться за две минуты. Это реально, но нужно насобачиться, так что будьте готовы застрять там на какое-то время и оденьтесь соответственно.

Раздались стоны, хотя Харпер они показались не совсем искренними. Подростки, записавшиеся в дозорные, с удовольствием толкались на морозе, воображая себя морскими пехотинцами на секретной операции. Большинство были готовы выполнять постапокалиптические тайные задания еще с тех пор, как взяли в руки пульт игровой приставки.

– Отец Стори упомянул, что Норма Хилд чуть в лепешку не расшиблась, готовя сегодняшнюю трапезу. Ей пришлось непросто, учитывая, с чем приходилось работать. И тут должен сообщить неприятные известия. Норма, Кэрол и я вчера шесть часов провели в кухне, проверяя запасы. Врать не буду. Положение безвыходное, и пришлось принимать трудные решения. И со следующего понедельника каждый в возрасте от тринадцати до шестидесяти, кроме недужных и беременных, – Бен, поглядев на Харпер, подмигнул, –

будет тянуть билет из шляпы, прямо перед обедом. Если на вашем билете окажется крест, мы просим вас пропустить этот прием пищи. В среднем, видимо, тридцать человек будут пропускать обед. И если вам случится проиграть голодные игры... – Бен помедлил и улыбнулся, ожидая услышать смех. Не дождавшись, торопливо продолжил: – То в следующий обед вы билет не тянете. Извините. Простая арифметика. В лагере хранилось достаточно бакалеи и консервов, чтобы две сотни детей могли питаться несколько месяцев. У нас с июля больше сотни людей, и каждую неделю появляются новые. Запасы скудны, и пополнения не ожидается еще долго.

Теперь фальшивых стонов слышно не было. Харпер различала нервный шепот и видела, как люди обмениваются тревожными взглядами. Алли, сидевшая от нее через два стола, повернулась к Майклу и, прикрыв рот ладонью, яростно зашептала что-то ему на ухо.

– Каждому, кто вытащит несчастливый билет, предложат кофе или чай – и в знак благодарности... в общем, Норма нашла немного сахара. Большую банку. И даже без муравьев. Так что если вытащите несчастливый билетик, то получаете чайную ложку сахара в свой напиток. *Одну*. Чайную. Немного, но хоть что-то. Только так мы можем выразить нашу благодарность. – Бен заговорил строже. – И еще по поводу сокращения запасов и пропуска приема пищи: кто-то ворует сгущенку. И несколько банок «спама» пропало, а лишнего у нас нет. Это надо прекратить. И я не шучу. Вы буквально вырываете еду изо рта у детей. И еще: вчера кто-то взял большую чайную чашку Эмили Уотерман. Буду очень признателен, если вы просто поставите чашку у ее кровати. И ничего не надо будет объяснять. Просто верните. Это очень большая чашка, размером с суповую, а на дне нарисованы звездочки. Это счастливая звездная чашка Эмили, она хранит ее с раннего детства, и чашка много значит для нее. Вот и все. Спасибо.

Он подождал, не похлопают ли ему, но никто не стал, и Харпер взяла Бена за горячую влажную руку, пока он спускался со скамьи. Больше он не раздражал ее. В комнате снова начались разговоры, но тихие и встревоженные.

Бен сел и начал гонять пластиковой вилкой подливу на тарелке. Рене, подавшись вперед, выглянула из-за плеча Харпер и спросила:

– Вы в порядке, Бен?

– Плохо быть парнем, который отобрал мобильные, – сказал Бен. – А теперь я еще и парень, который отбирает обед. Ох, мерзость.

Он поднялся со скамейки, отнес тарелку к раздаче и опустил ее в бак с серой мыльной водой.

– Я не против пропустить обед. – Рене наблюдала за Беном, который поднял воротник и вышел из кафетерия, не оглянувшись. – Еда все равно ужасная, а я скинула бы десяток фунтов. Конечно, он напрасно беспокоится. Люди не злились на него, когда он отбирал телефоны. Они радовались! Радовались, что кто-то занимается нашей безопасностью. И никто не винит его. Даже за то, что он сделал с Гарольдом Кроссом. Единственный, кто обвиняет Бена Патчетта в том, что случилось с Гарольдом, это Бен Патчетт.

– Гарольд Кросс, – повторила Харпер. – Я уже слышала это имя. Кто такой Гарольд Кросс и что с ним сделал Бен?

Рене заморгала, с удивлением глядя на Харпер.

– Застрелил. А вы не знали? Прострелил ему горло.

9

На десерт подали маленькие порции кокосового торта с заварным кремом на коржах из пшеничной муки – ничего лучше Харпер не пробовала с самого появления в лагере. Она зажмуривалась после каждой ложечки, чтобы сосредоточиться на сливочном вкусе. Хотелось расплакаться или хотя бы написать Норме Хилд открытку с искренней благодарностью.

Рене отлучилась ненадолго, чтобы помочь в приготовлении какао для детей, а вернулась с двумя кружками черного кофе и с Доном Льюистоном и Алли Стори в фарватере. Ник Стори тоже уцепился за старшую сестру. Он нес перед собой кружку горячего шоколада – торжественно, как кольца на свадебной церемонии.

– Вы в порядке? – спросила Рене. – У вас такое лицо...

– Это мое оргазмическое лицо, – ответила Харпер, нацелившаяся на последний кусочек пирога.

– Неудивительно, ведь долька пирога по форме – копия киски, – сказала Алли.

– Девочки, вы хотите поговорить без свидетелей? – спросил Дон. – Я могу потом снова подойти. А то беседа развивается в таком направлении, что может стать небезопасной для ушей девственника вроде меня.

– Садитесь, – сказала Рене, – и расскажите, что случилось с Гарольдом Кроссом. Думаю, Харпер должна это знать, а вы двое можете рассказать лучше меня. Дон, вы с ним работали. Алли, ты знала его лучше всех. И вы оба были свидетелями его смерти.

– Не скажу, что знала его так уж хорошо. Дошло до того, что я уже в одной комнате не могла с ним находиться, – сказала Алли.

– Но ты же пыталась, – сказала Рене. – Пробовала. Тут мало кто может такое же сказать.

Ник примостился на скамейке слева от Алли. Он крутил головой, глядя то на Алли, то на Рене, потом начал водить руками в воздухе, что-то спрашивая у сестры. Алли нахмурила лоб и задвигала пальцами в ответ.

– Мама гораздо лучше понимала язык жестов, – пояснила Алли. – Я твердо знаю только пальцевую азбуку. Ник спрашивает, о чем мы говорим. Вот единственный плюс его глухоты. Можно не беспокоиться, что он услышит что-то ужасное и расстроится.

– А по губам он совсем не читает? – спросила Харпер.

– Такое бывает только в кино.

Дон отхлебнул кофе и поморщился.

– Вот что я скажу: ничто так быстро не излечивает от хорошего настроения, как глоток этого кофе. Ну разве что рассказ про Гарольда Кросса. – Дон поставил кружку на стол. – Гарольд почти все время проводил в одиночестве. Как жирдяй, которого никто не любит. Типа умный больно. Умнее всех и всегда готовый это показать. Если ты роешь яму для туалета, он объяснит, как лучше и правильней это делать... но лопату в руки не возьмет. Скажет – спина болит или еще чего. Небось знаете таких.

– Ходил в полосатой футболке и черных джинсовых шортах – никогда не видела его ни в чем другом. Как-то на футболку козявка налипла – так он дня три с ней проходил. Ей-богу, – сказала Алли.

– Я помню эту козявку! – сказал Дон. – Он так долго ее носил, мог бы уже имя ей придумать!

Ник, все еще смотревший на них, задал Алли новый вопрос – несколькими медленными, старательными жестами. На этот раз Алли ответила быстрее и поскребла нос костяшками пальцев, изображая ковыряние в ноздре. Ник улыбнулся. Он выудил из кармана джинсов карандаш и написал что-то на подставке в виде индейки. Подставку он двинул через стол к Харпер.

«Он еще дымился иногда. Не сильно, как сырой мох в костре. Просто струйка гадкого дыма из-под шортов. Алли говорила, это из его дымохода».

Взглянув на Ника, Харпер обнаружила, что тот прикрыл ладонью рот и тихонько присвистывает. Говорить он не умел, но хихикать, похоже, могут даже немые.

Рене сказала:

– Он был студентом-медиком – когда я попала в лагерь, он отвечал за лазарет. Лет примерно двадцати четырех, может, двадцати пяти. Ходил повсюду с маленьким журналистским блокнотом и иногда, сидя на камне, что-то писал. Думаю, некоторых это беспокоило – как будто он про тебя пишет.

Алли добавила:

– Несколько раз девчонки пытались отнять у него блокнот – посмотреть, что он там пишет. Тогда у него начинала светиться драконья чешуя и он бушевал. Буквально дым пускал, представляете?

– Из дымохода, – сказал Дон Льюистон, и теперь засмеялись все, кроме Ника, который потерял нить разговора и мог только вопросительно улыбаться.

– Когда он впервые входил в Свет, получилось очень быстро, – продолжала Алли. – Кто-то входит сразу, кто-то нет. А у Гарольда получилось слишком быстро. Он так сильно и быстро вошел в Свет, что перепугался. Закричал, упал на пол и начал кататься, как будто горит. Потом рассказывал, что ему не понравилось, когда все люди оказались у него в голове. А происходит все именно так. И это не телепатия. Никто не забирается к вам в голову. Это просто хорошее чувство, исходящее от людей вокруг тебя. Как будто тебя поддерживают. Как будто обнимают. И потом Гарольд уже не светился. Он держался на расстоянии от всех нас. Не участвовал – только наблюдал.

– Угу. Точно, – согласился Дон. – А однажды, где-то на третьей неделе пребывания в лагере, он встал после службы и сказал, что хочет обратиться к собранию. Все просто ошалели. Как правило, если кто и толкал речи в часовне, так это отец Стори или Кэрол. Это как смотришь телешоу, и вдруг кто-то из массовки выступает без сценария.

– Отец Стори, – добавила Рене, – благослови его Господь, только положил мыслительный камешек в рот и сел послушать, как студент на лекции по любимому предмету.

Алли провела ладонью по бритой голове.

– Гарольд объявил, что считает своим моральным долгом поведать миру о нашем «открытии». Сказал, что нам не следует прятаться. Что нас нужно показывать по кабельному телевидению, что мы должны поделиться с другими тем, что умеем. Он сказал, что процесс подавления симптомов драконьей чешуи представляет научный интерес и многие хотят знать о нас больше. Тетя Кэрол спросила: «Гарольд, милый, что значит – *многие* хотят знать?» Гарольд ответил, что писал эсэмэски доктору в Беркли, который счел, что наша община станет настоящим прорывом. Еще один доктор из Аргентины хотел, чтобы Гарольд взял образцы крови у людей, ходивших в Свет. Гарольд говорил так, будто это все ерунда. Он будто не понимал, что натворил.

– Ох, Харпер, – сказала Рене, – это была жуткая ночь.

– Мистер Патчетт подскочил и спросил у Гарольда, скольким людям он слал эсэмэски и отправлял ли их с территории лагеря. Мистер Патчетт сказал, что отследить смартфон проще простого, а Гарольд нарисовал жирный крест на карте для местного карантинного патруля. Люди закричали, начали хватать детей. Мы запаниковали, как авиапассажиры, услышавшие от пилота, что в салоне террорист. – Взгляд Алли помутнел. Она словно не видела Харпер, а глядела в летнюю ночь, полную тревоги и суматохи. – Мистер Патчетт заставил Гарольда отдать смартфон. Три минуты прокручивал сообщения. Выяснилось, что Гарольд связался с тремя десятками людей по всей стране. Даже по всему миру! И отправлял им фото, по которым еще легче было найти, где мы прячемся.

– Гарольд хотел, чтобы лагерь проголосовал, – вмешался Дон Льюистон. – Ну да, он получил что хотел. Бен выставил на голосование вопрос о конфискации всех мобильных в лагере; Алли и Майкл собрали их в большой мусорный мешок.

– Мне не понравилось, как обошлись с Гарольдом потом, – сказала Рене. – Если мы и сделали что-то неправильно, то именно тогда.

Алли кивнула.

– Когда телефоны собрали, на Гарольда стали смотреть, как на ядовитого жука, которого хочется накрыть банкой, чтобы никого не укусил. Дети стали называть его не Гарольд, а Гадольд. Никто не садился рядом с ним в кафетерии, только дедушка – он умеет ладить со всеми. Потом однажды одна из девочек попала тарелкой для фрисби прямо в лицо Гарольду и разбила его очки. Она уверяла: получилось случайно, она думала, что он поймает, но это была полная хрень, я так ей и сказала, что это хрень. Мне казалось, кто-то должен его поддержать. Казалось, что мы поступили нехорошо, объявив ему бойкот. И я помогла ему починить очки, стала садиться за один столик с ним и дедушкой за обедом. Я записалась на дежурства с ним, чтобы ему не приходилось работать одному. Мне казалось, нужно достучаться до *настоящего* Гарольда внутри. Только внутри он оказался таким же ужасным, как и снаружи. Как-то мы на кухне мыли тарелки для миссис Хилд, и он вдруг сунул руку мне в шорты. Когда я спросила, какого хрена он делает, он ответил, что мне не стоит особо выбирать, с кем трахаться, раз уж человечество все равно сливается в унитаз. Я так ему двинула, что очки слетели с носа и снова разбились. Вот вам и Гарольд.

Ник оглядывал всех по очереди широко раскрытыми любопытными глазами. Какао он почти допил; под носом остались шоколадные усы, и весь он словно сошел с полотна Нормана Роквелла. Ник показал Алли то, что он написал на подставке. Она попросила у него карандаш и написала ответ. Ник кивнул, потом согнулся, написал еще что-то и подвинул подставку Харпер.

«А я говорил Алли, что ему нельзя доверять. У него дым прямо как из трубы валил, когда он рядом с ней крутился. Глухие лучше других чуют запахи, так я чуял в нем зло».

Харпер повернула подставку так, чтобы Рене могла прочесть. Рене посмотрела на запись, посмотрела на Харпер, и обе женщины залились смехом. Харпер тряслась, удивляясь собственному веселью; ей казалось, что она вот-вот расплачется. Ник удивленно смотрел на них.

Пришлось сделать глоток из чашки, чтобы успокоиться, но веселье снова забурлило внутри, Харпер закашлялась, и кофе чуть не полился у нее из ноздрей. Рене хлопала ее по спине, пока приступ кашля не прошел.

Дон прочитал то, что написал Ник, и уголок его рта приподнялся в усмешке.

– Да, забавно. Я не чуял в нем зла. Но однажды почувал кое-что другое... и это оказалось словно первой костяшкой домино в цепи, которая привела к его смерти. Гарольд работал под моим началом – копал дождевых червей для наживки. Было чудно, что он взялся за физический труд. Вроде как королева вызвалась туалеты драить. Просто больше никто не хотел его брать, так я взял себе. Он сказал, что знает болотистое местечко к югу от лагеря, где червей полно. И не соврал. Много дней он приносил больше наживки, чем любой другой из парней, которых я посылал. А иногда появлялся с парой червей в ведерке и только пожимал плечами – не повезло. Я подумал, что в эти дни он просто где-нибудь отсыпается, так что не слишком беспокоился. Да только однажды, в середине августа, он явился совсем пустой, а когда ставил ведерко, рыгнул – и черт меня подери, если я не унюхал запах пиццы в его гребаной отрыжке. Меня как по голове стукнуло. Вы небось заметили, что пиццы в меню лагеря Уиндем нет. Я плохо спал, а наутро решил, что нужно сказать Бену Патчетту. Бен воспринял не лучше моего. Он прямо оцепенел, побледнел и долго сидел, теребя губу, а потом наконец сказал, что я все правильно сделал. Потом Бен спросил, не могу ли я взять Майкла на недельку в свою бригаду по добыче наживки. Я понял, что Майклу придется копать вовсе не червяков, но нужно же было выяснить, что затеял Кросс, и я согласился. И вот Майкл начал следить за ним издалека. Первые несколько дней худшее, что он заметил – это как Гарольд садится под кустик и использует листы из библиотечной книги вместо туалетной бумаги.

Рене поежилась.

– Как выяснилось, это было «Сердце – одинокий охотник». Единственный экземпляр в нашей библиотеке. Если б я знала, зачем ему книга, дала бы экземпляр «Атлант расправил плечи».

– И вот на четвертый день наш Майк проследил путь Гарольда до заброшенного летнего коттеджа в полумиле отсюда – а там и

генератор, и Интернет. И сидит там наш мальчик за ноутбуком – одной рукой рассылает письма по электронной почте, а другой сует в рот пиццу пепперони. Гарольд не только вернулся к прежним фокусам, сливая наши секреты все тем же людям, но еще и забил под завязку морозильник жратвой для себя.

Дон взглянул на Алли, передавая ей слово. Она кивнула и продолжила:

– Я видела, как вернулся Майк. Все произошло в доме Черной звезды, где живут моя тетя и дедушка. Все случилось вскоре после смерти моей мамы. – Алли говорила спокойно, не скрывая свою боль, но и не выпячивая ее. – У тети Кэрол остались мамины вещи, и она попросила посмотреть их и выбрать, что нужно оставить для Ника и меня. Ничего и не нашлось, кроме этого. – Алли ткнула пальцем в золотой медальон в виде книги на шее. – Когда Майк пришел и рассказал, что видел, мы все бросили, и дедушка послал меня за мистером Патчеттом. Когда я вернулась с Беном, тетя Кэрол сидела в кресле, опустив лицо в ладони, и от нее поднимались струйки серого дыма. Вот как она расстроилась.

Она сказала, что нужно выгнать Гарольда из лагеря. Но мистер Патчетт заявил, что это худший из возможных вариантов. Если выгоним Гарольда, карантинный патруль подберет его и выбьет все, что он знает про нас. Мистер Патчетт хотел запереть Гарольда где-нибудь, но дедушка сказал, что достаточно взять у Гарольда обещание, что он, оставаясь в лагере, не будет связываться с посторонними. Кэрол и мистер Патчетт посмотрели друг на друга так, будто хотели спросить: «Ну и кто ему сообщит, что ничего более маразматичного он в жизни не говорил?» Но с дедушкой всегда так... его, типа, трудно убедить, что не все люди хотят поступать правильно. При дедушке даже высказаться о ком-нибудь враждебно, недоверчиво или со злостью невозможно. Он этого не одобрит. И мистер Патчетт сдался. Они с дедушкой договорились, что Гарольда будут держать под особым наблюдением – и все.

Алли уперлась локтями в стол и положила подбородок на ладони. Она ни на кого не глядела, опустив глаза, словно смотрела куда-то внутрь себя. Харпер поняла, что они приближаются к концу истории Гарольда Кросса... а значит, и к концу его жизни.

Алли продолжила:

– После того как мистер Патчетт разъяснил Гарольду, чем тот рисковал, Гарольд слег с болью в животе и попал в лазарет. Мистер Патчетт устроил так, чтобы в лазарете всегда – днем и ночью – находился дозорный и Гарольд не мог убежать. Если дозорный не сидел в палате, то дежурил в приемной. Все случилось в мою смену, днем, когда весь лагерь спал. Перед самым закатом – моя смена уже кончалась – мне приспичило пописать, а в туалет можно пройти только через палату. Я шла осторожно, на цыпочках, чтобы не разбудить Гарольда. Он лежал на койке в отгороженном уголке. Его было чуть видно под простыней, в щель между занавесками. Я уже почти добралась до туалета, но тут задела бедром «утку», а она как покатится по полу с грохотом. Гарольд даже не шевельнулся. Тут меня пробил озноб, и я отодвинула занавеску, чтобы взглянуть на него. Под простыней были только подушки. – Она подняла глаза и встретилась взглядом с Харпер, которая заметила, какой у Алли страдающий и пристыженный вид. – Понимаете... я проспала почти весь вечер, хотя должна была дежурить в приемной. Я говорила себе, что в этом ничего страшного нет. Думала, если Гарольд попытается проскользнуть мимо меня, я услышу. Думала, что сплю слишком чутко, чтобы он проскочил. Очень чутко. Я словно ненадолго впала в кому. Может быть, это Норма Хилд подсыпала снотворного мне в чай, надеясь, что я хоть так отвечу ей взаимностью. – Алли попыталась улыбнуться, но ее подбородок дрожал.

Дон протянул морщинистую руку и неуклюже, но ласково погладил Алли по спине.

– Ты же понимаешь, что если бы не спала, когда он решил сбежать, он мог бы хорошенько врезать тебе? Он удрал бы, так или иначе.

– Гарольд не проскочил бы мимо Ника, – сказала Алли, вытирая глаза тыльной стороной ладони.

– А кто говорит, что он стал бы себя утруждать? Позвал бы тебя в палату и огрел гаечным ключом. Нет, мэм. Он все равно избавился бы от нашей компании, не мытьем, так катаньем. В голове не укладывается – держать пленника и не запирает его. Ради твоего дедушки я бы с акулами дрался, но он был не прав насчет Гарольда, а Бен Патчетт – прав.

Ник заметил, что Алли трет глаза. Он написал что-то на подставке. Алли прочитала и замотала головой.

– Нет, я не возьму твой последний зефир.

Ник написал что-то еще, потом ложкой вытащил из своей кружки часть растаявшего зефира. Алли со вздохом открыла рот и позволила Нику покормить ее.

– Он говорит, что это лекарство от страданий, – объяснила Алли невнятно, дожевывая резиновый зефир. Блестящая слеза скатилась по щеке. – Вообще-то мне и правда лучше.

Дон Льюистон уперся локтями в стол.

– Я дорасскажу – немного уже осталось. Алли позвала Майка, Майк побежал за Беном Патчеттом. Наши с Беном койки рядом, так что от их шепота я проснулся. Когда я понял, что они идут искать Гарольда, то вызвался пойти с ними. Наверное, считал, что должен. Гарольд ведь был в моей команде. Из-за того, что я не следил за ним как следует, он и смог связаться с внешним миром. Не помню, кто именно притащил винтовку со стрельбища, но, видимо, все решили, что Гарольд по своей воле не вернется. Но помню, что вот ей, – он погладил Алли по плечу, – велели оставаться здесь. Нетрудно догадаться, что это было как об стенку горох. За двадцать минут мы пробежали мили три – напрямки к убежищу Гарольда, и Алли все время неслась впереди. И мы еле успели. На месте мы поняли, что все пошло по худшему сценарию. Может, некоторые из тех, с кем Гарольд переписывался, и были теми, за кого себя выдавали. Может, даже большинство. Но не все. Когда мы добежали до хижины, там уже был припаркованный фургончик и люди с пушками. Но это оказался не государственный карантинный патруль. Крематоры. Мы все видели из-за каменной стены. У них были «бушмейстеры», и они колотили Гарольда прикладами. Пинали. Развлекались. Гарольд лежал в грязи, вцепившись в свой ноутбук, и умолял не убивать его. Он говорил, что не опасен, что может управлять инфекцией. Говорил, что отведет их в тайное место, где многие люди умеют управлять драконьей чешуей. И тогда Бен спросил Майка, заряжена ли винтовка.

– Я решила, что мы попытаемся отбить Гарольда, – сказала Алли. – Как в кино. Нас четверо, а тех – двенадцать. Тупо, да? – Она говорила хриплым напряженным голосом; Харпер поняла, что Алли пытается сдержать слезы.

– У Майка так руки тряслись, что он просыпал патроны на землю, но Бен – его вдруг стало не узнать. Он был копом в прошлой жизни, вы в курсе? У него по лицу видно. Он был спокоен и при этом тверд. Сказал: «Давай-ка лучше я, сынок», – и взял винтовку из рук Майка. Первую пулю всадил Гарольду в горло. А вторую – в ноутбук. Кремационная бригада рухнула в грязь – небось так и лежат там до сих пор. А мы дернули прочь не оглядываясь. – Дон вертел опустевшую кружку в ладонях. – Бен Патчетт в лесу был холоден как лед, но когда мы вернулись, выплакал все глаза. Сидел в церкви на скамье, а отец Стори обнимал его, как ребенка. Утешал и повторял, что если кто и виноват во всем этом, так это он сам, а вовсе не Бен.

Ник, нахмурившись, снова написал что-то на подставке. Алли прочитала и подвинула подставку Рене и Харпер, чтобы они могли прочесть.

«Мистеру Патчетту не надо было брать винтовку. Надо было брать Джона. Он бы спас Гарольда».

– Может, и так, – сказал Дон, прочитавший надпись вверх ногами. – Впрочем, у нас не было времени идти за ним, мы чертовски торопились. И, как выяснилось, не зря. Еще пара минуток – и Гарольд выдал бы им все. И тогда вместо одного убитого пацана у нас был бы полный лагерь мертвых детей – да и взрослых. – Дон со звоном поставил кружку на стол. Люди поднимались из-за столов, зал наполнился громкими веселыми разговорами. Пора было идти в церковь. Харпер ощутила, как в животе привычно сворачивается тугой клубок страха. Еще одна песня, еще одна гармония, к которой она не сможет присоединиться, еще один ошеломительный шквал звука и света.

– Вот, пожалуй, и все, – сказала Рене. – Вся печальная баллада о Гарольде Кроссе.

Харпер не хотелось уходить, и она сказала – в первую очередь для того, чтобы потянуть время:

– Может, и не все. Мне вот интересно: что было в его блокноте? Кто-нибудь выяснял?

– Мне и самому интересно, – сказал Дон, поднимаясь со скамейки. – Так и не узнали. Может, блокнот был у него, когда его убили. Если так, то он не отметил в нем местоположение лагеря, иначе нас уже спалили бы дотла. – Дон щелкнул языком и покачал головой: –

Не думаю, что когда-нибудь мы узнаем больше. Некоторые загадки остаются неразрешимыми.

Сестры Нейборс – Гейл и Джиллиан – устроили драку.

У них на двоих был единственный пузырек красного лака для ногтей; он пропал, и сестры обвиняли одна другую в потере или утаивании сокровища. Близнецы друг дружку не жалели. Джиллиан уже получила «крученную сиську», а когда Харпер удалось их разнять, Гейл прижимала грязный носок к кровоточащему носу – Джиллиан умудрилась засунуть большой палец ей в ноздрю на целый дюйм.

Харпер обошла спальню, поспрашивала. Было приятно заняться чужими проблемами. Лучше, чем в тревоге ждать отбоя, когда она будет ворочаться в постели, мечтая уснуть и страшась представить, что может случиться во сне.

Она решила, что Алли вполне может знать, кто рискнул бы разжиться чужим лаком для ногтей (оттенок «огненная вспышка», хотя сестры Нейборс, похоже, не считали это забавным). Алли с еще одной девочкой играли в карты на штабеле чемоданов. Харпер подошла и встала за спиной этой девочки – Джейми Клоуз, – ожидая, что ее заметят.

– Хорошо, что я не сплю рядом с ней, – говорила Джейми Клоуз, обращаясь к Алли.

Джейми была одной из старших дозорных – ей скоро должно было исполниться двадцать. Близко посаженные глаза и вздернутый носик придавали ее лицу, увы, поросячье выражение.

– Рядом с кем? – рассеянно спросила Алли, уткнувшись в карты.

– Сама знаешь: с медсестрой Солнышком, – продолжала Джейми. – Ночью она проснулась и кашляла дымом. Не слышала? Типа, ой, я уже сгорела, так другим можно поспать. Я, типа...

Алли с силой наступила Джейми на ногу. Только ребенок бы поверил, что это случайность; маленький, наивный ребенок. Джейми оцепенела и затихла.

Алли подняла глаза, словно только что заметила Харпер.

– О! Что случилось, сестра Уиллоуз?

– У близнецов Нейборс пропал пузырек лака для ногтей. Просто хочу поинтересоваться: никто из вас его не видел?

Джейми Клоуз застыла на перевернутом ведре. Ее футболка задралась, открыв на поясице татуировку: флаг Конфедерации, и под ним слово «МЯТЕЖ». Джейми не осмеливалась посмотреть на Харпер.

– Простите, мэ. Я с ногтями ничего не делаю – только грызу.

Алли как будто хотела что-то сказать – взгляд стал виноватым и беспокойным, – но только открыла рот, тут же закрыла и замотала головой.

Харпер через силу улыбнулась, поблагодарила девочек и пошла прочь. Ее драконья чешуя пульсировала неприятным теплом – как будто кто-то раздувал угли.

11

Харпер приснилось, что на ней платье из ос, и проснулась она оттого, что они начали жалить.

В утреннем подвале было душно; Харпер лежала не двигаясь, и все еще ощущала осиные укусы: на ключице, на внутренней поверхности левого бедра, между пальцами ног.

Харпер уткнулась подбородком в грудь, скосив глаза, и увидела красное пятнышко, прожигающее футболку над левой грудью, словно кто-то прижал к хлопку тлеющий кончик сигареты... *изнутри*. Тонкая струйка белого дыма поднималась от прожженного участка. Харпер совершенно безучастно наблюдала, как растет ярко-оранжевая по краям дыра. Потом притушила огонь пальцем и стряхнула искры с груди.

На теле зудела примерно дюжина таких осиных укусов. Харпер откинула одеяло – проверить, не горит ли еще где-нибудь одежда, – и клуб черного дыма поднялся к потолку. Она припомнила, как завораживали ее в детстве индейские дымовые сигналы. А как перевести это послание? Что-то вроде «Помогите, я сейчас сгорю заживо»?

«Хватит», – сказала она сама себе.

Она осторожно села; пружины раскладушки отозвались скрипом. Не хотелось никого будить и поднимать суматоху. Сначала Харпер сама не знала, что собирается делать, только чувствовала, что главное – чтобы не пришлось никому ничего объяснять. «Хватит» означало какое-то решение, но было еще неясно, какое.

На соседней койке спала Рене, улыбаясь во сне каким-то нереальным событиям. Харпер даже захотелось нагнуться и поцеловать ее в лоб в качестве прощального физического контакта. *Прощальный?* Харпер не могла долго смотреть на Рене. В вердикте «Хватит» присутствовал элемент предательства их дружбы. «Хватит» должно было принести Рене боль, оставить ее с чувством – чего? «Потеря» – первое, что пришло на ум. «Потеря» и «хватит» держатся вместе, как жених и невеста.

Харпер собралась было упаковать «Подручную маму» и одежду в портплед, но для «хватит» не требуется багаж. «Хватит» отзывалось глубоко внутри Харпер звенящей пустотой, как торжественный колокол. И не нужно было спрашивать, по ком он звонит.

Харпер поднялась и пошла по прохладному пыльному бетону. У подножия лестницы она остановилась и посмотрела на лабиринт коек со спящими женщинами. Сейчас она любила их всех, даже ужасную Джейми Клоуз с ее злым языком и вздернутым носом. Харпер всегда хотела иметь такую крутую подругу, как Джейми, грубую и языкастую, которая порвет любую суку за базар. Харпер любила Рене, и сестер Нейборс, и маленькую Эмили Уотерман, и Алли, и Ника. Ника – больше всех, за его бутылочного цвета глаза и говорящие руки, которыми он доставал из воздуха слова, как волшебник – заклинания.

Она поднялась по трем ступенькам, со щелчком открыла засов и выскользнула на улицу. Заморгала от бледного солнечного света. С непривычки от него болели глаза.

Высокое водянистое небо напоминало выцветший полотняный купол бродячего цирка. Харпер поднялась еще на несколько ступенек; за ней тянулись струйки дыма. Чешуя прожгла дырки в свитере и в футболке с постером «Богемы». «Богему» она смотрела с Джейкобом, он держал ее за руку, когда она плакала в конце. С удивлением Харпер поняла, что сейчас ей не хватает Джейкоба, сильных рук, которыми он обнимал ее за талию. И казалось неважным, что когда она видела его в последний раз, он угрожал ей пистолетом.

Возможно, Джейкоб был прав. Было бы гораздо легче закончить все так, как он предлагал. Он понимал, как страшно будет сгореть заживо. И всего лишь хотел избавить ее от этого. А она порезала ему лицо разбитым бокалом и разлила бутылку их особого вина.

Харпер убеждала себя, что решила жить ради ребенка, но, честно говоря, ребенок был почти ни при чем. Держалась она только потому, что не в силах была сказать «прости-прощай» своей жизни и всему хорошему, что в ней было. Она эгоистично хотела еще. Хотела снова обнять отца и почувствовать запах его одеколona «Восемь и Боб», который напоминал ей о просоленных морем канатах. Хотела посидеть у бассейна почти полностью обнаженной, чтобы солнце сияло на коже, и в полудреме слушать, как мама без остановки обсуждает вчерашние шутки Стивена Кольбера из телешоу. Хотела перечитать любимые книжки и заново встретиться с лучшими друзьями: Гарри и Роном, Бильбо и Гэндальфом, Орехом и Шишаком, Мэри и Бертом. Хотела старого доброго рева в одиночестве и ржачки до уссачки. Хотела еще целого моря секса, хотя, если вспоминать, в ее сексуальной жизни чаще всего участвовали мужчины, которые ей не очень-то нравились.

Харпер уговаривала себя, что будет жить ради того, чтобы ее сын (почему-то она с самого начала была уверена, что родится сын) тоже получил эти чудесные впечатления; чтобы познакомился с ее родителями, прочел хорошие книжки, встретил девчонку. Но на самом деле у ее сына не будет ничего. Он умрет еще до рождения. Изжарится в ее матке. И она живет только для того, чтобы его убить. Хотелось извиниться перед ребенком за то, что она вообще его зачала. Как будто она уже не сумела сдержать единственное данное ему обещание.

Добравшись до верхней ступеньки, Харпер сообразила, что забыла обуться. Не важно. Первый тонкий снежок растаял – только под соснами остались белые пятна. Ветер шуршал высокой засохшей травой и морщил рябью поверхность моря.

Харпер не знала, долго ли она сможет терпеть холодный ветер с моря в тонкой потрепанной одежде, но решила, что сильный ветер ей на руку. Ей не полагалось выходить на улицу при свете дня – Бен Патчетт рассердился бы, если бы узнал, – но сейчас лагерь Уиндем был сух, морозен и пуст, так что никто не мог ее увидеть.

Харпер брела по сырой, гниющей траве к берегу. Остановилась ненадолго, заметив белый камень размером с череп младенца, с

черными прожилками, напоминавшими драконью чешую. И кое-как сумела запихнуть этот большой камень в карман кофты.

Она прошла мимо хвойных деревьев, мимо лодочного сарая; подобрала, спускаясь к воде, еще несколько интересных камней.

Харпер печально напевала себе под нос песню – ее выкрикивали друг другу совсем маленькие дети. Известно ли им, что они пародировали «Хей, Джуд»? Вряд ли.

Эй, ты-ы-ы,
Реветь не смей
Если вспыхнешь,
Вот будет скверно,

Наверно!
И не смей гореть в огне,
Ведь подметать
Придется мне-е-е.

Харпер невесело усмехнулась.

Она пыталась поверить в чудо тети Кэрол, безумно хотела поверить, что сможет песней защититься от беды. У других получалось, они исполнялись спокойствия и удовлетворения; и с ней должно было сработать, но не вышло, и тут ничего не поделаешь. Она ненавидела остальных за то, что у них получалось, а у нее – нет. И за то, что они жалели ее.

Сейчас, в свете ясного ледяного утра, Харпер могла признаться себе: самое невыносимое – когда они светятся в церкви. Стоять среди них, когда сияют их глаза и пульсирует драконья чешуя почти так же жутко, как чувствовать поглаживание незнакомой руки в толпе. Хотелось положить конец этим утренним службам с их шумом и яростью, песней и светом.

Харпер зашагала по занозистым доскам пристани. Здесь, у океана, соленый ветер так и норовил дать ей крепкую освежающую пощечину. Было приятно ощущать под ногами доски, которые годами полировали брызги и сырость. Харпер дошла до конца пристани и села. Камни в карманах брякнули о сосновые доски.

Харпер уставилась на остров Пожарного, болтая ступнями над водой. Потом попробовала воду большим пальцем ноги и ахнула – холод скрутил ступню.

Кто-то оставил на свае зеленый потрепанный шнур. Харпер начала бездумно отвязывать его. Она понимала, что главное – не думать о том, зачем она пришла на пристань. Если задуматься, то не хватит мужества.

Впрочем, полусознательно она сообразила, что холод океана может быть таким же невыносимым, как осиные укусы горячей драконьей чешуи, и она инстинктивно повернет к берегу. Но если связать запястья, то доплыть до берега она не сможет, а боль от холода очень быстро сменится безразличием. Она решила, что откроет глаза под водой. Ей всегда нравилась мутная тьма водного мира.

На востоке хмарь рассеивалась, и стала заметна бледно-голубая полоска. Харпер ощущала себя чистой и открытой, как голубое небо. Ей было хорошо. Она начала оборачивать шнур вокруг запястий.

Ветер донес далекий крик.

Харпер вытянула шею и прислушалась.

На одном конце островка виднелись развалины небольшого коттеджа – остались только две стены. Две остальные – и крыша – обвалились. Почерневшие балки переплелись внутри.

На песчаном побережье, обращенном к лагерю Уиндем, стояло второе строение, поменьше, – зеленый сарай без окон с белой дверью. Дерновая крыша и наметенная со стороны задней стены песчаная дюна делали сарай похожим на хоббичью нору в склоне холма. Из жестяной печной трубы и днем и ночью вырывался столб дыма; насколько Харпер знала, дым не привлекал внимания внешнего мира. На берегу курилась еще дюжина таких дымков.

Однако теперь из трубы доносилось эхо далекого напряженного голоса.

– Нет! Нет, не надо! Ты не можешь! – кричал Пожарный. – Нельзя сдаваться!

Сердце подпрыгнуло, как пружина. На какой-то тревожный миг Харпер решила, что он обращается к ней.

Нет, он не мог ее видеть из сарая. Пожарный не знал, что она тут.

– Разве я не сделал все, как ты хотела? – кричал он, а ветер по странной прихоти акустики относил его слова прямо к Харпер. – Нет!

Нет! Ты не можешь! Не сдавайся!

Она хотела убежать – у нее не было права подслушивать, – но не могла пошевелиться. Ярость в голосе Пожарного пригвоздила ее к месту.

Из сарая послышался громкий скрежет железа. Дверь дрогнула. Харпер беспомощно ждала, что будет дальше, от всего сердца надеясь, что Пожарный не выйдет и не увидит ее.

Он не вышел, и больше ничего не было. Дым мирно поднимался из трубы и таял, сливаясь с туманом. Ветер трепал пучки сухих водорослей.

Харпер слушала, ждала и смотрела, пока не почувствовала, что дрожит от холода. Она уронила шнур, которым связывала запястья. Порыв ветра подхватил его, подбросил в воздух и швырнул в море. Харпер подтянула колени к груди и обхватила их, чтобы согреться. Камень размером с череп младенца больно уперся в бедро; она достала его из кармана и положила на край пристани.

Слишком близко. Камень покатился – море сказало «плюх», глотая его.

Такой приятный звук. Харпер отдала морю все камни, которые собрала, один за другим – просто чтобы слушать этот звук снова и снова.

Норма Хилд говорила, что тут водятся привидения – из дыма. Может быть, Джон кричал на привидение. Или на тени. Или на себя самого.

Духи приносят вести с того света, но, похоже, не особо любят слушать. Джон кричал с такой болью, с таким отчаянием – кто-то же должен был его услышать. Не привидение, так хотя бы она.

И потом, Джейкоб всегда считал, что лучше нее знает, что ей нужно; и убить себя – значит признать, что он прав. Одного этого достаточно, чтобы жить дальше. Сейчас она рассуждала здраво и уже без прежнего равнодушия вспоминала нацеленный на нее пистолет.

Никто не слышал, как Харпер вернулась в подвал церкви. Ее одеяла пахли костром, но были такими уютными, что она почти мгновенно заснула... и теперь ей ничего не снилось.

В вечер первой лотереи – кому оставаться без обеда – Харпер дежурила по кухне. Норма усадила ее у окна раздачи перед складным столиком, на котором стояли термосы, кружки и большая квадратная жестянка с сахаром.

– Можете подсластить кофе проигравшим. По одной ложке, не больше. И пусть видят ваш живот, пусть помнят, ради чего пропускают обед: ради вашего маленького чуда, – сказала Норма.

От этих слов Харпер не стало лучше. Наоборот, она почувствовала себя толстой, не такой, как все, и одинокой. Конечно, на самом деле, она вовсе не была толстой. Ну да, больше не застегивалась верхняя пуговка на джинсах, поэтому приходилось носить свободные толстовки. Но мебель не ходила ходуном, когда Харпер шла по комнате.

На обед подавали водянистую овсянку с кусочками персиков из очередной жестянки. Раздавать лотерейные билеты выпало Нельсону Гейнриху; он решил надеть один из своих рождественских свитеров: темно-зеленый с пляшущим пряничным человечком. Еще он надел шапку Санты – по мнению Харпер, это было неуместно; как будто он собрался раздавать конфеты-трости, а не лишать людей обеда.

Билеты сложили в коричневую кожаную сумочку. На несчастливых нарисовали черный крест. Харпер подумалось, что эта сумочка – некая кармическая противоположность Распределяющей Шляпы. Вместо того чтобы попасть в Слизерин или Гриффиндор, ты остаешься голодным и получаешь одну-единственную кружку сладкого кофе. Тебе даже не позволят остаться в столовой со всеми.

«Так будет лучше, – объяснил Бен Патчетт. – Если проигравшие останутся, их начнут жалеть и захотят поделиться. Вообще-то я за то, чтобы делиться и делиться по-братски, но в данном случае пропадает смысл лотереи. Еды и так мало – если люди начнут делить порции, то не наестся никто».

Потом он добавил, что в сумке будет двадцать девять проигрышных билетов. Тридцатый он возьмет себе, чтобы показать, что не предлагает ничего, на что не пошел бы с готовностью сам.

В два часа ночи – обычное обеденное время – Норма отодвинула засов на двери кафетерия и отошла в сторону, пропуская людей, которые стряхивали снег с шапок и плеч. В столовой разразился новый снегопад, легкий и быстрый.

Дон Льюистон был первым в очереди и сразу направился к Нельсону Гейнриху. Нельсон удивленно заморгал.

– Дон, вам шестьдесят три! Вам не нужно тянуть билетик! Я не тянул, а мне всего-то шестьдесят! Идите, ешьте персики. Я уже поел. Ужас как вкусно!

– Спасибо, Нельсон, но я вытащу билет, как все остальные. Я и так не гурман, мне хватит чашки кофе с сахарком.

Не успел Дон сунуть руку в сумочку, как сбоку возникла Алли и схватила его за запястье.

– Мистер Льюистон, прошу прощения, не могли бы вы минуточку подождать? У нас там куча дозорных, которые всю ночь на морозе убрали доски между зданиями. Отец Стори сказал, что им можно тянуть первыми, – сказала Алли.

Она посмотрела мимо Дона на очередь и кивнула. Подростки вышли вперед.

Кто-то крикнул:

– Эй, куда без очереди? Тут все надеются получить обед.

Алли пропустила это мимо ушей, как и Майкл, и остальные ребята, подошедшие следом. Майкл с поклоном обогнул Дона Льюистона, сунул руку в сумочку – и вытащил белый камешек размером с яйцо малиновки.

– Эх, – сказал Майкл. – Глядите-ка. Кажется, проиграл!

Он положил камешек в рот и направился мимо окон раздачи к кофейному столику. Там он молча налил себе кофе и протянул керамическую кружку Харпер, чтобы она насыпала сахар.

Нельсон Гейнрих уставился Майклу в спину, забыв закрыть рот. Потом заглянул в сумочку, пытаясь понять, откуда взялся камешек.

Алли начала насвистывать бодрую мелодию.

Следующей тянула Джиллиан Нейборс. И снова камешек.

– Вот невезуха! – радостно объявила она и сунула камешек в рот. Потом пошла к Харпер, налила кофе и подставила кружку для сахара.

За сестрой руку в сумочку сунула Гейл, и на этот раз Харпер рассмотрела, что камешек уже прятался в ее ладони, он оказался там до того, как Гейл начала шуршать билетиками.

Харпер хотелось смеяться. Хотелось хлопать в ладоши. Она казалась самой себе девчонкой, надутой гелием, такой легкой, что могла бы отскочить от пола и ткнуться в потолок как воздушный

шарик. Ее переполняла радость, дикая, яркая радость, какой она не испытывала с тех пор, как заразилась драконьей чешуей.

Хотелось схватить этих детей – дозорных, друзей Алли – и тискать. И не только из-за того, что они сделали: обошли лотерею и просто добровольно отказались от обеда, чтобы другие могли поесть. Дело было еще и в мелодии, которую насвистывала Алли, – Харпер узнала песню с трех тактов: от этой прекрасной мелодии ее сердце готово было расколоться пополам, как раскалывается стакан от определенных звуков.

Алли насвистывала «Ложку сахара» – самую лучшую песню из самого лучшего фильма.

Гейл Нейборс вытащила камешек, запричитала и отправилась наливать себе кофе. И остальные ребята повторили то же самое, все ребята Алли. Девочки-подростки, побрившие головы, чтобы быть похожими на Алли, и мальчишки, записавшиеся в дозорные, только чтобы оказаться рядом с ней.

Дон Льюистон сдвинул шапку греческого рыбака на затылок, почесал лоб и сам начал свистеть. Он кивал каждый раз, когда очередной дозорный проходил мимо, чтобы вытащить камешек и пропустить обед.

Отец Стори тоже свистел. Харпер не видела, как он вошел, но теперь он стоял у двери и широко улыбался, смагивая слезы. Тетя Кэрол стояла рядом, положив голову ему на плечо, насвистывая вместе со всеми, и ее глаза сияли золотыми монетами. Уже человек двенадцать насвистывали мелодию – славную, как первое теплое ароматное дыхание весны; их глаза сияли, как лампы. Мягко светились изнутри. Горели от песни, от Света.

Гейл Нейборс протянула кружку. Харпер насыпала туда сахара и запела.

– *Just a spoonful of sugar*, – пела Харпер, и горло перехватывало от радости, – *makes the medicine go down, makes the medicine go down...*^[2]

Она пела, забыв о том, что беременна, что она толстая, одинокая, что покрыта огнеопасными спорами, готовыми вспыхнуть в любой момент. Она пела, забыв об ужасной книге Джейкоба и ужасном пистолете Джейкоба. Забыв о том, что весь мир в огне.

Тепло поднималось снизу по лентам драконьей чешуи на коже – поднималось быстро, вызывая дрожь. Харпер покачивалась на каблуках, даже не замечая этого. Мир стал необычным, как будто жидким. Она чувствовала прилив жара в крови, она словно плыла по озеру тепла и света, словно сама была эмбрионом, а не будущей матерью.

Когда она насыпала следующую ложку сахара, поблескивающие кристаллики падали как в замедленной съемке, водопадом драгоценностей. Драконья чешуя окутала запястья и шею серебристым мерцанием. Харпер стала воздушным змеем, только нес ее не ветер, а песня. И она была теплой, как воздушный змей, согретый солнцем, кожа сияла – но было не больно, а приятно. Рука оделась в перчатку из света.

Дозорные подходили, кивали ей, получали кофе или чай и отходили, сияя; они все светились, как привидения. Харпер радовалась за них, любила их всех, хотя никого из них не узнавала. Она не помнила ничего, что было до песни. Казалось, нет ничего важнее мелодии. Она поверить не могла, что ложка сахара, пусть даже самого сладкого, может быть слаще того ощущения, которое пронизывало ее сейчас.

Отец Стори подошел за кофе последним. Он, разумеется, тоже вытащил камешек. И пока не положил его в рот, держал в руке.

– А вот и мисс Уиллоуз! – воскликнул он. – Наконец-то счастлива. Счастлива и вся просто светится!

– Мисс... Уиллоуз? – переспросила она голосом сонным и медленным, как струйка сахара, высыпающегося из ложки. – Кто это – миссис Уиллоуз?

– Вы вспомните, – пообещал отец Стори.

И она вспомнила. Имя вернулось к ней перед рассветом – пришло, как только она отказалась от попыток вспомнить его. Подсознание выплюнуло его без предупреждения – так приходит в голову слово для кроссворда, до этого мучительно ускользавшее.

Она больше не кашляла дымом. Вспышки не прожигали футболку ночью. Во время следующей службы Кэрол заиграла на органе «Ангелы на небесах», и прихожане поднялись петь. Они ревели и притоптывали, как пьяные матросы Мелвилла, под завязку налитые грогом и пугающие чаек морскими песнями, и Харпер гудела со всеми, гудела, пока не сорвала горло.

И все сияли, все как один – и Харпер вместе с ними. Глаза светились, как лампы, кожа зудела от тепла и удовольствия, мысли упархивали, точно пустельга в жаркий летний день, подхваченная теплым потоком воздуха. И потом несколько недель все было почти хорошо.

Книга третья
Помяни дьявола

Январь

1

На второй день января она проснулась не от кошмара, а от ощущения, будто что-то шевелится внутри, упираясь в мышцы живота.

Харпер лежала в темноте с открытыми глазами, обхватив руками тугое пузо.

Что-то твердое, размером с костяшку большого пальца, уперлось изнутри в ее ладонь.

– Эй ты... – прошептала Харпер.

2

В ночь, когда пропал медальон, Рене и Харпер слушали по радио Ковбоя Мальборо.

– Не понимаю, как вы терпите этого человека, – сказала Норма Хилд, которая проходила мимо и остановилась послушать. – У него каждое слово – капелька яда вам в уши.

Рене ответила:

– Это единственное, что хоть немного похоже на местные новости.

– И, что еще важнее, – сказала Харпер, – мы ужасные женщины, и его гнусность нас возбуждает. Чем гнуснее, тем лучше.

– Да, – сказала Рене. – Тоже верно.

Харпер покрывала поцелуями квадратики пергаментной бумаги, используя разные оттенки губной помады. После поцелуя она вытирала губы и пробовала следующую. Рене собрала косметички у всех в подвале.

Если отпечаток получался красивый, Харпер передавала квадратик Рене, которая заворачивала в него палочку корицы или ароматный кусочек сушеной лимонной корки, проталкивала в стеклянную бутылочку и затыкала пробкой. Они заготавливали

аварийные поцелуи. Харпер складывала их в «Подручную маму», чтобы у сына, если ему понадобится поцелуй, был большой выбор. «Подручная мама» уже превратилась из книги в посылку, большой набор вещей, которые могут пригодиться, и занимала весь портплед.

На полу Ник играл сам с собой в «яцзы», встряхивая кости в пластиковом стаканчике. В подвале слышались болтовня, споры, смех, скрип пружин. Выйти на улицу было невозможно – валил густой снег.

По радио Ковбой Мальборо вещал:

– Как думаете, девушка с драконьей чешуей может пускать кольца дыма своей киской? Ребята, мне самому было интересно. И вот в выходные Ковбой Мальборо отдыхал в Портсмуте с Береговыми сжигателями и смог это выяснить. Расскажу через минуту, но сначала вот вам вести из Конкорда. Губернатор Иан Джуд-Скиллер заявил, что солдаты Национальной гвардии действовали в пределах самообороны, когда застрелили одиннадцать окурков вчера на канадской границе. Толпа двинулась на ограждения с дубинками – а не с белыми флагами, как утверждают некоторые, – и осажденные солдаты открыли огонь, чтобы ее разогнать.

– Он – убийца, – сказала Норма и презрительно фыркнула. – Этот диджей, которого вы слушаете. Он убивал людей вроде нас. И хвастается этим. Отрава вам в уши – вот кто он.

– Да, – сказала Рене. – Он очень тупой, это правда. Тем более нужно слушать. Чем больше мы знаем про него, тем меньше он сможет узнать о нас. Люди звонят с доносами, и этот придурок пускает их в прямой эфир. Если кто-нибудь упомянет лагерь Уиндем или укажет в нашу сторону, мы получим фору. И даже если не позвонят, я узнала многое о кремационной бригаде, с которой он ездит, – просто слушая его передачу, я узнала, что там восемь человек, из них двое бывших военных, и у них есть какое-то тяжелое вооружение. Что-то пятидесятого калибра. Видимо, здоровенная пушка. Я знаю, что у них две машины – фургон и большой оранжевый грузовик. У них есть полицейский сканер, и обычно местные правоохранители с удовольствием...

– Оранжевый грузовик? – переспросила Харпер. – То есть спецгрузовик?

С другого конца комнаты донесся крик Алли:

– Нет, нет! – Алли принялась лупить кулаком по своей койке.

Все обернулись на шум – кроме, конечно, Ника, который ничего не слышал.

Алли пнула потрепанный чемоданчик, из которого вывалилось на пол грязное белье.

– Сука! – завизжала она. – Сука! Сука, сука, сука!

Разговоры стихли. Одиннадцатилетняя Эмили Уотерман, пережившая всех родных и носившая симпатичные перья драконьей чешуи на веснушчатых руках, залезла под койку и заткнула уши.

Рене первой направилась к Алли, ее круглое приятное лицо оставалось совершенно спокойным. Харпер пошла за ней.

Рене сбавила шаг, подходя к Алли, словно приближалась к дикой кошке. Харпер, опустившись на колени, заглянула под койку Эмили Уотерман.

– Эмили, все в порядке, – сказала она, потянувшись к девочке, и шепотом добавила: – Алли нервничает.

Но Эмили покачала головой и отодвинулась. Харпер пожалела, что у нее нет коробки для завтраков с Мэри Поппинс, в которой хранятся конфеты и аварийная редиска.

– Алли, – спросила Рене. – Что случилось?

– Он пропал, он пропал на хрен...

– Кто пропал? Что ты потеряла?

– Я ничего не *теряла*. Мой медальон лежал под подушкой – а теперь его нет, потому что одна из вас, суки, взяла его. – Она обвела взглядом подвал.

Эмили испуганно пискнула и отвернулась от протянутой руки Харпер. Харпер хотела было вытащить девочку, чтобы обнять, но решила, что это испугает Эмили, и просто погладила ее по спине.

Рене сказала:

– Алли, я понимаю, что ты расстроена, но не могла бы ты говорить потише...

– Какого лешего я должна...

– ...потому что ты пугаешь малышей. Почему бы не спросить у Ника...

– Спрашивала я! Думаете, я не пошла к нему сразу, как начала искать – пятнадцать минут назад?

Струйка дыма появилась из штанины мешковатого комбинезона Эмили Уотерман.

– Алли! – сказала Харпер. – Прекрати. Из-за тебя Эмили дымится!

– Пожалуйста, Алли, – сказала Рене, положив руку девочке на плечо. – Нам всем очень тяжело, и любой нормальный человек иногда волей-неволей поднимает крик. Но, может, ты посидишь со мной...

– А может, уберете руку? – рявкнула Алли. Она сбросила ладонь Рене. – Вы ничего обо мне не знаете. Вы мне не мама. Моя мама сгорела заживо. А вы мне никто. Не мама и не подруга. Вы, как стервятник, кружите и кружите, выискивая жертву. Вот почему вы все свободное время читаете детям. Вас привлекают их маленькие израненные сердца. Вы кормитесь их одиночеством, как вампир. Вам нравятся дети-сироты, потому что им нужен хоть кто-нибудь. Достаточно прочесть им сказку, чтобы почувствовать себя особенной. Но вы не особенная. Прекратите нас жрать!

В подвале повисла оглушительная тишина.

Харпер не могла вымолвить ни слова – она лишилась дара речи. То ли от ужаса – и представить было невозможно, чтобы смелая, умная, красивая и веселая Алли проявила такую жестокость, – то ли от неожиданного приступа дежавю. Называя альтруизм настоящим эгоизмом, а доброту – формой манипуляции, Алли рассуждала в точности как Джейкоб. И логика ее была неумолима. Получалось, что верить хоть во что-то доброе на этом свете – наивно и инфантильно.

А Рене подняла руку, прикрыв лицо, словно ждала удара. Она смотрела на Алли с выражением немого укора.

Все ждали, что она ответит – скажет что-нибудь в свою защиту, – но вдруг Ник промчался по подвалу и вклинился между Алли и Рене. Он поднял и перевернул бланк для игры, где было написано:

«Две звезды подряд!!!»

Алли непонимающе уставилась на надпись. Потом выхватила бланк из руки Ника, скомкала и швырнула ему в лицо. Комок бумаги отскочил ото лба мальчика на пол.

Ник отшатнулся, словно его толкнули. Харпер никогда в жизни не видела такой неприкрытой боли на человеческом лице.

Ник кинулся прочь. Никто не успел остановить его, а он уже добежал до лестницы. У ступенек он в последний раз бросил на старшую сестру взгляд, полный ответного яростного презрения. Подобно эльфийской внешности, дар ненависти, похоже, передавался в их семье по наследству.

Харпер кричала ему вслед, чтобы он остановился. Но Ник, разумеется, не слышал – не мог. Харпер бросилась за ним, но он уже пронесся по лестнице, хлопнул наверху дверью и исчез под снегопадом.

Харпер удрученно посмотрела на Алли.

– Ну? Что? Хотите что-то сказать, сестра Ноль-без-палочки? – спросила Алли.

– Да, – ответила Харпер, призвав на помощь всю силу духа Джули Эндрюс, которую хранила в сердце. – Плохой спектакль. Просто отвратительный. Ник тоже потерял маму, и ты – все, что у него осталось. Стыдно. А ведь он выбросил две звезды!

Реакция Алли поразила Харпер до глубины души. Лицо девочки сморщилось, и она начала всхлипывать. Алли плюхнулась на пол, прижавшись спиной к пружинам опрокинутой кровати.

Увидев это внезапное признание поражения, близнецы Нейборс, Джейми Клоуз и остальные члены неофициального, безымянного сообщества имени Алли – сестринства сирот с бритыми головами – бросились к ней. Даже Эмили Уотерман, выбравшись из-под койки, подбежала к Алли, чтобы обнять. Девочки, взяв Алли за руки, сгрудились, шепча что-то утешительное. Гейл Нейборс принялась потихоньку собирать рассыпанные вещи. Войди кто в комнату, он решил бы, что это Алли только что бросили в лицо злые и унижительные слова, а вовсе не Рене или Нику.

Харпер вернулась к своей койке, стоявшей под прямым углом к койке Рене. Та уже сидела на краешке матраса и, похоже, чувствовала себя такой же расстроенной и измученной, как и Харпер.

– Наверное, надо пойти за Ником? – спросила Рене.

– Не думаю. Он не уйдет далеко по такому снегу. Дозорные крикнут, как только он сойдет с помостов. Кто-нибудь его приведет.

Ковбой Мальборо продолжал трещать – рассказывал о женщине, которая, горя, воняла, как мокрая кошка. Он, похоже, был оскорблен тем, что она позволила себе неприлично вонять, умирая. Радиопередачи наводили Харпер на мысли о том, что конец света – это не так уж и плохо.

– Я больше не могу, – сказала Рене; Харпер подумала, что Рене имеет в виду жизнь в лагере, но речь шла всего лишь о диджее. Рене

потянулась, с резким щелчком перевела приемник на средние волны и начала искать что-то среди статического хрипа.

Харпер спросила:

– Что вы делаете? Почему люди в лагере все время слушают статические разряды? Что вы надеетесь поймать?

– Марту Куинн, – ответила Рене.

– Марту *Куинн*? Марту Куинн, которая была на MTV тысячу лет назад?

– Она там... где-то.

– Ложь, – проворчала Норма Хилд. – Все ложь. Мыльный пузырь.

Рене не обращала на нее внимания.

– Вы же знаете, что говорят дети.

– Я понятия не имею, что говорят дети. Ну и что же?

– Она явилась из восьмидесятых, чтобы спасти человечество.

Марта Куинн – наша последняя надежда.

3

– Я сама никогда не слышала этой передачи, но, говорят, вещание идет с побережья Мэна. – Рене надела обширную оранжевую парку.

Пришла пора ужина. Женщины толпились у выхода из подвала, доставая куртки и шапки из картонных коробок и готовясь к трехсотфутовому маршу по снегу до кафетерия. Снаружи завывал ветер.

– С лодки?

– С острова. У них там городок и собственная исследовательская лаборатория, поддерживаемая федеральным правительством. Ну, тем, что осталось от правительства. Они тестируют экспериментальные лекарства.

Джейми Клоуз улыбнулась щербатой улыбкой – двух нижних резцов не хватало.

– У них там сыворотка – колют восемнадцать уколов. Как от бешенства. Она подавляет драконью чешую, но колоть нужно каждый день. Нагнись, спусти штаны и прикуси палочку, потому что сейчас получишь прямо в зад. Я б сказала – нет, спасибо. Если бы я хотела,

чтобы мне каждый день больно тыкали в задницу, обратилась бы к своему дяде.

Харпер как раз наматывала шарф на нижнюю половину лица и решила, что это избавляет ее от необходимости отвечать. Она втиснулась в толпу женщин, поднимающихся по ступенькам во тьму и воющую метель.

– Все не так ужасно, – пробурчала Гейл Нейборс. По крайней мере, Харпер решила, что это Гейл. Близнецов и так было непросто различать, но под шапкой, надвинутой до бровей, и за пушистым воротником парки, поднятым до ушей, торчали одни глаза. – У них стопудово есть медицинская марихуана. Для всех и бесплатно, по семь косяков в неделю. Под патронатом правительства – чистое наслаждение.

– И пить можно с шестнадцати, – подхватила вторая – Харпер решила, что это Джиллиан. Сестрам исполнилось шестнадцать сразу после Дня благодарения.

Сзади поднажали, и Харпер выпихнули в ночь. Две доски, лежащие параллельно поперек слоя снега, уходили в темноту. Порыв соленого ветра заставил Харпер пошатнуться. Она уже не так уверенно держалась на каблуках, как пару месяцев назад. Центр тяжести сместился. Пришлось опереться о валун, покрытый снежной шапкой.

Сестры Нейборс прошли мимо. Эмили Уотерман проскользнула следом, и Харпер расслышала ее бормотание: «А по пятницам там мороженое! Домашнее мороженое! Три сорта: клубничное, ванильное и, наверно, кофейное. Кофейное – мое любимое».

– Мороженое каждый день! – провозгласила одна из сестер Нейборс.

– Мороженое на завтрак! – крикнула вторая, и обе умчались в ночь.

Алли взяла Харпер за локоть, помогая выпрямиться.

– Может, Ник пошел в кафетерий? – спросила Алли тихим унылым голосом. Ник так и не вернулся в спальню, и его никто не видел.

– Не знаю, – сказала Харпер. – Возможно.

– Думаете, Рене еще будет со мной разговаривать?

– Думаю, тебе станет лучше, как только ты извинишься.

– Дон Льюистон знает, где он.

– Кто – он?

– Остров. Остров Марты Куинн. Или думает, что знает. Как-то раз он показал мне на карте. И говорит, что, судя по всему, это остров Свободного волка, напротив Макиаса.

– Так он слышал передачу?

– Не слышал.

– А ты?

– Нет.

– А кто-нибудь вообще слышал?

– Никто, – вмешалась Кэрол Стори прежде, чем Алли успела ответить.

Они добрались до перекрестка за Мемориальным парком, где доски от леса вели к дорожке. Кэрол отвернулась, пряча лицо от снега, и прикрыла собой отца. Она вела его, как ребенка, держа за руку в митенке.

– Спросите кого угодно в лагере, – сказала Кэрол Стори. – Каждый раз слышал кто-то другой. Но если им приятно, если есть о чем мечтать, что тут плохого? Я и сама иногда ловлю себя на том, что прокручиваю средние волны. Но вот что я вам скажу. Если Марта Куинн и существует, у нее нет того, что нам нужно. А здесь есть.

На пороге кафетерия Харпер застучала ботинками, снег сваливался с них мокрыми белыми комьями. Отец Стори встряхнул куртку, устроив у своих ног маленький буран. Харпер поискала глазами Ника и не нашла.

Взяв подносы, они встали в очередь к раздаче.

Отец Стори сказал:

– Марта Куинн всегда меня немного раздражала – яркими жилетами и кожаными галстуками. Когда женщина носит галстук, есть в этом что-то такое... Хочется за него дернуть со всей силы. – Он подмигнул. Норма Хилд вывалила ему в тарелку половник пельменей. Подлива напоминала слизь. – Норма, это ваш собственный рецепт?

– Нет, консервы «Шеф Боярди», – сказала Норма.

– Великолепно! – воскликнул отец Стори и отправился за крекерами «Ритц».

Норма закатила глаза, потом снова посмотрела на Харпер. Набрала еще пельменей, но не вывалила их в миску Харпер, а просто махнула половником в ее сторону.

– Я ведь помню ее в телевизоре. Марта Куинн. Учила маленьких девочек одеваться, как маленькие шлюхи. Вот она, и Мадонна, и еще одна – с волосами, как сахарная вата, – Синди Лопер. Из-за таких, как Марта Куинн, мир и наказан огнем. Спросите себя: позволит ли Господь такой женщине жить и быть голосом Его, звать подданных Его в убежище? Прислушайтесь к своему сердцу. Вы поймете, что не позволит. Ее нет, и Мадонны нет, и всех ростовщиков Иудо-Йорка, превращавших маленьких девочек в проституток, нет. Вы это знаете, и я знаю. – Пельмени смачно плюхнулись в миску Харпер.

– Сомневаюсь, чтобы Господь придерживался антисемитских взглядов в отношении Нью-Йорка или других городов, Норма, – ответила Харпер. – Особенно учитывая, что он назвал евреев своим избранным народом. Вы видели Ника? Он приходил на обед?

Норма Хилд одарила ее скучным, сердитым взглядом.

– Не видела. Пойдите на улицу и покричите его.

– Он глухой, – напомнила Харпер.

– Пусть это вас не останавливает, – буркнула Норма.

4

Майкл привел Ника минут за пять до рассвета. Ник промок насквозь и дрожал после ночи на улице; темные волосы слиплись, глаза ввалились. Он напомнил Харпер дикого мальчика, воспитанного волками.

Ник быстро прошел мимо постели Алли, даже не взглянув на спящую сестру, и подошел прямо к койке Харпер. На клейком листке он написал: «Не хочу больше спать у нее. Можно мне спать тут?»

Харпер взяла листок и написала: «Научи меня говорить «пора спать» на языке жестов – и договорились».

Так Ник перебрался от Алли на койку Харпер, и так Харпер начала заново учить язык жестов; сторговались на одном слове или одной фразе за вечер в обмен на доступ к ее постели. Она оказалась прилежным учеником, ей нравилось практиковаться, да и какой-никакой способ отвлечься.

Возможно, она отвлеклась даже чересчур: когда воровка добралась до «Подручной мамы», Харпер не замечала пропажи, пока

Рене Гилмонтон не спросила, где сумка.

Харпер прежде не видела Пожарного в церкви – да и никто его не видел, – так что наравне со всеми удивилась его появлению там в ночь, когда украли «Подручную маму». Он не зашел в зал, остался в притворе, сразу за внутренними дверьми. Его присутствие добавило напряженности в ожидание, которое нарастало всю ночь. Говорили, что отец Стори собирается сделать объявление по поводу краж в женской спальне. Он что-то решил.

– Думаю, мы выгоним сучку, – сказала Алли за завтраком. – Выясним, кто это, и пинок под зад. Никаких извинений, никакого прощения.

Харпер заметила:

– А если воровка попадетсЯ кремационной бригаде? Они не просто убьют ее, а сначала выпытают все о лагере.

– Она ничего не расскажет. Не сможет, если мы сначала отрежем ее поганый язык. И сломаем пальцы, чтобы писать не могла.

– Ох, Алли. Надеюсь, ты не всерьез.

Алли ответила ей спокойным чистым взглядом. Как все дозорные, она уже больше месяца пропускала обеды. Острые скулы выпирали под кожей, четко прорисовывая череп.

Сама Харпер не хотела, чтобы отец Стори, или кто-то еще, беспокоился из-за пропажи. Ведь каждый что-то потерял: дом, родных, надежду. И рядом с такими потерями «Подручная мама» – не бог весть что.

Впрочем, и не такая уж мелочь. Харпер без конца втискивала в портплед новые вещи для ребенка. Там был деревянный меч с веревочной рукояткой – упражняться в фехтовании. Аудиоплеер, на который Харпер записала колыбельные, сказки и несколько стихотворений. Зонтик на случай дождливой погоды и шлепанцы – для солнечной. И главное – там был блокнот, с которого все началось. В нем Харпер хранила факты («твой дедушка – мой папа – работал в НАСА тридцать лет... строил, ей-богу, космические корабли!»), советы («в салат можно класть все: дольки яблока, острый перец, орехи, изюм,

куруцу – и будет очень вкусно»), признания в любви («я еще не говорила на этой странице, так что повторяю: я люблю тебя») и множество заглавных букв и восклицательных знаков («Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ!!!»).

И другие вносили посильный вклад. Алли Стори отдала пластиковую маску Железного Человека – если во время выполнения секретной миссии мальчику понадобится маскировка. Рене Гилмонтон позаимствовала из лагерной библиотеки восемнадцать небольших книжек, по одной на каждый год жизни сына Харпер, начиная с «Колес на автобусе» и заканчивая томиком «О мышах и людях». Дон Льюистон преподнес корабль в бутылке. Кэрол Стори предложила Харпер стереоскоп «Вью-мастер» с набором изображений исторических мест, которых уже не осталось. Эйфелева башня превратилась в черную иглу, пронзающую дымное небо. Главный бульвар Лас-Вегаса, Стрип, стал обугленной пустыней. Но на картинках «Вью-мастера» неоновые огни и бьющие фонтаны будут сверкать вечно.

Когда последние опоздавшие вошли в церковь, отец Стори поднялся за кафедру, достал мыслительный камешек изо рта и сказал:

– Ну вот. Я подумал, что изменю сегодня ночью привычный порядок и поговорю с вами до того, как мы начнем петь и присоединимся к Свету. Прежде всего должен извиниться. Хотя я и обожаю слушать собственные речи, все же песни – моя любимая часть ночи. Думаю, и ваша тоже. Иногда мне кажется, что если полмира в огне и кругом смерть и боль, грешно петь и чувствовать радость. Но потом рассуждаю так: ведь еще до драконьей чешуи жизнь большинства людей была несправедливой, жестокой, полной потерь, горя и разбитых надежд. Многие жили – и сейчас живут – слишком недолго. Многие прожили отведенные им дни голодные и босые, спасаясь то от войны, то от голода, то от чумы, то от потопа. Но все равно нужно петь. Даже ребенок, не евший несколько дней, прекращает плакать и начинает оглядываться, если слышит веселое пение. Вы поете – и словно предлагаете воду жаждущему. Это добро. Оно заставляет вас сиять. О вашем неравнодушии говорят ваши песни и то, как вы светитесь друг для друга. Другие люди могут упасть и сгореть – они падают и горят. Каждый видел, как это происходит. Но

здесь никто не горит. Мы сияем. Испуганная, неверующая душа – идеальное топливо...

– Аминь, – пробормотал кто-то.

– ...а эгоизм страшен, как керосин. Когда вы уступаете продрогшему человеку половину одеяла, вам обоим становится теплее и вы уже не одиноки. Вы отдаете больному свое лекарство, и его радость становится лекарством для вас. Человек более мудрый, чем я, однажды сказал, что ад – это другие. А я скажу, что вы в аду, если не хотите делиться с нуждающимся человеком, если для вас невыносима мысль, что вам меньше достанется. Так вы отдаете свою душу. Не заботиться друг о друге – все равно что шагать по углям, когда спичка вот-вот чиркнет. По крайней мере, так полагаю я. А вы?

– И я, – сказал Бен Патчетт, сидевший справа от Харпер. И другие его поддержали. И сама Харпер тоже.

Сидя на скамье, она ощущала любовь – такую же, как к Джейкобу в лучшие их дни... или сильнее. Не к одному мужчине, не к одной женщине – ко всем верующим в церкви. Ко всем, с кем она ходила в Свет. В последние недели ей порой казалось, что больше всего это похоже на самую первую влюбленность.

Джейкоб уверял ее, что все проявления альтруизма – тайный эгоизм, что люди делают что-то ради лишь для того, чтобы потешить себя. И он был прав, хотя и сам не понимал, в чем именно. Он считал, что альтруизм, от которого на душе становится хорошо, ничего не стоит и что это вовсе не альтруизм; он не догадывался, что это нормально – получать удовольствие от того, что несешь другим радость. Когда делишься своей радостью, она возвращается сторицей. Умножается, как хлеба и рыбы. Это умножение, возможно, и есть одно из чудес, которые никогда не опровергнет наука. Последнее из чудес, оставшихся у религии. Жить с другими – значит жить полной жизнью; а жить самому по себе – все равно что умереть. Сахар слаще, если делишься им с кем-то.

Харпер никогда не считала себя религиозной, но в церкви лагеря Уиндем пришла к выводу, что религиозны все. Если ты можешь петь, то можешь верить и спастись.

Религиозны все – кроме, наверное, Пожарного. Он смотрел на отца Стори с холодным отчуждением, пуская колечки дыма. Он не курил сигарету. Он пускал колечки горлом – густой дым поднимался

волнистыми кругами. Пожарный заметил взгляд Харпер и улыбнулся. Показушник.

Отец Стори снял очки, протер их о свитер и снова надел.

– Но, видимо, не все с нами согласны. Два месяца назад кто-то начал таскать еду с кухни. Понемногу – молоко, мясные консервы. И говорить-то особенно не о чем. Если задуматься – кражу нескольких банок «спама» можно счесть скорее услугой. Но потом стали пропадать другие вещи – из женской спальни. У Эмили Уотерман пропала счастливая звездная чашка. У сестер Нейборс – пузырек лака для ногтей. Пять дней назад кто-то украл из-под подушки у моей внучки медальон. Не знаю, стоит ли говорить, что он золотой, но внутри – фото матери Алли, единственная память о ней; утрата разбила Алли сердце. А вчера воровка стащила у сестры Уиллоуз посылку для ее еще не рожденного ребенка. Думаю, вам всем известна эта посылка, которую она называет «Подручной мамой».

Отец Стори сунул руки в карманы и качнулся; очки, отражая свет свечей на кафедре, блеснули красным огнем.

– Уверен: та, кто взяла вещи в женской спальне, сейчас стыдится, она напугана. Все мы испытали ужас, обнаружив у себя следы драконьей чешуи, а в состоянии такого стресса легко поддаются порыву, взять чужое, не думая, какую боль можешь причинить. И я говорю взявшей эти вещи, той, кто сидит сейчас среди нас: назовите себя, не бойтесь.

– Я бы не рассчитывала, – прошептала Алли, и сестры Нейборс отозвались сдавленным нервным смешком. Впрочем, на лице Алли веселья не было.

– Потребуется настоящее мужество, чтобы заговорить и признаться в содеянном. Но если вы скажете нам правду – если возвысите голос, чтобы признаться, – все здесь будут сиять ради вас. И радость, которую мы ощущаем, когда поем, покажется ничтожной в сравнении с этим. Я знаю. Это будет слаще любой песни, и сердца присутствующих подарят вам нечто гораздо более ценное, чем те вещи, которые вы взяли. Они подарят вам прощение. Я верю в этих людей, в их доброту; я хочу, чтобы вы узнали их так же, как знаю я. Они будут любить вас даже после того, что вы сделали. Здесь все знают, что заставляет драконью чешую светиться. Не музыка – если бы дело было только в музыке, мой глухой внук не мог бы светиться с

нами. Это гармония – гармония со всеми. Вас не станут стыдить, вас не прогонят. – Отец Стори опустил подбородок и почти сурово оглядел слушателей через очки. – А если кто-то и попытается, я вмешаюсь. Здесь мы возвышаем наш голос в песне, а не в презрении, и я верю, что взявшая эти вещи просто не могла с собой справиться, как мой внук не может перестать быть глухим. Верьте в нас, и я обещаю: все будет хорошо.

И отец Стори улыбнулся так ласково, что у Харпер защемило сердце. Он смотрел на собравшихся глазами ребенка, который июльской ночью ждет фейерверка.

Ни один не двинулся с места.

Скрипнула половица. Кто-то кашлянул.

На аналое качнулось пламя маленькой свечи.

Харпер затаила дыхание. Она была в ужасе от мысли, что никто не заговорит, отец Стори расстроится и улыбка исчезнет с его лица. Он оставался последним человеком с чистой душой в страшном мире, и Харпер боялась, что эта чистота будет утрачена. В голову пришла мысль – нелепая, но упорная – объявить воровкой себя; но, во-первых, ей никто не поверит, а во-вторых, вещи-то вернуть она не сможет.

Сестры Нейборс напряженно смотрели друг на друга, держась за руки. Майкл гладил Алли по спине, пока девчонка не оттолкнула его руку. Бен Патчетт выдохнул – напряженно и печально. Кэрол Стори обхватила себя руками, словно стараясь унять дрожь. Во всей церкви, наверное, только Ник был спокоен. Он и в лучшие времена не умел читать по губам, а при свечах с пятидесяти футов уж точно ничего не мог разобрать. Он рисовал могильные плиты на последней странице песенника. В числе безвременно ушедших числились Я. Готов, Гарри Моггил и Тут И. Конец. На одной плите было написано: «Вот могила воровская, *харанили* не рыдая», – так что, возможно, он все-таки понимал, о чем речь.

Отец Стори поднял взгляд, по-прежнему улыбаясь и не выказывая ни малейшего огорчения.

– Да, – сказал он. – Пожалуй, я просил слишком много. Понимаю, той, которая взяла вещи на кухне и в женской спальне, сейчас тяжело. Я только хотел объяснить, что все здесь желают вам добра. Вы одна из нас. Ваш голос – в нашем хоре. Вещи, которые вы взяли, – большой груз для вашей души, и я уверен, что вы хотите

избавиться от его тяжести. Просто оставьте эти вещи где-нибудь на видном месте и подкиньте мне записку – где искать. Или шепните на ухо. Я не буду осуждать вас, и мы не хотим никого наказывать. У каждого из нас смертный приговор написан на коже, какой смысл в наказаниях? Мы признаны виновными в том, что мы люди. Есть преступления пострашнее. – Он обернулся к Кэрол: – Что мы поем сегодня, милая?

Кэрол собралась ответить, но кто-то крикнул:

– А если она не признается?

Харпер оглянулась: Алли. Дрожащая от ярости и, наверное, от волнения, и при этом выпятившая от злобы нижнюю челюсть – вот она, настоящая Алли. Почему-то Харпер ничуть не удивилась. Алли единственная в лагере не испытывала благоговейного трепета перед стариком.

– Что, если воровка продолжит красть? – спросила Алли.

Отец Стори поднял бровь:

– Тогда вещей у нас будет меньше.

– Так нечестно, – Джиллиан Нейборс сказала это очень тихо, почти шепотом, но в гулкой церкви ее слова расслышали все.

Кэрол шагнула вперед, на край возвышения, глядя себе под ноги. Когда она подняла голову, оказалось, что ее глаза покраснели – как будто она плакала или вот-вот заплачет.

– Как-то мне сегодня не до песен, – сказала она. – Такое чувство, будто сегодня ночью мы чего-то лишились. Чего-то особенного. Возможно, это была наша вера друг в друга. Алли, моя племянница, больше не хочет оставаться с другими девочками, зная, что среди них воровка. У нее нет других фотографий матери, моей сестры. Снимок в медальоне – единственная память о ней. Этот медальон бесценен для Алли и ее брата. Не понимаю, как можно было причинить им такую боль и потом прийти сюда, чтобы петь, как будто другие тебе безразличны. Получается фальшь. Я сыграю для всех вас песню – можете петь, если хотите, а можете молчать со мной. Как сочтете правильным. Я считаю, что если мы не можем быть честными друг с другом, лучше молчать. Может быть, нам стоит положить в рот камешек отца Стори и подумать о важном.

Харпер сочла это выступление излишне назидательным, но люди кивали. Алли смахнула пальцем сердитую слезу, потом повернулась к

сестрам Нейборс и что-то яростно зашептала.

Кэрол заиграла – не аккордами, а перебором струн. Ноты звенели как серебряные колокольчики под маленькими молоточками. Харпер сразу узнала «Тихую ночь». Никто не пел. Все благоговейно молчали, в комнате звучала только музыка.

Харпер не заметила, кто засветился первым. Просто в какой-то момент обратила внимание на тусклый свет в пещерном мраке. Глаза сияли зелено-голубым, как светлячки в летнюю ночь. Драконья чешуя светилась неяркой вязью. Харпер вспомнила о рыбах, живущих в самых глубинах океана, которые рассеивают тьму с помощью собственных светящихся органов. Это холодное, неземное свечение не было похоже на почти слепящий яркий Свет. Харпер не представляла, что можно добиться гармонии без звука, слиться в едином хоре недовольства.

Но светилась уже половина зала, и Харпер была не с ними. Впервые за многие недели она не могла слиться, соединиться с другими. В последнее время она с радостью ожидала служб и ныряла в Свет, как в теплую ванну. А теперь эта ванна оказалась холодной. Даже непонятно, как терпели остальные.

Последняя нота повисла в воздухе, точно снежинка, не желающая падать. Когда она затихла, погас и этот новый, нездорового оттенка Свет, и вернулась тьма.

Кэрол смаргивала слезы. Отец Стори обнял ее сзади и прижал к груди. Воровка украла медальон сразу у четверых: покойница была сестрой Кэрол и дочерью Тома Стори, а еще матерью Алли и Ника.

Отец Стори из-за плеча Кэрол оглядел собравшихся и улыбнулся.

– Что ж, это было прекрасно, но, надеюсь, не войдет в привычку. Мне нравится вас всех слушать. Теперь нужно переставить скамьи для утреннего чтения и... А! Джон! Чуть не забыл про вас. Спасибо, что пришли. Вы что-то хотели сказать нам?

Пожарный улыбнулся из глубины зала.

– Я нашел двух человек, которым нужно прибежище. Если позволите, я доставлю их в лагерь. Отец, я не могу за них поручиться – так и не получилось поговорить. Они загнаны в угол. Я могу их выпустить и устроить отвлекающий маневр, чтобы прикрыть их побег, но мне нужны еще люди, чтобы доставить их в лагерь.

Отец Стори нахмурился:

– Разумеется. Доставьте сюда всех, кому нужна наша помощь. Даже странно, что вы спрашиваете. Есть какая-то особая причина для беспокойства?

– Судя по оранжевым комбинезонам, – сказал Пожарный, – и надписи «Окружной суд. Brentwood» на спине, они, возможно, нуждаются в спасении души больше, чем кто-либо из ваших прихожан, отец.

6

Когда отец Стори спросил у Пожарного, кого он хочет взять с собой, Харпер никак не ожидала, что попадет в список, но только ее он назвал персонально.

– Человека два-три и сестру Уиллоуз, с вашего позволения, отец. Я не знаю, в каком состоянии мы их найдем. Они как минимум сутки провели в тесном убежище, при температуре около нуля, так что им грозит обморожение. И хорошо бы иметь под рукой медицинский персонал. Давайте соберемся в Мемориальном парке через двадцать минут? Не хочется тянуть.

Служба закончилась. Все столпились в приделе, болтая без умолку. Харпер протискивалась сквозь гудящую толпу. Бен Патчетт начал было: «...Харпер, вы беременны, он из ума выжил, если...» – но она сделала вид, что не слышит. Через мгновение она миновала громадные красные двери и вышла на мороз – такой сухой и острый, что глаза защипало.

Оказавшись в одиночестве в лазарете, она выдвинула ящики, собирая все, что может пригодиться, и складывая в небольшой нейлоновый ранец. Второпях она задела локтем анатомическую модель человеческой головы. Голова рухнула на пол и разбилась.

Харпер выругалась, повернулась, чтобы ногой смести осколки с дороги – подметать было некогда, – и застыла на месте.

Голова раскололась на несколько крупных кусков. Половина лица уставилась на Харпер в идиотском изумлении. А среди осколков лежал стенографический блокнот, свернутый в трубочку и перетянутый резинками.

Харпер подобрала блокнот, сняла резинки и посмотрела на обложку.

«ЛИЧНЫЙ БЛОКНОТ ГАРОЛЬДА КРОССА
МЕДИЦИНСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ И НЕКОТОРЫЕ
СООБРАЖЕНИЯ
И СЛУЧАЙНЫЕ СТИХИ»

Харпер задумалась, что ей делать с блокнотом – многие в лагере хотели бы знать, о чем писал Гарольд в последние недели перед смертью. Потом решила не принимать никаких решений. Некогда. Она бросила блокнот в ящик и вышла.

На ступеньках лазарета она увидела Капитана Америку.

– У меня есть несколько масок на выбор, если хотите, – сказала Алли, шагая по шатким доскам, проложенным между зданиями. – Халк, Оптимус Прайм и экс-губернатор Аляски Сара Пэйлин.

– Обязательно прятать лицо?

– Необязательно. Но чувствуешь себя круче. Как грабители банков в масках страшных клоунов. Меня страшные клоуны ужас как заводят.

– Если нет Мэри Поппинс, то, пожалуй, обойдусь. Но спасибо за предложение.

Алли провела ее мимо нависающих языческих камней Мемориального парка к каменному жертвеннику – он идеально подошел бы для жертвоприношения Аслана. За камнем стоял отец Стори, справа от него – Пожарный, а слева – Майкл и Бен. Вся группа странным образом напомнила Харпер «Тайную вечерю». У Майкла даже имелась рыжая бородка Иуды, хотя в его глазах не было злобы или страха.

– Алли? – Отец Стори поднял ладонь, как будто для благословения. – Я обещал твоей тете, что ты не будешь участвовать. Ступай к автобусу – сегодня ночью ты дежуришь на воротах.

– Я поменялась с Минди Скиллинг, – сказала Алли. – Минди не возражала.

– Думаю, она не будет возражать, если вы поменяетесь обратно.

Алли бросила на Пожарного злой вопросительный взгляд.

– Я всегда хожу. С каких это пор мне нельзя? Майк идет. А он только на год старше меня. С меня начались дозорные, а не с него. Я

была первой.

– В прошлый раз, когда ты отправилась с Джоном, твоя тетя Кэрол глядела в окно, сжимая твой свитер, и молилась, – сказал отец Стори. – И молилась не Богу, Алли. Она молилась твоей матери, чтобы та уберегла тебя. Не заставляй ее пережить еще одну подобную ночь. Пожалей ее. И пожалей меня.

Алли продолжала смотреть на Пожарного.

– И вы терпите всю эту хрень?

– Ты слышала его, – ответил Пожарный. – Беги, Алли, и не сверли меня своим убийственным взглядом шестнадцатилетки. А если хочешь огрести, придется подождать.

Она смотрела на него еще мгновение – словно решала, как поквитаться. Потом взглянула на Майкла, словно собралась упрасивать его. Майкл, впрочем, отвернулся и чесал спину палисандровой дубинкой. Взгляда Алли он как будто не замечал.

– Засранец, – сказала Алли дрожащим от гнева голосом. – Все вы засранцы.

Через мгновение она скрылась за деревьями. Харпер когда-то тоже умела так двигаться; она живо помнила себя шестнадцатилетнюю.

Улыбка отца Стори получилась похожей на гримасу.

– В своем обычном спокойном стиле она все-таки сумела донести суть. И добавлю, что по сравнению со своей матерью Алли Стори – образец сдержанности.

– Ах ты!.. – спохватился Бен Патчетт. – Забыл фонарик взять.

– Не переживай, Бен, – сказал Пожарный, стягивая левую перчатку. – Я посвечу.

Рука с легким присвистом полыхнула голубым пламенем, осветив круг диаметром футов в десять. Громадные тени от камней тянулись по склону холма.

Бен Патчетт гулко сглотнул.

– Никак не привыкну, – сказал он Харпер.

Они шли за Пожарным под соснами, где уже не было пешеходных досок. Но наст был крепким, так что им удалось спуститься с холма, не оставляя следов.

Спуститься? Похоже, они двигались к воде. Харпер удивилась – она думала, что все поедут на машине.

Нога скользнула по насту, и Харпер качнулась в сторону Бена. Он поддержал ее, а потом взял под локоть.

– Давайте помогу. – Бен бросил взгляд в спину Пожарному и пробормотал: – С ума сошел – вас брать.

В кармане у Бена лежало что-то тяжелое, необычной формы – Харпер нахмурилась, когда непонятный предмет прижался к ее боку. Запустив руку в карман его куртки, она нащупала револьвер: рукоятка с ореховыми накладками, холодный стальной курок.

Харпер отдернула руку.

Бен посмотрел на нее с полуулыбкой.

– Давайте, спрашивайте – это у меня пистолет в кармане или просто я рад вас видеть?

– Зачем он вам?

– Разве не очевидно?

– Извините, – сказала Харпер. – Я думала, мы будем помогать людям, а не стрелять в них.

– Вы будете помогать людям. А я здесь для уверенности в том, что моя любимая медсестра вернется в лагерь целой и невредимой. Мы ничего не знаем о тех двоих. Мы не знаем, за что их посадили. Может, Джон Руквуд считает нормальным рисковать вашей жизнью ради пары уголовников, но я – нет. – Бен вспыхнул и отвернулся. – Вы уже, наверное, поняли, как я к вам отношусь, Харп. Если что не так – извиняйте.

Харпер легонько пожала его плечо. Она надеялась, что он поймет это, как: «Спасибо за заботу», а не как: «Боже, я вся горю, давайте трахаться». По опыту она знала, что трудно выказать мужчине участие и доброту, не создав впечатления, что зовешь в постель.

Бен улыбнулся:

– И потом. Правила предписывают полицейскому, перевозящему заключенного, обязательно иметь при себе оружие. Можно снять значок, но трудно избавиться от привычек. И не то чтобы я насовсем снял значок.

– Он еще у вас?

– Храню его вместе с секретным кольцом-дешифратором и накладными усами, которые использовал для работы под прикрытием. – Он игриво толкнул ее плечом.

Снег под луной приобрел оттенок голубой оружейной стали.

– Иногда, – задумчиво продолжил Бен, – я подумываю – не надеть ли снова...

– Накладные усы? – Харпер заглянула ему в лицо. – Думаю, вы могли бы отрастить собственные – будет неплохо. Вам пойдет.

– Нет. Значок. Иногда мне кажется, что нашей общине нужен закон. Хоть какое-то правосудие. Вспомните девчонку, которая тырит хавку и ценности. Если она выйдет и признается, что это она – или мы сами ее застукаем, – на этом все действительно кончится? Просто потому, что отец Стори так сказал?

– Ну, будет неделю чистить картошку.

– Или можно посадить ее месяца на три под замок, чтобы неповадно было. Я даже знаю, куда именно. Под кафетерием есть холодильная камера для мяса. Принести туда койку и...

– Бен! – воскликнула Харпер.

– Что? Не замерзнет. Там, пожалуй, теплее, чем в подвале церкви. Электричества нет уже несколько месяцев.

– Это отвратительно. Одиночное заключение в камере, пропахшей гнилым мясом. За пару банок молока?

– И «Подручную маму».

– Да насрать на «Подручную маму».

Бен вздрогнул.

Отец Стори и Майкл Линдквист легко шагали впереди; отец Стори говорил что-то, положив руку Майклу на плечо. Майкл нес в руке дубинку, постукивая по стволам деревьев, точно мальчишка, колотящий палкой по доскам забора. Бен взглянул на них, потом покачал головой и фыркнул:

– На месте Майка я бы радовался, что выбрался из лагеря, и не торопился бы обратно. Там ему грозят более серьезные опасности.

– Какие? – спросила Харпер.

– Ему грозит Алли. Вот характер. Не хотел бы я ее сердить.

– Думаете, она злится на Майкла за то, что он не встал на ее сторону?

– Особенно после того, что они вытворяли у церкви. Я-то видел, как они милуются за сосной на опушке – можно было подумать, что расстанутся навек. Будь я ее отцом... впрочем, я не отец, да и они, пожалуй, уже вовсе не дети.

– А я не знала, что они встречаются.

Бен махнул рукой:

– Сходятся, расходятся. Сейчас, похоже, сошлись. – Он улыбнулся. И заговорил тише: – Воровку, пожалуй, стоит посадить в мясной холодильник для ее же блага. Вы этого не понимаете – считаете, что у всех сердце доброе, как у вас. И отец Стори тоже не понимает. Вы с ним – как две стороны одной монеты.

– В чем же тут благо?

– Это спасет ее от смерти. Арест ради обеспечения безопасности.

Харпер собралась возразить, но вспомнила, как Алли требовала отрезать воровке язык, и промолчала.

Привязанные к пристани три каноэ качались на волнах. Пожарный спрятал горящую руку под полую форменной куртки и затушил пламя.

– Безопаснее и быстрее дальше плыть по воде. – Он сел в каноэ у дальнего конца пристани и выложил лом-хулиган на дно.

Бен нахмурился:

– Э... Джон! Я забыл арифметику или нам не хватает как минимум одной лодки? Мы ведь спасаем двоих? Так куда мы их посадим?

– Место будет. Я не поплыву с вами обратно. Есть другой транспорт. – Пожарный развязал канат и оттолкнул каноэ. Лодка сидела низко, и Харпер задумалась – неужели хулиган такой тяжелый.

Бен махнул в сторону второго каноэ.

– Харпер, я в лодках не очень разбираюсь. Давайте вы будете рулить, а я...

– Вообще-то, – вмешался отец Стори, – мне хотелось обсудить с сестрой Уиллоуз один медицинский вопрос. Вы не против?

Бен был против – на лице отразилось такое разочарование, что Харпер чуть не рассмеялась. Но он кивнул и полез в другую лодку.

– Ну, тогда увидимся, когда доберемся до места. Берегитесь айсбергов.

Харпер отвязала канат, пока отец Стори осторожно забирался в оставшееся каноэ. Когда лодка закачалась на волнах, Харпер зажмурилась и глубоко вздохнула. Воздух был такой чистый и так пах морем, что чуть закружилась голова.

– Люблю океан. Всегда любил, – сказал отец Стори через плечо. – Знаете, у нас есть почти сорокафутовый парусник, припрятанный на острове Джона. Достаточно большой, чтобы... ох, да вы только посмотрите! – Он ткнул в сторону веслом, с которого капала вода.

На носу каноэ Пожарного сидела Алли с веслом. Она выпрямилась, как только они отплыли на пятьдесят футов от причала.

– Помните, что сказал ей Джон там, на берегу? «Если хочешь *огрести*, придется подождать». – Отец Стори говорил голосом Пола Маккартни из «Желтой подводной лодки». Было действительно похоже на Пожарного. – «Э... *грести!*» Ха! Да он просто сообщил ей, что мы плывем на каноэ, а она побежала вперед и ждала нас. Ну да. Это ее стиль жизни – «сам отвали». И ее матери я слова поперек не мог сказать.

Они выплывали из маленькой гавани; берега оцетинились елками.

– Так на что жалуетесь, отец? Вы сказали, что неважно себя чувствуете?

– Я сказал – медицинский вопрос. И, кажется, не упоминал, что речь обо мне. На самочувствие не жалуюсь. Вот только сердце щемит. Вы же это не лечите?

– Легко. Примите две шоколадки и приходите утром. Думаю, у Нормы Хилд есть несколько «поцелуйчиков «Херши» на кухне. Скажите, что это я прописала.

Отец Стори не рассмеялся.

– Мне кажется, придется кое-кого выгнать. Я пытался придумать – как защитить кое-кого, кого никто не простит. И выходит, что других вариантов, кроме как прогнать ее, нет. Если она останется, боюсь представить, что с ней могут сделать. – Он бросил взгляд через плечо на Харпер и все-таки улыбнулся. – Каждый раз, когда я вижу, как они поют и сияют, я думаю: а что, если они превратятся в толпу линчевателей? Как, по-вашему, – есть драконьей чешуе разница, хор это или толпа линчевателей? По-моему, нет.

«Он знает, кто воровка», – подумала Харпер. Эта мысль пронзила мозг, как торчащий из доски гвоздь – ногу.

– Зачем вы говорите об этом мне? – спросила Харпер.

Он смотрел вперед.

– Та, о ком я говорю, никогда не уйдет по своей воле. Могли бы вы – если придется – дать какое-нибудь лекарство? Успокоительное, на случай истерики? Если она станет опасной – для себя или... или для других?

К такому повороту Харпер была абсолютно не готова.

– У меня в аптечке нет ничего сильнодействующего. Честно говоря, отец...

– Мне не хотелось бы, чтобы вы меня так называли, – неожиданно перебил он с какой-то горечью. – У меня нет духовного сана ни от одной из церквей. И называть меня отцом может только Кэрол. Надо было сразу отказаться от этого обращения, но оно тешило мое самолюбие. Я преподавал этику и историю христианства в начальной школе в Массачусетсе. Прошел путь от старомодного профессора в башне из слоновой кости до верховного наставника – далай-ламы новой веры – за пять месяцев. Покажите мне человека, который устоял бы, и я покажу вам *настоящего* святого.

– Послушайте, отец. Если бы кто другой начал такое про вас болтать, я бы ему по башке чем-нибудь шандарахнула. Разве вы не знаете, что даете этим людям надежду? Вы даете надежду *мне*, а это такое же чудо, как полная церковь людей, сияющих как рождественские огни. Я поверила, что смогу дожить до рождения своего ребенка, – поверила благодаря вам, и песням, и всем замечательным людям, собравшимся вокруг вас.

– А. Вы очень добры, Харпер. Только помните: вовсе не я сделал вас всех чудесными. Вы уже были такими, когда я нашел вас.

Они обогнули мыс и вышли на открытую воду. Берег остался в сорока футах от них – пологий холм поднимался среди облетевших деревьев и валунов.

– Возвращаясь к вашему вопросу – у меня все равно нет сильных успокоительных. Да поможет нам Бог, если кому-то потребуются операция. Самый сильный препарат в аптечке лагеря – адвил. Но даже

если бы там нашлось что-нибудь помощнее, не хотелось бы давать успокоительное в качестве наказания. Я этим не занимаюсь. Я помогаю больным.

– Эта женщина... она больна. Предупреждая ваши вопросы – нет, я не скажу, кто это. Пока окончательно не решу, что предпринять.

– Я не собиралась спрашивать. – Харпер уже заметила, как он избегает имен.

Стори помолчал, раздумывая, потом поинтересовался:

– Что вы думаете об острове Марты Куинн?

– Думаю, мне было бы легче об этом рассуждать, если бы я знала хоть кого-то, кто действительно слушал передачу. Не стоит выдавать желаемое за действительное.

Отец Стори сказал:

– Гарольд Кросс утверждал, что слушал. Один раз. И переписывался с кем-то из Любека – Любек стал столицей Мэна после того, как Огаста сгорела дотла.

– Гарольд переписывался с кем-то, утверждавшим, что находится в Любеке, – поправила Харпер. – Я не знала Гарольда, но, похоже, он был слишком легковверным.

– Лучше и не скажешь. – И снова в голосе отца Стори прозвучала едкая, неприятная, совсем не свойственная ему горечь.

Харпер ощущала сонную тягу океана под днищем лодки. Если бросить весла, течение понесет каноэ на восток. Через полчаса они увидят огни Портсмута; через час, наверное, станут видны огни всего Нью-Гемпшира. А еще через час они будут так далеко, что не увидят уже никаких огней.

– Боюсь, одну женщину придется выгнать. Выслать из лагеря, – сказал отец Стори. – И тогда... нет, одиночная ссылка – слишком страшное наказание за какие угодно грехи, я так не могу. Рано или поздно кремационная бригада поймает ее. Нет. Наверное, я отправлюсь с ней. Может быть, на большом паруснике с острова Джона. Я и Дон Льюистон. Я бы искал Марту Куинн.

– А кто будет заботиться о лагере?

– Джон. По-моему, он единственный, кто годится для этого.

Они повернули за мыс и вошли в узкий залив, не шире восьмидесяти футов; по обоим берегам стояли дома с нависающими

над водой верандами. Впереди возник короткий мост, за ним – небольшая бухта.

Харпер не узнавала место, пока они не проскользнули под мостом, ржавые решетки которого металлическим эхом отзывались на их дыхание. Перед ними открылся пруд Саут-Милл – округлый водоем между парком и... полицейским управлением Портсмута.

Почти все здания у пруда были окутаны темнотой, зато полицейское управление и стоянка рядом – освещены, как футбольный стадион во время вечерней игры. Со своего места Харпер видела, что на стоянке горят две большие груды мусора – каждая двадцать футов в высоту. Интересно, подумала Харпер, что они уничтожают – зараженную одежду? Неподдалеку стояли припаркованные пожарные машины, пожарные следили за огнем. Харпер заметила людей в касках и форменных куртках, бродивших у костров. От горящих мусорных холмов поднимался адский дым, который поднимался в ночь, закрывая звезды.

Пожарный погреб в сторону полицейского участка.

– Ох, Джон, – вздохнул отец Стори. – Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

Пруд размером не больше футбольного поля был разделен напополам дамбой, к которой они и подплыли. Перетащить каноэ через дамбу на другую сторону пруда можно было только волоком. Харпер не понимала, где Пожарный собрался причаливать, но так или иначе они должны были вскоре оказаться на берегу.

Харпер подалась вперед и прошептала:

– Договорим, когда вернемся в лагерь. Впрочем, в любом случае я сделаю, что смогу. Были бы нужные лекарства, я бы успокоила воровку, когда вы обвините ее... но только в крайнем случае. Не думаю, что он наступит. Если вы с Кэрол побеседуете с этой женщиной наедине и проявите сочувствие и понимание, о которых говорили в церкви, – думаю, весь лагерь вас поддержит и уж точно никто не будет против.

Том Стори обернулся к ней, озадаченно наморщив лоб; в глазах и на устах застыл вопрос... он как будто столкнулся с очень трудной задачей. Харпер удивилась. Она, казалось бы, выразилась очень ясно. Стоило, конечно, спросить, что именно он не понял, но времени не было. Пожарный вел их к дамбе. Харпер ткнула в ту сторону веслом,

отец Стори кивнул и повернул лодку. «Потом», – сказала себе Харпер, не представляя, что не будет никакого «потом».

По крайней мере, для отца Стори.

9

Дамба была сложена из грубо вытесанных гранитных блоков поверх песчаной насыпи. Каноэ с ужасающим хрустом ткнулось в песок. Бен уже поджидал их, чтобы подтащить лодку к первым двум.

Пожарный сжал плечо Алли и показал в сторону насыпи. Он пробормотал что-то ей в ухо; Алли кивнула и, пригнувшись, двинулась вдоль узкой песчаной полоски.

– Куда она, Джон? – шепотом спросила Харпер.

– Люди, которых мы хотим спасти, находятся с другой стороны дамбы; и единственный способ добраться до них незамеченными – пролезть здесь.

Он снова махнул рукой, и на этот раз Харпер увидела под насыпью водопропускную трубу. При сильном приливе отверстие оказывалось под водой, но сейчас труба была почти суха. Алли согнулась и начала разбрасывать ветки и ржавые пивные банки, забившие проход.

– Вы посылаете шестнадцатилетнюю девчонку на переговоры с парой уголовников? – спросил Бен. – А вдруг один из них схватит ее за волосы и вытащит из трубы?

– У нее нет волос – не за что хватать, Бен. И она знает свое дело. Уже не первый раз она помогает в тяжелых ситуациях, – сказал Пожарный.

Он подошел к своему каноэ. Звякнула сталь. Пожарный вернулся с хулиганом в руке.

– Я поверю вам, Джон, – сказал отец Стори. – Если вы дадите слово, что Алли в безопасности.

– Этого я не мог бы обещать, даже если бы она осталась с Нормой Хилд вязать на спицах. Но не надо бояться тех двоих, что прячутся по другую сторону дамбы. Они хотят выбраться оттуда, а не попасться.

Майкл сказал:

– Труба довольно узкая. Они точно пролезут?

Алли возилась со ржавой магазинной тележкой, частично забаррикадировавшей вход.

– Наверняка нет, – ответил Пожарный. – Один ростом с Бориса Карлоффа, а второй огромный, как водяной буйвол. Если они полезут за Алли, то окажутся в еще более безвыходном положении, чем сейчас. Нет, им придется перебираться через дамбу, когда будет возможность. Бен, Майкл, отец, приготовьтесь помогать им. Не знаю, в силах ли они держаться на ногах.

– Что значит – через дамбу? – спросил Бен. – И когда же появится такая возможность?

Пожарный взобрался по крутому откосу дамбы, помогая себе ломом. Обернувшись, он прошептал:

– Когда начнутся крики.

Он добрался до верха, постоял немного на краю парковки – бронзовый отсвет костров ложился на его лицо, – положил хулиган на плечо и двинулся вперед, насвистывая.

– Вам при нем тоже как-то неловко? – спросил Бен, ни к кому персонально не обращаясь. – Я вот начинаю чувствовать себя тупым.

– А теперь что? – спросила Харпер.

– Затаимся и подождем, – сказал Бен. – Надо быть осторожными – вдруг случится что-нибудь непредвиденное.

Пожарный не успел уйти далеко – его громкий, ясный свист только что затих, – когда Алли с кошачьим воплем ужаса отшатнулась от водопропускной трубы, споткнулась и села в воду.

– Что-то слишком быстро, – сказал Майкл.

Харпер первая поспешила к Алли и помогла встать.

– Что? – спросила она шепотом. – Что там?

Алли затрясла головой, глаза блеснули в прорезях маски Капитана Америки.

Харпер нагнулась к просвету водопропускной трубы. На расстоянии вытянутой руки от входа в нем застряла куча грязи, сучьев и листьев.

Потом куча шевельнулась, приподнялась и отодвинулась.

Это был зверь. Гребаный зверь, дикобраз размером с вельш-корги.

Харпер нашла палку – в два фута длиной и с разветвлением на конце. Она решила, что просунет палку за спину дикобраза и подтащит его к себе, чтобы освободить проход. Но вместо этого разветвленный конец палки ткнулся дикобразу в бок. Иглы встопорщились. Дикобраз заворчал и уполз глубже в трубу.

Харпер оглянулась на Алли. Майкл подобрался к девчонке и укутал ее в свою куртку. Джинсы Алли намокли, она дрожала. Дрожала... и смотрела на трубу с явной тревогой. Никогда прежде Харпер не видела и следа страха в глазах Алли Стори, и было даже немного приятно, что хоть *что-то* смогло ее пронять.

Харпер не винила Алли. Протискиваться по трубе шириной в три фута мимо здоровенного, сердитого дикобраза – об этом и подумать было страшно.

И Харпер не думала. Она опустилась на четвереньки и заглянула в трубу. Пахло гниющим мусором и теплым зверем.

– Что это вы задумали? – спросил Бен. – Эй, Харпер. Не надо. Не лезьте туда. Пустите меня...

Но Бен не успел добраться до Харпер – она махнула рукой и полезла в трубу. Бен, с его ростом в шесть футов и весом больше двухсот фунтов, имел не больше шансов туда втиснуться, чем ржавая магазинная тележка, которую Алли отбросила на мелководье.

Зато сама Харпер была ненамного выше Алли и всего фунтов на пятнадцать тяжелее, так что если кто и мог пролезть в трубу, то это она. Хотя и с трудом. С большим трудом – это она поняла сразу, почувствовав, как бока трубы стиснули ее плечи.

И тут Харпер вспомнила, что она уже на втором триместре и теперь, пожалуй, тяжелее Алли на все *тридцать* фунтов. А если она настолько огромная, что может здесь застрять? Харпер поразмыслила, не вернуться ли, но все-таки продвинулась вперед – совсем чуть-чуть.

Дикобраз перестал топтаться и повернулся боком, чтобы следить за Харпер. Она снова ткнула животное палкой, и глаз, обращенный к ней, полыхнул яростью – цветом крови, застывшей в куске янтаря. Дикобраз зашипел и опять отполз.

Харпер на четвереньках двинулась за ним, обтирая гофрированные стены. Она проползла примерно треть пути – и бедра застряли.

Харпер тянулась вперед, чтобы освободиться, но не могла сдвинуться с места. Казалось, что стены стискивают ее все сильнее. Харпер попробовала ползти назад – и не смогла; она вспомнила пробку, застрявшую в бутылочном горлышке в тот последний вечер с Джейкобом.

Дикобраз замер и смотрел словно со злобной насмешкой: «Что? Не выходит? Застряла? Может, подсобить, ткнуть в тебя палкой, чтобы пролезла?»

Под ладонями текла ледяная вода, стальные бока трубы покрывал иней, но Харпер внезапно стало жарко. Жар поднимался по бокам к ключицам. И это была не обычная горячка, охватывающая человека в момент тревоги. Знакомое ощущение – как будто спрей от насекомых попал на ободранную кожу. Харпер еще раз вдохнула и почувствовала запах дыма – нездоровую сладкую вонь, как от подгоревшего бекона с кленовым сиропом.

«Это ты сама», – подумала она и заметила бледный дымок, поднимающийся от узора драконьей чешуи на тыльной стороне ладоней.

«А я тебе говорил, – зашептал дикобраз голосом Джейкоба. – Надо было нам умереть вместе, как планировали. Разве это не лучше, чем сгореть заживо здесь, в темной дыре? Ведь могла бы просто уснуть в моих объятьях, без суеты, без боли. А вместо этого ты изжаришься тут, а когда начнешь кричать, прибегут полицейские и схватят Алли, отца Стори, Бена, Майкла, поставят их на колени в песок и пустят им пулю в голову – а виновата во всем этом будешь ты».

Харпер дернулась еще раз. Труба держала крепко.

Харпер заморгала, глаза слезились от дыма. И тут она поняла: убивает не огонь. Убивают страх и капитуляция. В момент испуга или стыда ты понимаешь, что попал в ловушку и нет сил освободиться. Да, драконья чешуя – пуля, но именно страх спускает курок.

В глотке засипело. Харпер ткнула дикобраза палкой, не давая опомниться, – зверь удивленно пискнул. Он двинулся прочь – быстрее, чем прежде.

Харпер уже не могла разглядеть другой конец трубы за дымом, поднимающимся от нее. И было непонятно, как она до сих пор не

задохнулась. Харпер сделала глубокий вдох, приготовившись кашлять, и вдруг подумала: «Пой. Прогони все песней».

– Дум-дилли-дилли, ум-дилли-дай, – зашептала она надтреснутым хриплым голосом и тут же остановилась.

Плохо застрять в трубе с дикобразом, но еще хуже с психом, даже если псих – ты сама. Отчаяние в собственном голосе напугало Харпер.

Новая волна ядовитого жара окатила ее. Огненные червячки поползли по коже головы. Харпер почувствовала, как шипят и закручиваются колечками волосы, и подумала, что, пожалуй, попросит Алли обрить ей голову – если выберется из трубы. Но выбраться не получалось, потому что все это ложь – сама идея, что пение может спасти. Дети Британии пели друг другу во время блицкрига, но крыша все равно обрушилась на них. Вся вера Тома Стори – молитва перед пустым шкафом.

Дым обжигал ей горло. Клубы белого дыма вырывались из ноздрей. Она ненавидела себя за каждый миг надежды, который себе позволяла. За песни, которые пела с другими, пела для других, пела...

«Пела для других», – повторила про себя Харпер. Пела в гармонии. Отец Стори говорил, что дело не в *песне*, а в *гармонии*. А в одиночку гармонию не создать.

Она заморгала от дыма, слезы катились по щекам; тихим, дрожащим голосом Харпер снова запела, обращаясь к себе, к комочку новой жизни в своей утробе.

– *I'll be your candle on the water*, – запела она. На сей раз – не как Джули Эндрюс, а как Хелен Редди. Эта песня первой пришла на ум, и, услышав эхо от стен трубы, Харпер едва сдержала истерический смех. – *My love for you will always burn...*^[3]

Она совсем не попадала в тональность, голос дрожал, но чуть ли не с первого слова драконья чешуя запульсировала и засияла мягким золотым светом; ощущение химического ожога начало ослабевать. И тут же ребенок еле заметно шевельнулся внутри нее, словно крутанувшись винтом, и Харпер подумала: «Он показывает тебе, что нужно делать. Он в гармонии». Идея казалась нелепой, но Харпер, дернув бедрами в попытке ввинтиться в трубу, действительно сдвинулась с места. Она освободилась так неожиданно, что гулко стукнулась обо что-то головой.

Харпер ползла по заполненной дымом трубе. Легким отчаянно не хватало кислорода, но голова не кружилась и не туманилась. И воздуха хватало на то, чтобы продолжать петь ребенку усталым шепотом.

Харпер опустила голову, смаргивая слезы, а когда снова ее подняла, увидела прямо перед собой дикобраза – она чуть было не положила на него руку. Иглы встали дыбом.

Харпер хлопнула палкой по трубе, размахнулась и ткнула в дикобраза.

– Я буду свечой в твоей заднице, пошевеливайся, толстяк. – Она то ли пела, то ли хрипела.

Зверь снова двинулся, но Харпер уже осточертели и дикобраз, и водопропускная труба. Упершись палкой дикобразу в зад, Харпер принялась толкать его перед собой. Вот вам и новый олимпийский вид спорта: керлинг с дикобразом.

Грызун бросился прочь со всех лап – так, наверное, это назвали бы его сородичи. Добравшись до конца трубы, он, не мешкая, нырнул за край. При колеблющемся оранжевом свете костров Харпер разглядела, что дикобраз не так уж и велик. Перегораживая трубу, он казался размером с приличного щенка. А при неверном отблеске костров стал похож на покрытого иголками хомяка. Напоследок дикобраз обернулся и бросил укоризненный взгляд на Харпер. Она даже почувствовала стыд за то, как с ним обошлась. Ее ведь тоже прогнали из дома – могла бы проявить больше сочувствия.

Снаружи, слева от трубы, донесся тревожный шепот:

– Это что за гнусь? – Кто-то бросил камень в дикобраза, и бедный изгнанник поспешил в кусты.

Харпер протиснулась вперед еще на несколько дюймов – почти к устью трубы.

– Привет, – сказала она негромко.

Отверстие трубы потемнело – ночное небо заслонили голова и плечи крупного мужчины.

Харпер больше не тлела и не пела; золотые крапинки драконьей чешуи угасли. Руки и спина, покрытые изящными, нежными узорами спор, еще ныли, но это не доставляло особого неудобства.

– Кто тут? – спросил большой человек, вглядываясь в трубу.

Его морковного цвета комбинезон, даже потертый, грязный и покрытый сажой, светился в сумраке, как неоновая вывеска. Медвежья

фигура, рожа кирпичом, покрытая шрамами от прыщей... но он смотрел на Харпер почти профессорским взглядом. И глаза его по цвету очень напоминали глаза дикобраза.

– Я – Харпер Уиллоуз. Медсестра. И пришла помочь вам выбраться отсюда. Вас тут двое?

– Да, но он уже пробовал пролезть в трубу, и не смог. А я еще покрупнее его буду.

– Вам не надо лезть через трубу. Перейдете прямо через дамбу. На другой стороне ждут друзья с лодками. Они доставят вас в безопасное место.

– Дамочка, мы в этой дыре уже двадцать часов сидим. И нам не перебежать через дорогу. Мой кореш вообще еле стоит. Спасибо за заботу. Правда спасибо. Но ничего не выйдет. И пусть лодки всего в сотне футов отсюда. Для нас это все равно что на Луне. На парковке пятьдесят человек, и почти все с пушками. Если мы выскочим и рванем – точнее, поковыляем, – они нас пристрелят и фамилию не спросят.

– Вам не нужно бежать, – сказала Харпер, припомнив слова Пожарного. – Вы просто пойдете. И вас не заметят. Будет отвлекающий маневр.

– Какой маневр?

– Сами увидите. – Харпер решила, что лучше темнить, чем признаваться, что она понятия не имеет.

Мужчина улыбнулся, сверкнув золотым зубом. Отец называл таких, как он, грубым словом.

– Лезьте сюда! Давайте, посидите с нами, милочка.

– Мне пора обратно. Будьте наготове, – сказала Харпер.

– Вы же не собираетесь ползти задом наперед? Вылезайте, тут и развернетесь.

До сих пор она не задумывалась об обратном пути – как это ни смешно, – и не нашлась что ответить. Он, конечно, был прав. Лезть по трубе задом наперед было не проще, чем растаять дымкой; впрочем, дымка могла вполне себе получиться.

А если двинуться вперед, хотя бы на фут... воображение быстро нарисовало, как человек-медведь хватает ее за волосы, его улыбка тает, а взгляд мертвеет. Они будут делать с ней, что захотят: ведь кричать она не станет, чтобы не привлечь внимание полиции и не выдать

местонахождение друзей. Пожарный говорил, что эти люди хотят выбраться, а не попасться, и это правда. Но правда и то, что они уголовники, а она – беременная, которая не сможет позвать на помощь. И эти парни совершенно очевидно способны и рыбку съесть, и ее же отыметь, да и убить тоже.

Харпер снова оказалась в ловушке, и на этот раз все было еще безнадежнее, чем тогда, в середине трубы. Дорогу назад она не видела, а двигаться вперед не осмеливалась. «Давай, спой ему что-нибудь из любимых мюзиклов», – поддразнила она себя и чуть не рассмеялась.

Но тут, в один миг, все изменилось, и уже не нужно было ничего решать, не нужно было искать ответ. Что-то на дамбе отвлекло внимание большого человека. Его глаза, блестящие от света костров, остекленели.

– Ха-а-а... – выдохнул он. – Святое... святое...

Видимо, он хотел добавить что-то непечатное, но не мог продвинуться дальше первого слова. Так Харпер решила сначала, но тут же засомневалась – а вдруг он сказал именно то, что хотел, и на дороге действительно происходит какое-то святое чудо, столь же невероятное, как неопалимая купина или полное ангелов ночное небо над Вифлеемом.

Но потом она поняла, что определение «святое» тут не подходит.

Правильнее было бы сказать – «адское».

11

Свет померк. словно гигантский черный занавес опустился между прудом и кострами на парковке.

Глаза заключенного стали размером с блюдца.

– Что там? – спросила Харпер.

Он не ответил, только растерянно дернул головой. Упершись ладонями в коленки, он с трудом выпрямился во весь рост. Харпер поняла, что у него болят ноги. Заключенный отступил влево и пропал из виду. Послышались шепот, болезненный стон и шарканье ног по камням. И все стихло.

Нет – не все. Вдали слышались крики и удивленные возгласы.

Весь свет как будто кто-то проглотил. Харпер не могла представить, что же могло погасить столько огней.

Она высунула голову наружу, готовая юркнуть обратно, едва увидев человека в оранжевом. Но ее никто не поджидал. По левую руку она разглядела еще один крутой склон шестифутовой насыпи из гранитного щебня. Широкая бетонная труба уходила в дамбу под парковкой. Там было достаточно места, чтобы два человека могли спрятаться под бетонной облицовкой, но ржавые прутья закрывали проход в трубу. Значит, вот где они укрылись... на тесном пятачке у ржавых прутьев, прижимаясь друг к другу, чтобы согреться.

Харпер вытянула шею, чтобы рассмотреть дамбу, но, оставаясь в трубе, она мало что видела. Только дым: клубящаяся черная туча застилала небо, расплываясь над дорогой и парковкой.

Она выползла из трубы на коленях, выпрямилась и уставилась на дамбу.

В громадной черной туче маячил дьявол: широкоплечий демон высотой с двухэтажный дом, с громадными рогами. Огненный демон в клубах черного дыма. Огромной, как телефонный столб, ручищей он поднял молот и ударил по раскаленной докрасна наковальне. Харпер совершенно отчетливо расслышала звон стали. Откуда-то из черной тучи взвились искры. Хвост дьявола – тонкий двенадцатифутовый огненный кнут – хлестнул по земле.

Туча была так огромна, что Харпер не видела за ней ни полицейского участка, ни стоянки с кострами. Дым полз над дамбой непроницаемым валом ядовитого тумана.

За дымовой завесой кричали и бегали люди.

Дьявол снова и снова опускал молот с громовым «кляц!» Он запрокинул горящую голову, весело сверкая красными глазами-угольками. В профиль невозможно было не узнать в нем Пожарного.

Завершив работу, дьявол отложил молот и поднял свежавыкованный инструмент: огненное копье, трезубец из чистого пламени высотой с него самого.

За дымовой завесой кто-то запричитал. Харпер в жизни не слышала в голосе такого отчаяния. Это был вопль человека, оплакивающего собственную душу.

В голове пронеслись одна за другой несколько мыслей – как цепочка фейерверков.

Первая: перед ней театр теней. Как он это делает – непонятно, но принцип один: точно так же маленький мальчик светит фонарем на руку и показывает слона на стене спальни.

Вторая: если бежать, то сейчас. Все это не продлится долго.

Третья: Джону тоже надо бежать. Закончить представление и сматываться. Дыма и неразберихи было уже достаточно, чтобы заключенные незаметно перебрались через дамбу.

Четвертая мысль – и последняя: возможно, он вообще не переживает о том, успеет ли убежать. И никогда не переживал. Возможно, опасность быть схваченным и убитым не страшит его, а заводит.

Харпер на четвереньках вскарабкалась на дамбу, опираясь на замшелые гранитные блоки.

Она выпрямилась в густом облаке дыма. Сразу сообразила, что лучше не вдыхать глубоко, но горло и ноздри все равно саднило. Если нагнуться, становилось полегче, но ненамного.

Харпер побрела сквозь тучу. Видно было только асфальт прямо под ногами – и все. Дальше все тонуло в плотном дыму.

Из-за облака дыма слышались новые звуки: несколько человек раздавали команды и перекрикивались, подбадривая друг друга.

В толщу дыма ударила струя воды, направленная в горящую грудь дьявола. Сатана моргнул, поднял руку, закрывая лицо; трезубец затрепетал и на мгновение стал похож на гигантский лом-хулиган.

Пожарный удивленно вскрикнул где-то в дыму. Сталь звякнула и задрезжала.

Сатана, качнувшись, повернулся и уронил огненный трезубец. Потом прикрыл крыльями тело, спрятался, съежился и исчез.

Люди с пожарным шлангом продолжали поливать облако дыма. Брызги пролетали рядом с Харпер. Капли шипели, и облако начало менять цвет и вид – из грязно-черного оно становилось сырым и бледным: не дым, а пар.

Харпер поняла, что произошло. Они достали его, вот в чем дело. Мощнейший удар воды сбил Пожарного с ног.

Не раздумывая, Харпер кинулась в облако – в ту сторону, где в последний раз слышала голос Пожарного.

Снова раздались крики – теперь ближе. Голоса приближались к ней. Нет – они приближались к Пожарному.

Харпер наступила на что-то – металлический лом, звякнувший на асфальте, – и, пошатнувшись, выпрямилась. Хулиган. В тумане послышался шум. Кого-то рвало.

Пожарный с трудом поднялся на четвереньки. Каска слетела с головы, и волосы промокли насквозь. Он сгорбился, рыгнул, и его вырвало потоком воды.

– Джон! – позвала Харпер.

Он поднял голову. Измученные глаза смотрели удивленно.

– Какого хрена вам тут надо? – спросил он.

Поднявшись на колени, он покачнулся и открыл рот, чтобы что-то сказать, но не успел. В дыму, слева от него, появилось нечто странное.

Какое-то жукомордое чудовище надвинулось на них из дыма. Скользкие блестящие глазки сверкали во мгле, а рот был большой и нелепый. В остальном оно было похоже на человека в униформе пожарного и сапогах по колено. Чудовище поставило черный сапог Пожарному между лопаток и толкнуло. Джон уткнулся лицом в землю.

– Ах ты, мразь, – сказало чудовище – пожарный, настоящий пожарный в противогазе. – Я достал тебя, сукин сын.

Джон начал подниматься на четвереньки. Но человек в противогазе ударил его ногой по ребрам, от этого ладони и колени Джона разъехались.

– Конец тебе, недоносок, – сказал человек. – Сукин сын... Ребята! Ребята, я поймал его! Я поймал этого засранца!

Он снова ударил Пожарного в бок, почти перевернув его.

Харпер отчетливо поняла, что через пару секунд к человеку в противогазе прибегут приятели и забьют Пожарного до смерти.

Она нагнулась и схватила хулиган...

...и уронила его, взвизгнув от неожиданной боли. Харпер ошеломленно взглянула на ладонь. Уже начали вздуться волдыри. Хулиган был горячим, как раскаленная кочерга.

Крик Харпер привлек внимание человека в противогазе. Он перевел на нее мутный, ужасный взгляд и ткнул в ее сторону пальцем в перчатке.

– Ты! Давай, мать твою, на землю! Сиськами вниз, руки, мать твою, за голову! Живо, мать твою...

Джон поднялся с гневным криком, обхватил человека в противогазе за пояс и попытался повалить. Единственное, чего он

добился, – сдвинул противника на несколько шагов, прежде чем человек в противогазе, который был на шесть дюймов выше и на сотню фунтов тяжелее Джона Руквуда, начал толкать его обратно.

Сцепившись, они топтались по земле. Человек в противогазе вцепился в правую руку Джона и выкрутил ее. Сустав чавкнул. Джон опустился на колено, и человек в противогазе коленом ткнул ему в подбородок. Джон опрокинулся на спину. Человек в противогазе опустил сапог на грудь англичанину и надавил. Хрустнули кости.

Харпер скинула нейлоновую куртку, обернула ее вокруг обожженной правой руки и снова ухватила хулиган. Даже через толстую ткань она ощущала жар, чувствовала вонь плавящегося нейлона.

Харпер подняла лом. Человек в противогазе обернулся, убрал ногу с груди Джона и двинулся к Харпер, растопырив руки. Она взмахнула хулиганом – и каска отозвалась стальным «дын-н-н». Человек сделал еще шаг и сложился пополам, ткнувшись в землю. Его каска улетела, вращаясь, как тарелка для фрисби, в туман. И шмякнулась на асфальт, демонстрируя огромную вмятину на одном из боков.

От вида помятой каски Харпер затошнило. В горле появился вкус желчи. Вмятина казалась страшнее даже разбитой головы.

Она сама не понимала, почему так поступила. Она хотела только напугать этого человека, а не сносить ему голову. Харпер с отвращением отбросила хулиган. Он упал в грязную лужу на асфальте и зашипел.

Снова раздались крики. Харпер увидела, как слева еще один пожарный бежит сквозь облако дыма и пара. Он промчался мимо, не заметив ее.

Пожарный – ее Пожарный – тронул Харпер за локоть. Его правая рука повисла под странным углом, сам он согнулся в три погибели, морщась, как бегун после финиша.

– Вы как? – спросил он.

Она уставилась на него, как будто он говорил на иностранном языке.

– Джон! Я... я ударила его вашим хулиганом.

– О да, еще как! По звуку – будто литавры. – Он восторженно улыбнулся.

Раздался новый крик – буквально в нескольких шагах. Джон обернулся на звук, а когда снова посмотрел на Харпер, улыбки уже не было. Он схватил ее за плечо.

– Скорее, – сказал он. – Пора уходить. Дайте мне его куртку.

Харпер наотрез отказалась подходить к мертвецу, и Пожарному пришлось самому отправиться во мглу. Он с усилием нагнулся – Харпер, несмотря на шок, заметила, что его лицо перекошилось от боли, – и поднял помятый шлем. Пожарный обернулся.

– Дайте куртку, Уиллоуз! – сказал он. – Быстрее.

Харпер замотала головой. Нет. Она даже посмотреть не могла на труп. Она убила человека, вышибла ему мозги – и теперь еле сдерживалась, чтобы не зареветь, рухнув на колени.

– Успокойтесь. – Впервые Пожарный говорил с ней нетерпеливым, даже сердитым тоном. Он снял собственную куртку – пришлось помучаться, освобождая правую руку, – и, подойдя, набросил Харпер на плечи. Под курткой у него оказалась черная эластичная рубашка и ярко-желтые подтяжки.

Он собрался надеть помятую каску на Харпер, но та сжалась и отшатнулась. Заметив, что она уставилась на распростертое на земле тело, он наконец понял.

– О, ради бога, – сказал он. – Вы его не убили. Смотрите...

Он легонько ткнул мыском ботинка человека в противогазе. Тот тихо вскрикнул.

– На каске нет ни крови, ни мозгов, так что надевайте и помогите мне, – приказал Джон, и Харпер наконец позволила надеть каску себе на голову. Джон отступил на шаг, взглянул на нее и снова улыбнулся.

– Ну вот! Что за прелестная пожарная!

И тут его ноги подкосились.

Харпер подхватила его, не дав опуститься на колени, и обняла за талию. Он навалился на нее, мыча неуместно веселую мелодию, и они пошли шатаясь.

– Что за песня?

– «Хутерс»! «И мы танцевали»! – почти пропел Пожарный. – Утерянное сокровище лучших дней, когда в моде были вареные джинсы и смешные прически. Вам нравится музыка восьмидесятых, сестра Уиллоуз?

– Может, обсудим старье в другой раз?

– Что? *Что?* Старье? Какой-то мужик сломал мне ребра, а вы вдобавок разбили сердце.

– Эй! – крикнул кто-то, приближаясь к ним в дыму. Харпер посмотрела через плечо Джона и увидела еще одного человека в противогазе, даже крупнее первого. – Вы целы?

Харпер поняла, что в тумане он принял их за пожарных.

– Он удрал! Тот парень! Сукин сын, который напустил дыму! – крикнул Джон, и его акцент совершенно пропал. – Он сбил нас с ног и побежал туда! – Джон показал мимо Харпер в клубы пара.

– Черт... *опять* этот сукин сын, – сказал второй человек в противогазе.

– Но мы уделали этого засранца! – крикнул Джон, указывая на лежащего первого. – Гребаного сукина сына!

Харпер захотелось двинуть его локтем в бок, но вряд ли его ребра это выдержали бы.

– Валите отсюда на хрен, – сказал второй человек в противогазе. – Оба. Выбирайтесь из сраного дыма. Я им займусь.

Харпер повела Пожарного дальше – она обнимала его за пояс, он положил руку ей на плечо. Они сделали несколько шагов, и тут второй человек в противогазе заорал:

– Эй! Стойте!

Харпер заставила себя обернуться, опустив глаза.

Второй человек в противогазе протягивал упавший хулиган.

– Заберите. Тут кругом полно ребят. Не хочу, чтобы кто-нибудь споткнулся и получил сраным топором в колено.

– Верно. Спасибо, – сказала Харпер и добавила для ровного счета: – *На хрен.*

Металл был еще теплым – ладонь болезненно напряглась, – но холодная лужа достаточно остудила лом, чтобы его можно было взять голой рукой. Харпер потянула лом к себе, но второй человек в противогазе не сразу отпустил руку. Через линзы было видно, как сдвинулись его брови. Он смотрел на Харпер и Джона пристально, как

будто видел их впервые. А может, просто размышлял о том, что из-за малого количества женщин-пожарных он их всех знает по имени, а эту почему-то не знает. Сейчас он отнимет хулиган у Харпер и набросится на них.

Сырой белый дым клубился вокруг призрачных фигур.

Второй человек в противогазе отпустил лом и отвернулся, качая головой. Он опустился на колено рядом с лежащим товарищем.

– Сестра Уиллоуз, – шепнул Джон, и она поняла, что путь свободен.

Она повела его сквозь дым. Мимо них пробегали, перекликаясь, люди.

– Он сказал «*опять* этот парень», – сказала Харпер, нагнувшись поближе к уху Джона. – Вы часто по ночам изводите пожарное управление художественными поджогами?

– Каждому нужно хобби, – буркнул он.

В дыму они добрались до парковки – полицейский участок был всего в сотне шагов слева. Дым белой плотной стеной закрывал дамбу и весь пруд Саут-Милл.

Они очутились возле одного из костров. Огонь шумел, и в его шипении слышалась несомненная ярость; Харпер впервые задумалась – способен ли огонь ненавидеть?.. И от этой абсурдной, детской мысли трудно было отвязаться.

Полицейские сновали за двойными стеклянными дверьми участка. Харпер и Джон вынырнули из клубов дыма прямо перед упакованным в черное пончо и черные резиновые перчатки копом с круглым, веснушчатым, невинным лицом. Он смотрел не на них, а на дым. Харпер показалось, что его губы шевелятся в беззвучной молитве. Впрочем, что тут удивительного? Весь мир в огне, а сегодня они видели самого дьявола, пришедшего наконец заявить права на свое огненное царство.

Харпер посмотрела на первый костер и увидела, что горят вовсе не горы одежды. Вернее, одежда и впрямь горела – вот только в ней все еще были люди. В костер были сложены высохшие тела, почерневшие трупы. В пламени они потрескивали, свистели и шипели, как обычные дрова.

Харпер разглядела мертвую женщину, прижимающую к груди голову ребенка лет восьми. Это зрелище не заставило Харпер

вздрагнуть. Она навидалась смертей в Портсмутской больнице. Если она и чувствовала что-то, то простую радость, что эти двое – мать и дитя – умерли вместе, обнимая друг друга. Иметь возможность обнять перед смертью ребенка или маму – своего рода благословение.

– Опустите голову, – пробормотал Джон. – Он может увидеть.

– Кто?

– Ваш бывший.

За первым костром стоял оранжевый спецгрузовик. Задний борт был открыт, а кузов запрокинут, словно из него ссыпали песок. Четыре или пять тел застряли в кузове – возможно, примерзли к металлу.

Джейкоб сидел на пассажирском сиденье у открытой дверцы и курил «галуазку». Его покрытое недельной щетиной лицо было красным и потным от жара костра. Джейкоб похудел – это было заметно по ввалившимся щекам и кругам вокруг глаз.

Словно почувствовав прикосновение чужого взгляда к изрезанной шрамами щеке, Джейкоб повернул голову и посмотрел на Харпер. Его раны плохо зажили, ярко-белые линии покрывали половину лица. Еще хуже выглядел ожог на шее в форме человеческой ладони.

Харпер опустила голову и пошла прочь. Досчитав до десяти, она рискнула взглянуть еще раз. Джейкоб снова смотрел на дамбу – вернее, на дым. Он ее не узнал. Наверное, это неудивительно. Она, хоть и узнала его сразу, в каком-то смысле видела перед собой незнакомца.

– Он не болен, – сказала Харпер.

– Драконьей чешуей – нет.

Харпер и Джон неторопливо пересекли парковку, оставив полицейский участок позади. Они удалялись от света и от людей. Впрочем, дальний конец парковки тоже не тонул во мраке. Второй костер бросал в темноту красные сполохи. Запах был отвратительный, воняло так, будто жгли мокрый ковер. Оборачиваться не хотелось, но Харпер не удержалась.

Собаки. Здесь жгли собак. Черный пепел сыпался с ночного неба.

– Посмотрите на весь этот пепел, – сказал Пожарный, сдув черную снежинку с носа. – Идиоты. Некоторые из них окажутся на нашей стороне через пару недель. Вы не заразили мужа, сестра Уиллоуз, но шанс у него еще есть.

Харпер посмотрела вопросительно, но Пожарный, похоже, ничего не собирался объяснять.

– Зачем они жгут собак? – спросила она. – У них ведь не бывает чешуи?

– Свирепствуют две эпидемии. Одна – драконья чешуя, другая – паника.

– Вот что меня каждый раз в вас поражает.

– Что?

– Вы все-таки умеете рассуждать разумно.

Его смех перешел в тихий, придушенный хрип, и пришлось подождать, пока он топтался на месте, схватившись за бока.

– Словно битого стекла в грудь натолкали, – сказал он.

– Вам надо прилечь. Далеко еще?

– Туда, – сказал он, кивнув в темноту.

На дальнем конце парковки стояли несколько легковушек и пикапов, а среди них ждала своего часа древняя пожарная машина – по виду восьмидесятилетняя, – с парой фар, установленных на высокой решетке.

Пытаясь забраться на водительское место, Джон чуть не свалился, оступившись, с подножки. Харпер еле его удержала. Он оперся о грузовик и тяжело пыхтел. Глаза вылезли из орбит, словно даже дышать Пожарному было невероятно трудно.

Придя в себя, он попробовал снова и сумел взгромоздиться на старое сиденье из черной кожи. Сбоку от ветрового стекла на скобе висел медный колокол. *Настоящий* колокол с тяжелым языком.

Харпер обошла кабину и забралась на пассажирское сиденье. Между сиденьями были приварены две ржавеющие скобы, на которых уютно уместился лом-хулиган.

Запущенный мотор радостно откашлялся – по звуку это напоминало не машину, а скорее одежду, грохочущую в сушилке.

– Сестра Уиллоуз, не могли бы вы сделать одолжение? Толкните рукоятку вперед и вправо.

Его правая рука лежала на коленях, левой он держал руль. И Харпер не понравилось то, как было вывернуто правое запястье.

– Дайте я лучше взгляну на вашу руку, – сказала она.

– Потом, когда время будет, – ответил он. – Передачу.

Харпер включила задний ход, а Пожарный отпустил сцепление.

Джон вывел машину из-под тени большого дуба на дорогу, потом попросил Харпер включить первую передачу. Когда они выезжали с

парковки возле полицейского участка, Джон высунул руку в окно и дернул шнур колокола: «Блям-блям!» Харпер вспомнила фильм о трамваях Сан-Франциско.

Человек пятьдесят видели их отъезд, и, похоже, ни один не заинтересовался всерьез. Кто-то из полицейских даже приветственно поднял кепи. Харпер поискала глазами Джейкоба, но его уже не было в кабине «Фрейтлайнера», и в толпе она его тоже не нашла.

– У вас собственная пожарная машина, – сказала она.

– В мире, где пожары полыхают на каждом шагу, она на удивление неприметна. И вы представить не можете, как бывает кстати шестидесятифутовая лестница.

– Я-то могу. Мало ли, вдруг потребуется вытащить ребенка с третьего этажа больницы.

Он кивнул.

– Или поменять лампочку высоко-высо-о-око. Двинете еще рычаг? На вторую... о, прекрасно.

Он прибавил газу – позади остались костры, дым, запах сгоревших людей и собак.

У воды ночь была хрусткая и ветреная. В пожарной машине на тридцати милях в час Харпер чувствовала себя как на Северном полюсе.

Джон включил «дворники» – они размазали пепел по стеклу серыми полосами.

– Пьепьел, – сказал Джон. – Только посмотрите. Тем, что налипло на стекло, можно заразить чуть ли не весь Род-Айленд.

Они ехали сквозь ночь.

– Пепел, – сказала она. – Это все пепел. Вот почему я не заразила Джейкоба. Болезнь не передается от человека к человеку. Нужно коснуться пепла.

– На удивление обычный способ размножения грибков. На третью, пожалуйста. Спасибо. Фермеры Южной Америки жгут зараженный урожай, и воздушные потоки разносят споры грибка на полмира – аж до Новой Зеландии. *Draco incendia trychophyton* ничем не отличается. Ты вдыхаешь споры вместе с пеплом, который защищает их и готовит к размножению, и вскоре грибок захватывает жилое пространство в твоих легких. Можно вас попросить – на четвертую... да, идеально. – Он болезненно улыбнулся. – А я видел,

как вы заразились. В тот день, когда сгорела больница. Я видел, как все вы вдыхаете споры, но предупредить уже было поздно.

Грузовик тряхнуло на выбоине – он не был оборудован амортизаторами, так что пассажиры ощущали каждую борозду, трещину и проплешину на дороге, – и Джон застонал.

– Еще не поздно предупредить остальной мир.

– Что? Думаете, я первый понял, что грибок распространяется с пеплом? Я всего лишь скромный миколог в колледже штата. Точнее, был им. Разумеется, весь процесс давно изучен там, где драконьей чешуей занимаются всерьез. Где бы это ни было.

– Нет. Если бы они понимали механизм, то предупредили бы людей.

– Может, и предупредили... в тех частях страны, где не воцарился хаос и не правят мертвые. Но ведь мы – с подветренной стороны. От остальных. Северо-Американское воздушное течение несет все в нашу сторону. Кто не болен сегодня – заразится завтра или через год. Думаю, в пепле споры могут ждать носителя очень долго. Тысячи лет. Или миллионы.

Грузовик снесло к левой обочине. Край капота срезал почтовый ящик, отправив его в ночной полет. Харпер вцепилась в руль и помогла Джону вернуть машину на середину дороги.

Джон, дрожа, провел языком по сухим губам. Казалось, не он ведет грузовик, а грузовик – его, и Джон цепляется за руль, как за спасательный круг.

– И действительно, потрясающий жизненный цикл, если вдуматься. Пепел заражает носителя, который в конце концов сгорает заживо, производя новый пепел, чтобы заражать новых носителей. Вот сейчас существуют зараженные и здоровые. Но через несколько лет останутся только больные и мертвые. Останутся только научившиеся жить с драконьей чешуей и те, кто сгорел... от собственного ужаса и невежества.

Он протянул руку во тьму и принялся звонить в колокол – так громко, что у Харпер разболелись уши и заломило зубы. Машина приближалась к повороту. Харпер хотела попросить притормозить, хотела сказать: «Тише, Джон, пожалуйста», – когда он, морщась, повернул рулевое колесо, сворачивая с Литтл-Харбор-роуд.

Пожарная машина влетела на занесенную снегом дорожку к лагерю и легко проскочила между двумя камнями на въезде. Харпер разглядела девочку лет пятнадцати – сегодня она дежурила в автобусе. Заслышав колокол Джона, она вышла опустить цепь и пропустить машину.

– Давайте третью скорость, сестра Уиллоуз... блестяще.

Джон покачивался на сиденье, пока машина, замедляясь, взбиралась на склон. Харпер принялась составлять в голове список – что делать в первую очередь, когда они с Джоном доберутся до лазарета. Нужны бинт, марля, адвил, ножницы, перевязь для руки, давящие повязки, пластиковая шина. Не считая адвила и бинта, неизвестно, сколько чего в наличии. Машина взобралась на холм...

...и поехала дальше прямо. Церковь осталась по левую руку. Из-под шин брызнул искристый снег.

– Вы пропустили поворот к лазарету, – сказала она.

– Мы не едем в лазарет. Я не могу находиться вне дома всю ночь. Огонь погаснет.

– И что? Мистер Руквуд, вы несете чушь. У вас трещина в ребрах, вывих или перелом запястья – а возможно, еще и трещина в локтевой или лучевой кости. Если вы хотите поправить здоровье...

– Боюсь, давно прошли времена, когда я хоть что-то мог поправить, сестра Уиллоуз.

Машина, замедляясь, стуча и покачиваясь, миновала просеку среди пихт и докатилась до лодочного сарая. Джон с усилием повернул руль, притормаживая, заехал в сарай и остановил грузовик на бетонном полу среди полок с байдарками и каноэ.

Пожарный повернул ключ, и они оказались в холодной, молчаливой тьме. Потом он подался вперед и уперся лбом в руль.

– Я должен перебраться через воду, сестра Уиллоуз, – сказал Джон, не глядя на нее. – *Должен*. Пожалуйста. Вы сказали, что хотите помочь мне. Тогда помогите вернуться обратно на остров.

Харпер вылезла и обошла грузовик, чтобы помочь Джону выбраться из кабины.

Здоровой рукой он обхватил Харпер за плечи и с ее помощью спустился – сначала на подножку, потом на землю. Его бледное лицо почти светилось в темноте. Глаза вдруг удивленно расширились. Работая медсестрой, Харпер часто видела такие взгляды. Боль

накатывает внезапно и порой вызывает у раненого такое удивление, словно он увидел летающего мага.

Они, прихрамывая, двинулись по белому блестящему снегу, вцепившись друг в друга и шаркая по-стариковски.

На берегу ждала гребная шлюпка с приготовленными веслами. Больше ни одного каноэ – и ни следа отца Стори и остальных. Впрочем, их не стоило ждать еще, пожалуй, час. Примерно столько они потратили на дорогу к пруду Саут-Милл, и при этом не нужно было бороться с туманом.

Дымка стояла над водой, закрывая горизонт. До островка Джона было не больше трех сотен футов (при низком отливе можно перейти вброд), но сейчас он исчез из виду.

– Надеюсь, они сумеют найти дорогу в тумане, – сказала Харпер. – И сообразят, что я уехала с вами.

– Отец Стори знает дорогу, – ответил Джон. – Он вдоль этого берега ходил на веслах, еще когда вы были ребенком. А то и раньше. И он, конечно, понимает, что я вас не оставлю в беде. – Пожарный словно забыл, что если бы не Харпер, то в беде остался бы именно он.

Джон осторожно перелез на нос лодки, Харпер столкнула шлюпку с берега и забралась на корму. Сев на банку, она взялась за весла.

– Гребите, – сказал Джон. – Вези нас через Лету, перевозчик. Перевозчица. Перевозчица. – Он засмеялся. – Allons-y!

Джон потянулся за масляной лампой, поставил ее на дно лодки между банками, поднял стекло и погладил фитиль пальцем. Появился язычок голубого пламени. Джон бросил взгляд на Харпер: видит ли она. Даже в болезненном состоянии он не переставал форсить.

Весла лязгали в уключинах. Харпер чудилось, что лодка скользит не по морю, а по небу, сквозь невероятных размеров облако. Они рассекали туман, который закручивался светящимися перьями.

Харпер все еще вглядывалась в бледные, холодные волны тумана, пытаясь разглядеть остров, когда лодка ткнулась в берег, резко остановившись.

– Я полагал, что придется чуть намокнуть, когда будем вылезать, но и представить не мог, что мы утонем в грязи, – сказал Джон. – Идите за мной, след в след.

Он перекинул одну ногу через борт лодки, прежде чем Харпер успела приблизиться, и завалился на бок. Лампа вылетела у него из

рук, разбилась где-то в темноте и погасла. Джон закричал от боли, потом засмеялся – дурным, пьяным гоготом, который и напугал, и разозлил Харпер.

Она выпрыгнула из лодки и увязла по щиколотки в приливной грязи – словно наступила в холодный, липкий пудинг. Харпер потеряла один ботинок, пробираясь через вязкий ил к Пожарному. Второй она потеряла, помогая Джону выбраться на твердую почву. Ил с жидким чавканьем стянул ботинок с ее ноги – дальше пришлось идти босиком.

Они с трудом добрались до сырого, плотного песка. Харпер заметила сарай – на бледно-зеленой стене белела дверь, – и они двинулись туда.

– Вам надо будет вернуться и затащить лодку повыше. – Джон поднял задвижку и прижался к двери плечом. – Иначе начнется прилив и утащит ее.

Глаза постепенно привыкли к сумраку. Харпер разглядела койку; одежду на веревке; стопки покоробленных книг – похоже, они не раз намокали и просыхали. Серебряный туманный свет струился в два световых люка; других окон не было.

У дальней стены мастерской – для небольшой комнаты больше всего подходило именно это слово – на металлических подставках лежала большая железная бочка. У папы была такая же во Флориде, во дворе; с ее помощью он поджаривал свиные лопатки для пикников. К одному концу бочки была приварена дымовая труба, выведенная через стену.

С торца в бочку была вделана сдвигающаяся заслонка. Рядом с самодельной печью были сложены в аккуратные кучки плавник – выброшенные прибором куски дерева, – и морская трава. Джон отпустил Харпер, сделал, пошатываясь, несколько шагов по полу из узких деревянных планок и остановился у печки. Он взглянул на странные сине-зеленые языки пламени.

– Я пришел, родная, – сказал он углям. – Я дома.

Джон взял несколько сухих веток и положил в печь, при этом его руки окунулись в пламя по запястья. Потом он отошел, держась за бока. Его пустые стеклянные глаза продолжали смотреть в печь. Он пятился так до узкой койки и, оперевшись в нее голеньями, сел.

Харпер помогла ему лечь и начала расстегивать пуговицы на рубашке Джона. Он смотрел мимо нее на полную огня бочку. Чем-то

она притягивала его.

– Закройте печку, – прошептал он.

Харпер не обратила внимания на его слова и отстегнула подтяжки.

– Рубашку нужно снять.

– Пожалуйста, – сказал он и слабо рассмеялся. – Она может увидеть и неправильно поймет.

Харпер приложила ладонь к его щеке. Лихорадочный жар не удивил ее. Она задрала его рубашку и начала ее стягивать. Освободить левую руку не составило труда, но когда Харпер потянула правый рукав, Джон коротко ахнул – то ли всхлипнул, то ли засмеялся.

Правый локоть распух и был ужасного лилового цвета с почти черными пятнами.

– Согнуть можете? – спросила Харпер.

Пожарный закричал, когда она нежно приподняла его руку, сгибая локоть, и осторожно провела большими пальцами вдоль кости. Переломов нет, но мягкие ткани набухли и уплотнились, связки порвались на отдельные пучки. Запястье – еще хуже, чем локоть, опухло так, что сравнялось по толщине с икрами, и покрыто густыми синяками.

Одной рукой она взяла его за ладонь, другой обхватила предплечье. Она стала поворачивать запястье, ища подвывих. Одна косточка – полулунная – двигалась отдельно от прочих, явно находясь не на месте.

– Все плохо? – спросил Джон.

– Ничего серьезного, – ответила Харпер.

Кость надо вернуть на место, и чем раньше, тем лучше. Она положила большие пальцы ему на запястье. Пот выступил на белом как бумага лице Джона.

– Послушайте, – сказал он. – Вы ведь не сделаете со мной ничего ужасного?

Она виновато улыбнулась и *нажала*. Полулунная кость втиснулась на место с мокрым щелчком. Джон содрогнулся и закрыл глаза.

Харпер осмотрела его правый бок, разукрашенный неестественными заплатами синяков. Провела пальцами по ребрам. Перелом. И тут. И еще один. И четвертый.

– Харпер, – выдохнул он. – Похоже, я могу отключиться.

– Это не страшно.

Но он оставался в сознании. Пока. Он сторбился на краю матраса, беспомощно дрожа, прижимая покалеченную руку к истерзанному боку.

Нужна была перевязь. Харпер поднялась и стала рыться в грудe хлама у кровати. В большой коробке нашлись грязные тарелки фрисби, теннисные мячи, крокетные воротца и молотки. Все, что угодно, для послеобеденных развлечений. За коробкой торчал большой спортивный лук, знававший лучшие времена, а дальше – ага! Полотняный колчан, в котором торчали несколько потрепанных больших стрел с ободранным оперением. Харпер вывалила стрелы на пол. Еще минута поиска – и вот они, садовые ножницы.

Харпер вспорола колчан снизу доверху, развернув полотно. Потом отрезала ремень. Когда Харпер вернулась к кровати, Джон лежал поперек матраса на левом боку. Он еще вздрагивал, но редко. Веки опустились.

Харпер уложила его правую руку в самодельную перевязь – осторожно, чтобы лишний раз не потревожить запястье или локоть. Пожарный несколько раз судорожно вздохнул, но больше не издал ни звука. Когда рука заняла свое место в распоротом колчане, Харпер подняла ноги Джона и уложила на матрас, а потом накрыла одеялом.

Подтыкая одеяло, она была уверена, что Джон уже заснул, но он прошептал:

– Закройте дверцу, пожалуйста. Надо беречь тепло. Тогда огонь не прогорит слишком быстро.

Харпер поправила локон каштановых волос на его потном виске и прошептала:

– Хорошо, Джон.

Она подошла к печке, но не торопилась задвигать дверцу, замороженная странными, переливчатыми оттенками пламени внутри: она видела вспышки нефритового и розового цветов. Харпер смотрела на огонь почти полминуты в каком-то умиротворенном трансе и уже готова была закрыть дверцу... когда увидела *ее*.

На мгновение в пламени появилось лицо: женское лицо с большими, удивленными, широко расставленными глазами и правильными чертами классической статуи, очень похожее на лицо Алли, только полнее, старше и печальнее. Губы приоткрылись, словно

она собралась говорить. Не галлюцинация; не плод воображения; не причудливый отблеск танцующего огня. Лицо из пламени долго глядело на Харпер – можно было сосчитать до пяти.

Харпер хотела закричать, но воздуха не хватало. Когда она снова обрела возможность дышать, женщина, явившаяся в огне, исчезла.

Харпер отступала, следя, не выкинет ли пламя новых чудес. О том, чтобы задвинуть дверцу, уже и думать не хотелось. Харпер обернулась к Джону – спросить, что она видела, спросить, что за *чертовщина* творится в печке, – и увидела, что он спит. Во сне он тихо, напряженно присвистывал.

Харпер чувствовала, что и сама истощена до невозможности. Слабость отдавалась сухой, жгучей болью во всех суставах. Она устроилась в мягком кресле с обветшалыми льняными подушками, так, чтобы видеть огонь, – и заметить, если там появится что-нибудь еще.

Языки пламени трепетали и струились, творя древнее гипнотическое заклятие, отнимая волю и способность мыслить. Взамен они дарили тепло, приятное и уютное, как старое стеганое одеяло. С одной стороны, Харпер боялась, что та женщина опять раздвинет кроваво-красные занавеси пламени и взглянет на нее. А с другой – хотела увидеть ее снова.

Видимо, на какое-то время Харпер прикрыла глаза.

Разбудил ее крик – тихий всхлип боли или ужаса. Харпер не знала, сколько времени прошло – может, минута, может, час, – и не знала, был ли крик настоящим или приснился ей. Она подождала, но больше ничего не услышала.

Огонь почти прогорел, и Харпер наконец вспомнила, что Джон просил ее закрыть печь. Усилием воли Харпер поднялась и задвинула стальную дверцу. Потом снова села и какое-то время дрейфовала в нейтральной зоне между сном и бодрствованием. Она чувствовала себя свободной и послушной воле волн, как пустая лодка в пустом море; было легко ощущать, но тяжело думать; и вдруг Харпер окончательно и бесповоротно проснулась. Лодка. Джон предупреждал,

что нужно вытащить ее дальше на берег, или они окажутся отрезанными от суши.

Страх потерять лодку подбросил Харпер на кресле и заставил встать. Остатки сонной паутины унесло, едва Харпер ощутила первый шершавый удар соленого ветра в лицо.

Уже был близок рассвет, туман светился от первых лучей солнца жемчугом и шелком. Ветер раздирал его на серебряные полосы, и сквозь прорехи в ткани тумана виднелся противоположный берег.

Три каноэ были вытащены из воды на снег. Значит, все вернулись живыми. Еще одну лодку тащил по песку Ник. Харпер поразила – кто же отправил маленького мальчика в одиночку перетаскивать лодки в сарай. В такой ранний час ему положено быть в постели.

Харпер махнула рукой. Едва заметив ее, Ник бросил свое занятие и замахал в ответ, отчаянно передавая обеими руками универсальные знаки отчаяния. И Харпер наконец поняла, почему вся эта картина сразу показалась ей странной. Ник был одет не по погоде: только черный шерстяной свитер и тапки. И еще: он тащил каноэ не к сараю, а вниз, к воде. Никто не посылал его убирать лодки. Он пришел искать Харпер.

Через два шага Харпер снова оказалась по щиколотку в соленой, вонючей грязи. Где-то в трясине теперь покоились и ее ботинки. Харпер не собиралась их искать, она толкнула лодку на воду и запрыгнула.

Ник подждал ее у причала с веревкой. Привязав лодку, он схватил Харпер за руку. Будь он достаточно большим и крепким, втащил бы Харпер на сосновые доски, как рыбака – свой улов.

Харпер порывалась бежать, но Ник не пускал, вцепившись в ее руку, пока они поднимались по крутому склону. Он хрипло дышал. Харпер не поспевала за мальчиком, хрупая по насту босыми ногами.

– Стой, – сказала Харпер и притянула Ника к себе, словно хотела отдышаться – хотя на самом деле хотела, чтобы отдышался он. – Можешь написать? Что случилось, Ник?

Харпер отпустила руку Ника, чтобы изобразить, что пишет, водя невидимым карандашом по листу тумана. Но Ник отчаянно затряс головой и побежал, даже не попытавшись увлечь за собой Харпер.

Туман медленно катился мимо стволов красных сосен, тек, словно призрак великого потопа, по земле, обратно к морю.

Харпер бегом последовала за Ником в сторону лазарета; у ступенек он все же остановился, чтобы дождаться ее. За его спиной стояла его тетя, в тонкой фланелевой пижаме и тоже босая.

– Мой отец... – Кэрол говорила так прерывисто, между всхлипываниями, словно это она, а не Харпер пробежала полмили в гору по снегу. – Мой отец. Я молилась, молилась, чтобы вы вернулись – и вы здесь. Сейчас же скажите, что спасете его, вы должны.

– Сделаю все, что смогу, – ответила Харпер и, взяв Кэрол за локоть, развернула ее в сторону лазарета. – Что произошло?

– Он истекает кровью, – сказала Кэрол. – И говорит с Богом. Когда я уходила, он молил Бога простить его убийцу.

14

В палате было слишком много народу. Кэрол и Харпер пришлось протискиваться через толпу – там были Алли, сестры Нейборс, Майкл и другие дозорные. Некоторые держались за руки. Майкл разделся до пояса, и на груди блестела кровью и потом влажная полоса. С опущенной головой, закрытыми глазами и шевелящимися в беззвучной молитве губами, он был похож на искателя Эры Водолея в парилке. На полу сидела, обхватив колени, девочка и беспомощно рыдала.

Свечи горели на полках и вокруг рукомоиника, но все равно комната была еле освещена. Тома Стори уложили на раскладушку. В тени его фигура напоминала пальто, брошенное поверх простыней. У изголовья стоял Дон Льюистон.

– Молодые люди, – сказала Харпер, как будто годилась по возрасту в бабушки Алли и Майклу, а не была двадцатилетней женщиной, окончившей институт всего четыре года назад. – Спасибо вам. Спасибо за все, что вы сделали. – Она понятия не имела, что они сделали, но это не важно. Их легче будет спровадить, если они почувствуют, что их важный вклад оценен, если поверят, что все изменили. – Теперь вынуждена попросить всех выйти. Нам нужен воздух и покой.

Алли явно плакала. На горящих щеках остались полосы – следы слез. Маска Капитана Америки, грязная и мятая, висела на шее. Алли

испуганно кивнула Харпер и ухватила Майкла за руку. Они вдвоем повели остальных в приемный покой, без единого слова.

Харпер придержала Майкла за плечо и тихо попросила:

– И Кэрол уведи. Пожалуйста. Скажи ей, что хочешь спеть с ней. Скажи, что Ник расстроен и ему нужна его тетя. Скажи что угодно, но *убери ее из палаты*. Ей не надо здесь находиться.

Майкл чуть заметно кивнул и позвал:

– Мисс Кэрол! Идемте петь с нами. Поможете нам петь для отца Стори?

– Нет, – ответила Кэрол. – Я должна быть с отцом. Я нужна ему. Он должен знать, что я с ним.

– Он будет знать, – сказал Майкл. – Мы будем петь вместе и позовем его в Свет. Если хотите, чтобы он знал, что вы рядом, так и сделайте. Если вы позовете его в Свет, он будет знать, что вы рядом, и не будет чувствовать страха и боли. Там нет боли. Это единственное, что мы можем сейчас сделать для него.

Кэрол била нервная дрожь. Видимо, она была не в себе.

– Да. Да, Майкл, наверное, ты прав. Наверное...

Отец Стори позвал их голосом ласковым, но напряженным, словно он до этого слишком много говорил и сорвал горло:

– Ах, Кэрол! Когда ты поешь, я так тебя люблю, что сердце разрывается. – Он засмеялся саркастическим смехом – совсем не похожим на смех Тома Стори. – Твоя последняя песня разбила мое сердце, как окно! И это хорошо! Ведь через грязное стекло плохо видно.

Кэрол застыла, глядя на него; на лице появилось выражение боли и удивления, словно кто-то ударил ее ножом.

Дон Льюистон, подложив ладонь под голову отца Стори, прижимал белый ватный тампон к ране. Свернутая фланелевая рубашка Майкла лежала на подушке, фланель уже пропиталась кровью.

Глаза отца Стори были широко раскрыты, но смотрели в разные стороны – один вниз и влево, другой уставился на мыски ботинок. Отец Стори ухмыльнулся с некоторым лукавством.

– Тысяча молитв каждую минуту по всей Земле – и что говорит в ответ Бог? Ничего! Потому что тишина никогда не лжет. Тишина – решающее преимущество Бога. Тишина – чистейшая гармония.

Каждый должен попробовать. Положи в рот камешек, чтобы не врать. Положи камешек на язык, чтобы не сплетничать. Похорони лжецов и нечестивцев под камнями – пусть перестанут говорить. Тяжелыми камнями, аллилуйя. – Он сделал еще глоток воздуха и прошептал: – Дьявол явился. Я видел его сегодня. Он явился из дыма. А потом моя голова треснула и теперь полна камней. Тяжелых камней, аминь! Берегись, Кэрол! Лагерем правит дьявол, а не ты. И он не один. Многие служат ему.

Кэрол уставилась на отца, пораженная ужасом. Отец Стори облизнул губы.

– И его привел я. Я называл слабость добротой, я лгал вместо того, чтобы положить камень в рот. Я сделал худшее, что может сделать отец. У меня была любимица. Мне так жаль, Кэрол. Пожалуйста, прости меня. Я всегда больше любил Сару. Так что правильно и справедливо, что теперь я отправляюсь к ней. Дай мне еще камень. Тяжелый камень. Я все сказал, аминь.

Он длинно и сонно выдохнул и замолчал.

Харпер посмотрела в глаза Кэрол.

– Он не понимает, что говорит. У него субдуральная гематома. И он бредит – из-за высокого внутричерепного давления.

Кэрол посмотрела на нее неузнавающим взглядом, как будто они с Харпер никогда не встречались.

– Это не бред. Это откровение! Он делает то, что делал всегда. Указывает нам путь. – Кэрол, не глядя, потянулась и вцепилась в руку Майкла, сплетя его пальцы со своими. – Мы будем петь. Будем петь и звать его в Свет. Мы дадим ему столько света, чтобы хватило найти дорогу к нам. А если он не сможет вернуться... если он должен уйти... – У Кэрол перехватило горло. Она кашлянула, плечи содрогнулись. – Если он должен уйти, наши песни будут вести и утешать его.

– Да, – сказала Харпер. – Прекрасная мысль. Ступайте и пойте для него. Ему нужна ваша сила. И пойте для меня, потому что мне тоже нужна ваша сила. Я попытаюсь помочь ему, но мне страшно. И вы очень поможете мне самой, возвысив голоса для нас обоих.

Кэрол еще раз восхищенно посмотрела на Харпер, потом привстала на цыпочки и поцеловала в щеку. Наверное, в последний раз

она проявила доброту к Харпер. Потом скользнула за занавеску и ушла, уведя остальных.

Дон Льюистон тоже собрался уходить и спустил рукава, чтобы застегнуть манжеты.

– Но не вы, Дон, – сказала Харпер. – Оставайтесь. Вы мне нужны.

Она обошла койку, сменив Дона Льюистона у подушки отца Стори. Осторожно, двумя ладонями приподняла его голову. Седые волосы пропитались кровью. Харпер нащупала место за правым ухом, куда его ударили, – теплую мокрую шишку; и вторую, повыше – туда, видимо, пришелся второй удар.

– Как это случилось? – спросила она.

– Не знаю, – сказал Дон. – Я не всю историю слышал. Мики принес его в лагерь – нашел полумертвым в лесу. Думаю, это один из чертовых уголовников. Хотя точно не знаю. Бен с ними работает.

Работает с ними? Что это значит? Не важно. Сейчас не важно.

– А отец Стори ничего не рассказал о том, что случилось?

– Ничего связного. Говорит – это наказание. Это ему за то, что защищал нечестивых.

– Это внутричерепное давление. Он сам не понимает, что говорит.

– Ясно дело.

Она проверила зрачки отца Стори, понюхала губы, без удивления ощутив запах рвоты. Она подумала о том, что предстоит сделать, и сама почувствовала тошноту. Не от возникшей в воображении картины самой операции – давно прошли времена, когда ее мутило от вида крови, – а от мысли, что она может ошибиться.

В приемном покое слышались голоса – дозорные распевались, стараясь попасть в тональность.

– Нужно лезвие – сбрить здесь волосы, – сказала Харпер.

– Есть, мэм. Добуду, – ответил Дон и шагнул к выходу.

– Дон!

– Да, мэм?

– Вы можете раздобыть дрель? Может, в столярной мастерской? Лучше всего электрическую, но вряд ли вы найдете хоть одну с зарядом. Сойдет и ручная.

Дон перевел взгляд с нее на Тома Стори, на его седые волосы, покрытые красной пеной, и обратно.

– Господи Иисусе. Что-нибудь еще?

– Кипяток, чтобы хоть как-то стерилизовать сверло. Спасибо.

Дон не ответил, и Харпер повернулась, чтобы сказать, что это все и он может идти, но Дона в палате уже не было.

В соседней комнате начали петь.

Прохладным, влажным кухонным полотенцем Харпер обтерла удивительно похожее на волчью морду лицо отца Стори, снимая сажу и кровь длинными полосами. Из левого глаза то и дело выкатывалась капля крови и текла к уху. Харпер приходилось каждый раз ее вытирать.

Отец Стори словно внимательно прислушивался к голосам в соседней комнате. Там пели ту же песню, что слышала Харпер, когда впервые появилась в лагере. Люди пели, что они одной крови и у них одна жизнь. Харпер была уверена, что сама не пойдет в Свет – сейчас ей нельзя было ускользать в ослепительное сияние, где все лучше и проще. Нужно оставаться здесь, с умирающим. Но ей очень хотелось, чтобы отец Стори унесся туда, это было бы так кстати – взамен анестетиков и плазмы, которых у нее не было.

Впрочем, его драконья чешуя оставалась холодной – черные завитки и вязь на дряблой коже.

– Бог – хорошая сказка, – сказал он вдруг. – Она мне нравится – а еще нравится про Питера Полено и Венди. Мы читали ее вместе, Сара, когда ты была маленькой.

Перед мысленным взором Харпер возникло чистое, милое лицо в огне. Она взяла Тома за руку.

– Я не Сара, отец Стори, – сказала Харпер. – Я ваш друг, медсестра Уиллоуз.

– Хорошо. Сестра Уиллоуз, у меня к вам серьезный вздор на медицинскую тему. Боюсь, кто-то играет на нас, как на гавайской гитаре. Кто-то придумал новые слова на старые мелодии. А теперь необходимо действовать. Запасы тают.

Она ответила:

– Сначала починим вашу голову. Тогда и займемся воровкой.

– Я не пущу воровку в рот, чтобы она украли мои мозги, – сказал он. – И камни на вкус лучше. Кажется, я стукнулся обо что-то головой и отбил свою тень. Вы пришьете ее или она улетела?

– Мне бы только нитку с иголкой, и станете как новенький.

– Мне хотя бы мозг готовенький, – отозвался он. – А то совсем фиговенько. Знаете, а моя маленькая Сара тоже была та еще воровка. Она обокрала меня – обокрала всех нас. Даже Пожарного. Бедный Джон Руквуд. Он пытался не убить ее. Похоже, он и вас сейчас пытается не убить. Он, наверное, вас любит – вот незадача. Из огня да в... Пожарного.

– Конечно, он не хотел убить ее, отец Стори. Он ее и не убивал. Я слышала, что его даже не было на острове, когда Сара...

– А! Нет. Конечно, нет. Он был просто зрителем. И Ник тоже. Не вините мальчика. Они оба стали невольными пособниками. А она всегда была довольно способненькая. Не получила от одного, взяла у другого. Знаю, что Джон винит себя, но напрасно. Он испепелен за преступление, которого не совершал. Невеста сгорела, публика ревела. Не то чтобы они были женаты. Они так и не поженились. Все пожарные обручены с золой, в конце концов. Слыхали старую дразнилку? «Джон и Сара на дереве сидят и Г-О-Р-Я-Т». – Он замолчал, а потом левый глаз уставился куда-то за плечо Харпер. – Вот она! Моя тень! Быстро! Пришивайте.

Она оглянулась. Темный силуэт появился на зеленой занавеске между палатой и приемным покоем. Вошел Дон Льюистон, неся в одной руке стальное ведро, а в другой – бумажный пакет.

– Уж в такую удачу ни хрена не верил, – сказал Дон. – Нашел-таки, на хрен, электродрель, да с хорошими батарейками. Один парень приехал в лагерь на этой неделе – вот у него в пикапе нашлось. Сверло я прямо в кипяток сунул.

– А бритва? Ножницы?

– Принес, мэм.

– Хорошо. Идите сюда. Отец Стори! Том!

Том Стори сказал:

– Скучали Уилл... оуз?

– Том, я просто хочу чуть-чуть вас постричь. Потерпите.

– Портер пить? Я не любитель пива, но хлебнул бы. *Фо рту* *перехохло.*

Дон Льюистон спросил:

– Вы... чего-нибудь понимаете?

– Дон, я и вас нечасто понимаю. Поднимите ему голову.

В соседней комнате песня завершилась последним гармоничным аккордом. Кэрол что-то пробормотала своей маленькой внимательной пастве. Они теперь проникли глубоко в Свет – даже зеленая занавеска в дверях светилась цветом лайма.

Дон держал голову отца Стори заскорузлыми пальцами, пока Харпер состригала клочья кровавых волос с того места за ухом, куда его ударили. Кожа под волосами оказалась черно-лиловой, как баклажан.

В приемном покое снова запели. Битлы. Солнце встает, долгая одинокая зима закончилась.

Отец Стори оцепенел и заколотил пятками.

– У него эпилептический припадок, – сказала Харпер.

– Он своим же языком подавится, – ахнул Дон Льюистон.

– Это анатомически невозможно.

– Мы его теряем.

Харпер про себя согласилась. Если это не агония, то уже близко. Пена стекала из угла рта. Левая рука вцепилась в простыню, отпустила, вцепилась снова. Правая не двигалась. Харпер взяла Тома за запястье, проверила неровный торопливый пульс.

Песня в соседней комнате поднялась до высокой идеальной ноты, и отец Стори внезапно распахнул глаза – радужки превратились в кольца золотого света.

Он уже не стоял дугой, выгнув спину и упираясь в постель только головой и пятками, а расслабился и улегся на простыню. Пульс начал успокаиваться. Бледно-красные закорючки на его драконьей чешуе запульсировали, побледнели, запульсировали снова.

Он даже почти улыбнулся – уголки губ чуть приподнялись, и веки плотно закрылись.

– Отключился, – сказал Дон. – Боженьки... помогло. Они пением спасли его от худшего.

– Думаю, да. Вставьте сверло, Дон, пожалуйста.

– Мы что – сами?..

– У него осталось совсем мало сил. Если не сейчас, второго шанса не будет.

Она сбрила остатки волос с головы отца Стори, чтобы открыть поврежденную кожу. Главное теперь – не думать. Не стоит представлять, как она убивает его или делает ненароком лоботомию – рука соскальзывает, сверло ныряет вглубь, выбрасывая ошметки мозга.

Дон сунул руку в почти кипящую воду, не выказывая никаких признаков боли, – Харпер подумала, что его руки не чувствительнее пары матерчатых перчаток, – и, достав сверло, стряхнул с него капли. Вставил сверло в новенькую электродрель и нажал кнопку. Дрель жуужжала совсем как электрический венчик для взбивания яиц.

Дон взглянул на почерневший синяк на голове отца Стори и сглотнул.

– Вы ведь не станете просить меня... – начал он, потом спохватился и снова сглотнул. – Рыбы-то я вдоволь наубивал, напотрошил, но... человека... *Томми*... вряд ли я...

– Нет. Не стану. Лучше я сама, мистер Льюистон.

– И то. Вы же делали это прежде...

На вопрос было не очень похоже, так что Харпер решила, что и ответа не требуется. Она протянула руку за дрелью. Сверло дымилось.

– Держите его голову. Не давайте ей шевелиться, пока я оперирую, мистер Льюистон, – сказала Харпер командным тоном – и сама не узнала свой голос.

– Да, мэм.

Он обхватил пальцами голову отца Стори, приподняв ее с подушки.

Харпер осмотрела дрель, нашла колесико управления мощностью и повернула его на максимум. Нажала на кнопку – попробовать. И испугалась: сверло расплылось хромовым пятном, вибрация отдалась по всей руке.

– Жалко, что свет у нас тут хреновый, – сказал Дон.

– Жалко, что доктор тоже хреновый, – отозвалась Харпер, нагнулась и приставила жало сверла к черепу отца Стори, в двух дюймах от правого уха, где был самый ужасный синяк.

Нажала на кнопку.

Сверло мигом сжевало тонкий слой кожи, превратив ее в склизкие овсяные хлопья. Кость задымилась и заныла под сверлом. Харпер давила медленно, постепенно. Пот заливал ей лицо, но Дон был занят, удерживая голову Тома, и нельзя было попросить его вытереть лоб.

Капелька пота повисла на ресницах; когда Харпер моргнула, глаз защипало.

Кровь текла из отверстия в черепе по канавкам сверла. Харпер некстати представила, как ребенок сосет красный «кул-эйд» через забавную соломинку.

Не открывая глаз, отец Стори произнес:

– Так лучше, Харпер. Спасибо.

Потом замолк и больше не разговаривал – два месяца.

Книга четвертая

Ковбой Мальборо

1

Из дневника Гарольда Кросса:

«18 ИЮНЯ.

ДЕВКИ В ЭТОМ ЛАГЕРЕ – КУЧКА ШАЛАВ-ЛЕСБИЯНОК. И ЕСЛИ ОНИ ВСЕ СГОРЯТ ЗАВТРА, Я ДАЖЕ НЕ ПЕРНУ ДЫМОМ.

ИЗ САН-ФРАНЦИСКО СООБЩИЛИ, ЧТО У НИХ НА БАЗЕ ПРЕЗИДИО 2500 ЖИВЫХ ЧЕЛОВЕК, У КОТОРЫХ ЧЕШУЯ, И НИКТО НЕ ГОРИТ. НАСРАТЬ. ЗАВТРА СДЕЛАЮ ОБЪЯВЛЕНИЕ В ЦЕРКВИ. КТО-ТО ДОЛЖЕН СКАЗАТЬ ЭТИМ НЕВЕЖДАМ, ЧТО НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ХОДИТЬ НА СЛУЖБУ В СВЯТУЮ ЦЕРКОВЬ ПРЕПОДОБНЫХ ЛОБКОВЫХ ВОЛОС КЭРОЛ СТОРИ, ЧТОБЫ ВЫЖИТЬ. ЛЮБОЙ ВЫБРОС ОКСИТОЦИНА СКАЖЕТ ЧЕШУЕ, ЧТО ОНА НАШЛА НАДЕЖНОГО НОСИТЕЛЯ.

ЕСЛИ ХОТЬ ЕЩЕ РАЗ УСЛЫШУ «АНГЕЛЫ В НЕБЕСАХ» ИЛИ «СВЯТУЮ ХОЛЛИ», СРАЗУ СБЛЮЮ. СПОРЫ МОЖНО УСПОКОИТЬ, ЕСЛИ ВСЕМ ДРОЧИТЬ ВКРУГОВУЮ. ВСЯ ОБЩИНА В КРУЖОК, МИЛАЯ РУЧКА КЭРОЛ ПРЯМО НА МОЕМ СТВОЛЕ. ЕЕ ПАПА МОЖЕТ УБЛАЖАТЬ ЕЕ, ПОКА ОНА УБЛАЖАЕТ МЕНЯ – ИМЕННО ЭТОГО ЕЙ НА САМОМ ДЕЛЕ И НЕ ХВАТАЕТ.

ЗА НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ НЕ НАПИСАЛ НИ ОДНОГО СТИХА. НЕНАВИЖУ ЭТО МЕСТО».

2

Харпер прочитала одну страницу в блокноте Гарольда наугад, пролистнула еще несколько. Рисунки сисек и писек, надписи жирными буквами – «**ШЛЮХИ ТВАРИ СУКИ ШАЛАВЫ**». Харпер не встречалась с ним, но вполне могла понять, каким человеком был

Гарольд Кросс. Сборник стихов мистера Кросса, наверное, прекрасно смотрелся бы на одной полке с «Плугом разрушения».

Харпер вернулась к записи от 18 июня и уперлась взглядом в предложение: «ЛЮБОЙ ВЫБРОС ОКСИТОЦИНА СКАЖЕТ ЧЕШУЕ, ЧТО ОНА НАШЛА НАДЕЖНОГО НОСИТЕЛЯ». Захлопнув дневник, она шлепнула им по бедру и убрала в ящик... а потом достала снова.

Подвесной потолок состоял из белых плит прессованных опилок. Пришлось встать на стул, чтобы достать до него. Харпер сдвинула одну плиту и запихнула в щель блокнот. Этот тайник, конечно, похуже анатомической модели головы, но пока сойдет.

Она и сама не знала, от кого прячет блокнот. Наверное, решила, что сам Гарольд неспроста прятал его – а значит, кто-то хочет наложить на дневник лапу, если сумеет.

Ставя стул на место, Харпер заметила кровь на костяшках пальцев правой руки. Кровь Тома Стори. Харпер смыла ее ледяной водой, наблюдая, как розовые струйки убегают в сток, раскрашивая раковину веселыми полосками рождественских карамельных тростей.

Отец Стори лежал на спине; верхнюю часть головы укутывал чистый белый бинт. Через пыльные окна наверху лились молочные солнечные лучи. Дневной свет казался изможденным, как и сам отец Стори. Однако простыня была подтянута к подбородку, а не закрывала лицо. Отец Стори пережил ночь. И это вовсе не мелкая победа.

Харпер ослабела от усталости, но ребенок не позволял ей спать. Ребенок был голоден. И хотел он большую миску теплой манной каши с маслом и кленовым сиропом. Сначала есть, потом спать.

Шагая над снегом по качающимся сосновым доскам, по колено в тумане, Харпер старалась припомнить, что ей известно про окситоцин. Его называют «гормон объятий» – он вырабатывается, когда мать держит дитя на руках, – вырабатывается и у матери, и у ребенка. Харпер вспомнила, как ползла в задымленной водопропускной трубе и пела ребенку, которого еще не видела; и как успокоилась чешуя.

Мозг выдает дозу окситоцина, когда тебя обнимают, когда тебе аплодируют, когда поешь в гармонии с кем-то и поешь хорошо. Больше всего окситоцина производится при активном общении. Можно получить дозу и от поста в Твиттере или Фейсбуке. Когда множество людей делают перепост твоего высказывания или лайкают фото, они включают новый выброс окситоцина. Так почему не назвать его

«гормон социальных сетей»? Звучит лучше, чем «гормон объятий», потому что... потому что...

Харпер никак не удавалось вспомнить. Было еще что-то про окситоцин, что-то важное, но читала она об этом слишком давно. И все же почему-то, когда она закрыла глаза, воображение нарисовало солдат в форме для пустынной местности и сапогах, с винтовками М-16. Почему? Почему окситоцин заставил ее вспомнить кресты, горящие ночью в Миссисипи?

Кафетерий был заперт снаружи, окна заколочены листами фанеры. Как будто он давно закрыт на зиму. Впрочем, Харпер достаточно наработалась на кухне, чтобы знать, где припрятан ключ, – на гвоздике под ступеньками.

Она вошла в пыльный полумрак. Перевернутые стулья и скамейки стояли на столах. В темной кухне все было убрано.

В духовке Харпер нашла поднос с бисквитами, накрытый целлофаном. В шкафу она взяла бочонок арахисового масла, пошла на другой конец зала за ножом для масла – и чуть не провалилась в люк подвала. Косая деревянная лестница сбегала в темноту, пахнущую землей и крысами.

Харпер нахмурилась, услышав снизу ругань и глухой удар, как будто уронили мешок муки. Застонал мужчина. Харпер зажала полбисквита в зубах и начала спускаться.

Подвал был опоясан стальными стеллажами, на которых стояли пластиковые бутылки растительного масла и лежали мешки с мукой. Дверь, ведущая из подвала в большую холодильную камеру, была приоткрыта, и изнутри пробивался свет. «Эй!» – хотела позвать Харпер, но получился лишь невнятный хрип – из-за сухого бисквита, которым был набит ее рот. Харпер подкралась к массивной двери и сунула голову внутрь.

Заключенные стояли на цыпочках у дальней стены. Они были скованы одними наручниками; цепь, перекинутая через трубу примерно в семи футах от пола, вынуждала обоих стоять с поднятой рукой – они напоминали учеников, пытающихся привлечь внимание учителя.

Одного из заключенных Харпер уже встречала – большой человек со странно желтыми глазами, – но второго увидела впервые. Ему могло быть лет тридцать, а могло и пятьдесят – стройный и неуклюжий, с

высоким лбом, заставляющим вспомнить чудовище Франкенштейна, и шапочкой коротко стриженных черных волос с седыми нитками. Оба были в шерстяных носках и комбинезонах цвета школьного автобуса.

Мужчина, с которым Харпер познакомилась прошлой ночью, улыбнулся, обнажив розовые зубы. Из разбитой верхней губы все еще сочилась кровь. В комнате всюду воняло тухлым мясом. Засохшие пятна крови темнели на бетонном полу под ржавыми цепями, на которых когда-то висели говяжьи туши.

На деревянном стуле с прямой спинкой сидел Бен Патчетт, опустив голову к коленям. Казалось, он пытается сдержать тошноту. На полу стоял фонарь на батарейках, рядом лежало скомканное полотенце.

– Что тут происходит? – спросила Харпер.

Бен поднял голову и посмотрел на нее, словно не узнавая.

– А вы здесь зачем? Вам положено быть в постели.

– Но я тут. – Харпер удивилась собственному холодному и отчужденному тону. Так она разговаривала не с друзьями, а с надоедливыми пациентами. – Эти люди страдают от переохлаждения. Подвесить их на трубу – не тот метод лечения, который я могла бы рекомендовать.

– О, Харп. Харпер, вы даже не представляете, что этот парень... вот этот самый... – Бен махнул пистолетом. Харпер только теперь заметила, что у него в руках оружие.

– Я? – сказал узник с кровавой улыбкой. – Ясно дело, я. Можно сразу сдаваться. Я до усрачки устал висеть на этой гребаной трубе, пока этот козел орет на меня. Я поддался дурному настроению и попытался ударить его пушку своим лицом. Жаль, что вы нас прервали. Я как раз собирался дать ему яйцами по сапогу.

Бен выпучил глаза.

– Все, что я сделал, было самозащитой. – Бен посмотрел на Харпер. – Он сбил меня с ног. И пытался сплясать на моей голове.

– Самозащитой? Ты для самозащиты приволок сюда полотенце с камнями? Знал, что пригодится, как будто тридцать восьмого недостаточно? – Мужчина скривил кровавые губы.

Бен вспыхнул. Харпер раньше никогда не видела, чтобы взрослый так краснел.

Она опустилась на колено и отвернула уголок скомканного полотенца на полу. Внутри было полно белых камешков. Харпер подняла глаза, но Бен не хотел встречаться с ней взглядом. Харпер посмотрела на человека с разбитыми губами.

– Как вас зовут?

– Маззучелли. Марк Маззучелли. Многие зовут меня Мазз. Без обид, дамочка, но если бы я знал, что вы это имели в виду, когда говорили, что спасете нас, думаю, я бы сказал: спасибо, не надо. Я и там, у дамбы, прекрасно помирал.

– Простите. Ничего подобного не должно было случиться.

– В точку, Харпер, – сказал Бен. – Ничего, начиная с того момента, как этот тип решил пробить голову отцу Стори и сбежать. Ребята нашли его, когда он пытался завести одну из наших машин, – весь в крови.

– В старой крови, господи, это была старая кровь. Все же видели – кровь старая. Да и с какой стати мне нападать на вашего отца? Старик только что спас мне жизнь. Ради чего мне убивать его?

– Ради его ботинок, – ответил Бен. – Тех, что были на тебе, когда тебя поймали. Его ботинки и его пальто.

Мазз посмотрел на Харпер обиженными, молящими глазами.

– Этот мужик, этот ваш отец – он сам дал мне ботинки, когда увидел, что я босой. И пальто. Он отдал ботинки, потому что я уже ног не чувал от холода. И такому человеку отплатить камнем по башке? Слушайте, я этому придурку сто раз уже рассказывал. Святой отец и я доплыли раньше остальных. Он был очень добр ко мне. И отдал ботинки и пальто, как увидел, что я дрожу не переставая. Когда мы причалили, он повел меня в лес. Мы прошли, ну, что-то около сотни футов. Он показал на колокольню и сказал, что по этой дороге я за минуту-две дойду до колокольни и там люди мне помогут. А сам, говорит, пойдет обратно, чтобы убедиться, что все добрались благополучно. Я хотел ботинки ему обратно отдать, но он не взял. И... ладно. Послушайте. Я не знаю никого из вас. Я видел колокольню, но заметил и отличный «Бьюик», припаркованный рядом, и подумал: «Черт, может, мне отправиться в другое место, к людям, которых я знаю». Я ничего плохого не хотел. Я не знал, что это чья-то машина.

– Конечно. Не знал, что машина чья-то. В мире полно ничейных машин. Как ромашки на лугу – собирай кто хочет, – сказал Бен.

– В мире полно ничейных машин – теперь, – сказал Мазз. – Потому что человек лишается права собственности на тачку после того, как исчезает в дыму. Сейчас в штате с тысячу машин, на которые никто не претендует.

Харпер шагнула к заключенным. Бен подскочил и схватил ее за запястье.

– Нет. Я не дам вам подойти. Встаньте за мной. Этот парень...

– Нуждается в медицинской помощи. Отпустите руку, пожалуйста, мистер Патчетт.

Он словно содрогнулся от того, что она так официально произнесла его фамилию. А может, от ее тона: холодного, терпеливого, но безликого, спокойно-властного. Бен отпустил ее руку, и на его лице появилось выражение удивленной печали – видимо, он понял, что упускает заодно и контроль над ситуацией. Он мог спорить с Харпер, но не с сестрой Уиллоуз.

Бен взглянул на заключенных.

– Тронете ее – любой из вас – и я пушу в ход не *рукоятку* пистолета, ясно?

Харпер подошла так близко к Маззу, что ощутила его дыхание: металлический запах свежей крови. Она приблизилась, чтобы осмотреть его розовые зубы.

– Зашивать не стоит, – сказала она. – Но я бы приложила холодный компресс к губам. Что с ногами?

– Я их уже давно не чувствую. Гилберту хуже. Гил еле стоит. – Мазз мотнул головой в сторону второго заключенного, который пока не сказал ни слова. – А у меня руки... в наручниках... затекли.

– Сейчас снимем. Мистер Патчетт?

– Нет. Они останутся.

– Можете приковать их еще к чему-нибудь, если считаете нужным, но нельзя оставлять их в таком мучительном положении. Прекратите. Что бы вы ни думали, это не оправдывает такую жестокость.

– Я расскажу вам про жестокость! – закричал Мазз. – Подвесить нас здесь – это еще ерунда! Слушайте, как мне разбили рот. Ладно, заперли с вывихнутой рукой, ладно, еды и воды не дают, прикорнуть – тоже. Но психанул-то я, когда посрать захотел. А он говорит, что рад мне помочь с этим, как только я начну отвечать на его вопросы так, как

ему нужно. Говорит, мне же будет лучше, если из моего рта выйдет наконец что-то полезное. Не хотел его разочаровывать – и плюнул в полицейскую рожу. Он мне врезал. И врезал бы снова, только я двинул коленом ему в живот и повалил на пол. Я что хочу сказать – надрать ему задницу я бы мог и с одной рукой, прикованной за спиной. Буквально.

Бен сказал:

– Тебе лучше заткнуться, пока...

– Пока вы еще раз не ударили пистолетом человека в наручниках, мистер Патчетт? – тихо спросила Харпер.

Бен взглянул на Харпер смущенно и растерянно, как шестиклассник, застуканный над грязными картинками.

– Пока я не выстрелил, – прошептал он. Бен явно не хотел, чтобы заключенный его услышал, но в гулкой металлической комнате хранить секреты было невозможно. – Послушайте, Харпер. Перестаньте. Все было не так. Я приковал их здесь, потому что так проще, а не чтобы мучить их. Полотенце с камнями – только для острастки. А он пытался проломить мне голову. Как отцу Стори. Мне повезло, что я отбилсЯ. Как вы можете верить ему больше, чем мне! Подозреваю, это просто гормоны.

– Мне не важно, кто из вас говорит правду, – сказала Харпер. Она пыталась сдержать гнев в голосе. *Гормоны.* – Я медик. Этот человек ранен и не может оставаться в таком положении. Снимите его с трубы.

– Сниму. Но в сортир он все равно пойдет в наручниках.

Мазз ответил:

– Да пожалуйста. Если обещаешь потом вытереть мне задницу. И сразу предупреждаю, брат, похоже, будет жидковато.

– Так вы делу не поможете, – вмешалась Харпер.

– Понял. Извините, мэм. – Мазз потупил взгляд, но улыбка тронула углы его губ.

– А вы? – спросила Харпер молчаливого. – Гилберт. Вам нужно в сортир?

– Нет, спасибо, мэм. У меня запор. Я не снимал штаны уже несколько дней.

Последовало молчание, а потом Харпер расхохоталась. Не смогла себя сдержать. И даже не могла толком сказать, что тут такого смешного.

– Гилберт. А как ваша фамилия?

– Клайн, но зовите меня Гил. Туалет мне не нужен, но я готов сознаться в любых преступлениях за жратву.

– Не беспокойтесь, – слышался голос Рене Гилмонтон. – Мы не оставим вас голодным, мистер Клайн. И не нужно уголовщины.

Харпер повернулась и увидела Рене в дверном проеме. Та продолжала:

– Впрочем, не знаю, откуда здесь возьмется аппетит. Фу, как воняет. Это лучшее место, что мы можем им предложить?

– Господи, – пробормотал Бен. – Сначала она, теперь вы. Простите, что в нашем странном «Хилтоне» нет комнат, подходящих для неудавшегося убийцы и его подручного. Вы-то что тут делаете? Вам полагается спать. Выходить в дневное время запрещено. Правила не зря писаны.

– Девочки хотят знать, что там с отцом Стори, а в лазарете Харпер не оказалось. Я подумала, что она скорее всего в кафетерии. Я могу чем-то помочь?

– Нет, – отрезал Бен.

– Да, – ответила Харпер. – Этому человеку нужен холодный компресс на лицо, чашка горячего чаю и поход в туалет – не обязательно в таком порядке. Обоим нужно позавтракать. И вы правы, это слишком грязное место для них. В лазарете есть две свободные койки. Мы должны...

– Не обсуждается, – сказал Бен. – Они останутся здесь.

– Оба? Прекрасно. Я к этому и веду. Вы сказали, что мистер Маззучелли напал на отца Стори. Тогда я не понимаю, почему мистер Клайн тоже в наручниках.

– Потому что они оба замешаны. Они уже один раз действовали заодно, чтобы бежать.

– Но как я понимаю, мистер Клайн и близко не был к месту нападения на отца Стори?

Бен смотрел пустым, бесстрастным взглядом.

– Нет. Он был в лодке со мной. Отец Стори и Маззучелли добрались до лагеря первыми. Потом Алли и Майк. Мы с Клайном заблудились в тумане, и я не сразу нашел залив. Потом я заметил мигающий огонь, и мы погребли к нему. Это Алли подавала нам сигналы с берега. Она осталась на берегу встречать нас, а Майкл

отправился вперед. Едва мы вытащили каноэ на берег, как услышали Майкла – он звал на помощь. Мы прибежали к месту происшествия. – Харпер обратила внимание, что Бен рассказывал о случившемся так, будто давал показания враждебно настроенному адвокату. – И нашли Майка, сидящего в снегу рядом с отцом Стори, а вокруг – кровь. Майк сказал, что кто-то убил отца Стори. Но Алли проверила пульс – и оказалось, что он еще жив. Майкл отнес отца Стори в лагерь – и там несколько человек уже держали мистера Маззучелли. Алли заметила, что на Маззучелли ботинки и пальто отца Стори. Тогда началась заваруха. Этим двоим еще повезло, что их не убили.

– Вы так и не ответили на вопрос, почему мистер Клайн тоже признан опасным, – сказала Рене.

Гилберт пояснил:

– Когда все началось, мой товарищ позвал на помощь. Я и помог.

– Он сломал Фрэнку Пендергасту три пальца на правой руке, – сказал Бен. – И ударил Джейми Клоуз по горлу – я думал, трахею раздавит. А Джейми, между прочим, всего девятнадцать, почти ребенок.

– Ребенок схватил разбитую бутылку, – сказал Гилберт почти извиняющимся тоном.

– Я осмотрю их, – сказала Харпер. – Мистер Пендергаст должен был сразу мне показаться.

– Он не хотел отвлекать вас от отца Стори, – сказал Бен. – Дон хорошенько перевязал ему руку тряпками, которые мы нашли.

– Черт подери, – сказала Харпер.

Ран, которые нельзя нормально вылечить из-за отсутствия медикаментов, прибавлялось: внутричерепная гематома, ушиб лица, значительное обморожение, у Джона – растяжения, сломанные ребра и вывихи, теперь осколок кости в запястье. А у нее – йод, пластырь и алказельцер. Она заткнула дыру в черепе отца Стори пробкой и свечным воском, как лекарь семнадцатого века. Да здесь, в лесу, и впрямь семнадцатый век.

Бен продолжал:

– Что бы ни сделал Клайн и чем бы он ни руководствовался, давайте скажем прямо. Мы все знаем, кто ударил отца Стори по голове, и Клайн тоже знает. Он выбрал сторону преступника.

– Он решил не наблюдать из кустов, как линчуют его друга, – сказала Рене. – И это вполне понятно.

Бен посмотрел на Гилберта Клайна и сказал:

– Вполне понятно то, что нужно лучше выбирать друзей. Его приятель чуть не убил человека. Клайн это знал. И мог остаться в стороне. Но он предпочел сам напасть. Хотите возразить, Клайн? Говорите прямо.

– Нет, сэр, – сказал Гилберт Клайн, глядя на Рене. – Тут вот какое дело. Только благодаря Маззу я не помер в тюрьге. И я бы не добрался в дыму до каноэ, если бы не он – я еле ноги переставлял. А он меня почти что нес. И я чувствовал, что права не имею стоять в стороне и ждать, пока его убьют.

– А череп отцу Стори он проломил? – спросил Бен.

Клайн посмотрел на Маззучелли, потом снова на Бена. Лицо оставалось непроницаемым.

– Я об этом как-то совсем и не думал. Я в долгу перед ним.

Голова Харпер до сих пор была занята ранами и обморожениями. И некогда было даже подумать: «А что, если Марк Маззучелли действительно сделал это... действительно ударил отца Стори камнем ради пары ботинок?»

Ударил камнем.

– А у мистера Маззучелли было оружие, когда вы обнаружили, что он пытается сбежать? – спросила Харпер.

– Нет, – ответил Мазз. – Полное гоневе. Никогда оружия не ношу.

– Мы не нашли то, чем он ударил отца Стори, – сказал Бен сдавленным голосом. – Пока не нашли. Найдем.

– Тогда у вас есть нападение, но нет свидетелей, нет оружия, и обвиняемый заявляет, что не виновен, даже после того, как вы пытали его и ударили пистолетом.

– Ну все же не так...

Харпер подняла руку.

– Вы не в суде, и я не судья. У меня нет никаких прав выносить приговоры. *И у вас тоже.* И, на мой взгляд, вы ничего не можете доказать, а пока вина этих людей не доказана, с ними следует обращаться как со всеми остальными в лагере.

Рене подхватила:

– Любопытно, сколько вы собираетесь держать их взаперти и на каком основании – без доказательств преступления. Нужно справедливое расследование. У них есть право на защиту. У них есть право на *права*.

– Я бы с удовольствием посрал прямо сейчас, – сказал Мазз, но его никто не слушал.

– Не знаю, Рене, известно ли вам, – сказал Бен, – но Конституция сгорела в огне, как и весь Вашингтон. И люди в нашем лагере очень не хотели бы обратиться в пепел, мисс Гражданские Свободы.

– Я посылала пожертвования в Американский союз гражданских свобод ежегодно, – кивнула Рене. – Впрочем, это не важно. Я вот о чем. Нам не просто нужно решить – пытался этот человек убить отца Стори или нет. Нужно решить – *как* мы будем решать и *кто* выносит решение. И если мистер Маззучелли будет признан виновным, мы – сообщество – должны выбрать, что с ним делать... И как потом с этим жить. Трудное решение.

– Не думаю, что такое уж трудное. Общество уже сделало выбор. Вы бы это поняли, если бы были там, когда начали бросать камни. Не знаю, чем вы занимались всю ночь, но пропустили все веселье.

– Может быть, я ночью пряталась в лесу, – ответила Рене. – Ждала случая убить отца Стори.

Бен уставился на нее, открыв рот и наморщив лоб, как будто Рене загадала слишком головоломную загадку. Он покачал головой.

– Не стоит острить. Вы не представляете, что Кэрл, Алли и вся толпа сделают с вами, если только подумают...

Бен затих, потом снова заговорил с жесткой улыбкой:

– Дело в том, Рене, что у вас всегда благие намерения. Со всем этим чаем, книгами и чтением для детей вы ужасно безобидная. И как все безобидные люди, вы и малейшего представления не имеете, на что бывают способны другие.

– Как же вы не понимаете, Бен. Я об этом и говорю. Мы *не представляем*, на что способны другие. Никто из нас. Кто может утверждать, что на отца Стори не напал какой-то обитатель лагеря, желавший ему зла? Из того, что известно, легко сделать вывод, что даже у меня могла быть причина желать его смерти и поджидать его среди деревьев с камнем в руке. Кто угодно мог, и, не имея

определенности, мы не можем публично казнить человека. И держать его взаперти тоже не можем.

– Вот тут вы ошибаетесь, Рене. Вы сами себя загнали в угол. Смотрите: вот Марк Маззучелли, у него был мотив и была возможность. Это уже плохо. Но хуже то, что я не могу представить ни единого человека в лагере, который желал бы зла милому старику, принявшему всех нас, давшему нам укрытие и научившему, как защититься от драконьей чешуи. Вот и все. Я не могу представить причины, по которой кто-то другой мог бы желать смерти отца Стори.

И тут Харпер вспомнила, что говорил ей отец Стори в каное.

«Придется кое-кого выгнать, – говорил он. – Кое-кого, кто творил... непростительное».

– А я, – сказала Харпер, – могу представить причину.

Из дневника Гарольда Кросса:

«19 ИЮНЯ.

ПОНОСНИКИ. ТОШНОТВОРНЫЕ БЕЗГРАМОТНЫЕ
ПОНОСНИКИ.

19 ИЮНЯ, ПОЗЖЕ.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ СРАТЧЕТТ ЗАБРАЛ МОЙ ТЕЛЕФОН. И ПРЕЖДЕ, ЧЕМ ВЫКЛЮЧИТЬ ЕГО, ВСЕ СТЕР, ПРЯМО НА МОИХ ГЛАЗАХ. ВСЕ СООБЩЕНИЯ, ПОЧТУ И ЗАПИСИ.

ОНИ НИЧЕГО НЕ ПОНЯЛИ. ДАЖЕ НЕ ПЫТАЛИСЬ ПОНЯТЬ. КАК ТОЛЬКО Я СКАЗАЛ, ЧТО СВЯЗЫВАЛСЯ С ЛЮДЬМИ ВНЕ ЛАГЕРЯ, У НИХ НАЧАЛАСЬ ИСТЕРИКА. ОКАЖИСЬ ТУТ ДЖИМ ДЖОНС С ОТРАВЛЕННЫМ «КУЛ-ЭЙДОМ», ОНИ ВСЕ ВЫСТРОИЛИСЬ БЫ В ОЧЕРЕДЬ ЗА ЧАШЕЧКОЙ. СЕЙЧАС Я ОСТЫЛ И ДУМАЮ, ЧТО ЭТОГО СЛЕДОВАЛО ОЖИДАТЬ.

САМОЕ УНИКАЛЬНОЕ СВОЙСТВО ГРИБКА – ТО, КАК ОН УСТАНАВЛИВАЕТ СВЯЗИ С МОЗГОМ. ДОКТОР СОЛЖЕНИЦЫН В НОВОСИБИРСКЕ ДОКАЗАЛ, ЧТО СПОРЫ ИМЕЮТ ДРЕВОВИДНОЕ СТРОЕНИЕ И ВСТРАИВАЮТСЯ В АРХИТЕКТУРУ МОЗГА. ОКСИТОЦИН СООБЩАЕТ *DRACO INCENDIA TRYSNORNYTON*, ЧТО ОН НАШЕЛ БЕЗОПАСНУЮ СРЕДУ.

ГРИБОК, В СВОЮ ОЧЕРЕДЬ, СТИМУЛИРУЕТ СТАДНОЕ ПОВЕДЕНИЕ, ЧТОБЫ ОХРАНЯТЬ СОБСТВЕННОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ. ТАКОЕ ЖЕ ГРУППОВОЕ МЫШЛЕНИЕ, ЧТО ЗАСТАВЛЯЕТ СТАЮ ВОРОБЬЕВ РАЗВОРАЧИВАТЬСЯ КАК ОДИН. ЧЕШУЯ ТАК МОГУЩЕСТВЕННА, ЧТО МОЖЕТ ВРЕМЕННО ПОДАВЛЯТЬ ДАЖЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ЛИЧНОСТНЫЕ ЦЕННОСТИ. ЧУЖИЕ ИДЕИ СЧИТАЕШЬ СОБСТВЕННЫМИ, НУЖДЫ ДРУГИХ ЛЮДЕЙ ВАЖНЕЕ, ЧЕМ СОБСТВЕННЫЕ, И Т. Д. МЫ И ВПРАВДУ ЖИВЕМ В ЗОМБИ-АПОКАЛИПСИСЕ, ВОТ ТОЛЬКО ЗОМБИ – МЫ САМИ.

И В ЭТОМ ЕСТЬ СМЫСЛ, УЧИТЫВАЯ ПРИРОДУ ОКСИТОЦИНА, КОТОРЫЙ ОБЕСПЕЧИВАЕТ КОМФОРТ ТЕМ, КТО ДЕМОНИСТРИРУЕТ СТАДНОЕ ПОВЕДЕНИЕ. Я НЕ ВХОЖУ В ТУПОЕ ПЛЕМЯ СВЯТОШ, ПОЭТОМУ Я И ДЫМЛЮ ВСЕ ВРЕМЯ И НЕ ПОЛУЧАЮ НИКАКОЙ ХИМИЧЕСКОЙ ПОЛЬЗЫ ОТ ИХ ИДИОТСКИХ ЕЖЕДНЕВНЫХ ПЕСНОПЕНИЙ. ЭТО ЖЕ И ОБЪЯСНЯЕТ, ПОЧЕМУ ВСЕ С ТАКОЙ ГОТОВНОСТЬЮ ВЫКЛЮЧИЛИ МОБИЛЬНИКИ (ДА, ТУПОРЫЛЫЙ СОБРАЛ ТЕЛЕФОНЫ У ВСЕХ, НЕ ТОЛЬКО У МЕНЯ). ЧЕШУЯ ВСЕХ ПОДСАДИЛА НА СОЦИАЛЬНОЕ ОДОБРЕНИЕ.

ХОТЕЛОСЬ БЫ ЗНАТЬ, ПОЧЕМУ ПОЖАРНЫЙ РУЛИТ ЧЕШУЕЙ, А НЕ ОНА – ИМ. НИКТО ДРУГОЙ ТАК НЕ ВЫДЕЛЯЕТСЯ. Я БЫ КОГО УГОДНО УБИЛ, ЛИШЬ БЫ УЗНАТЬ, КАК ОН ПОДЖИГАЕТ ЧАСТИ ТЕЛА И НЕ ОБЖИГАЕТСЯ.

И Я НЕ ЕДИНСТВЕННЫЙ, КТО ХОЧЕТ УЗНАТЬ. Я БЫЛ НА БЕРЕГУ ТРИ ДНЯ НАЗАД И СЛЫШАЛ, КАК ОНИ НА ОСТРОВЕ ОРАЛИ ДРУГ НА ДРУГА. ЧТО БЫ ОН НИ ЗНАЛ, САРЕ СТОРИ ОН РАССКАЗЫВАТЬ НЕ ХОТЕЛ, И КАК ЖЕ ОНА ЯРИЛАСЬ!

ЕСЛИ ОНА ПОРВЕТ ЕМУ ЗАДНИЦУ НА БРИТАНСКИЙ ФЛАГ, КРАНТЫ МИСТЕРУ РУКВУДУ. В ЛАЗАРЕТЕ НЕ ХВАТАЕТ ПОДГУЗНИКОВ. И ЕЩЕ МНОГО ЧЕГО».

Она хлопнула блокнотом по бедру и посмотрела в окно. Гусиным пухом летали снежинки, не зная, что предпринять, – упасть или

подняться. Словно какой-то бог-ребенок встряхнул игрушку – стеклянный шар со снегом и лагерем.

Харпер уже минут пятнадцать как проснулась и все еще не могла понять: утро сейчас или вечер. Рассеянно-сероватый свет укрыл весь мир простыней. Харпер присела на край койки отца Стори. То и дело он издавал внезапный удивленный вдох, словно прочитал ужасную новость в газете. Например, некролог другу. Или собственный.

В одном Гарольд Кросс определенно был прав. В лазарете не хватает подгузников и всего прочего. Дезинфекцию отцу Стори перед трепанацией она проводила, плеснув портвейна, а разбитую руку Джона Руквуда обрабатывала слабой дозой благих намерений. Может, благие намерения и не всегда мостят дорогу в ад, но к высшим стандартам медицинской помощи уж точно не относятся.

Харпер встала на стул и потянулась, чтобы убрать дневник Гарольда за потолочную панель. Краем глаза она заметила какое-то движение. Оглянувшись, Харпер поняла, что у них с отцом Стори этим утром появилась компания.

Ник лежал на ближайшей к двери койке, натянув простыню до подбородка. Черные волосы были взъерошены. Он уставился на Харпер, словно разучился моргать. Должно быть, прокрался, пока она спала, и тихонько улегся на первую свободную койку.

Харпер задвинула дневник с глаз долой, решив вести себя как ни в чем не бывало. Вернув панель на место, она слезла со стула и встала в ногах койки Ника. Потом аккуратно задвигала руками, пытаясь с помощью уже выученных жестов спросить Ника, почему он здесь.

Он достал блокнот и ручку, которые везде носил с собой, и написал: «Живот болит. Алли меня привела. Она все равно шла в *лозорет*, потому что *севодни* у нее тут пост». Харпер присела на койку, взяла блокнот и написала: «Тошнота? Понос?»

Он замотал головой. Скорее всего не отравление, а тревога за отца Стори.

«Что значит – у Алли тут пост?» – написала Харпер и передала Нику блокнот и ручку.

«Она в другой комнате», – накалякал Ник.

Харпер подняла плечи, изображая удивление, и подняла руки ладонями вверх: «Почему?»

«Алли тут для *ахраны*. Тетя Кэрол хочет *абиспечить* безопасность дедушке. Что вы запихнули в потолок?» Не успела Харпер придумать ответ, как Ник продолжил: «Обещаю, я НИКОМУ НЕ СКАЖУ». Харпер улыбнулась. Разумеется, не скажет.

«Кое-какие нужные записи», – написала она; почти правда, если опустить пару подробностей.

«Записи про что?»

«Если не будешь спрашивать про это, – написала она, – я не буду спрашивать, правда ли у тебя болит живот».

Он стукнул себя по лбу подушечкой ладони – наверное, видел жест по телевизору. Харпер не осуждала его. Она и сама подмечала, что постоянно изображает Джули Эндрюс в киноверсии своей жизни. Образцы для подражания диктуют тебе роль.

Пальцами Харпер сказала: «С-П-А-Т-Ъ».

Ник кивнул и сказал: «И вы, ладно?» Сказал в тишине – руки четко двигались в воздухе, словно поворачивая детали невидимой машины.

«Я уйду, – ответила она менее ловкими жестами. – Скоро вернусь».

«Берегите себя», – показал Ник.

Алли в соседней комнате свернулась на койке. Не спала, не читала, а просто лежала, прижав костяшки пальцев к губам. Она моргнула и подняла взгляд. В глазах не сразу появилось осмысленное выражение – она словно не узнавала Харпер.

– Ник говорит, что у тебя тут пост.

– Вроде того. Из-за вас Бен и тетя Кэрол думают, что кто-то в лагере, возможно, собирается убить дедушку. По-моему, бред – всем известно, что это был Мазз, – но не я решаю.

– Решает Бен?

– Он просто делает то, чего хочет тетя Кэрол. А она хочет безопасности для дедушки. Ее нельзя винить. Кто-то же пытался его убить. Тетя Кэрол хочет, чтобы вы тоже оставались тут. Чтобы медик был рядом – если приступ или еще что.

– Я теперь и обедать тут буду?

Харпер пыталась пошутить, но Алли ответила:

– Ага. Она очень расстроилась, что вы вчера уходили найти что-нибудь перекусить, а его оставили одного. У него же могло сердце

остановиться. Или кто-нибудь мог войти и положить подушку ему на лицо.

– Я не могу оставаться здесь все время. На самом деле, мне прямо сейчас нужно уйти. Джон пострадал всерьез, и я отправляюсь к нему на остров. Ему нужны плотная повязка и перевязь.

У Харпер не было в руках ни того ни другого; она надеялась, что Алли не обратит внимания – и она не обратила.

– Нельзя, – сказала Алли. – Даже если бы вам было разрешено выходить из лазарета, сейчас день. Никто не выходит днем.

– Что значит – если бы было разрешено? Кем разрешено, Кэрол? А кто назначил ее главной?

– Мы.

– Кто?

– Мы все. Мы голосовали. Вас там не было – вы спали. Мы собрались в церкви и пели для отца Стори. Пели для всех, кого потеряли, кто учил нас, что делать. Клянусь, я слышала, как они поют с нами. В церкви было всего сто сорок человек, но казалось, что поет тысяча голосов. – Голые руки Алли даже покрылись мурашками от воспоминания. Она обхватила себя. – Я чувствовала, что *спасена*... от всех гадких чувств. Именно это нам было нужно. А потом мы сели, взяли за руки и говорили. Мы говорили о том, что нас еще радует. Мы благодарили. Как перед обедом. И строили планы. Тогда мы и проголосовали за то, что Бен должен получить полную власть по вопросам безопасности. И за то, чтобы тетя Кэрол проводила службы в церкви и занималась ежедневным планированием – раньше это делал отец Стори. Сначала она отказывалась. Говорила, что не может брать на себя новую работу. Что должна присматривать за своим отцом. Мы проголосовали еще раз, и снова все выбрали Кэрол. И тогда она сказала, что мы совершаем ошибку. Сказала, что она не такая сильная, как ее отец. Что он во всех отношениях лучше. Добрее, и мудрее, и терпеливее. Но мы голосовали *третий* раз, и она опять победила, единогласно. Это было смешно. Очень смешно. Даже Кэрол засмеялась. Сквозь слезы.

Харпер вспомнила слова из дневника Гарольда: «ГРИБОК СТИМУЛИРУЕТ СТАДНОЕ ПОВЕДЕНИЕ, ЧТОБЫ ОХРАНЯТЬ СОБСТВЕННОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ. ТАКОЕ ЖЕ ГРУППОВОЕ МЫШЛЕНИЕ, ЧТО ЗАСТАВЛЯЕТ СТАЮ ВОРОБЬЕВ

РАЗВОРАЧИВАТЬСЯ КАК ОДИН», – но ей не понравилась эта мысль, и она ее отбросила.

Алли сказала:

– Наверное, я не должна вас выпускать. В прошлый раз, когда я дежурила в лазарете и не справилась, убили ребенка. – Она усмехнулась совсем невесело.

– А что ты сделаешь, если я пойду? Ударишь беременную женщину?

– Нет, – сказала Алли. – Наверное, просто выстрелю в ногу.

Она ухмылялась, и Харпер чуть не рассмеялась в ответ. Но потом увидела винчестер в углу комнаты.

– Бога ради, зачем тебе ружье? – воскликнула она.

– Мистер Патчетт решил, что дозорные на посту должны иметь ружья, – ответила Алли. – Он сказал, что давно пора было раздать винтовки. Если явится кремационная бригада, небольшая стрельба...

– ...приведет ко множеству смертей. Никто из вас не должен носить винтовки. Алли, некоторым дозорным всего четырнадцать. – Харпер не стала упоминать, что и самой Алли нет еще семнадцати. Мысль о детях, рыщущих по снегу с заряженным оружием, так разгневала ее, что захотелось как следует пнуть Бена Патчетта в рыхлый живот.

– Раздали только старшим детям. – Алли как будто оправдывалась.

– Я пошла, – сказала Харпер.

– Нет. Не надо. Пожалуйста. Давайте подождем темноты, и сможем поговорить с Кэрол. Не выходить в дневное время – пожалуй, самое главное правило в лагере. А стемнеет скоро.

– В такой снегопад, наверное, уже темно.

– Мы сняли доски. Вы оставите следы.

– Ненадолго. Идет снег. Мои следы занесет. Алли. Ты кому-нибудь позволила бы указывать – можно ли тебе идти?

Это был точный удар.

Алли уставилась в синеватую муть с миллиардами алмазных искорок падающего снега. Челюстные мышцы напряглись.

– Черт, – сказала она наконец. – Какая глупость. Не позволила бы.

– Спасибо, – сказала Харпер.

– Вы должны вернуться через два часа, не позже. Не вернетесь через два часа – скормлю вас волкам.

– Если меня не будет через два часа, в любом случае найди Дона Льюистона – просто чтобы проверить состояние отца Стори.

Алли уставилась на Харпер.

– Вы не представляете, какая это хрень. Все дозорные собирались после службы. Бен Патчетт сказал, что многие ставят себя выше благосостояния лагеря и творят что хотят. Сказал, что нужно преподать урок с предостережением людям, которые не желают соблюдать наши правила. Мы все проголосовали и согласились. Мы заключили пакт.

– Пусть мистер Патчетт беспокоится о благосостоянии лагеря, – сказала Харпер. – А я должна беспокоиться о благосостоянии моих пациентов. Если он узнает, скажи, что уговаривала меня остаться, но не смогла остановить. Но он не узнает, потому что я вернусь, не успеешь глазом моргнуть.

– Тогда ступайте, если решили. Пока я не передумала.

Харпер уже взялась за задвижку, когда Алли снова заговорила:

– Хорошо, что вы ему нравитесь. Джон самый одинокий человек из всех, кого я знаю.

Харпер обернулась, но Алли уже не смотрела на нее, она снова свернулась на койке.

Харпер подумала, что добрые слова детей часто так же неожиданны, непредсказуемы и непрошены, как и детская жестокость. Лагерь Уиндем, в конце концов, этой зимой не был ни Хогвартсом, ни островом из «Повелителя мух»; здесь собрались потерянные, обездоленные сироты, дети, готовые отказаться от обеда, чтобы еды хватило другим.

– Я скоро вернусь, – сказала Харпер, свято веря, что говорит правду.

Но вернулась она гораздо позже наступления темноты, и к тому времени все в лагере снова изменилось.

Деревья были похожи на призраки в дымном мире низких туч и падающего снега. Вечер пах сожженными в пепельнице сосновыми шишками.

Давая обещание Алли, Харпер говорила искренне: она собиралась доплыть до острова к Пожарному, проверить его состояние и вернуться. Умолчала только о том, что ей нужно сначала зайти домой, потому что шкаф в лазарете был пуст, и она собиралась пошерстить собственные запасы на предмет необходимых Джону вещей. Если бы Алли узнала об этом, она повалила бы Харпер на пол и села сверху, чтобы не выпускать.

В доме можно было найти и другие полезные вещи, и еще можно было воспользоваться домашним телефоном. Харпер думала, брат и родители будут не против узнать, что она не сгорела заживо. Ужас как хотелось услышать папин голос; она разревется от простого «алло».

Только сегодня отец не скажет ей «алло». И никому она не позвонит из своей уютной гостиной. Харпер остановилась на краю леса, глядя на то, что случилось с ее домом; ее охватил почти благоговейный ужас.

Стена дома, обращенная к улице, обрушилась; от фасада ничего не осталось. Какая-то страшная сила вытащила из гостиной диван и отшвырнула его на край подъездной дорожки. Снег завалил его, но подлокотники были еще видны. Харпер догадалась, что по лужайке разбросано еще много вещей, но все они теперь прятались под сугробами. Вид был такой, словно на дом обрушился смерч.

Харпер перевела дыхание и подумала о той ночи, когда бежала из дома. Она вспомнила громовой треск, от которого дрожала земля. Джейкоб залез в свой «Фрейтлайнер» и проехался снежным плугом по фасаду дома, обрушив крышу на то, что осталось от их совместной жизни.

Несколько бумажных листов зацепились за голые ветви деревьев на опушке. Харпер сняла один: это оказалась страница из «Плуга разрушения». Пробежала глазами первые слова: «Отчаяние лишь синоним осознания, а разрушение то же самое, что искусство», – и отдала бумажку порыву капризного ветра. Слова улетели прочь.

Потрясенная Харпер почти позабыла, зачем явилась сюда, и вышла из леса во дворик, оставляя на снегу следы. Но по дороге прошуршали шины, напоминая об осторожности, и Харпер опомнилась. Она обошла дом с южной стороны, где деревья подбирались совсем близко к стенам. Влажная и блестящая красная ель нависала над снегом, почти касаясь винилового сайдинга.

В медицинском кабинете мозга сестра Уиллоуз – в накрахмаленном медицинском костюме – обращалась к мисс Уиллоуз, на шестом месяце беременности, сидящей в халатике на смотровом кресле: «Да, мисс Уиллоуз, надеюсь, вы будете продолжать заниматься физкультурой. Важно оставаться здоровой и активной, пока ваши занятия приносят удовольствие!»

Харпер ухватила двумя руками за сук футах в четырех от земли, сделала глубокий вдох и качнулась. Маятником она пролетела над двумя ярами снега и, опустив ноги, мыском уперлась в ледяной гравий, опоясывающий дом. Она почувствовала, что скользит назад и может рухнуть на мерзлую землю. Харпер уперлась ногами в ненадежный камень, оттолкнулась от сука и стукнулась о стену – животик спружинил от сайдинга. Маленькая подушка безопасности пришлась весьма кстати.

По узенькой полоске гравия Харпер прошла под карнизами к тыльной стороне дома. Дверь в подвал была заперта, но она вспомнила комбинацию, которую показывал Джейкоб, – «потрясти-пнуть-двинуть плечом-треснуть» – и открыла. Вдохнув стылый спертый воздух, Харпер захлопнула за собой дверь.

Переехав в этот дом, они с Джейкобом переделали подвал в «игровой зал», с баром и бильярдным столом, но ощущение погреба так никуда и не делось. Дешевый шишковатый ковер на цементном полу. Запах медных труб и паутины.

Обрушение дома наверху привело к значительной смене обстановки. Холодильник провалился из кухни и лежал на боку. Дверца распахнулась, открывая приправы и соусы, так и оставшиеся на полках. Провода свисали из дыры над головой.

Бильярдный стол в центре подвала чудом остался цел. Харпер так и не научилась играть. А вот Джейкоб не только хорошо играл, но и мог удерживать кий на одном пальце с тарелкой наверху – еще один из его цирковых трюков. Теперь Харпер полагала, что странно боготворить человека только за умение ездить на моноцикле.

Туристические принадлежности – палатка, портативная газовая плита, масляная лампа – лежали в шкафах у дальней стены, там же хранилась и аптечка. Они всегда любили походы. Единственное воспоминание, по-прежнему гревшее ей душу: они оба балдели от секса в лесу.

Однажды она сильно подвернула лодыжку, когда они путешествовали по Монтане; и Джейкоб радостно тащил ее на закорках последнюю милю до отеля. Вернувшись домой, Харпер первым делом купила аптечку – чтобы в следующий раз быть готовыми, если кто-то из них поранится в походе; но следующего раза не случилось, а еще через пару лет прекратились и походы.

Аптечка оказалась даже богаче, чем помнилось Харпер. Там была упаковка компрессионных эластичных бинтов, пузыри для льда и мазь от ожогов. Но настоящее сокровище таилось за аптечкой – именно то, что было нужно больше всего, то, ради чего она и вернулась: черный эластичный локтевой бандаж, купленный года два назад. Джейкоб упал, когда они играли в ракетбол, и вывихнул руку. После этого они уже не играли. Джейкоб заявлял, что локоть еще побаливает, и не хотел рисковать новым вывихом; но Харпер иногда подозревала, что он отказался от ракетбола по менее очевидным причинам. Она сильно вела в счете к тому времени, когда он врезался локтем в стену. И не то чтобы он так не любил проигрывать. Он не мог проигрывать *ей*. В их паре главным был он, а Харпер была комической, милой растяпой. И Джейкоб обижался, если она выходила за рамки роли.

Порывшись в других шкафах, Харпер обнаружила длинный блок сигарет «Галуаз», задвинутый к стенке на верхней полке – целлофан был сдернут и не хватало нескольких пачек. Джейкоб объявил год назад – миллион лет назад, – что бросает курить раз и навсегда, и жалел тех, у кого не хватает на это силы воли. Харпер порадовалась, что он такой засранец. Как в любой подпольной экономике, в эти дни нельзя недооценивать значимость сигарет. Глупцы копили золото в преддверии конца цивилизации. А надо было копить блоки «Кэмела».

Харпер подняла телефонную трубку и послушала тишину. Иного она и не ожидала, учитывая состояние дома. У бара стояли маленький – по пояс – холодильник и два шкафчика для бутылок.

Харпер обошла бар – посмотреть, что есть из выпивки. За спиной у нее оказалась дверь матового стекла, закрывавшая пустую нишу, где они собирались поставить стереосистему. Руки не дошли. Джейкоб хотел датскую «Банг и Олуфсен», которая стоила под десять тысяч долларов, так что планы накопить на нее так и остались мечтами.

Харпер нагнулась к ящику для напитков и нашла бутылку тридцатилетнего «Балвени»; шотландский виски обещал дымный вкус

и наполнял человека дыханием ангела. Еще нашлась бутылка дешевого бананового рома – хорошая вещь, если хочешь, чтобы стошнило. Интересно, что сможет рассказать Джон Руквуд о драконьей чешуе после «Балвени» со льдом; или после трех.

Она еще сидела, скрючившись, за баром, когда кто-то потряспнул-двинул плечом-треснул дверь подвала.

– Грейсон! – проорал хриплый, громкий и почему-то знакомый голос, и Харпер чуть не подавилась криком. Не отвечать, не двигаться. Она застыла, согнувшись в три погибели, и ждала хоть какой-то подсказки, что делать.

– Грейсон! – снова прокричал человек, и Харпер поняла, что он кричит не снаружи, он уже внутри и кричит кому-то на улице. – Получилось! Мы вошли.

– Давно хотел починить этот замок. Меня беспокоило, что кто-нибудь может войти и украсть хороший виски или изнасиловать мою жену, – раздался голос Джейкоба. – А я очень трепетно отношусь к виски.

Его голос словно ножом вспарывал ее живот.

Харпер приоткрыла дверь матового стекла в нишу, куда они хотели поставить стерео. Пространства – не больше, чем под большим офисным столом, и пусто, только свисают провода. Харпер забралась внутрь с аптечкой, бандажом и сигаретами, прижав все к шарообразному животу. Три дня назад она пробиралась с этим животом по задымленной трубе. Сейчас, похоже, это ей не удалось бы. Харпер затворила за собой стеклянную дверь.

– Ясно, – сказал первый мужчина, и по голосу Харпер представила жирного парня, пыхтящего над тарелкой омлета с двойной порцией бекона. – Понял. Ты не хочешь, чтобы какой-то недостойный подонок уничтожал твои запасы дорогой выпивки. Увы, ты привел меня прямо к ним. – Он засмеялся, словно кто-то сдавил сломанный игрушечный аккордеон. – Почему бы тебе не подняться наверх и не посмотреть, все ли чисто? Вдруг жена дома? Проверь, может, приходила. А мы посторожим подвал. И под «посторожим» я имею в виду – будем пить виски, играть в бильярд и поищем домашнее порно.

– Ее тут не было. Я ведь заезжаю иногда. Приглядываю. Я решил, что она рано или поздно придет. За книгами, за любимой пижамой или

за старым Винни-Пухом. Клянусь, я иногда чувствовал себя педофилом, когда спал с ней. Мы смотрели «Мэри Поппинс» каждое Рождество. Как только обменивались подарками.

– Господи, – сказал человек с жирным голосом, и Харпер наконец поняла, откуда он ей знаком; она так часто слушала Ковбоя Мальборо по радио. – И вместо того, чтобы убить ее сразу, ты ждал, пока ей надоест? – Он зашелся хохотом над собственной шуткой. Другой мужчина – не Джейкоб – оценил остроумие визгливым хихиканьем.

– Ты же видел, что здесь никого не было с последнего снегопада. Нет следов, – сказал Джейкоб.

– Может, ты и прав. Но мы все равно посмотрим. Для надежности. Ты знаешь о моем тайном радио? Я рассказывал? Про радио у меня в голове? Нет? Когда мне было двенадцать, я мог положить руку на выключенный приемник, закрыть глаза – и *слышал*, как диджей объявляет Аэросмит – «Иди сюда». Слышал у себя в голове. Как будто я антенна и принимаю сигнал прямо в мозг. И говорю приятелям: спорю с кем угодно, если включить это радио, там будет «Иди сюда». Все выставили по доллару. Я включил радио – и Стивен Тайлер тут как тут, хвастается, какая ему досталась целочка. А еще потом, когда я уже вырос и права получил. Сижу в тачке друга – мотор выключен – и жду, когда он появится из лавочки с банками «Шлитца». И вдруг я почувствовал, что Мо Вон только что сделал хоум-ран. Я *знал* это. Пришел приятель, вставил ключ – и вот весь стадион Фенуэй ревет от потрясающего удара, и охрипший Джо Кастильоне расписывает, куда Мо зафиндил мяч. Долгое время я считал, что, возможно, как-то принимаю сигналы на пломбы. Но с самого начала чумы я слышу иные сигналы. Иногда как будто слышу собственный голос, который по секретному каналу читает последние известия. И вот я рассказываю, что дюжину окурков обнаружила в подвале Портсмутской библиотеки героическая кремационная бригада и всех расстреляла. И я собираю ребят, мы едем туда, и точно – окурки прячутся в подвале. Ты помнишь, Марти? Помнишь, в тот раз я сказал, что нужно проверить Портсмутскую библиотеку? Убили всех засранцев. И все получилось в точности, как я слышал в своих телепатических новостях.

– Это правда! – воскликнул третий человек визгливым подобострастным голосом. – Ты знал, что они должны быть там,

Ковбой Мальборо! Ты знал раньше нас всех.

– Так вот почему мы сегодня приехали сюда? У тебя было предчувствие, что моя жена может прийти домой? – спросил Джейкоб. Похоже, он не очень-то поверил.

– Может быть. Может, тоненький голосок сказал: а почему бы не проехать мимо и не посмотреть. А может быть, я просто вспомнил, как ты рассказывал про хороший скотч, и захотел попробовать. Почему бы тебе не осмотреться – вот и узнаем, что к чему.

– Конечно, – ответил Джейкоб. – Проверь за баром. Поглядим, что осталось.

Дверь в комнаты распахнулась. С треском посыпались известка и щепки. Джейкоб выругался. Человек по имени Марти рассмеялся по-гиеньи. Джейкоб полез по скользящим, рассыпающимся обломкам.

Кто-то подошел к бару. Харпер через мутное стекло двери видела силуэт мужчины в зимних штанах. Тощий парень с кустами рыжих афрокосичек открыл шкафчик для напитков и вытащил бутылку «Балвени».

– Хорошая штука?

– Охренительный первый класс. Дай-ка посмотреть. – Тишина. – Черт возьми, эта бутылка стоит больше, чем я обычно зарабатываю в неделю. Как думаешь, у него жена хоть вполовину такая же классная, как его бильярд и виски? – спросил Ковбой Мальборо.

– Не важно, – отозвался Марти. – У нее чешуйня. Такую трахать не захочешь.

– Это да. Кстати, о чешуйне, поищи стаканы. Не хочу, чтоб ты слюней напускал в бутылку.

Тощий нагнулся, порыскал еще и вынырнул со стаканами.

– Хочешь музыки? Судя по его бильярдному столу и виски, могу поспорить, что у него, на хрен, классный звукочок, – сказал Марти. Он повернулся к нише для стерео и нажал магнитную защелку. Стеклопанель приоткрылась на полдюйма. Харпер зажмурилась и подумала: «Отчаяние всего лишь синоним осознания».

– Тока нет, осел, – сказал Ковбой Мальборо. – «Порше» просто полтонны бесполезного железа, если в баке нет топлива.

– А, срань. Точно, Ковбой Мальборо! Я и не подумал! – Тощий закрыл дверцу.

– Последние известия!

Некоторое время мужчины молчали. Слышно было, как булькает в стаканы виски, потом раздалась глотки и одобрительные вздохи.

Марти заговорил тоном ниже:

– А он правда страшный, да ведь?

– Кто? Общественный работник?

– Ага. Джейкоб. С этим ожогом на шее. Черная ладонь, вжарившаяся в кожу. А глаза? Как пыльное старое стекло. Как у куклы.

– Ну ты даешь. Сравнения прямо как у лорда Байрона.

– Я тебе вот что скажу. По-моему, он здесь скорее встретит Пожарного, чем свою жену. По-моему, у него быстрее встает на Пожарного, чем на сбежавшую невесту.

– Нет вообще никакого Пожарного.

Наступило неловкое молчание.

– Ну... – протянул Марти. – Ковбой Мальборо, кто-то ведь подпалил ему шею. А той ночью? Восемьдесят парней видели дьявола в два этажа ростом у полицейского участка. Восемьдесят парней. И Арло Грейнджер из пожарного управления боролся с кем-то в дыму. И у этого кого-то был британский акцент, пожарная каска и прочее. Арло снес бы ему башку, но друзья Пожарного, человек пять, навалились на него гурьбой...

– Я знаю Арло Грейнджера – гребаный врун. Как-то раз он мне рассказывал, что пробрался за кулисы на концерте «Раш» и нюхал кокс с Нилом Пиртом. Хотел бы я, чтобы ребята из «Раш» нюхали кокс. Может, это их подстегнуло бы и они попытались хоть разок сыграть настоящий рок-н-ролл, а не это кососрачное прог-роковое дерьмо.

– Моя кузина в Национальной гвардии. Эми Кастиган. Ты с ней зависал...

– Эми... твоя кузина Эми... возможно. Да, кажется, она мне отсасывала.

– Да, да, мне тоже, но слушай, послушай, Ковбой Мальборо. Эми в сентябре дежурила на контрольном пункте на мосту через Пискатакву... и вот в полночь видит, как над рекой двигается красный огонь. Как будто кто-то выстрелил в них ракетой. Она со всеми остальными там повалились на мост – и вовремя. Эта сраная громадная огненная птица – размах крыльев в тридцать футов – начала бомбардировку. Она опустилась так низко, что мешки с песком загорелись! И пока Эми и вся смена искали, куда спрятаться, через

пост проехала машина и несколько окурков умотали в Мэн. Это тоже был он! Это он сделал! Он превратил драконью чешую в оружие, чувак.

– Ну, такой вариант возможен, – сказал Ковбой Мальборо. – Но есть и другой – что твоя кухня величайшая шлюшенция на Восточном побережье, и кто-то проскочил пост, пока она устраивала всей смене фирменный минет Эми Кастиган. Пожарного не существует. И Сатана не появлялся у полицейского участка. Людям многое видится в огне. Лица всякие, прочая ерунда. Вот и все.

Харпер, разумеется, вспомнила женщину в печке Джона: это точно была Сара Стори. Пусть Ковбой Мальборо верит во что хочет, но иногда лицо в огне – это действительно кто-то, кто смотрит на тебя.

Задвигались и зашуршали доски на ступенях лестницы.

– Ничего, – сказал Джейкоб. – Ничего и никого. Я же говорил. Если бы кто-то приходил, остались бы следы. Она на шестом месяце. Вряд ли она способна пройти сто шагов и не запыхаться.

– Вы правы, сквайр, – сказал Ковбой Мальборо. – Моя бывшая, когда ходила беременная, если чего захочет – сигарету, пива, мороженого, чего угодно, – посылала меня даже в соседнюю комнату.

– Жаль, что психический телеграф не сработал. Но хотя бы «Балвени» нашлось. Возьмем с собой. Пять сотен бутылка – нужно пить не спеша.

– А мы торопимся? Выпьем по парочке, и я тебя размажу в бильярд.

– Тут тебе парочка не поможет, – хмыкнул Джейкоб.

– Замажем?

– На что? Деньги теперь – не то, что прежде.

– Выиграю я – принесешь мне сверху пару трусиков твоей жены, – сказал Ковбой Мальборо.

– Если выиграю я – ты их наденешь, – парировал Джейкоб.

– Э, а если выиграю я? – спросил Марти.

– А если ты изобретешь лекарство от драконьей чешуи? А если ты перестанешь хихикать, как икающая тринадцатилетка?

Марти захихикал, как икающая тринадцатилетка.

– Кто разбивает? – спросил Джейкоб.

Громкий стук – шар врезался в пирамиду.

– Одну партию? – спросил Марти. – Или из трех?

– Мне все равно, – сказал Ковбой Мальборо. – Я никуда не спешу.

Снег делал ночь мелкозернистой. Харпер брела сквозь морозную тьму, холод кусал ноздри. Когда она вошла в дом, уже смеркалось. А теперь, шесть бильярдных партий спустя, было часов девять или десять – и ноги сводила судорога после нескольких часов сидения в шкафу за стеклянной дверью.

Джейкоб был первым в бильярде, а Ковбой Мальборо – в выпивке. Толстяк – по одному только голосу Харпер казалось, что весу в нем не меньше трехсот фунтов – унес с собой в кармане куртки ее трусики, весело насвистывая. Харпер выждала не меньше получаса, прежде чем выбралась наконец из своего убежища, наполовину убежденная, что Джейкоб и его новые приятели все еще там, тихо поджидают ее. Пустую бутылку от «Балвени» они надели на кий.

Ей бы расклеиться, зайти в рыданиях или трястись беспомощно от шока. А Харпер, наоборот, была на взводе, словно только что промчалась на лыжах по склону на пределе возможностей, проходя повороты быстрее, чем прежде. Она читала про адреналиновые всплески, но никогда не испытывала такого. Ноги сами несли ее вперед.

Харпер и сама не знала, куда идет, пока не оказалась на месте. Она вошла в лагерь Уиндем – мимо цепи, натянутой между двумя гранитными монолитами, мимо выгоревшего остова автобуса – и шагала по аллее Литтл-Харбор, пока не начался гравий. Через сотню футов дорожка пошла под уклон – к набегающим волнам Атлантики.

И к острову Пожарного. Харпер быстро забралась на каменный волнолом, две минуты шла по гальке и вот увидела причал лагеря Уиндем.

Она обещала Алли вернуться через два часа. И, наверное, отсутствовала уже вдвое дольше. Харпер боялась встречи с Алли, которой наверняка уже досталось и которая уж точно измаялась от беспокойства. Харпер пообещала себе исправить все, что в ее силах.

Но Алли придется побеспокоиться еще немного. Харпер оставила Джона Руквуда на его острове в одиночестве на три дня, с разбитыми

ребрами, вывихнутым локтем и серьезным смещением в запястье. Только ради него она и ускользнула из лазарета. И будет дурной шуткой возвращаться, так и не повидав его.

И потом. Что бы ни говорила Алли о показательных судах над теми, кто нарушает правила, Харпер не могла воспринять это всерьез. Слишком это напоминало школу. Там, конечно, были правила и наказания за их нарушение... но правила и наказания применяли взрослые к детям, а Харпер взрослая. Ученик может получить выговор за беготню в коридоре, но если кто-то из педагогического состава перешел на рысцу, значит, у него есть на то причины. Возможно, Бен рассердится, но она поговорит с ним и все уладит. Его власть (или власть Кэрол) пугает ее не больше, чем власть учителя. И вряд ли кто-то заставит ее писать сто раз на доске: «Я не буду покидать лагерь без разрешения».

Она гребла в нависающей тягучей темноте. И внутри себя ощущала медленный подъем, как будто маленький прилив.

Харпер постучала в притолоку сарая Пожарного.

– И кто там?

– Харпер.

– А! Наконец-то. Но учтите, я не одет.

– Минутку подожду.

Она глубоко вдохнула влажный, соленый, морозный воздух и выдохнула клуб белого пара. Она раньше не осматривала остров и теперь поднялась на центральную дюну, чтобы поглядеть сверху.

Остров был невелик. Пара акров, вытянутых в форме глаза. Гребень тянулся вдоль острова, и сарай Пожарного вдавался в склон. На южной оконечности остались развалины гостевого домика – обгорелые балки торчали из снега, как из-под простыни. Харпер поразилась, увидев парусник длиной футов в тридцать пять: он стоял на восточном берегу острова – шлюп на стапельной тележке из нержавеющей стали, палуба укрыта натянутой белой парусиной. Но ведь отец Стори упоминал парусник и говорил, что на нем можно отправиться на поиски Марты Куинн. Если снегопад не утихнет, парусник превратится в деталь пейзажа – белая дюна немного повыше остальных.

От холода занемели щеки. Харпер спустилась по песку и вошла в сарай Пожарного без стука. Она потопала ботинками, потеряла ладони,

стряхивая снег.

– Уиллоуз! Никогда так не был рад видеть человеческое лицо! У меня словно автомобиль припарковался на груди. Не испытывал подобной боли с тех пор, как распались «Ганз Эн Роузез».

– Простите, – сказала Харпер. Принесенную хозяйственную сумку она поставила на пол. – Много хлопот.

Она чуть не начала рассказывать ему про Джейкоба и Ковбоя Мальборо, про то, как едва не попала, но одернула себя.

Джон сидел на койке, и на нем по-прежнему не было ничего, кроме перевязи, которую Харпер сделала из матерчатого колчана. Единственной уступкой приличиям была простыня, повязанная вокруг бедер. Кожу покрывали черно-золотые дьявольские письмена. Синяки под чешуей потемнели до оттенков ежевики и граната. Харпер почувствовала боль в груди от одного их вида.

– Вы до сих пор не одеты, – сказала она.

– Ну... – помялся он. – Я так и не решил, стоит ли. Вы не собираетесь меня осматривать? Тратить столько усилий – и только для того, чтобы опять раздеваться. Так где вы были? Я куковал на этой кучке песка целые дни; и поговорить было не с кем – только с самим собой.

– Отчего бы не поговорить с умным человеком.

Джон устремил алчный взгляд на хозяйственную сумку.

– Надеюсь, там морфий. И сигареты. И свежемолотый кофе.

– Я бы хотела, чтобы у меня был морфий. Собственно, об этом я и хотела поговорить.

– А сигареты?

– У меня нет для вас сигарет в данную минуту, мистер Руквуд. – Харпер тщательно подбирала слова. Она не врала – но и не открывала всю правду. Ей все лучше удавалась такая уклончивость. – Читайте это возможностью бросить, пока курение вас не убило.

– Думаете, курение убьет меня? Когда я курю, сестра Уиллоуз, пусть другие дрожат за свое здоровье. Ну, хоть кофе есть?

– Я принесла несколько прекрасных сортов заварного чая...

– Чай! Думаете, я хочу чай?

– А что? Вы англичанин.

– И, значит, я обязан пить чай? Вы что, представляете, что я брожу в лондонском тумане, надев охотничье кепи, и разговариваю с

друзьями пятистопным ямбом? У нас *есть* «Старбакс», женщина.

– Это хорошо. Потому что у меня еще есть несколько упаковок растворимого «Старбакса».

– Так что ж вы не сказали?

– Потому что на вас забавно смотреть, когда вы разочарованы. Давайте я поставлю чайник, а вы наконец наденете какие-нибудь брюки. Не припомню, чтобы ниже пояса были повреждения, требующие медицинского вмешательства.

Он обвел мутным взглядом пол и дотянулся костлявой ногой до штанов от пожарной формы.

Харпер уже набрала воздуха, чтобы начать рассказывать о своем путешествии домой – и снова отвлеклась:

– А вы всегда мечтали стать пожарным? Всегда так одевались? С детства? – это говорил ее адреналин. Наверное, такими возбужденными бывают скайдайверы после прыжка. Руки дрожали.

– Вовсе нет. Я мечтал быть рок-звездой. Хотел носить кожаные штаны, по выходным валяться в постели с обдолбанными манекенщицами и писать песни, полные вычурных загадок.

– Я не знала, что вы музыкант. На каком инструменте играли?

– О, я не добрался до инструментов. Казалось, что это слишком долго. Ну а если мать глухая, а отец забияка, музыкальное образование в семье не числится среди приоритетов. И ближе всего я был к жизни рок-звезд, когда продавал наркотики.

– Вы были драгдилером? Нехорошо. Какие наркотики?

– Галлюциногенные грибы. Так я смог извлечь пользу из своей степени по биологии. Я всегда занимался микологией. Продавал разновидность псилоцибина под названием «смурфодятел» – очень синий, очень популярный, и отлично шел с яйцами. Вы разделите со мной омлет со «смурфодятлом», сестра Уиллоуз?

Она повернулась к нему спиной, чтобы не смущать, пока он будет натягивать штаны.

– Драконья чешуя – это ведь споры. Грибок. Вы должны много про нее знать.

Он не ответил. Харпер обернулась – его лицо светилось чистой невинностью. Джон и не думал поднимать штаны – они так и валялись у его ног. Харпер рассердилась. Значит, он еще сволочнее, чем казался. Она снова отвернулась.

– Именно поэтому вы можете управлять ею? Использовать ее? И не гореть заживо, как будто вы покрыты асбестом? Все потому, что вы понимаете что-то, чего не понимают другие?

Он промычал что-то и сказал:

– Я не столько понял чешую, сколько помог ей понять меня. Сковородки в ящике под печкой.

– Зачем мне сковородки?

– Вы что, не собираетесь жарить нам яичницу?

– Тут есть яйца?

– Нет. А вы не принесли? Это же сумка с покупками? Ради бога, сестра Уиллоуз, вы же должны были принести мне вкусенького!

– Простите, что не принесла ни яиц, ни французского кофе, ни морфия. Вместо этого я перла три мили и чуть не попала прямо в лапы кремационной бригаде – и все ради того, чтобы достать вам биндаж для локтя и бинт для запястья. И мой муж был среди них. – Харпер почувствовала, как защипало в уголках глаз, и это ей не понравилось. – Еще я принесла великолепный чай, потому что я милая и хотела вас порадовать и даже не просила благодарности. А просила только надеть штаны, но вы и этого не сделали, потому что, полагаю, счастливы сидеть голым и наблюдать за тем, смутит ли это меня.

– Я не могу.

– *Чего* не можете? Не можете сказать спасибо? Не можете извиниться? Не можете проявить человеческую благодарность?

– Я не могу надеть штаны. Не могу нагнуться и подобрать их. Слишком больно. А вы были очень добры, и я, конечно, обязан был сказать спасибо. Я говорю сейчас. Спасибо, сестра Уиллоуз.

Раскаяние в его голосе подкосило ее. Адреналиновое опьянение закончилось, и на смену ему пришла усталость.

– Простите. Очень тяжелые выдались дни. И я только что пережила худшую их часть. Я пошла домой, чтобы собрать кое-какие припасы, а там оказался Джейкоб с новыми приятелями. Один из них – тот гад с радио, Ковбой Мальборо, который все время хвастается, скольких окурков он казнил. И я пряталась. *Долго.*

– Вы пошли домой? Одна? Почему не послали кого-нибудь?

– Кого? Все дозорные – дети. Голодные, истощенные дети. Я никого не хотела подвергать риску. И вас не могла послать – с вашими-то ребрами. Кроме того, только я знала, где лежит то, что мне нужно.

Поэтому и нужно было идти самой. А вы не рассказали мне про то, что случилось с моим домом.

– Про то, что ваш бывший решил устроить перепланировку двухтонным плугом? Я думал, что вам достаточно потерь на одну неделю. Зачем добавлять? Вы в норме?

– Я ужасно испугалась. Слышала, как они говорили обо мне. И о вас тоже.

– Быть не может! – воскликнул Джон. Похоже, он был доволен.

– Да. Они говорили о человеке, который превратил драконью чешую в оружие, который может швыряться огнем и везде разъезжает, переодетый пожарным. Только не могли решить – настоящий вы или это только городская легенда.

– Ага! Все-таки я становлюсь рок-звездой!

– В основном они говорили о том, что сделали с больными людьми. Ковбой Мальборо делает отчеты для всей кремационной бригады, он рассказывал, кто убил больше всех, кто убил больше за один день, кто убил самую уродливую девушку, кто убил самую симпатичную девушку. Рассказывал, как о статистике бейсбольной команды в компьютерной игре.

Ковбой Мальборо хвалил Джейкоба за то, что тот «крепко засадил» на Новый год. Только через несколько минут Харпер поняла, что речь идет не о сексе, а об убийстве. Джейкоб своим «Фрейтлайнером» долбанул в бок «Ниссан» с семьей зараженных – мужчина, женщина и двое детей. Машину расплющило в лепешку. Тела выдавило из обломков, как зубную пасту – так говорил Ковбой Мальборо. Джейкоб выслушал похвалы молча, не выразив ни гордости, ни ужаса.

Странная штука: человек, за которым она была замужем, которого любила и которому отдавала жизнь, начал совершать убийства. Убивал и собирался убивать еще. Полтора года назад они лежали, свернувшись, на диване и смотрели по телевизору «Мастер не на все руки».

– Я боялась, что они услышат, как я трясусь. Как зубы стучат. Потом они убрались, а я, когда поняла, что осталась цела, что уйду из дома живой, я... я чувствовала себя, словно кто-то бросил в меня гранату, а она почему-то не взорвалась. Я шла – голова ватная, а ноги резиновые. И вы не устройте мне разнос?

– За то, что вы идиотка и что радостно поперлись прямо на рожон?

– Да.

– Не-а. Нет других двух качеств, которыми я бы восхищался больше. Впрочем, я рад, что вы вернулись. Я не пил кофе много дней.

Когда Харпер обернулась, Пожарный зевал, закрыв рот кулаком и зажмурившись; и простыня сползла, открыв изгиб его бедра. Харпер поразила собственная реакция на тощее волосатое тело, густую поросль на впалой израненной груди. Ее охватило внезапное желание, яркое и нелепое, которого минуту назад и представить было нельзя.

Она подошла к кровати, чувствуя, что единственное спасение – стремительность.

– Давайте сюда ноги.

Он поднял ноги. Харпер натянула ему пожарные штаны до колен, потом села рядом с ним и подхватила под мышки.

– На счет три поднимайте свою тощую задницу. – Но ей самой пришлось поднимать его, и она услышала хриплый вдох, быстро подавленный «ах». Его лицо стало совсем белым как бумага.

– Хуже всего даже не боль, когда шевелюсь, а то, что грудь чешется. При каждом вдохе. Спать не могу, как чешется.

– Это хорошо. Мы любим, когда чешется, мистер Руквуд. Кости чешутся, когда срастаются.

– Думаю, будет полегче, когда вы забинтуете мне грудь.

– Э, извините, сейчас больше не бинтуют. Мы же не хотим сдавить легкие, которым нужно дышать. Но вот запястье я бы замотала, и бандаж надену на локоть.

Она аккуратно двигала эластичный бандаж вверх по руке, пока он не оказался на месте, потом занялась распухшим, жутко посиневшим запястьем. С двух сторон она наложила ватные диски и начала наматывать бинт, создавая почти жесткую, но удобную повязку вокруг сустава. Потом подняла правую руку Джона, чтобы осмотреть бледный бок. Пальцами она вела по ребрам, ища переломы. И старалась не получать удовольствия от вида его позвонков или завитков драконьей чешуи на коже. Он был похож на разукрашенного участника карнавала. Неизвестно, скольких людей убила драконья чешуя, но нельзя было отделаться от мысли, что она прекрасна. И Харпер, конечно, отчаянно возбудилась. Так некстати.

– Возможно, вас ждет кое-что похуже, чем устная выволочка от Бена Патчетта, – сказал Пожарный. – Вы можете поймать на себе очень грустный взгляд и услышать печальный вздох Тома Стори. Вот в чем самый ужас и стыд: разочаровать старика. Это как сказать Санта-Клаусу в универмаге, что у него борода фальшивая.

– Не думаю, что у меня будут проблемы с отцом Стори.

Он взглянул на нее испытующим взглядом, уже безо всякого веселья.

– Выкладывайте все.

Она рассказала, как провела отцу Стори трепанацию черепа электродрелью и дезинфекцию – портвейном. Рассказала про Бена в мясном холодильнике, про прикованных заключенных и кухонном полотенце, набитом камнями. А потом пришлось вернуться чуть назад и рассказать о последней беседе с отцом Стори, в каноэ.

Пожарный почти не задавал вопросов... пока не дошло до последней беседы со стариком.

– Он хотел сослать какую-то несчастную за кражу чашки и банки «спама»?

– И медальона. И «Подручной мамы».

– Все равно. – Он покачал головой. – Не похоже на Тома.

– Он хотел сослать ее не за кражу. Он хотел сослать ее, потому что она стала *опасной*.

– Почему? Потому что обвинил ее в кражах, а она – что? Угрожала ему?

– Вроде того, – сказала Харпер.

Но она нахмурилась. Трудно было припомнить точно, что именно и как говорил Том. Казалось, будто они беседовали несколько месяцев, а не дней, назад. Так все-таки: что он говорил о воровке? А может быть, он вообще не упоминал ее?

– И по какой-то причине он считает, что должен уехать в ссылку вместе с воровкой?

– Чтобы приглядывать за ней. Он собирался найти остров Марты Куинн.

– А, остров Марты Куинн. Я люблю представлять, что там полно беглецов из восьмидесятых – они бродят в спандексе и леопардовой шкуре. Надеюсь, Тоуни Китаен там. Вокруг нее вертелись все мои ранние сексуальные фантазии. А кого Том собирался оставить за себя?

– Вас.

– Меня! – Пожарный засмеялся. – Вы уверены, что все это он сказал *не после* удара по голове? Не представляю никого хуже на эту должность.

– А Кэрол?

Пожарный улыбался, но тут снова погрузился.

– Для меня Кэрол в качестве первосвященника – примерно как еще один удар по ребрам.

– Вы думаете, у нее злые намерения?

– Я *уверен*, что намерения добрые. Когда ваше правительство пыталось бедняг, чтобы найти Бен Ладена, оно тоже хотело добра. Отец Кэрол действовал на нее успокаивающе, уравнивал нестабильную личность. А без него... снаружи Кэрол угрожают карантинный патруль, полиция, кремационные бригады. Внутри напряжение создают воровка и те два уголовника. Страх не дает человеку с умом использовать тактики на крайний случай. Особенно такому человеку, как Кэрол.

– Не знаю. Она даже не стремилась к этой должности. Она трижды отказывалась, прежде чем согласиться.

– Как и Цезарь. Хотел бы я, чтобы Сара... – Пожарный замолчал и бросил расстроенный взгляд на печку. Потом опустил глаза и начал снова: – Не то чтобы Сара держала Кэрол в узде или пыталась бы отнять у нее власть над лагерем, ничего такого. Но она бросила бы сестричке веревку, если бы видела, как та тонет. Я ведь об этом и беспокоюсь. Плохо, что Кэрол может утонуть в собственной паранойе. Но хуже то, что тонущие тянут за собой других, а она сейчас обхватила руками весь лагерь.

В печке сухо треснул уголек.

– Какой была Сара? Видимо, не похожей на Кэрол. А на кого – на Тома?

– У нее было его чувство юмора. И очень твердый характер. Она катилась вперед, как шар для боулинга. И знаете, в Алли есть что-то от нее. С ней я всегда чувствовал себя кеглей – одной из десяти. – Он внимательно посмотрел на пламя, пляшущее в печи... потом повернулся к Харпер и одарил ее ласковой, почти мальчишеской улыбкой. – Наверное, порой именно это и называют любовью, правда?

– Что рассказывать о Саре до нашей с ней встречи? Забеременела в семнадцать от учителя музыки – пианиста, ангельски симпатичного литовца, всего на пару лет старше нее. Вылетела из частной академии, где преподавал ее отец. Том, ее единственный друг во всем мире, самый снисходительный из людей, каких она знала, наговорил ей ужасных вещей и отправил к родственникам. Позорно окончила школу с пухом, торчащим из-под свитера. Вышла замуж в мэрии в тот же день, как получила аттестат. Ее литовец, униженный и не сумевший устроиться учителем, вернулся к частным урокам – тогда-то Сара и выяснила, что спать с ученицами – его навязчивая идея. Тем не менее брак она сохранила – если бы ушла от него, пришлось бы возвращаться домой, а она дала себе слово, что в жизни не попросит отца ни о чем. Вместо этого она решила, что единственный способ сохранить отношения – завести еще ребенка. Я не слишком быстро? Обещаю, сейчас начнется интересное.

– И что именно? – спросила Харпер.

– В истории появляюсь я. Рождается Ник. Он глухой. Отец предлагает отдать его на усыновление, потому что не сможет общаться с дефективным уродом, который не слышит его музыки. Сара предлагает мужу найти новое место для жилья и вышвыривает его. Как-то в октябре в четыре утра он вваливается через сетку на двери и пугает всю семью бадминтонной ракеткой. Сара через суд добивается, чтобы ему запретили приближаться к ним. Он в ответ появляется в начальной школе Алли, якобы чтобы отвезти девочку к стоматологу, и они оба исчезают.

– Господи.

– Его арестовали спустя четыре долгих дня, в мотеле у канадской границы; там он пытался разузнать, как добраться до Торонто без документов на дочку. Он вроде бы собирался пойти в литовское посольство и вернуться в Европу с Алли. Когда его выпустили под залог, он повесился.

– Похоже, мы с Сарой выбирали мужей в одной лавочке, – сказала Харпер.

– Только в одном последняя выходка учителя музыки оказалась полезна. В те жуткие дни, когда Сара не знала, где Алли, на ее пороге

появился Том – узнать, чем можно помочь. Он следил, чтобы Сара ела и спала, обнимал, когда она ревела, ухаживал за Ником. У него появилась возможность стать отцом, который был ей нужен, отцом, которым он был, пока не предал Сару. Я знаю Тома, и я уверен: он не простил себе, что отвернулся от нее – испуганной беременной девочки.

Том оставался с ней несколько месяцев. Потом Сара переехала поближе к его дому. И он помогал с детьми, когда она пошла учиться на соцработника. Она выбрала специальность «поддержка инвалидов».

А Том Стори проводил службы в лагере Уиндем с 1980-х, а через десять лет стал директором лагеря. Весной, когда Нику исполнилось семь, Сара предложила провести в лагере двухнедельную программу для глухих, и Том все устроил.

Стали искать инструкторов, знающих пальцевую азбуку, и я вполне подошел. Меня еще мальчишкой научила языку жестов мать-ирландка... и это, надо сказать, очаровало многих детей – они говорили, что у моих пальцев ирландский акцент. Я в Штатах готовил магистерскую диссертацию и был рад получить достойно оплачиваемую работу на лето. Невозможно заработать на жизнь, продавая «смурфодятел» в этой деградировавшей стране. Должен сказать, торговцы героином и метом совершенно вытеснили из вашей страны простых, честных драгдилеров, которые хотят предлагать клиентам невинные дозированные развлечения.

Том нанял меня преподавать науку выживания – какие ягоды можно есть, какими листьями нельзя подтираться, как развести костер без спичек. В этом-то я всегда был хорош. С самого начала всем нам дали прозвища. Меня назвали Стойкий Джон. Сара стала Рейнджером Сарой.

У нас было несколько дней на привыкание и тренировки, пока не прибыли дети, и очень быстро я понял, что прозвище «Стойкий» создаст мне проблемы. В первый же день Сара приветствовала меня: «Привет, Стояк» с самым невинным выражением лица. Остальные инструкторы услышали и покатались со смеху. И понеслось. «Никто не видел, где Стояк?», «Эй, ребята, Стояк пришел», «Стойк просто железный». Ну, в общем, понятно.

В ночь накануне приезда детей мы все сидели, пили пиво, и я сказал ей, что если повезет и она будет умницей, однажды утром она

проснется рядом со Стойким Джоном. Все посмеялись. Она ответила, что скорее проснется с занозой в мягком месте, и все заржали в голос.

Я спросил, почему это она стала Рейнджером Сарой, она ответила, что как руководитель программы может сама выбирать себе прозвище. Я объявил, что по старинному английскому закону имею право оспорить ее власть в честной схватке. И предложил дартс. У каждого по одному броску. Если я попаду ближе к центру, то придумаю новые прозвища и ей, и себе. И заранее предупредил, что себя назову Большим Змеем, а ее – Боброматкой. Она заявила, что я проиграю, но она объявит мое прозвище после игры, и я буду тосковать о тех днях, когда был старым добрым Стойким Джоном.

К этому моменту все были смертельно серьезны. Я имею в виду – валялись на земле. Конечно, я верил в себя. На первом курсе я больше времени проводил в пабах, играя в дартс, чем на занятиях. Я бросил дротик издалека и попал почти в яблочко, не разминаясь. Тут уж все замолчали. Почуяли мою силу.

А Сара и бровью не повела. Она сняла с пояса топорик, встала на линию и метнула. Она не просто попала в яблочко, она разрубила мишень пополам. И сказала мне: «Ты же не говорил, что бросать нужно дротик». И вот так я стал «Дротчером Джоном» – из-за того, что здорово кидаю дротики.

И, наверное, тут все и началось – появилось чувство, что мы подходим друг другу.

В то время лагерь официально не работал, и Алли с матерью почти не разговаривали. От четырнадцатилетней Алли отказался третий психотерапевт, после того как она заехала ему по яйцам тяжелым пресс-папье. Она разбила машину матери, когда взяла нескольких парней покататься. Старших парней. Не знаю, насколько ее поведение было обусловлено тем, что отец похитил ее, когда она была в третьем классе, но ее гнев точно выходил за рамки обычных подростковых штук. Она ненавидела любую форму контроля со стороны матери и бесилась из-за того, что ее заставляют работать младшим инструктором. Первые несколько дней были ужасны. Алли уходила от детей и сидела с мобильником. Если ее не устраивало, что подают в кафетерии, она сбегала из лагеря и отправлялась автостопом в город, встречаться с друзьями. И так далее.

Сара решила, что Алли согласится пойти с ней в поход с ночевкой к Нефритовому колодцу – холодному озеру под восемнадцатифутовой скалой. Может быть, хотела удавить и решила, что проще всего спрятать тело в глухой чащобе. Нужен был третий взрослый, и выбрали меня. И мы пошли – двенадцать детей, десять миль и туча комаров. Одно скажу: слава богу, что дети были глухие. Алли и Сара всю дорогу костерили друг друга. Стоило Алли один раз глянуть на телефон, как Сара конфисковала его. Алли, проходя, и не думала придерживать ветки, и они хлестали ее мать по лицу. Дети чувствовали неладное и смущались все больше.

К тому времени, как мы добрались до Нефритового колодца, эти две уже орали друг на друга в полный голос. Все дети обгорели и были истуканы. Сара взбесилась из-за того, что Алли забыла спрей от насекомых в автобусе, а Алли кричала, что Сара сваливает вину с больной головы на здоровую; я уже готов был взорваться. Мы стояли недалеко от края, и я не сдержался. Схватил обеих за руки и столкнул вниз, прямо в ботинках. И представьте: обе, выплыв, смеялись... смеялись и брызгались друг в дружку водой.

И весь остаток похода они меня изводили. Когда раздавали хот-доги, у меня в булке оказался замечательный свежий тампон. В два часа ночи они расстегнули мою палатку и вылили внутрь холодную воду. Вместо лосьона от загара они спрыскивали меня лаком для волос. И знаете что? Это было прекрасно. Обратный путь был настолько же веселым, насколько печальной была дорога туда. Дети принялись защищать меня от Рейнджера Сары и Ондатры Алли. Особенно Ник. Похоже, он считал своей особой обязанностью защищать меня от безумных женщин из его семьи. Он оставался моим телохранителем все лето.

На последней неделе смены устроили еще один поход. И в ту ночь Сара пришла в мою палатку. И спросила только одно: «Я была умницей?»

После этого мы почти год были вместе. Она хотела поплавать на Большом Барьерном рифе – жаль, что так и не поехали. Жаль, что не читали книги друг другу. У нас были только выходные для сексуальных утех в Нью-Йорке, пока ее отец приглядывал за детьми. Жалко, что не больше. Жалко, что мы не гуляли чаще. Жалко, что столько торчали у телевизора. Было мило, мы, обнявшись, смеялись

над Стивеном Кольбером и Сетом Майерсом, но теперь не о чем вспоминать. Мы жили так обыденно, так банально. Заказывали пиццу и играли в «Тривиал персыют» с ее сестрой и отцом. Помогали детям с домашней работой. Мы посуду мыли чаще, чем занимались любовью. Что же это за жизнь?

– Настоящая, – сказала Харпер.

Он не глядел на нее, пока рассказывал историю своего романа. Он смотрел только на свою тень, которая ритмично вздымалась и опадала в такт колебаниям огня в открытой печи.

– Я больше думал о том, чего мы не делали, чем о том, что делали. Как если бы мы открыли бутылку великолепного вина и сделали по глотку... а неуклюжий официант уронил бутылку на пол, и нам больше не досталось.

Впервые я увидел споры на торжественном обеде в Бостонском микологическом обществе – за три месяца до Сиэтла. – Объяснять, что значит «Сиэтл», было не нужно. Харпер понимала, что речь о «Космической игле». – Тип по имени Хокинс, только что вернувшийся из России, показал сорокаминутную презентацию. Не знаю, что меня напугало больше – фото или сам Хокинс. Во рту у него пересыхало. Он выпил полграфина воды за кулисами. И говорил так тихо, что приходилось напрягать слух, чтобы расслышать его. Мы улавливали только отдельные слова: «переносчики заболевания», «точки заражения», «клеточное возгорание». А он показывал картинки из фильмов ужасов – обгорелые трупы, только зубы и почерневшая плоть. И, скажу я вам, в буфете никто не брал добавки, зато в бар выстроилась очередь. А этот Хокинс закончил на том, что хотя достоверно известно только о семидесяти шести погибших непосредственно от спор на Камчатке, возникшие крупные пожары привели к гибели еще 530 человек. Убытки от пожаров в городской местности составили почти восемьдесят миллионов долларов, и еще русские потеряли сорок три тысячи акров богатейших лесных угодий. Хокинс добавил: три последних случая на Аляске заставляют предположить, что болезнетворные микроорганизмы распространяются не так, как обычные вирусы, и срочно требуются новые исследования. По его подсчетам, четверть миллиона больных в Соединенных Штатах станут причиной гибели более двадцати

миллионов человек и превратят более шести миллионов акров земли в пепельницу.

– А это сколько?

– Примерно с Массачусетс. Должен сказать, он чертовски напугал нас тогда, но сейчас я понимаю, что он был слишком сдержан. Полагаю, в его расчетах не учитывался социальный кризис – такой, что никто уже не станет бороться с огнем.

Но знаете... к обеду я почти перестал об этом думать. Очень скоро все это стало похоже на очередной предположительный, но невероятный апокалипсис нашего века – вроде эпидемии птичьего гриппа, выкашивающего миллиарды, или астероида, раскалывающего планету пополам. С этим ничего нельзя поделать, и все это происходит с бедняками на другом краю земли, а детям нужно помогать делать уроки... в общем, перестаешь об этом думать.

Если бы, конечно, *можно было* перестать. Споры фигурировали в каждой рассылке и в первой тридцатке тем на любой доске объявлений в микологическом сообществе. Проводились вебинары и конференции, была создана президентская комиссия. Подготовили доклад в Сенате. Сначала я следил только из академического интереса. И потом, вы же, сестра Уиллоуз, знаете, как я люблю выпендриваться. То, что я знал про споры, сделало меня королем пикников. Но по-человечески мне не верилось, что беда доберется до нашего двора – пока не загорелась Манитоба, да так, что никто не мог потушить. Это было за месяц до первых случаев в Бостоне.

Но что толку знать? Если это очередная чума, нужно прятаться. Отправляться в леса. Взять с собой любимых, укрыться в какой-нибудь дыре, запереть дверь на засов и ждать, пока инфекция сама себя не спалит. Но тут было иначе. Один человек со спорами может начать пожар, от которого выгорит половина штата. Прятаться в лесу – все равно что прятаться на спичечной фабрике. В городе хотя бы есть пожарная охрана.

Я могу точно сказать, когда и как заразился. Могу сказать, где мы все заразились, потому что мы, разумеется, были вместе. Устроили небольшую вечеринку на тридцатый день рождения Кэрол, в самом начале мая. Мы с Сарой только что съехались. У нас был небольшой бассейн, хотя из-за холода никто не хотел купаться, кроме Сары.

Вечеринка была небольшая – Том и дети, Сара, Кэрол и я – и пирожные без глютена на день рождения девочки.

Мы с Сарой часто по ночам обсуждали, спала ли Кэрол с кем-нибудь или нет. В юности она была пять лет обручена с очень душевным мужчиной; все знали, что он гомосексуалист – все, кроме, видимо, Кэрол. Думаю, он был из тех пристойных, напуганных геев, которые обращаются к религии в надежде отмолить грех. Сара говорила, что не верит, что эти двое спали друг с другом – они только обменивались страстными сообщениями. Кэрол случайно застала жениха, когда он – аспирант теологического института в Нью-Йорке – лежал в постели с девятнадцатилетним кубинцем – танцором-студентом.

Я как-то спросил Сару – а может, Кэрол и сама лесбиянка? Она долго хмурилась и наконец сказала, что для Кэрол ужасна сама идея секса. Ужасна идея грязи. Кэрол считала, что любовь должна быть куском мыла, очищающим гигиеническим скрабом. И еще Сара сказала, что Кэрол целиком посвятила жизнь их отцу и что он – единственный мужчина, который что-то значит для нее.

Кэрол и Сара очень подозрительно относились друг к дружке. Когда Сара была беременным подростком, Кэрол прислала ей оскорбительное письмо о том, что сердце отца разбито, и обещала больше не разговаривать с Сарой. И в самом деле не говорила с ней до рождения Ника. Сара снова впустила младшую сестру в свою жизнь, но напряженность в их отношениях не исчезла. Кэрол боролась за внимание так по-детски, что это было даже смешно. Если Сара выигрывала в «эрудит», Кэрол заходила в приступе кашля, утверждая, что у нее приступ аллергии, и заставляла отца везти ее в больницу. Если Сара и Том начинали говорить о Викторе Гюго, Кэрол настаивала, что Сара не может по-настоящему восхищаться его романами, поскольку не читала их в оригинале, по-французски. Сара только смеялась над такими выходками. Она, наверное, чувствовала себя слишком виноватой перед Кэрол, чтобы спорить, и выбивалась из сил, чтобы сделать что-нибудь хорошее для нее. Вроде вечеринки на день рождения.

Я как раз набрался сил, чтобы пойти в дом и принести еще пива, когда раздался грохот, словно вдали рухнуло с грузовика что-то

тяжелое, такое тяжелое, что вода в бассейне пошла рябью. Все начали оглядываться – даже Ник, который почувствовал вибрацию ногами.

Сара стояла в мелком конце бассейна, очень красивая, хотя кожа покрылась мурашками, и губы посинели – и она прислушивалась: не громыхнет ли еще. Ник первым увидел черный, масляный столб дыма в конце квартала. Снова раздался грохот, потом еще несколько раз подряд – зазвенели оконные стекла и подпрыгнуло столовое серебро.

Завыли сирены. Сара сказала, что это у аптеки на углу, и спросила меня, не схожу ли я посмотреть.

Соседи высыпали на тротуар и стояли под деревьями. Ветер переменялся и понес дым по улице. Дым вонял горелыми шинами и тухлыми яйцами.

Я прошел до конца квартала и увидел аптеку. Одна стена была объята красным пламенем. На тротуаре плакала женщина, вытирая слезы футболкой. У меня был платок, я отдал его той женщине и спросил, как она. Она сказала, что прежде не видела, как умирает человек. Рассказала, что парень на мотоцикле врезался в проволочный ящик у аптеки, полный баллонов с пропаном. Баллоны полыхнули, как самый большой в мире фейерверк. Кто-то сказал, что это несчастный случай, а она возразила, что вовсе нет. Сказала, что парень горел до того, как врезался в баллоны. Что он был похож на Призрачного гонщика. И забрало его шлема было поднято, а внутри виднелся горящий череп – пламя и улыбающиеся зубы.

Я отправился обратно, чтобы загнать всех домой. Сам не знаю, почему. Было неясное предчувствие. Все были там, где я их оставил, и пялились на дым. Стояли вместе под снегом. Было и вправду похоже на снег. Крупные хлопья пепла. Они падали всем на волосы. Падали в торт.

Через пару недель Ник разбудил нас с Сарой, чтобы показать полосы на запястье. Он даже не спросил, что это. И сам уже знал. Я увидел первую отметину на себе вечером того же дня. За четыре дня мы все покрылись драконьей чешуей... все, кроме Сары.

– Думаю, продолжение – в другой раз.

– Наверное, вы очень по ней скучаете.

Он промолчал и уставился через комнату в открытую печьку пустым слепым взглядом. Потом медленно поднялся, огляделся и улыбнулся.

– Она по-прежнему со мной.

У Харпер перехватило горло.

– Что?

– Я говорю с ней почти каждый день. – Его глаза узкими щелочками смотрели в мерцающую мглу, словно он видел Сару где-то там, в противоположном углу сарая. – Я легко представляю, что она сказала бы, чтобы поддеть меня. Если я задаю себе вопрос, мне отвечает ее голос. Мы привыкли считать личность чем-то целостным, внутренним. Все мысли, убеждения, взгляды, которые делают меня мной, – мы приучены думать, что это система файлов, которые хранятся в сейфе мозга. Большинство даже не предполагают, сколько мы храним снаружи. Ваша личность – не только то, что вы знаете о себе, но и то, что знают о вас другие. У человека одна личность с матерью, другая – с любовницей, третья – с ребенком. Другие люди создают и совершенствуют нас не меньше, чем мы сами. Когда человек умирает, те, кого он оставляет, хранят, как и прежде, часть его личности.

Харпер сложила губы трубочкой и выдохнула со свистом. Он говорил о воспоминаниях, а не о призраках.

Взгляд Пожарного снова обратился к открытому люку печки, и Харпер сказала себе: «Спроси его о том, что ты видела – спроси о лице». Но интуиция уберегла ее. Если надавить на него сейчас, он прикинется дурачком, сделает вид, что не понимает, о чем речь. И потом, были более важные темы для серьезного разговора.

– Вы толком не притронулись к кофе, – сказала она. – Он остыл.

– Так это легко исправить, – ответил он и поднял жестяную кружку в левой руке.

Золотые иероглифы на его драконьей чешуе посветлели и замерцали. Рука превратилась в чашу пламени. Пожарный медленно поворачивал кружку в пальцах, и над кофе появился пар.

– Жаль, нет способа вылечить вас от бесстыдного выпендрежа, – сказала Харпер.

– Да разве я выпендриваюсь? Это ерунда. Вчера, умирая и от скуки, и от боли в ребрах, я тренировался пукать кольцами дыма трех цветов. Вот это было впечатляюще.

– Я рада, что хоть кого-то забавляет конец света.

– А почему вы думаете, что свету конец? – Пожарный, похоже, искренне удивился.

– Мне-то точно кажется, что конец. Пятнадцать миллионов человек заражены. Мэн стал похож на Мордор – пояс пепла и отравы в сотню миль шириной. В Южной Калифорнии дело еще хуже. Последнее, что я слышала, – она пылает от Эскондидо до Санта-Марии.

– Черт. Знал же, что не надо откладывать поездку на студию «Юниверсал».

– И что в конце света вас забавляет?

– Все. Особенно заносчивая идея, что мир кончится только потому, что люди могут не пережить этот век. Мы не испытываем должной благодарности за то, что протянули прошлое столетие – я так считаю. Человечество хуже мух. Если хоть один сушеный кусочек ливера переживет пожар, мы все набросимся на него. Будем спорить, чей он, и продавать самые ароматные ломти богатым и легковверным. Вы боитесь, что настали последние дни, поскольку вокруг смерть и развалины. Сестра Уиллоуз, разве вы не в курсе? Смерть и развалины – любимая экосистема человека. Вам доводилось читать о бактерии, которая выживает в вулкане, прямо по соседству с кипящей лавой? Это мы. Человечество – микроб, процветающий на краю катастрофы.

– И кому вы читаете такие лекции, когда меня нет поблизости?

Пожарный засмеялся – словно залаял, – но потом согнулся и поморщился.

– Ох, умереть от смеха в теории романтично, но на деле...

Харпер повернулась к нему лицом и поджала под себя ноги, словно собиралась медитировать.

– Научите меня делать то, что вы умеете.

– Что? Нет. Не могу. Без толку спрашивать меня, как я это делаю. Я и сам не понимаю. И не могу научить, потому что учить нечему.

– Господи, какой же вы жуткий лжец.

Он поставил миску овсянки на пол.

– Отвратительно. Как клей на вкус. Лучше жуков под камнями собирать. Какие болеутоляющие есть в вашей сумке? Мне нужно что-то сильное, чтобы отключиться. Я уже три дня не могу заснуть больше чем на десять минут.

Харпер встала и порылась в хозяйственной сумке на полу. Она достала два пластиковых пакетика адвила.

– Все, чем могу поделиться. Второй принимайте не раньше чем через шесть часов.

– Это еще, на хрен, что? – воскликнул он. – Адвил? Просто адвил? Вы не медсестра. Вы – врач-убийца из третьего мира.

– Хуже: я *отчаявшаяся* медсестра, мистер Руквуд. Видите эту маленькую сумочку? Там аптечка. Там половина всех медицинских препаратов, которые у меня есть, чтобы лечить полторы сотни людей, включая пожилого пациента в коме, у которого в черепе дыра в четверть дюйма.

Пожарный посмотрел измученным взглядом.

– Вам нужны поставки.

– Вы даже не представляете. Гипс. Морфий. Антибиотики. Гору противоожоговых салфеток. Антигистамины. Дефибрилляторы. У Нормы Хилд ревматоидный артрит, и холодным утром она пальцы разогнуть не в состоянии. Ей нужен плаквенил. У Майкла диабет, и через десять дней кончится инсулин. У Нельсона Гейнриха повышенное давление, а...

– Да, да, ясно. У меня есть идея. Кто-то должен ограбить аптеку.

– Кто-то должен ограбить карету «Скорой помощи».

– Полагаю, это должен сделать я, правда? – Он осторожно коснулся своего бока. – Дайте мне четыре или пять дней. Нет, лучше неделю. Я болен и слишком устал, чтобы прямо сейчас делать то, что нужно.

– Вы будете не в состоянии что-либо делать недели две, а то и четыре. Сомневаюсь, что в вашем состоянии вы до церкви дойдете.

– О, я никуда не пойду. Я пошлю феникса. А теперь слушайте. Есть дом...

– Что значит – пошлете феникса? – Тут Харпер вспомнила, как Марти, приятель Ковбоя Мальборо, бормотал: «Эта сраная громадная огненная птица – размах крыльев в тридцать футов – начала

бомбардировку. Она опустилась так низко, что мешки с песком загорелись!»

– Это еще один из моих маленьких приколов. Фейерверк, чтобы напугать туземцев, и, к счастью, я могу им управлять с большого расстояния. Вы с несколькими надежными помощниками найдете переулочек вдалеке от лагеря. Верден-авеню вполне подойдет – наискосок от кладбища, и мне известно, что дом номер десять свободен. Остановитесь у него на дорожке и...

– Откуда вы знаете, что десятый пуст?

– Там жили мы с Сарой. Ровно через неделю звоните «911». Звоните с мобильного – у Бена, думаю, их целая коллекция. Сообщите в экстренную службу, что у старенького папеньки сердечный приступ. Когда спросят, поклянитесь, что у вас нет драконьей чешуи. Скажите, что нужна «Скорая помощь», и ждите.

– Они не пошлют «Скорую» без полицейского сопровождения.

– Конечно, но об этом не беспокойтесь. Для того и нужен феникс – мое световое шоу. Когда они остановятся, я прогоню всех прочь, и вы сможете удрать, забрав все необходимое. Конечно, хорошо было бы просто угнать саму машину, но...

– На ней может стоять противоугонка. Или устройство спутникового слежения.

– Точно.

– И я не хочу, чтобы кто-то пострадал. Врачи «Скорой помощи» рискуют жизнями, помогая другим.

– Никто не пострадает. Я напугаю их до потери сознания, но и только.

– Очень не хочется просить вас о помощи. Вот вы всегда так. Придаете таинственность вещам, в которых не должно быть ничего таинственного, потому что хотите, чтобы все вами восхищались. Дешевый кайф.

– Не лишайте меня моих маленьких удовольствий. Вы получите все, чего хотите. Почему бы и мне не получить немножко того, что хочу я?

– Я не получу *всего*. Если бы я могла делать то, что умеете вы, мне не нужно было бы умолять вас о помощи. Пожалуйста, Джон. Хотя бы попробуйте научить меня.

Его взгляд скользнул к печке и обратно.

– Все равно что просить рыбу научить вас дышать под водой. Теперь ступайте. У меня болят бока, и нужно поспать. И без сигарет не возвращайтесь.

– Вы пытались научить ее? Сару?

Он словно отшатнулся от нее. На мгновение в его взгляде застыли ужас и боль, словно она двинула его по ребрам.

– Нет. Не я. – Позже Харпер сообразила, что это странная форма отрицания. Пожарный вытянулся, повернулся на здоровый бок, и теперь Харпер смотрела в костлявый изгиб его шеи. – Разве вам больше не за кем ухаживать? Поите других бальзамом врачебного такта, сестра Уиллоуз. Я уже сыт по горло.

Харпер поднялась и обулась. Надела и застегнула парку. Собрала сумку. Тронула задвижку и замерла.

– Я сегодня три часа пряталась в шкафу, меньше чем в дюжине футов от своего бывшего. Я три часа слушала его рассказы: что он сделал с больными. Он и его новые друзья. Три часа слушала – что он сделал бы со мной, будь у него возможность. На их взгляд, мы – плохие ребята во всей этой истории. Если он увидит меня, то убьет. Если бы он мог, то убил бы всех в лагере. И после этого думал бы, что хорошо потрудился. Он считает себя парнем в ковбойской шляпе из «Ходячих мертвецов», косящим зомби.

Пожарный ничего не ответил.

Харпер продолжила:

– Однажды вы спасли меня. Я буду вам обязана до конца жизни – правда, не знаю, сколько протяну. Но что, если я умру в ближайшие пару месяцев, потому что вы не научили меня, не сделали такой, как вы, способной постоять за себя – хотя могли? Это все равно как если бы вы спрятались тогда в лесу и позволили Джейкобу меня убить.

Пружины кровати сердито скрипнули.

– Я собираюсь жить, чтобы родить ребенка. Если Господь позволит мне протянуть еще три месяца, я буду молиться. Если Кэрол Стори поможет мне выжить, я буду петь с ней «Будь рядом с нами, Господь», пока не охрипну. А если вы можете научить меня чему-то полезному, мистер Руквуд, я даже прощу вашу заносчивость, гадкие манеры и доморощенные философские лекции. Но не ждите, что я откажусь. У вас есть живо-творное лекарство. Оно мне нужно.

Харпер открыла дверь. Ветер завывал одновременно и пугающе, и мелодично.

– И еще одно. Я не говорила, что у меня нет сигарет. Я сказала, что нет сигарет *для вас*. И не будет... пока вы не наденете профессорскую шапочку и не начнете первое занятие по спасению от самовозгорания. А до тех пор «галуазки» останутся в моей сумке.

Захлопнув дверь, Харпер услышала вопли Пожарного. По дороге к лодке она узнала несколько новых ругательств. Ей понравилось «сучара помойная». Надо будет приберечь для особого случая.

9

Харпер не знала, что ее ждут на пристани, пока кто-то не схватился за ткнувшийся в доски нос лодки.

– Вам помочь, сестра? – Джейми Клоуз протянула руку.

Казалось, говорит сама тьма. Харпер не могла толком разглядеть фигуру Джейми, присевшей на корточки, на фоне черных качающихся сосен и черных клубящихся туч на черном небе. Кто-то уже привязывал лодку. Алли – Харпер узнала ее по гибкой мальчишеской фигуре и ловким движениям.

Харпер приняла руку Джейми и помедлила. Хозяйственная сумка с припасами была задвинута под банку, на которой сидела Харпер; в холщовой сумке помимо прочего были ром, сигареты, растворимый кофе и чай. Все ее имущество по давним законам лагеря становилось общим, но сейчас она писала собственные законы. Если спиртное и курево можно обменять на секреты Пожарного, лагерю придется обойтись.

Харпер нагнулась, вынула из сумки аптечку – она лежала сверху – и выпрямилась, оставив сумку на месте.

Проходя мимо Джейми, Харпер попыталась заглянуть в глаза Алли, но та уже повернулась к ней спиной. Девушка дрожала – от ярости, решила Харпер, а не от холода. На плече у Алли была винтовка. У Джейми тоже.

– Алли, прости, что не вернулась раньше. Я понимаю, что ты злишься на меня. Если у тебя неприятности, я поговорю с Беном, или с Кэрол, или с кем угодно и объясню, что ты не виновата. Но даже не

представляю, почему у тебя должны быть неприятности. Я сказала, что проведу Пожарного и вернусь – так я и поступила. Примерно.

– Вы забыли, что сначала пошли домой, да, сестра? – спросила Джейми.

Значит, им известно, что она сделала крюк по дороге на остров Пожарного. Она держалась деревьев, уходя из лагеря, но, оглянувшись однажды, подумала – видит ли ее Майкл с колокольни. На башне око видит далёко.

– В лазарете не хватает важных медикаментов. К счастью, я знала, что найду нужное в моем подвале.

Девочки встали по бокам от Харпер. Они напоминали полицейских, конвоирующих преступника в суд.

– Счастья хоть отбавляй, – сказала Джейми. – Знаете, в чем еще счастье? Вас не забили до смерти киями. И нам тоже повезло. Повезло, что они не пошли по вашим следам – в лес и до самого лагеря. Да-да, мы их видели. Кремационная бригада объявилась сразу после вашего ухода. У нас обеих винтовки, но Алли велела мне застрелить вас – у нее самой рука не поднималась. Мы прятались в лесу, пока совсем не стемнело. Потом не было смысла.

Харпер под конвоем прошла между пихтами, вдоль футбольной поляны, залитой лунным сиянием. Харпер сама не понимала, вызвана ли тупая боль в животе приступом тревоги или ребенок уперся пяткой.

– Алли, – сказала Харпер. – Прости, что напугала тебя. Я не должна была впутывать тебя во все это. Но ты пойми: я не пошлю ребенка навстречу опасности, когда могу все сделать сама. А ты ребенок. Все дозорные – дети.

– Дело в том, что вы все-таки подвергли нас опасности. Подвергли опасности весь лагерь, – сказала Джейми.

– Я была осторожна. Они не могли обнаружить мои следы.

– Им и не нужно было искать никакие следы. Достаточно было обнаружить вас. Можете думать, что не сказали бы ничего, но забавно, как может развязывать язык кий в вульве. Нечего было ходить. Вы знали, что уходить нельзя. А больше всего Алли мучается от того, что знала – нельзя было вас отпускать. Мы поклялись стеречь людей. Охранять добреньких засранок вроде вас в лагере. Все дозорные поклялись матери Кэрол...

– Какой матери? Она ничья не мать, Джейми. – Харпер подумала, что группа под названием «Мама Кэрол и дозорные» могла бы выступать на «Ярмарке Лилит» в 1996 году.

– Мы поклялись ей, мы поклялись друг другу – и все испортили. Кэрол огорчилась до смерти, когда узнала, что вы сбежали. Как будто на нее и без того мало навалилось.

– Прекрасно. Ты сказала, что должна была. Скажи Кэрол, что вы передали ее сообщение, и в следующий раз, как мне потребуется приток свежего воздуха, я обязательно поставлю ее в известность. А ты, Алли, можешь заканчивать свой бойкот. Я не ребенок, чтобы испугаться. Хочешь что-то сказать? Сделай одолжение, скажи.

Алли повернулась и посмотрела на Харпер влажными обвиняющими глазами. Джейми хрюкнула.

– Что? – спросила Харпер.

– Вы думаете, это у вас неприятности. Да это все ерунда по сравнению с горой дерьма, которая свалилась на Алли за то, что она выпустила вас. Теперь Алли отрабатывает прощение. Она просила дать ей возможность все исправить, и мама Кэрол дала.

– Как? Велела принять обет молчания?

– Не совсем. Помните, что делал отец Стори? Как он сосал камешек, если нужно было подумать?

Снег скрипел под ногами, когда они взбирались на холм. Харпер не сразу осознала. Ночь выдалась длинная.

– Ты шутишь.

– Ни хрена. Алли носит камешек во рту, чтобы подумать над своими ошибками и вспомнить свой долг. В последний раз, когда мы ослабили охрану, кто-то разбил голову отцу Стори. Теперь мы все носим камешки – чтобы помнить. – Джейми вытащила руку из кармана и показала Харпер камень размером с мяч для гольфа.

– О, ради бога. И сколько же ты собираешься ходить с этим, Алли? – спросила Харпер, как будто надеялась получить ответ.

Алли посмотрела так, будто вот-вот выплюнет камень в лицо Харпер.

– А это зависит от вас, – сказала Джейми. – Вас ведь не было на собрании, где мы решили, что необходимо наказывать тех, кто ставит себя выше правил. Никто не против вас персонально. Майк увидел, как вы гребете к острову Пожарного, и стало ясно, что на какое-то время

вы в безопасности. Бен и мать Кэрол поговорили и решили, что по справедливости надо серьезно отнестись к вашей отлучке за пределы безопасной территории. И еще Кэрол опасалась, что остальные в лагере неправильно поймут, если вы подадите дурной пример. Было принято решение, и Алли согласилась. Алли будет носить камень до тех пор, пока вы не заберете его. А вы будете носить его во рту только...

– Джейми, спасибо, что все объяснила напрямик. Но знай: что бы вы все там себе ни решили, я не собираюсь сосать камень в качестве средневекового наказания. Если думаешь, что я соглашусь, то Алли не единственная, у кого сейчас камень в башке.

Они дошли до юго-восточного угла церкви, где ступеньки вели вниз, в женское общежитие. Трое дозорных, сидя на бревнах, пели простой и грубоватый гимн «Его распяли на кресте». Глаза блестели медными монетками, драконья чешуя на голых руках светилась, как горящее кружево, окрашивая снег алым. Дыхание срывалось с губ струями красного пара. У всех был голодный вид, скулы резко очертились. Худые руки, худые шеи, впалые виски, бритые головы, как у узников концлагеря. В голове Харпер возникло непрошенное: «Пуст желудок – пуста и голова».

– Ну, надеюсь, вы передумаете, сестра. Потому что покаяние Алли не кончится, пока не начнется ваше.

– Алли, – сказала Харпер. – Я отвечаю за свой косяк. Отвечаю полностью. Так что, если хочешь играть в мученицу, дело твое. Я тебя не заставляла. – Она покосилась на Джейми и добавила: – И меня никто не заставит. Это унижительно и по-детски. Если нужно, чтобы я чистила картошку или скребла кастрюли – я не боюсь запачкать руки. Но я не пойду на этот нелепый акт самоуничижения.

– Алли сделает что угодно, лишь бы все исправить. Люди смотрят на вас, сестра – и лучше вам поступить так же. Алли готова служить примером, сколько бы ни потребовалось времени.

– Или до обеда.

– Не-а. Вы ошибаетесь. Если вы не заберете у нее камень и не будете носить его сами, он останется – за завтраком, обедом и ужином... вы, наверное, помните, как мы, дозорные, недавно отказались от обеда, чтобы такие, как вы, могли поесть. Наверное,

Алли придется вынуть камень и положить под подушку на ночь, но это все.

– Не знаю, кто из вас хуже. Она с камнем во рту или ты с полным ртом чепухи. – Харпер остановилась, повернулась к Джейми спиной и заговорила с Алли руками.

«Прекрати», – сказала она языком тишины, которому научилась у Ника.

Алли взглянула холодными, злыми глазами. Она знала только пальцевую азбуку, так что отвечала медленно, пока Харпер проговаривала буквы про себя:

«В-Ы

З-Н-А-Е-Т-Е

К-А-К

М-Е-Н-Я

З-А-С-Т-А-В-И-Т-Ь»

И закончила, выставив средний палец, – знак, известный даже тем, кто не учил язык глухонемых.

Книга пятая

Узники

1

Из дневника Гарольда Кросса:

«30 ИЮНЯ.

ВЕРНУЛСЯ ИЗ ХИЖИНЫ. НЕ СТОИЛО БРАТЬ ТРЕТЬЮ ПИЦЦУ. ОБЪЕЛСЯ, И ДАЖЕ ПЕРЖУ ТЕПЕРЬ ДЫМОМ И ОСТРЫМ ПЕРЦЕМ.

ИНТЕРЕСНЫЕ НОВОСТИ ИЗ КОРДОВЫ. ДВЕ СОТНИ ЗАРАЖЕННЫХ УБИТЫ В ИЕЗУИТСКОМ МОНАСТЫРЕ В АЛЬТА-ГРАСИЯ, ВОЕННЫЕ БУЛЬДОЗЕРОМ СВАЛИЛИ ВСЕ ТЕЛА В ЯМУ. ДОКТОР *БА ВАС* СМОГ УТАЩИТЬ ЧЕТЫРЕ ТРУПА, ВКЛЮЧАЯ ТЕЛО *ЭЛЬ ОРНО ДЕ КАМИНАРА*, КОТОРЫЙ В ОДИНОЧКУ СДЕРЖИВАЛ АТАКУ ВОЕННЫХ ПОЧТИ ЧАС, – СОЗДАВ НЕЧТО ВРОДЕ ОГНЕННОГО СМЕРЧА, ЧТО ПОЗВОЛИЛО ПОЧТИ ТЫСЯЧЕ ЧЕЛОВЕК С ДРАКОНЬЕЙ ЧЕШУЕЙ УКРЫТЬСЯ В ДЖУНГЛЯХ. ПОХОЖЕ НА КОЕ-КОГО, КОГО МЫ ЗНАЕМ? А *ЭЛЬ ОРНО ДЕ КАМИНАР* В ПЕРЕВОДЕ – «ХОДЯЧАЯ ПЕЧЬ».

ДОКТОРУ *БА* УДАЛОСЬ ПОРАБОТАТЬ НАД ИЗВЛЕЧЕННЫМИ ТЕЛАМИ. ОН ПРИСЛАЛ МНЕ ПИСЬМО С ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМИ РЕЗУЛЬТАТАМИ. ВСКРЫТИЕ МОЗГА НЕДАВНО ЗАРАЖЕННОГО РЕБЕНКА ПОКАЗАЛО ТОЛЬКО СЛЕДЫ СПОР В СИНУСАХ И НА ОБОЛОЧКАХ ГОЛОВНОГО МОЗГА. НО АРГЕНТИНСКИЙ ПОЖАРНЫЙ ЗАРАЗИЛСЯ ГОРАЗДО РАНЬШЕ, И *DRACO INCENDIA TRUSCORPUS* ПРОНИК ГОРАЗДО ГЛУБЖЕ В ВЕРХНЮЮ ВИСОЧНУЮ ИЗВИЛИНУ.

ЭЛЬ ОРНО ДЕ КАМИНАР ДАВАЛ ИНТЕРВЬЮ В АЛЬТЕРНАТИВНОМ МЕДИЦИНСКОМ БЛОГЕ, В ПЕРВЫЕ ДНИ ЭПИДЕМИИ, И ОБЪЯСНИЛ, КАК ОН УПРАВЛЯЕТ ОГНЕМ, ДАЖЕ НЕ ОБЖИГАЯСЬ: «МОЖНО ПОПРОСИТЬ СПОРЫ ОХРАНЯТЬ ТЕБЯ, НО СНАЧАЛА НУЖНО ЗАБЫТЬ СОБСТВЕННЫЙ ГОЛОС. МОЖНО ПОПРОСИТЬ СРАЖАТЬСЯ ЗА ТЕБЯ, ТОЛЬКО НУЖНО

ОБРАТИТЬСЯ СМИРЕННО И БЕЗ СЛОВ». НАВЕРНОЕ, ПЕРЕВОД ДЕРЬМОВЫЙ, НО МЕНЯ ЗАЦЕПИЛО. В ВЕРХНЕЙ ВИСОЧНОЙ ИЗВИЛИНЕ НАХОДИТСЯ ЗОНА ВЕРНИКЕ, ОТВЕЧАЮЩАЯ ЗА РЕЧЬ. ПОХОЖЕ, ОН ВСЕ ОБЪЯСНИЛ, ТОЛЬКО Я НИЧЕГО НЕ ПОНЯЛ».

Харпер читала дневник в туалете, заперев дверь, чтобы никто не застал ее за этим занятием. Она чувствовала себя юной девушкой, тайком изучающей порнографию, – во рту пересохло, и сердце ходуном.

Войдя наконец в палату, освещенную молочным рассветом, Харпер обнаружила у себя на кровати белый камешек, под которым была записка. «Когда примешь свое лекарство?» – написал кто-то.

Отец Стори дремал на своей койке, Ник – на своей. Оба спали в одинаковых позах, с одинаково сосредоточенными лицами – и невозможно было не разглядеть семейного сходства. Где-то внутри отца Стори еще таился мальчонка, как мушка, прекрасно сохранившаяся в куске янтаря. А Ника ждал старик, как мешковатое пальто, которое тот будет готов надеть через шесть десятков лет.

Харпер посмотрела на занавеску, закрывающую приемный покой, чтобы убедиться, что за ней не следят, и убрала блокнот обратно в потолок. Потом взяла камешек и юркнула в соседнюю комнату.

Дежурила Минди Скиллинг, милая, сиротливого вида девочка лет двенадцати. Харпер лечила ее в прошлом месяце от инфекции мочевых путей. Минди сочувственно глядела на Харпер влажными глазами. Посмотрев на милое, выразительное личико – яркие глаза с длинными изогнутыми ресницами, – Харпер вспомнила, что в прошлой жизни Минди изучала актерское мастерство.

– Это ты положила мне на постель? – спросила Харпер, показывая камень.

Минди покачала головой.

– А кто?

– Разве не лучше, – сказала Минди, – просто принять свое наказание? Алли точно будет лучше. – Ее глаза вдруг расширились от

неожиданного озарения. Она передвинулась на край дивана. – Что, если вы положите камешек в рот на пять минут? А я всем скажу, что вы держали целых полчаса.

– Даже на пять секунд не положу, – сказала Харпер. – И вот что, Минди. Что, если у тебя опять воспалится мочевого пузыря?

Минди взглянула испуганно, словно ожидая удара.

Харпер готова была выругаться, но только вздохнула и произнесла:

– Не важно. – И скользнула обратно в палату.

Все-таки злобные замечания были не в ее характере. В те пару раз, когда она говорила людям действительно гадкие вещи, во рту надолго оставался мерзкий привкус. Похуже, чем у камня.

3

Новую порцию нервотрепки – и еще хлеще – Харпер получила на следующий вечер, за завтраком.

Вдоль стены кафетерия уже выстроилась очередь, когда Харпер вышла из темноты с тающим снегом в волосах. От лазарета она почти бежала, подгоняемая визгливым ветром. Ушей она не чувствовала, а от запаха кленового сиропа и овсянки разгорелся аппетит.

Половина лагеря уже сидела за столом, и комната гудела от разговоров и лязганья ложек по мискам. Было шумно, так что Харпер не сразу услышала Гейл Нейборс и не понимала, что кто-то к ней обращается, пока Джиллиан Нейборс не пихнула ее в бок, чтобы привлечь внимание.

Близнецы Нейборс стояли позади Харпер, плечом к плечу. Они были в одинаковых красных свитерах – очень неудачный выбор, поскольку на память сразу приходили Штучка Один и Штучка Два из «Кота в шляпе» доктора Сьюза.

– Алли вчера не ела целый день, – сказала Гейл. Харпер была уверена, что это Гейл – та, у которой острый подбородок.

Харпер отвернулась от сестер.

– Не хочет есть, ее дело. Никто не заставляет ее голодать.

Одна из сестер дернула Харпер за рукав – пришлось обернуться.

Джиллиан смотрела ничуть не дружелюбнее Гейл, поджав губы. Она несколько дней не брила голову, и скальп посинел от щетины.

– А правда, что вам достаточно пожертвовать всего получасом времени, чтобы все исправить? – спросила Джиллиан.

– И еще собственным достоинством.

Сестры промолчали. Харпер снова отвернулась. Очередь медленно продвигалась.

– И вправду упертая сучка, – тихо сказали сзади.

На этот раз Харпер не стала оборачиваться.

– Знаете, некоторые думают, что... – начала одна сестра, но вторая ее одернула.

Харпер не интересовало, что думают некоторые, и она не удостоила замечание ответом.

Она не знала, что Алли дежурит на раздаче, пока не дошла до прилавка. Алли по-прежнему носила камешек во рту – это было видно по тому, как она сложила губы.

Алли подняла взгляд и посмотрела на Харпер влажными, ненавидящими глазами. Она нагнулась под прилавок, достала гладкий, яйцевидный гранитный камешек, положила в миску и подала Харпер.

Харпер поставила поднос и пошла прочь; за спиной сестры Нейборс давились от смеха.

Поздно ночью – или рано утром, можно и так сказать – Ник проводил уроки бессловесного языка, а Харпер была прилежной и единственной ученицей в пустом классе – лазарете.

Если бы кто-то заинтересовался, почему Ник остается в лазарете, а не возвращается к сестре в женскую спальню или к мужчинам, Харпер сказала бы, что хочет еще понаблюдать его. И заявила бы, что ее беспокоит паховая грыжа, возникшая у мальчика после летней операции по удалению аппендицита. Слово «грыжа» достаточно страшное, чтобы прекратить дальнейшие разговоры. Но вопросов никто не задавал, и Харпер решила, что мало кого волнует, где спит Ник. Если у тебя нет голоса, то нет и личности. Обычно люди обращают на глухих не больше внимания, чем на собственную тень.

Они сидели друг напротив друга на койке Ника в пижамах. Харпер уже не застегивала три пуговицы под грудью, и живот торчал розовым глобусом; и когда они закончили урок языка жестов, Ник снял колпачок с маркера и нарисовал на животе Харпер смайлик.

«Как вы ее назовете?» – спросил Ник. Он начал на языке жестов, но Харпер не поняла, и ему пришлось написать вопрос.

«Его», – ответила она руками.

Ник положил ладошки на выпуклый живот Харпер, закрыл глаза и легонько вдохнул. Потом показал: «Пахнет, как девочка».

«А как пахнет девочка?» – спросила она; руки сами вспомнили нужные слова, и Харпер почувствовала прилив гордости.

Ник пожал плечами и написал: «Конфетами пирожными сладостями всевозможными, ага».

«И ты действительно можешь по запаху определить, что это девочка?» – написала Харпер.

«Если человек теряет 1 чувство, – накалякал он, – другие усиливаются. Вы не знали? Я унюхиваю много всего, что другие не могут».

«Например?»

«Например, что-то не то внутри отца Стори». Теперь Ник смотрел печально, не мигая. «Он пахнет болезнью. И... слишком сладко. Как цветы, когда гниют».

Это не понравилось Харпер. В медицинской школе она знала доктора, который утверждал, что слышит запах смерти, что разрушение тела пахнет по-особому. И говорил, что можно определить это по запаху крови: душок беды.

Зеленоватая занавеска между палатой и приемным покоем взметнулась, и к ним проскользнула Рене Гилмонтон, неся миску, обернутую фольгой.

– Норма послала меня принести кашу-малашу для больного ребеночка, – сказала Рене, подойдя к кровати Ника и сев напротив Харпер. Рене залезла в карман парки и вытащила еще что-то, завернутое в фольгу. – Я подумала, что он не единственный, кто не прочь подкрепиться. – И Рене кивнула на раздутый живот Харпер.

Харпер была почти уверена, что, развернув фольгу, найдет камешек. «Жри, сука, – скажет ей Рене. – А потом вставай на колени и покаяйся перед матерью Кэрол». Но, разумеется, еще даже не развернув

до конца фольгу, Харпер поняла, что это никакой не камень – просто по весу. Рене принесла бисквит с умопомрачительной медовой прослойкой.

– Позор Алли, – продолжала Рене, – что дала вам камень вместо завтрака. У вас уже второй триместр заканчивается. И нельзя пропускать прием пищи. Мне плевать, что она там думает о вас.

– Я ее подвела. Она верила, что я не натворю глупостей, а я не удержалась.

– Вы пытались снабдить больных медикаментами. Вы пытались забрать их из *своего дома*. Никто не может запретить вам пойти домой. Никто не может отобрать у вас ваши права.

– Не знаю. Лагерь проголосовал и выбрал Бена и Кэрол главными. Это демократия, а не тирания.

– Пусть поцелуют мою черную задницу! Не было никаких настоящих выборов. Они перед голосованием пели целый час, и все еще оставались в Свете. И большинство так балдели, что проголосовали бы и за цилиндр, думая, что выбрали Авраама Линкольна.

– Но правила...

Рене замотала головой.

– Правила ни при чем. Разве не ясно? Дело в контроле. Вы пошли домой за медикаментами – чтобы помочь людям. Помочь отцу Кэрол! Ваше настоящее преступление не в том, что вы покинули лагерь. *Настоящее* преступление в том, что вы сами решили, как будет лучше для ваших подопечных. А теперь только Бен и Кэрол могут решать, что лучше для людей в лагере Уиндем. Кэрол заявляет, что мы говорим единым голосом. Но не упоминает, что это *ее* голос. Только одну песню можно теперь петь – песню Кэрол – и тот, кто не в гармонии, пусть сунет камень в рот и заткнется к чертям.

Харпер искоса взглянула на Ника, который сгорбился над миской с кашей; он не обращал на них внимания, и боль в животе, из-за которой он оказался в лазарете, уже никак себя не проявляла.

– Все было бы не так страшно, если бы не кремационная бригада, которая объявилась, пока я была дома, – сказала Харпер. – И найди они меня, заставили бы говорить, прежде чем убить. С ними был мой муж. Мой бывший. Именно он заставил бы меня говорить. Я это ясно

вижу. И слышу, как он задает вопросы – спокойным, ровным голосом – и садовыми ножницами отрезает мне пальцы.

– Да. Ясно. Ну с этим... не знаю, что с этим делать. Я к тому, что какова была вероятность, что они окажутся там одновременно с вами? Это все равно что попасть под удар молнии.

Харпер подумала – не рассказать ли Рене о Ковбое Мальборо и его тайном радио, которое он якобы слышит в голове, о передачах из будущего; но потом решила, что и думать об этом не хочет. Лучше съест бисквит. В медовой начинке ощущались жасмин, патока и лето. Желудок заурчал – громко, как будто кто-то двигал мебель, – и женщины посмотрели друг на друга в притворном удивлении.

– Мне бы хотелось как-то объяснить Алли, что мне очень жаль, – сказала Харпер.

– А вы пытались просто *сказать* об этом?

– Да.

– Тогда и делу конец. Этого должно быть достаточно. Она сама не своя, Харп. Мы с Алли никогда особо не ладили, но сейчас она стала совсем чужая.

Харпер хотела ответить, но тут исчез последний кусочек бисквита. Он казался большим в ладони, но исчез с обескураживающей быстротой.

– Все пошло не так, – сказала Рене. Харпер сначала решила, что Рене шутит, и внезапно поразилась горечи в глазах женщины. Рене устало улыбнулась и продолжила: – Вы сегодня утром пропустили замечательную сцену в школе. Я объявила двадцатиминутную перемену после урока истории. Выходить детям нельзя, но мы отгородили скамьями полцеркви, чтобы дать им свободно побегать. Я заметила, что Эмили Уотерман и Джанет Керсори шепчутся в уголке. Пару раз Огден Левитт подкрадывался к ним, но они гнали его прочь. Ну, после перемены я собрала всех на чтение и сразу заметила, что Огден грустит и чуть не плачет. Ему всего семь, а он видел, как убили его родителей, пытавшихся сбежать от карантинного патруля. Он только недавно впервые заговорил после того случая. Я посадила его на колени и спросила, в чем дело; он сказал, что Эмили и Джанет – супергерои, а он тоже хочет быть супергероем, но они не говорят ему волшебный стишок, а он думал, что секреты не по правилам. Джанет рассердилась и обозвала его ябедой, но Эмили вдруг побледнела. Я

сказала Огдену, что знаю стишок для суперсилы: «Би-боп, тула-лила, и у тебя есть суперсила!». Он просиял и тут же сказал, что умеет летать, а я подумала: «Молодец, Рене Гилмонтон, ты снова на высоте!» – и хотела начинать чтение, но тут встала Эмили и спросила, должна ли она носить камень во рту за то, что хранила секрет. Я сказала, что правило касается только очень серьезных тайн, взрослых секретов, но расстроенная Эмили сказала, что если не искупит вину, то не сможет петь со всеми в церкви, а если не петь и не присоединяться к Свету, можешь сгореть. Тут перепугалась и Джанет – и тоже попросила камешек.

Я попыталась их успокоить. Сказала, что они не натворили ничего, что следует искупать. Харпер, это же просто дети. Но потом Чак Каргилл услышал шум и подошел поближе. Он один из друзей Алли, они примерно ровесники. Разумеется, дозорный. И он сказал: замечательно, что они хотят покаяться, как большие дети, и если хотят, он даст каждой по камешку на десять минут – и это их очистит. Он дал им два камешка, и они сосали их все чтение с таким видом, как будто Каргилл дал им леденцы.

И знаете, Харпер, что хуже всего? Как только кончилось чтение, Огден подбежал к Чаку Каргиллу и объявил, что прячет комиксы под кроватью, и спросил, можно ли ему тоже покаяться. К концу занятий половина детей держали камешки во рту... и, Харп, они сияли. Их глаза сияли. Как будто они пели вместе.

– Окситоцин, – пробормотала Харпер.

– *Оксиконтин*? Это ведь обезболивающее?

– Что? Нет. Не важно. Забудьте.

– Вы не ходили сегодня утром в церковь, – сказала Рене.

– Монтировала питательную линию для отца Стори. – Харпер кивнула на старика. Пластиковый пакет с яблочным соком свисал со стойки торшера у кровати. Трубка делала две мертвых петли и исчезала в ноздре пациента.

Рене сказала:

– Без отца Стори все изменилось.

– Как изменилось?

– Раньше, когда все входили в Свет, было... ну все говорили, что это как будто чуть поддаешь, правда? Будто сделал несколько глотков действительно хорошего красного вина. А теперь – как будто все

прихожане хлебнули дешевого грязного самогона. Поют хрипло для себя, а потом просто... жужжат. Стоят, качаясь, и жужжат, и глаза горят.

– Жужжат? – переспросила Харпер.

– Как пчелы в улье. Или как мухи над трупом сбитого на дороге животного. – Рене вздрогнула.

– И с вами так же?

– Нет, – сказала Рене. – Я не смогла присоединиться. И Дон Льюистон не смог. И еще некоторые. Не знаю, почему.

А Харпер подумала, что она-то знает. Впервые прочитав в блокноте Гарольда Кросса об окситоцине, она вдруг представила солдат в пустыне и горящие в ночи кресты. Тогда она не поняла, какая тут связь. Но теперь сообразила. Окситоцин – наркотик, которым тело награждает человека, получившего одобрение племени... даже если твое племя – ку-клукс-клан или команда морпехов, измывающихся над узниками в Абу-Грейб. Если ты не часть племени, ты не получишь вознаграждения. Лагерь делился, органично, естественно – на тех, кто включен, и тех, кто представляет угрозу.

Рене, с несчастным видом глядевшая в угол комнаты, сказала отсутствующим голосом:

– Иногда даже кажется, что лучше уж просто...

Она замолкла.

– Просто – что? – спросила Харпер.

– Просто сесть в машину с кое-какими припасами и уехать. Собрать последних разумных людей в лагере и бежать. Бен Патчетт спрятал ключи от всех машин, но это ничего. С нами будет Гил, а он умеет... – Рене оборвала себя.

– Гил?

– Гилберт. Мистер Клайн.

На ее лице появилось нарочито невинное выражение. Харпер не поверила ни на мгновение. Что-то стучалось в памяти, просясь наружу, и Харпер наконец вспомнила. Летом, когда Рене Гилмонтон была пациентом Портсмутской больницы, она рассказывала Харпер о том, как работала волонтером в тюрьме штата, где организовала кружок чтения.

– Так вы знали друг друга? – спросила Харпер и прочитала ответ в ярких испуганных глазах Рене.

Рене взглянула на Ника, сидящего с пустой миской на коленях и внимательно рассматривающего женщин.

– Он не читает по губам, – сказала Харпер. – Практически не читает.

Рене улыбнулась Нику, взъерошила его волосы и сказала:

– Хорошо, что у него прошла боль в животе. – Подняв подбородок, она посмотрела Харпер прямо в глаза и добавила: – Да, Гила я узнала, как только увидела. Нью-Гемпшир – маленький штат. И было бы странно, если бы никто из нас никого не знал по прошлой жизни. Он ходил в мой кружок чтения, в Конкорде. Наверняка большинство мужчин записывались в кружок, только чтобы иметь возможность поговорить с женщиной. Запросы снижаются, как посидишь взаперти, и даже почти пятидесятилетняя и с фигурой «мешок картошки» становится красоткой.

– О, Рене!..

Рене засмеялась и добавила:

– Но Гил любил книги. Я знаю, что это правда. Сначала я нервничала, потому что он носил блокнот и записывал все, что я говорю. Но постепенно нам стало хорошо друг с другом.

– Что значит хорошо? Вы и его сажали на колени на уроке чтения?

– Прекратите, что за ужас! – воскликнула Рене, но по выражению лица было похоже, что ужас ей понравился. – Это были разговоры над книгами, а не на подушке. Его было трудно разговаривать – стеснялся, – но я видела, что он проницательный, и говорила ему об этом. Я убедила его пойти учиться английскому в университет штата. Он записался на онлайн-курс обучения, как раз когда появились первые случаи заражения драконьей чешуей в Новой Англии.

Рене посмотрела на свои ботинки и выпалила:

– Похоже, мы возрождаем читательский клуб. Бен разрешил мне посещать заключенных. И даже выделил уголок подвала с трухлявыми стульями и дырявым ковром. Каждую ночь узники ненадолго покидают этот ужасный мясной холодильник – выпить по чашке чая и посидеть со мной. Под охраной, разумеется, но дежурный обычно сидит на лестнице, чтобы не мешать нам. Сейчас мы читаем «Обитателей холмов». Мистер Маззучелли сначала отказывался читать историю про кроликов, но, кажется, я его переубедила. А Гилу...

мистеру Клайну, по-моему, просто приятно поговорить с кем-то. – Рене чуть помедлила. – Мне и самой приятно просто с кем-то поговорить.

– Хорошо, – сказала Харпер.

– Похоже, у Гила на груди татуировка – цитата из Грэма Грина, – сказала Рене и уставилась на мысок ботинка, с которого сползал комок мокрого снега. Она старалась говорить безразличным тоном. – Что-то по поводу сущности заключения. Только я, конечно, никогда не видела.

– А! – сказала Харпер. – Прекрасно. Если Бен вас накроет, а Гил окажется полуголым, скажите, что проводите срочное литературное исследование, и попросите зайти попозже... после того, как проверите, хорош ли у Гила лонгфелло.

Рене квакнула, с трудом сдерживая хохот. Казалось, у нее вот-вот дым повалит из ушей; а в дни пожаров и чумы это было вполне реально. Было приятно, что Рене смеется над невинными сальными нападками. Напоминало нормальную жизнь.

– Ага. Клуши о чем-то кудахчут. – Бен Патчетт продрался через занавеску в палату и неопределенно улыбнулся. – У меня есть повод для беспокойства?

5

– Помяни дьявола... – пробормотала Рене, вытирая глаза пальцем.

«Клуши кудахчут». Харпер не могла выбрать – какое слово по отношению к женщине кажется ей более отвратительным, «сука» или «клуша». Клуш держат в клетках, их единственная ценность – яйца. У суки хотя бы есть зубы.

Если раздражение и отразилось на лице Харпер, Бен его не заметил – или не захотел. Он двинулся к койке отца Стори и осмотрел трубочку с янтарного цвета жидкостью и почти пустой пакет на лампе у кровати.

– Передовая медицина? – спросил Бен.

– Что именно? Кормежка из пакетика? Или дырка в черепе, которую я заткнула винной пробкой и воском? Верх совершенства. Точно так же сделали бы в клинике Майо.

– Тише, тише. Не надо кусаться. Я же не кусаюсь. Я вами восторгаюсь, Харпер! Вы тут все потрясающе устроили. – Он сел на

краешек постели отца Стори, напротив Харпер. Скрипнули пружины. Бен посмотрел на тяжелое, усталое лицо старика. – Жаль, что он не рассказал больше о женщине, которую собирался выслать. Он ничего не говорил, кроме того, что должен кого-то выслать и, видимо, уехать с ней?

– Нет. Но сказал кое-что другое.

– Что?

– Если придется уехать, он хочет, чтобы лагерем руководил Джон.

– Джон. Пожарный, – вяло проговорил Бен.

– Да.

– Очень мило услышать такую информацию только сейчас. Но почему... да Пожарный даже не живет в лагере. Просто смешно. А почему не Кэрол? Почему он не хотел, чтобы его дочь заняла это место?

– Может быть, потому что знал, что она – нервная параноичка, которой придется по душе идея раздать винтовки детям, – ответила Харпер.

Бен бросил быстрый взгляд на занавеску, словно боялся, что в соседней комнате кто-то стоит и подслушивает.

– Это я решил раздать оружие – и только тем, кто старше шестнадцати. И скажу еще вот что. Я требую, чтобы дозорные все время держали затвор открытым, чтобы винтовки были незаряженными. Если увижу на их винтовках закрытый затвор, сосать им камешек до самого... – Бен замолк, не договорив. На щеках появился румянец. – И не стоит ходить по лагерю и обзывать Кэрол «параноичкой». Вам без того хватает неприятностей. Собственно, я и пришел по этому поводу. Два дня назад вы ускользнули из лагеря, отправились домой и чуть не напоролесь прямо на кремационную бригаду. Еле-еле ускользнув – слава Всевышнему, – вы не вернулись на свой пост, а отправились к Пожарному и пробыли у него почти всю ночь.

– Мой пост?

– Мать Кэрол ясно дала понять, что вы должны оставаться рядом с ее отцом, днем и ночью, пока кризис не минует. Так или иначе.

– Острый кризис прошел, а у меня есть другие пациенты.

– Нет, с точки зрения матери Кэрол, – Бен опустил голову, подумал и поднял взгляд. – И когда же Пожарный планирует сделать

свой ход? Когда поправится?

– Какой еще ход? Куда ему ходить?

– Сюда. Взять власть.

– Не хочет он брать никакую власть. – Харпер сообразила, что, возможно, совершила тактическую ошибку, рассказав первому лейтенанту Кэрол, что отец Стори прочил на ее место кого-то другого. А потом подумала: «Насрать». Если мысль о борьбе за власть с Пожарным коробит Бена, ну и хорошо. Пусть теперь он чувствует себя слабым и незащищенным. – Но я полагаю, Джон поступит так, как лучше для лагеря. Он всегда так делает.

Рене выразительно кашлянула, словно хотела сказать «заткнись».

Бен собрался с духом. Он положил сплетенные пальцы на колени и посмотрел в получившуюся «лодочку».

– Вернемся к тому, что вы уходили из лагеря. Я пытался решить, что мне с этим делать. И, кажется, я знаю, как все исправить.

– Что значит – исправить? Нечего исправлять. Я ушла, я вернулась, все хорошо, дело закрыто.

– Все не так просто, Харпер. Под нашей защитой сто шестьдесят три человека. Сто шестьдесят четыре, считая вашего ребенка. И мы обязаны как-то сохранять порядок. Если поступок человека угрожает безопасности – ну что ж, должно последовать наказание. Если человек ворует. Если копит втихаря. Если уходит и подвергается опасности попасть в руки тех, кто хочет нас убить. Харп, я понимаю, зачем вы возвращались. Я знаю, что у вас были благие намерения. Но любой ребенок, посещавший воскресную школу, знает, куда ведут благие намерения. Вы не просто рисковали собственной жизнью и драгоценным грузом, который вы носите...

Харпер не поняла, почему от выражения «драгоценный груз» ее замутило. И не от слова «драгоценный», а от слова «груз». Возможно, сыграла роль нелюбовь к штампам. А если Бен Патчетт начал говорить штампами, то это надолго.

– ...но вы рисковали и жизнью отца Стори, и жизнью всех обитателей лагеря. Ваши действия были опасны и безрассудны, и они нарушали правила, которые писаны не зря; это не может остаться без последствий. Даже для вас. И поверьте: необходимо наказание за небезопасное поведение. Должен быть способ поддержания порядка. Он нужен всем. Иначе нельзя. Люди должны быть уверены, что мы

делаем все ради безопасности их убежища. Людям нужен закон. Люди должны быть уверены, что за ними приглядывают. Им даже спокойнее, если они знают, что несколько крепких парней в ответе за них. Сила рождает уверенность. Отец Стори, благослови его Господь, – Бен нерешительно оглянулся через плечо на неспящего спящего, – не понимал этого. На все вопросы у него был один ответ – давайте обнимемся. Ему говорили о воровстве, а он отвечал, что ценность похищенного преувеличена. Все валилось в преисподнюю еще до того, как мы привели в лагерь уголовников. Вот.

– Вот, – повторила Харпер.

Бен поднял плечи и опустил их, резко выдохнув.

– Вот мы и обязаны теперь устроить вам показательное наказание. Поступим так. Кэрол хочет видеть вас завтра, расспросить о состоянии ее отца. Я вас отведу, посидим, попьем с ней чаю. Когда вернемся, я пушу слух, что вы заслужили прощение в Доме Черной звезды, провели там почти все время с камнем во рту. Во многих отношениях, это лучший способ разрешить ситуацию. Как говорят у нас, незнание законов не освобождает от ответственности...

– *Ignorantia juris non excusat*, – подтвердила Рене. – Но поскольку наказания в нашем лагере назначаются на месте, без возможности подать апелляцию беспристрастному судье или провести честный...

– Рене, – устало перебил Бен. – То, что вы прочли пару романов Джона Гришэма, не делает вас членом Верховного суда. Я предлагаю Харпер выход, может, отцепитесь от меня?

– Спасибо, Бен, – тихо сказала Харпер.

Он на мгновение замолк, потом посмотрел на нее и нерешительно улыбнулся.

– Не за что. Если уж кто в лагере и заслуживает послабления... – начал он.

– Но не выйдет ни хрена, – сказала Харпер.

Он уставился на нее, забыв закрыть рот. Ответ нашелся не сразу. Хриплым голосом Бен проговорил:

– Что?

– Нет, – сказала Харпер. – Я не собираюсь класть в рот камень в качестве идиотской самоуничижительной демонстрации раскаяния, если я не сделала ничего, в чем стоит раскаиваться. И еще я не хочу,

чтобы вы лгали людям и рассказывали, будто я согласилась на эту истерическую хрень.

– Может, прекратите ругаться? – не выдержал Бен.

– А что, ругаться тоже запрещено правилами? Мне положен еще час с камнем во рту? Нет, Бен. Повторяю: нет. Ни в коем случае. Я, на хрен, медсестра, и я обязана говорить, если заметила признаки болезни, так вот это именно болезнь.

– Да что же такое? Я ведь пытаюсь все устроить как можно проще.

– Проще для кого? Для меня? Для себя? Или, может, для Кэрол? Она боится, что я уроню ее авторитет, если не паду ниц со всеми вместе? Если я не подчинюсь, то и с другими начнутся проблемы, так, что ли?

– Бен, – сказала Рене. – А разве хранить секреты не запрещено правилами? Разве вам не грозят неприятности за попытку спасти Харпер от наказания? Очень не хотелось бы увидеть нашего главу безопасности с камнем во рту. Это может поколебать уважение к нему.

– Иисус-с-се, – прошипел Бен. – Господи. Вы себя послушайте. Харпер, они собираются вас заставить... вы не сможете... я не смогу защитить вас, если вы мне не позволите.

– Ваше желание защитить меня несовместимо с моим желанием защитить самоуважение. Простите. И потом. У меня возникло смутное ощущение, что вы предлагаете защитить *меня* от *вас*. Это не одолжение – это принуждение.

Бен немного посидел молча, а потом деревянным тоном произнес:

– Все равно, Кэрол хочет увидеть вас завтра.

– Хорошо, потому что я тоже хочу видеть ее. Поход домой за аптечкой – всего лишь начало пополнения лазарета, и очень скромное начало; когда я отправлюсь за медикаментами в следующий раз, мне понадобится помощь. Ваша и, наверное, еще нескольких мужчин. Я уверена, что Кэрол подумает над этим. И спасибо, что вы организовали мне аудиенцию у ее преосвященства.

Бен встал, сжав шерстяную шапочку в кулаке. Мышцы на челюстях ходили ходуном.

– Я устал.

Уходя, Бен чуть не сорвал с гвоздей занавеску.

Из дневника Гарольда Кросса:

«13 ИЮЛЯ.

ОТ САРЫ СТОРИ НЕ ОСТАЛОСЬ НИЧЕГО, КРОМЕ ГОРЕЛОГО ЧЕРЕПА И ТАЗОВЫХ КОСТЕЙ. ГЛУХОНЕМОЙ БЫЛ С НЕЙ В КОТТЕДЖЕ, КОГДА ВСЕ ВСПЫХНУЛО, НО У НЕГО НИ ЕДИНОГО ОЖОГА. ОН БЫ ОСТАЛСЯ НЕВРЕДИМЫМ, ЕСЛИ БЫ ОТ ЖАРА НЕ РУХНУЛА КРЫША. Я ИЩУ ПРИЗНАКИ ВНУТРЕННИХ ПОВРЕЖДЕНИЙ, НО НИЧЕМ НЕ СУМЕЮ ПОМОЧЬ, ЕСЛИ У НЕГО ПОРВАНЫ КИШКИ. ЕГО ПРИДЕТСЯ ОТПРАВИТЬ В ПОРТСМУТСКУЮ БОЛЬНИЦУ, А ЭТО ДЛЯ НЕГО КОНЕЦ. КТО ВХОДИТ В ПОРТСМУТСКУЮ БОЛЬНИЦУ, НЕ ВЫХОДИТ ИЗ НЕЕ.

НИКТО НЕ СКАЖЕТ ПРЯМО ПРИ ОТЦЕ СТОРИ, НО Я ЗНАЮ, ЧТО МНОГИЕ УВЕРЕНЫ: САРА НЕ УМЕРЛА БЫ, ЕСЛИ БЫ БОЛЬШЕ ВРЕМЕНИ ПРОВОДИЛА В ЛАГЕРЕ, ПЕЛА В ЦЕРКВИ С ОСТАЛЬНЫМИ. Я В ЭТОМ НЕ ТАК УВЕРЕН. ЗНАТЬ БЫ МНЕ ПОБОЛЬШЕ, ЧЕМ ОНА ЗАНИМАЛАСЬ ТАМ С ПОЖАРНЫМ И МАЛЕНЬКИМ СЫНОМ. ЕСЛИ ЧЕСТНО, Я ОГОРОШЕН: ОНА ПОДЦЕПИЛА ДРАКОНЬЮ ЧЕШУЮ МЕНЬШЕ ДВУХ НЕДЕЛЬ НАЗАД. ОЧЕНЬ ДОЛГО ОНА ОСТАВАЛАСЬ ЕДИНСТВЕННОЙ «ЗДОРОВОЙ» В ЛАГЕРЕ. НИКОГДА НЕ СЛЫШАЛ, ЧТОБЫ КТО-ТО СГОРЕЛ ТАК БЫСТРО ПОСЛЕ ЗАРАЖЕНИЯ. ПРИДЕТСЯ ОПЯТЬ ПРОНИКНУТЬ В ХИЖИНУ И ВЫЙТИ В СЕТЬ, ЧТОБЫ ПЕРЕДАТЬ ПОДРОБНОСТИ ЕЕ СЛУЧАЯ НУЖНЫМ ЛЮДЯМ.

ПОЖАРНЫЙ НЕ ПОКИДАЕТ ОСТРОВ С САМОГО ПРОИСШЕСТВИЯ. ГЛУХОЙ МАЛЬЧИК ЗДЕСЬ, В ЛАЗАРЕТЕ, СО МНОЙ, ТАК ЧТО Я МОГУ СЛЕДИТЬ ЗА ЕГО СОСТОЯНИЕМ. АЛЛИ С ТЕТЕЙ И ДЕДУШКОЙ. ХОДИТ, КАК БУДТО ПОД ТЯЖЕЛЫМ НАРКОТИКОМ. ПОХОЖА НА ЗОМБИ – БЛЕДНАЯ И ГЛАЗА МЕРТВЫЕ.

НЕХОРОШО ДУМАТЬ, ЧТО ГОРЕ – МОЩНЫЙ АФРОДИЗИАК? ЕСЛИ ЕЙ НУЖНО УТЕШЕНИЕ, ПЛЕЧО МИСТЕРА ГАРОЛЬДА КРОССА ВСЕГДА НАГОТОВЕ, ЧТОБЫ ПОПЛАКАТЬСЯ В НЕГО.

АХ, Я ПЛОХОЙ, ПЛОХОЙ, ПЛОХОЙ.

ВОТ ЧТО Я ПОДУМАЛ ПО ПОВОДУ ЖАРКОГО А-ЛЯ СТОРИ: САРА СТОРИ ОБРАТИЛАСЬ В ПЕПЕЛ, И ЕЕ ПЕПЕЛ СОДЕРЖИТ АКТИВНЫЕ СПОРЫ, ПОДЖИДАЮЩИЕ НОВОГО НОСИТЕЛЯ. ЗНАЧИТ, ОГОНЬ ГОТОВИТ СПОРЫ К РАЗМНОЖЕНИЮ, А НЕ УНИЧТОЖАЕТ. КАКОЙ-ТО ФЕРМЕНТ ЗАЩИЩАЕТ ИХ ОТ РАЗРУШЕНИЯ. И НЕКОТОРОЕ КОЛИЧЕСТВО ЭТОГО ФЕРМЕНТА МОЖЕТ – ТЕОРЕТИЧЕСКИ – ПОКРЫТЬ КОЖУ И СЛУЖИТЬ ЗАЩИТОЙ ОТ ОГНЯ, АНТИПИРЕНОМ. И ВОТ МОЯ ТЕОРИЯ: ПОЖАРНЫЙ УМЕЕТ ЗАСТАВЛЯТЬ ЭТОТ ФЕРМЕНТ ЗАЩИЩАТЬ НОСИТЕЛЯ. САРА СТОРИ НЕ СМОГЛА И ПРЕВРАТИЛАСЬ ВО ФЛАМБЕ. НО ЧТО ЗАПУСКАЕТ РАБОТУ ФЕРМЕНТА? ЕЩЕ ОДНА ТЕМА ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ С ПАРНЯМИ В СЕТИ.

НИК СТОРИ НЕ СОВСЕМ НЕМОЙ. СЕЙЧАС ОН СТОНЕТ, КАК БУДТО ПРОСРАТЬСЯ НЕ МОЖЕТ. ТВОЮ МАТЬ. Я НЕ ЗАСНУ».

Харпер проснулась рывком, словно кровать-лодка ткнулась в скалу, царапнув корпусом о камни. Харпер заморгала во тьме, не понимая, проспала она минуту или день. Лодка снова вздрогнула на камнях. Это стоящий у Харпер в ногах Бен ткнул в раму кровати коленом.

Харпер проспала от рассвета до заката, и наступил новый вечер.

– Сестра, – сказал Бен. Уже не тот Бен, который умолял ее вчера. Теперь это был полицейский Патчетт; его мягкое, приятное круглое лицо стало бесстрастным и официальным. Он даже надел форму: темно-синие брюки, отутюженную синюю рубашку и темно-синюю куртку с белой овчинной подкладкой и напечатанной на спине жирными желтыми буквами надписью «Полиция Портсмута».

– Да?

– Мать Кэрол ждет новостей об отце Стори, – сказал он. – Когда будете готовы, мы с Джейми вас проводим.

Джейми Клоуз стояла в дверях приемного покоя, перекладывая из руки в руку белый камешек.

– Чтобы сообщить о состоянии пациента, сначала мне надо самой его проведать. И еще минутку на сборы. Вы подождете в соседней

комнате?

Бен кивнул и взглянул на Ника, который, сидя в постели, тарасился на них. Бен подмигнул мальчику, но тот не улыбнулся.

Полицейский нырнул за занавеску, но Джейми Клоуз задержалась.

– Любите выписывать лекарства, – сказала она. – Посмотрим, понравится ли вам принимать их.

Пока Харпер подыскивала храбрый и умный ответ, Джейми ушла за командиром в приемный покой.

Ник показал жестами: «Не ходите».

«Я должна», – показала в ответ Харпер.

«Нет, – молча возразил Ник. – Они задумали плохое».

Харпер схватила планшет и написала: «Не накручивай себя. Снова живот заболит».

Харпер причесывалась в туалете, когда кто-то тихо постучал.

– Войдите.

Майкл приоткрыл дверь на три дюйма. Его конопатое мальчишеское лицо казалось очень бледным в обрамлении курчавой медной бороды.

– Инсулин.

– Заходи. Я одета.

Он снял крышку с бачка и выудил пластиковый пакет с несколькими оставшимися одноразовыми шприцами инсулина. Не самое лучшее место для хранения медикаментов, но хотя бы прохладное. Майкл задрал рубашку, открыв край тазовой кости, и протер кожу антисептической салфеткой.

– Мэм, – сказал он, не глядя на Харпер. – Будьте осторожны сегодня ночью. Люди не правы. Они заблуждаются. Алли заблуждается.

– Ты присмотришь за лазаретом, пока я буду у Кэрол? – спросила Харпер.

– Да, мэм.

– Хорошо. Ник обрадуется приятелю.

– Мэм, вы слышали, что я говорю? Что люди заблуждаются? Я пытался поговорить с Алли за завтраком. Не понимаю, что на нее нашло. Она не ела несколько дней, а ей это вообще ни к чему. Кто-то должен что-то предпринять. Я боюсь...

– Майкл Линдквист! Она может вынуть камень изо рта и позавтракать, если захочет. Извини, если надеешься, что я предоставлю ей легкий выход, но я не намерена потакать этой варварской чепухе, соглашаясь с ней. Если ты пришел, чтобы пугать меня или обвинять...

– Нет, мэм, нет! – Майкл по-настоящему испугался. – Да не за этим я пришел! Вы не сделали ничего плохого. И не это меня беспокоит. Беспокоит то, что Кэрол, Бен и все друзья Алли науськивают ее, а она морит себя голодом. Вы в лазарете днем и ночью, и вы не видите, что происходит. Вы не видите, как сестры Нейборс нашептывают ей, что она не должна сдаваться, что весь лагерь в нее верит. И как ее друзья садятся вокруг нее, когда она пропустит очередной обед, и поют ее имя, пока у нее не начнут светиться глаза и она не уйдет в Свет. Словно восхваления ей нужнее, чем еда. И им все равно, что она отощала и еле на ногах стоит. Я боюсь, что она доведет себя до гипогликемии. Или упадет в обморок и проглотит камень! Господи, да одного этого достаточно, чтобы схватить ее в охапку и – знаете – дать деру.

Уже второй человек за последние двадцать четыре часа признался, что готов сваливать. Харпер задумалась, сколько еще есть таких, кто не вливается в хор, и знает ли Кэрол, как на самом деле ненадежна власть, за которую она цепляется. Может, знает. Может, это все объясняет.

Майкл тяжело сглотнул. Он закончил спокойнее и тише:

– Делайте то, что считаете правильным. Только постарайтесь не пострадать, мэм. Пусть Алли сейчас ненавидит вас всей душой, но она начнет ненавидеть себя еще сильнее, если вы пострадаете из-за нее. – Майкл судорожно вздохнул и добавил: – Знаете, я люблю Кэрол так же сильно, как любил собственную мать. Честно! Я бы умер ради нее, не раздумывая.

Он смотрел влажными, молящими глазами, и что-то несказанное повисло в воздухе между ними. Еще не все было сказано, но времени не осталось. Бен и Джейми Клоуз ждали.

Бен шел первым. Они аккуратно шагали по приткнутым стык в стык сосновым доскам, перекинутым над снегом. Во всем мире, казалось, не осталось света, кроме круглого пятна от фонарика в руке Бена. Джейми Клоуз замыкала шествие. На левом плече она несла винтовку, а в правой руке держала коротко обрезанную ручку от метлы, один конец которой был обмотан изолентой. Помахивая этой дубинкой, Джейми насвистывала.

Они вышли из-под пихт и двинулись к Дому Черной звезды – Кэрол зимовала в этом коттедже с отцом. Аккуратный двухэтажный домик с пряничной черепицей и черными ставнями получил свое название из-за громадной амбарной звезды между двумя окнами на северном фасаде. Харпер подумала, что это очень удачное украшение, как раз для инквизиторского подвала или пыточной. Двое дозорных сидели на единственной каменной ступеньке – они тут же вскочили, стоило Бену показаться из-за деревьев. Бен молча прошел мимо них и постучал в дверь. Кэрол пригласила их войти.

Кэрол сидела в старинном миссионерском кресле – глянцевая кожа давно потрескалась. Кресло наверняка принадлежало отцу Кэрол; в таком хорошо читать Мильтона, курить трубку и думать о чем-то мудром, добром, дамблдорском. Рядом стоял того же стиля двухместный диванчик с бледно-кремовыми кожаными подушками, но на нем никто не сидел. Зато двое дозорных примостились на полу у ног Кэрол. Одна – Минди Скиллинг, глядящая на Кэрол влажными от восхищения глазами. Второй – женоподобный мальчик с коротко стриженными светлыми волосами, девчачьими губками и большим ножом боуи на поясе. Почти все в лагере звали его Боуи – только Харпер не знала точно, из-за ножа или из-за того, что он походил на Зигги Стардаста. Он посмотрел на входящих из-под розовых нависающих век.

Харпер никак не ожидала увидеть здесь и Гилберта Клайна, однако он сидел на низком каменном парапете у камина. По уголькам юркали красные червячки, тепла очаг давал немного. Мороз расчертил оконные стекла алмазными ромбиками. Харпер словно вошла в пещеру позади застывшего водопада.

Джейми Клоуз плотно захлопнула дверь и прислонилась к ней спиной. Бен опустился на диванчик с тяжким вздохом, как будто долго таскал вязанки дров. Он похлопал по месту рядом с собой, но Харпер

сделала вид, что не заметила. Не хотелось садиться с ним, не хотелось выглядет просительницей у ног Кэрол. Харпер осталась у стены, спиной к окну; зима дышала в затылок.

Кэрол подняла на Харпер пустые, лихорадочно блестящие и налитые кровью глаза. С обритой головой и голодным, истощенным лицом она была похожа на пожилую раковую пациентку, измученную химиотерапией.

– Рада видеть вас, сестра Уиллоуз. Спасибо, что зашли. Понимаю, вы заняты. Мистер Клайн сейчас рассказывал, как он оказался в убежище у пруда Саут-Милл, меньше чем в сотне ярдов от полицейского участка. Хотите чаю? Хотите позавтракать?

– Нет. Спасибо.

Минди Скиллинг поднялась без всяких понуканий и потопала в затемненную кухню.

– Похоже, мистер Клайн действительно не мог быть связан с нападением на моего отца, – продолжала Кэрол. – И еще мне хотелось побольше узнать о человеке, ради которого отец рисковал жизнью. Вы не против, сестра Уиллоуз? Он как раз начал рассказывать историю побега.

– Нет, не против, – сказала Харпер. Минди уже вернулась и передала ей фарфоровую чашечку горячего чая и блюдец с тончайшим кусочком ароматного кофейного торта с орехами. Желудок Харпер заворчал. Кофейный торт? Это почти как горячая ванна с пеной.

– Продолжайте, пожалуйста, мистер Клайн. Где, вы говорили, вы встретились с мистером Маззучелли?

– В Brentwude, в окружной тюрьме. – Клайн с удивлением посмотрел на Харпер – «А вы-то тут зачем?» – и снова повернулся к Кэрол: – У них там камеры рассчитаны человек на сорок. А нас там набралось с сотню.

Там было десять камер, в каждую запихали по десять человек. В холле поставили телевизор и крутили «Набалдашник и метлу» и «Дракона Пита», чтобы нам было что смотреть. У них были только детские фильмы – держали для родительских дней. Дальше по коридору один парень свихнулся. То и дело начинал орать: «I'll be your candle on the water», пока соседи не принимались его пинать, чтобы прекратил. А потом я начал думать, что они крутят два фильма, чтобы пытать нас.

Харпер было неприятно слушать о запертом человеке, сходящем с ума от ужаса и при этом поющем именно эту песню. Гилберт Клайн описывал в каком-то смысле саму Харпер, застрявшую в трубе.

– Никому из нас не полагалось находиться там больше нескольких дней. Оказаться в Brentwude можно по двум причинам. Большинство ожидали суда. Лично меня привезли из тюрьмы Конкорда – давать показания по одному делу, не моему. Мазз прибыл из тюрьмы штата в Берлине – подавать апелляцию на приговор.

– За что он оказался в тюрьме? – спросила Кэрол.

– Да, он похож на рецидивиста, – кивнул Гил, – но сел за лжесвидетельство. Не знаю, мэм, он ли ударил вашего отца. Но Мазз не из тех, кто наживает неприятности своими руками. Все проблемы у него – от языка. Не умеет остановиться. И не может рассказать историю, не приправив ее доброй порцией хренотени.

– Тем более нам лучше услышать о побеге из Brentwude от вас, а не от него, – сказала Кэрол.

– И избавьте нас, пожалуйста, от сортирных выражений, мистер, – сказал Бен. – Здесь дамы.

Харпер чуть не подавилась последним куском кофейного торта. Она ни за что не смогла бы объяснить, почему «сортирные выражения» вызывают у нее больше отвращения, чем «хренотень».

Харпер прочистила горло и угрюмо уставилась на пустое блюдечко. Она-то собиралась есть кусок торта неторопливо, но он оказался таким маленьким, и Харпер, едва ощутив вкус сахара и мускатного ореха, не могла остановиться. И торт ужасно, трагически, невероятно быстро исчез. Харпер поставила блюдце на стол подальше, чтобы не поддаваться искушению облизать его.

Гил продолжал:

– Я должен был оставаться в Brentwude только до дачи показаний. Но суд закрылся. Я думал, нас упакуют и отправят обратно, но ничего подобного. Появлялись новые заключенные. Один парень в моей камере как-то подошел к решетке и сказал, что хочет подать жалобу и встретиться со своим адвокатом. Охранник подошел и ткнул ему дубинкой прямо в зубы. Выбил сразу три одним ударом. «Твоя жалоба принята. Обращайся, если еще что-то тебя беспокоит», – сказал этот коп и оглядел нас – есть ли, мол, другие недовольные.

– Такого не может быть, – сказал Бен. – За двадцать лет работы в полиции я наслушался заявлений о жестокости полицейских, и только три из тысячи имели под собой основания. Остальное выдумывали наркоманы, пьяницы и воры, желающие поквитаться с теми, кто упек их.

– Да, так все и было, – сказал Гилберт спокойным тоном. – Сейчас все изменилось. Закон уже не закон. Без контроля сверху главное – в чьих руках дубинка. Дубинка или полотенце, набитое камнями.

Бен ошетинился. Грудь раздулась, угрожая оторвать пуговицу. Кэрол подняла ладонь, и Бен закрыл рот, ничего не сказав.

– Пусть продолжает. Я хочу все выслушать. Я хочу знать, кого мы пустили в лагерь. Что они видели, что делали и что пережили. Продолжайте, мистер Клайн.

Гил опустил глаза, как человек, вспоминающий строчки стиха, который учил годы назад, например на уроках английского. Наконец он поднял взгляд, спокойно посмотрел в упор на Кэрол и начал рассказывать.

9

– Не все копы в Брентвуде были ужасными. Такого я не говорил. Был один охранник – он все время следил, чтобы нам хватало еды, воды, туалетной бумаги и прочего. Но чем дольше мы там торчали, тем реже видели приличных людей. Было сколько угодно злых копов, которые не желали о нас заботиться. А когда начали появляться больные с чешуей, копы только злились еще больше – от страха.

Всем было ясно, чем дело кончится, при набитых битком камерах. Однажды утром в камере в конце корпуса появился парень с драконьей чешуей. Остальные заключенные перепугались. Я понимаю, почему они сделали то, что сделали. Хочется верить, что я их не поддержал бы, но точно и сказать не возьмусь. Соседи загнали парня в угол, не дотрагиваясь – толкали подушками и чем попало. А потом забили до смерти.

– Господи, – прошептал Бен.

– И умирал он долго. Его били головой об стену, об пол и о парашу минут двадцать, и все время тот псих со смехом пел «Свечу

над водой». В конце концов зараженный начал тлеть и обуглился. Он не загорелся, но дыма было много. Люди потели, как в индейской парилке. Глаза слезились в дыму, и люди кашляли от пепла.

И когда бедного парня забили до смерти, охранники в резиновых перчатках вытащили труп из камеры и избавились от него. Но мы знали, что зараза будет распространяться. Тюрьма стала бетонной чашкой Петри. Уже скоро чешуя появилась у пары парней совершенно в другой камере. Потом еще у трех – и опять в *другой* камере. Понятия не имею, почему она так перескакивала.

Харпер могла бы объяснить, но сейчас это не имело значения. Пожарный говорил: мир разделен на здоровых и больных, но скоро останутся больные и мертвые. Для всех присутствующих способы распространения драконьей чешуи теперь представляли чисто академический интерес.

– Полиция штата не знала, что делать. Не было места, где держать отдельно людей с драконьей чешуей, и никто не хотел отпускать заключенных к гражданским. Полицейские надели защитные костюмы и резиновые перчатки, согнали всех с драконьей чешуей в одну камеру и стали думать, что делать.

Потом однажды утром один парень завопил: «Горячо! Я умираю! По мне ползают огненные муравьи!» Потом повалил дым из горла, потом он вспыхнул весь. Говорят, перед смертью выдыхаешь огонь, как дракон. Это потому что ткани в легких воспламеняются, и ты горишь изнутри наружу. Он бегал по кругу и орал, и изо рта рвался дым – как в старых мультиках, если герой случайно выпил острый соус. Все, кто был в камере с ним, прижимались к бетонным стенам, чтобы самим не загореться.

Ну, прибежали копы, впереди – главный буйвол по фамилии Миллер. Они несколько секунд пялились в ту камеру на горящего человека и начали стрелять. – Гил подождал – не станет ли Бен возражать. Бен сидел очень тихо, положив руки на колени, и смотрел на Гилберта в колеблющемся свете. – Они вlepили, не знаю, пуль триста. Убили всех. Убили парня, который горел, и убили всех вокруг него.

И когда стрельба стихла, этот главный буйвол, Миллер, подтягивает штаны, как будто наелся блинов и бекона, и говорит нам, что он только что спас нам жизнь. Не дал начаться цепной реакции. И

если бы не перестреляли всю камеру, тюремный блок превратился бы в ад. Остальные полицейские стояли вокруг ошеломленные, уставившись на ружья в руках, как будто не могли понять, что произошло.

Некоторым из нас раздали резиновые перчатки и заставили выносить тела. Я вызвался добровольно – просто чтобы глотнуть свежего воздуха. Я просидел в Brentwude три или четыре месяца, и запах горелых волос и порохового дыма так и не выветрился из блока. А, что с той камерой? Ее снова набили. Никаких судов не было. Никаких процессов. Но копы продолжали арестовывать людей за мародерство и прочее, и их куда-то нужно было девать.

Нас кормили отварной солониной и лаймовым желе два месяца. Потом начались перебои. Однажды на обед дали консервированные персики. Потом трое копов взломали торговый автомат и раздали нам шоколадки. Как-то восемь дней ели только рис. Потом объявили, что отменяются завтраки. Я уже стал подумывать, что так и помру в Brentwude, – рано или поздно отменят обед. А однажды копы вообще не пришли в наш корпус.

Гил говорил скрипуче – словно кто-то правил нож на кожаном ремне. Харпер, не спрашивая разрешения, прошла в кухоньку, нашла чашку и налила воды из-под крана. Отнесла чашку Гилберту – он посмотрел в ответ удивленно и благодарно. Воду он выпил в три глотка.

Покончив с водой, Гил облизнул губы и продолжил:

– Вот я и говорю. Были копы вполне нормальные. Взять хоть Девона. Такой худенький. Большинство за спиной называли его педиком – может, и правда, но дело не в этом. Он никого не застрелил, а однажды принес нам две сумки пива. Сказал, у него день рождения, и он хочет отпраздновать. Он разлил нам по пластиковым стаканчикам теплое пиво и раздал кексы, и мы все пели «С днем рожденья». Такого замечательного дня рождения я и не припомню. Черствые кексики из супермаркета мы запивали пивом комнатной температуры. – Гил посмотрел на Бена и добавил: – Вот, в этой истории есть и хорошие копы.

Бен фыркнул.

Кэрол сказала:

– Всегда найдутся достойные люди в самых ужасных местах... и проявится тайный эгоизм в лучших.

Кажется, Кэрол бросила тайком взгляд на Харпер. Если так, хитрый взгляд пропал даром – в конце концов, не у Харпер спрятан в шкафу кофейный торт, пока остальные обитатели лагеря обходятся консервированной свеклой. Харпер подозревала, что в лагере иногда появляются какие-то припасы – со случайными вновь прибывшими. И вполне возможно, что лучшие куски оседают здесь, как знак любезности от Бена и дозорных: чтобы помочь матери Кэрол поддерживать силы в годину испытаний.

– Да, и Девон не только этим нам запомнился. В конце он устроил еще кое-что – не просто раздал стаканчики с теплым пойлом. Через минуту расскажу.

Раствор между цементными блоками в стене крошился. Ну, не так, чтобы можно было расковырять и сбежать – и десяти тысяч лет не хватило бы, – но если потереть, на пальцах оставался белый осадок. Мазз выяснил, что если смешать его со слюной, получается белая паста. Ее он использовал, чтобы замазывать драконью чешую, когда она у него появилась; и я ею мазался. Два черных парня в нашей камере, когда у них появилась чешуя, расцарапали сами себя и заявили, что подрались. Коп бросил им бинты, ими парни и прикрыли полоски. К концу недели у всех в нашей камере была драконья чешуя, и все как-то ее прятали. Понимаете, все боялись, что Миллер с подручными перестреляет еще одну камеру.

То же самое происходило повсюду. Не знаю, все ли в корпусе заболели к январю, но, думаю, к Новому году больных было больше, чем здоровых. Кто-то скрывал чешую удачно, кто-то нет. Копы в конце концов прознали. Это стало ясно, когда они начали приносить еду в резиновых перчатках по локоть и в шлемах – если вдруг кто решит в них плюнуть. У них были такие перепуганные рожи за пластиковыми забралами.

И вот однажды утром пришел Миллер еще с двенадцатью копами – все в защитных костюмах и со щитами. Миллер объявил, что у него для нас хорошие новости. Сказал, нас всех ждет транспорт. Каждый, кто болен драконьей чешуей, имеет право отправиться в лагерь в Конкорде, где получит лучшее медицинское обслуживание и трехразовое полноценное питание. Миллер прочитал по бумажке, что

сегодня у них ветчина и ананасы. Рисовый плов с тушеной морковкой. Пива нет, но есть холодное натуральное молоко. Камеры открыли, и Миллер велел всем с драконьей чешуей выходить. Первым вышел черный коротышка – у него чешуя кружевами шла через всю щеку. Будто папоротник на лице вытатуировали. У большинства не было чешуи на лице, а у него была – и, думаю, он не видел смысла прикидываться и прятать ее. За ним вышел другой, потом еще один, еще несколько, включая тех, кого я считал здоровыми. Вскоре половина корпуса высыпала в коридор между камерами. Я и сам хотел пойти. На холодном молоке сломался. Знаете, как вкусно выпить кружку холодного цельного молока, когда давно его не пробовал? Я как представил, аж горло заныло. Я даже сделал шаг вперед, а Мазз схватил меня за руку и чуть покачал головой. И я остался.

Большинство из нашей камеры все же пошли. Один, который с нами сидел, Хунот Гомес, смущенно посмотрел на меня и пробормотал: «Я буду думать о тебе, когда утром буду завтракать». – Гилберт поднес стакан к губам, но вспомнил, что воды не осталось. Харпер предложила принести еще, но Гил покачал головой.

– И что произошло? – спросила Кэрл.

– Думаю, понятно, что ветчины и плова они не получили? Да? Их отвели наверх, наружу, и всех перестреляли. Винтовки гремели так, что стены дрожали, и гремели они полминуты. Никаких пистолетов. Мы слышали целые очереди. Казалось, это не прекратится никогда. Не было ни криков, ни визгов... только выстрелы, словно кто-то подает бревна в лесодробилку.

Когда стрельба прекратилась, стало очень тихо. Такой тишины не бывало в корпусе даже в полночь, когда полагается спать.

Вскоре пришел Миллер с остальными. От них воняло смертью. Пороховыми газами и кровью. Они несли свои винтовки М-16, и Миллер сунул ствол винтовки между прутьев, а я подумал: «Вот и наша очередь». Ушел, остался – конец один. Меня замутило, но я не упал на колени и не стал умолять.

– Правильно, – сказала Харпер. – Молодец.

– Миллер сказал: «Мне нужно десять человек для уборки. Управитесь хорошо – получите содовой».

А Мазз спросил: «А может, стаканчик холодного молока?» Подколол, типа. Только Миллер не среагировал. Сказал: «Конечно,

если найдется».

А Мазз спросил: «Что там случилось?» Как будто сам не знал. А Миллер говорит: «Попытка к бегству. Хотели грузовик захватить».

Мазз просто засмеялся. А Миллер выпучил на него глаза и говорит: «Они по-любому покойники. Так даже лучше. Мы им одолжение сделали. Раз – и готово. Лучше, чем гореть заживо».

А Мазз говорит: «Вот ты молодец, Миллер. Только и думаешь, как помочь товарищам. Просто само сострадание». Я же говорю: у Мацца просто дар разевать рот, когда всем ясно, что нужно заткнуться. Я уж думал – застрелят его, но не тут-то было. Миллер, наверное, тоже обалдел. Может, в ушах еще звенело, и он не расслышал Мацца толком. Только кивнул, как будто согласен.

Он открыл камеру, и мы с Маззом вышли. Вызвались еще несколько парней из других камер. Охранники велели нам сесть и сняли с нас ботинки – чтобы мы не пробовали бежать. Набралось десять человек, мы пошли наверх под конвоем охраны в защитных костюмах. Нас провели по длинному бетонному коридору, через пожарный выход – на парковку.

Было холодное светлое утро – с непривычки я даже ничего не видел. С минуту весь мир был мутным белым пятном. И вот о чем я потом много думал. Люди, которых застрелили, наверное, удивлялись, что ничего не видят, пока в них палили из винтовок.

Потом зрение прояснилось, и я смог рассмотреть, что кирпичная стена расстреляна в труху. Большинство тел лежало рядом, но кто-то пытался сбежать. По крайней мере один парень ухитрился пробежать двадцать футов по парковке, пока его голова не разлетелась на кусочки.

За зданием ждал спецгрузовик. Нам раздали резиновые перчатки и велели приниматься за работу. Тела собирались отправить в Портсмут для «утилизации». Парень, про которого я рассказывал, Девон, ну, который пиво приносил на день рождения – он тоже был там с планшетом. Он пересчитал нас, когда мы брали перчатки, и должен был пересчитать еще раз, когда будем возвращаться в камеры. Он выглядел странно, как будто пережил с десятков дней рождения за этот месяц.

Сначала кидать трупы в кузов было легко, но потом мне и Маззу пришлось залезть наверх и перекидывать тела, чтобы освободить

место. На холоде тела уже застыли. Почти как бревна тягать. Я перевернул Хунота Гомеса, который умер с открытым ртом, словно собрался что-то спросить. Возможно, хотел узнать, что подают в Конкорде на завтрак. – Гилберт Клайн рассмеялся сухим, хриплым смешком, еще более жутким, чем рыдания. – Мы уложили в самосвал человек сорок, когда Мазз ухватил меня за локоть и потащил вниз за собой. Он накрыл нас трупом Хунота. И все. Без обсуждений. Как будто мы все спланировали. И мне даже в голову не пришло спорить.

Вот. Да и нечего было рассусоливать. Охрана думала, что мы здоровые, а какой же здоровый сам зароется в кучу зараженных трупов. И оставаться нам было небезопасно. Рано или поздно перестреляли бы нас всех – по малейшему поводу или вовсе без повода. Перестреляют и скажут себе, что поступили правильно – спасли нас от голода и от возгорания. Тот, у кого власть, всегда оправдывает ужасные поступки тем, что действует во имя высшего блага. Тут убийство, там пытки. Становится нормальным делать то, что для обычного человека было бы аморальным.

Ну, короче. Дальше все просто. Мы прятались под трупами, пока на нас наваливали новые. Никто как будто не заметил, что мы пропали. Потом, ближе к концу, я услышал, что кто-то запрыгнул в кузов и ходит по нему. Подковки звякали по металлу. Трупы закрывали нас не полностью, и я вдруг увидел Девона с планшетом, а он, черт подери, смотрел на меня. Мы пялились друг на друга секунду – она тянулась бесконечно. Потом он кивнул, еле заметно. Выпрыгнул из кузова и поднял задний борт. Другой охранник спросил его, посчитал ли он всех, и Девон ответил, что всех. Он солгал ради нас. Он знал, что мы в грузовике, и солгал, чтобы мы могли улизнуть. Когда-нибудь, когда все кончится, я найду этого парня и куплю ему пива. Он заслужил его как никто другой.

Гил замолчал. Камин свистнул и зашипел.

– А потом? – спросила Кэрол.

– Водитель врубил первую передачу и тронулся. Через полчаса мы въехали на большой двор в Портсмуте, где сжигали мертвых. Мы с Маззом незаметно выбрались из самосвала, но сумели добежать только до водопропускной трубы на краю того пруда. Там и застряли. Не могли перебраться ни через пруд, ни через стоянку. И не знаю, что было бы, если бы не появился Пожарный. Или замерзли бы до смерти,

или пошли бы сдаваться – и нас бы просто шлепнули. Надеюсь, я еще смогу его поблагодарить. Наверно, здорово быть его союзником. И жалко тех, кто против него.

Последовало долгое, неловкое молчание.

– Спасибо, мистер Клайн, – сказала Кэрол. – Спасибо, что поделились своей историей. Вы, наверное, устали столько говорить. Джейми, отведи его в камеру.

– Возьми наручники, – сказал Бен.

Джейми шагнула вперед, с места поднялась Минди, и они встали рядом с Гилом, с двух сторон. Гил серыми опухшими глазами устало посмотрел на Кэрол, потом на Бена. Потом поднялся и убрал руки за спину. Наручники щелкнули, обхватив запястья.

– Я еще хотел спросить – можно ли меня перевести из мясного холодильника к остальным мужчинам, – сказал Гил. – Видимо, нельзя.

Кэрол сказала:

– Я очень благодарна вам за откровенность. Благодарна – и рада. Рада, что вы с нами. Рада, что вам уже не нужно бояться расстрела на парковке. Но, мистер Клайн, после того, что мистер Маззучелли сделал для вас, не думаю, что выпускать вас – в интересах нашего сообщества. Он помог вам сбежать, а вы – человек благодарный. Неужели вы не захотите отплатить ему тем же? Нет. Обрато в холодильник, Джейми. Конечно, выглядит это ужасно, но вы понимаете, мистер Клайн, почему это необходимо. Вы сами сказали, что тот, у кого власть, всегда оправдывает ужасные поступки тем, что действует во имя высшего блага. Думаю, я поняла, кого вы имели в виду. Мы все понимаем, что вы намекали на *меня*.

Углы рта Гила дернулись в легкой улыбке.

– Мэм, – сказал Гил. – Я прятался под мертвецами – и они были не так холодны, как вы. – Он посмотрел на Харпер и кивнул: – Спасибо за воду, сестра. Увидимся.

Джейми подтолкнула его в спину ручкой от метлы.

– Давайте, красавчик. Отведем вас в номер для новобранцев.

Когда она открыла дверь, порыв ветра швырнул снег на середину комнаты. Минди и Джейми вывели Гилберта, дверь за ними захлопнулась. Дом скрипнул под новым порывом ветра.

– Ваша очередь, Харпер, – сказала Кэрол.

- Расскажите о моем отце, – сказала Кэрол. – Он умирает?
- Сейчас его состояние стабильно.
- Но он уже не встанет на ноги.
- Я не теряю надежды.
- Бен говорит, что он уже должен был очнуться.
- Да. Если бы это была субдуральная гематома без осложнений.
- Так почему он не очнулся?
- Значит, есть осложнения.
- Например? Что это за «осложнения»?
- Определенно сказать не могу. Я медсестра, а не невропатолог.

Осколок кости в мозгу. Или глубокая гематома. А может, случился удар во время операции. У меня нет никакого диагностического оборудования, чтобы уточнить.

– Если он очнется... – начала Кэрол и осеклась на мгновение, хотя лицо оставалось бесстрастным. – Насколько умственно отсталым он будет?

Выражение «умственно отсталый» не употреблялось в разговорах о пациентах с повреждениями мозга, но Харпер понимала, что не время и не место спорить о терминах.

– Может не быть никаких изменений, а могут быть серьезные повреждения. Сейчас я ничего не могу сказать определенно.

– Но вы же согласны, – сказала Кэрол, – что ему уже пора было очнуться? И вы ждали иного исхода?

– Я надеялась на лучшее.

Кэрол медленно, даже сонно, кивнула.

– Вы можете что-то сделать для него?

– С тем, что у меня есть? Не слишком много. Я придумала, как возмещать потерю жидкости – с помощью разбавленного яблочного сока, – но это поможет ненадолго. Если бы лазарет был лучше оснащен, было бы больше возможностей для лечения. И с другими пациентами мне было бы легче. Это я и надеялась с вами обсудить. Я говорила с Джоном...

– Да, – перебила Кэрол. – Я знаю.

– И у него, – продолжала Харпер как ни в чем не бывало, – есть план, как добыть медикаменты...

На сей раз вмешался Бен.

– Я же говорил! – обратился он к Кэрол. – Я же говорил, что Пожарный будет придумывать для нас планы. – Он произнес это спокойно, скучающим тоном, но под безразличием таилась злость.

Харпер начала заново:

– Джон предлагает свою помощь в добыче того, что нам нужно, чтобы лечить вашего отца и обеспечить ему долговременный уход, если он останется недееспособным. Мне кажется, это стоит обсудить.

– Расскажите, – сказала Кэрол.

Харпер изложила план Пожарного: Бен приезжает на полицейской машине к Верден-авеню, с одного из мобильных вызывается «Скорая помощь», а когда она появляется...

– ...Джон сказал, что пошлет феникса, чтобы отпугнуть врачей и любой полицейский эскорт, – закончила Харпер. Она понимала, что вышло неуклюже, и в целом была недовольна Джоном и его театральными выходками. – Не знаю, что он имел в виду, но в прошлом он нас не подводил.

– Его очередной трюк, – сказала Кэрол. – Очередное развлечение. Он любит развлекаться.

Бен сказал:

– Не понимаю, зачем нам его помощь. Мы захватим «Скорую помощь» и сами. У нас достаточно ружей.

– И скольких вы надеетесь убить? – спросила Харпер.

– Ну, до этого не дойдет. Мы скажем: или отдавайте то, что есть в «Скорой», или вас увезут на ней. Обычно люди соглашаются сотрудничать, если им тычут винтовкой в глаз.

– У них тоже будет оружие. И полицейский эскорт.

– Конечно. Но я-то их встречу в форме и на полицейской машине. Мы застанем их врасплох. Нападем прежде, чем они поймут, что к чему, – возразил Бен.

– Но зачем? – спросила Харпер. – Почему не принять предложение Джона?

– В последний раз, когда мы следовали плану Джона, кто-то чуть не убил моего отца, – сказала Кэрол.

– Все, что случилось с вашим отцом, случилось здесь, на нашей земле. А план Джона *сработал*.

– Да. Именно так, как хотел *он*.

– Что вы имеете в виду?

Не ответив, Кэрол спросила:

– И когда же Джон собирается осчастливить нас своей помощью?

– Через три ночи.

– Мы не можем столько ждать. Сделаем все завтра. Бен, я верю, что вы обойдетесь без насилия – оставьте его на самый крайний случай.

Бен сказал:

– Ясно. Хорошо. Там будет четыре человека – двое на «Скорой помощи», двое в полицейской машине, – значит, нас должно быть пятеро. Джейми стреляет лучше всех в лагере, не считая меня. У Нельсона Гейнриха была личная страница на сайте Национальной стрелковой ассоциации, так что наверняка он хороший стрелок. А Минди Скиллинг может позвонить в «911». Она достаточно взрослая, и меня не будет мучить совесть, что я взял ее с собой. И она актриса. В колледж Эмерсона вроде ходила? Кажется...

– Погодите. Погодите, – вмешалась Харпер. – Кэрол, мы вполне можем подождать три дня. Вашему отцу...

– ...почти семьдесят лет. Вы бы ждали три ночи, будь это ваш отец? Если бы могли предпринять что-то немедленно?

Харпер хотела сказать: «Мой отец не хотел бы, чтобы из-за него убивали людей», но у нее язык не поворачивался. Честно говоря, она считала, что Кэрол права. Будь это ее отец, она бы умоляла Пожарного сделать все, что в его силах, и как можно скорее. Джули Эндрюс умолять точно бы не стала, но Харпер была не столь щепетильна.

– Хорошо. Я поговорю с Джоном. Может быть, он перенесет все на завтрашнюю ночь.

Кэрол смахнула черную прядь со лба.

– Джон-Джон-Джон-Джон-Джон-Джон. Если Джон не спешит помочь моему отцу, было бы ужасно его торопить.

– Он откладывает не по прихоти. Кэрол, у него сломаны ребра.

Кэрол сочувственно кивнула.

– Да. Да, конечно, Джону нужно дать отдохнуть. Я не хочу его тревожить. Он нам не потребуется. Сестра Уиллоуз, Бену нужен подробный список всего, что вам необходимо, чтобы обеспечить моему отцу *лучший* уход.

– Это ничего не даст. Я должна сама пойти с ними.

– Ну, нет. Ни в коем случае. Вы очень храбры и добры, но вы должны быть рядом с моим отцом. Мы не можем рисковать вами.

– Придется. У Бена будет всего несколько минут в «Скорой помощи». Вы хотите, чтобы он выискивал среди двух сотен пузырьков нужные, разбирая фармакологические аббревиатуры? Я бы не полагалась на удачу, будь это мой отец, – вставила Харпер, чтобы посмотреть, как отреагирует Кэрол.

Кэрол ответила злобным взглядом.

– Моему отцу нужны не только хорошие лекарства. Ему нужна хорошая медсестра, – сказала она. – Одно без другого бессмысленно. Ваше место в лазарете.

Харпер не знала что ответить. Весь разговор получился запутанным, полным непонятных намеков на неприятные последствия.

Кэрол сказала:

– Бен, я хочу обсудить план с вами. Я хочу знать все. Кого вы возьмете. Как выглядит Верден-авеню. Все. Сестра... – Она зыркнула на Харпер: – Надеюсь, вы сами доберетесь до лазарета.

Харпер удивилась, что ее отпускают вот так просто, без надзора. Она уже считала себя почти таким же заключенным, как и Гилберт Клайн, только в камере поуютнее. Ее привели в Дом Черной звезды под конвоем, и она ждала, что под конвоем отправится и обратно.

Очень хотелось выскочить за дверь немедленно, пока Кэрол не передумала и не решила приставить к ней Боуи или другого дозорного из тех, что околачивались снаружи. Харпер уже предвкушала небольшую прогулку по дороге обратно в лазарет. Но заставила себя помедлить, трогая пальцами черные пуговицы на пальто. Был по крайней мере еще один вопрос, который необходимо обсудить.

– Кэрол... Я хотела поговорить об Алли. Она уже несколько дней ходит с камнем во рту – считает, что должна что-то искупить. И я думаю, это связано с тем, что она во всем берет пример с вас. Она хочет произвести впечатление на вас. Хочет, чтобы все знали, как она предана лагерю. Вы можете положить этому конец?

– Не могу, – ответила Кэрол. – А вот вы можете.

– Разумеется, вы в состоянии заставить ее прекратить. Скажите, что она достаточно себя наказала. Вы ее тетя, и она вас любит. Она послушает. У нее почти никого нет, кроме вас. Вы отвечаете за нее. Вы обязаны вмешаться, пока она не попала в беду.

– Но мы все отвечаем *друг за друга*, – сказала Кэрол с безумно ясным лицом. – Мы словно карточный домик. Если хоть одна карта откажется принимать на себя свою долю тяжести, рухнет весь лагерь. Это Алли и пытается объяснить *вам*. Она носит во рту *ваш* камень. Только вы можете его достать.

– Она ребенок и ведет себя по-детски. А ваша обязанность быть взрослой.

– Моя обязанность – приглядывать за полутора сотнями отчаявшихся людей. Беречь их. Не позволить им сгореть заживо. В каком-то смысле я тоже медсестра. Мне приходится защищать лагерь от заразы отчаяния и эгоизма. Мне приходится защищать нас от секретов, подобных раку. От неверности и неприязни, которые сродни лихорадке. – Кэрол постепенно выпрямлялась в кресле, и ее влажные глаза блестели больным жаром. – С момента, как слег мой отец, я пыталась стать той, кто нужен этим людям. Кого они заслуживают. Отец хотел, чтобы лагерь Уиндем стал надежным убежищем для людей, которым больше некуда податься. Этого хочу и я. Хочу, чтобы лагерь стал надежным убежищем... и эту надежность может нам дать только забота друг о друге. Отец тоже так думал. – Кэрол положила на колени переплетенные пальцы. – Вместе мы сильнее, Харпер. А если вы не с нами, то вы в одиночестве. А в эти дни нельзя быть одному. – Она глядела почти жалобно. – Разве вы не понимаете?

11

Харпер шла по еле различимой тропе под темным небом.

Как она ни пыталась увернуться, ветер бросал снег прямо в лицо. Треснула ветка. Доски качались и гнулись под ногами, приходилось идти медленно, удерживая равновесие.

Когда Дом Черной звезды скрылся из глаз, Харпер оказалась в морозной, пахнущей соснами тьме. Еще через двести шагов она достигнет тропинки среди деревьев, которая сбегает вниз, к галечному пляжу и пристани. Пролив она пересечет за десять минут и расскажет Джону, что налет на «Скорую помощь» состоится завтра, объяснит...

Справа между соснами мелькнул детский силуэт – легкая тень. Харпер повернулась и поняла, что это вовсе не ребенок, а летящий из-

за деревьев снежок.

Бац!

Снежок попал в голову сбоку, но Харпер осознала это, только сделав еще два шага. В голове не укладывалось. Она не понимала, что заваливается на бок, что правая нога подкосилась, пока не упала на колени в снег.

Краем глаза она заметила какое-то неясное движение и успела поднять локоть, чтобы защититься от следующего снежка. От удара заныла рука. Онемение разлилось от локтя до кисти. Снежок рассыпался. Белый в пятнышках камень, прятанный в середине, упал на снег.

Из-за деревьев со всех сторон выскочили задыхающиеся от смеха девчонки. Харпер показалось, что снежок сейчас попадет ей в живот, она постаралась закрыть его руками, но снежок резко ударил в шею – и шея онемела.

Ее обступили.

Слезы в глазах застывали, превращаясь в лед. Ее окружали белые, неподвижные, бесстрастные лица, как будто на Харпер напали манекены из универмага.

Одна из нападавших толкнула Харпер в спину, повалив на бок.

– Пожалуйста, осторожнее, девочки, – сказала Харпер. – Я беременная. Я не сопротивляюсь.

– Отчистим, отчистим! – пропел голос, принадлежавший, похоже, Эмили Уотерман.

Рука в перчатке ухватила Харпер за волосы, другая рука набрала снега и отерла ей лицо. Девочки зашлись визгливым смехом.

Когда Харпер проморгалась от снега, над ней наклонился Тирион Ланнистер из «Игры престолов». Он смотрел пустым недоверчивым взглядом: дешевая пластиковая маска. Он... нет, она – за маской пряталась девочка – раскрыла ладонь с плоским белым камешком.

– Ешь, – послышался голос из-под маски. – Ешь, сука.

– Заставь ее, – сказала другая девочка.

– Живо жри, живо жри! – запели вокруг.

Харпер лежала в снегу на боку, одной рукой прикрывая тугой живот; вторую она придавила своим телом. Девочка, которая держала Харпер за волосы, дернула раз, потом второй – сильнее.

Харпер разинула рот, как ребенок, показывающий врачу гланды. Тирион Ланнистер положил ей на язык камень – холодную плоскую тяжесть.

За происходящим с расстояния в пять шагов, из-за сосен наблюдал Капитан Америка. Харпер смотрела на Алли, пока от слез картинка не начала двоиться, троиться.

Раздался такой звук, словно кто-то разорвал пополам простыню. Рука потянула Харпер за волосы, откидывая голову назад, задирая подбородок. Другая рука крепко припечатала ей рот. Большой палец тщательно прижал клейкую ленту к губам Харпер.

– Полчаса, – сказала девочка, ухватившая ее за волосы. – Он останется на полчаса. Теперь поднимайся. На колени.

Харпер подняли на колени. Девочки завели ей руки за спину, и снова раздался треск – одна из них оторвала клейкую ленту и замотала запястья.

– *Мбенок*, – сказала Харпер, прося не навредить ребенку. Вряд ли кто ее понял.

Две девочки, взявшись за руки, плясали, извиваясь и вертясь: на одной была маска Обамы, на другой – Дональда Трампа. И за все это время Капитан Америка не сдвинулась с места между двумя пихтами, неподвижная и немигающая, как сова.

Среди сосен замерцали яркие золотые огоньки. Харпер пришлось вглядываться, прежде чем она поняла, что у девочек нет фонариков. Светились они сами, прыгая, смеясь и бросаясь в нее снегом. Они светились, как во время пения в церкви. Они сияли друг для друга, чешуя пульсировала так, что свет пробивался из-под курток, из-за воротников.

Значит, есть и другой способ войти в экзальтацию Света. Хор или расстрельная команда: чешуя в любом случае будет довольна. Групповое изнасилование ничем не хуже госпела.

Харпер услышала щелканье ножниц. Ее золотые локоны посыпались в снег.

– Ха-ха! Ха-ха! – засмеялась самая маленькая девчонка – это точно была Эмили Уотерман. – Обрежай-обрежай-обрежай! – Она орала, как пьяная.

Ветер с неохотой вздохнул, точно влюбленный, осознающий, что пора уходить. Волосы Харпер лежали вокруг нее, а ножницы

продолжали *чавкать*.

– Вкусный камень? – крикнула одна из девочек. – Спорим, не то что член Пожарного?

Девочка, которая остригала волосы Харпер, спросила:

– Ну разве не сексуально щелкают ножницы? – Она щелкнула прямо над ухом. – Просто в дрожь бросает. Мне так понравилось – жалко, волосы кончились. Увы, я вынуждена остановиться. Может, в следующий раз еще отрежу. Надо решать – с нами или против нас. Сиять с нами или вовсе не сиять. Дать медицинский совет? Я бы предложила отказаться от сучьих манер.

Да, они все сияли... все, кроме Алли. Алли сделала шаг и придушенно вскрикнула от огорчения, но, когда Харпер подняла на нее взгляд, Алли застыла на месте. Она даже выставила ладонь, словно Харпер могла подпрыгнуть, освободить руки и напасть.

Харпер подумала, что кому-нибудь может прийти в голову с разбегу ударить ее ногой в живот, просто для смеха. Они уже не ведали, что творят. И, может быть, зашли уже дальше, чем собирались. Может, они просто хотели закидать ее снежками и сбежать. Они забыли себя. Забыли собственные имена, голос матери, лицо отца. Харпер подумала, что они вполне могут и убить ее здесь, в снегу, ненароком. Вскрыть этими же ножницами горло. Когда ты в Свете, все кажется хорошим, все кажется *правильным*. Ты не ходишь – танцуешь. Мир пульсирует в тайной песне, и ты сам себе звезда в собственном красочном мюзикле. Кровь, которая брызнет из ее сонной артерии, покажется им такой же прекрасной, как игристое вино, бьющее светящимся красным фонтаном.

Девочка, все это время стоявшая позади, повалила Харпер в снег на бок. Какой-то пузырь сильных, опасных эмоций дрожал внутри, и Харпер замерла, опасаясь, что он прорвется. Не хотелось выяснять, что это такое... горе, ужас или – хуже всего – капитуляция.

Девочки по очереди, пританцовывая, приближались к Харпер и бросали снег ей в лицо. Харпер зажмурилась.

Девочки стояли над ней, перешептываясь. У Харпер не было сил поднять глаза и посмотреть на окружавшие ее маски. Они говорили тихо, шипящими, неразборчивыми голосами. Харпер трясло. Джинсы промокли, запястья болели, а разбитое лицо горело от снега.

Наконец она решилась чуть приоткрыть один глаз. Шепот продолжался, но девочки ушли. И шептал только ветер, баюкая сосны.

Харпер изогнулась и пошевелила руками. Ленту намотали на перчатки, а не на кожу, и вскоре одну руку удалось освободить. Харпер стянула перчатки с другой и отшвырнула их вместе с лентой. Нащупала угол ленты на губах и, не мешкая, дернула. С лентой она оторвала и кусочек кожицы с верхней губы.

Харпер выплюнула камень в снег. Он стал розовым от крови.

Харпер поднялась на ноги, но голова так закружилась, что пришлось опереться о сосну, чтобы не упасть. Она перебиралась от дерева к дереву, как малыш, который делает первые шаги, держась за мебель. Найдя поворот к побережью, она двинулась вниз с холма. И уже прошла с десятков шагов, когда кто-то окликнул ее.

– Сестра Уиллоуз? – крикнул Нельсон Гейнрих. – Вы куда? Дорожка в лазарет – вон там.

Он стоял на досках с Джейми Клоуз. Джейми была в той же одежде, в какой Харпер видела ее в последний раз, – ярко-оранжевые лыжные штаны и свободная аспидного цвета парка. Одно только изменилось: Джейми сняла маску Тириона Ланнистера.

– Снег вам по шейку. Вылезайте сюда, пока не закопались живьем. – Лицо Нельсона порозовело от холода, и он улыбался, демонстрируя два передних зуба.

От дыхания Харпер поднимался пар. Облизав губы, она ощутила вкус крови.

Минут пять она пробивалась обратно к доскам, по пояс в сугробах, и набрала полные ботинки снега.

– Мы с Джейми собирались помочь дозорным в доме матери Кэрол! Хорошо, что вовремя вышли. Вы бы заблудились. – Нельсон протянул руки, помогая ей забраться на доски. Глаза под хмурыми бровями лучились весельем. – Но посмотрите на следы! У нас ведь есть правила! Ходить только по дорожкам! Мы можем убрать доски, но мы не можем стереть следы. А если охотник на них набредет? Господи, если нас раскроют, то всех отправят в Конкорд! Или пристрелят на месте! Вы подвергаете опасности весь лагерь! Мистер Патчетт и мать Кэрол ясно высказались по этому поводу. Час с камнем напомнит вам о ваших обязанностях.

Джейми Клоуз обошла Нельсона, держа в ладони белый камешек. Она улыбнулась щербатой улыбкой.

Харпер взяла камень и послушно положила его в рот.

Ее вели, как арестанта, среди деревьев; Нельсон шел впереди, Джейми позади с винтовкой и спиленной ручкой от метлы. Харпер удивилась, что не так переживает из-за камня во рту, как ожидала. Со временем, возможно, ей даже понравится. Камень призывал к спокойствию и размышлениям. Он требовал тишины – и внутренней, и внешней.

Он требовал полного внимания – и это хорошо, потому что иначе от мыслей ее разорвало бы изнутри: сумеет ли она сохранить жизнь отцу Стори, сумеет ли сохранить жизнь самой себе, что делать, если у ребенка тоже окажется драконья чешуя, что делать, если стресс приведет к преждевременным родам.

Камень отодвинул мысли на задний план, и сначала Харпер подумала: знай она, как легко живется с камешком во рту, не сопротивлялась бы так яростно. Потом решила, что она всегда это знала где-то в глубине души. Всегда понимала, что подчинение станет великим утешением для нее, и именно поэтому сопротивлялась. Чувствовала, что если поддастся один раз, всего лишь раз, то дальше пойдет легче.

Они вышли из леса у церкви. Двойные двери были открыты, из них выглядывали люди. Харпер была уверена, что почти всем известно, откуда она возвращается.

Харпер наградила зрителей холодным, отстраненным, бесстыдным взглядом и с удовлетворением заметила, что некоторые юркнули в тень. Почти все дети, впрочем, не хотели сдавать позиции. Смотреть, как наказывают других, детям всегда очень интересно, это источник величайшего наслаждения.

Алли подошла к нижней ступеньке лестницы, но, увидев Харпер, замерла.

– Шевелите задницей, сестра, – сказала Джейми.

Алли ждала, пока Харпер пройдет мимо, но не выдержала. Побежала к ним по снегу.

– Алли, – сказал Нельсон Гейнрих, – ты сегодня дозорная на колокольне. Отправляйся на пост.

Алли не обратила на него внимания.

– Харпер. Я хочу, чтоб вы знали, я никогда не...

Но Харпер тихонько вытолкнула камень изо рта в ладонь. Набрала в рот слюны и плюнула Алли в щеку. Девочка съежилась, как от удара.

Джейми ткнула Харпер в спину – не разобрать, кулаком или палкой.

– Камень должен быть во рту! – завопил Нельсон. – И должен оставаться там до восхода солнца!

Харпер не отрываясь смотрела в глаза Алли; лицо у той сморщилось от неожиданности и страдания, глаза наполнились слезами. Харпер дождалась первых рыданий Алли, а потом положила камень в рот и пошла в лазарет.

Книга шестая
Феникс

Февраль

1

Из дневника Гарольда Кросса:

«10 АВГУСТА

В ЭТОМ ЛАГЕРЕ ОБОЖАЮТ ПЕТЬ СТАРЫЕ ГИМНЫ. «О, БЛАГОДАТЬ» ПРОСТО ЧУТЬ ЛИ НЕ КАЖДЫЙ ДЕНЬ. КЭРОЛ ГЛАДИТ КЛАВИШИ ОРГАНА, КАК БУДТО ВОЗОМНИЛА СЕБЯ РЭЕМ ЧАРЛЬЗОМ. ВОТ ЧТО Я СКАЖУ: НЕТ НИКАКОЙ БЛАГОДАТИ И БОГА НЕТ – И Я ТОМУ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО. ЕСЛИ БЫ КАКОЙ-ТО ДОБРЫЙ, БЛАГОСКЛОННЫЙ ВЫСШИЙ ДУХ ПРИСМАТРИВАЛ ЗА НАМИ, Я НЕ ОСТАВАЛСЯ БЫ В ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ДЕВСТВЕННИКОМ. Я, НАВЕРНОЕ, ЕДИНСТВЕННЫЙ БЕЛЫЙ АМЕРИКАНЕЦ СТАРШЕ ВОСЕМНАДЦАТИ, КТО НЕ ВОСПОЛЬЗОВАЛСЯ АПОКАЛИПСИСОМ, ЧТОБЫ ДОБРАТЬСЯ ХОТЬ ДО КАКОЙ-НИБУДЬ КИСКИ.

АЛЛИ ДВЕ НЕДЕЛИ ПОДКАТЫВАЛА КО МНЕ – ТОЛЬКО ЧТО НА НОГУ КАК СОБАЧКА НЕ ПРЫГАЛА. САДИЛАСЬ РЯДОМ В ЦЕРКВИ. ПРОСИЛА «ПОМОЧЬ» В СТОЛОВОЙ, КОГДА ТАМ НЕ БЫЛО НИ ДУШИ, ТАК ЧТО МЫ ОСТАВАЛИСЬ НАЕДИНЕ. БРЫЗГАЛА НА МЕНЯ ВОДОЙ, ЧТОБЫ Я БРЫЗГАЛ НА НЕЕ И ОНА МОГЛА ПОДРАЗНИТЬ МЕНЯ СВОИМИ ДВОЙНЯШКАМИ ПОД МОКРОЙ ФУТБОЛКОЙ. Я ДУМАЛ, ЕЙ ТОСКЛИВО, ПОТОМУ ЧТО ЕЕ МАТЬ УМЕРЛА. КАК Я УЖЕ ПИСАЛ, ГОРЕ АЛЛИ МОГЛО СЫГРАТЬ МНЕ НА РУКУ: СМЕРТЬ БЛИЗКОГО – НАТУРАЛЬНЫЙ АФРОДИЗИАК. БЫЛО БЫ ЛОГИЧНО НАДЕЯТЬСЯ, ЧТО ОНА СОЧТЕТ МОЙ ЧЛЕН НАДЕЖНОЙ ЗАЩИТОЙ.

НО ТЕПЕРЬ Я ДУМАЮ, ЧТО ОНА ИГРАЛА СО МНОЙ В КАКУЮ-ТО СРАНУЮ ИГРУ. МОЖЕТ, ИЗОБРАЖАЛА ДРУЖБУ, ЧТОБЫ ПОВЕСЕЛИТЬ ДРУГИХ ДЕВЧОНОК, – ЕЕ НАУСЬКИВАЛИ ПРОВЕРИТЬ, СКОЛЬКО ОНА СМОЖЕТ МЕНЯ ОБМАНЫВАТЬ, СКОЛЬКО РАЗ ОНА ПОДВЕДЕТ МЕНЯ К ОРГАЗМУ И ОТТОЛКНЕТ. НЕСКОЛЬКО НЕДЕЛЬ ОНА МЕНЯ ДРАЗНИЛА, И Я К НЕЙ

ПОДКАТИЛ. И ТУТ ОНА ПОВЕЛА СЕБЯ ТАК, БУДТО Я – НАСИЛЬНИК.

– ГОСПОДИ, СЛУШАЙ, ЗАСРАНЕЦ, А ПРОСТО ДРУГОМ ТЫ НЕ МОЖЕШЬ БЫТЬ? – ГОВОРИТ.

– АГА, – ГОВОРЮ Я. – ОСТАНЕМСЯ ДРУЗЬЯМИ. ПУСТЬ МОЙ ЧЛЕН ПОДРУЖИТСЯ С ТВОЕЙ ПЕЩЕРКОЙ.

ОНА МНЕ КАК ВРЕЖЕТ – ЧЕРТОВЫ ОЧКИ СВАЛИЛИСЬ НА ПОЛ, А ОНА КАБЛУКОМ РАЗДАВИЛА ИХ ПОХОДЯ, И ТЕПЕРЬ Я ПОЧТИ ОСЛЕП.

ЖАЛЬ, ЕЕ НЕ БЫЛО В КОТТЕДЖЕ, КОГДА СГОРЕЛА ЕЕ МАТЬ. ЛУЧШЕ СГОРЕЛИ БЫ ВМЕСТЕ. ДА ЛУЧШЕ БЫ ВСЕ ТУТ СГОРЕЛО.

ЗДЕСЬ ЖАРКИЙ ПЫЛЬНЫЙ ТЮРЕМНЫЙ ЛАГЕРЬ, И ВСЕ ЗА МНОЙ ПОСТОЯННО СЛЕДЯТ, НО ДЖР, С КОТОРЫМ Я НЕДАВНО ПОДРУЖИЛСЯ, ПОМОГАЕТ МНЕ УСКОЛЬЗАТЬ ИЗ ЛАГЕРЯ ЧУТЬ ЛИ НЕ ЕЖЕДНЕВНО. ПАРЕНЬ ПРОСТО КУДЕСНИК. КАЖДЫЙ РАЗ, ОКАЗАВШИСЬ В ХИЖИНЕ, Я СПРАШИВАЮ СЕБЯ, КАКОГО ЧЕРТА ВСЕ-ТАКИ ОСТАЮСЬ В ЛАГЕРЕ УИНДЕМ. У МЕНЯ В ХИЖИНЕ НЕ ТОЛЬКО ГЕНЕРАТОР И ИНТЕРНЕТ, ТУТ И ПИЦЦА. КАЖДЫЙ КУСОЧЕК УЖАСНО ВКУСНЫЙ, КОГДА ЗНАЕШЬ, ЧТО БОЛЬШЕ НИ У КОГО ТАКОГО НЕТ.

ПОЛУЧИЛ СООБЩЕНИЕ ИЗ САН-ФРАНЦИСКО: СЕРЬЕЗНЫЙ ПРОРЫВ В ИССЛЕДОВАНИИ ЗАРАЖЕННЫХ ЛЕГКИХ. У НИХ В ПРЕЗИДИО ДВЕ ТЫСЯЧИ ЧЕЛОВЕК, У КОТОРЫХ *DRACO INCENDIA TRУСНОРНУТОН* ТРИ МЕСЯЦА И ДОЛЬШЕ; ИЗ НИХ ДЕВЯТЬ ДЕМОНИСТРИРУЮТ ТЕ ЖЕ УМЕНИЯ, ЧТО И ПОЖАРНЫЙ: ОГРАНИЧЕННЫЙ ИММУНИТЕТ ОТ ОЖОГОВ, СПОСОБНОСТЬ ВЫБОРОЧНО ПОДЖИГАТЬ СЕБЯ, КОНТРОЛИРУЯ ПЛАМЯ. В МЕДИЦИНСКОМ СООБЩЕСТВЕ ТАКИХ ЛЮДЕЙ НАЗЫВАЮТ ПИРОМАНСЕРАМИ. И ЕСТЬ ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ, ЧТО ПИРОМАНСЕРЫ И ДРУГИЕ БОЛЬНЫЕ С ДЛИТЕЛЬНЫМ СРОКОМ ЗАРАЖЕНИЯ МОГУТ ПРОИЗВЕСТИ ДОСТАТОЧНО ДЫМА, ЧТОБЫ УБИТЬ НОРМАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА.

КОНЕЧНО, НАМ ДАВНО ИЗВЕСТНО, ЧТО СПОРЫ «ЕДЯТ» УГЛЕКИСЛЫЙ ГАЗ И ВЫДЕЛЯЮТ КИСЛОРОД. НО У ДАВНО ЗАРАЖЕННЫХ СПОРЫ ОБВОЛАКИВАЮТ УЧАСТКИ МОЗГА, ОТВЕЧАЮЩИЕ ЗА ДЫХАНИЕ (ВАРОЛИЕВ МОСТ И

ПРОДОЛГОВАТЫЙ МОЗГ). ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ТЕОРИЯ УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО КОГДА НОСИТЕЛЬ НАЧИНАЕТ СТРАДАТЬ ОТ ВДЫХАЕМОГО ДЫМА, МОЗГ ДАЕТ КОМАНДУ ДРАКОНЬЕЙ ЧЕШУЕ В ЛЕГКИХ АКТИВИЗИРОВАТЬСЯ, ПОЖИРАТЬ ОТРАВУ И ВЫРАБАТЫВАТЬ ЧИСТЫЙ ВОЗДУХ ДЛЯ ДЫХАНИЯ. ДРАКОНЬЮ ЧЕШУЮ СТОИТ НАЗВАТЬ «БОЛЕЗНЬЮ НИЦШЕ» – ЕСЛИ ОНА НЕ УБИВАЕТ, ТО ДЕЛАЕТ ТЕБЯ СИЛЬНЕЕ.

СОЧИНЯЮ НОВЫЙ СТИХ:

ШЛЮХА АЛЛИ СТОРИ С ДАВНИХ ПОР
КУДА УРОДЛИВЕЙ ТЕХ СПОР,
ЧТО ОТ ДЫМА ЕЕ ЛЕГКИЕ БЕРЕГУТ,
А ТО ДАВНО ПРИШЕЛ БЫ ЕЙ КАПУТ.

НУ ДА, СОГЛАСЕН, НЕ ФОНТАН.

СЛАВА БОГУ – У МЕНЯ ЕСТЬ ЭТА ХИЖИНА И ИНТЕРНЕТ, И НЕМНОГО ПОРНО. ТЕПЕРЬ ПОЯВИЛОСЬ ПОРНО С ДРАКОНЬЕЙ ЧЕШУЕЙ! ПРОСТО ЗАЖИГАТЕЛЬНОЕ. ХА-ХА. УЛОВИЛИ? УЛОВИЛИ?»

«Додж Челленджер» мчался сквозь ночь легко, как реактивный самолет в конце взлетной полосы. Харпер впервые оказалась в полицейской машине. Она сидела в кузове, где возят арестованных. И в этом есть определенный смысл, подумала она.

Харпер сидела, зажатая между Нельсоном Гейнрихом и Минди Скиллинг. Минди смотрела на Харпер, на ее новую прическу влажными, сочувствующими глазами. Харпер не обращала внимания. Нельсон то и дело принимался насвистывать первые такты рекламной песенки кока-колы. Харпер старалась и его не замечать.

Бен сидел впереди, за рулем. Джейми Клоуз расположилась на пассажирском сиденье, положив на колени «бушмейстер». Ружье достали из багажника вместе с дробовиком 410-го калибра, который Бен отдал Нельсону. Нельсон зажал дробовик коленями, и ствол

уперся ему в подбородок. Каждый раз, как «Челленджер» подкидывало на выбоине, Харпер до тошноты отчетливо представляла, как дробовик оглушительным выстрелом разбрасывает мозги Нельсона по потолку.

Из всех только у Харпер не было оружия. Она ничуть не удивилась, что ей даже не предложили. Наверное, не были уверены, в кого именно она решит стрелять.

– А если среди сопровождающих копов окажутся ваши знакомые? – спросил Нельсон. – Вы же служили в портсмутской полиции, знаете, наверное, вообще всех!

– Знакомые *будут* наверняка, – ответил Бен.

– И тогда... если они не отдадут нам «Скорую помощь»? Если это окажутся ребята, с которыми вы дружили – с которыми выпивали, – они ведь решат, что вы не станете стрелять?

– Если эти парни знают меня, то в курсе, что я никогда не блефую.

Нельсон сел прямо и безмятежно кивнул.

– Да все равно. Моих друзей там не будет. Если будут хоть какие сомнения, можете на меня рассчитывать – я сделаю, что положено. – Он снова засвистел.

– Теперь держитесь, – сказал Бен, но Джейми Клоуз перебила его:

– А разве слева не Верден-авеню, мистер Патчетт? Мы поворот не пропустим?

– Точно, – ответил Бен. – Без света все выглядит по-другому.

Они проехали две мили от лагеря Уиндем, не встретив ни единой машины. Дорогу укрывал нетронутый снег. Старинного вида – под газовые лампы – фонари стояли вдоль тротуаров, но не горели. Только луна бросала на снег голубоватый свет.

Свернув на Верден-авеню, они проехали мимо обгоревших развалин аптеки – бетонная коробка и прямоугольные дыры на месте окон с зеркальными стеклами. Харпер будто смотрела на место преступления. Все сгорело, пепел пожарища летал по округе вместе с отравленным снегом, и кто знает, сколько еще будет мертвых.

На Верден-авеню, короткой улочке, величавые дома колониального типа чередовались, как будто в случайном порядке, с современными фермерскими домиками, построенными в шестидесятых. Машина остановилась у коттеджа с крышей из кедровой дранки и изгородью высотой по грудь вокруг лужайки. Бен

развернул машину носом в ту сторону, откуда они приехали, и задом заехал под деревья.

Бен потянулся над коленями Джейми Клоуз, открыл бардачок и выпрямился, держа в руках то, что могло показаться громадным хрустальным шаром. Поставил предмет на приборную панель и включил: красно-синие отблески, как от игрового автомата с пинболом, осветили улицу.

Бен обернулся к тем, кто сидел на заднем сиденье:

– Нельсон. Вас я поставлю здесь, за изгородью. Не высовывайтесь. Когда Минди позвонит, они с медсестрой останутся на заднем сиденье. Джейми: мы с тобой впереди, встречаем любого, кто появится. Стой со стороны пассажирского сиденья и старайся выглядеть как полицейский. Я на дороге. Они увидят мигалку и выйдут посмотреть, в чем дело. Я велю им лечь на землю с руками за головой. Это будет сигнал вам, Нельсон. Свистните, пусть поймут, что мы держим их с двух сторон. Проблем не будет, когда они увидят, что окружены. У нас в багажнике два вещмешка и сумка-холодильник со льдом – для того, что нужно хранить в холоде. Минди и Харпер будут грузить, пока мы держим гостей на мушке. – Бен внимательно посмотрел в глаза Нельсону, потом перевел взгляд на Джейми. – Обращаемся с ними с уважением и пониманием. Никаких криков. Никакой ругани. Никаких «Прижмись своей поганой задницей к земле, а то отстрелю твою поганую голову». Ясно? Если мы будем спокойны, они тоже будут спокойны.

Бен посмотрел на Минди:

– Готова? Знаешь, что говорить?

Минди кивнула с серьезностью ребенка, которому доверили важную тайну.

– Готова.

Заднее сиденье отделяла от переднего крепкая решетка, но Бен передал мобильник в узкую щель посередине. Минди включила телефон. Дисплей осветил салон машины, как маленький прожектор. Когда-то Харпер казалось, что в ярком телефонном дисплее отражается Будущее. А теперь он, как ничто другое, символизировал Прошое.

Минди глубоко вздохнула, настраиваясь. Лицо напряглось, на подбородке появилась скорбная ямочка – возможно, в память о

пережитом горе. Минди набрала «911».

– Алло, алло! Меня зовут Минди Скиллинг, – затараторила она, задыхаясь и еле сдерживая рыдания. – Я на Верден-авеню, десять. Верден. Десять. Пожалуйста, пришлите «Скорую помощь». У моего отца, кажется, инфаркт. – Из глаза выкатилась, сверкнув, слеза. – Я звоню с мобильного. У нас в доме телефон не работает уже с месяц. Ему шестьдесят семь. Он лежит. На полу гостиной. Несколько минут назад его вырвало. – Снова отчаянное молчание. – Нет, я не рядом. Мне пришлось выйти, чтобы телефон ловил. Кто-нибудь приедет? «Скорая»? Пожалуйста, пришлите кого-нибудь.

Из трубки до Харпер еле доносился квакающий голос с другого конца линии – так говорят взрослые в мультике про Чарли Брауна.

– Нет. У нас нет драконьей чешуи. Мы нормальные. Папа никого к нам не подпускает. И мне запрещает выходить. Об этом мы и спорили, когда... о господи. Я наехала на него. Он пошел прочь от меня, а я – за ним и продолжала ныть, а он схватился за шею. О, я совсем тупая.

Харпер заметила, что Нельсон восхищенно смотрит на слезы Минди.

– Приезжайте, пожалуйста. Скорее. Не дайте папе умереть. Верден, десять. Пожалуйста, пожалуйста, по... – Минди внезапно нажала кнопку отбоя.

Потом провела большим пальцем под одним глазом, под другим, смахивая слезы. Шмыгнула носом – сыро и тяжело, – хотя выражение лица уже снова стало сладко-беспечным. Минди вернула телефон на переднее сиденье.

– Я всегда умела плакать на заказ, – похвасталась Минди. – Потрясающе, сколько можно работы получить, если научиться рыдать по команде. Реклама страховки. Реклама антигистаминных. Ролики на День матери.

– Ты была великолепна. – Нельсона переполняли эмоции. – Я чуть сам не заревел.

Минди фыркнула, провела ладонями по розовым мокрым щекам.

– Спасибо.

Бен кивнул Джейми:

– Теперь наш выход. Пошли.

Бен и Джейми вышли из машины, и Джейми открыла заднюю дверь для Нельсона. Когда Нельсон вылез, Джейми снова захлопнула

дверь. Если их убьют в ближайшие минуты, Харпер и Минди Скиллинг окажутся запертыми в полицейской машине. У Минди хотя бы есть ствол – маленький пистолет 22-го калибра с серебряными накладками. Если она может сыграть подружку гангстера с тем же мастерством, что и горющую дочку, то шанс у них, пожалуй, есть.

– Плакать легко, – не спешила угомониться Минди. Похоже, она обращалась не к Харпер. Наоборот, она выступала перед пустой машиной, словно не замечая, что остальные ушли. – По крайней мере, для меня. Думаю, гораздо сложнее изображать веселье – смеяться искренне. А самое трудное – умирать перед толпой. Мне приходилось играть сцену смерти – Офелию... худшие в жизни пять минут на сцене. Я слышала, как публика хихикает надо мной. К концу сцены я уже жалела, что не умерла на самом деле.

Харпер следила за Беном и Джейми, которые прошли вперед и встали спиной к фарам, чтобы были видны только силуэты. Коттедж стоял за сплошной, усыпанной снежной пылью изгородью, которая доходила Нельсону Гейнриху до груди. Бен помахал Нельсону рукой – «чуть правее, еще чуть-чуть», и тот оказался за центральной частью изгороди.

Харпер взглянула мимо Нельсона, на дом, в котором когда-то обитал Пожарный с Алли, Ником и мертвой женщиной. Сбоку от коттеджа начинался дощатый забор, в приоткрытую калитку виднелся угол пустого бассейна.

Харпер попыталась представить Джона и остальных вокруг праздничного стола. Ник поливает горчицей хот-дог, Алли залезла в пакет чипсов, шурша целлофаном. Том и Кэрол Стори сидят, склонившись над доской «эрудита», буквы стучают – Том выкладывает слово. Нетрудно представить запах жарящихся на гриле бургеров, он смешивается с резким запахом хлорированной воды бассейна. И вдруг – что это? Первый грохот от взрыва пропановых баллонов у аптеки, Джон поворачивается от гриля с вилкой в руке, Сара поднимается из воды и тревожно замирает в мелком конце бассейна и... Харпер осеклась, подумав о Саре Стори в бассейне. Подумав о хлоре.

– А это просто восхитительно, – сказала Минди, подавшись вперед; большие глаза блестели в темноте.

– Правда?

– Да, – ответила Минди. – Всегда хотела сыграть в сцене ограбления.

Харпер услышала вой приближающейся сирены. Синие и серебряные сполохи превратили угол улицы в зимнюю дискотеку. Полицейская машина неторопливо показалась из-за угла и направилась к ним.

Бен пошел вперед, подняв руку в приветствии, водитель вылез из-за руля. Внутри машина была ярко освещена. Второй полицейский, коренастая женщина, осталась на пассажирском сиденье с раскрытым ноутбуком на коленях.

Коп-водитель вышел в свет фар, прикрывая глаза ладонью, чтобы рассмотреть Бена. Это был коротышка с седыми волосами, торчащими как стружка, в очках с золотой оправой на кончике носа. Харпер решила, что он больше похож на бухгалтера, чем на полицейского.

– Бен Патчетт? – Полицейский озадаченно улыбнулся. – Что-то я не видел твоей фамилии...

В глазах мелькнула тревога. Невысокий полицейский развернулся и побежал обратно к машине, звеня наручниками на поясе.

– Бетанн, Бетанн, вызывай... – закричал он.

Джейми Клоуз нагнулась между фарами «Челленджера» за «бушмейстером». Винтовка была прислонена к решетке радиатора.

Бен, опустив голову, торопливо сделал четыре шага к полицейской машине – не к копу, похожему на дипломированного бухгалтера, а мимо капота, к пассажирскому сиденью.

– Эй! – гаркнула Джейми. – Эй, сучок, остановись, или кому-то...

Из-за изгороди душераздирающе хлопнул дробовик. Маленький седой полицейский споткнулся, его очки в золотой оправе упали на дорогу, и Харпер подумала: «В него попали, Нельсон только что пристрелил его». Но коротышка выпрямился и стоял смиренно, расставив руки в стороны.

– Не стреляйте! – закричал он. – Ради бога, не стреляйте!

Женщина-полицейский в машине повернула голову, так что подбородок уперся в ключицу. Одну руку она положила на рацию у плеча и давила на кнопку. Бен встал рядом, наставив через окно пистолет женщине в висок.

– Все чисто, – сказал Бен. – Все чисто! Вероятно, сердечный приступ, код двадцать – четыре, код двадцать – четыре. Сообщите им,

Бетанн.

Бетанн посмотрела на него краем глаза и повторила:

– Код двадцать – четыре, код двадцать – четыре, на Верден-авеню, десять, полиция на месте, ждем «Скорую».

Она без команды отпустила рацию, закрыла ноутбук и положила на него ладони.

Джейми шла по середине дороги, уперев приклад «бушмейстера» в плечо и наставив ствол в маленького полицейского.

– На колени, – сказала она. – На колени, коп. Мы не собираемся никому причинять вреда.

– Бетанн, если вы выйдете из машины и ляжете ничком на тротуар, мы, думаю, обойдемся без неприятностей, – сказал Бен.

Харпер услышала новую сирену, ниже тоном, звук нарастал, дрожь морозного воздуха можно было ощутить кожей. Минди посмотрела на Харпер горящими от возбуждения глазами.

– Жалко, мы это не снимаем, – прошептала она.

– Бен, – окликнул седой полицейский, опускаясь на колени. Джейми стояла над ним, уставив «бушмейстер» ему в затылок. – У тебя есть, да? У тебя есть эта хрень по всему телу. Ты больной.

– У меня есть драконья чешуя, но не знаю, прав ли ты, называя больным меня, Питер. На мой-то взгляд, мне сейчас лучше, чем когда-либо. – Бен отступил от машины, не сводя пистолета с Бетанн, которая открыла дверь и вышла с поднятыми руками. Не отрывая от нее взгляда, Бен крикнул: – Нельсон, разве я не говорил убрать палец со спускового крючка? Зачем ты палишь?

Нельсон стоял за изгородью, уставив дробовик стволом в небо.

– Ну я же не дал ему убежать, правда?

Бен сказал:

– Ты стрелял, когда Бетанн говорила в рацию.

– Ой!

– И что это значит? – спросила Джейми.

– Это значит, что если у вас есть мозги, вы смуетесь, пока время есть, – сказала Бетанн. – Скорее всего они слышали выстрел по рации и уже высылают дополнительный наряд.

– А я так не думаю, – сказал Бен. – Еще когда мне пришлось уйти с работы, у нас оставалось так мало народу, что по полчаса приходилось дожидаться хоть какого-то подкрепления. А это было

месяц назад. Всем известно, что становится только хуже. Даже если диспетчер слышал, кавалерию не пошлют только из-за того, что заметили что-то необычное.

– Это точно! – согласился Питер, который стоял на коленях, раскинув руки в стороны. – Но теперь слушает не только диспетчер. Ты не представляешь, *кто* еще прослушивает эфир.

– Да про что ты, черт подери, говоришь? – спросил Бен, но если Питер и ответил, то Харпер не разобрала слов. Его голос потонул в визге колес «Скорой помощи», поворачивающей с Сагамор на Верден.

Джейми двинулась первая: она обошла коленапреклоненного Питера и подошла к «Скорой помощи», тормозящей перед полицейской машиной. Ткнув «бушмейстером» в лобовое стекло, она крикнула:

– Эй ты! Убрал руки с руля...

Дробовик Нельсона бабахнул. «Скорая помощь» рванулась вперед, как перепуганный человек. Джейми отпрыгнула с дороги, но ее зацепило зеркальцем со стороны водителя. «Бушмейстер» выбило из рук, и винтовка упала бы на дорогу, если бы не висела на шее.

Полицейский Питер поднялся на одну ногу, еще касаясь вторым коленом дороги, и дробовик грохнул снова. Голова Питера откинулась назад, взвился седой зачес. Питер начал заваливаться назад, словно выполнял сложную асану из йоги.

– Прекратите стрелять! – завопил кто-то. Харпер не поняла, кто. Ей казалось, она слышит собственный голос.

«Скорая помощь» дала задний ход. Помятый бампер зацепил заднее крыло полицейской машины и потащил ее за собой в туче пыли. Бен смотрел на все, остолбенев, словно это его пристрелили.

Когда Бетанн поднялась с земли, она не попыталась отнять пистолет у Бена или достать свое оружие. Вместо этого она сошла с тротуара и как-то комично толкнула Бена, одной рукой в лицо, другой – в грудь. Он качнулся. Бетанн повернулась, сделала шаг, другой. Бен ударился правой ногой о бордюрный камень и качнулся назад. Его пистолет хлопнул. Бетанн изогнулась, выпятив грудь и выгнув спину. Потом выпрямилась, пробежала еще с полдюжины шагов, хватаясь за рукоятку «глока», но неожиданно упала лицом вниз на обледенелый нечищенный тротуар.

Покрышки «Скорой помощи» задымились, скользя по асфальту. Джейми снова ухватила «бушмейстер», прижала к плечу и крикнула что-то – Харпер не могла расслышать. Болезненно звякнула сталь. Заднее крыло машины Питера и Бетанн грохнулось на дорогу. «Скорая помощь», освободившись, рванулась назад – прямо в телефонный столб – и с грохотом снова замерла.

Покрышки завизжали, и машина прыгнула вперед, разворачиваясь прямо на Джейми. «Бушмейстер» рывкнул несколько раз подряд. Дробовик хлопнул в ответ. Бен вышел на мостовую, прицелился и начал стрелять.

Лобовое стекло «Скорой помощи» брызнуло осколками. Сирена захлебнулась, последний раз мрачно взвыла, умирая, и стихла. Фара взорвалась ярким фейерверком.

Джейми шагнула назад, в сторону и стояла, тупо глядя, как «Скорая помощь» медленно проползает мимо, не ускоряясь, крадучись, как зомби в фильме ужасов. Машина переехала тело полицейского Питера. Его позвоночник хрустнул, как сухая ветка. «Скорая помощь» прокатилась еще пять ярдов и уткнулась в бордюрный камень – дымящаяся, с изрешеченным пулями радиатором, – меньше чем в двадцати футах от капота «Челленджера» Бена.

Бен Патчетт с пистолетом на изготовку, как стрелок в тире, поворачивался вслед проезжающей мимо «Скорой помощи», стреляя без остановки. Наконец он опустил пистолет и посмотрел на осколки стекла и кровь на дороге с каким-то изумлением.

Они все сияли – все. Даже Харпер засветилась и чувствовала зуд чешуи на коже. Похоже, ничто не создает такой гармонии, как совместное убийство.

– Ух! – воскликнул Нельсон в каком-то диком возбуждении или даже эйфории. – Кто-нибудь пострадал?

– Кто-нибудь *пострадал*? – заорал Бен почти истерически. – *Пострадал*, драная задница? – Харпер никогда не слышала от него

таких грубых слов. – А на что это похоже? У нас четыре трупа. Бога ради, зачем вы начали стрелять?

– Я прострелил заднюю крышку, – сказал Нельсон. – Чтобы они не смылись. Ребята в «Скорой помощи». Они дали задний ход. Вы не видели?

– Они дали задний ход, только когда вы начали стрелять! – Уродливая красная жилка запульсировала на лбу Бена.

– Нет. Нет! Клянусь, они собирались удрать. Правда! Джейми, ты же стояла там. Правда они собирались удрать?

Джейми стояла над полицейским Питером, наставив «бушмейстер» на труп, словно он мог вскочить и снова побежать. Однако Питер неестественно согнулся пополам, на вдавленной груди остался красный след протектора. Синевато-красная масса вылезла изо рта.

– Что? – Джейми подняла голову и переводила изумленный взгляд с Бена на Нельсона. Она оттопырила ухо пальцем: – Что вы говорите? Ничего не слышу.

– Слушайте. Если бы у нас была кнопка повтора, мы бы отмотали назад и посмотрели, что на самом деле произошло. Мне показалось, они пытаются уехать. Что-то нужно было делать, и я выстрелил в крышку. – Нельсон пожал плечами. – Считайте это ошибкой новичка. Если хотите всю вину свалить на кого-то, давайте! Валите! Я готов стать козлом отпущения.

Бен выглядел так, будто его пырнули ножом: рот открыт, немигающие широко распахнутые глаза. Он попытался убрать пистолет в кобуру, но попал только с третьего раза.

Джейми подошла к машине и выпустила Харпер с заднего сиденья.

– Давайте, – сказала Джейми. – Пошли. – Она открыла багажник и достала вещевые мешки.

Харпер хватала ртом воздух, как будто окунулась в ледяную воду. Ноги подкашивались. В ушах тоненько звенел неутомимый шмель.

Харпер прошла по хрустящим осколкам стекла к «Скорой помощи» и заглянула внутрь. За рулем сидела молодая негритянка с короткими волосами, выкрашенными в цвет спелого банана. Рот был открыт, словно она хотела кого-то позвать. Застывшие глаза широко распахнуты. На коленях – голубое безопасное стекло.

Харпер не видела входного пулевого отверстия и не могла сказать, что убило женщину. Та, без сомнения, была мертва – это было видно по лицу, – но Харпер открыла дверь и приложила два пальца к шее. Тогда голова женщины за рулем склонилась на правое плечо, оставив на виниловом подголовнике пятно. Единственная пуля попала ей в рот и вышла, пробив основание черепа.

Женщина на пассажирском сиденье – тоненькая, хрупкая, в застегнутом на молнии комбинезоне фельдшера – застонала. Она полулежала на боку, уткнувшись лицом в спинку сиденья.

Харпер оставила водителя и подошла к пассажирскому месту. Открыв дверь, она встала на подножку.

Кровь окрасила сиденье и правое плечо женщины. Харпер заподозрила, что пуля раздробила лопатку... больно, но вряд ли смертельно. Хоть кому-то она может помочь. Облегчение чуть не лишило Харпер сил.

– Вы слышите меня? – спросила она. – У вас рана в плече. Вы можете двигаться?

Но Харпер уже начинала понимать, что у пострадавшей раздроблено не только плечо. Маленькая женщина нехорошо дышала. Вдыхала с трудом, а выдыхала с громким бульканьем.

Харпер уперлась коленом, забралась в машину и, ухватив женщину за бедра, начала приподнимать и чуть поворачивать. У фельдшера оказалось еще одно пулевое ранение – точно в центре груди. Кровь залила спереди весь комбинезон. Пузырьки булькали в ране при каждом вдохе.

Глаза женщины вылезли из орбит от боли. Она уставилась на Харпер, Харпер уставилась на нее и вдруг отпрянула от удивления, стукнувшись головой о приборную панель. Харпер узнала женщину. Они пересекались несколько раз летом, когда обе работали в Портсмутской больнице. Конопатая женщина-фельдшер напоминала симпатичного мальчишку: вздернутый носик, эльфийская стрижка.

– Черити... – Харпер вспомнила имя. – Мы вместе работали в больнице. Не знаю, помните ли вы меня. Я о вас позабочусь. У вас пневмоторакс. Я сейчас привезу каталку и положу вас на нее. Вам нужна повязка на грудь и кислород. Все будет хорошо. Понимаете меня? Я сейчас вернусь, и мы устроим вас поудобнее.

Черити ухватила Харпер за руку и сжала. Теплые пальцы были липкими от крови.

– Я тебя помню, – сказала Черити. – Ты маленькая Мэри Поппинс. Ты все время бубнила песню «Ложка сахара».

Харпер улыбнулась, несмотря на кровь и пороховой дым.

– Это я.

– Знаешь что, маленькая Мэри Поппинс? – спросила Черити. Харпер кивнула. – Ты и твои приятели только что убили двух фельдшеров. Я умру, и ты меня не спасешь. Проглоти это с ложкой сахара, сука. – Она закрыла глаза и отвернулась.

Харпер отшатнулась и снова ударилась головой.

– Сегодня вы не умрете. Держитесь, Черити. Я сейчас вернусь. – Харпер удивилась своему голосу – на октаву выше, чем обычно, неровному и неубедительному.

Харпер выскочила из машины. Она почти дошла до задней дверцы машины «Скорой», но Бен мягко взял ее за плечо и сказал:

– Вы ведь ничем не сможете ей помочь. Видит Бог, я сам бы желал этого, но вы не сможете.

– Уберите руку, – сказала Харпер и рывком высвободилась.

Минди прошла мимо, держа по пустому мешку в каждой руке, старательно избегая смотреть на лежащего на дороге полицейского. Красные и синие вспышки рубили ночь на замороженные моменты, отрезки времени, застывшие в цветном стекле.

– Нужно взять то, за чем мы приехали, и проваливать, – сказал Бен. – Скоро будут еще полицейские. Когда они явятся, нас здесь быть не должно, Харпер.

– Надо было подумать об этом до того, как вы, задницы, начали стрелять. Тупые задницы.

– Если они схватят хоть одного из нас, это все равно как если они схватят всех. Во имя любви к Нику и Рене, отцу Стори и Пожарному, берите все, что нужно, и сматываемся.

«Я умру, и ты меня не спасешь. Проглоти это с ложкой сахара, сука». Слова звучали и звучали в голове Харпер; страшное разочарование и гнев качали ее, как морские волны. Хотелось ударить Бена, заорать на него. Хотелось с ревом лупить его без остановки.

Но вместо этого она заговорила тихим голосом, дрожащим от эмоций, – она сама еле узнала его. Ей редко приходилось слышать

собственные мольбы.

– Пожалуйста, Бен, пожалуйста. Только повязку на грудь. Она не должна умереть. Я могу ее спасти. Она будет жива, когда появится новая полицейская машина.

– Собирайте, что нужно для лагеря, а там посмотрим – если хватит времени, – сказал Бен, и Харпер поняла, что ей не позволят даже наложить повязку.

Она опустила голову и пошла к задней двери «Скорой помощи».

Минди уже стояла в ярко освещенном кузове со стальными полками, откидными койками и шкафчиками. Гнетущая боль Харпер перешла в мерзкую стылую тоску. С убийством покончено; пора приступить к грабежу. Глубоко внутри она чувствовала, что с самого начала собирались убивать и грабить, и она не только участвовала, но и сама все спланировала.

Харпер собирала лекарства, не размышляя. Наполнила сумку-холодильник плазмой и растворами и отправила Минди с грузом. Упаковала один вещмешок, потом второй, собирая все, что положено иметь в каждой приличной клинике и чего не было в ее лазарете: бинты, пузырьки с болеутоляющим, антибиотики в ампулах, стерильные нитки и стерильные инструменты, упаковку противоожоговых гелевых салфеток. Когда Минди вернулась, Харпер, опустившись на колени, укладывала взрослые подгузники во второй мешок – в них она заворачивала маленькие стеклянные пузырьки адреналина и атропина – и прикидывала, влезет ли еще кислородный баллон.

Джейми стукнула кулаком в стальную дверь.

– Пора. Нужно двигаться.

– Нет! Еще две минутки. Минди, мне нужен вон тот шейный корсет и еще...

– *Пора*, – повторила Джейми, схватила уже наполненный вещмешок и стащила его на землю.

– Пошли, – сказала Минди. – Я возьму корсет, мисс Уиллоуз.

Харпер обвела несчастным отчаянным взглядом открытые шкафчики и ящички. Она заметила дефибрилляторы – в чемоданчике размером с сумку для ноутбука.

– Нельсон! – позвала Харпер.

Он подошел к задней двери; испуганные глаза блестели на странно гладком, без морщин, розовом детском лице.

– Дефибрилляторы, – сказала Харпер. – Они мне нужны.

Она спрыгнула на землю с вещмешком в одной руке и перевязочным пакетом в другой. Прошла мимо Нельсона и бросилась к передним сиденьям.

– Я пришла, как только...

Черити больше не дышала с усилием – она вообще не дышала. Харпер повернула ее на спину и расстегнула молнию спереди комбинезона. Замок заклинило, и Харпер разодрала комбинезон. Пулевое отверстие было прямо под правой грудью. Харпер потрогала запястье, ища пульс. Ничего. И было понятно, что пульса нет уже давно.

– Сестра, – сказала Джейми. – Ей вы уже не поможете, но поможете людям в лагере. Давайте. Поехали домой. – Она говорила совсем без злобы.

Харпер позволила Джейми взять ее за локоть и вывести из «Скорой помощи». Джейми повернула в сторону «Челленджера» Бена. Харпер не глядя потянулась и ухватила лямки вещмешка.

– Потороплю остальных. Увидимся в машине, – сказала Джейми.

Харпер обогнула машину Бена, подошла к открытой задней дверце, двигаясь как в тумане. Она положила вещмешок рядом с сумкой-холодильником и скользнула взглядом вдоль улицы.

В конце Верден-авеню торчал почерневший, выгоревший бетонный каркас – бывшая аптека. Дальше, прямо у перекрестка Верден и Сагамор, стоял с работающим мотором белый фургон без окон. На боку в мультяшных языках пламени темнел позывной: «WKLL – ДОМ КОВБОЯ МАЛЬБОРО». И вдали Харпер слышала шум еще одной машины, едущей по Сагамор, медленно и тяжело: слышалось густое шипение пневматических тормозов и дизельное завывание мощного мотора. По звуку было похоже на школьный автобус.

Окно у пассажирского сиденья белого фургона было опущено. Из него высунулся мужчина с мощным прожектором и включил его. Ослепительный луч света, упавший на Нельсона Гейнриха, пригвоздил его к месту посреди мостовой. Нельсон только что выбрался из «Скорой», держа в руках ящик с дефибрилляторами. Он прищурился от яркого света.

Из громкоговорителей на крыше фургона вырвался свист.

Харпер почувствовала, как кровь быстрее понеслась по жилам, словно ускорились все химические процессы.

Голос, раздавшийся после этого, гремел как голос Бога. Хриплый, грубый, он заглушил бы концерт «Металлики». Харпер слышала этот голос вживую несколько дней назад, в своем доме. А до этого часто слушала по радио его рассказы про Апокалипсис, перемежаемые саундтреком для конца света, – в основном это был рок семидесятых.

– И чем это вы занимаетесь, ребята? Грабите «Скорую»? Не нашлось монашек, чтобы насиловать, или сиротского дома, чтобы сжечь? Ладно, вот что я вам скажу. Есть хорошая новость, и есть плохая. Я, Ковбой Мальборо, сегодня здесь с Береговыми сжигателями, и если вам нужно лекарство, вы попали куда надо. У нас есть кое-что, чтобы вылечить заразные мешки мяса вроде вас. И главная новость: «Скорая» уже здесь, так что, покончив с вами, сраными ворами и убийцами, мы легко найдем мешки для трупов.

– В укрытие! – закричал Бен.

Боковая дверь фургона отъехала в сторону. Такое оружие Харпер видела только в кино. Она понятия не имела о моделях и калибрах, поэтому не знала, что смотрит на пулемет Браунинга М2 калибром полдюйма – знала только, что такое оружие обычно крепится на танке или в боевом вертолете. Пулеметная лента тянулась из открытого металлического ящика.

За пулеметом на низеньком сиденье сидел человек в ярко-желтых наушниках. Две мысли успели промелькнуть в голове Харпер, прежде чем ночь разорвало грохотом и белым пламенем на куски.

Первая, абсурдная: такое оружие наверняка незаконно.

Вторая: машина, только что показавшаяся из-за развалин аптеки, – это, конечно же, не школьный автобус, а оранжевый «Фрейтлайнер» с плугом размером с самолетное крыло, а за рулем сидит Джейкоб.

Браунинг разразился серией басовых ударов, которые было трудно назвать просто звуком. Грохочущие взрывы проникали в тело Харпер, отзывались в зубах, в глазных яблоках.

«Скорая помощь» затряслась. Браунинг провел очередью слева направо – и осколки асфальта взметнулись над дорогой. Пули прошили ноги Нельсону Гейнриху, разрывая их красным туманом: кровь испарялась. Правая нога согнулась в колене назад, как у богомола. Портативный дефибриллятор брызнул белыми искрами. Нельсон затрепетал, как человек на ярмарочном аттракционе чудесного исцеления, хлебнувший Святого Духа.

Харпер рухнула на четвереньки позади «Челленджера» Бена. Из-за колеса она видела Бена в машине Питера и Бетанн. Он стоял на коленях на водительском сиденье, высунувшись в окно с пистолетом. Харпер видела вспышки выстрелов, но не слышала ничего за беспощадным грохотом пятидесятого калибра.

Потом Бен юркнул обратно в машину и съезжился. В следующее мгновение патрульная машина Питера и Бетанн задрожала, как в бурю. Окна брызнули осколками. Пули вгрызались в сталь, рвали покрышки, срезали открытую дверцу водителя – она со звоном упала на дорогу, – распахнули багажник, разбили задние подфарники.

Джейми укрылась за «Скорой помощью» и съезжилась, зажав «бушмейстер» коленями. «Додж Челленджер» был всего в десяти шагах от места, где она пряталась, но с тем же успехом он мог находиться в другом округе. Попытаться пробежать это расстояние было все равно что нырнуть головой вперед в лесодробилку.

Стрельба прекратилась. Еще какое-то время Харпер слышала вдали звон падающих стреляных гильз. Воздух вибрировал эхом.

– Ого-го! – заорал Ковбой Мальборо. – В семьдесят девятом я слушал «AC/DC» с Боном Скоттом – так это были котята по сравнению с нашим звучком. Лежите смирно, если не хотите вызвать нас на бис. А теперь слушайте. Сейчас вы...

Из-за «Скорой помощи» бахнул выстрел. После грохота Браунинга маленький серебряный пистолет Минди Скиллинг прозвучал как новогодняя хлопушка.

– Бегите, мистер Патчетт! – крикнула Минди. – Я прикрою! Бегите, все бегите! Я отдам жизнь за мать Кэрол! Отдам жизнь за Свет! – Пистолет выстрелил снова, потом еще. Минди, выбравшись из «Скорой», теперь скорчилась у заднего крыла.

– Минди! – заорал Бен. – Минди, нет!

«Фрейтлайнер» включил первую передачу и неуверенно двинулся вперед под вой изношенного дизеля. Грузовик прогрохотал по тротуару, выдрав из земли куст падуба и отшвырнув его вместе с комьями земли. С хрустом врубилась вторая передача, а через мгновение – третья. Грязный дым повалил из выхлопной трубы позади кабины. Пистолетик Минди продолжал пукать, но пули мелодично отскакивали от плуга. Джейми Клоуз в последний момент, бросив «бушмейстер», выскользнула из «Скорой» и на четвереньках проскакала по тротуару, чтобы укрыться за телефонным столбом.

«Фрейтлайнер» ударил в «Скорую», оторвал ее от асфальта и забросил во двор дома номер десять по Верден-авеню. Машина зацепила прятавшуюся за ней Минди Скиллинг, протащила за собой и, перекатившись, размазала по лужайке. Обломки «Скорой», взметнув землю и траву, оставили за собой широкий дымящийся след. Один ботинок Минди Скиллинг плотно впечатался в грязь, а сама она исчезла под искореженной «Скорой». Минди жаловалась, что умирать на публике тяжело, но в итоге продемонстрировала, как это просто.

– Кому еще охота погеройствовать? – прогремел из динамиков голос Ковбоя Мальборо. – У нас вся ночь впереди, боеприпасов вдоволь и машина – почти танк. Можете выходить с поднятыми руками, и тогда сыграем в «заклучим сделку», а можете дальше трепыхаться. Но позвольте сказать: если надумаете сражаться, ни один из вас не увидит рассвета. Это всем понятно?

Никто не сказал ни слова. У Харпер пропал голос. Она-то решила, что не бывает ничего громче выстрелов из пятидесятого калибра, но «Фрейтлайнер» врзался в «Скорую» с грохотом залпа бортовой артиллерии линкора. Даже сформулировать мысль было невозможно, не то что додумать до конца. Пролетело мгновение, потом еще одно, и в конце концов снова заговорил Ковбой Мальборо – только теперь в его голосе звучала растерянность.

– И что это за хрень? – пробормотал он приглушенно. Наверное, забыл, что говорит в микрофон.

Улица осветилась, как будто солнце невероятным образом взлетело вдруг на небеса. Нахлынувший золотой свет залил дорогу, и видимость стала идеальной. Или почти идеальной. Невиданное солнце *двигалось*, летело над дорогой. Горячая летняя буря качнула машины, обдав их ароматом 4-го июля: запахами фейерверков, костров и

раскаленного асфальта. Потом все пропало, и тьма снова накрыла Верден-авеню.

Ковбой Мальборо нервно хохотнул.

– Ну так что это за хрень? Кто-то стреляет в нас из ракетницы?

И свет снова усилился: горящее бронзой свечение, от которого прожектор фургона поблек, как фонарик в июльский полдень. Харпер поднялась на одно колено и повернула голову, чтобы взглянуть поверх крыши «Челленджера»... и успела увидеть, как ночь прошивает слезинка огня размером с частный реактивный самолет.

Свет был так ярк, что Харпер сначала наполовину ослепла и не могла в подробностях рассмотреть, что именно на них падает. Просто ярко-красный свет, опускающийся на дорогу между белым фургоном и «Челленджером».

В тридцати футах над асфальтом, продолжая снижаться, огненный снаряд развернул крылья и открыл сияющую чудовищную птицу. Воздух вокруг нее плыл от жара – Харпер видела это слезящимися глазами. Зрелище восхищало и ужасало. Люди, видевшие вырастающий над Хиросимой ядерный гриб, ощущали, наверное, то же самое. Размах горящих крыльев птицы – от кончика до кончика – был не меньше двадцати четырех футов. Громадный клюв мог целиком поглотить ребенка. Хвост украшали синие и зеленые огненные перья в ярд длиной. Птица летела почти бесшумно – только торопливое гудение напомнило Харпер поезд в туннеле метро.

Время застыло. Птица была уже всего в десятке футов над дорогой. Асфальт под ней начинал дымиться и вонять. Во всех окнах на улице отражался веселый свет феникса.

Потом птица двинулась – следом двинулась и Харпер.

Крылья взметнули воздух, и словно кто-то распахнул заслонку громадной печи. Иссущая волна химического жара прокатилась над дорогой, и «Додж Челленджер» затрясся. Харпер прокралась к дверце водителя.

Феникс бросился на белый фургон. Одно крыло царапнуло по живой изгороди, и над кустами встала огненная стена. Феникс

ворвался в открытую боковую дверь фургона. Харпер мельком заметила, как человек у пулемета закричал и закрыл лицо руками. Передние дверцы разом распахнулись, водитель и пассажир выпали на мостовую.

Массивная огненная птица ударила так, что фургон поднялся на два колеса, накренившись на водительскую сторону, почти опрокинувшись, но снова встал на четыре колеса. Внутренность кипела огнем. С металлическим лязгом взорвался патрон. Потом еще один. Потом полудюймовые патроны затрещали внутри белого фургона, как попкорн в микроволновке – трах-тах-тах-тах, – пули пробивали крышу, стены, уродуя машину изнутри.

Харпер заползла за руль «Челленджера» Бена, усевшись на битое стекло. Ключ торчал в зажигании. Пригнувшись, чтобы ее не было видно из-за приборной панели, Харпер завела мотор.

На мостовой «Фрейтлайнер» круто развернулся, вметнув шинами снег и грязь перед домом номер десять.

Харпер тронулась с места и нажала на газ. Однако не успела машина проехать и пяти ярдов, как Харпер ударила другой ногой по педали тормоза. «Челленджер» с визгом остановился недалеко от места, где скрючилась за телефонным столбом Джейми. Та вскочила, метнулась через мостовую и нырнула на пассажирское сиденье. Она что-то говорила, кричала, но Харпер не слышала – и не хотела.

Феникс появился из боковой двери фургона, вытянув голову на забавно длинной шее, как будто собирался пронзить ночь торжествующим кукареканьем. Фургон продолжал содрогаться и раскачиваться на рессорах, пока внутри трещал крупнокалиберный попкорн. Лобовое стекло лопнуло. Кто-то визжал.

Харпер повела «Челленджер» по улице, скользя по опаленным булыжникам, и притормозила у расстрелянной полицейской машины. Бен подскочил, хромая, пересек пространство между двумя машинами и рухнул на заднее сиденье лицом вниз, с торчащими из двери ногами. Воздух пропах горящими покрывками.

«Фрейтлайнер» взревел и помчался по улице к фургону и фениксу. Плуг ударил в бок фургона с жутким лязгом и отбросил его, как пустую обувную коробку. Фургон со смятой крышей покатился, сверкая синими искрами. «Фрейтлайнер» догнал его, стукнул снова и перекинул через поперечную улицу, Сагамор-авеню. Феникс порхнул

из разбитого лобового стекла, и Харпер увидела, что он сильно уменьшился в размерах. Несколько минут назад он был размером с реактивный самолет. Сейчас стал не больше дельтаплана.

Нога нашла педаль газа. «Челленджер» рванулся вперед, вжав Харпер в спинку кресла. Пятки Бена все так и торчали из задней двери. Он накрутил ремни безопасности на руки, чтобы его не выбросило, и сучил ногами, пытаясь забраться поглубже в машину.

Харпер выглянула в окно, когда они проезжали мимо Нельсона Гейнриха, лежащего на спине посреди улицы; его ноги были изрешечены пулями, раздавлены и вывернуты под неестественным углом. Дефибрилляторы лежали у него на груди, пластиковая коробка обгорела, а в центре зияла дырка с кулак величиной. И Харпер была уверена, что Нельсон мертв. Вот только не показалось ли ей, когда они отъехали уже далеко, что он как будто повернул голову им вслед?

«Фрейтлайнер» перегораживал дорогу. Харпер свернула на парковку перед сгоревшей аптекой. «Челленджер» подпрыгнул на бордюре. Харпер приподнялась над сиденьем. Машина стукнулась о забор парковки, выбив сноп искр, и Бен, все еще торчащий в двери, завыл.

Они свернули на Сагамор-авеню, и Харпер выжала газ до упора. Бронзово-каленный огонь освещал им дорогу сверху. Феникс провожал их с четверть мили – медное сияние, при котором не нужны фары, – а потом умчался далеко вперед. Несколько мгновений он скользил впереди ярким огненным воздушным змеем. Наконец, с последним взмахом крыльев, он оставил их, с торопливым фырчанием исчезнув в ночи, над деревьями на востоке.

Особенно крупный осколок стекла – или стальной обломок – уперся Харпер в зад, и она потянулась, чтобы убрать его. Оказалось, что это мобильник, по которому Минди Скиллинг вызывала «911». Не размышляя, Харпер сунула телефон в карман зимней куртки.

Этого никто не заметил.

Харпер никак не ожидала, что лазарет будет полон людей. Лампы горели во всех углах, и воздух был спертый из-за скопившихся

посетителей. Еще никто не сказал ни слова, но по взглядам, устремленным на нее, Харпер поняла, что все в ужасе, хотя не могла представить, откуда им уже известно о бойне на Верден-авеню.

В приемной столпились дозорные: Майкл Линдквист, близнецы Нейборс, Чак Каргилл, Боуи и еще несколько – Харпер не всех помнила по именам. Алли тоже была здесь и казалась такой испуганной, бледной, безумной и голодной, что Харпер совсем не могла сердиться на нее. В углу сидела Норма Хилд – трясущаяся белая масса, обтянутая платьем в цветочек.

Но еще больше Харпер удивило присутствие Кэрол – она была в розово-желтом платье, настолько поношенном, что выцветшие и бледные цвета только угадывались. Те же слова – выцветшая и бледная – можно было отнести и к самой Кэрол. Кожа туго обтягивала череп, глаза опасно горели в глазницах.

Харпер придерживала Бена за талию, помогая ему идти. Его левая щека, левое предплечье и левая ягодица были нашпигованы стеклянными иглами. Джейми шла прямо за ними, неся сумку-холодильник, полную кровяной плазмы. Они пролили куда больше крови, чем принесли домой.

– Что? – спросила Харпер. – Почему вы все...

– Приступ, – ответила Кэрол. – У моего отца случился приступ. Пока вы были там, а он оставался тут – один. Его сердце остановилось. Он умер.

Потом Ник с помощью языка жестов и планшета в подробностях рассказал Харпер о случившемся. Он видел все от начала до конца. И держал отца Стори за руку, когда тот перестал дышать.

Ник сильно нервничал, когда Харпер отправилась с Беном грабить «Скорую». Каким-то образом Ник понял, что происходит, и был уверен, что кто-то умрет. Майкл Линдквист пытался успокоить его. Они ели бобы, пили чай и играли в морской бой. Когда Ник зевнул пару раз, Майкл сказал, что пора на боковую; Ник заявил, что не устал, а через пять минут уже крепко спал на койке рядом с дедом.

Ему приснился свет, падающий во тьме, факел, спускающийся с полуночного неба. Факел рухнул за какие-то холмы, и там полыхнуло красным, и мир задрожал и загремел, как будто разошлись скрытые под зеленой травой тектонические плиты. Ник рывком проснулся, но дрожь продолжалась.

И тогда Ник увидел, что голова отца Стори мотается вправо-влево, и из углов рта бежит пена. Койка под ним ходила ходуном. Ник бросился в приемную, где Майкл пролистывал номер «Рейнджера Рика», который был старше самого Ника. Ник сдернул Майкла с дивана, толкнул в сторону палаты и подтащил к койке отца Стори. Пораженный Майкл застыл в ногах постели.

Ник достал из-под койки портфельчик, в котором хранил одежду и книги, и выудил самую ценную в тот момент вещь: слайд-свисток. Ник распахнул окно и засвистел.

На вызов явился не Пожарный – прибежали Алли и еще полдюжины дозорных. К моменту их появления отец Стори затих. Грудь перестала вздыматься и опадать. Веки приобрели болезненный серый оттенок. Ник держал деда за сухую, холодную руку с дряблой кожей, а Майкл рыдал с яростью маленького брошенного ребенка.

Алли проскочила мимо обоих. Она пальцем стерла со рта отца Стори пену и рвотные массы, прижалась губами к его губам и начала наполнять воздухом его легкие. Переплетя пальцы, она стала давить на центр его груди. Приемы реанимации она выучила два года назад: ей, младшему инструктору лагеря Уиндем, выдал после обучения сертификат Джон Руквуд. Так что, в некотором смысле, именно Пожарный откликнулся на свисток.

Алли работала минут пять – долгий, отчаянный, беззвучный промежуток времени – нажимала руками на грудь и делала искусственное дыхание «рот в рот» в окружении постепенно растущей толпы. Но только когда появилась Кэрол – выскочила из-за занавески и крикнула: «Папа!» – отец Стори кашлянул, рыгнул и с усталым вздохом начал дышать сам.

«Тетя Кэрол вернула его из мертвых», – написал Ник.

«Твоя сестра вернула его», – нацарапала Харпер в ответ, но ее кольнула неприятная мысль, что большинство будут считать так же, как и Ник, и будут приписывать Кэрол чудо. В конце концов, она ведь уже спорила со смертью – пела с ними каждый день. И в чем тут

отличие? Она снова бросила вызов смерти, вооруженная только своим голосом, и снова спасла обреченного.

Харпер провела час у постели отца Стори: убрала питательную трубку, вставленную в ноздрю, поставила новую капельницу, поменяла подгузник и наволочку на подушке, пятнистую от пахучей смеси рвоты и крови. Пульс был сильный, но неровный: то ускорялся, то замедлялся, то снова принимался скакать. Усатое бескровное лицо посерело, и под приоткрытыми веками поблескивали белки глаз.

Инсульт, подумала Харпер. Он постепенно уходит. На что бы она ни надеялась, во что бы ни верила прежде, теперь, похоже, не осталось шансов, что этот добрый старик откроет когда-нибудь глаза и улыбнется ей.

Достав пинцет, стерильную нить, иголку, бинты и йод, Харпер отправилась искать Бена Патчетта. Уже занималось утро, в окно лился свет – бледный и унылый, как сама Харпер.

Бена и Кэрол она нашла в приемной. Бен уселся на край кофейного столика одной ягодицей, держа вторую на весу. Он то и дело выдергивал из лица и рук крупные осколки стекла, складывая их перед собой: получилась кучка ярких кристаллов и красных иголок.

Остальные ушли – остались только Майкл и Алли. Они сидели на диване, держась за руки. Майкл уже не плакал, но на щеках остались белые полосы – следы слез. К двери прислонилась Джейми. Ее щеку раздул свежий красный синяк.

– Он умирает, – сказала Кэрол.

– Состояние стабильное. Он получает жидкость. Думаю, пока он в норме. Вы устали, Кэрол. Вам нужно домой. Попробуйте отдохнуть. Отцу вы нужны сильной.

– Да. Я буду сильной. Именно так. Сильной. – Кэрол уставила на Харпер лихорадочный немигающий взгляд. – Подумайте вот о чем. Если бы мой отец умер, кто-то в лагере был бы рад. И, может, это даже не один человек. Тот, кто ударил его по голове, *молится*, чтобы он умер. Рассказать вам, что за болезнь на самом деле свирепствует в лагере? Здесь есть люди, всей душой желающие смерти моему отцу. А может быть, и мне. Я не знаю, почему. Не вижу в этом смысла. Я хочу только, чтобы все были в безопасности... и были добры друг к другу. Но кто-то хочет, чтобы не стало моего отца, чтобы не стало меня, хочет разобщить нас и натравить друг на друга. Вот такая тут болезнь,

сестра Уиллоуз, и ничем из того, что вы привезли из «Скорой помощи», ее не вылечить. Ее невозможно вылечить. Только вырезать.

Харпер понимала, что Кэрол переутомилась и перетрудилась, так что отвечать не стоило. Она посмотрела на Алли. Надо бы поблагодарить ее за спасение жизни отца Стори, но, уже открыв рот, Харпер вспомнила картинку: Алли стоит и смотрит, как остальные девочки забрасывают ее снегом и отстригают волосы. Слова застыли на губах.

Вместо этого Харпер обратилась к Бену:

– Идите в палату и снимайте штаны. Я обработаю раны.

Не успел Бен подняться на ноги, как снова заговорила Кэрол:

– Один раз вы покинули моего отца – и вас чуть не поймали. Вы ушли второй раз – и у него случился приступ, он чуть не умер. Он умер. И вернулся. Больше вы не уйдете. Вы останетесь в лазарете до его выздоровления.

– Кэрол... – Харпер всеми силами старалась говорить мягко. – Я не могу пообещать, что он выздоровеет. Я не хочу врать насчет его шансов.

– И я не буду врать насчет ваших, – сказала Кэрол. – Возможно, вы считаете, что смерть моего отца откроет дорогу вам и Пожарному...

– Что? – воскликнула Харпер.

– ...но когда моего отца не станет, не станет и вас, миссис Уиллоуз. Если он умрет, вы здесь не останетесь. Хочу, чтобы вы знали расклад. Вы сами сказали, что я должна быть сильной. Верно. Мне нужна сила, чтобы призывать людей к ответу, – именно это я и намерена делать.

Драконья чешуя на груди Харпер болезненно зачесалась, нагреваясь под свитером.

– Я сделаю, что смогу, – сказала Харпер, изо всех сил стараясь успокоиться. – Я люблю вашего отца. И Джон любит. Он вовсе не хочет захватывать власть и становиться главным. И я не хочу! Кэрол, мне нужно только безопасное место, где я смогу родить ребенка. И все. Я ни для кого и ни для чего не представляю опасности. Но вы должны понять: если он действительно умрет, несмотря на все мои усилия...

– Если это случится, вы покинете лагерь, – сказала Кэрол неожиданно спокойным голосом. Она сидела выпрямившись, почти

как королева. – Так что я уверена, что вы такого не допустите.

Харпер дышала быстро и коротко. Второй раз за ночь она почувствовала себя под градом смертоносного огня.

– Я не могу пообещать, что сохраню его жизнь, Кэрол. Такого никто не может пообещать. У него серьезные повреждения, и его возраст делает полное выздоровление... маловероятным. – Харпер помолчала. – Вы не можете так поступить. Выгнать меня – значит подвергнуть опасности весь лагерь. А если я попадусь тем людям, которые хотели убить нас сегодня? Они заставят меня рассказать все, что я знаю – так говорит Бен.

– Нет, если ребенок останется с нами, – сказала Кэрол. – Тогда вы будете молчать, что бы они ни делали. Конечно, я не вышлю вас до рождения ребенка, что бы ни произошло с моим отцом. И, конечно, я не буду наказывать ребенка, выгоняя его с вами. Ребенок не виноват. Нет. Если мой отец умрет, вы уйдете, но ребенок останется здесь с нами, как гарантия вашего молчания. Я сама присмотрю за ним.

8

Харпер зашивала черной ниткой щеку Бена. Он, зажмурившись, морщился от боли. Харпер дернула нитку, чтобы Бен посмотрел на нее.

– Вы ее слышали? – прошептала Харпер. Сердце колотилось в груди, не унимаясь. – Бен. Вы слышали, какую чушь она несла?

Бен сидел на ее койке. В палате их никто не мог слышать, кроме отца Стори и Ника – и ни тот, ни другой не слушали.

За окнами сосульки плакали яркими каплями в свете мутного солнца. Бен дышал с присвистом.

– Сестра... не могли бы вы оставить мое лицо на прежнем месте? Я к нему, типа, привык.

Харпер прошипела:

– Я никому не могу пообещать, что отец Стори останется жив. Не могу пообещать, что спасу его. И хочу знать, что вы сделаете, если он умрет. Лично вырвете ребенка у меня из рук?

– Нет! Нет! Я не отниму у вас ребенка, Харпер, – зашептал Бен в ответ. – Хотя наверняка найдутся готовые, если что, выполнить приказ Кэрол. Джейми Клоуз. Норма Хилд.

– А вы будете просто стоять и смотреть?

На занавеске между палатой и приемным покоем мелькнула тень. Кэрол? Алли?

Бен вздохнул и заговорил – так, чтобы было слышно всей соседней комнате и половине кафетерия в придачу:

– Почти каждый в этом лагере кого-то потерял. Почти все – сироты, так или иначе. Ваш ребенок отлично вписался бы. Не хотелось бы этого видеть, но есть многое, с чем приходится жить, не желая того. Думаю, я выдержу. Но вот на что я не пойду, так это на разговоры с вами или секретные кампании против матери Кэрол. Те, кто шепчется, не в гармонии с остальными, а единственный способ выжить – всем вместе говорить одним...

– Да заткнитесь вы, на хрен, уже, – сказала Харпер и ткнула ему иглой в щеку – добавить еще шов, совершенно лишний.

9

Прошла почти неделя, прежде чем она осмелилась включить телефон.

Все это время Харпер держала его в кармане спортивного костюма. Несколько раз в день она запускала в карман руку, чтобы убедиться, что телефон все еще на месте. Было очень утешительно проводить пальцем по стеклянному экрану и стальным изгибам.

Включать его не хватало смелости. Ведь в первые дни после возвращения из рейда Харпер подсознательно ощущала себя под присмотром. В приемной постоянно находился кто-то из дозорных – под предлогом охраны отца Стори, – которые завели привычку то и дело отдергивать занавеску и совать голову в палату под тем или иным предлогом. Харпер даже не решалась спрятать телефон в потолке рядом с блокнотом Гарольда. Слишком велика была вероятность, что кто-нибудь увидит ее стоящей на стуле и тянущейся к потолочной панели.

Харпер назначила дату, когда рискнет позвонить. Девятнадцатого у отца день рождения. Ему стукнет шестьдесят один – если он жив. Впрочем, сил дотянуть до этой даты не хватило.

Рано утром семнадцатого Харпер проснулась от схваток, таких острых, что она охнула. Ее внутренности как будто стали тестом, и им занялся дородный пекарь, который томительно, методично, жестоко месил каждый сантиметр. Чем-то это напоминало внезапный позыв поноса; лицо Харпер покрылось капельками пота.

Медсестра в мозгу определила ритмичные сокращения как схватки Брекстона-Хикса – небольшую тренировку перед предстоящим главным событием. Зато будущая мать почувствовала болезненные намеки на преждевременные роды. Срок – двадцать восемь недель, так что вариант не такой уж и невероятный, особенно для женщины, пережившей всевозможные стрессы, перестрелки и бойни. Представив, что роды, возможно, вот-вот начнутся – что ребенок полезет прямо сейчас, – Харпер почувствовала себя словно в кабине падающего лифта.

Но довести себя до паники она не успела – схватки утихли, оставив внутри такое бульканье, будто она наглоталась холодной кока-колы. В ушах стучала кровь. И Харпер поняла, что должна позвонить сегодня, сейчас же, и рассказать отцу, что она собирается подарить ему на день рождения внука. Просто невероятно, что родители еще не знают, что она беременна... Не говоря уж о том, что жива. Мама просто завизжит, реально завизжит.

Ник спал на боку на соседней койке, подложив кулачок под щеку. Харпер не боялась его разбудить. Он будет спать, даже если начать разговор рядом с его постелью. Пол оказался такой холодный, что было больно наступать босыми ногами. Харпер сдвинула занавеску, чтобы заглянуть в приемную. Дежурный – мальчик по имени Хад Лури, который часто помогал рыбачить Дону Льюистону, – дремал на диване, положив винтовку на пол. Получит мальчик на завтрак белый камешек, если Бен Патчетт заглянет с проверкой.

Харпер зашла в туалет и заперла дверь. Села на крышку унитаза и включила телефон. Заряда осталось меньше четверти, и Сеть ловилась еле-еле. Харпер смотрела на плоский стеклянный, невообразимо блестящий экран секунд десять, потом по памяти набрала номер матери и нажала «позвонить».

Секунды три телефон хрипло шипел. Потом раздалась запись оскорбленного, осуждающего женского голоса: «Набранный вами

номер не обслуживается. Пожалуйста, проверьте цифры и перезвоните».

Харпер попробовала номер отца. Телефон отозвался короткими гудками, словно передавал сообщение морзянкой. Последовало отвратительное сердитое блеяние, и пришлось отключиться.

Харпер вспомнила об электронной почте. Нажала на значок Сети, чтобы войти в свой аккаунт на gmail. Чуть дыша, ждала появления главной страницы. Страница не открылась.

Вместо этого ее перенаправили на главную страницу Гугла. Она изменилась. Вместо белой страницы, в центре которой было написано:

Google

Харпер очутилась на странице с прощальной надписью:

Goodby

Снизу было поисковое окошко и две знакомые кнопки. В последний раз, когда Харпер заходила в поисковик, на одной кнопке было написано «Поиск в Google», а на второй – «Мне повезёт!». Теперь надпись на левой гласила: «Наш поиск окончен».

Правая кнопка сообщала: «Нам так везло».

И по какой-то причине – может, из-за того, что все внутри гудело после схваток, – у Харпер взмокли ладони; так больно было смотреть на изуродованную страницу Гугла. Она подозревала, что попытка поиска ни к чему не приведет, но набрала «Почта Google» в поисковом окошке и нажала «ввод».

Никаких результатов не появилось, зато слова, набранные в поисковом окошке, зашипели, почернели и рассыпались на пиксели. Черные струйки цифрового дыма поднялись над пеплом.

Нелепо было бы плакать над тем, что больше нет Гугла, но на мгновение Харпер ощутила, что сейчас разразится рыданиями. Представить, что Гугл может рухнуть и исчезнуть, было так же невозможно, как представить падение башен-близнецов. Поисковик казался незыблемым, как часть культурного пейзажа.

Наверное, она готова была оплакивать не только Гугл, но и все остальные добрые, умные-разумные достижения прогресса, которые теперь ускользали в небытие, тонули в прошлом. Харпер скучала по

эсэмэскам, телевидению и Инстаграму, микроволновкам и горячему душу, шопинг-терапии и качественному арахисовому маслу. Да и неизвестно, выращивает ли кто-нибудь еще арахис; Харпер затосковала, а сглотнув, почувствовала вкус слез. Она скучала по всему и по всем, но главное – по маме, папе и брату; и впервые она позволила себе признать, что, возможно, уже не встретится ни с кем из них.

Харпер не хотела напугать дозорного в приемной внезапными рыданиями. Она зажала телефон в ладонях, прижала костяшки пальцев к губам и стала ждать, когда утихнет горе. Наконец, убедившись, что держит себя в руках, она крепко поцеловала экран, сказала: «С днем рождения, папа», – и выключила телефон.

Вернувшись в палату, Харпер спрятала телефон под потолочной плиткой вместе с блокнотом. Потом нырнула под простыню и вдоволь поревела в подушку.

Но скоро слезы кончились, и она почувствовала себя сонно и уютно. Ребенок неуверенно прижал ладошку к жесткой стенке своей темницы, растопырив пальчики – Харпер отчетливо ощущала каждый – и, казалось, неуклюже гладил ее, утешая. Харпер прижала к животу свою ладонь – с малышом их разделяло меньше полудюйма кожи и жира.

– Теперь мы с тобой остались одни, малыш, – сказала Харпер; на самом деле они остались одни несколько месяцев назад.

10

Этой ночью ей снова снился Джейкоб, впервые за несколько месяцев. Снился Джейкоб, «Фрейтлайнер», несущиеся на нее фары и мотор, ревущий с ненавистью, недоступной человеческому голосу.

Только на этот раз Джейкоб ехал не один.

В этом сне – вот странно! – с ним был Нельсон Гейнрих.

11

Через четыре дня после того, как она спрятала телефон, чтобы он больше не тревожил ее, в лазарете дежурил Майкл Линдквист. Он заглянул к Харпер, как только началась смена.

– Мэм? – позвал он, просунув голову между занавеской и притолокой и напомнив Харпер лягушонка Кермита, нервно изучающего вечерних зрителей. – Можно с вами поговорить?

– Разумеется, – сказала Харпер. – И без предварительной записи. Принимаются все полисы медицинского страхования.

Он присел на ее койку, и Харпер задернула бледно-розовую занавеску, отгораживаясь от Ника для приватности. У нее мелькнула мысль, что Майкл хочет попросить презервативы.

Однако он достал из кармана листок бумаги и протянул ей.

– Просто подумал, что вы захотите прочитать в уединении. Кто его знает, когда мистеру Патчетту придет в голову заглянуть, чтобы убедиться, что мальчики и девочки хорошо себя ведут.

Харпер развернула бумажку и начала читать.

«Дорогая мисс Уиллоуз!

В том, что случилось с вами той ночью в лесу, виновата только я. Я могла все остановить, но не остановила. Не думаю, что вы простите меня, но надеюсь, что однажды сумею вернуть ваше уважение или хотя бы ваше доверие. Хотелось бы извиниться перед вами лично, но в последнее время я много накосячила и теперь заточена в спальне, так что приходится писать. Простите, мисс Уиллоуз. Я не хотела, чтобы вам причинили боль. Я не хотела, чтобы кому-нибудь вообще причиняли боль. Но я такая задница.

Если я могу что-то сделать для вас, просто скажите Майклу. Я с огромным удовольствием сделаю что угодно. Вы этого заслуживаете. И еще: спасибо, что вы стали новой, настоящей мамой для моего брата. С вами он снова как будто в семье, не то что со мной. Пожалуйста, передайте, что я о нем думаю и скучаю. И еще: поцелуйте дедушку за меня.

Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста – будьте осторожны.

Надеюсь, когда-нибудь я снова стану вашей подругой,

Алли».

Майкл сидел, переплетя пальцы и зажав кулаки между колен. Он побледнел и без остановки покачивал ногой.

– Спасибо, что принес мне это. Я знаю, ты мог навлечь на себя неприятности, передавая тайные послания.

Майкл пожал плечами:

– Ничего особенного.

– В этом много особенного, – Харпер чувствовала себя легко и свободно, как десятилетняя девочка в первый день летних каникул. Она уже простила Алли все. Такой у нее был характер – она прощала легко и от всей души. Харпер взглянула на письмо еще раз и нахмурилась.

– Что значит – заточена в спальне?

Майкл распахнул глаза. Все его чувства легко читались на лице.

– А вы что – не знаете? Ну да. Конечно, не знаете. Вы отсюда почти не выходите. В ту ночь, когда вы грабили «Скорую», Алли отправилась к Пожарному, чтобы рассказать, что происходит. Это от нее он узнал, что нужно отправить феникса, чтобы все вернулись целыми. С тех пор Алли в полном дерьме. Кэрол выгнала ее из дозорных и заставила носить камень во рту три дня. По мнению Кэрол, Алли пошла против нее и выставила Кэрол в дурном свете. Теперь Алли выпускают из спальни только дежурить по кухне или в церковь. И она больше не светится, когда мы все поем! Просто стоит, опустив голову, и ни на кого не смотрит.

– Эта девочка спасла жизнь Тому Стори, – сказала Харпер. – Разве может Кэрол наказывать Алли после того, как она спасла Тома?

– Э... – протянул Майкл.

– Что?

– В лагере говорят, что Алли оставила попытки спасти отца Стори и просто стояла, рыдая, когда вошла Кэрол и выкрикнула его имя. Она вернула отца Стори из глубокого Света, в который мы уходим, когда умираем.

– Но Алли не... она вовсе... это ерунда! Ты был там, и что – не сказал?... Никто не объяснил, что на самом деле...

Майкл поник головой, и на лице появилось виноватое выражение.

– Теперь нужно трижды подумать перед тем, как что-то рассказывать. У Кэрол и Бена своя версия произошедшего. И для других версий места нет. Когда Алли сказала, что это неправда – а она ведь сказала, – Бен снова выдал ей камешек за неуважение к власти. Сейчас люди в лагере... наверное, вы слышали, что теперь мы говорим

одним голосом. – Майкл опустил голову еще ниже. – Знаете, мне от этого не по себе. От всего. Не только от того, что происходит с Алли, но и от того, какая стала Кэрол. Подозрительная и напряженная, и вот-вот сорвется. Она выставила посты у своей хижины, потому что однажды вечером ей привиделись тени среди деревьев. Эмили Уотерман как-то вышла из кафетерия, смеясь над чем-то, – а Кэрол решила, что *над ней*, и выдала ей камешек. Эмили ревела без остановки. Она же еще ребенок.

Майкл качал ногой. Шнурок на ботинке развязался, и кончики, болтаясь, стукали по ножке кровати. Потом Майкл спросил:

– Мэм, можно рассказать вам кое-что личное?

– Конечно.

– Многие не знают, что я когда-то пытался покончить с собой. Когда мои сестры сгорели заживо. Я прятался в полусожженном доме. Родители умерли. Сестры... от них остались горки пепла в развалинах гостиной. Мне хотелось, чтобы ничего этого не было. Я больше не хотел чувствовать запах дыма. Я не хотел оставаться одиноким. У меня был мотороллер «Хонда», на котором я развозил пиццу. Я завел его в гараже и ждал, что выхлопные газы убьют меня. Сначала заболела голова, потом меня стошнило. В конце концов я отрубился. Пролежал без сознания минут сорок, пока в мотороллере не кончилось топливо, потом очнулся. Наверное, гараж был не очень герметичный.

Через несколько дней я отправился в путь. Думал, доберусь до океана и смою с себя всю вонь.

Харпер вспомнила свою одинокую прогулку к берегу океана – вскоре после прибытия в лагерь. Интересно, шел ли Майкл к воде с той же целью, что и она, желал ли нырнуть в холодную спокойную тьму, чтобы навсегда забыть о печалях и одиночестве.

– Но тут я услышал, как поют девочки. Они пели действительно здорово, милыми, чистыми голосами. Я... я был настолько не в себе, что решил было: это мои сестры поют, зовут меня к себе. Я вышел из леса и попал в Мемориальный парк, и увидел, что это вовсе не мои сестры. Там были Алли, Кэрол и Сара Стори, Пожарный и еще некоторые. Они пели старинную песню – где парень говорит, что не знает толком историю. Сэм Кук, что ли? Они пели и все светились – мягким, мирным голубым светом. Они смотрели на меня, как будто ждали целый день, когда же я появлюсь. Я сел посмотреть и

послушать, а Кэрол в какой-то момент села рядом со мной и начала мокрым полотенцем стирать сажу с моего лица. Она сказала: «Глядите-ка! Там внутри мальчик!» И я заплакал, а она засмеялась и сказала: «Да, так тоже можно смывать грязь». Я шел всю дорогу босой, так она присела и стерла с моих ног кровь и грязь. Я бы умер, если бы огорчил ее. Я думал, что никто не полюбит меня так, как любили мама и сестры, но тут я нашел свой дом.

Он беспокойно умолк, а потом вздохнул и заговорил совсем тихо:

– Но то, что Кэрол сказала про вашего ребенка... не понимаю, как можно о таком даже думать. Так нельзя. И как она обращается с Алли. Алли носит камень во рту целый день, каждый день, не вынимая, – иначе она признает поражение. Алли скорее уморит себя голодом. Вы ее знаете. А иногда... иногда после службы, после того как мы изо всех сил поем, я прихожу в себя – и голова гудит, как тогда в гараже, когда я пытался покончить с собой. Иногда мне кажется: то, как теперь мы отдаем себя в Свет, – *тоже* маленькое самоубийство. – Майкл шмыгнул носом, и Харпер поняла, что он вот-вот заплачет. – Раньше было лучше. Здесь вправду было хорошо. Ладно. Алли правильно написала. Вы не одна. У вас есть мы. Алли и я.

– Спасибо, Майкл.

– Я могу что-нибудь для вас сделать?

– Да. Можешь. Но если я попрошу слишком много, сразу откажись. Ты не должен делать ничего, что подвергнет тебя лишнему риску.

– Ого, – сказал Майкл. – Я-то думал, вы попросите стырить сухого молока для кофе. А у вас планы серьезные...

– Могу я каким-то образом отлучиться на час, чтобы встретиться с Пожарным? И если да, то присмотришь за отцом Стори в мое отсутствие?

Майкл побледнел.

– Извини. Не стоило мне просить.

– Да нет, – ответил он. – Все нормально. Думаю, я смогу прикрыть вас, если заявится мистер Патчетт. Можно задвинуть занавеской вашу койку, напихать подушек под простыни – я скажу, что вы спите. Только... если я вас выпущу... если вы встретитесь... обещаете, что вернетесь? Не прыгнете с Пожарным в машину и не уедете?

Харпер ожидала чего угодно, только не этого.

– Ох, Майкл, конечно не уеду. Я не оставлю отца Стори в таком состоянии.

– Хорошо. Потому что вы не можете уехать из лагеря, – сказал он, выпрямился и взял ее за запястье: – Уехать без Алли и меня.

Харпер спускалась с холма; мороз кусал ноздри и студил легкие. От дыхания поднимался пар, словно она была огнедышащим драконом.

У воды было еще холоднее, так что онемели открытые участки лица. Из жестяной трубы сарая Пожарного вился дымок – единственный признак жизни во всем закованном в лед мире. Было жутко выходить на пристань, чувствовать себя открытой со всех сторон, ждать, что вот сейчас кто-то окликнет. Но никто не видел Харпер, да и пристань была скрыта от церковной колокольни высокими вечнозелеными деревьями. Харпер забралась в лодку и оттолкнулась от причала. На открытой воде ее уже могли заметить (на башне око видит далёко), но на небе не было ни луны, ни звезд, так что в темноте она, возможно, проскочила незамеченной.

На сей раз она дошла до сарая, не потеряв ботинки в грязи. Глина застыла до твердости плитки. Харпер постучала. Ответа не последовало, и она постучала снова. Изнутри доносился запах дыма и болезни.

– Не заперто, – произнес Пожарный.

Харпер прошла в маленькую комнату, наполненную удушающим жаром и золотым светом из открытой печки.

Пожарный лежал в постели, простыня сбилась вокруг его талии и ног, повязка на руке почернела от грязи. В комнате пахло мокротой, Пожарный тяжело дышал.

Харпер подтащила стул к его постели и села. Потом наклонилась и приложила щеку к его голой груди. Его кожа светилась и пахла сандалом и потом. Драконья чешуя украшала грудь Пожарного узорами, напомнившими Харпер персидские ковры.

– Дышите нормально, – сказала она. – Я не принесла стетоскоп.

– Мне уже становилось лучше.

– Заткнитесь. Я слушаю.

Он вдыхал с легким хрустом, как будто кто-то сворачивает пластиковую упаковку.

– Черт, – сказала Харпер. – У вас начался ателектаз. Термометра у меня нет, но и так ясно, что у вас лихорадка. Проклятье. Не понимаю.

– «Ателектаз», кажется, это ранний альбом у «Генезиса». Из тех, что записали до того, как Фил Коллинз начал петь и они занялись примитивным эмтивишным дерьмом.

– Ателектаз – мудреный термин для осложнения при пневмонии. Возникает при переломе ребер, но это странно для мужчины вашего возраста. Вы курите?

– Нет. Вы же знаете, что у меня нет сигарет.

– Выходили из дома?

– Сколько угодно.

Харпер подозрительно прищурилась.

– И надолго?

– Э... часов на восемнадцать. Плюс-минус еще пару...

– Что вам делать на улице восемнадцать часов?

– Да я не собирался. Просто отключился. Я всегда отключаюсь, когда отправляю феникса. – Он виновато улыбнулся. – Наверное, был очень слаб. Не готов. Очень много сил пришлось потратить. Но все равно – хорошо, что я его послал. Как будто одного пулемета было недостаточно, еще ваш бывший разъезжает с плугом покруче танка...

– Минуточку. Погодите. Откуда вы знаете, что мой бывший был на Верден-авеню? Кто вам сказал?

– Мне никто не говорил. Я был там с вами.

– Что значит – были *там* со мной?

Он вздохнул, поморщился и прижал здоровую руку к больному боку.

– Вы спрятались за полицейской машиной Бена, когда началась стрельба. Нельсон умер первым – его разорвало на дороге. Потом спецгрузовик сбил «Скорую» и раздавил Минди Скиллинг. Потом вы летели, как гонщики вашего американского НАСКАРа. Я помню все до того момента, когда ваш бывший врезался в фургон и чуть не расплющил меня. То есть чуть не расплющил феникса.

Харпер не понимала. До этого она думала, что феникс – великолепное пиротехническое представление, которым можно как-то

управлять на расстоянии, вроде беспилотного самолета. Огненная марионетка, которой Джон Руквуд подает команды со своего острова.

Но он помнил столкновение с Джейкобом и Ковбоем Мальборо, как будто сражался с ними лично – это озадачивало Харпер и раздражало, потому что Джон слишком явно наслаждался впечатлением и таинственностью.

– Это невозможно. Вы не могли всего этого видеть.

– Ну, давайте не преувеличивать. Это только невероятно. И потом: я не сказал, что видел. Я не видел. Но я все помню. – Он поднял ладонь, предупреждая возражения. – Вам известно, что драконья чешуя со временем пропитывает человеческий мозг. Начинает прослушивать мысли и чувства и реагирует на них. Споры имеют дендритную природу и налаживают тесные связи с мозгом.

– Да. Поэтому люди и загораются от испуга или стресса. Паника стимулирует секрецию кортизола. Драконья чешуя реагирует на кортизол, полагая, что носитель не в безопасности. Она вспыхивает, производя много пепла, который отправляется на поиски лучшего жилья.

Пожарный взглянул на нее с восхищением.

– Да. Механизм именно таков. С кем вы говорили?

– С Гарольдом Кроссом, – ответила Харпер, снова поразив Джона.

Пожарный обдумал услышанное и улыбнулся уголком рта.

– Вы нашли его блокнот. Хотелось бы как-нибудь почитать.

– Может, дам, когда дочитаю, – ответила Харпер. – Кортизол приводит к самовозгоранию. Но окситоцин – гормон социальных сетей – успокаивает драконью чешую. Каждый раз, ощущая социальное одобрение, вы усиливаете чувство безопасности и снижаете вероятность того, что драконья чешуя сожжет вас. Это мне понятно. Мне непонятно, как вы можете находиться в своей хижине и при этом видеть то, что творится в двух милях от вас.

– Но я же сказал: я не *видел* их. Я их *помню*, а это другое. В центре феникса горит облако драконьей чешуи. Чешуя хранит грубую копию моих мыслей, чувств, реакций. Это выносной мозг. Потом он возвращается ко мне, в гнездо, где и умирает, сделав свое дело. Этот пепел опустился на меня, как снег, пока я лежал без сознания на берегу, и в последующие часы мне снилось все, что птица делала и

видела. Все передалось мне – сначала отрывками, а потом во всей ужасной полноте.

Харпер попыталась представить то, что услышала. Мыслящий пепел, живое пламя, споры, которые могут обмениваться импульсами с человеческим мозгом. Вот к какому фантастическому бреду вела эволюция. Природа демонстрирует необычайную ловкость рук и волшебные фокусы.

Но заговорила Харпер вовсе не про драконью чешую.

– Вам нужен курс антибиотиков. У меня есть. Я пришлю Майкла с пузырьком азитромицина. Думаю, Майкл сможет ускользнуть во время смены дежурства на рассвете. Ну что, мистер Руквуд, давайте осмотрим вашу руку.

– Я так понял, что сами вы не сможете принести лекарство?

Харпер не смотрела ему в глаза. Она аккуратно ослабила повязку и разогнула его локоть. Джон поморщился, но Харпер почувствовала, что это от ожидания боли, а не от реального страдания.

– У нас все кисло, Джон. Я заперта в лазарете под домашним арестом, мне запрещено отлучаться от постели отца Стори. Я смогла выбраться сегодня только потому, что дежурит Майкл, а он больше не играет по правилам Кэрл. И Алли тоже – она под домашним арестом в женской спальне. Майкл боялся, что, если он отпустит меня к вам, я не вернусь. Он не хочет, чтобы я уехала без них. – Харпер поразмыслила. – Рано или поздно десятка два отступников решат бежать. Набьют несколько машин припасами и смоются. Рене говорила, что готова сбежать с Доном, заключенными и еще некоторыми.

– И куда вы отправитесь?

– О, я не думаю, что сбежала бы с ними, что бы ни думал Майкл. Пока есть хоть малейший шанс для отца Стори, бросать его нельзя.

Пожарный повел себя странно. Он бросил взгляд мимо Харпер на печку, а потом наклонился и заговорил очень тихо, словно не хотел, чтобы кто-то услышал.

– Я всегда восхищаюсь глупостью, Харпер, но здесь не тот случай. Прежде всего вы должны думать о себе и ребенке, а не об отце Стори. У него самое большое сердце из всех людей, кого я знаю, и я уверен: он не захотел бы, чтобы вы оставались из-за него. Он в

отключке уже сколько? Шесть недель? Семь? После страшного удара по голове? В семьдесят лет? С ним все. Он не вернется.

– Люди и не из такого выкарабкивались, – сказала Харпер, но задумалась, понимает ли сама, где проходит грань между диагнозом и отрицанием. – И потом, Джон. Мне уже немного осталось. Недель девять или восемь. Мне нужно где-то рожать этого малыша. Лазарет вполне годится. Не знаю, найду ли что-то получше. Ребенка мог бы принять Дон: он вытащил столько рыбы, справится еще разок. И сейчас, перед самым сроком, я не покину лагерь; только если не останется выбора. – Харпер не упомянула, что если отец Стори умрет, то выбора действительно не останется. Она или сбежит с ребенком, или будет изгнана без него. Но она не стала расстраивать Джона и рассказывать об угрозах Кэрол – это все потом. Джон болен; он разбит, его лихорадит, и легкие забиты жидкостью. Она должна дарить сочувствие и заботу, а не нагонять тоску.

Харпер поднялась, порылась в ящиках под бывшим верстаком и нашла ножницы. Срезала грязные бинты с запястья Джона. Рука была все еще раздутой и неестественного цвета, но по просьбе Харпер Джон покрутил запястьем, и движения давались ему с куда меньшим трудом, так что она решила больше не накладывать повязку.

– Думаю, и перевязь больше не нужна. Но на локте бандаж останется, пока вы не сможете сгибать руку без острой боли. И *постарайтесь* не нагружать руку. Поскольку на выздоровление времени не так много, вам лучше ограничиться интеллектуальным онанизмом. Не перетруждайте запястье.

Джон не сразу нашелся что ответить.

Харпер села и сказала:

– Знаете, Майкл не уйдет из лагеря без Алли. И я уверена, что Алли не уйдет без Ника. С ужасом представляю себе, как они смываются из лагеря и пытаются выжить на природе. А вы? Им было бы легче, если бы они отправились с вами. Вы присмотрели бы за ними – за Алли и Ником.

Он мельком взглянул на печку за ее плечом и опустил взгляд.

– Вы правда думаете, что я в состоянии куда-нибудь ехать?

– Может, и не сейчас. Но вы у меня поправитесь. Я вас поправлю.

– Давайте не забегать вперед. Даже плана никакого нет. Только пустые разговоры.

Теперь Харпер печально взглянула на открытую печку. Никто не посмотрел на нее в ответ из пламени – ни таинственная женщина, ни Сириус Блэк. Харпер вспомнила, как оглянулся на печку Джон, прежде чем заговорить шепотом – словно не хотел, чтобы его слышали. И вспомнила почему-то слова Пожарного о фениксе: «Это выносной мозг». Холодок пробежал по загривку.

– Плана нет, – сказала Харпер. – Но лучше его придумать. Думаю, надо попробовать собраться здесь. Всем нам. Даже заключенным, если получится. Нам нужно придумать не только *как* мы сбежим, но еще и *куда* сбежать и как потом выжить. – Она дала себе команду «стоп» и добавила мягче: – Вы сказали, отец Стори был бы против того, чтобы я рисковала собой и ребенком, оставаясь здесь. Думаю, Сара тоже хотела бы, чтобы вы уехали и не рисковали.

– Ох, не знаю, – ответил он. – Может, и не так плохо быть похороненным в лагере. А что? Мне кажется, в каком-то смысле моя жизнь по-настоящему началась здесь, в лагере Уиндем, где я повстречал Сару и куда мы все вернулись, подхватив драконью чешую. В этом есть даже некая цельность сюжета – где все началось, там и закончится.

– Насрать на цельность сюжета. Почему вы решили спрятаться здесь?

– Больше идти было некуда. Вот, собственно, и все.

– Могли бы и поподробнее, – сказала Харпер.

– Ну, если настаиваете, – отозвался Джон.

– Чешуя появилась у всех. Сначала – линии у Ника на руках и спине. А через три дня мы все как будто вышли из одного адского тату-салона. Кроме Сары. За семьдесят два часа Саре пришлось примириться с мыслью, что она теряет сына, дочь, сестру, отца и приятеля. Тут несложно потерять голову.

Но она не сдалась. Она была нужна детям – пока они чувствуют, думают и принимают утешение, она будет такой, как им понадобится. Кроме того, за пару недель она убедила себя, что тоже заразилась, просто без симптомов. Думаю, когда она все же поняла, что не больна,

то расстроилась больше, чем если бы действительно заразилась. Как получилось, что заболели все, кроме нее? Она пару раз срывалась на меня, как будто я виноват в том, что она не заразилась драконьей чешуей. «Почему у вас есть, а у меня – нет?» – беспрерывно спрашивала она.

– Она была в бассейне, – пробормотала Харпер.

– Догадались, да? Верно. Зараженный пепел падал с неба на всех нас, а Сара плавала в бассейне. Хлор убивал споры или хотя бы выставлял барьер против них. В любой случайной бойне граница между жизнью и смертью редко зависит от силы воли, мудрости или храбрости. Все дело в том, кто где стоит. Два дюйма вправо – и автобус тебя сбивает. Если офис на девяносто втором этаже, а не на девяностом, ты не успеваешь спуститься.

Сара отодвинула горе в сторону. Отложила нервный срыв. Не знаю как, но она справилась. Единственный раз она чуть не дошла до истерики, когда ее отец сказал, что нам всем нужно зарегистрироваться в федеральном карантине в Конкорде. Мысль о том, что у нее заберут детей, вонзилась в Сару раскаленными иглами. Пришлось идти на попятный. Думаю, мы все боялись, что она может что-нибудь сотворить с собой, если решит, что Алли и Ника заберут и она их больше не увидит.

Несколько дней Алли рыдала, свернувшись в клубок. Потом однажды утром вышла из ванной с обритой головой и заявила, что устала горевать. Тем же вечером они с матерью угощались грибами. На следующий вечер Сара и Алли упорхнули на машине. В растрепанных чувствах, но счастливые. Они ограбили маскарадный магазин. Сара вернулась в маске Хиллари Клинтон. Алли выбрала маску Капитана Америки – ей понравилась большая буква «А». Позаботились и о Нике – привезли ему маску Тигра Тони. Я всегда хотел стать пожарным и надеялся, что они и про меня не забудут. Через два дня они угнали древнюю пожарную машину из музея старых автомобилей – и в ней нашлась полная униформа пожарного. Машину пришлось поставить в лодочный ангар лагеря Уиндем – больше некуда было. Алли собиралась устроить адский карнавал перед смертью, а Сара считала, что мать обязана поддерживать дочь в ее устремлениях.

Я боялся, что Кэрол долго не протянет. Я помню. Она скинула десять фунтов, хотя вовсе не была полной. Перестала спать. Сидела,

полуголая, перед телевизором, не вставая с дивана по двенадцать часов, – бесчувственная, как после лоботомии. Она пахла горелыми спичками и постоянно немного дымилась. Вытащить ее из трясины мог только отец – он следил, чтобы она ела и спала, чтобы у нее все было.

Как-то утром я услышал грохот дверей и крики на улице. Было еще рано, и кроме меня все спали. Я прокрался по дорожке и выглянул вверх изгороди. К одному из домов дальше по улице подогнали грузовик – полицейский фургон, переданный карантинному патрулю. Спецназовцы в противогазах закидывали в машину женщину. С ними был врач, в маске и перчатках, он держал в руках планшет и объяснял женщине, что все делается ради защиты ее детей. Говорил, что свяжется с родственниками, чтобы детей забрали. Мальчик лет четырех, рыдая, тянулся за ними. Человек из карантинного патруля, держа мальчика за плечо, пытался оттащить его. Где-то в доме визжал малыш. Перед тем как женщину затолкали в фургон, она повернула голову, и я увидел ее лицо. Та самая леди, которая плакала на тротуаре, когда сгорела аптека.

Вечером мы собрались всей семьей за обеденным столом, и я рассказал, что видел. Алли сказала, что нужен план – на случай, если они вернуться и постучат в *нашу* дверь. Том сказал, что если такое произойдет, лучше, чтобы нас не было дома. Он сказал, что последние сорок лет проводил каждое лето в лагере Уиндем и не видит причин менять привычки, и не важно, что лагерь прикрыли. Сказал, что уже ездил с Кэрол в лагерь, и там достаточно припасов, чтобы кормить целую армию в течение десятилетия. Ошибся на девять лет.

Он обосновался в домике, который всегда принадлежал ему, с ним поселилась Кэрол – предполагалось, что она будет за ним ухаживать, хотя все было наоборот. Мы с Сарой выбрали хижину рядом с лодочным ангаром, потому что Ник обожал играть в пожарного на краденой пожарной машине. Нужно ли говорить, что это были чудесные дни? Свежие яйца, вафли и кофе. Мы купались на рассвете и жгли костер на закате, Сара стерла пыль с церковного органа и играла Билли Джоэла и Пола Маккартни. Она хотела привлечь сестру и играть вместе, но Кэрол оставалась в Доме Черной звезды и дымилась. Ждала смерти.

Однажды утром Сара отправилась в Портсмут за новостями и продуктами. Она могла ходить по магазинам, потому что не была больна. Вернулась с сестрами Нейборс. Через пару дней пришла Норма Хилд – сама. Она работала летом в кафетерии и решила, что еду безопаснее искать здесь, чем в супермаркете. Так возник отряд Тома.

Через несколько дней после того, как в лагерь пришла Норма, из Дома Черной звезды выпорхнула Кэрол – совершенно дикая, невменяемая от ужаса. Она нашла Сару и закричала, что началось. Позвала за собой. Сказала, что Том и Ник светятся – что вот-вот их охватит пламя.

Мы бежали так, что Кэрол осталась далеко позади. Нас гнали боль и ужас. Вы не представляете, что значит спешить туда, куда совсем не хочешь. Как будто бежишь навстречу своей расстрельной команде. Я был уверен, что мы найдем обоих высохшими и почерневшими, а дом – в огне.

Сара первой ворвалась внутрь и остановилась так внезапно, что я налетел на нее и повалил. Алли бежала сразу позади и споткнулась о нас. И мы, рухнув на пол, увидели их.

Посудомоечная машина в том доме, наверное, старше вас, Харпер. Она проработала три десятка лет и при включении начинала грохотать и трястись. И ритм, конечно, как в старой песне «Вули Булли» – знаете? Том сидел, прижавшись спиной к машине, Ник – у него на коленях, и весь этот бумц-бумц «Вули Булли» принизывал обоих насквозь. Том сплел пальцы с пальцами Ника и напевал, и оба сияли. Рукава у Тома были закатаны, открывая чешую на предплечьях, и она светилась, как картина, написанная фосфоресцирующими красками.

И его вовсе не беспокоило, что мы рухнули в дверях, как Кистонские копы из немой комедии. Том Стори весело посмотрел на нас и продолжил петь. Сара воскликнула: «Папа, господи, что с тобой?»

А он ответил: «Сам не пойму, но, кажется, драконьей чешуе нравится Сэм-зе-Шэм. Давайте, пойте с нами – посмотрим, может, и вам понравится».

Когда в дверях появилась Кэрол, мы уже сидели вокруг разболтанной посудомойки, пели гаражный рок и светились, как иллюминация. Когда драконья чешуя начала разогреваться и светить,

стало ясно, что все в порядке. Что мы не сгорим. Ну, вы знаете, каково это – войти в Свет.

Мы пели, пока посудомойка не отключилась, и тогда драконья чешуя начала остывать и тускнеть. Мы все были под кайфом. Я не мог вспомнить, с какой из дочерей Тома встречаюсь, и поцеловал обеих. Сару это насмешило. Алли пересчитывала пальцы на ногах – забыла, сколько их. Наверное, со стороны казалось, что мы спеклись. Спеклись! Правда забавно? Ну правда же? А, ладно.

Вечером мы собрали всех в церкви. Сара села к органу, а Кэрол настроила гавайскую гитару, они играли Саймона и Гарфункеля, потом Битлов, и мы сверкали, как искры от костра. Голоса были дымные и сладкие. Я никогда не был так пьян и так счастлив. Я чувствовал, что избавляюсь от себя, будто ставлю на землю тяжеленный чемодан, который больше не нужно тащить. Наверное, так ощущает себя пчела. Не индивидом, а гудящей нотой в целом мире идеальной, полезной музыки.

Когда мы допели, Том обратился к нам. Это казалось правильным. Он говорил нам то, что мы знали, но хотели услышать. Он сказал, что мы должны быть благодарны за каждую минуту, что проводим вместе, и я знал, что это правда. Он сказал, что благословение – чувствовать любовь и счастье друг друга своей кожей, и я сказал «аминь», и за мной – все остальные. Он сказал, что в самые темные моменты истории доброта была единственным светом, который помогал найти путь к спасению, – и я заплакал от его слов. Я и сейчас, вспоминая, готов заплакать. Легко отказаться от религии из-за ее кровожадности, жестокости, стадности. Я сам это сделал. Но здесь всех объединяет не религия, а человек. В основе своей любая вера учит общей благопристойности. Это разные учебники для одного класса. Разве они все не учат, что делать что-то для других приятнее, чем для себя? Что счастье другого не уменьшает твоего счастья?

Не сияла только Сара, потому что у Сары не было драконьей чешуи. Но она понимала, как и все, что мы чего-то достигли. Что мы нашли действующее лекарство. И не нужна ложечка сахара, чтобы его проглотить. Сахар и был лекарством. Сара пела с нами, смотрела, как мы заводимся, и думала о своем. Я был с ней уже достаточно долго и должен был сообразить, что она задумала. На что решилась.

Но я не видел, потому что все время был навеселе. Не от выпивки, конечно. Навеселе от буйства света и удовольствия, которое затапливало меня, когда мы пели вместе. Алли начала по ночам выходить в маске Капитана Америки, проводывала друзей, тех, кого знала со школы. Если находила больных с чешуей, агитировала их быть вместе с семьей. Рассказывала, что есть возможность выжить. Что инфекция – не смертный приговор. Каждую неделю приходило по десятку новых людей.

Сара отправляла меня с Алли, чтобы быть уверенной, что та вернется в лагерь невредимой. Я привык одеваться пожарным, потому что понял одну вещь: в мире, где все кругом горит, на пожарного никто не обратит внимания. В июне я даже начал забывать собственное имя, так был пьян от Света. Я стал... просто Пожарным.

Джон слабо кашлянул. Из рта вырвался легкий дымок, принял форму игрушечной пожарной машины и растаял.

– Позер, – сказала Харпер. – И что было дальше?

– Сара умерла, – ответил он, подался вперед и неожиданно поцеловал Харпер в нос. – Тут и сказочке конец.

Книга седьмая
Заговорщики

Март

1

Из дневника Гарольда Кросса:

«28 АВГУСТА.

МАРТА КУИНН СУЩЕСТВУЕТ.

У НЕЕ ЕСТЬ САЙТ – MARTNAQUINNINMAINE. ТЕБЯ ПРИНИМАЮТ В МАКИАСЕ, ОТМЫВАЮТ, ДАЮТ НОВУЮ ОДЕЖДУ И ВДОВОЛЬ ЕДЫ И УВОЗЯТ НА ЛОДКЕ ДЛЯ ЛОВЛИ ОМАРОВ. ТАМ ЕЩЕ РАБОТАЕТ ТО, ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ ЦЕНТРА КОНТРОЛЯ ЗАБОЛЕВАНИЙ – ИЩУТ ЛЕКАРСТВО.

УХОЖУ. ЗАВТРА ИЛИ ПОСЛЕЗАВТРА. ЕСЛИ ОСТАНУСЬ, ТО РАНО ИЛИ ПОЗДНО СГОРЮ ЗАЖИВО. ОСТАЛЬНЫМ ПРИНОСЯТ ПОЛЬЗУ СОЦИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ, А МНЕ – НЕТ. Я НЕ ПОЛУЧАЮ РЕГУЛЯРНЫХ ДОЗ ОКСИТОЦИНА, И МОЙ ХИМИЧЕСКИЙ ФИТИЛЬ ВСЕ ЕЩЕ ШИПИТ.

НЕ БУДУ НИ У КОГО ПРОСИТЬ РАЗРЕШЕНИЯ. ЯСНО ВЕДЬ, ЧТО НЕ ПОЛУЧУ. КЭРОЛ С МЕНЯ ГЛАЗ НЕ СПУСКАЕТ. ЕДИНСТВЕННЫЙ, КТО НА МОЕЙ СТОРОНЕ, – ДЖР. ОН ПОЗВОЛИЛ МНЕ УСКОЛЬЗНУТЬ ОТСЮДА, ЧТОБЫ Я ДОБРАЛСЯ СЕГОДНЯ НОЧЬЮ ДО ХИЖИНЫ И ОТПРАВИЛ ПОСЛЕДНИЕ ЭЛЕКТРОННЫЕ ПИСЬМА.

НЕ ЗНАЮ, КАК ПРОНИКНУТЬ ТАК ДАЛЕКО НА СЕВЕР – ВЕСЬ ЮЖНЫЙ МЭН В ОГНЕ, НО ДЖР ГОВОРИТ, ЧТО МОЖНО НА ЛОДКЕ. СИЛ НЕТ, КАК ХОЧЕТСЯ ПОСКОРЕЙ СКАЗАТЬ «ПРОЩАЙ» ЭТОЙ СРАНОЙ ДЫРЕ».

2

Первое, что она подумала: «Это не может быть так просто».

Харпер перевернула страницу, но там уже не было записей. Дальше весь блокнот был чист.

Шел дождь. Он стучал по жестяной крыше, гремел и дребезжал. Он падал не переставая десять часов подряд. Иногда вместе с ним падали деревья. Одно и разбудило Харпер – оно рухнуло совсем неподалеку, с громким треском и стуком, от которого содрогнулся пол. Ветер то и дело налетал на лазарет резкими порывами. Казалось, наступил конец света. Впрочем, так казалось каждый день – и в дождь, и в ясную погоду.

Харпер и не подозревала, что найдет в дневнике что-то новое, к тому же настолько поразительное. Марта Куинн существует. Остров существует.

Ник внимательно смотрел на нее, и неудивительно. Харпер давно перестала прятать блокнот от Ника. Все равно в крохотной палате это было невозможно. Харпер выдержала внимательный, любопытный взгляд Ника. Он не спросил, прочла ли она что-то важное. Он и сам знал.

В ту ночь в приемной дежурил Чак Каргилл. Он заходил к Харпер пару часов назад, когда она, сняв кофту, втирала лосьон в розовый шар громадного живота. Лифчик она оставила, но Каргилл так перепугался, застав ее раздетой, что шумно грохнул на полку поднос с завтраком, будто тот был раскаленным. Чак попятился прочь, бормоча невнятные извинения, и выскочил за занавеску. И теперь он завел привычку громко откашливаться, стучать по притолоке и просить разрешения войти. И Харпер подозревала, что он больше никогда не посмеет смотреть ей в глаза.

Еще она подумала, что, если захочет достать из потолка телефон, Чак не увидит, что она куда-то звонит. Да и никто другой не придет. Даже Бен Патчетт вряд ли захочет устраивать проверку в такую ночь.

Харпер развернула стул с прямой спинкой и с трудом забралась на него. Дотянувшись до потолка, нашла телефон и спустилась обратно. Ник смотрел на нее – и на телефон – широко раскрытыми, очарованными глазами. Харпер показала жестом: «Иди за мной».

Они прошли в дальний угол палаты, как можно дальше от занавески. Харпер и Ник присели рядышком на край койки отца Стори, спиной к выходу в соседнюю комнату. Если Каргилл и войдет внезапно, телефон будет скрыт их спинами; Харпер успеет выключить его и спрятать под матрас.

Она нажала кнопку включения. Экран подсветился серым, потом почернел. Заряд батареи показывал целых 9 процентов.

Харпер запустила браузер и загрузила *marthaquinninmaine*.

Заиграла музыка, скребуще-жестяная в динамиках, еле слышная за дождем, но все равно такая милая. Эту песню восьмилетняя Харпер исполняла сама себе – с деревянной ложкой вместо микрофона, скользя по линолеуму кухни в тапочках с мисс Пигги. Рик Оказек пел, что эта девушка – та, что он искал, а мелодия тренькала, как спускающийся по ступенькам Мистер Пружин.

Фотки загружались очень медленно.

Сначала появился пологий склон, поросший высокой – по пояс – травой, пожелтевшей к осени. Фоном служил океан, похожий на стальной лист. Марта Куинн стояла в шеренге детей – по пять слева и справа, – обнимая за талии двух ближайших. Она была по-прежнему худой, в ее почти шестьдесят лет лицо оставалось проказливым и добрым; по прищуре глаз казалось, что она сейчас выдаст веселую шутку. Ветер сдул платиновые волосы с высокого лба. Рукава были закатаны, так что была видна драконья чешуя на предплечьях – черные с золотом письмена, напоминающие древние иероглифы японской системы кандзи.

Когда песня начала стихать, загрузилось второе фото. Доктор в белом лабораторном халате, милая азиатка с планшетом в руке, присела, глядя в глаза очаровательной девочке лет девяти. Девочка прижимала к груди плюшевого енота и морщила нос от неудержимого смеха. Ее голые пухленькие ручки были слегка тронуты чешуей. Все происходило в белом, стерильно чистом коридоре какого-то больничного отделения. На стене висел знак – размытый, почти не в фокусе. Он находился на краю снимка, и Харпер только скользнула по нему взглядом... а потом, сощурившись, присмотрелась. Когда она разобрала, что там написано, – не выдержала и охнула. Всего два слова.

- *Педиатрия*
- *Родильное*

Третье фото начало грузиться, когда песня стихла. Раздался голос, знакомый Харпер только по ретроспективным показам на каналах VH1 и MTV. Громкость была такая низкая, что Харпер еле слышала Марту Куинн за яростной дробью дождя, но на всякий случай сделала еще тише и пригнулась к телефону.

– Эгей, привет, вы этого хотели? Я-то точно хотела. Ну, точнее, и такого тоже. У меня хотелок много. Мне очень нужно знать, что Майкл Фассбендер все еще жив, потому что – аллэ! – этот человек был во многом прав. От него женщины вспыхивали еще до распространения спор, понимаете, о чем я? Мне очень нужны новые серии «Доктора Кто», но я не трепещу в ожидании, потому что готова спорить: создатели сериала или мертвы, или попрятались. На месте ли Англия? Надеюсь, вы не сгорели, Британские острова! Что было бы с миром без вашего грандиозного вклада в культуру: «Дюран Дюран», Идрис Эльба и «Реальная любовь»? Черкани по электронке, Англия, дай знать, что ты еще на месте!

Следующее фото показывало большую палатку с раскладными столами. Пункт приема. Столики обслуживали широкоплечие пожилые дамы, служившие прежде в школьных буфетах... впрочем, одетые в ярко-желтые скафандры, обязательные для тех, кто может столкнуться с эболой, сибирской язвой или драконьей чешуей. Одна из крепких пожилых дам предлагала стопку одеял, пижам и форменной одежды семье: старушке с густыми седыми бровями, усталой женщине лет тридцати и двум рыжим мальчишкам.

– Я хочу персиковый пирог. Просто помираю. Должна признаться, что на острове Свободного волка нет персиковых пирогов, но у нас есть яблоневый сад – и ох, я просто не дождусь начала сезона сбора яблок. Можно набрать корзину всех сортов: грени смит, кортланд, хани крисп, хани бубу, хани грэм, грэм нортон, эд нортон... какая прелесть. И у нас нет плохих яблок! Вот бы назвали сорт в честь меня. Интересно, каков был бы куинн на вкус. Наверное, как 1987-й. Прелесть радио в том, что вы можете представить меня такой, какой я была в 1987-м, – мечта любого мужчины. «Любой мужчина» – значит стыдливый тринадцатилетний юнец, который любил читать комиксы и слушать «Кьюр». Да все равно! Мне нужны солнечные батареи – у меня остались только четыре вшивые панели! Конечно, это лучше, чем

ничего. Но я могу выходить в эфир три часа в день, а потом ретранслятор сдыхает. Учтите: вы, возможно, слушаете меня не в прямом эфире. Мы ставим новую запись каждый день примерно в одиннадцать утра плюс-минус сутки.

Ник не мог слышать Марты Куинн, но видел картинки, появляющиеся на экране, и нагнулся, выпучив глаза.

– Что еще мне нужно? Нужно, чтобы вы притащили свои задницы в Макиас и дальше, ведь у нас есть какао! И бочонки грецких орехов! И бывший телеведущий прогноза погоды, который печет восхитительный хлеб в дровяной печке! Знаете, о чем я говорю? Об острове Свободного волка, в семнадцати милях от побережья Мэна – о месте, где вы запросто можете поселиться, если вы – именно вы – стали счастливым обладателем драконьей кожи. У нас для вас есть постель. И не только! У нас есть медицинское учреждение федерального уровня, где к вашим услугам самое современное лечение. И сейчас, говоря с вами, я, Марта Куинн, вся намазана современной экспериментальной мазью – по запаху и на вид чисто овечье дерьмо, – и знаете, что я скажу? Я весь день не горю заживо! Даже не краснею! В последний раз я краснела от приливов в 2009-м, еще до того, как началась эпидемия.

Появилось фото острова, сделанное с побережья: зеленый гребень, россыпь голубых камней, коттеджи в новоанглийском стиле вдоль единственной грунтовой дороги. Солнце вставало или садилось, бросая золотой свет на темные воды.

– И никто не произносит слово «лекарство». Даже шепотом. На нашем острове шестьсот больных; и больше всего их мучает – не считая *Draco trypto-чего-то-там* – то, как их обнадеживали новейшими достижениями. Но я скажу вам, что последний человек умер у нас от огня почти двенадцать недель назад. Да, именно так: шестьсот инфицированных и только одна смерть за последние три месяца.

На финальной фотке была пожилая пара с сыном. Муж – долговязый, потрепанный, с высокими аристократическими скулами. Жена – маленькая, круглая, в уголках глаз накопились морщинки-смешинки. Мужчина держал на плече пятилетнего сына. Они были одеты по-осеннему: фланелевые кофты, джинсы, вязаные шапочки. У женщины драконья чешуя густо покрывала тыльную сторону ладоней.

Подпись под фото гласила: «Салли, Нил и Джордж Воннамейкеры явились в пункт приема в Макиасе и готовятся отбыть на остров Свободного волка. А у вас есть друзья или родные на острове? Откройте фотогалерею (далее счетчик показывал число 602) наших постояльцев, которые наслаждаются безопасностью и комфортом в карантинной и исследовательской зонах острова Свободного волка».

– Добравшись до Макиаса – а вы доберетесь, поверьте, я добралась, и вы сможете, – вы попадете в приемную палатку. О вас позаботятся. Вы получите подушку, одеяло, пару уютных тапочек и горячую еду. Вас посадят на корабль и отправят прямо к нам, а мы вас накормим, оденем и дадим кров. Да еще вы будете тусоваться с потрясающими знаменитостями вроде меня! И парнем, который вел прогноз погоды для телевидения в Огасте, столице штата Мэн! Чего вы ждете? Пакуйте вещички и тащите сюда свою тощую задницу. Постель ждет вас. Теперь послушайте еще одну песню, а потом я перечислю оставшиеся безопасные пути из Канады...

Ник показал на картинку острова и знаками спросил у Харпер:

«Это взаправду?»

«Еще как, – ответила Харпер жестами. – Хорошее место для больных».

«Когда мы едем?» – спросили руки Ника.

«Скоро», – показала Харпер и неожиданно сказала это вслух.

На койке за ее спиной отец Стори тяжело вздохнул и тихим, ласковым голосом одобрительно сказал:

– Скоро.

Когда сердце Харпер перестало бешено колотиться, она решила проверить пульс у отца Стори – взяла его за тонкое запястье и слушала стук крови в артериях. Сердцебиение было слабым и не очень ровным, но Харпер отметила, что пульс получше, чем вчера. Она провела ногтем по голой ступне отца Стори – он поджал пальцы и удивленно всхрипнул. Неделю назад, когда она проделала такой же тест, результат был ровно такой же, как если бы она щекотала буханку хлеба.

Спрашивать Ника, слышал ли он отца Стори, было, конечно, бесполезно – вот тут-то глухота Ника всерьез расстроила Харпер. Так хотелось, чтобы хоть кто-нибудь услышал. Харпер подумала, что нужно позвать Кэрол. Возможно, Том отреагирует на голос дочери. В каком-то смысле такое уже случалось. Даже если он не пошевелится снова, Кэрол имеет право знать, что ее отец сегодня заговорил.

Но, поразмыслив еще, Харпер передумала. Кэрол будет рада узнать, что отец поправляется, – но ее радость может и подождать. Харпер хотела поговорить с отцом Стори раньше остальных. Нужно узнать, помнит ли он что-то о той ночи, когда получил удар по голове. И еще Харпер хотела рассказать, как напряжение последних месяцев сказалось на Кэрол, как зима вселила в нее опустошенность, беспокойство и недоверие. Он должен узнать о бойне на Верден-авеню, о детях, марширующих по лагерю с винтовками, и о людях, которым затыкают рот белыми камешками.

Нет, не так. Тому не нужно знать об этом. Это Харпер нужно рассказать ему. Она хотела, чтобы старик вернулся и все исправил. Ей так его не хватало.

Харпер сидела с ним весь остаток ночи, поглаживая его пальцы. Иногда разговаривала с ним:

– Вы проспали всю зиму, совсем как медведь, Том Стори. Сосульки тают. Снег почти сошел. Пора вставать и выбираться из берлоги. Вас ждут Ник и Алли, Кэрол и Джон. И я тоже жду.

Но отец Стори больше не говорил, и ближе к рассвету Харпер задремала, держа его руку на коленях.

Ник разбудил ее через час. Взошедшее солнце пробивалось сквозь туман, окрашенный в цвета лимона и беже, сладкий, как торт.

«Он посмотрел на меня, – сказал Ник руками. – Посмотрел и улыбнулся. И даже подмигнул, перед тем как снова заснуть. Он возвращается».

Да, подумала Харпер. Как лев Аслан, он возвращается и несет с собой весну.

«Вовремя, – сказала она себе. – Он возвращается как раз вовремя, и все будет хорошо».

Потом она вспоминала эти свои мысли и смеялась. Смеялась, чтобы не зареветь.

Харпер нужно было прочистить мозги, как следует поразмыслить, и она вышла из лазарета на холод. Никто ее не остановил. Все собрались в церкви. Харпер слышала их пение, видела мистический свет, пробивающийся в щели красных дверей.

Забавно, что они пели песню Трубочиста – совсем не похоже на то, что исполняли в церкви прежде. Почти каждый прихожанин потерял кого-то близкого в огне и жил в страхе, что сгорит сам. Но сейчас их голоса взывали с надеждой к пеплу и саже; голоса трепетали в почти истерическом восторге. Харпер пошла дальше.

В пронзительно чистом воздухе шагалось легко. Харпер оставила свой громадный живот с малышом в лазарете, чтобы немного отдохнуть от беременности. Приятно снова быть худенькой. Она витала мыслями в облаках и очень скоро оказалась там, где грунтовая дорога от лагеря выходила на Литтл-Харбор-роуд. Так далеко заходить она не собиралась, это было уже небезопасно. Харпер взглянула на ржавеющий, битый школьный автобус, ожидая, что сейчас дежурный ее окликнет. За рулем виднелась сухопарая темная фигура. Харпер догадалась, что дежурный заснул.

Она уже собралась повернуть обратно, когда заметила на дороге человека.

Прямо посередине Литтл-Харбор-роуд, буквально в сотне футов, человек полз по асфальту, перебирая руками, как солдат, протискивающийся под проволочным ограждением на поле боя. Точнее, не совсем так: он подтягивался на руках, словно ноги отказали. Если кто-нибудь проедет здесь, не сбавляя скорость, его задавят. И вообще было жутко смотреть, как он ползет по обледеневшему шоссе.

– Эй, – позвала Харпер. – Эй, вы!

Она подняла цепь, перегораживающую въезд в лагерь Уиндем, и быстро пошла к ползущему. Надо успеть – помочь человеку на дороге и убраться с глаз долой, пока не покажется машина. Она снова крикнула. Человек поднял голову, но единственный уличный фонарь светил ему в спину, так что лицо оставалось в тени: круглое, мясистое лицо, лысина на макушке. Харпер пробежала последние несколько шагов и опустилась на колени.

– Вам нужна медицинская помощь? – спросила она. – Вы можете встать? Я медсестра. Если можете подняться на ноги, давайте руку, и я отведу вас в лазарет.

Нельсон Гейнрих поднял голову и одарил Харпер сияющей улыбкой. Зубы были красными от крови, и кто-то лишил его носа, оставив только пару красных отверстий в растерзанной плоти.

– Харпер, все нормально. Я добрался сюда. Доведу их и дальше без вашей помощи.

Харпер отскочила и с размаху села на дорогу.

– Нельсон. Господи, Нельсон, что с вами случилось?

– А вы как думаете? – спросил Нельсон. – Со мной случился ваш муж. А теперь он случится с вами.

На дороге вспыхнули фары, осветив обоих. «Фрейтлайнер» ожил, фыркнув зажиганием и хрустнув коробкой передач.

Нельсон сказал:

– Давайте, Харпер. Идите обратно. – Он подмигнул. – Скоро увидимся.

Харпер закрыла руками лицо, чтобы защитить глаза от света, а когда опустила руки, сон кончился, она лежала на койке в лазарете, приподнявшись на локтях, и у нее снова начались схватки.

– Это сон о скором рождении ребенка, – тихо сказала себе Харпер. – А не о Нельсоне Гейнрихе, ведущем кремационную бригаду в лагерь. Нельсон Гейнрих мертв. Его разорвало на части пулеметным огнем. Ты видела его мертвым на дороге. Ты *видела*.

Забавно: чем больше она повторяла это, тем слабее верила.

Только через пять дней отец Стори заговорил снова.

– Майкл? – пробормотал старик сонным озадаченным голосом; тут же Майкл Линдквист, отодвинув занавеску, заглянул в палату.

– Вы звали, мэм? – спросил он у Харпер.

От звуков голоса отца Стори пульс Харпер подскочил, погнав кровь по жилам. Она открыла рот, чтобы ответить Майклу, что его звал старик, но передумала. Майкл расскажет Алли, и кто знает, к чему это все приведет.

– Звала, – сказала Харпер. – Мне нужна твоя помощь. Передать сообщение Алли.

– Запросто, – ответил Майкл.

– Боюсь, моя просьба состоит не только в этом. Я снова хочу встретиться с Пожарным. И хочу, чтобы Алли была со мной. Алли, Рене и Дон Льюистон. И ты тоже, если это возможно. И еще – если получится – Гил Клайн и Мазз. Есть способ... хоть какой-нибудь... такое устроить?

Майкл побледнел. Он сел одной ягодицей на столешницу, опустил голову и начал перебирать медные кудряшки своей бороденки. Наконец Майкл поднял взгляд.

– А по поводу чего встреча?

– Возможность уйти. Возможность остаться. Давно пора задуматься о будущем. Состояние отца Стори сейчас стабильно. Но если оно внезапно изменится, нужно быть готовыми.

– К худшему?

– К чему угодно.

Майкл сказал:

– Если Кэрол обнаружит, что вы все на острове строите тайные планы с Пожарным, она вас всех посадит под замок. Если не хуже.

– Будет хуже, если мы ничего не предпримем.

Майкл провел рукой по веснушчатому лбу и снова задумался, склонив голову. Наконец он беспокойно кивнул.

– Я знаю, как такое можно повернуть. Будет, конечно, не очень похоже на побег из Сан-Квентина. Рене каждый день приходит к заключенным в обед... у них собрание маленького читательского клуба. Это вообще единственный момент, когда ребята выходят из мясного холодильника. Рене привела в порядок дальний уголок подвала, положила ковер и принесла стулья – там они читают и разговаривают. Пока у них заседание, дежурный заходит в холодильник, чтобы прибраться. Вылить ведро, куда они писают. Забрать грязную одежду. И все такое. И вот пока дежурный будет там, Мазз зайдет обратно со словами: «Ой, я книгу забыл». И, выходя, закроет дверь в холодильник. Дежурный окажется заперт там на целый час. Пусть стучится и орет сколько хочет. Из мясного холодильника звуки не проходят, когда дверь закрыта. Во время шумного обеда его никто не услышит.

– Но Рене и ребятам придется пройти мимо всех, кто будет в кафетерии.

Майкл покачал головой:

– Есть другой выход из подвала. Лестница ведет к парковке на заднем дворе. Кажется, раньше там выгружали из машин провизию. Снаружи дверь заперта на два висячих замка, но я устрою так, чтобы они были открыты. Рене, Гил и Мазз должны будут вернуться к часу ночи, когда их книжный клуб закрывается. Рене выпускает дежурного и удивляется: «Ой, прости, я не знала, что ты тут застрял, ничего не было слышно за всем этим шумом». Кто бы ни дежурил, он, конечно, психанет, но, готов поспорить, не расскажет Бену Патчетту. Постыдится. И потом, кому захочется два дня сосать камешек, если все живы-здоровы и все в порядке?

Ник сидел, подтянув колени к подбородку, и разглядывал обоих. Он не знал, о чем они говорят, не умел читать по губам, но выражение лица у него было такое, будто на его глазах кто-то забавлялся с толовыми шашками.

– Хорошо, Майкл. Хорошо, – сказала Харпер. – Это просто. Тут ведь чем проще, тем лучше, да?

Майкл провел большим пальцем по тугим завиткам бородки.

– Думаю, пройдет гладко... если только заключенные не решат пристукнуть Рене и сбежать, как только выйдут из подвала.

– Им не нужно пристукивать ее, – сказала Харпер. – Если они решат смыться, Рене убежит с ними. Но я думаю... Думаю, она убедит их, что у них больше шансов выжить, если они заключат договор с Пожарным. Они хотят не просто сбежать, они хотят жить. – Харпер не забыла, как Гил говорил о Пожарном – с тихим восхищением и почти благоговением.

– Ну да. Наверное. Но все же, когда они выберутся из подвала, лучше, чтобы Алли встретила их на парковке с винтовкой за плечом. Брать на мушку их не надо. Просто пусть будет. Когда Алли не заперта в женской спальне, она обычно выполняет всякие задания. Я могу устроить так, чтобы ее назначили в эту ночь кастрюли драить. Бен Патчетт составляет график нарядов, но доверяет мне распределять их. В общем: Алли сгребает кастрюли на кухне, идет на улицу и находит винтовку, которую я ей оставляю. Потом ждет у дверей подвала, когда появятся Рене с заключенными. Ей тоже надо вернуться к часу ночи.

Тревога сжала желудок Харпер. Похоже, слишком многое может пойти не так.

– А Дон Льюистон? – спросила Харпер.

– Это просто. Почти всю ночь он проводит у воды – проверяет удочки. На него никто не обращает внимания. За ним не следят. Он встретит вас на пристани и сядет на весла.

– А ты? – спросила Харпер. – Ты идешь, Майкл? Я хотела бы, чтобы ты был там. Думаю, и Алли хотела бы.

Майкл виновато улыбнулся и резко помотал головой.

– Нет. Не надо. Я позабочусь о том, чтобы меня назначили на пост в лазарете, тогда я смогу выпустить вас и прикрыть в случае чего. И мне не обязательно присутствовать на вашей встрече. Алли все расскажет мне потом. – Он искоса взглянул на Ника. – И мальчика возьмите. Наверняка ему будет приятно повидаться с сестрой. И с Джоном.

Харпер сказала:

– Я с трудом удерживаюсь от того, чтобы крепко обнять тебя, Майкл Линдквист.

– Зачем же бороться с собой? – спросил он.

Все же Ник не захотел идти.

Когда пришло время, он сидел на ободранном стуле у койки отца Стори и читал комикс: человек, созданный из пламени, сражался с громадным желто-оранжевым роботом, напоминавшим ходячий «Фрейтлайнер», – фары вместо глаз и лопаты вместо рук. Ник сказал, что хочет остаться с Томом.

«А вдруг он проснется, а нас нет? – спросил Ник руками. – Здесь должен кто-то быть, если он откроет глаза».

«Здесь будет Майкл», – показала Харпер.

Ник серьезно покачал головой. «Это совсем не то». А потом добавил: «Дедушка все время шевелится. Он может проснуться в любой момент».

Ник был прав. Иногда Том Стори делал глубокий вдох и выдыхал с удовлетворением... или вдруг хмыкал, словно в голову пришла

удивительная мысль. А иногда правая рука тянулась почесать грудь и только через мгновение-два снова падала на простыню. Но больше всего Харпер нравилось, когда он подносил палец к губам, словно говоря «ш-ш-ш», и улыбался. Так ребенок во время игры в прятки зовет приятеля разделить укромный уголок. Том таился в своем укромном уголке месяцами, но, возможно, готов был выскочить.

Харпер кивнула, пригладила волосы Ника и оставила его в компании комикса и молчаливого старика. В приемной ждал Майкл... и Дон Льюистон – специально пришел, чтобы проводить Харпер до берега. Дон был в клетчатом зимнем пальто и в шапке с наушниками, а нос покраснел от холода. Дон ждал у приоткрытой двери. Майкл, не в силах усидеть на месте, мерял шагами приемную, крутя в руках «Рейнджера Рика». Журнал свернулся в жесткую трубку.

– Ник не пойдет, – сказала Харпер. – Может, и к лучшему. Если Бен Патчетт явится с проверкой, он ничего не заподозрит, когда ты скажешь, что я сплю. Мы, беременные дамочки, засыпаем при первой возможности. Но если он не увидит ни меня, ни Ника, вот тогда начнет подозревать.

Когда Харпер упомянула возможность проверки, лицо Майкла перекосилось; он так побледнел, что даже губы посерели. Харпер подумала: не засомневался ли он в своем решении сейчас, когда момент настал, и спросила:

– У нас ведь все хорошо?

Ее интересовало состояние Майкла, но вместо него ответил Дон – как будто она спрашивала про нынешний заговор:

– Остальные уже на пути к острову. Я встретил Алли и Рене с заключенными в лесу. Чака Каргилла закрыли в мясном холодильнике. Он орал благим матом и долго стучал в дверь, но Рене говорит, что с середины коридора уже ничего не слышно из-за шума кафетерия сверху.

– Если готовы – ступайте, – сказал Майкл. – Я присмотрю. Не беспокойтесь, мисс Уиллоуз, уж вам-то не обязательно торопиться. Вас я прикрою до смены поста – это перед самым рассветом. Но у остальных не так много времени. Если узники не приплывут назад через сорок пять минут, нам всем крышка.

Харпер шагнула к Майклу и положила ладони на его руки, чтобы он перестал крутить «Рейнджера Рика». Чуть нагнувшись, она

поцеловала его в холодный сухой лоб.

– Ты очень храбрый, Майкл, – сказала Харпер. – Ты один из самых смелых людей, каких я знаю. Спасибо.

Плечи Майкла чуть расслабились, и он сказал:

– Не преувеличивайте, мэм. Вряд ли у меня есть выбор. Если любишь кого-то, надо делать все возможное, чтобы сберечь этого человека. Не хочу потом вспоминать, как я мог оказаться полезным, мог помочь, но струсил.

Харпер погладила его по щеке. Майкл избегал ее взгляда.

– А ты говорил Алли об этом? О том, что любишь ее?

Майкл шаркнул ногой.

– Не напрямик, мэм. – Он осмелился взглянуть Харпер в лицо. – Вы ведь ей не скажете, да? Мне бы хотелось, чтобы все осталось между нами.

– Разумеется, я ничего не скажу, – ответила Харпер. – Но не затягивай, Майкл. В наши дни, боюсь, неразумно откладывать что-то важное на завтра.

Дон придержал перед ней дверь, и Харпер вышла во тьму и острый, кусачий холод. Звезды сияли ясным колючим светом. Сосновые доски еще лежали зигзагом между зданиями, но снег уже растаял, и доски прикрывали кочковатую грязь.

Они сошли с досок и двинулись вниз по холму, среди деревьев. Следов не останется. В этот арктический час земля глубоко промерзла, и миллионы ледяных искорок сверкали в грязи. Дон Льюистон предложил Харпер руку, она приняла ее, и они шли, как пожилая семейная пара, по мерзлой земле.

На полпути к берегу они остановились. С колокольни доносился сладкий и сильный девичий голос. Харпер решила, что это одна из сестер Нейборс. В старших классах они обе пели в хоре. Песня неслась в холодном, чистом воздухе; от невинной и сладкой мелодии у Харпер по рукам побежали мурашки. Это была песня Тейлор Свифт – о Ромео и Джульетте... и она напонила Харпер другую, более старую песню об этих несчастных влюбленных.

– В этом лагере много хороших людей, – сказала Харпер Дону. – Может, они набрались дурных идей, но это только от страха.

Дон прищурился, глядя на колокольню.

– Голос у нее славный, точно. Всю ночь бы слушал. Но вот что бы вы сказали про лагерь, если б послушали, как все пели в церкви пару часов назад. Пока начинали – да, это было еще пение. Но уже вскоре просто жужжали – одну идиотскую ноту. Будто ты в самом большом в мире улье, да еще все вокруг изнутри. Глаза, на хрен, просто сверкают. Они не дымятся, но от них веет жаром, да таким, что с ног валит. А иногда жужжат так громко, что череп начинает дрожать и хочется кулак запихнуть в рот, чтобы не закричать.

Они пошли дальше; камни и глина поскрипывали под ногами.

– И вы не можете присоединиться? Вы не сияете с ними?

– Пару раз получилось. Но в итоге вышло как-то не так. И не в том дело, что бьет крепко – хотя когда в себя прихожу, череп, на хрен, гудит, будто я литр виски жахнул. И не в том дело, что забываешь, кто ты. Это худо... но еще хуже превращаться в Кэрл. Как будто твои мысли передает какая-то далекая радиостанция, а станция Кэрл ближе и забивает твою музыку своей. Ее музыка крепчает и становится громче, а твоя слабеет и затухает. Начинаешь думать, что отец Стори – это *твой* папа, он лежит в лазарете с разбитой головой; и от того, что виновника не накажут, тебе плохо, ты злишься и закипаешь. Начинаешь думать, а не стукнет ли теперь кто-нибудь *тебя* по башке, и нет ли в лагере тайных врагов, борющихся против тебя. И чувствуешь в душе, что если придется умирать, то умрешь в песне, вместе со всеми. Держась за руки. И уже хочешь, чтобы это случилось... чтобы явилась кремационная бригада. Потому что это будет избавление, и смерть уже не страшна, ведь ты сгоришь вместе с теми, кого любишь.

Харпер вздрогнула и прижалась к Дону, чтобы было теплее.

Они дошли до пристани, и Дон помог Харпер забраться в шлюпку. Она порадовалась, что он поддерживает ее. За последние месяцы Харпер часто переплывала протоку, но сегодня впервые нетвердо стояла на ногах и с трудом удерживала равновесие.

Несколько глубоких, ровных гребков – и они отошли от берега. Дон сидел на банке между весел, наклонялся и вытягивался в струнку, становясь похожим на ломтик вяленой говядины – жилистый и жесткий.

Видит ли их сейчас око на башне (которое видит далёко)? Дон обмолвился Бену, что, возможно, возьмет ночью лодку порыбачить.

Остается надеяться, что если их увидят, то решат, что это Дон Льюистон ищет рыбное место... Если вообще увидят.

Неожиданно Дон продолжил свой рассказ с того места, где остановился несколько минут назад:

– Ужасно, когда в голове сплошная Кэрол. Плохо забыть свое имя, имя родной матери. Но это не все. С месяц назад мы все усердно пели как обычно. А потом Кэрол начала типа проповедь, про то, что не было вовсе никакой истории до того, как мы заразились драконьей чешуей. И новая история началась для каждого, именно когда мы заболели. И что важна только жизнь, которой мы живем сейчас, вместе, одним сообществом, а не та, что была прежде. А потом мы снова пели – и светились, даже я, и жужжали от души, а потом расползались кто куда, как пьяные матросы в канун Нового года. И я забыл... – Он выдохнул, нагибаясь, чтобы снова потянуть весла. – Я забыл моего приятеля, Билла Элроя, с которым мы вместе рыбачили тридцать лет. Его просто вымыло у меня из головы. И не на несколько часов. На неделю. Лучшие годы моей жизни я проводил в лодке с Билли. Не передать, какое счастливое это было время. Мы по три недели рыбачили без усталости, возвращались, выгружали добычу в Портсмуте, а потом отправлялись на лодке к островам Харбор-Айлендс, бросали якорь и пили пиво. И домой не тянуло. Я наслаждался каждой минутой с Билли. Я нравился сам себе рядом с ним. – Дон опустил весла. Лодка закачалась на волнах. – Быть рядом с Билли – все равно что иметь под собой целый океан. Мы ведь и не разговаривали толком. Незачем было. Ведь с океаном-то не говоришь, и не ждешь ответа. Ты просто... позволяешь ему нести тебя.

Дон снова начал грести.

– Да. И когда я внезапно понял, что потерял Билли, что его смыло – вот тогда я и решил, что сыт по горло этим лагерем. Никто не отнимет у меня Билли Элроя. Никто. Ни за что. Никто не отнимет нашу дружбу. Прошлой осенью тут объявилась воровка, так Кэрол, если бы поймала ее, скормила бы по кусочкам диким псам. Так я вам вот что скажу. То, что у нас похищали каждую ночь, пока мы пели вместе, гораздо важнее, чем то, что крали воровка. И мы ведь знаем похитительницу – и не сажаем ее под замок, а избираем главой лагеря.

Дон замолчал. Из осторожности он повел лодку вокруг северной оконечности острова, к дальнему концу скалы, чтобы оставить там, где

ее не заметит с берега случайный наблюдатель. Харпер увидела два каноэ, уже вытасненных на гальку. А дальше, в стороне от воды, на стапельной тележке отдыхал тридцатитрехфутовый крейсерский шлюп, укрытый тугим белым брезентом.

– А что стало с воровкой, как думаете? – спросила Харпер. – Зимой, похоже, краж не было.

– Может, просто нечего стало красть, – сказал Дон. – А может, получила что хотела.

Харпер смотрела, как Дон сгибается и выпрямляется, сгибается и выпрямляется, и думала, что сила Света не сравнится с близостью к тому, кого любишь всем сердцем. Одно обедняет; второе делает тебя лучше, счастливее. «Я нравился сам себе рядом с ним», – сказал Дон Льюистон, и Харпер задумалась: был ли в ее жизни кто-то, кто заставлял бы ее ощущать то же самое; и тут нос лодки с хрустом ткнулся в песок, и Дон сказал:

– Ну что, навестим Пожарного?

8

Прежде чем выбираться из лодки, Харпер залезла в ларь под банкой и нашла припрятанную хозяйственную сумку – там до сих пор оставались бутылка дешевого бананового рома и блок «Галуаз». Дон ждал ее на склоне, под носом длинного белого шлюпа, положив руку на корпус.

– Умеете его водить? – спросила Харпер.

Дон поднял бровь и искоса посмотрел на Харпер веселым взглядом.

– Проведу вокруг мыса Горн и до самого загадочного Шанхая, если понадобится.

– Да мне бы – просто вдоль побережья.

– А-а, – ответил Дон. – Ну, это еще проще.

Они пошли дальше рука об руку, через дюны, вверх по узкой заросшей тропинке, на холм – к сараю Пожарного. Дон поднял задвижку и распахнул дверь – за ней были смех, тепло и колеблющийся золотой свет.

Рене стояла у печки в кухонных рукавицах – вешала чайник на крюк над углями. Гилберт Клайн устроился рядом, на стуле с прямой спинкой у стены. Он вскинул глаза, когда дверь открылась – готов свалить, если компания не понравится, подумала Харпер.

Мазз сидел на краю койки Пожарного, сам Джон – на другом, и оба тряслись от хохота. Широкою уродливую физиономию Мазза заливал румянец, и на ресницах поблескивали слезы. И все – кроме Гила – не сводили глаз с Алли, которая стояла над ведром, изображая писающего мужчину. Алли надела пожарный шлем Джона и приставила к паху пластиковую зажигалку.

– И это только *вторая* крутейшая вещь, которую я могла бы творить с членом! – объявила Алли с нарочито ужасным британским акцентом. Она щелкнула зажигалкой, и ее фальшивый член полыхнул огнем. – Я бы мигом устроила костер, но если вам нужно вот прямо срочно поджарить сосиски, я нагнусь и вы просто...

Алли увидела Харпер в дверях и замолкла. Улыбка погасла. Она опустила зажигалку.

Однако Джон продолжал трястись от хохота. Он махнул Маззу и сказал:

– Она-то просто придуривается, а у меня такое правда было. Впрочем, задолго до драконьей чешуи, и пенициллин быстро помог.

Мазз оглушительно захохотал – так хрипло, что развеселил всех. Тень улыбки тронула даже губы Алли – но только на мгновение.

– Ух ты, – сказала Алли. – Мисс Уиллоуз, вы огромная.

– Рада слышать твой голос, Алли. Не слышала целую вечность. Я скучала по нему.

– Непонятно, с чего бы. Похоже, стоит мне открыть рот, и всем становится плохо.

Она опустила взгляд и поморщилась. Страшно было смотреть, как она старается не заплакать, как напряжены мышцы лица. Харпер подошла и взяла Алли за руки; тут-то Алли перестала сдерживаться и заревела.

– Мне так плохо, – вздохнула Алли. – Мы ведь могли стать настоящими друзьями, а я все просрала, и мне так жаль!

– О, Алли... – сказала Харпер и попыталась обнять ее. Но живот теперь превращал объятия в сложный трюк, так что Харпер только толкнула Алли своим пузом. Алли коротко то ли хмыкнула, то ли

всхлипнула. – Мы и есть настоящие друзья. И, честно говоря, я много лет собиралась постричься покороче.

Теперь Алли точно рассмеялась, впрочем, придушенно и еле слышно; она уткнулась лицом в грудь Харпер.

Наконец Алли отступила на шаг и провела ладонями по щекам.

– Я знаю, что в лагере все пошло неправильно. Знаю, что все окончательно свихнулись, особенно моя тетья. Там страшно. И она страшная. А угрозы забрать ребенка, если дедушка умрет, хотя вы сделали все возможное – это просто срань и безумие.

Джон сел прямо, улыбка погасла.

– Ты о чем?

– Вы болели, – сказала Харпер через плечо, не поворачиваясь к Джону. – Не хотелось вас тревожить. Кстати, вы выглядите лучше.

– Да, – согласился Джон. – Антибиотики и драконья чешуя во многом похожи. Антибиотики – плесень, которая поджаривает бактерии, а чешуя – грибок, который поджаривает нас. Жаль, нет таблетки, которая могла бы избавить нас от Кэрол Стори. Она просто выжила из ума. Она не могла такого сказать. Забрать ребенка? Что за дерьмо?

– Кэрол сказала мне... сказала, что если Том умрет, она будет считать виновной меня и прогонит. А ребенка оставит – тогда, если меня поймает карантинный патруль или кремационная бригада, у меня не возникнет искушения рассказать хоть что-то о лагере Уиндем.

– Не совсем так. Она действительно хочет безопасности для ребенка. Она хочет защитить нас. Всех, – сказала Алли. Она обвела взглядом каждого в комнате, и ее голос стал почти умоляющим. – Я знаю, что она ужасна. Я знаю, что она теперь творит жуткие вещи. Но дело в том, что моя тетья Кэрол умрет за каждого человека в лагере. Не задумываясь. И она действительно любит каждого... по крайней мере, каждого, кого не подозревает. Я же помню, что было до того, как дедушку ударили по голове. Она была хорошая. Когда оказалось, что она может помочь пением и музыкой, может показать дорогу к Свету – тогда она была лучшим в мире человеком, с которым хотелось дружить. Я всегда могла пойти к ней и поплакать, если ссорилась с мамой. Тетья делала мне чай и бутерброды с арахисовым маслом. Я знаю, что вы все ее ненавидите, и что нужно что-то делать. Но вы

должны знать: я все еще люблю ее. Она засранка, но и я тоже. Наверное, это наша фамильная черта.

Джон расслабился и прислонился спиной к стене.

– Ваша фамильная черта – благопристойность, Алли. И действительно несгибаемое личное мужество. И обаяние. А мы все порхаем вокруг вас, Стори, как мотыльки вокруг свечи.

Харпер невольно припомнила, как обычно кончаются романы мотылька со свечой: мотылек летит навстречу гибели, крылья дымятся. Но высказывать мысль вслух сейчас не стоило.

Тут заговорил Гилберт Клайн, сидевший у печки. Харпер заметила, что он обхватил рукой талию Рене.

– Как приятно все-таки оказаться хоть ненадолго за пределами мясного холодильника. Когда я в следующий раз выберусь глотнуть свежего воздуха, надеюсь, больше обратно не вернусь. Но сейчас у нас всего полчаса. Если нужно что-то решать, давайте решать сейчас.

Мазз, задрвав подбородок, уставился поверх своего мясистого носа на хозяйственную сумку Харпер.

– Не знаю, как остальные, но я лучше всего решаю после выпивки. Похоже, медсестра принесла то, что доктор прописал.

Харпер достала бутылку бананового рома.

– Дон, организуете посуду?

Она разлила ром понемногу в пеструю коллекцию шербатовых кофейных чашек, жестяных кружек и уродливых стопок; Дон раздал порции. Последнюю чашку Харпер протянула Алли.

– Серьезно? – спросила Алли.

– На вкус лучше камешка.

Алли одним глотком опрокинула четверть дюйма, налитые Харпер, и скорчила гримасу.

– Господи. Совсем не лучше. Моча. Как бензин, в который макнули шоколадный батончик.

– Значит, хочешь еще? – спросила Харпер.

– Хочу, – ответила Алли.

– Увы, – покачала головой Харпер. – Ты несовершеннолетняя, и тебе только один глоток.

– Я, когда ел сардины из банки, потом выпивал и масло, – сообщил Дон. – Это было отвратительно. В масле всегда рыбные

хвостики, и глаза, и гребаные кишки, и рыбы какашки, а я все равно пил. Не мог удержаться.

Гил сказал:

– Я видел кино, где мужик говорит, что ел собак и жил, как собака. Я собак не ел, но в Brentwude некоторые ловили и ели мышей. Называли их «подвальные цыплята».

– Худшее, что было у меня во рту? – задумчиво произнес Мазз. – Не хочу вдаваться в подробности в приличной компании, но звали ее Рамона.

– Очень мило, Мазз. Тонкий вкус, – сказала Рене.

– Вообще-то вкус был отвратительный, – ответил ей Мазз.

– А вот кстати: вы будете есть плаценту? – спросила Рене у Харпер. – Вроде сейчас это модно. У нас в книжном было руководство для беременных – и в конце целая глава: рецепты блюд из плаценты. Омлеты, соус для макарон и прочее.

– Нет, не думаю, – ответила Харпер. – Есть плаценту – это уже почти каннибализм, а я рассчитывала на более достойный апокалипсис.

– Крольчихи едят свой приплод, – сказал Мазз. – Это я узнал, когда читал «Обитателей холмов». Мамаши, похоже, жуют своих новорожденных постоянно. Щелкают, как орешки.

– Хуже всего, – сказала Алли, – что вы все выпили только по одному глотку.

Дон спросил:

– Так кто капитан нашего корабля? Кто прокладывает курс?

– Обожаю ваш морской жаргон, – сказал ему Джон Руквуд.

– А он прав, – сказала Рене. – Это и есть первый вопрос, да? Мы должны провести голосование.

– Голосование? – переспросила Харпер. У нее появилось ощущение, что она единственная, кто не смог понимающе улыбнуться – и это было не очень приятно.

– Нам нужен злой гений, – пояснила Рене. – Который будет определять повестку на собраниях. Который будет проводить голосование. Принимать срочные решения, когда нет времени на голосование. Помыкать приспешниками.

– Бред какой-то. Нас всего семеро. Восемь – если считать Ника.

Дон Льюистон поднял брови и с вопросительным выражением лица повернулся к Рене Гилмонтон.

– Добавьте еще пятнадцать, – сказала Рене.

– Семнадцать, – возразил Дон. – Братья Макли тоже с нами.

– Так что же... есть... двадцать пять человек, готовых выступить сами по себе? – спросила Харпер. «Отряд Дамблдора, – сразу пришло в голову. – Братство кольца».

– Или выступить против Бена и Кэрол, – сказал Дон, – и захватить чертов лагерь.

Заметив, как побледнела Алли, Дон добавил:

– Выступить деликатно, я имею в виду. Вежливо. Ну, знаете. Уважительно.

– Что-то мы можем решать голосованием, – сказала Рене. – Но в условиях конспирации многие решения приходится принимать единолично. Это важная работа, и вряд ли благодарная... и небезопасная. Представьте, что может случиться с тем, кого мы выберем, если нас раскроют.

– Мне и представлять не нужно, – сказала Алли. – Я и так знаю. Когда моя тетя говорит, что нужно вырезать гнильцу из лагеря, она не играет словами. Она хочет зарезать суку. Она готова убивать. Она готова показать пример. – Алли улыбнулась, хотя и слабо. – Я читала, что в истории публичные казни были популярны. Уверена, если тетя Кэрол объявит о публичной казни, миссис Хилд обеспечит всех попкорном.

В печке треснул и зашипел огонь. Щелкнул уголек.

– Ты серьезно думаешь, что может дойти до такого? – спросил Гил, впрочем, не слишком удивленным тоном. – Публичные казни?

– Парень, – сказал Мазз. – После дерьма, которого мы навидались в Brentwude, странно, что ты спрашиваешь. Я-то не слишком боюсь последствий. Я уже решил, что на все пойду, лишь бы выбраться из этого подвального мясного холодильника... так или иначе. На своих ногах или на носилках.

– И я, – отозвался Гил.

Харпер возразила:

– Но мы не можем голосовать сегодня. Раз уж есть еще пятнадцать... семнадцать человек, готовых идти с нами. Как это сделать?

Дон, Рене и Алли переглянулись, и Харпер снова почувствовала, что они опережают ее на шаг.

– Харпер, – сказала Рене. – Мы уже это сделали. Все уже проголосовали, кроме семерых, собравшихся в этой комнате – и, помимо, братьев Макли.

– Не-а, – поправил Дон. – Они тоже уже высказались.

– Тогда остались только мы. И, скажу вам, все это было непросто. Нелегко голосованием выбирать главу секретного общества. Ведь я никому не могла сказать, кто с нами, а кто нет. Не люблю паранойи. Но нельзя было сбрасывать со счетов возможность, что кто-то из тех, кому я сообщила, что мы собираемся удрать из лагеря Уиндем, передаст информацию Кэрол. Например, никто не проголосовал за Майкла Линдквиста. Наверняка большинство обалдеет, узнав, что он с нами. Он – правая рука Бена Патчетта. И большинство голосов сосредоточены вокруг двух-трех очевидных кандидатов.

– А кто такие очевидные кандидаты?

– Любой, кто больше не входит в Свет. Любой, кто не подпевает песне Кэрол. По сути – те, кто сегодня в этой комнате. Мы не только еще не проголосовали, мы – лидирующие кандидаты. – Рене достала из потертой полосатой сумочки стопку желтых линованных листов и положила ее на стол. – Когда мы заполним собственные бюллетени, я сообщу, как проголосовали остальные.

Рене снова залезла в наплечную сумочку и достала пачку красных стикеров. Она оторвала по одному семь бумажных квадратиков и распределила между присутствующими. Дон принес старую кружку с карандашами и раздал их.

– А будет официальное звание у того, кто победит? – спросил Гил, нахмурившийся над своим квадратиком.

– Мне нравится «Великий заговорщик», – сказал Пожарный. – Есть в этом что-то. Немного поэзии, немного мрака. Если за это грозит смерть, то хотя бы получишь удовольствие от сексапильного титула.

– Пусть так и будет, – сказала Рене. – Голосуйте за Великого заговорщика.

Воцарилась беспокойная тишина – только карандаши шуршали по бумаге. Когда все закончили, Рене помедлила с пачкой в руке.

– Из тех пятнадцати, о которых я говорила... – Рене прочистила горло и продолжила: – Два голоса за Дона, два – за Алли.

– Что? – воскликнула Алли, явно не ожидавшая такого.

– Три за Пожарного, – сказала Рене, – четыре голоса за Харпер и четыре за меня.

Харпер покраснела. Драконья чешуя зачесалась – и не сказать, чтобы неприятно.

Дон сказал:

– Когда я говорил с мальчиками Макли, они выразились определенно. Оба выбрали Алли.

– Нет, нет, нет, НЕТ! – воскликнула Алли. – Не нужна мне эта драная работа. Мне шестнадцать. Если меня выберут, то первым делом я, как главный командир, разревусь. И потом, Роберт Макли проголосовал за меня только потому, что он ко мне неровно дышит. У него глаз дергается, когда он со мной говорит. А второй сделает то, что Роберт велит. Да им вообще нельзя голосовать! У Криса Макли хотя бы есть волосы на лобке?

– Согласен, – подал голос Пожарный. – Нет волоса, нет голоса. И поскольку я против заклания младенцев, я голосую за то, что Алли может взять самоотвод. У тех, кто голосовал за Алли, есть запасной вариант?

– Вообще-то, – сказала Рене, просматривая свой блокнот, – есть. Один человек выбрал Джона, как запасного. Второй – Дона.

– Хрень, – буркнул Дон.

– А у братьев Макли есть запасной вариант? – спросила Рене.

– Не важно, даже если и есть, – сказал Дон. – Мы ведь решили, что они слишком юны для голосования. – Харпер поняла, что они тоже выбрали запасным Дона.

– Значит, три за Дона и по четыре за Харпер, Джона и меня.

– Считайте сразу пять за вас, – сказал Гил, разворачивая свой стикер и укладывая на стол. – Вы проделали всю работу, доведя нас досюда. Не вижу смысла менять лошадей сейчас.

Рене потянулась и чмокнула его в щеку.

– Вы такой милый мужчина, Гил, и я даже не стану сердиться, что вы назвали меня лошадью.

– И пять за Пожарного, – сказал Мазз, подняв свой стикер, чтобы всем было видно. – Я видал, как он реально устроил ад портсмутской полиции. Так что я за него.

Дон развернул свой стикер и сказал:

– Ну, я-то голосую за Харпер. Я видел, как она управлялась в лазарете, когда принесли отца Стори, и видел, как она сверлила ему голову. – Он поднял свои слезящиеся голубые глаза на Харпер. – Чем хуже было – чем больше люди кричали, вопили и дурели, – тем спокойнее становились вы, сестра Уиллоуз. Меня непрерывно трясло, а ваша рука была твердой как сталь. Я за вас.

– Все равно у трех лидеров голосов поровну.

– Больше нет. За Харпер шесть, – сказала Алли. – Я тоже думаю, что это должна быть она. Потому что знаю: как бы я ни нагадила, она ни за что не сунула бы мне в рот камень и не заставила чувствовать себя иудой. А после всего, что я натворила, видит бог, она имела право.

– Ох, Алли, – сказала Харпер. – Ты уже извинилась. Не думаю, что стоит повторять снова и снова.

– Я не извиняюсь. Я голосую. – Алли посмотрела в глаза Харпер чуть ли не с вызовом.

– Да, верно, – сказала Рене. – И я тоже голосую за Харпер. Очень мило, что некоторые попросили меня взять на себя эти обязанности, но мне приятнее читать о грандиозных побегах, чем планировать их. Кроме того, я совсем не умею хранить секреты и не люблю строить козни. Мне кажется, это грубо. Не люблю жить с чувством вины, а мы, боюсь, можем обидеть кого-то, защищаясь. И потом, я читаю пару книг. Каждую минуту отдавать заговору – не хватит времени на чтение. Так что остается Харпер.

– Эй, – воскликнула Харпер. – У меня тоже есть что почитать, дамочка!

– Я еще подумала о том, что вы беременны – это уменьшает вероятность того, что вас повесят, если поймают, – сказала Рене. – И, Харп, очень жаль все на вас сваливать, но, боюсь, выбрали вас. По моим подсчетам, вы победили, семь против пяти.

– Вернее, семь против шести, – сказала Харпер. – Потому что я голосовала за Джона.

– Какое совпадение. – Пожарный широко улыбнулся, став похожим на тихого душевнобольного. – Я тоже.

Он развернул бюллетень и показал написанное там единственное слово: «Я».

Через десять минут все остальные ушли. Остались только Харпер и Пожарный.

– Скажите Майклу – я вернусь через несколько часов, пусть не беспокоится, – напутствовала Харпер Дона Льюистона.

Рене заглянула в приоткрытую дверь, держась за задвижку.

– Не забудьте вернуться, Харпер. – Голубые глаза Рене блестели то ли от холода, то ли от восторга.

– Ступайте уже, – сказала Харпер. – Торопитесь. Разве вы не знаете первое правило заговорщика? Не попадайся.

Дверь закрылась. Харпер и Пожарный еще какое-то время слышали шепот и приглушенный смех, Алли пропела строчку из «Хижины любви», и шаги стали удаляться. Наконец они снова остались одни, в напряженной, но единодушной тишине, которая предшествует первому поцелую.

Впрочем, целоваться они не стали. Харпер помнила про открытую печь за спиной, чувствовала жар от пляшущего пламени и размышляла, кто за ними наблюдает. Джон дважды поднимался, чтобы подбросить дров, и каждый раз Харпер думала: «Если мы покинем лагерь Уиндем, он не пойдет с нами. Ему придется остаться, чтобы беречь свой огонь».

– Это была подстава, – сказала Харпер. – Вы, ребята, просчитали голоса заранее.

– Ну... Я бы на такое не пошел. Скажем так: результат был не совсем непредсказуем. Почему, по-вашему, Майкл особо отметил, что вам торопиться обратно не обязательно?

Еще до ухода остальных они набросали два разных плана – в общих чертах. Один – на случай, если придется удирать спешно. Второй предусматривал отъем (вежливый) власти над лагерем у Кэрл. Джону и Харпер поручили проработать детали для обоих планов.

– Я готов работать над планами, если хотите, – сказал он.

– Мне нужен сахар, чтобы мозги работали, – сказала Харпер и достала из хозяйственной сумки коробку с Мэри Поппинс. – Ничто так не настраивает меня на заговорщические мысли, как запрещенная шоколадка, даже если ей уже год.

Джон нахмурил лоб.

– Предупреждаю. Заявлять, что у вас есть конфеты, когда их нет, это злостное нарушение клятвы Гиппократы – «не навреди». Не

причиняй лишние страдания.

– Я вас разочарую, Руквуд. Я медсестра. Мы не даем клятву Гиппократу. Это врачи дают. А медсестры только клянутся, что пациент примет лекарство.

– Иногда вы говорите страшные вещи, и от них у меня радостные мурашки по коже, – сказал Джон и тем же тоном, без паузы, продолжил: – Я бы спалил лагерь Уиндем дотла, но не дал Кэрол и ее прихлебателям забрать у вас ребенка. Остались бы только обгорелые палки. Надеюсь, вы это понимаете.

– А это не слишком несправедливо по отношению к остальным? – спросила Харпер. – Они не такие плохие, большинство из них. Они хотят только безопасности.

– Обычное оправдание всех безобразий и жестокостей. Все хотят только безопасности, и плевать, кого придется ради этого уничтожить. И люди, которые хотят убить нас, кремационные бригады, тоже хотят только безопасности! И человек, которого я убил фениксом той ночью, – человек за пулеметом пятидесятого калибра. Я почувствовал, что должен сделать это. Должен прожарить его до костей. Только так я мог быть уверен, что вы вернетесь ко мне.

Он смотрел на нее и с удивлением, и с печалью. Харпер захотелось взять его за руку. Но вместо этого она вручила ему миниатюрный «Сникерс», а себе выбрала кокосовый «Маундс».

– И нам придется убивать людей ради безопасности? – спросила Харпер очень тихо. – Думаете, до этого дойдет? И Бена? И Кэрол? Если вы так считаете, мне, наверное, лучше уплыть обратно прямо сейчас. Я не хочу планировать убийства.

– Если вы уплывете прямо сейчас, – сказал он, – это убьет меня. Так что вам, похоже, придется остаться.

– Похоже, – согласилась она и налила обоим еще рому.

Он сказал, что батончик ужасен и нужен еще один, чтобы перебить вкус. Харпер вместо этого дала ему сигарету и налила еще рома. Джон прикурил от большого пальца.

Харпер не очень нравился план побега. Слишком много получалось сомнительных пунктов. Она составила план – начинался он с буквы «А» (очнется ли отец Стори), продолжался до буквы «Е» (отвлекающий маневр – обрушить колокол с колокольни) и заканчивался на «Q» (Дон отводит остальные лодки на север). Потребовалось больше половины алфавита.

Зато Пожарному план нравился. И неудивительно. Ему отводилась ведущая роль. Харпер пыталась вычеркивать буквы, а Джон – наоборот, норовил добавить.

– Эх, не хватит времени прорыть подземный ход, – сказал Пожарный.

– Куда?

– Не важно. Нельзя организовать хороший побег из тюрьмы без подземного хода. Честолюбивый романист, сидящий во мне, мечтает о тайном туннеле, спрятанном за фальшивой стеной, или за постером знаменитого киноактера, да хоть бы за шкафом. Можно назвать все это «Операция Нарния»! И не говорите, что вам не нравится.

– Мне не нравится, что вы становитесь романистом. Придется порезать вам лицо. Так я поступила с последним назойливым писателем, вставшим у меня на пути.

Джон взболтал осадок бананового рома в бумажном стаканчике и допил одним глотком.

– Я и забыл, что ваш муж был честолюбивым романистом.

– Мне иногда кажется, что каждый мужчина хочет быть писателем. Хочет создать мир с идеальной воображаемой женщиной, которой можно помыкать и которую можно по желанию раздевать. Он может выплеснуть агрессию в нескольких сценах изнасилования. А потом на спасение отправит своего вымышленного двойника, белого рыцаря – или пожарного! Кого-то сильного и свободного. А у реальной женщины есть собственные скучные интересы, и она не укладывается в схему. – Харпер помрачнела. Ей вдруг пришло в голову, что она не была для Джейкоба ни другом, ни женой, ни любовницей, а только персонажем, материалом. Писатели – такие же паразиты, решила она, как и споры.

– На все сто соглашусь по поводу схем. Писателя, который работает по схемам, нужно сжечь на костре. Сложенном из его схем и записей. Вот что мне больше всего не нравится в нашем плане. Это

схема. Жизнь по схемам не работает. Если бы я писал эту сцену, я даже не стал бы описывать наш план в подробностях. Я уже знаю, что он не сработает так, как мы хотим. Это будет пустая трата читательского времени. – Он заметил выражение лица Харпер и ткнул ступней в ее ботинок. – Ну, бросьте. У нас есть шоколадные батончики, и сигареты, и выпивка, и дьявольские планы. Не смотрите букой. Что там еще у вас в коробке?

Она достала помятую, вздувшуюся картофелину и положила на кровать.

Пожарный отпрянул.

– А! Что это за страх Господень?

– Это? Это же «Золото Юкона», – ответила Харпер.

– А, ясно, – сказал он. – Шоколада мы уже наелись. Испечем картошку?

Он зажал картофелину между ладонями. Сквозь пальцы потянулся дымок, и нос защекотал запах жареной картошки. Этот запах развеселил Харпер – она не могла сопротивляться радости.

– Обожаю, когда мужчина умеет готовить, – сказала она.

11

Нашлась соль и немного оливкового масла в маленькой стопочке; они разделили картофелину пополам. Ароматное благоухание наполняло хижину. Это было замечательно, и Харпер даже прослезилась, а когда картофелина кончилась, слизала соль и масло с пальцев.

– Знаете, чего мне не хватает? – спросила она.

– Если скажете, что Фейсбука – испортите совершенно очаровательный вечер.

– Мне не хватает кока-колы. Сейчас она была бы кстати. Знаете, пускай мы просрали планету, выкачали нефть, растопили полярные льды, позволили процветать музыке «ска», но мы создали кока-колу, а значит, черт подери, человечество не такой уж и отстой.

– Как вид, мы можем и не дожить до сожалений о том, что растопили полярные льды. Они ведь оттуда – споры. Я почти уверен, процентов на восемьдесят. Поэтому и первые случаи зафиксированы у

Полярного круга. Они прятались подо льдом. Думаю, эпидемии случались и раньше. Все считают, что динозавры вымерли от падения метеорита, но я думаю, что виноваты споры. Они прячутся подо льдом, пока планета не прогреется достаточно, чтобы можно было вернуться в воздух. Потом сжигают все, мир окутывается густым дымом, и планета снова замерзает. Грибок вымирает, только небольшая часть спор снова прячется подо льдом. На нашей планете было шесть случаев глобальных катастроф. Готов спорить, что каждый раз были виноваты споры.

– По-вашему, это Т-лимфоцит планеты. Атакует любую инфекцию, которая грозит уничтожить окружающую среду. Вроде нас.

Джон кивнул.

– Из тех, что я слышала, это третья по привлекательности теория. Мне нравится версия, что русские вывели супергрибок в семидесятых, на том острове, где испытывали биологическое оружие. Кажется, остров Возрождения. Им пришлось убраться оттуда в двухтысячном, когда споры вырвались на свободу. Но остров находился на озере, которое пересохло, и животные бродили туда-сюда, перенося пепел на шерсти. И первые случаи были в России.

– Вы сказали – *третья* по привлекательности теория. Что же может быть лучше таяния Арктики или русского острова чистого зла?

– Еще мне нравится идея, что Бог наказывает нас смертельным фитодерматозом стопы за то, что мы носим тапочки-кроссы. – Харпер плеснула себе еще бананового напитка. Как медсестра, она понимала, что еще один глоточек не вызовет у ребенка мозговых нарушений. – Вот сейчас, когда миру конец, о чем вы жалеете больше всего – чего не сделали, чего не добились?

– Я не добился Джулианны Мур, – ответил он. – И Джиллиан Андерсон. Вместе или по очереди, в принципе все равно.

– Я говорю о том, что *могло реально произойти*.

– Я хотел бы открыть новый вид грибка, чтобы назвать его в честь Сары.

– Ух ты. Вот романтический сукин сын.

– А что скажет Харпер Уиллоуз? О чем вы всегда мечтали?

– Я? О Джулианне Мур, как и вы. У этой знойной маленькой сучки была классная задница.

Пожарный сходил за кухонным полотенцем и, безостановочно извиняясь, что обрызгал Харпер банановым ромом, принялся вытирать ее блузку.

Он встал, чтобы поправить огонь, и принес длинный лук, простоявший в углу всю зиму. Джон растянулся на койке, взяв лук наперевес, как гитару, и дергал единственную дребезжащую струну.

– Как думаете, – сказал он, – Кит Ричардс еще жив?

– Конечно. Его ничто не убьет. Он переживет нас всех.

– Битлы или Роллинги? – спросил он.

Харпер пропела первые строчки «Люби меня».

– То есть голосуете за Битлов?

– Конечно, я выбираю Битлов. Глупый вопрос. Все равно что спросить: шелк или лобковые волосы?

– Ах, какое разочарование.

– Ну, вы-то, конечно, выберете Роллингов. Человек, который изображает пожарного, а сам не пожарный...

– А это вообще тут с какого боку?

– Мужчины, любящие «Роллинг стоунз», зациклены на члене. Извините, но иначе не скажешь. А пожарный шланг символизирует гигантский член. Это печально. Поклонники Роллингов застряли в возрасте восемнадцати месяцев – они будто только что открыли удовольствие теребить упругий жгут собственного фаллоса. А женщины-поклонницы еще хуже. У Мика Джаггера жутко громадный рот, как будто он в маске, и женщин это заводит. Они без ума от губастеньких. Извращенки.

– Ну а битломаны на чем зациклены? На совершенстве киски?

– Именно. Земляничные поля – это не просто место в Ливерпуле, мистер Руквуд. – Харпер протянула руку. – Дайте сюда. Дергая за тросик, вы подаете лишний крутящий момент на кулачок.

– Вы говорите, как автомеханик, когда пьяная. Вам это известно?

– Я не пьяная. Вы сами пьяный. Я раньше была тренером по стрельбе из лука. Давайте.

Он отдал лук. Харпер встала прямо и пробежала пальцами по тетиве.

– Тренером?

– В старших классах. Работала в городском управлении парков.

– И кто же вдохновил вас? Дженнифер Лоуренс? Вы представляли себя Китнисс-Шмитнисс? Дженнифер Лоуренс была сногшибательная. Надеюсь, она не сгорела заживо.

– Нет, это было до «Голодных игр». Я под села на Робин Гуда в девять лет. Начала говорить «сиятельный» и «досточтимый», а когда меня посылали что-то сделать по дому, вставала на одно колено и склоняла голову. На пике одержимости я пришла в костюме Робин Гуда в школу.

– На Хэллоуин?

– Нет. Просто мне было в нем хорошо.

– Господи. И родители разрешили? Не думал, что вы были брошенным ребенком. Это наполняет печальными чувствами мой... мое... – Он пытался вспомнить, где живут печальные чувства. – Мое сердце.

– Родители – солидные, практичные люди, у них есть несколько мелких собачек, похожих на крыс. Мама и папа были ко мне очень добры, и я очень по ним скучаю.

– Соболезную.

– Не думаю, что они мертвы. Но они во Флориде.

– Первая стадия увядания. – Джон с грустью кивнул. – Наверное, одевают собачек в свитера.

– Только если холодно. А вы откуда знаете?

– Они позволяли вам появляться на людях в костюме Робин Гуда, из-за которого сверстники наверняка жестоко над вами насмеялись. Можно догадаться, как они обращаются с питомцами.

– Ну нет. Родители не знали про костюм Робин Гуда. Я принесла его в рюкзаке и переоделась в школьном туалете. Но про насмешки – правда. Это был черный день для Харпер Френсис Уиллоуз.

– Френсис! Как мило. Можно, я буду звать вас Френни?

– Нет. Можете звать меня Харпер. – Она оперлась подбородком на кончик лука. – Папа подарил мне, десятилетней, первый лук на Рождество. Но отобрал уже до Нового года.

– Подстрелили кого-нибудь?

– Он поймал меня, когда я макала стрелы в бензин. Я очень, очень хотела послать куда-нибудь горящую стрелу. Не важно, куда. И до сих пор хочу. Мне кажется, это вершина восторга: увидеть, как горящая стрела со звуком «чпок» вонзается во что-то и поджигает. Наверное, так мужчины представляют себе, как входят по самые яйца в прекрасную задницу. А мне-то нужен всего один сексуальный «чпок».

Джон снова поперхнулся банановым ромом. Пришлось стучать ему по спине, чтобы он откашлялся.

– Вы точно пьяная, – сказал он.

– Нет, – ответила она. – Я разумно ограничилась всего двумя чашечками банановой собачьей блевотины. Я беременна.

Джон ахнул и снова закашлялся.

– Давайте, – сказала она. – Пошлем куда-нибудь горящую стрелу. Соглашайтесь. Свежий воздух вам на пользу. Вам нужно чаще выбираться из этой норы.

Его глаза еще слезились.

– А во что будем стрелять?

– В луну.

– А, – сказал он. – Отличная жирная мишень. Я тоже буду стрелять?

– Разумеется, – сказала Харпер и отставила стул. – Поищу стрелы. Вам только нужно добыть огонь.

После бананового перегара в хижине Пожарного от резкого холода сперло дыхание и щеки заныли.

Харпер повела Джона вокруг сарая, поверху через высокую траву и вниз с дюны – на берег острова, выходящий к океану, который не было видно со стороны лагеря. Пожарный тяжело шагал по песку, и Харпер протянула руку, чтобы помочь ему.

Они остановились у большого парусника, отдыхающего на стапельной тележке. Отсюда можно было прочитать название шлюпа, написанное ярким золотым курсивом: «Бобби Шоу». Шлюп играл важную роль в их плане – в пунктах «F», «H» и с «M» по «Q».

Джон, завернувшийся в свою резиновую пожарную куртку, как в мантию, оглядывался по сторонам. Наконец он нашел, что искал – луну, ледяного оттенка пуговицу на черной мантии неба.

– Вот она. Убейте ее, и пойдём обратно, в тепло.

Харпер держала лук в одной руке и несколько стрел – в другой. Потом уронила на голубую глину все стрелы, кроме одной, которую протянула Джону, наконечником вперед.

– Огоньку не найдется?

Он сжал кулак вокруг угольно-черной стрелы и провел рукой по наконечнику. Вспыхнуло голубое пламя, словно стрела была пропитана бензином, а Пожарный только поднес спичку.

Харпер приложила стрелу к тетиве и посмотрела вдоль древка. Пламя трепетало красным вымпелом. Харпер прицелилась в луну и спустила тетиву.

Яркая красная комета промчалась во мгле. Стрела поднялась на двести футов, уйдя далеко вправо, и упала в дожде искр.

Харпер подняла лук над головой, чувствуя себя восхитительно дикой.

– Разве не прелесть! – воскликнула она.

Взяв Джона за руку, она оглядела его ладонь.

– И не больно?

– Нисколечки. И это нетрудно понять. Совсем. Драконья чешуя спалит носителя дотла, если понадобится, но не станет уничтожать себя. Я научил ее не воспринимать меня, как носителя. Я взломал код и перепрограммировал ее, чтобы она перестала различать меня и себя.

– Терпеть не могу, когда вы пускаетесь в объяснения. После них мне кажется, что я знаю еще меньше, чем до того, как вы начали рассказывать.

– Посмотрите на это иначе, Уиллоуз. Вы знаете, что чешуя у вас в мозгу. И знаете, что она умеет понимать, хотя и не знает слов. Предложите ей стресс, страх – она сочтет это угрозой и полыхнет огнем, чтобы начать репродуктивный цикл и сбежать. Дайте гармонию и радость, ощущение единства – и она почувствует себя в безопасности. Чешуя не просто чувствует ваше удовольствие, а *усиливает* его. Дает вам положительную обратную связь, предлагает самый дешевый в мире кайф. Но в обоих случаях она не действует, а реагирует. Ник научил меня...

– Что? – воскликнула Харпер. – Ник? Чему научил вас Ник?

Джон растерянно заморгал и сбился.

– Это, ну, Ник... он никогда, он не станет... ну то есть теперь точно, после того, как... – Он тряхнул головой и помахал рукой. – С чего вы вообще Ника приплели? Сбили меня только.

«Это не я приплела Ника, – хотела сказать Харпер. – Это вы сами». Она даже рот открыла. Но потом захлопнула и стала ждать продолжения.

– Когда вы собираетесь в церкви, вы поете для спор. Им это нравится. Так вы их успокаиваете. Но вы все портите словами, а спорам на слова наплевать. Один писатель сказал, что язык – не средство коммуникации, и драконья чешуя полностью с ним согласна. Слова у вас в голове непрерывно напоминают, что вы – носитель. Нужно объяснять драконьей чешуе, чего вы от нее хотите, без слов. Представьте, какво быть глухим, думать глухими мыслями, знаками в качестве первого и главного языка.

– Как Ник, – пробормотала Харпер.

– Да, если хотите, – согласился он и снова махнул рукой, будто отгоняя назойливую мошку. – Ник ощущает стук барабана костями, и если разучить с ним слова песни, он будет петь про себя, на бессловесном языке глухого. Если вы сможете петь драконьей чешуе без слов, тогда – тогда вы заговорите на ее языке. И она будет воспринимать вас не отдельно, а как часть себя. Вот и все, что я сделал. И больше ничего. Я спел ей одну из своих любимых песен, но без слов. Я пою о пылающем плаще и огненном мече, и драконья чешуя дает мне их.

– И этому научил вас Ник? Он тоже так умеет? Извергать огонь, как вы?

Он бросил на нее мутный, озадаченный, несчастный взгляд. Потом ответил еле слышно:

– Вообще-то гораздо лучше меня.

Харпер кивнула.

– Но больше не делает этого?

Пожарный покачал головой. Харпер не настаивала, решив вернуться к этому позже.

– А какую песню вы поете?

– О, вы ее не знаете. – Он снова махнул рукой и отвернулся. Впрочем, он, похоже, был рад, что прекратился разговор о Нике. – Хотя, когда мы встретились впервые... первое, что вы сказали, была строчка из этой песни. На мгновение я подумал, что встретил человека, который любит «Дайр стрейтс» так же, как я.

Харпер отступила от него на шаг. Качнулась в морозном воздухе. Зажмурилась, глубоко вздохнула и запела тихим голосом, музыкальной тишиной.

*“A lovestruck Romeo
sings the streets a serenade
laying everybody low
with a love song that he made
finds a streetlight
steps out of the shade
says summin’ like:
‘You and me, babe —
how ’bout it?’”^[4]*

Она подняла веки. Джон, разинув рот, смотрел на нее блестящими слезящимися глазами, словно готов был заплакать.

– Вы сверкаете, – сказал он. – Вы поете мою самую любимую в мире песню и сверкаете, как бриллиант в обручальном кольце.

Опустив глаза, Харпер поняла, что он прав. Горло опоясывало коралловое свечение. Оно пробивалось даже через свитер.

Тогда Джон потянулся и поцеловал ее – теплый ласковый поцелуй пах ромом, и кофе, и маслом, и орехами пекан, и сигаретами, и англичанином. Он подался назад, с сомнением глядя на Харпер.

– Виноват, – сказал он.

– Нисколько.

– У вас вкус шоколадного батончика.

– Видимо, с ложкой сахара лекарство само проскочит.

– Значит, это лекарство?

– Часть курса реабилитации. Примите две дозы и вызовите меня утром.

– Две?

Она поцеловала его, потом отстранилась и захохотала, глядя на его лицо.

– Давайте, Джон. Ваш выстрел. У вас должно хорошо получиться. Вы англичанин. В ваших жилах кровь Робин Гуда.

Она протянула ему лук. Показала, как держать, отодвинула его ступню, чтобы он шире расставил ноги.

– Тянете тетиву к углу рта, вот сюда, – показала Харпер. – Попробуйте без стрелы.

Он упражнялся, покачиваясь на кусачем морозе, – ноздри покраснелись, а все лицо превратилось в бледную восковую маску.

– Ну как? Я совсем как Эррол Флинн?

– Вы совсем как лихой засранец, – ответила Харпер.

Она подобрала стрелу с камней, зажала наконечник в кулаке, закрыла глаза и сосредоточенно нахмурилась.

– Вы что там делаете?

Веки оставались сомкнутыми, но она чувствовала на себе его взгляд – и это было приятно. Она поняла, что все получится. Так бывает, когда, еще не выпустив стрелу, уже знаешь, что попадешь в яблочко.

Харпер все видела внутренним взором: как она будет покачивать руками и петь «Ты и я, крошка, что скажешь», не произнося ни единого слова. Она видела – и теперь понимала, насколько это просто. Не нужно ничего делать, чтобы установить контакт с драконьей чешуей. Это как быть беременной. Харпер ощущала песню в своих связках, нервах, песня текла, как кровь, без звуков, без слов, даже без намек на слова. Ты и я, крошка, что скажешь?

Она загорелась. Открыв глаза, Харпер увидела, что сложенная лодочкой ладонь полыхает холодным пламенем – голубым мистическим пламенем – вокруг стрелы; Харпер вскрикнула, пораженная, и уронила стрелу.

Пожарный вцепился в руку Харпер и сунул ее ладонь под полу своей куртки, чтобы потушить огонь. На щеках Джона проступили красные пятна. Глаза за очками расширились.

– Что вы делаете?

– Ничего, – сказала она.

– Ради бога, что вы задумали? Хотите смерти?

– Я... я только хотела посмотреть...

Но он отвернулся, взмахнув курткой, как крыльями, и начал карабкаться на дюну.

Харпер догнала его на гребне – это была самая высокая точка острова. Под ними виднелась хижина, встроенная прямо в склон. Крышу укрывали мох и водоросли. Харпер попыталась взять Джона за плечо, но он повернулся, скинув ее руку.

Он смотрел удивленным изучающим взглядом; глаза блестели за квадратными линзами очков.

– Так все ради этого? Напоить меня, уболтать и посмотреть – вдруг вам удастся обманом заставить меня научить вас, как сгореть заживо?

– Нет, Джон. Нет. Я поцеловала вас только потому, что хотела поцеловать.

– Знаете, что случилось с последним человеком, который хотел достать горящего кролика из цилиндра?

– Я знаю, что случилось.

– Да не знаете вы ничего. Понятия не имеете. Она превратилась в золу. – Джон постепенно отступал от Харпер.

– Я знаю, что она умерла. И знаю, что это было ужасно.

– Заткнитесь. Вы знаете одно: у меня есть то, что вам нужно, и вы готовы сделать все, чтобы это заполучить: подпоить меня, носиться со мной, трахнуть, если понадобится.

– Нет, – сказала Харпер. Она словно попала в заросли крапивы – выбраться невозможно, а каждый новый шаг заводит глубже в жгучий клубок. – Джон. Пожалуйста.

– Вы не знаете, что с ней произошло. И не знаете, что *происходит* до сих пор. Вы не знаете о нас ничего. – Он закинул лук за край крыши – только тут Харпер заметила, что он уже стоит на хижине. Джон сделал еще шаг.

– Убирайтесь. И никогда не повторяйте то, что сделали сейчас. – Джон вскинул ладони. Золотое свечение пробивалось из его драконьей чешуи. Ладони превратились в блюдца, окаймленные пламенем. – Если не хотите гореть вот так вечно.

– Джон, остановитесь, не двигайтесь. Просто стойте, где стоите, и...

Он не слушал. Отступил еще на шаг и раскинул руки. Огненные крылья протянулись по куртке от ладоней к бокам. Из ноздрей

вырывался черный дым.

– Если не собираетесь остаток жизни провести в аду, – сказал он. – Как мо... м-м-ма...

Его глаза удивленно расширились. Он начал размахивать руками, пытаясь обрести равновесие, и чертил в воздухе огненные круги. Правая нога поехала и соскользнула с крыши. Джон упал на одно колено, потянулся и ухватился за пучок травы. На какое-то мгновение он застыл, согнувшись. Длинные стебли травы полыхнули медными нитями и сгорели в горячей ладони.

– Джон! – воскликнула Харпер.

Проскользив по жестяному покрытию, он упал с края крыши в ночь. Харпер слышала, как он рухнул на дюну – стук, удар, выдох.

Тишина.

– Ничего не сломал! – крикнул Пожарный. – Не беспокойтесь! Я в порядке!

И снова замолчал.

– Вот только, пожалуй, запястье, – произнес он неожиданно печальным голосом.

Харпер закрыла глаза и облегченно выдохнула.

– Ай, – сказал Пожарный.

Вправив полулунную кость – с сочным «чпок» и пронзительным криком, – Харпер снова забинтовала запястье и заставила Пожарного выпить два ковша ледяной воды с четырьмя таблетками адвила. Потом велела лечь и сама прижалась к нему на узенькой койке, обхватив за пояс.

– Кретин, – сказала она ему. – Ваше счастье, что не сломали заново ребра.

Он накрыл покалеченной ладонью ее руку.

– Простите, – сказал он. – За то, что я наговорил.

– Хотите рассказать? О том, что случилось с ней?

– Нет, – сказал он. – Да. А вы действительно хотите услышать?

Харпер подумала, что и так знает большую часть, но обхватила большой палец Джона, чтобы показать, что готова слушать. Он

вздохнул – устало и измученно.

– Время от времени мы с Сарой приплывали сюда... в коттедж на этом островке, чтобы побыть наедине. Алли с нами не ездила – она уже почти совсем перешла на ночной образ жизни и спала весь день, чтобы набраться сил перед ночными похождениями. Ник увязывался за нами, но обычно дремал после пикника в дюнах. В доме были кровати, но он любил спать в лодке. Ему нравились приливные волны и то, как лодку постукивает о сваи. Тогда рядом с коттеджем была маленькая пристань. И всем было хорошо. Мы с Сарой могли выпить вина, подышать свежим воздухом и заняться тем, чем обычно занимаются взрослые в коттедже.

Однажды, после обеда из холодного цыпленка и салата с изюмом, мы лениво возились под простыней. Сара уже задремывала и попросила меня проведать Ника. Я вышел босиком и в джинсах и увидел огонь над лодкой. Я бы наверняка заорал, но от ужаса не мог набрать воздуха в грудь. Я брел, покачиваясь, к пристани, пытаюсь позвать Ника по имени – как будто он мог услышать. Но получался только тихий хрип. Я был уверен, что найду его в огне.

Но он не был *в огне*, он *выдыхал* огонь. Когда лодка стучалась о сваи, он выкашливал красный огненный гриб и тихонько, сонно хихикал. По-моему, он был в полудреме и сам не совсем понимал, что делает. Он не знал, что я смотрю. В конце концов, услышать меня он не мог и в мою сторону не смотрел, поглощенный играми с огнем. Я уже стоял на коленях – ноги не держали. Я наблюдал за Ником минуты две-три. Он выдувал огненные кольца, а потом шевелил пальцами и пускал стрелу пламени сквозь эти обручи.

Наконец я нашел силы подняться на ноги, хотя колени по-прежнему тряслись. Шатаясь, я пошел обратно в коттедж. Язык прилип к нёбу, и пришлось выпить воды, прежде чем я смог заговорить. Я нежно разбудил Сару и сказал, что должен показать ей кое-что и бояться нечего. Сказал, что это связано с Ником, и он в порядке, но ей нужно увидеть, что он делает. И повел ее наружу.

Когда она увидела вырывающийся из лодки огонь, то сама обмякла, и я придерживал ее за руки. Но она не кричала, не плакала. Она позволила мне подвести ее к нему, поверив, что нет причин для паники.

Мы стояли над Ником и смотрели, как он играет с огнем, минут пять – больше Сара не выдержала, она опустилась на колени и потянулась в лодку, чтобы коснуться Ника. Она погладила его по волосам, Ник очнулся от своего транса, немного покашлял дымом и посмотрел слезящимися глазами. Он запрыгнул на борт лодки, смущенный, как будто его застучали над журналом с девочками.

Сара забралась в лодку, дрожа всем телом, и обняла Ника. Потом спустился я. Мы долго сидели, молча разговаривая. Ник сказал маме: нет, не больно, совсем ничего не болит. Он рассказал, что занимается этим уже несколько дней, и ни разу не было больно. Рассказал, что всегда делает это в лодке, потому что качка океанских волн помогает ему настроиться. Рассказал про свои маленькие трюки. Он может выдыхать дым или языки пламени, может поджигать ладошку, как факел. Рассказал, что делал маленьких огненных воробьев и запускал их летать, а иногда ему казалось, что он летит вместе с ними и что он сам воробей. Я попросил показать, но он сказал, что не сможет – прямо сейчас. Сказал, что когда поджигает себя, ему требуется время, чтобы восстановиться. И после запуска воробьев – так он называл это на языке жестов – иногда бывает трудно согреться и трясет, как при гриппе.

Я хотел узнать, как он это делает. Он старался объяснить, но он всего лишь маленький мальчик, и узнать нам удалось немного – в тот день. Он сказал, что можно убаюкать драконью чешую, если качать ее и петь ей, как малышу. Только, конечно, Ник глухой и понятия не имеет, как звучит песня. Он говорил, что музыка кажется ему приливом или дыханием: что-то накатывает и откатывает в успокаивающем ритме. Он сказал, что он может представлять в голове такой ритм, и драконьей чешуе будет сниться все, что он пожелает. И она сотворит кольца пламени, или огненных воробьев, или что захочешь. Я сказал, что не понимаю, и попросил показать. Он взглянул на маму – Сара кивнула и сказала, что все хорошо, и Ник может попытаться научить меня... но если кто-то из нас обожжется, мы сию секунду обязаны прекратить.

Наутро мое обучение началось. Через три дня я мог зажечь свечу. Через неделю посылал струи огня, как ходячий огнемет. Я начал выпендриваться. Не мог удержаться. Когда мы с Алли отправлялись на спасательную операцию, я устраивал дымовую завесу, чтобы сбежать

поэффектнее. А однажды, когда за нами гналась кремационная бригада, я обернулся им навстречу и загорелся, превратившись в громадного пылающего демона с крыльями. Они бежали с воплями!

Мне так нравилось, что у меня есть своя легенда. Что на меня глазают и шепчут вслед. Ни один наркотик не вызывает такое сильное привыкание, как известность. Я бахвалился перед Сарой, что драконья чешуя – лучшее, что случилось со мной в жизни. И если кто-то найдет лекарство, я откажусь его принимать. Что чешуя – не мор. Это эволюция.

Мы часто обсуждали мои идеи по поводу драконьей чешуи: как она передается, как устанавливает связи с мозгом, как вырабатывает ферменты, защищающие Ника и меня от ожогов. Я сказал – обсуждали, но на самом деле я читал Саре лекции, а она слушала. Как я радовался, что у меня есть аудитория для моих открытий и теорий! Вот что должно быть написано в ее свидетельстве о смерти. Сара Стори: уболтана насмерть Джоном Руквудом. Вот что случилось с ней.

Помню день, когда я впервые превратился в дьявола и распугал кучу вооруженных людей. Я отвез Сару на остров – на пикник и праздничный секс. Она была тиха и замкнута, но я слишком гордился собой, чтобы замечать. Мы занимались любовью, а потом я лежал в кровати, чувствуя себя рок-звездой. Наконец-то я рок-звезда. Она встала и вынула из кармана своих джинсов пузырек с чем-то белым. Я спросил, что там у нее. Она ответила – зараженный пепел. И тут же, на моих глазах, высыпала все на кухонную полку и втянула носом. Она намеренно отравила себя. И я даже пикнуть не успел. Она, разумеется, прекрасно знала, как заразить себя, потому что я рассказал, как распространяются споры.

Через три дня первые отметины появились у нее на спине – как будто дьявол стегал ее пылающим кнутом. Я оказался прав насчет способа передачи, но впервые в жизни мне не хотелось сказать: «Я же говорил». А меньше чем через четыре недели она умерла.

Он поморщился, положив на правое запястье левую ладонь.
– Больно? – спросила Харпер.

– Оказывается, не так тяжело все это рассказывать. Приятно вспоминать ее, пусть все и кончилось плохо. Иногда мне кажется, что последние девять месяцев я жгу все просто ради удовольствия. Типа: раз Сара сгорела, так пусть и весь мир горит. Поджоги не хуже прозака. – Он вдруг замолчал и задумался. – Черт. Вы же спросили не про душевную боль, да?

– Ага, я спрашивала про запястье.

– А. Ну да. Вообще-то болит. Это нормально?

– После того, как вы второй раз выбили кость? Нормально. – Джон переплел пальцы здоровой руки с пальцами Харпер. Потом посмотрел через комнату на открытую заслонку печки, где плясали желтые языки пламени.

– Мне так хорошо, что даже неловко, – сказал он.

– Мы просто обнимаемся. Даже не разделись.

– Не надо было вас целовать.

– Мы были пьяные. Просто дурачились.

– Харпер, я все еще люблю ее.

– Все нормально, Джон. Это же ничего не значит.

– Значит. Для меня.

– Ладно, и для меня тоже. Но мы не собираемся делать ничего, о чем вы будете жалеть. Вас не обнимали со дня ее смерти, а людям это необходимо. Людям нужна близость.

Печка свистнула и щелкнула.

– Но она не мертва. Она не жива, но и не мертва. Она... застряла.

– Я знаю.

Пожарный повернул голову и посмотрел на нее с тревогой и удивлением.

– Я знаю об этом уже какое-то время, – сказала Харпер. – И видела ее однажды. В огне. Я знала, что там, в печке, есть что-то, в чем вы поддерживаете жизнь. Но это не может быть человек. Оно не может осознавать. У пламени не бывает сознания.

– У спор бывает. Поэтому и феникс кажется живым. Он и есть живой. Он – часть меня. Как рука. Тело Сары сгорело, но девушка в огне остается. Пока я поддерживаю огонь, какая-то несгораемая часть ее жива.

– Вам надо поспать.

– Вряд ли я смогу. Пока запысье так ноет. И еще. Может быть, я не просто хотел рассказать. Может быть, я хотел, чтобы вы услышали. Прежде чем пойдете по той же дорожке и убьете себя, как она.

– Она сразу влилась в Свет. Быстрее всех, кого я знаю. Через четыре дня после того, как появились явные отметины, она светилась с нами в церкви, излучала свет и радость. Знаете, какой прекрасной может быть чешуя? Рядом с другими Сара была как молния рядом со светлячком. Это восхищало и немного пугало. Она была сильнее всех нас. Играла на органе, а потом никто не мог вспомнить собственного имени – только ее имя. Часами после единения в Свете люди бродили и разговаривали, как она, двигались, как она.

– Сейчас Кэрол так же действует на людей. – Харпер немного подумала и добавила: – И Алли, кажется. Хотя в меньшей степени.

– Сара хотела, чтобы я показал ей, как поджигать себя, как метать пламя. Она хотела научиться посылать свое сознание в путешествие вместе с огнем. Тогда я уже создавал феникса для спасательных операций, а Ник запускал горящих воробьев, чтобы искать инфицированных. Но я не стал ее учить. Я сердился. Сердился и боялся. Одно дело – заразиться случайно, а другое – заразить себя намеренно. Впрочем, она не отставала. Припомнила мне все хвастовство, зазнайские лекции, всю мою самонадеянность. Если ее девятилетний сын и любовник могут спокойно метать огонь, значит, это безопасно и для нее. Я же сам заявлял, что не променяю чешую ни на что, что я *рад* быть носителем. Разве все мы не повторяем каждый день в церкви, что мы счастливы? Как мог я желать этого для себя и отказывать ей? Она видела, что я сражаюсь за больных, и хотела сражаться бок о бок со мной. Как я могу упорствовать?

Чем больше она говорила, тем больше я тупел. Я ненавидел ее, себя и весь мир. Я заболел от злобы. Я ведь очень многого не знал. Только два человека умеют метать огонь, не обжигаясь, – Ник и я. Я отказался учить Алли, хотя она часто подкатывала ко мне. У меня были серьезные причины для отказа. Да вот, хотя бы: а что, если полностью подчинить себе драконью чешую могут только люди с

игрек-хромосомой? Звучит, конечно, как мужской шовинизм, но природу никогда не интересовало равенство полов. А если нужна определенная группа крови, чтобы все получилось? Или особенность ДНК, как у тех, кто невосприимчив к ВИЧ – мутация лишила их рецептора, необходимого для заражения.

И я не стал учить Сару. В последние недели мы даже не разговаривали. Мы ругались, орали друг на друга, но я бы не назвал это разговорами. Я думал, что если не стану ее учить, ей будет по крайней мере не хуже, чем остальным в лагере. Она хотя бы будет в безопасности, входя в Свет. Я думал, что сумею защитить ее, если оттолкну. Возведу между нами стену.

Если бы Харпер слушала очень внимательно, то расслышала бы тихий свист уголька в печи.

– И она обратилась к Нику, – сказала Харпер.

– Да, – вяло ответил Пожарный. – Ник потом рассказал, что она очень быстро научилась зажигать свечи кончиком пальца – я и сам с этого начинал. Ник решил, что раз она этому научилась, то можно идти дальше. Но еще он сказал, что когда она зажгла свечу в первый раз, то вскрикнула, будто обожглась, хотя ему заявила, что это только от удивления. Потом Ник заметил, что она всегда держит под рукой стакан с холодной водой и каждый раз, запалив свечу, прижимает к стакану руку, как будто палец болит. Иногда она даже окунала пальцы в воду. И меня они не ставили в известность. Тренировались по ночам, пока мы с Алли спасали больных, а я еще оттачивал свою легенду.

Сара хотела знать, как вложить свое сознание в огненных марионеток, как делал я с фениксом, а Ник – со стаей огненных воробьев. Ник считал, что это все равно что перейти сразу к дробям, пропустив основы арифметики. Он хотел, чтобы она сначала научилась превращать руку в факел или метать шаровые молнии. Но она поддразнивала, и шутила, и подначивала его. У Ника не было шансов. Он объяснил общие принципы, основные идеи. Он не мог представить, что она... думал, она просто из любопытства... и...

Он снова замолчал, уставившись на печку, и отблески оранжевых языков пламени будто ласкали его лицо.

– Я возвращался с Алли из очередной экспедиции. Мы привезли в лагерь нескольких беженцев... кажется, среди них был несчастный

Нельсон Гейнрих. Я уже направлялся к острову, когда заметил дым над коттеджем. В лагере далеко не сразу сообразили, что происходит.

Я подгреб к причалу на южной оконечности острова – того причала больше нет. Когда я вылез на настил, рухнула крыша коттеджа. Я бросился в заднюю дверь, и через мгновение труба упала на причал, обрушив его почти целиком в воду. На первом этаже были сплошные открытые балки. Одна придавила Ника. Он был без сознания, но я видел, что он дышит. Воздух плыл от жара. Все было в дыму и искрах. Я видел Ника – и Сару. То, что от нее осталось. Кости, пепел и... и... – Он сглотнул и затряс головой, отгоняя воспоминания. – Если бы не Ник, я бы грохнулся без чувств. Я был в истерике. В шоке. Но Ник был там, и я должен был его достать. Я попытался поднять балку, но не смог. Она весила сотни четыре фунтов. Я тужился, не в силах сдвинуть ее, орал на бога, орал на Сару, просто орал.

И тут она появилась. У другого конца балки, рядом с сыном. – Теперь Пожарный говорил еле слышно, глядя на печку не то с благоговением, не то с ужасом. – Я задрожал, увидев ее. Посреди бушующего пожара я дрожал, как под ледяным дождем. Она была великолепна. Великолепней всех на свете. Она была живым пламенем, голубым, как от газовой горелки; волосы развевались прядями красного и золотого огня. Она сотворила топор прямо из воздуха – ну, то есть огненный топор – и ударила по балке. Разрубила одним махом. Топор был так жарок, что расколол бы хоть железный рельс. Я отбросил кусок балки, взял Ника на руки и побежал прочь. Я оглянулся только раз, в дверях. Она все еще стояла там и смотрела, как мы уходим. Она *узнала* меня. Я понял это по выражению ее лица. Оно было прекрасным и... печальным. Смущенным. Я знал, что она все понимает. Еще мгновение она была женщиной. Потом стала частью огня.

Дом рухнул. Огонь стал тише. Я остался на острове. Сидел в дюнах и смотрел. Люди подходили – приносили поесть, пытались утешить. Я их не замечал. Алли сидела со мной часами. Солнце поднялось и начало припекать, а я не двигался с места. Дом еще горел, когда солнце зашло, хотя остались одни только дымящиеся угли. Я немного вздремнул. Когда проснулся, она стояла на руинах дома – призрак из бледно-золотого пламени. Она исчезла сразу, как только я

взглянул на нее, но я уже все понял. То, что осталось от ее сознания, рассыпалось углями, миллиардом микроскопических частичек драконьей чешуи – и это нельзя уничтожить. Она стала пеплом и пламенем. С тех пор я остаюсь на острове и не позволяю погаснуть тому первому огню. Он так и горит, в печке. Она все еще там. Она все еще со мной. Я думаю, что ее сознание удерживается энергией огня и пропадет, только если он погаснет.

Вот, пожалуй, и все. Мало кто в лагере знает, на что способен Ник. Он больше не мечет огонь. Вполне понятно, почему. Он считает себя ответственным за смерть матери. Представляете, каково это: в девять лет носить подобное в сердце? Он не знает, что она по-прежнему с нами, а я не смею показать ему. Страшно представить, как это подействует на него. А если он подумает, что она страдает – и все из-за него? – Пожарный поежился, перевел взгляд с печки на дверь и оцепенел. – Господи. Вы тут уже несколько часов. Нужно вернуться в лазарет до рассвета. Вы слишком задержались.

– Еще минутку, – сказала она. – Майкл обещал, что сможет меня прикрыть в случае надобности.

Джон повернулся на бок, чтобы посмотреть ей в лицо.

– Берегите себя, Харпер. Есть мальчик, который вас очень любит. Только ради вас он еще живет. – Харпер не сразу поняла, что он говорит о Нике, а не о себе. – И до сих пор живет под гнетом вины. Она давит на него, как та балка.

– Уж кто бы говорил, – сказала она.

Он не сразу решился посмотреть ей в глаза.

– Вот почему я не хочу, чтобы вы повторяли то, что сделали со стрелой. Я уже потерял одну женщину, которая была мне безразлична. Вы не сожжете себя, как она, сестра Уиллоуз. Я не могу потерять вас.

Она не спеша убрала руку, потом поцеловала его в небритую щеку и слезла с кровати. Поправила и подоткнула простыню. Постояла над Джоном, глядя на его худое, усталое лицо. Потом сказала:

– А ведь то, что случилось с Сарой Стори, не ваша вина. И не вина Ника. Никто из вас не должен отвечать за ее смерть. Гарольд Кросс мог бы объяснить, почему. Я люблю вас, Джон Руквуд. – Раньше она такого не говорила, но сказала сейчас, твердо и спокойно, и, не дав ему времени на ответ, продолжила: – Однако вы не врач и не

понимаете природы этой инфекции. Сара Стори умерла не потому, что Ник плохо ее научил. И не потому, что ей не хватало игрек-хромосомы или какой-то необходимой мутации. И не по какой-то еще причине, какую вы там себе придумали. Среди дебильных стишков и отвратного женоненавистничества в блокноте Гарольда есть и серьезные исследования. Споры добираются до человеческого мозга очень медленно. Им требуется около шести недель, чтобы достичь зоны Брока – области, которая отвечает за общение. Даже у глухих. Вы говорили, она была заражена – сколько? Две недели? Три? Она поторопилась. Вот и все.

Он ошеломленно уставился на нее.

– Вы не можете знать наверняка. Это только предположения.

– Но я *знаю*, Джон. У вас есть причины для горя, но, боюсь, вините вы себя зря. И зря беспокоитесь за меня. Я покрылась драконьей чешуей почти девять месяцев назад. Она в каждой клеточке моего тела. Все, что умеете вы, могу научиться и я. Надо было вам поговорить с Гарольдом.

Пожарный протяжно выдохнул – и сразу словно сдулся, стал меньше.

– Я... я мало общался с Гарольдом в последние недели перед его смертью. Он гадко вел себя с Алли, а я скорбел здесь, на острове. Мы с ним почти не виделись. Собственно, я избегал его.

– Да неужели? Ведь это вы помогли ему выбраться из лазарета. Он сам написал в дневнике.

Пожарный посмотрел на нее с искренним изумлением.

– Или вы ошибаетесь, или он вел воображаемый дневник. А тогда и его медицинским соображениям доверять не стоит. Я не помогал ему сбежать из лазарета. Ни разу. Вы не представляете, какой это был гнусный мелкий тролль.

Харпер тупо смотрела на Джона, чувствуя себя сбитой с толку. Она столько раз читала дневник, что была полностью уверена: Гарольд написал, что Джон Руквуд был его единственным союзником в последние дни.

– Хватит об этом, – сказал Джон и кивнул на дверь. – Вам пора. Не попадайтесь никому на глаза и торопитесь в лазарет. Обсудим все позже. Будет и другая ночь.

Но другой ночи не было.

Харпер возвращалась в темноте; воздух был неожиданно теплым и насыщенным ароматами сосен и чернозема. Когда она добралась до лазарета, над восточным краем Атлантики появилась бледно-молочная полоска. Майкл с закрытыми глазами распростерся на диване в приемной; «Рейнджер Рик» лежал на его груди. Он встрепенулся, когда Харпер хлопнула дверью, потянулся и потерял мягкое мальчишеское лицо.

– Были проблемы? – спросила Харпер.

– Громадные, – ответил Майкл и поднял «Рейнджера Рика». – Застрял в головоломке на середине – и это печально, ведь игра-то для детей.

Майкл широко улыбнулся сонной невинной улыбкой и продолжил:

– Слышал, заключенные вернулись благополучно, и все шито-крыто. Чак Каргилл здорово обиделся, проведя час взаперти. И сказал им, что снимет с них скальпы, если кто-то хоть словечко сболтнет Бену Патчетту и Чаку попадет.

– Однажды, Майкл, я устрою переливание – перекачаю себе немного твоей крови. Доза твоей смелости мне не повредит.

– Я просто рад, что вы провели пару часов со своим кавалером. Если кто в этом лагере и заслужил порцию интенсивной нежной заботы, так это вы.

Харпер хотела сказать, что Пожарный вовсе не ее кавалер, но обнаружила, что в горле застрял ком, а лицо горит – и это никак не связано с драконьей чешуей. Другой мальчишка посмеялся бы над ее смущением, но Майкл только деликатно уткнулся в журнал.

– Мои две сестры решили бы это давным-давно, а им и десяти не было. Завтра доделаю. Я договорился с Беном, что буду дежурить в лазарете всю неделю. Подумал, вдруг вам понадобится еще время, чтобы порешать дела с мистером Руквудом, или передать кому-то записку, или еще что.

– Так бы и поцеловала тебя, Майкл.

Он покраснел до ушей, и Харпер рассмеялась.

Она рассчитывала найти Ника спящим – и он действительно спал... только не на своей койке и не на ее. Он растянулся под боком у

дедушки. Рука Ника покоилась на груди Тома Стори, ладошка – на сердце. Грудь Тома вздымалась, замирала на страшный миг и опадала – медленно и устало, как ржавая качалка нефтяной вышки, готовая остановиться от старости.

Полоска рассвета легла на щеку Ника, явив розовое, здоровое тепло безупречного личика. Некоторые взъерошенные темные прядки окрасились медью. Харпер не в силах была удержаться. Пойдя к койке, чтобы проверить капельницу отца Стори, она потянулась и легонько потрепала восхитительно шелковые волосы Ника.

Мальчик медленно открыл глаза и зевнул во весь рот.

«Извини, – показала руками Харпер. – Спи дальше».

Ник не обратил внимания и показал: «Он снова просыпался».

«Надолго?»

«На несколько минут. Он назвал мое имя. Губами, не пальцами, но я понял».

«Он говорил еще что-нибудь?»

Ник помрачнел.

«Спросил, где моя мама. Он не помнит, что она умерла. Я не стал ему говорить. Сказал – не знаю, где она». Ник отвернулся и стал смотреть в окно – на кровавое солнечное утро.

Драконья чешуя перестраивает физиологию человека так, что он может дышать даже в густом дыму. Но она не может ничего поделать с твоим горем, не может облегчить дыхание, когда четырехсотфунтовая вина сдавливает твою грудь. Харпер хотела сказать Нику, что он никого не убивал. Что винить себя за то, что случилось с матерью, не умнее, чем винить гравитацию, когда человек, шагнув из окна, падает с десятого этажа. Нет смысла винить и маму – выходя из окна, она всем сердцем верила, что умеет летать. Смерть от чумы в конце концов – не наказание за грехи. Люди становились дровами, зараженные праведники и нечестивцы горели все вместе, огонь не делал различий.

«Он еще многое вспомнит», – показала она Нику.

«А что-то не вспомнит?»

«Что-то не вспомнит».

«Например, кто пытался его убить?»

«Дай ему время, – показала она. – Постепенно он вспомнит больше».

Ник нахмурился, потом показал: «Он сказал, что хочет поговорить с вами. Только сначала ему нужно еще поспать».

Харпер улыбнулась:

«А он сказал – сколько?»

«До вечера».

«Он так и сказал?» – уточнила Харпер.

Ник торжественно кивнул.

«Хорошо, – показала Харпер. – Но не расстраивайся, если он не проснется вечером. Это долгий процесс».

«Он будет готов, – показал Ник. – А вы?»

18

Неожиданно получилось так, что отец Стори – совершенно выздоровевший и облаченный в безукоризненно чистый стихарь – отправил Харпер к старому школьному автобусу у ворот лагеря Уиндем, следить за дорогой. Он даже употребил слово «внемлите», словно цитировал стих из Библии. Он отдавал это распоряжение, сидя, как на троне, на простом белом камне в центре мемориального круга, пока паства выходила из громадных красных дверей церкви за его спиной. Обитатели лагеря Уиндем весело смеялись и оживленно переговаривались, а дети тонкими голосами пели песню «Токинг хедс» – «Спалим дом дотла». Харпер с удивлением заметила в руках некоторых взрослых красные канистры с бензином.

– Что происходит?

– Предсказано, что будет у нас пикник, – сообщил отец Стори. – Ведь придут к нам сегодня друзья и принесут счастливую весть. Внемлите: вставайте и идите по дороге и смотрите. Мы приготовим большой костер и будем печь *сморы* во имя Света. – Он подмигнул Харпер. – Не задерживайтесь, и я оставлю для вас печенюку.

Она хотела спросить, чье это предсказание, но время скакнуло, и вот она уже шла по дороге, под черным беззвездным небом. Вдали еще гремели «Токинг хедс», радостно обещавшие спалить все дотла. Харпер торопилась. Очень не хотелось остаться без *сморов*. Интересно, кто привез для них шоколад и зефир. Наверное, тот же, кто предсказывает пикники.

Она так спешила, что чуть не споткнулась о лежащего на дороге человека. Харпер еле успела отскочить в высокую сырую траву. До автобуса, который стоял ниже по склону холма, она еще не дошла.

Нельсон Гейнрих поднял голову и посмотрел на Харпер. Она узнала Нельсона только по уродливому рождественскому свитеру – половина лица была освежена, так что ясно были видны красные мышцы. Мутные добрые глаза таращились с блестящей алой маски. Нельсон в точности напоминал анатомический бюст, стоявший когда-то на полке в лазарете.

– Я говорил, что доберусь! – сказал Нельсон. – Надеюсь, *сморов* хватит всем! Я привел друзей!

У подножия холма взревел «Фрейтлайнер», черный дым валил клубами из выхлопной трубы позади кабины.

Нельсон прополз чуть вперед, еще чуть-чуть, подтягиваясь на руках. Внутренности – длинные канаты кишок – тянулись за ним.

– Давайте, ребята! – заорал он. – Я говорил, что покажу, где их искать! Давайте угостимся сладеньким! Ложку сахара каждому!

Харпер бросилась наутек. Она бежала не так быстро, как раньше. На восьмом месяце беременности она бежала с резвостью и грацией женщины, несущей большое мягкое кресло.

Но, по крайней мере, она обогнала Нельсона, да и «Фрейтлайнер» еще не тронулся с места, так что на холм Харпер взобралась первой и попала в круг света от громадного костра. Невероятных размеров яркое пламя над горой углей размером с коттедж, гигантские языки, лижущие нависающую ночь. Вместо звезд небо покрывали созвездия тающих искр. Харпер открыла рот, чтобы закричать, но услышать ее было некому: никто не стоял вокруг костра с зефирками на прутиках, взрослые не сидели рядышком с бутылками сидра, дети не пели и не гонялись друг за другом. Они не веселились у костра, они горели в костре. Огромная оседающая куча черных трупов; пламя вырывалось из выжженных глазниц обугленных черепов, жар бился в грудных клетках. Костер весело потрескивал, тела шипели. На самом верху сидел Ник. Харпер узнала его: обгоревший и высохший труп смотрел на нее блестящими глазами и яростно жестикулировал: «Сзади сзади сзади».

Она обернулась как раз в тот момент, когда Джейкоб врубил сирену «Фрейтлайнера», и бешеный рев разорвал воздух. Грузовик

остановился в двадцати футах от Харпер, фары погасли, и ее бывший муж перестал быть темным силуэтом за рулем.

– Вот и я, милая! – заорал он. – Ты и я, крошка! Что скажешь?

Он со страшным хрустом переключил передачу, фары вспыхнули, и ужасно яркий свет, ужасно...

...яркий свет фонаря бил ей в лицо. Она заморгала и села, ладонью заслоняя глаза. Во рту ощущался вкус желчи.

Харпер попыталась заглянуть за источник света. Там стоял Ник – широко распахнутые глаза на милом личике, волосы в очаровательном беспорядке. Он приложил палец к губам – «ш-ш-ш» – и показал на отца Стори.

А у того были открыты глаза, и он улыбался Харпер. Старой, мягкой, доброй улыбкой Дамблдора. И взгляд был чист и внимателен.

Харпер повернулась к нему, свесив ноги с койки. Рядом с кроватью отца Стори в мелкой тарелке тускло догорала свечка.

Тихим нетвердым голосом отец Стори произнес:

– Время от времени мой друг Джон Руквуд подначивает меня, говоря, что изучение богословия для развития интеллекта не полезнее, чем дыра в голове. Из объяснений Ника я понял, что вы спасли мне жизнь, просверлив череп четвертьдюймовым сверлом. Это очко в мою пользу. Надо сказать Джону. – Его глаза блеснули. – И еще он все время говорит, что у религиозных людей – закрытый разум. Так разве мой теперь не открыт?

– Вы помните меня, отец? – спросила Харпер.

– Помню. Вы медсестра. И я совершенно уверен, что мы друзья, хотя, боюсь, не могу припомнить ваше имя. Вы постриглись – наверное, это сбивает меня с толку. Вы... Джульетта Эндрюс? Нет. Нет... не так.

– Харпер, – подсказала она.

– А! – обрадовался он. – Точно! Харпер... – Отец Стори снова нахмурился. – Харпер Галлоуз?

– Почти! Уиллоуз. – Харпер взяла его за запястье. Пульс был сильным, ровным, неторопливым. – Как ваша голова?

– Гораздо лучше, чем левая нога, – ответил он.

– А что такое у вас с левой ногой?

– Как будто паук укусил.

Харпер подошла взглянуть на его ступню. Между большим и вторым пальцами обнаружился волдырь – действительно похоже на укус паука. Были и другие, старые отметины – кусали и прежде, и вокруг образовался желтеющий синяк.

– М-м, – согласилась Харпер. – Кто-то укусил вас. Очень жаль. Наверное, я была слишком занята дырой в вашей тыкве. У вас было серьезное внутричерепное кровоизлияние. Вы чуть не умерли.

– И давно я в отключке? – спросил он.

– Чуть больше двух месяцев. Несколько раз приходили в себя в последние дни. После удара по голове возникли... серьезные осложнения. Было по крайней мере два приступа, с разрывом в несколько недель. Один раз я уже думала – вы не выкарабкаетесь.

– Инсульт?

Харпер присела на край койки. На языке жестов она спросила у Ника, где штука «ухом-слушать-сердце», и тот отправился к полке за стетоскопом.

– Вы говорите с моим внуком на языке жестов? – спросил отец Стори.

– Ник – прекрасный учитель.

Отец Стори улыбнулся. Потом наморщил лоб:

– А если был инсульт, почему у меня речь не нарушена?

– Это случается не всегда. Как и частичный паралич. Но вы чувствуете обе руки? А ноги? Нет онемения в лице?

Он погладил бороду, ущипнул себя за нос.

– Нет.

– Это хорошо, – задумчиво проговорила Харпер. Перед ее мысленным взором возник и тут же исчез раздувшийся красный паук между пальцами ноги отца Стори.

Ник принес стетоскоп. Она послушала сердце (ритм четкий) и легкие (чистые). Проверила зрение отца Стори, попросив следить глазами за кончиком ватной палочки, которую двигала к носу и обратно.

– Я опять впаду в кому? – спросил он.

– Вряд ли.

– А откуда капельница? – Отец Стори смотрел удивленно.

– Долгая история. За эти месяцы многое изменилось.

Глаза отца Стори блеснули надеждой.

– Нашли лекарство? От чесуи?

– Нет, – сказала она.

– Нет. Ну разумеется. Иначе мы уже не прятались бы в лагере Уиндем, а вы лечили бы меня не в лазарете. – Отец Стори присмотрелся к ней, и улыбка поблекла. – Кэрол? Что она натворила?

– Давайте пока сосредоточимся на вас. Хотите глоток воды?

– Хочу. И хочу услышать ответы на свои вопросы. Думаю, я в состоянии делать два дела одновременно.

Харпер не стала просить Ника принести воды, а встала и налила сама. Нужно было время – подумать. Вернувшись к койке, она держала чашку, пока отец Стори пытался поднять голову. Отпив глоток, он откинулся на подушку и облизал губы.

– Думаю, лучше будет, если Кэрол сама с вами поговорит, – сказала Харпер. – Она порадуетя, узнав, что вы пришли в себя. Она без вас сама не своя, несмотря на всестороннюю помощь Бена Патчетта и его дозорных. По крайней мере, все под контролем. – Прозвучало нейтрально.

Отец Стори больше не улыбался. Лицо нездорово побледнело и покрылось потом.

– Нет, лучше мне сначала свидеться с Джоном, мисс Уиллоуз. И до того, как дочь узнает, что я очнулся. Можете привести его ко мне? Это срочно. – Он подумал и взглянул ей в глаза. – Что сделали с тем, кто напал на меня?

– Мы не знаем, кто напал на вас. Некоторые думают, что это один из заключенных, по имени Марк Маззучелли. Но он уверяет, что оставил вас в лесу целым и невредимым. Я думала, на вас могла напасть лагерная воровка, чтобы заставить вас замолчать, прежде чем вы...

– Выдам ее за несколько банок «спама»? – спросил отец Стори. – Кстати, что известно про воровку?

– Вы говорили, что знаете, кто это.

– Я? Я не... Кажется, я не говорил. А может, сказал и забыл. Я не все могу вспомнить, в частности, не помню, кто напал на меня. – Он

сложил губы трубочкой и наморщил лоб, потом покачал головой: – Нет. Не думаю, что я выяснил, кто воровка.

– В каноэ вы говорили, что кто-то должен покинуть лагерь. Помните нашу беседу? – спросила Харпер. – Когда мы вместе плыли к пруду Саут-Милл?

– Не совсем, – ответил отец Стори. – Но я точно говорил не про воровку.

– А про кого же тогда? – спросила Харпер.

– Видимо, мы обсуждали мою дочь, – сказал отец Стори, как о чем-то само собой разумеющемся. – Кэрол. Она навела кремационную бригаду на Гарольда Кросса. Подставила его – устроила все так, что, когда Бен Патчетт застрелил бедного парня, никто не сомневался, что иного выбора у него не было: он был вынужден защищать лагерь и не мог позволить Гарольду выдать информацию врагу.

Харпер искоса взглянула на Ника. Он устроился в ногах ее койки, сложив руки под подбородком, и глядел на дедушку. Лицо сохраняло безмятежное выражение. В комнате было темно, только еле светила догорающая свеча; похоже, Ник понятия не имел, о чем только что говорил отец Стори. Харпер напомнила себе, что и при ярком свете Ник не слишком хорошо читает по губам.

– Откуда вы знаете? – спросила она.

– Кэрол сама рассказала. Если помните, когда я в последний раз обращался к пастве, я говорил, что нам необходимо простить воровку в наших сердцах. Потом, наедине с Кэрол, мы спорили по этому поводу. Она говорила, что я слаб и что люди в лагере отвернутся от нас, если мы не покажем силу. Говорила, что я давно должен был сделать пример из Гарольда Кросса. Я заметил, что из Гарольда Кросса уже получился ужасный пример – и ей это, кажется, понравилось. Я сказал так со злости, не подумав, но она смутилась и ответила: «Так ты знаешь». У меня сердце замерло, и я спросил: «О чем?» А она ответила: «Что я использовала его в качестве примера».

Я-то говорил о том, что Гарольд не подчинялся правилам и погиб из-за этого, но Кэрол не поняла меня и решила, что я ругаю ее за

содеянное. Она сказала, что правильно поступила, сдав его кремационной бригаде. Иначе Гарольда все равно рано или поздно обнаружили бы, только никто не помешал бы им взять его живым. И она сказала, что не стыдится. Ведь она спасла меня, моих внуков и весь лагерь. Она порозовела и выглядела *победительницей*. Я сказал, что не верю, чтобы Бен Патчетт согласился участвовать в подобном, а она засмеялась, как над остроумной шуткой. Сказала, что я понятия не имею, как трудно всем прикидываться такими белыми и пушистыми, какими они кажутся мне, потакать моим детским фантазиям о повседневном благочестии и милостивом всепрощении. Я не знал, что ответить. Мысли пропали. Она сказала, что во многом я так же виноват в смерти Гарольда, как и она, что это я загнал всех в такое положение, и его *пришлось* застрелить. Сказала, что если бы я применял жестокие наказания с самого начала – например, заковывал его в кандалы или публично сек розгами, – он бы перестал удирать из лагеря, подвергая всех опасности. Ну и прежде, чем я сумел найти ответ, постучался Бен Патчетт – пора было идти. Честно говоря, я не посмел хоть как-то им ответить – и ей, и Бену Патчетту. Я знаю, моя дочь не ударила бы меня, но не был уверен, что Бен Патчетт...

– Уверены? – переспросила Харпер. – Если она была испугана, если думала, что ей грозит ссылка, разве не могла именно она ударить вас по голове?

– Ни за что. Моя дочь никогда не попыталась бы меня убить. В этом я уверен, как в своем имени. Нет. Полностью исключаю. Скажите: пока я был без сознания, она выказывала надежду, что я не поправлюсь?

Харпер глубоко вдохнула, припоминая.

– Нет. Вообще-то она пригрозила выгнать меня из лагеря и отнять ребенка, если вы умрете.

Отец Стори побледнел.

– Она... она просто с ума сходила от мысли, что вы можете умереть, – добавила Харпер и вдруг покачала головой. Вспомнилось, как Пожарный рассказывал, что Кэрол всегда хотела, чтобы отец принадлежал ей одной, что Том был в каком-то смысле единственной страстью всей ее жизни. Любовь, конечно, может убивать. Об этом Харпер знала, пожалуй, побольше других. Но лишь иногда... нет. Не

может быть. Нет. Кэрол могла подписать смертный приговор Гарольду Кроссу, но не отцу. Отцу – никогда.

Отец Стори словно прочитал этот категоричный вывод на хмуром лице Харпер.

– Не думайте, что Кэрол считала меня угрозой для себя. И она не стыдилась того, что сделала. Она гордилась! Понимала, конечно, что если весь лагерь узнает, то может произойти раскол, поэтому нужно хранить все в тайне. Но стыдиться нечего. Нет, не поверю, чтобы моя собственная дочь решила убить меня, чтобы заткнуть мне рот. Представить невозможно. Я уверен: она надеялась, что однажды я приму ее точку зрения, соглашусь, что маленькое убийство необходимо для защиты лагеря. И по крайней мере она надеялась, что я останусь любящим, благопристойным, доброжелательным лицом наших ночных церковных служб, а ей доверю «черную работу» по присмотру за обществом. Именно такими словами она мне все объясняла.

Харпер рассердилась: картина того, что случилось с отцом Стори в лесу, не складывалась. Казалось, все, что нужно знать, было на месте, но это напоминало ситуацию, когда встретил знакомого и не можешь вспомнить имя. Как она ни напрягалась, разложить все по полочкам не могла.

«И брось пока», – подумала она. Не важно. Сейчас это не самое главное. В данный момент.

– Приведите Джона, – ласково сказал отец Стори. – Потом мы поговорим с Кэрол. И с Алли. И с Ником. Я хочу сейчас собрать всю семью. Если придется говорить о тяжелых вещах, мы сделаем это вместе. Так мы поступали в прошлом, и этот способ никогда не подводил. – Он прищурился. – Как думаете: люди поймут то, что Кэрол сделала с мистером Кроссом? Они смогут ее простить?

Харпер больше интересовало, многие ли простят отца Стори, если он раскроет тайну Кэрол, но она промолчала. Однако он прочел сомнения на ее лице.

– Думаете, это конец для нашего лагеря? – спросил он.

Поразмыслив, Харпер не ответила, а сама задала вопрос:

– Помните разговоры про остров Марты Куинн?

– Да.

– Он существует. Мы знаем, где он. Я бы хотела отправиться туда. Там есть медицинское учреждение, и там я могла бы родить. И я знаю, что еще некоторые хотели бы поехать со мной. Думаю... когда станет известно о Гарольде Кроссе... и когда вы поправитесь... Боюсь, да, лагерь расколется. В ночь, когда на вас напали, вы говорили, что кто-то должен покинуть лагерь. Насовсем. Я не знала, что вы имели в виду Кэрол. Полагаю... – Харпер глубоко вздохнула, добравшись до совершенно омерзительной идеи. – Она могла бы отправиться со мной. С нами. С теми, кто уедет, если нам позволят.

– Конечно, вам позволят, – ответил он. – И, возможно, лучше будет все-таки оставить Кэрол здесь. Своего рода заключение. Я тоже останусь и буду приглядывать за ней. Чтобы помочь ей найти себя, если получится.

– Отец, – сказала Харпер.

– Том.

– Том... Наверное, вам стоит поговорить с дочерью позже. Вы очень слабы. Думаю, вам надо отдохнуть.

Он ответил:

– Я отдохну куда лучше, повидав сначала внучку и Джона. И дочь, конечно. Я очень люблю Кэрол. Понимаю, что вы не можете... вы, наверное, ненавидите ее. Но знайте, что при всей ее вине, при всех преступлениях, она всегда считала, что действует во благо людей, которых любит.

Харпер подумала, что нездоровая потребность Кэрол управлять другими – подчинять их – не имеет никакого отношения к любви, но Том Стори так же не был способен видеть это в дочери, как Ник не был способен слышать.

Впрочем, Харпер ничего этого не сказала. Если Том действительно хочет разобраться с дочерью сегодня, его ждет достаточно неприятностей, так что добавлять не стоит. Значит, первым делом отправиться к Джону. Послать записку Алли. Она приведет Кэрол. Что бы ни ожидало отца Стори, он будет не один.

Она повернулась к Нику и начала жестикулировать: «Я собираюсь привести Пожарного. Составь деду компанию. Ты ему нужен. Ему можно пить, но по чуть-чуть. Понятно? Я правильно показываю?»

Ник кивнул и ответил: «Я все понял. Идите».

Харпер поднялась на ноги. Двигаться было приятно, хотелось разогнать тело до скорости мысли. Она сунулась за занавеску болотного цвета.

Майкл дежурил, как и обещал. Он в кои-то веки отложил «Рейнджера Рика» и, положив винтовку 22-го калибра на колени, втирал тряпкой в приклад то ли масло, то ли лак.

– Майкл, – позвала она.

– Да, мэм.

– Он очнулся. Отец Стори.

Майкл подскочил, едва успев подхватить винтовку, чтобы она не упала.

– Шутите? Не может быть.

Харпер не удержалась от улыбки. Удивление на его лице – наивном, с широко раскрытыми глазами, – делало его совсем похожим на ребенка. Простодушное лицо напомнило Харпер ее четырехлетнего племянника, хотя на самом деле они были ничуть не похожи.

– Может. Он очнулся и разговаривает.

– А он... – Кадык Майкла дернулся вверх-вниз. – Он вспомнил, кто напал на него?

– Нет. Но, думаю, вспомнит очень скоро. Он чувствует себя гораздо лучше, чем я смела надеяться. Слушай, он хочет, чтобы я привела Джона. Когда Джон появится, нужно будет позвать Кэрол. И Алли, само собой. Он хочет собрать всю семью. И я хочу, чтобы ты тоже там был.

– Ну... не думаю, чтобы я... – Майкл запнулся.

– Это будет трудная встреча. Я хочу, чтобы ты присутствовал, на случай, если... они поддадутся эмоциям.

– Думаете, они рассорятся из-за того, что делала мать Кэрол? – спросил он.

– Ты не понимаешь, Майкл. Дело не в том, что она творила, пока отец Стори был без сознания. А в том, что она делала *до того*, как его ударили. Если бы люди знали это, то никогда не отдали бы ей власть. Ей или Бену Патчетту. – Она представила, как Бен Патчетт всаживает пулю в Гарольда Кросса, и снова почувствовала сладко-кислый привкус желчи в горле. – Сраный Бен Патчетт.

Майкл нахмурился:

– Не думаю, что мистер Патчетт такой ужасный человек. Может быть, его немного занесло, когда беззаконие проникло в лагерь, но я вообще-то могу понять...

– Он преступник, – отрезала Харпер. – Он застрелил беззащитного мальчика.

– Гарольда Кросса? Ох, мисс Уиллоуз, он был вынужден.

– Правда? В самом деле?

Майкл смотрел с такой невинностью и с таким недоумением, что она не сдержалась, нагнулась и поцеловала его веснушчатый лоб. Майкл от неожиданности поднял плечи.

– Ты напоминаешь мне моего племянника, – сказала она. – Маленького Коннора Уиллоуза – Коннора-младшего. Даже не знаю, чем. Наверное, добрыми глазами. Как думаешь, сможешь наскрести еще чуть-чуть храбрости? Сделаешь это для меня?

– Думаю, да. – Майкл сглотнул.

– Хорошо. И не пускай к нему никого, пока я не вернусь. Я вверяю тебе заботу о нем.

Майкл кивнул. Лицо за рыжей бородой сильно побледнело.

– Я знаю, что должен делать. Не беспокойтесь, мэм. Я позабочусь об отце Стори.

Она хотела бежать, но не могла. Живот с ребенком приобрел твердость и размер небывалого небесного тела. И Харпер зигзагами трусила в лабиринте сосен, еле волоча ноги, потея и задыхаясь.

В темноте, с бьющимся за глазами яблоками пульсом, вряд ли она была в состоянии заметить следующего за ней Майкла Линдквиста, даже если бы оглядывалась. Он передвигался осторожно и неспешно, выжидая, прежде чем перебежать от одного дерева к другому. А если бы Харпер увидела его, то поразила бы выражению его лица – плотно сжатым губам и глазам-щелочкам. В этом лице не осталось ровным счетом ничего детского. Майкл дошел за Харпер до лодочного сарая, а когда она направилась к причалу, развернулся и скоро исчез в тени.

Харпер не спеша спустилась по деревянным ступеням, вделанным в песчаный склон, хватаясь за высокую траву, чтобы удержать равновесие. Океан казался металлической пластиной, покрытой вмятинами, как будто избитой тысячами молотов. Лунный свет играл серебром на гребнях волн. Океан, похоже, был неспокоен. Харпер не видела человека, сидящего на конце причала, пока не оказалась на полпути к лодке.

Дон Льюистон поднял голову и посмотрел через плечо. Он держал в руке ведро, а удочку положил на колени.

– Сестра Уиллоуз! Что заставило вас спуститься с холма? – спросил он.

Он рыбачил не один. На галечном берегу стоял Чак Каргилл и держал свою удочку, а винтовка лежала у его ног. Каргилл подозрительно прищурился.

– Отец Стори пришел в себя. Вы можете оторваться от рыбалки? Он хочет видеть Джона как можно скорее.

Косматые брови Дона взлетели, а рот раскрылся, как у героя мультика.

– Пожалуй... – Он поднялся и приложил ладонь ко рту. – Малыш Чаки! Остаешься за старшего. Я сплаваю – миссис хочет Джона повидать. Глянуть на его поломанные крылышки.

– Мистер Льюистон! Эй, мистер Льюистон, я не думаю... – Чака отвлекла натянувшаяся леска. Конец удилица ушел под воду. Чак раздраженно глянул туда, потом снова перевел взгляд на Харпер и Дона Льюистона. – Мистер Льюистон, вам лучше пока оставаться на месте. Я должен сначала все обговорить с матерью Кэрол.

Дон отбросил свою удочку, взял Харпер за руку и помог ей забраться в лодку.

– Да уж обговорено, а то б мамаша Кэрол не дала бы медсестре даже близко сюда подойти! И хрен я позволю даме на восьмом, на хрен, месяце грести самой при такой волне.

– Мистер Льюистон... мистер Льюистон, погодите... – продолжал Каргилл, шагнув к ним, но не отпуская удилица, которое изогнулось дугой; леска сильно натянулась.

– У тебя клюет, Чаки! – крикнул Дон, усаживаясь в лодку. – И не вздумай упустить – на твоём крючке ужин Бена Патчетта! Я вернусь до того, как ты вытащишь рыбу!

Дон взялся за весла, и лодка рванулась вперед.

Пока он греб, низко наклоняясь вперед и вытягиваясь в струнку, а весла, гремя в уключинах, вонзались в воду, Харпер рассказала все, что ей было известно. Когда она дошла до того, как Кэрол подставила Гарольда, Дон поморщился, будто почуял какую-то вонь. Харпер решила, что, видимо, так оно и есть.

– И что – Бен Патчетт был ее цепным псом?

– Похоже.

Дон помотал головой:

– Что?

– Я могу кое-как поверить, что Бен застрелил жирного придурка для нее. Бен Патчетт может пойти на что угодно во имя гребаной защиты людей. Но я не представляю, чтобы он наступал в кремационную бригаду на Гарольда. Слишком многое могло пойти наперекос. А если Гарольд сдаст лагерь Уиндем, прежде чем Бен успеет его пришить? А если кремационная бригада окажется серьезно вооруженной и вступит в бой? Не-а. Допустим, Кэрол могла на это пойти. Она истеричка и не думает о последствиях. Но Бен все просчитывает. Он наполовину коп, наполовину счетовод.

– Может быть, Кэрол сначала позвонила в кремационную бригаду, а только потом посвятила Бена в свои планы. И он просто был вынужден расхлебывать.

Дон угрюмо покивал.

– Все равно не верите.

– Ни вот настолечко, – ответил Дон.

– Но почему?

– Потому что нет у нее гребаного мобильного, – сказал Дон. – Они все у Бена. Как она могла позвонить куда-то? И откуда ей вообще знать – куда звонить?

Дон сделал последний гребок, и лодка ткнулась в берег. Он выскочил и помог выбраться Харпер.

– Господи, ну вы и здоровущая, – сказал он.

– А мне нравится, – ответила Харпер. – Выгляжу глупо, бегать не получается, носить могу только треники и очень-очень широкие толстовки. Но мне нравится быть такой большой, потому что теперь я запросто могу давить всякую мелочь. Не хочу сражаться с врагами, хочу плющить их своей непомерной толщиной.

Дон прищурился на далекий берег, но было слишком темно, чтобы увидеть, чем занят Чак Каргилл. Потом Дон взглянул на хижину и на гребень холма.

– Лагерь скоро превратится в долбаную психушку. Думаю, меня не хватятся несколько часов. Проверю-ка шлюп, раз уж я здесь. Посмотрю, готов ли. И, наверное, спущу на воду. – Он снова бросил взгляд на живот Харпер. – Будь моя воля, могли бы уже завтра вечером отчалить. Ребенок ждать не будет, а нам недельку-другую вдоль берега идти.

– Занимайтесь парусником. Мы догребем обратно вместе с мистером Руквудом.

Дон довел ее до двери хижины, придерживая за локоть, как выздоравливающего пациента. Пожарный встретил их в пижамных штанах в горошек и черно-желтой прорезиненной пожарной куртке поверх грязной майки. От голодного, потного, небритого и нестриженого Джона пахло костром. Харпер с трудом удержалась, чтобы не ткнуться лицом ему в грудь.

– Лазарь умерший восстал из гребаной могилы, – сказал Дон. Он почти дрожал от удовольствия, на морщинистом лице появился румянец. – Отец пришел в себя. Он спрашивал о вас. Хочет вас видеть... А потом хочет видеть Кэрл. Он приготовил для нее проповедь, и, скажу я вам, там, похоже, будет вдоволь адских мук.

Пожарный рассеянно почесал небритое горло, переводя взгляд с Дона на Харпер.

– Мне, пожалуй, лучше одеться, – сказал он.

Харпер ждала, что он закроет дверь, чтобы найти штаны получше и, наверное, свитер. А он вместо этого сонно огляделся и снял каску, висящую на гвозде у двери. Джон нахлобучил каску на голову и облегченно вздохнул. Посмотрев на себя в зеркальце на стене, он сдвинул каску на пару миллиметров влево и засиял от восторга.

– Так. Идеально. Пошли?

– Дон останется на острове. Хочет спустить парусник на воду.

Эта новость удивила Пожарного больше, чем сообщение о состоянии отца Стори.

– Ага. Наверное, хотите отправиться как можно скорее.

– Не так быстро, – отозвалась Харпер.

– К концу недели, как по мне, – сказал Дон. – Ребенок не будет ждать удобного случая. Он уже на подходе. Ей осталось недели четыре, не больше. Чем быстрее мы доставим сестру Уиллоуз на остров Марты Куинн, тем я буду спокойней. Только это еще не все. Сестра хочет, чтобы Кэрол Стори отправилась с нами. Когда станет известно, что она натворила, она небось рада будет убраться... пока ее саму не прокатали на шесте.

Пожарный снова посмотрел на Харпер; взгляд из мутного стал заинтересованным.

– А что она натворила? Ну, то есть, помимо применения к врагам наказаний девятнадцатого века, заключения Харпер в лазарет и угрозы отобрать ребенка?

– Два слова, – сказал Дон, шевельнув громадными бровями. – Сраный Гарольд Кросс.

– Расскажу в лодке, – сказала Харпер.

Он и слышать не хотел, чтобы она гребла в одиночку.

– Я сяду слева, – сказал он. –левой рукой я вполне могу грести. А вы сядете справа. Вместе справимся.

– Ничего не выйдет. Мы не сможем грести одновременно. Будем кружиться на одном месте.

– Это не страшно. Мы к этому уже привыкли.

Она взглянула на него, решив, что он смеется, но он уже нагнул к носу лодки, сталкивая ее в воду, и ей пришлось помогать. Женщина на восьмом месяце беременности и мужчина с поломанными ребрами. Трудно представить, чтобы Кэрол испугалась хоть кого-то из них.

На мелководе Харпер перевалилась через борт и протянула руку Джону, чтобы помочь ему забраться в лодку. Его пожарные ботинки скользнули по борту; Джон, не найдя опоры, качнулся, ударился больным запястьем и резко побледнел. Он упал на банку, и Харпер сделала вид, что не замечает, как слезы катятся у него из глаз. Она потянулась и аккуратно поправила его каску.

Они гребли, сгибаясь и выпрямляясь, медленно и аккуратно, касаясь плечами. Лодка, поскрипывая, скользила по воде под ночным

небом.

– Расскажите про Гарольда Кросса, – сказал Пожарный.

Он слушал, наклонив голову, пока Харпер повторяла историю. Дослушав до конца, он сказал:

– У Гарольда почти не было друзей в лагере, но я согласен – когда станет известно о том, что устроила Кэрол, что она натравила на него кремационную бригаду... Тогда ей конец. Отправить ее с вами – это и вправду акт милосердия. Запросто может случиться и кое-что похуже.

– Она отправится со мной, – сказала Харпер. – А вы останетесь здесь.

– Да. Придется. Отец Стори ослаб, и ему будет трудно присматривать за всем в одиночку. Думаю, поэтому меня и призвали к его одру. Рекрутируют. – Его губы скривились.

– Вы в любом случае остались бы. Вы должны поддерживать свой огонь.

– Никто другой не понял бы.

– Вам нужно отпустить ее и уехать со мной. – Харпер не могла смотреть ему в глаза и повернулась лицом к океану. Ветер срывал пену с гребней волн, и можно было делать вид, что капли на щеках – это брызги. – Здесь небезопасно. И уже давно. Они найдут лагерь Уиндем. Ковбой Мальборо, мой муж и другие такие же. Найдут рано или поздно. – Харпер вспомнила свои сны про Нельсона Гейнриха в запятнанном кровью рождественском свитере, с улыбкой на освежеванном лице.

Она не верила в предопределенное будущее, не верила в мистические предчувствия. И даже не верила в психическое радио Ковбоя Мальборо, несмотря на то, что какое-то невероятное везение все-таки привело его в ее дом, когда она туда вернулась. Но Харпер верила в подсознание и знала, что нужно насторожиться, когда оно начинает размахивать красными флажками. Она бросила Нельсона живым – это уже почти наверняка, – и это плохо для всех. И даже если Нельсон не пришел в себя настолько, чтобы привести Береговых сжигателей в лагерь, может случиться что-то еще. Маленькую деревню нельзя долго прятать ото всех.

Лодка дрейфовала. И словно по какому-то сигналу они подняли весла и снова начали грести.

– Я возьму с собой Ника и Алли, – сказала Харпер. – Что бы там ни вышло с Кэрол. Я люблю этого мальчика. И отвезу его в безопасное место – безопаснее, чем здесь.

– Хорошо.

– А ведь Сара захочет, чтобы вы отправились с ними. Захочет, чтобы вы присматривали за ними.

– Вы знаете, что я не смогу. Я буду нужен старику здесь.

– Тогда приезжайте, как только ему станет лучше. Привозите его. Привозите всех, кого сможете.

– Посмотрим. – Это прозвучало как отказ.

– Джон. Ее жизнь подошла к концу. А ваша – нет.

– Ее жизнь не...

– Да. Она сама вам говорила. Вы держите ее пленницей. Заперли в ржавую банку. Вы ничем не отличаетесь от Кэрол, которая продержала меня в лазарете всю зиму.

Он вдруг обернулся к ней; лицо перекосило от боли.

– Какая гнусная вонючая хрень. Я нисколько... и как могла Сара что-то сказать? Она создана из пламени. Она не может сказать, чего хочет, что чувствует. Она потеряла дар речи, лишившись тела.

– Нет, не потеряла. Даже не знаю, что хуже: то, что вы лжете мне, или то, что лжете себе. Я слышала, как вы кричали на нее. Всю осень. Она уже просила вас отпустить ее.

– Да как...

– Языком жестов. Она знает его не хуже вас.

Они снова перестали грести, хотя причал был уже недалеко.

Джон Руквуд дрожал.

– Мелкая шпионка. Подслушивать мои...

– Бросьте вашу паранойю. Вы были пьяны. Это было слышно по голосу. Любой бы услышал в радиусе полумили – так вы орали.

Мышцы на лице Пожарного ходили ходуном. Он двигал челюстью и прерывисто дышал.

– Пора погасить этот огонь, Джон. Пора оставить ваш остров позади. Алли и Ник все еще в этом мире, и вы нужны им. И мне. Я не могу стать ею – какой она была для вас, – но могу попытаться стать достойной вашего драгоценного времени.

– Ш-ш-ш, – сказал он, отвернувшись и смаргивая слезы. – Это ужасные слова. Не смейте принижать себя. Думаете, я не люблю вас до

усрачки, сестра Уиллоуз? Вас, и ваш нелепый беременный живот, и нездоровую тягу к Джули Эндрюс? Я только ненавижу – *ненавижу* – предательство. Отвратительную измену...

– Просто вы живы, а она – нет, – сказала Харпер. – Вы живете дальше.

– Да. Именно, – сказал он и опустил подбородок на грудь. Слезы капали с кончика его носа. – Влюбился по уши. Всеми силами я старался вас избегать. Не видеться с вами. Не только потому, что не хотел влюбляться. Не хотел, чтобы вы влюблялись. Я прекрасно понимал, как сложно вам будет противостоять моим неотразимым чарам.

– А вы умеете завладеть девушкой, – сказала Харпер. – Прямо как споры.

Книга восьмая

Катастрофа

1

Когда шлюпка ткнулась в причал, Харпер оглядела берег, но Каргилла уже не было. Он оставил удочку на камнях. Винтовку унес с собой.

Может быть, он побежал рассказать Кэрол о подозрительных событиях. Ну и хорошо. Она все равно узнает обо всем через несколько минут.

Беременной тяжело взбираться по крутому склону; Харпер оглушительно пыхтела, добравшись до лазарета. Лицо заливал липкий пот, а едва она приблизилась к ступенькам у главной двери, ноги свело от сильной схватки. Харпер согнулась, прижала ладонь к низу живота и хрипло выдохнула сквозь зубы.

– Вы в порядке? – спросил Джон.

Она кивнула и махнула рукой. Никак не получалось набрать в грудь достаточно воздуха, чтобы заговорить, хотя схватка уже прошла, оставив тупую боль и ощущение, что она проглотила камень.

Харпер прошла за Джоном в приемную – она оказалась пуста, видимо, Майкл был в палате. Пожарный отодвинул болотного цвета занавеску и нырнул в палату, Харпер за ним.

– Отец... – начал Пожарный, и приклад винтовки врезался ему в шею с тупым, тошнотворным стуком. Джон рухнул, словно перерубленный пополам.

Харпер разинула рот, чтобы закричать, но Майкл уже развернул винтовку и навел дуло на Ника. Мальчик спал на своей койке, аккуратно сложив руки на животе; подбородок почти касался груди. Во сне Ник хмурился, словно пытался вспомнить что-то важное.

– Прошу вас, не надо. Очень не хотелось бы убивать ребенка, – сказал Майкл.

Голова отца Стори была повернута набок, он словно смотрел на Харпер, но видел он сейчас не палату лазарета. Лицо потемнело,

словно летняя грозная туча. Капельница была перевернута. Игла выскочила из руки. На белых простынях горели ярко-красные пятнышки.

Майкл продолжал почти извиняющимся тоном:

– Через несколько часов все узнают, что вы убили отца Стори, чтобы он не заговорил. И собирались убить Кэрол и Бена, чтобы захватить лагерь. У меня есть все, что нужно, чтобы люди поверили, но было бы *кстати*, чтобы вы подтвердили, что это правда, мэм. Понимаю, что у вас нет оснований доверять мне. Но клянусь: если вы сделаете это для меня – признаете, что замыслили с Руквудом прикончить Кэрол, – клянусь, что Алли и Ник не умрут с вами. Я позабочусь о них.

Харпер нагнулась к Джону, скрючившемуся на боку. Проверила пульс – ровный и медленный. Харпер дрожала. Сначала думала – от горечи, но, заговорив, сама поняла, что от ярости.

– Вы с Кэрол убили Гарольда Кросса.

– Я в него не стрелял. Бен Патчетт стрелял, – сказал Майкл. – Я собирался, а потом понял, что будет лучше, если это сделает Бен. И отдал ему винтовку. К тому же в последние пару месяцев, что Гарольд был тут, он даже начал мне нравиться. Научил меня в шахматы играть. Да, я тоже не бесчувственный. Мне правда не хотелось стрелять в него.

– Это ты помог ему удрать из лазарета, – сказала Харпер. – Но в своем блокноте он называл тебя... – Тут она вспомнила... «ДЖР»; Гарольд все писал прописными буквами, словно кричал, и она, естественно, решила, что это инициалы Джона Руквуда. Теперь ясно, чем Майкл напоминал ей племянника. Снова подсознание махало ей флагом, пытаясь подсказать, что общего у Майкла с милым, ясноглазым Коннором Уиллоузом. – Он называл тебя Джуниор-Младший.

– Ага. Так обычно Гарольд и звал меня: Майкл Линдквист Джуниор. По правде говоря, папаша мне ничего и не дал, кроме своего имени да пары подзатыльников.

– Никто не поверит, что я три месяца боролась за жизнь отца Стори только для того, чтобы убить его теперь, – сказала Харпер.

– Поверят. Вы уже несколько раз пытались тайком уморить его, кололи ему инсулин, чтобы вызвать приступ. Между пальцами на ноге. Но потом вы не смогли продолжать, потому что тут был Ник, и он все

время за вами следил. Вы перепугались и сорвались. – В одной руке Майкл все еще держал винтовку, нацеленную на Ника. Другой рукой он ухватил короткие светлые волосы Харпер и резко дернул. – Это важно. Важная деталь. *Не забудьте.* Вы кололи ему инсулин. Надеялись, что смерть будет выглядеть естественно. А еще вы во время операции ткнули ему сверлом в мозг. Вы делали все возможное, чтобы прикончить его, но он был защищен.

– Чем защищен? – спросила Харпер.

– Защищен Светом, – совсем просто пояснил Майкл. – Его разум и душа больше не хранятся только в теле. Они в драконьей чешуе на его коже. Они вечно будут храниться в Свете, как скопированные файлы на внешнем жестком диске. Он написал в записке, что Свет охранял его все эти месяцы. Я заставил его, прежде чем убить. Я мог бы и сам написать, но подумал, что лучше, если будет написано его почерком. Записка под подушкой. Я сделаю так, что Кэрол найдет ее.

Майкл взял с полки шприц и протянул Харпер.

– Сделайте себе укол. Только не в запястье и не в шею. Прямо в круглую задницу. Пусть видят, что я подкрался к вам сзади.

– Не буду.

– Ну, тогда вы, наверное, попытались отнять у меня винтовку, и Ник получил пулю, когда мы боролись, – сказал Майкл. – Сколько усилий вы мне сэкономили бы, если бы погибли несколько месяцев назад, как и задумывалось. Я звонил Береговым сжигателям, когда вы отправились домой за медицинскими припасами. Не знаю, как это они вас не нашли. Я звонил в ту ночь, когда собирались грабить «Скорую». Непостижимо, что вы сумели ускользнуть оба раза.

– Как ты мог звонить? Я думала, Бен собрал все телефоны.

– А кого, по-вашему, он послал их собирать? Я оставил себе парочку.

С удивлением и отвращением Харпер спрашивала себя: как можно было хоть на мгновение поверить, что у Ковбоя Мальборо может быть какой-то дар прорицания, какой-то сверхъестественный доступ к тайным знаниям. Ясно же, что любой ребенок из тех, что она лечила в школьном медпункте, не купился бы на такой бред.

– Хватит трепаться, – сказал Майкл. – Колите.

Харпер взяла шприц и посмотрела на прозрачную жидкость внутри.

– Что это?

– Версед. Годится? Нашелся у вас среди сильнодействующих. Я в седативных спец. Я усыпил Алли... в тот день, когда мы избавились от Гарольда. Нужно было позволить толстяку ускользнуть из лагеря, а она была на посту. Но тогда у меня была лунеста, которую моя мама держала в аптечке, и я знал, что делаю, когда добавлял ее в кофе.

– Майкл, пожалуйста. Я на восьмом месяце. Я не знаю, как подействует на ребенка версед. Представления не имею.

– Не важно, как он подействует. Ребенка мы будем любить, даже если родится отсталый или убогий. Кэрол будет о нем заботиться и воспитает правильно. Весь лагерь поможет. И не беспокойтесь. Я знаю свою любимую. Кэрол вырежет ребенка из вас, прежде чем вас казнят. Вытащит и будет любить как собственного. Я нашел в лагерной библиотеке медицинскую книжку, где описано, как делать кесарево сечение. Вроде бы ничего сложного. Готов поспорить, мы с Доном Льюистоном справимся. Дон явно не захочет помирать вместе с вами и Пожарным. Хватит. Колите. Я не намерен болтать. Я намерен действовать.

– Если возьмешься за кесарево сечение без медицинского образования, ты убьешь и меня, и ребенка.

– Да не. И потом. Мы не будем вас усыплять. Будете сами руководить операцией. Будете ведь?

– Господи, – прошептала Харпер, и первая горячая слеза прокатилась по щеке. – Как ты можешь так поступать с Алли? Убить ее бабушку. Угрожать брату. Она любит тебя. Я думала, и ты любишь ее.

– Люблю в каком-то смысле. И все же она не Кэрол. Кэрол еще девственница. В тридцать лет она хранит себя. Она хочет, чтобы я стал тем самым мужчиной. Говорит, что ждала меня всю жизнь.

Он говорил вдохновенно, глаза странно сияли. И Харпер вспомнила: Бен рассказывал, что видел, как Майкл и Алли неистово лизались за церковью, в ту ночь, когда отцу Стори разбили голову. Разумеется, в темноте было легко спутать племянницу и тетю. В кино их даже могла бы играть одна актриса.

– Том сказал, что дочь ни за что не навредила бы ему. Я не думаю, чтобы он ошибался, – сказала Харпер.

И с удивлением увидела пятна румянца на щеках Майкла. Он приложил палец к губам, как будто призывая к молчанию.

– Да я это сделал сам. Кэрол сказала: отец Стори знает, как мы обошлись с Гарольдом, но она уверена: поразмыслив как следует, он поймет, что мы были правы. А потом я встретил вас всех, когда вы отправлялись спасать заключенных. И по дороге к берегу отец Стори отвел меня в сторонку и предупредил: мы запрем мать Кэрол, когда вернемся. Запрем, а потом отправим в ссылку. Он был очень расстроен. Я рассудил, что будет проще всего, если он умрет во имя лагеря. И представляете: у этого шарлатана оказалась ужасно твердая голова. Я ударил его дубинкой с такой силой, что можно было разбить арбуз в кашу, а он оставался на ногах еще секунд десять. Стоял и только покачивался, глядя на меня с удивленной улыбкой.

– Когда Кэрол узнает, что ты сотворил с ее отцом, она тебя убьет. Своими руками.

– Не узнает.

– Я скажу ей.

– Это будет ложь. Все, что вы скажете, будет ложью. И тогда уж точно Ник и Алли умрут с вами. Или позже. Не важно. Единственная возможность для вас спасти этих детей – броситься на собственный меч.

– Ты не можешь...

– Хватит трепаться, – сказал Майкл и посмотрел на Ника. – Еще одно слово, хоть одно слово, и я, клянусь Богом, разбрызгаю мозги глухого малыша по всей сраной подушке. Колите. Сейчас же.

Харпер вонзила иглу.

Кто-то шлепнул ее по щеке, так, что голова повернулась на бок.

– *Сжлею.* – Харпер попыталась извиниться, потому что сделала что-то неправильное, хоть и не могла припомнить, что именно.

Джейми Клоуз ударила ее снова.

– Нет еще, но будешь. Встать. Я не потащу твою жирную задницу, сука.

Справа и слева кто-то придерживал Харпер под руки, но как только ее отпускали, ватные ноги подкашивались, и ее приходилось поднимать снова.

– Осторожно, – сказала Кэрол. – Ребенок. Ребенок ни в чем не виноват. Если с ним что-то случится, вы за это ответите.

Мир стал плохой копией Пикассо. Оба глаза Кэрол находились на одной стороне лица, а рот съехал набок. Теперь Харпер была в приемной, но комната изменилась, приобретя нелепую форму. Левая стена – высотой как в чулане, а правая – размером с экран в автомобильном кинотеатре. Пол так накренился, что непонятно было, как все ухитряются не падать.

Бен Патчетт за спиной Кэрол оскалил маленькие, как у хорька, зубы, а на круглом, гладком лице сверкали маленькие, тоже как у хорька, глаза – ярко-желтые от страха и возбуждения.

– Дайте мне ее на четыре часа, – сказал Бен. – Она расскажет о каждом, кто с ней заодно. Выдаст всех заговорщиков. Я добьюсь, я уверен.

– Вы добьетесь выкидыша. Не слышали, что я сказала про ребенка?

– Я не буду ее бить. Просто поговорю. Дам шанс поступить правильно.

Харпер попыталась сказать Кэрол: «Я любила отца Стори», – ей казалось, это важно. Но получилось только:

– *Не забила лица историй.*

– Нет, Бен. Я не хочу ее допрашивать. Мне не нужна ее помощь и не нужна ее информация. Я не хочу слушать ее вариант истории. И больше не хочу слышать ни единого слова из ее лживых уст.

Харпер перевела взгляд на Бена, и на миг зрение обострилось, все виделось отчетливо. И голос тоже вернулся, и Харпер произнесла пять слов, проговаривая их аккуратно и тщательно, как обычно делают пьяные в стельку:

– Она и Майкл подставили Гарольда.

Но удержать реальность было слишком трудно. Когда Кэрол ответила, ее рот снова сполз на сторону.

– Заставь ее замолчать, Джейми. Пожалуйста.

Джейми Клоуз, ухватив Харпер за челюсть, заставила ее открыть рот и впихнула камень. Очень большой. Казалось, он размером с

кулак. Джейми придерживала Харпер челюсть, пока кто-то еще обматывал липкую ленту вокруг головы.

– Все, что вы хотите узнать, потом сможете выяснить у Рене Гилмонтон или Дона Льюистона, – сказала Кэрол. – Мы знаем, что они тоже участвовали. У нас есть блокнот Гилмонтон. И они оба были кандидатами на главную роль. Но Гилмонтон получила только пять голосов, наверное, это был удар по ее гордыне.

– И четыре – за Алли, – сказал Майкл – он стоял где-то справа от Харпер. – Что делать с ней?

Черты лица Кэрол закружились, как снежинки в стеклянном шаре, и Харпер затошнило.

– Ей мы дадим шанс, – сказала Кэрол. – Единственный шанс поступить правильно. Доказать, что она с нами. Не согласится – тогда ничто ей не поможет. Получит то же, что и Рене Гилмонтон с Доном Льюистоном.

За спиной Харпер заговорила девушка:

– Мать Кэрол, пришел Чак Каргилл. Он хочет что-то рассказать про Дона Льюистона. Кажется, что-то плохое.

Харпер по-прежнему мутило; мелькнула мысль, что если ее стошнит, она, наверное, захлебнется насмерть. Грубый камень царапал нёбо и давил на язык. И все же чем-то – прохладой, шершавой поверхностью – он был так реален, так явственен, так *здесь*, что вывел ее из туманного ступора.

Приемная была полна народу: Бен, Кэрол, Джейми и еще четыре или пять дозорных. Майкл стоял у входа в палату. Мерцали факелы – но не в приемной, освещенной только парой масляных ламп. Харпер уже какое-то время слышала шум – сначала она принимала его за шуршание ветра в кронах деревьев, беспокойные вздохи и свист, но теперь поняла, что это ворчание возбужденной беспокойной толпы. Весь лагерь собрался? Возможно.

«Тебя убьют через несколько минут», – подумала она. Это была первая ясная мысль с того момента, как ее пощечиной привели в чувство, и Харпер тут же покачала головой. Нет. Не ее. *Джона*. А ее убьют позже, после того, как вытащат из нее ребенка.

– Позови его, – сказал Бен Патчетт. – Послушаем.

Тихие нервные голоса. Дверь скрипнула на петлях, захлопнулась. Чак Каргилл обошел Харпер и предстал перед Кэрол. У него был

нездоровый вид, как будто он только что получил под дых, бледное лицо обрамляли бачки. Джинсы промокли до бедер.

– Простите меня, мать Кэрол, – сказал Чак. Он дрожал то ли от холода, то ли от страха, а скорее всего – от того и другого вместе.

– Я уверена, что тебе не за что просить прощения, – сказала Кэрол тонким напряженным голосом.

– Я и Хад Лури отправились на остров Пожарного, как велел мистер Патчетт, чтобы забрать мистера Льюистона. Он снял брезент со шлюпа и развесил на бортах паруса – проветрить или еще зачем. Мы думали, что он в трюме. Мы думали, он не знает, что мы тут. Думали, что застанем его врасплох. С борта свисала веревочная лестница, и мы начали подниматься как можно тише. Но винтовки пришлось закинуть за плечо. Хад лез первым – и когда он поднялся на борт, этот старый... этот старый ублюдок огрел его веслом. А в следующее мгновение я уже смотрел в ствол винтовки Хада.

Все молчали, а у Каргилла, похоже, не было сил продолжать. Черты лица Кэрол перестали кружиться в хороводе и заняли более-менее правильные места. Харпер усилием воли заставила их не расплываться, хотя от напряжения разболелась голова. Губы Кэрол побелели.

– И что дальше? – спросила она наконец.

– Нам пришлось подчиниться. Пришлось, – произнес Каргилл, упал на колени и, ухватившись за руку Кэрол, начал всхлипывать. Зеленая сопля вылезла пузырем из его правой ноздри. – Простите, мать Кэрол. Я буду носить камень. Я буду носить камень целую неделю!

– Ты хочешь сказать, что он удрал? – спросила Кэрол.

Каргилл кивнул и вытер тыльной стороной ладони слезы и соплю, потом прижал кулак Кэрол к своей щеке.

– Мы спустили шлюп на воду. Он заставил нас. Когда Хад пришел в себя, старик заставил нас помочь ему спустить шлюп. Он держал нас на мушке. Забрал наши винтовки и... и уплыл. Просто уплыл. Мы ничего не могли поделать. Он в одиночку поднял паруса, словно это легче легкого, а мы... мы швыряли камни, да, мы кричали ему – кричали, что он *пожалеет*, мы... мы... – Он снова всхлипнул. – Мать Кэрол, я клянусь вам, я буду носить камень сколько пожелаете, только не прогоняйте!

Кэрол дала ему еще оросить ее руку слезами, но, когда Чак принялся целовать ее кулак, бросила взгляд на Бена Патчетта. Большой коп вышел вперед и, обхватив мальчишку за плечи, оторвал от Кэрол и поставил на ноги. Потом сказал:

– Мы обсудим, что случилось, в другой раз, Чак. Сегодня мать Кэрол потеряла отца. Не стоит взваливать на нее еще и свои беды. И тебе не о чем плакать. Здесь дом милосердия, сынок.

– Для некоторых, – тихо добавила Джейми Клоуз.

И все же Харпер почувствовала облегчение – такое же, как когда прошли схватки. Дон вырвался. Бен не будет применять плоскогубцы или камни в полотенце, чтобы заставить его говорить. Джейми Клоуз не запихнет ему в рот камень и не затянет петлю на его шее. От мысли, что Дон на шлюпе, что ледяной бриз откидывает его волосы со лба, а паруса наполнены ветром, Харпер почувствовала себя немного лучше. Дон, наверное, зол, ругается и трясется, негодуя на себя, что бросил так много хороших людей. Она надеялась, что он примирится с этим. Выбор у него был простой: остаться и умереть или бежать, когда представится случай. Хорошо, что хотя бы один из них переживет этот вечер.

– Мать Кэрол, – заговорил Майкл, стоявший у входа в палату. Впервые Харпер услышала в его голосе мягкие благоговейные нотки: так говорят не просто влюбленные, а одержимые. – Как вы хотите поступить с Пожарным? Я не могу держать его на уколах вечно. У нас уже кончился версед. Я вколол последнюю дозу.

Кэрол опустила голову. В свете масляных ламп острые углы ее голого черепа отливали бронзой.

– Это должна решать не я. Я не могу. Мой отец всегда говорил: если не можешь найти решения, посиди тихо, молча, и слушай тихий голос Бога. Но единственный голос, который я слышу, повторяет: «Пусть это будет неправда». Он говорит: «Пусть это будет неправда. Пусть мой отец будет жив». Отец хотел, чтобы я любила людей и заботилась о них, а я не знаю, как теперь это делать. Как поступить с Пожарным – должна решать не я.

– Тогда пусть решает лагерь, – сказал Бен. – Вы должны что-то сказать людям, Кэрол. Они уже все собрались, и у половины ум за разум зашел от страха. Люди плачут. Люди говорят, что это все, что нам конец. Вам нужно поговорить с ними. Расскажите, что знаете.

Расскажите все. Если вы не слышите тихий голос Бога, послушайте хотя бы их. Их голоса вели нас последние девять месяцев, они проведут нас и через эту ночь.

Кэрол качалась, уставившись в пол. Майкл положил ладонь на ее обнаженную руку – Кэрол была одета в шелковый розовый верх от пижамы с короткими рукавами, – и большой палец чуть двинулся к плечу. Этот жест любовника не заметил никто, кроме Харпер.

– Хорошо, – сказала Кэрол. – Покажем их лагерю.

– В церкви? – спросил Бен.

– Нет! – крикнула Кэрол, словно он предложил нечто непристойное. – Я хочу, чтобы эти двое не входили туда больше никогда. Где-нибудь еще. Где угодно.

– Может, в Мемориальном парке? – спросил Майкл, снова проведя большим пальцем по руке Кэрол.

– Да. – Широко раскрытые глаза Кэрол смотрели не мигая и отрешенно, как будто это ей вкололи немного верседа. – Там мы и соберемся. Там и решим.

3

И все время, пока шли разговоры, Харпер будто карабкалась по бесконечному лестничному пролету – возможно, это была лестница на колокольню над церковью, – поднималась к свету и чистому воздуху. Вот только эти тысячи шагов были проделаны мысленно, а карабкалась она к ясности и определенности. Это давалось непросто, болела голова. Голова словно была набита щепками и иголками. А во рту был камень.

Теперь ей стало ясно: необходимо сохранять спокойствие и спасти всех, кого можно. Первые – Ник и Алли; а потом она постарается защитить остальных: Рене и всех прочих, кто доверил свои надежды и чаяния Пожарному и сестре Уиллоуз. Она готова сказать любую ложь, лишь бы уменьшить их страдания. Если, конечно, ей вообще позволят говорить.

Гораздо хуже было знать, что она станет свидетелем смерти Джона, не имея возможности умереть вместе с ним. Ее оставят в живых до тех пор, пока не разрежут и не вытащат скользкого красного

ребенка из ее матки. Тогда она умрет – истекая кровью, под крик младенца.

Двое дозорных держали Харпер за руки, развернув лицом к двери.

Люди стояли вдоль грунтовой дороги, ведущей мимо кафетерия к церкви и Мемориальному парку. У некоторых в руках были факелы. Харпер вдруг поняла, что дорога через лагерь не сулит ничего хорошего. Она никогда не молилась – Джейкоб похоронил для нее Бога, – но сейчас бормотала про себя что-то вроде молитвы. Она сама не знала, к кому обращалась; возможно, к отцу Стори. На мгновение закрыв глаза, она увидела его хмурое, морщинистое, понимающее лицо. Она молилась, чтобы хватило сил оставаться собой в последние мгновения.

– Шевелись, сука, – сказала Джейми Клоуз, ухватив Харпер за загривок и толкая вперед.

Ноги Харпер все еще плохо слушались и дрожали, так что дозорные, державшие ее руки, то шагали, то тащили ее волоком в стылую ночь. Харпер поняла, что ее ведут Гейл и Джиллиан Нейборс. И они, похоже, были напуганы не меньше ее. Харпер сказала бы им, что бояться не надо, что они поступают правильно, но ей не давали этого сделать камень во рту и обмотанная вокруг головы изоленга.

Толпа отшатывалась от Харпер, как будто она несла заразу пострашнее драконьей чешуи. Чумазные дети смотрели с восторженным ужасом. Седовласая женщина в стильных очках «кошачий глаз» плакала и качала головой.

Норма Хилд первая шагнула из толпы и плюнула на Харпер.

– Подстилка убийцы! – хрипло завизжала она.

Харпер вздрогнула, покачнулась, и Гейл крепко сжала ее руку, чтобы удержать. Харпер рефлекторно затрясла головой – «Нет, не я», – потом прекратила. В следующие полчаса ей придется быть подстилкой убийцы. Неизвестно, что случится с Ником после ее смерти, но пока она жива, она будет делать все, что нужно.

– Да как ты могла! – крикнула красивая молодая женщина с красными пятнами на лице. Руфь... как-ее-там? На ней была ночная рубашка в голубой цветочек и сверху – объемная оранжевая парка. – Как ты могла! Он любил тебя! Он бы умер за тебя!

Еще один – сочный, густой – плевок попал на короткие волосы Харпер.

Впереди уже были видны массивные, грубо обработанные камни и та шершавая гранитная скамья, которую Харпер сочла подходящим местом для жертвоприношения, – здесь белая королева убьет священного льва.

Когда они добрались до внешнего круга, правая нога совсем отказала, и Харпер опустилась на колени. Джиллиан наклонилась к ней, словно собираясь прошептать слова утешения.

– Мне плевать, что вы беременная, – сказала она. – Надеюсь, вы умрете здесь. – Она схватила Харпер за нос, зажав ноздри. – А как по мне, так и ребенку туда же дорога.

Харпер уже не хватало воздуха. Голова была так же пуста, как и легкие. Джиллиан могла убить ее запросто – как щелкнуть выключателем. Потом Джейми ухватила Харпер за шею, рывком подняла на ноги и пинком под ягодицы послала вперед – и Харпер снова смогла дышать.

– Шевели булками! – крикнула Джейми, и некоторые мужчины засмеялись.

Харпер оглянулась и увидела Майкла рядом с Беном и Кэрол. Майкл нес на плече Пожарного – как мешок овса. Пожарный всегда выглядел солидным взрослым, а Майкл казался ребенком, но теперь Харпер поняла, что рыжий мальчишка ростом выше Джона и шире в плечах. И что-то вроде джутового мешка укрывало голову Пожарного.

Харпер подвели к одному из высоких постаментов. Подошел мальчик – которого Харпер называла Боуи – с желтой ручкой от метлы; и Харпер подумала – не решили ли ее забить палками? Нет. Сестры Нейборс завели ее руки назад. Ручка метлы оказалась за каменной колонной, и к ней с помощью липкой ленты девочки примотали запястья Харпер. Она оказалась прижата спиной к древнему камню, с заломленными назад руками.

Чак Каргилл с другими ребятами прислонили Пожарного к камню в десяти футах от Харпер. Руки ему тоже завели за спину и с помощью липкой ленты примотали запястья к лопате за постаментом. Когда Пожарного отпустили, его ноги подкосились – он все еще был без сознания, – и он осел на землю, раскинув ноги и опустив подбородок на грудь.

Обитатели лагеря отошли назад, встав у внешнего круга камней, и глазели. В неверном оранжевом свете факелов лица казались бледными

пятнами с потемневшими от страха глазами. Харпер пыталась найти кого-то знакомого; взгляд остановился на одиннадцатилетней Эмили Уотерман. Харпер попробовала улыбнуться девочке глазами, но Эмили сжалась, как под взглядом сумасшедшей.

За толпой, у нижних ступеней широкой лестницы к воротам церкви, возникло оживление. Харпер услышала крики, увидела, как толкаются люди. Двое мальчишек толкали перед собой прикладами винтовок Рене Гилмонтон, ударяя по пояснице и по плечам. Они не избивали ее. Просто вели в нужном направлении, тыкая, чтобы напомнить, что они рядом. Харпер отметила, что Рене идет с великим достоинством. Ее руки были связаны за спиной лохматой бечевкой – такой обычной перевязывают посылки в крафт-бумаге. Из пореза над левой бровью сочилась кровь, и Рене смаргивала ее, но в остальном лицо оставалось спокойным, с гордо поднятым подбородком.

Алли шла следом и хрипло кричала, дрожа:

– Отвали! Убери сраные лапы!

Ее руки тоже были связаны за спиной, и Джейми Клоуз вела ее за локоть. Харпер даже не заметила, когда Джейми отошла от нее, но вот она уже подгоняет Алли. У Джейми были и помощники: двое мальчишек ухватили Алли с обеих сторон за плечи, и еще двое шагали сзади. Кровь текла у Алли изо рта. Зубы покраснели. Она шла в пижамных штанах и толстовке бостонских «Ред Сокс», а босые ноги были в грязи.

– На колени, – скомандовала Джейми, когда они добрались до края круга. – И заткни сраную пасть.

– У нас есть право выступать в свою защиту, – крикнула Рене Гилмонтон, и тут же приклад винтовки ударил ее сзади по левой ноге. Рене рухнула на колени.

– У тебя есть право заткнуться! – завопила какая-то женщина. – У тебя есть право заткнуть свой лживый рот!

Харпер не заметила, когда ушли Бен и Майкл, но теперь увидела, как они выходят из кафетерия. С ними шли Гилберт Клайн и Мазз.

По лицу Гила нельзя было прочесть ничего, как у бывалого игрока в покер: может, у него «фул-хаус», а может, и вовсе пусто – не разберешь. Мазз, напротив, бурлил энтузиазмом. Хоть он и был в джинсовой куртке поверх заляпанной футболки, но шагал чуть ли не вприпрыжку, с лучистой уверенностью бизнесмена в пошитом на заказ

костюме и с шестизначным окладом, спешащего на работу в Манхэттенскую высотку.

Джиллиан помогла Кэрол взобраться на каменную скамью – как раз между Харпер и Пожарным. Кэрол стояла, покачиваясь, из остекленевших глаз по щекам текли слезы. Она не стала поднимать руку, чтобы призвать к тишине. Этого не потребовалось. Тихое, нервное бормотание – смесь напряженного шепота и всхлипываний – мигом улеглось. В наступившей тишине слышалось только шипение и потрескивание факелов.

– Мой отец мертв, – сказала Кэрол, и над толпой в сто семьдесят человек пронесся горестный стон. Кэрол молчала, пока вновь не стало тихо, потом продолжила:

– Пожарный пытался убить его три месяца назад – и не смог. Попытался снова сегодня ночью – и ему удалось. Он или медсестра ввели отцу пузырек воздуха в вену, что привело к смертельному сердечному приступу.

– Это полная ложь, – ясно и громко произнесла Рене.

Один из дозорных ударил ее прикладом винтовки между лопаток, и Рене повалилась в грязь лицом.

– Оставьте ее! – закричала Алли.

Джейми наклонилась к Алли и сказала:

– Откроешь рот еще хоть раз – и я вырежу тебе язык и прибью его на дверь церкви. – В руке Джейми держала обычный столовый нож – похоже, для мяса, с зубчатым лезвием – она поднесла его к щеке Алли, и лезвие ярко блеснуло.

Алли бросила дикий, яростный, испуганный взгляд на тетю. Кэрол посмотрела на нее так, словно не узнавала.

– Дитя, – сказала Кэрол. – Ты будешь говорить, когда спросят, не раньше. Слушай меня, или я не смогу защитить тебя.

Харпер была уверена, что Алли закричит, начнет ругаться, и Джейми действительно порежет ее. Однако Алли посмотрела на тетю с изумлением – словно получила пощечину – и заревела так, что плечи начали трястись.

Кэрол оглядела прихожан – одного за другим. Влажный и прохладный воздух пах солью. Светила почти полная луна. Мальчик на колокольне – на башне око видит далёко – положил локти на парапет и нагнулся, наблюдая за тем, что происходит внизу.

Кэрол сказала:

– Думаю, что Пожарный убил и мою сестру, Сару. Наверное, она узнала, что он собирается избавиться от моего отца, и погибла от руки Пожарного, не успев предупредить нас. Я не могу этого доказать, но уверена, что так и было.

– Вы не можете доказать вообще ничего! – крикнула Рене с земли. Она все еще лежала в грязи, в унижительной позе: задом кверху и со связанными за спиной руками. На подбородке появилась царапина от удара лицом о землю. – Ни единого слова!

Кэрол обратила к ней ледяной, печальный взгляд.

– Могу. Я могу доказать самое важное. Могу доказать, что вы, медсестра и Пожарный устроили заговор, чтобы убить меня и Бена Патчетта, и хотели захватить власть, превратить наш лагерь в концентрационный. Я могу доказать, что следующими на очереди были мы.

Она сказала это так смиренно, что Харпер чуть не зашлась в истерическом хохоте. Правда, сейчас она даже хихикнуть не могла.

– Они голосовали! – крикнула Кэрол. Она подняла разлинованный желтый лист из большого блокнота. – Подтасованное скорее всего, но все же голосование. Больше двадцати человек в лагере проголосовали за то, чтобы медсестра Уиллоуз и Пожарный творили, что пожелают. Убивали, кого захотят, мучили, кого захотят, сажали под замок, кого захотят. – Кэрол добавила тихим голосом: – И моя племянница была среди голосовавших.

Над толпой собравшихся в Мемориальном парке прокатился страдальческий ропот.

– Неправда, – крикнула Алли.

Джейми схватила Алли за подбородок, откинула ее голову назад, прижала нож к щеке и посмотрела на Кэрол, ожидая команды. Харпер видела, как на горле Алли бьется бледная жилка.

– Я прощаю тебя, – сказала племяннице Кэрол. – Уж не знаю, какую ложь обо мне они тебе скормили, чтобы настроить против меня, но тебя я полностью прощаю. Я стольким обязана твоей матери. И ты – все, что у меня осталось от нее. Ты и Ник. Может быть, они заставили тебя поверить, что меня нужно убить. Надеюсь, однажды ты поймешь, что я готова умереть ради тебя, Алли. В любой момент.

– А как насчет сейчас, хитрожолая интриганка? – спросила Алли. Она говорила шепотом, но ее слова разнеслись по парку.

Джейми полоснула ножом ей по губам, разрезав обе. Алли закричала и упала ничком. Она не могла унять кровь со связанными за спиной руками; Алли извивалась и дергалась, размазывая кровь и грязь по лицу.

Кэрол не вскрикнула от ужаса или возмущения. Она только посмотрела на племянницу, а потом отвернулась, бросив полный муки взгляд на толпу. Тишина в парке стала тревожной и пугающей.

– Видите, что они сделали с ней? – спросила Кэрол. – Что натворили Пожарный и медсестра? Как они испортили ее? Настроили против нас? И, разумеется, Алли была любовницей Пожарного. Несколько месяцев.

Алли затрясла головой и застонала от гнева и удивления, но ничего не сказала – а может, не могла говорить с исполосованным ртом.

– Думаю, поэтому Джон Руквуд и решил убить моего отца. Поэтому выследил его в лесу и ударил по голове. Мой отец узнал, что Пожарный превратил в шлюху шестнадцатилетнюю девочку, и хотел его разоблачить. Прогнать из лагеря. Но Пожарный первым нанес удар – удар своим оружием. Вы все видели его. Хулиган. Он даже не отчистил его. На нем по-прежнему можно видеть кровь моего отца и его волосы. Майкл, покажи.

Майкл появился из-за спин заключенных, держа в руках ржавый железный лом. Он прошел мимо Харпер, и она могла хорошенько рассмотреть хулиган. На нем была вмятина – она появилась несколько месяцев назад, когда Харпер ударила человека в противогазе. А сейчас на ломе была старая запекшаяся кровь, и несколько волосков блестели золотом и серебром в свете факелов.

Майкл поднял хулиган, показывая зрителям. Норма Хилд протянула пухлую, белую дрожащую руку и почтительно коснулась лома, потом посмотрела на пальцы.

– Кровь! – завопила она. – На нем все еще кровь отца Стори!

Харпер отвернулась с омерзением. Интересно, когда же Майкл успел забраться в лодочный сарай, чтобы вытащить из пожарной машины хулиган и подготовить его. Остается надеяться, что отец

Стори был уже мертв, когда Майкл мазал ржавую железяку кровью старика и выдергивал волосы из разбитой головы.

Отвернувшись от Майкла, она вдруг увидела то, от чего у нее перехватило дыхание. Ступня Пожарного дернулась влево, потом вправо. Заметил ли кто-нибудь, Харпер не знала. Джутовый мешок на голове шевельнулся в том месте, где был рот.

– Вы знаете, как силен мой отец. Как он сражался, чтобы вернуться к нам, чтобы восстановить свое многострадальное... свое... – Кэрол захлестнули эмоции, и говорить она не могла.

– Он не ушел! – крикнул какой-то мужчина. – Он всегда с нами в Свете!

Кэрол выпрямилась, словно ее поддержала невидимая рука.

– Да. Верно. Он всегда был с нами там, и он всегда будет с нами. Это утешительная мысль. Это утешение для нас всех. В Свете мы живем вечно. Там наши голоса никогда не стихнут. – Она провела под глазом костяшкой большого пальца. – Я знаю еще кое-что: сестра Уиллоуз была уверена, что разрушила его мозг во время операции и что он больше не очнется, поэтому необязательно его убивать. Оставить его в живых было лучшим прикрытием для ее истинных намерений в отношении меня, и Бена, и всех остальных. Однако ее самонадеянность сослужила ей плохую службу! Вскоре отец начал показывать признаки выздоровления – он черпал силы в нашем пении, в Свете! Тогда она решила вызвать приступ, вкалывая ему инсулин. Но она осмелилась сделать только один или два укола. Там был мой племянник, и она чувствовала, что маленький Ник следит за ней и оберегает моего отца.

Кэрол снова замолчала, собираясь с силами. Потом заговорила – так тихо, что люди подались к ней, чтобы все расслышать.

– Мой папа. Мой папа был так силен. Он пытался вернуться снова и снова. Он начал приходить в себя. Думаю, он заставлял себя проснуться, несмотря ни на что. Он знал, что находится в опасности. Он нашел ручку и бумагу и написал записку. – Она взмахнула рукой с зажатым в кулаке белым листком. Ее плечи дрожали. – Это его почерк. Я знаю его с тех пор, как стала достаточно взрослой, чтобы читать письма. Рука дрожит, но почерк его. Здесь написано... – Кэрол смотрела на листок, моргая от слез. – Здесь написано: «Дорогая Кэрол, я скоро умру. Надеюсь, это первой найдешь ты, а не медсестра. Береги

себя. Береги детей. Береги лагерь. Береги всех от Пожарного. Помни, что Спаситель принес не мир, но меч. Люблю тебя».

Кэрол опустила записку, зажмурилась и пошатнулась. Когда она открыла глаза, Майкл уже стоял наготове. Кэрол передала бумажку ему, и он снова отправился демонстрировать улику толпе, чтобы каждый мог сам убедиться.

– Это все ничего не доказывает, – крикнула Рене, лежащая в грязи. – Ни один суд в Америке не примет *ничего подобного* в качестве доказательств. Ни записку вашего отца, которая могла быть написана под принуждением, ни лом, который можно было подготовить. – Рене повернула голову, глядя на собравшихся. – Никто никого не планировал убивать. Мы говорили о побеге! Не об убийстве. Все, чего хотели Харпер и Джон, это маленькой группой убраться отсюда и отправиться на остров Марты Куинн... Он существует. С заряженным мобильником мы могли бы это доказать. Они передают сигнал по Интернету. Никто – ни Кэрол, ни кто-то другой – не может предоставить настоящих доказательств каких-то незаконных намерений, достаточных для предъявления суду.

– Не соглашусь, – заявил Мазз с края круга.

Когда Рене упомянула остров Марты Куинн, послышался удивленный ропот, похожий на гудение микрофона. Но сейчас почти все разом снова затихли.

– Пару дней назад мы все встретились на тайном собрании на острове Пожарного: я, Гил, Рене, Дон Льюистон, а еще Алли, Пожарный и медсестра, – заявил Мазз. – Рене предложила мне стать главным по безопасности в лагере после того, как Пожарный избавится от Бена Патчетта и Кэрол. А медсестра, да, она обещала мне, что я смогу выбрать любую из девчонок старше четырнадцати. Мне только и нужно было держать людей в узде. Только вот они не знали, что я уже стукнул мистеру Патчетту, что затевается какая-то хрень, и обещал работать на лагерь, типа как двойной агент. Рене и Алли думали, что все из себя такие умные, что выцарапали нас из мясного холодильника на собрание. Не знали они, что мистер Патчетт *позволил им* нас вывести. Бен Патчетт, Чак Каргилл и Майкл Линдквист это подстроили, чтобы я мог собирать разведданные.

– А Клайн все подтвердит, – сказал Бен Патчетт и подтолкнул Клайна в спину. – Правда, Клайн?

Гилберт Клайн спокойно взглянул серыми глазами на Рене. Она смотрела так, будто только что получила прикладом в живот. Будто ее тошнит.

– Я могу подтвердить одно, – сказал Гил. – Я могу подтвердить, что Мазз – мешок дерьма, который скажет Патчетту что угодно, лишь бы выбраться из холодильника. А все остальное, чем вас тут кормят, – один большой пирог с дерьмом, и не верится, что хоть кто-то его проглотит.

Бен ударил рукояткой пистолета Гила по спине. Звук получился такой, будто стукнули костяшками по дереву. Гил опустился на колени.

– Нет! – воскликнула Рене. – Не трогайте его!

Харпер подумала, что вряд ли кто-то ее услышал за приглушенным ревом удивленной и разгневанной толпы.

Бен стоял за спиной Гила Клайна, качая головой, и гневно глядел на Кэрл.

– В подвале он другое говорил, – сказал Бен. – Точно! Говорил, что во всем поддержит Мазза, если мы будем обращаться с ними одинаково. Говорил...

– А я сразу сказал, чтоб его не впутывали, – встрял Мазз. – Почему, думаете, я с самого начала не хотел с ним дела иметь? Я говорил, что он...

– Хватит! – крикнула Кэрл, и почти все разговоры смолкли. Почти. Но не все. Прихожане беспокойно шептались, переминаясь с ноги на ногу. – Всем ясно, что Клайн – любовник Гилмонтон и запросто солжет, чтобы защитить ее.

– Да, конечно! – заорал Мазз. – Они крутили шашни несколько недель! И ее липовый книжный клуб был только прикрытием. Читать «Обитателей холмов», твою мать. Это у них был пароль для того, чем они по правде занимались – трахались, как кролики, при первой возможности...

– Единожды солгавший, кто тебе поверит, – сказал Гил.

– Мистер Маззучелли не единственный наш свидетель! – крикнула Кэрл. – Есть и другой! Спросите саму медсестру! Спросите! Это что, неправда? Разве она не наблюдала, как Пожарный ввел через шприц пузырек воздуха и убил моего отца? Разве она сама не вводила наркотик моему племяннику, Нику, чтобы без помех осуществить убийство? Спросите ее! Это правда, сестра Уиллоуз? Да или нет?

Харпер подняла голову и огляделась. Сто семьдесят лиц, озаренных inferнальным оранжевым светом факелов, были обращены к ней. Все смотрели со страхом и ненавистью. Эмили Уотерман была убита горем. Слезы прочертили линии на ее грязных щеках. Джейми, наоборот, тряслась от нетерпения, все еще держа Алли за челюсть. Наконец Харпер отыскала взглядом Майкла, который стоял позади двух заключенных, по правую руку от Бена Патчетта, и держал винтовку у пояса, стволом в сторону Алли. Он незаметно кивнул: *давай!*

Харпер двинула подбородком вверх и вниз. Да. Все правда.

Крик – рев мучительной ярости – пронесся над ней, и словно сама тьма содрогнулась. Харпер никогда не слышала такого долгого воя. Это был небывалый хор, и Харпер увидела, что они начинают сиять. Глаза Джейми светились, как золотые доллары под полуденным солнцем. Драконья чешуя, покрывавшая голые руки Нормы Хилд, горела яркими красными точками.

– М-м... – сказал вдруг Пожарный через мешок. – Это что? В чем дело? Что происходит?

Он зашарил каблуком по земле, пытаясь найти опору.

– Он просыпается! – завизжала Эмили Уотерман противным голосом. – Он убьет нас! Он сожжет нас всех!

И снова Норма Хилд первой вышла из толпы. Она размахнулась и швырнула камень, небольшой белый камешек, не больше мяча для гольфа. Наступила внезапная тишина, как будто все разом затаили дыхание. Камень ударил Пожарного в плечо со звонким «чпок».

Над толпой пронесся громкий и дикий рев удовлетворения.

Никто не видел, как дверь лазарета в трехстах футах от них открылась и захлопнулась, как Ник вышел оттуда, пошатываясь, еще толком не проснувшись.

И дозорный на колокольне не замечал включенных фар автобуса в полумиле от парка, которые бешено сигналили у ворот в лагерь Уиндем. Дозорный смотрел вниз, на происходящее. На то, как полетели камни.

Камень ударился в гранитную колонну над головой Пожарного. Он дернулся от звука. Другой камень врезался ему в коленную чашечку с костяным стуком.

Его левая ладонь полыхнула голубым пламенем, расплавив липкую ленту, сломав черенок лопаты.

Белый камень размером с пресс-папье ударил в мешок на голове, и левая рука Пожарного вдруг погасла, повалил черный дым. Подбородок опустился на грудь. Камни лупили по плечу, животу, по бедру, стучали по колонне.

«Нет, – подумала Харпер. – Нет-нет-нет...»

Она зажмурилась, обратилась внутрь себя и начала напевать – без слов и даже без мелодии.

5

Фильм Запрудера, немая цветная лента, на которой зафиксировано убийство президента Джона Ф. Кеннеди, длится меньше двадцати семи секунд, но тем не менее ему посвящены целые книги, в которых досконально исследуется все, что удастся разглядеть в кадре. Можно замедлить видео, чтобы подробно разобрать каждый миг полного хаоса, – показать суету человеческих действий и реакций, происходящих одновременно и сплетающихся в запутанный калейдоскопический узор. Каждый раз, просматривая фильм заново, замечаешь новые нюансы, получаешь новые впечатления. Каждый просмотр открывает новые подробности пересекающихся повествований: не одной истории – убийства великого человека, – а десятков историй, выхваченных камерой в разгар событий.

У Харпер Уиллоуз не было возможности спокойно наблюдать – в уюте и безопасности, – за тем, что происходило в следующие одиннадцать минут ее фильма. И в дальнейшем ей не представится случая заново пересмотреть сцену бойни – узнать, что она пропустила. Даже если бы такая возможность существовала, Харпер отказалась бы – она не смогла бы смотреть на это снова, переживать заново все потери.

И все же она видела многое, гораздо больше, чем остальные – возможно, потому, что не паниковала. Такая уж у Харпер была натура:

она обрела спокойствие, когда большинство впадали в истерику; она хладнокровно наблюдала, когда остальные даже смотреть не могли на происходящее. Из нее вышла бы хорошая военная медсестра.

Харпер открыла глаза, когда ладони полыхнули огнем и изоленга вокруг запястий сморщилась и расплавилась, подняв вонь. Руки были свободны... свободны и объята желтым пламенем почти до плеч. Боли не было. Руки овевала благословенная прохлада, словно Харпер погрузила их в море.

Факелы были больше не нужны. Весь лагерь светился. Харпер смотрела на вибрирующую толпу мужчин и женщин с ярко сияющими невидящими глазами. Всех покрывала драконья чешуя, споры светились алым светом, пробивавшимся сквозь свитеры и платья. Некоторые пришли босиком и теперь были словно в бронзовых тапках.

Норма Хилд, с глазами, сияющими вишневым цветом, как неоновая вывеска, нагнулась, чтобы поднять еще камень. Харпер вскинула правую кисть – и полумесяц пламени размером с бумеранг пронесся в темноте и разбился огненными брызгами о руку Нормы. Норма вскрикнула, качнулась назад и упала, повалив еще двух человек.

Харпер слышала крики. Краем глаза она заметила движение: люди бежали, отпихивая друг друга. Над ее левым ухом свистнул камень и отскочил от постамента, к которому ее привязали.

Она повернулась к Пожарному и увидела, что его загораживает Джиллиан Нейборс. Харпер подняла левую руку и раскрыла ладонь, как в приветствии. Но вместо приветствия в Джиллиан полетела тарелка огня, как торт в лицо. Джиллиан завизжала, закрыла ладонями глаза и повалилась навзничь.

Камень ударил Харпер в поясницу – боль вспыхнула на мгновение и тут же стихла.

Харпер нащупала ленту, обмотанную вокруг головы, и дернула. Лента не порвалась, а растаяла и расплзлась. Харпер открыла рот, и камень выпал в ее левую ладонь. Харпер сжала его в кулаке, и камень начал разогреваться, его поверхность, светлея, трескалась и шипела.

Запомните камень в ее кулаке.

Майкл потянулся и схватил Кэрл за запястье, как Ромео через перила балкона брал за руку Джульетту; ты и я, крошка, что скажешь?

Гилберт Клайн поднялся с земли, развернулся и впечатал кулак в живот Бену Патчетту. Бен согнулся пополам и словно съежился – в

голове Харпер мелькнул образ пекаря, который месит взошедшее тесто.

Еще один камень ударил Харпер в бедро, и она покачнулась. Рядом возникла Алли и помогла удержать равновесие, подставив плечо. Все лицо Алли было в крови. Она улыбалась разрезанными губами. Руки были связаны за спиной. Харпер протянула ладонь в белой огненной перчатке. Бечевка разлетелась оранжевыми червячками.

Харпер и Алли добрались до Пожарного в три шага. Харпер ухватила его под мышки, спрятав ладони под плотной курткой. Огненные перчатки погасли, оставив черный дым и открыв драконью чешую, обвивающую предплечья. Споры еще мерцали лихорадочными красными и золотыми точками. Как только пламя погасло, по всему телу побежали мурашки, и у Харпер так закружилась голова, что она чуть не рухнула, так что Алли пришлось поддержать ее, положив руку на плечо.

Через мешок на голове Джона сочилась кровь, на ткани появились два пятна – в районе рта и на левой стороне головы. Алли сорвала мешок и открыла лицо Пожарного – разбитая скула, опухшая верхняя губа изогнута в кровавой усмешке. Впрочем, Харпер была готова к худшему. Пожарный повел глазами и все-таки сфокусировался на Харпер и Алли.

– Можете встать? – спросила Харпер. – У нас беда.

– *Фто ефе* случилось? – спросил Пожарный, брызгая кровью. Он смотрел то на одну, то на другую с неясным беспокойством. – *Офтафьте* меня. Бегите.

– Да заткнитесь уже, – буркнула Харпер, пытаясь поднять Пожарного на ноги.

Но он не слушал ее. Он ухватил Харпер за плечо и, забыв закрыть окровавленный рот, выпучив глаза, ткнул пальцем в небо.

– Рука Бога! – завопил кто-то. – Это рука Бога!

Харпер подняла глаза и увидела громадную огненную ладонь величиной с автомобиль. Ладонь упала в центр каменного круга и накрыла гранитную скамью, на которой мгновение назад стояла Кэрол. Теперь ее прятал под скамьей Майкл, обхватив руками.

Громадная горящая ладонь ударила так, что земля задрожала. Она взорвалась длинными языками пламени – они полыхнули во

внутреннем круге торчащих постаментов, опалив дочерна гранит. Трава зашипела и превратилась в оранжевые нитки. Волна горячего воздуха бросила Харпер в объятия Джона и разметала толпу, повалив стоящих в первом ряду на тех, кто был сзади.

Звенели крики боли и вопли ужаса. Эмили Уотерман упала на землю под напором толкающихся взрослых, и бывший сантехник Джош Мартингейл весом в 212 фунтов наступил ей на запястье. Кость громко хрустнула.

Горящая рука с неба пропала, хлопнув по земле, и оставила только опаленную траву и дымящуюся каменную скамью, под которой прятались, обнявшись, Кэрол и Майкл.

– Но как? – спросила Харпер. – Кто?..

– Ник, – ответил Пожарный.

Только что прихожане Кэрол Стори сияли вместе, в светлой гармонии ярости и торжества, но теперь никто не светился, и они тыкались друг в друга с грацией ополоумевших бычков. С севера, со стороны лазарета, в людском монолите образовалась брешь. Люди оглядывались и, увидев, что приближается к ним, бежали прочь. Двадцатидвухлетний Билл Хетворт, бывший студент технического вуза, проживший в лагере четыре месяца, увидел того, кто шел к нему, и мочевой пузырь не выдержал – на джинсах спереди появилось темное пятно. Четырнадцатилетняя Кэрри Смолс, всего три недели пробывшая в лагере Уиндем, упала на колени и залепетала «Отец наш *неместный*, да *синица* имя твое».

К ним шел Ник: голова охвачена огнем, глаза – яркие угли, руки оцетинились горящими когтями, и шлейф черного дыма позади.

Людское море расступалось перед Моисеем в огненной мантии. Теперь он уже сверкал не так страшно. Голубой венец над его головой угасал, меняя оттенки – изумрудный, бледно-желтый, – и наконец исчез облаком белого дыма. Однако глаза по-прежнему полыхали горячими углями.

– Идем, – сказал Пожарный. – *Нафа офередь*. – Шипящие звуки сопровождалась брызгами крови с разбитых губ.

Харпер и Алли подхватили Пожарного с двух сторон и подняли на ноги. Он не мог ни стоять ровно, ни идти, так что сразу начал заваливаться вперед. Харпер и Алли удержали его, и он обнял их за плечи.

– Давайте за Ником, – сказал Пожарный. – Он напугал их. Они его *боятфа* даже *больфе* меня.

Однако он успел сделать с помощью Харпер и Алли всего два шага, когда послышался вой автомобильной сирены, громоподобный «врум-врум», который будто пронзил Харпер грудь. Она застыла и, оглядевшись по сторонам, уставилась на дорогу, сбегаящую по гребню холма.

Две фары, ярко-голубые ксеноновые фары, вспыхнули ледяным взглядом над громадным снежным плугом.

Фары осветили человека, стоявшего в восьми футах от грузовика – человека в грязном свитере с северными оленями. От петли на его шее волокнистый шпагат тянулся к решетке за плугом. Руки человека были связаны за спиной. В свете фар легкие седые пряди казались стальными нитями.

Свет фар озарил и Марка Маззучелли, который был ярдах в пятидесяти. Мазз шагал посреди грунтовки, явно решив, что вдоволь наслаждался прелестями лагеря Уиндем и пора уходить на более тучные пастбища. Когда вспыхнули фары, он сделал последний неуверенный шаг и замер.

– Что за хрень? – Голос Мазза разнесся во внезапно наступившей тишине.

Моргнула еще пара фар, потом еще одна. Первая пара принадлежала военному «Хаммеру» с открытым верхом. Рядом стоял «Шевроле Сильверадо Интимидатор» на шести огромных колесах. Ослепительные прожекторы были укреплены над кузовом. Сзади по дороге ехали еще как минимум два пикапа.

Хромой Нельсон Гейнрих с петлей на шее обернулся через плечо на свет.

– Ну, видите! – крикнул он. – Я же говорил! Говорил, что они все тут! Все! Сотни две зараженных! Я говорил, что помогу! А теперь отпустите меня! Вы обещали! Обещали, что со мной все!

Из громкоговорителей, укрепленных рядом с прожекторами на крыше «Интимидатора», грянул усиленный голос. Харпер узнала его.

Его узнали все. Ковбой Мальборо был известен по всему побережью.

– Уговор есть уговор, – сказал Ковбой Мальборо. – Никто не скажет, что Ковбой Мальборо не держит слово. Ну-ка, освободите мистера Гейнриха.

Человек в военной форме поднялся с пассажирского сиденья «Хаммера». Достав «бушмейстер», он положил ствол на раму ветрового стекла, прежде чем открыть огонь.

Нельсон Гейнрих выгнул спину, словно его ударили в поясницу стальным ломом. Из груди брызнул красный туман, создав алую дымовую завесу. Нельсон попытался бежать, сделал два шага, и тут веревка натянулась, и он упал в грязь.

Мазз тоже повернулся и побежал. Шаг, другой, и тут град пуль перебил ему ноги. Потом пули застучали по его спине, как дождь по барабану. Последний выстрел попал падающему Маззу в плечо, развернул, и он рухнул, обратив лицо к дымному ночному небу.

Военный «Хаммер» рванул с места и понесся по разбитой дороге, подняв тучу белой известковой пыли. Джип проехал во тьму между церковью и кафетерием, отрезав путь отступления в эту сторону. Свет фар скользнул по грязной земле и высветил Ника. «Хаммер» не притормозил, а прибавил газу, направляясь к мальчику. Харпер выкрикнула его имя. Ник, разумеется, не услышал.

Военный «Хаммер» с хрустом переехал Мазза и подпрыгнул, словно попал в глубокую выбоину. Ник обернулся – медленно, как во сне. Он поднял правую руку. Из ладони брызнули искры, поднимаясь спиралями в ночное небо, – тысяча новых звезд взлетала с его руки. Вот только вместо того, чтобы таять, как положено обычным искрам, они разгорались все ярче и набухали. И превращались в стаю пылающих воробьев, не крупнее мяча для гольфа, и эта стая стремительных сердитых огненных птичек вдруг ринулась вниз.

Они обрушились частым красным дождем на «Хаммер», когда он был уже футах в пятидесяти от Ника. Горящие стрелы с хлюпающим звуком проббили лобовое стекло; превратили людей на передних сиденьях в вопящие карикатуры; хлестнули по шинам, которые

завертелись огненными кругами; юркнули в ящик с боеприпасами – и он взорвался со страшным грохотом и прерывистыми вспышками.

«Хаммер» повело влево. Правое крыло зацепило Ника и отбросило в сторону. Джип продолжал движение, клонясь налево. Правое колесо наскочило на полуприкопанный белый камень. «Хаммер» встал на два колеса и перевернулся со страшным грохотом. Обугленный труп – водитель – вылетел в ночь.

Алли звала и звала Ника по имени. Двинуться она не могла – застыла на месте, а когда попыталась броситься к брату, Пожарный крепче ухватил ее за плечо.

– Бен ему поможет, Бен... – сказал Пожарный, прижав на мгновение Алли к себе, прежде чем она высвободилась и понеслась к брату.

Впрочем, Бен Патчетт намного опередил ее. Он бежал неуклюже, но уже преодолел две трети расстояния до лежащего на земле мальчика. В руке он держал пистолет и стрелял не целясь во «Фрейтлайнер». Пуля попала в плуг и высекла голубые искры. Бен опустил на колено, обхватил дымящегося мальчика руками и забросил на плечо. Потом снова выстрелил и побежал обратно, уже не так быстро.

За плугом грузовика прятались, как за щитом, люди. Сверкали и грохотали выстрелы. Бен споткнулся, сбился с курса, но продолжал бежать. Харпер не видела, куда попала первая пуля. Вторая ударила Бена в правое плечо, чуть не развернув его вокруг оси. Казалось, сейчас он упадет или уронит Ника. Нет. Бен выпрямился и побежал дальше усталой рысью, как бегун в конце длинной дистанции в жаркий день. Третья пуля снесла ему верхушку головы. Харпер невольно представила волну, разбивающуюся о скалу. Череп раскрылся, выбросив в ночь красную пену, волосы, осколки кости и брызги мозга.

И он все равно продолжал бежать – шаг, второй, – а когда упал на колени, к нему уже подбегала, протянув руки, Алли. Бен передал ей Ника почти деликатно, с неторопливой заботой, как будто потерять полчерепа для него – пустяк. Перед тем, как Бен рухнул ничком, Харпер успела бросить последний взгляд на его лицо. Ей показалось, что Бен улыбается.

– Бегите! – крикнула Кэрол. – Бегите к церкви! Все бегите! – Она снова стояла на каменной скамье, подняв руки, подсвеченная сзади фарами. Пули со звоном лупили по торчащим вокруг камням; в какой-то момент Харпер показалось, что пола халата Кэрол колыхнулась, словно что-то попало в нее. Но ни единая пуля не тронула Кэрол. Дым поднимался от почерневшего камня под ее ногами. Кэрол была похожа на иллюстрацию из Ветхого Завета – безумный пророк в полуночном одиночестве молит Бога послать искупительную жестокую кару.

Обитатели лагеря Уиндем уже бежали. Они табуном неслись к ступеням, все сто семьдесят, толкаясь и крича. На Эмили Уотерман, так и не поднявшуюся с земли, наступили полдюжины человек. Последней была Шейла Дакворт, бывшая ассистентка стоматолога – она поставила ногу на затылок Эмили, вдавив ее лицом в грязь; и одиннадцатилетняя девочка задохнулась. Шею ей сломали еще раньше, и она не могла поднять лицо, чтобы сделать вдох.

Харпер огляделась, ища Рене, и увидела ее у дальнего угла церкви. Гилберт тащил Рене за собой. Они направлялись не в церковь, а за угол. Рене смотрела мокрыми испуганными глазами так, словно хотела остаться, но Гил тянул ее за собой, и Харпер подумала: «Беги, просто беги». И словно глотнула чистого воздуха, увидев, что Рене скрылась из вида. С Джоном добраться туда было слишком сложно – он еле стоял на ногах, – но Рене и Гил сумели, они сбежали вниз по холму и исчезли за деревьями. Может, они даже найдут каяк, доплывут до Дона Льюистона, если он еще недалеко, если еще наблюдает с воды. Пусть у них получится. И пусть они не оглядываются.

Майкл выбрался из-под жертвенника и взял Кэрол за руки. Она даже не заметила. Она продолжала криками подгонять паству и вырвала запястья из пальцев Майкла. Тогда он обхватил ее за талию и приподнял с камня. Повернулся и побежал, как только что бежал Бен с Ником на плече. Майкл стремился к церкви. Большинство обитателей лагеря уже проскочили в красные двери.

– Давайте, – сказал Пожарный. – Церковь.

Его колени согнулись, и Харпер поддержала его.

– Нет, – возразила Харпер. – Это ловушка...

– Это укрытие, идем.

Все внутри напрялось, как будто тело стянуло стальным обручем. Живот так прихватило, что стало трудно дышать, и Харпер подумала:

уж не началось ли, не вызвал ли стресс роды на месяц раньше срока.

Отринув эти мысли, она потихоньку двинулась к церкви. Пожарный поднимал ноги, изображая, что идет, но по сути Харпер несла его. Рядом с ними оказалась Алли с Ником в руках. Кровь текла с ее подбородка, но губы расплылись в дикой улыбке.

Они поднялись по ступенькам вместе: Алли с Ником и Харпер с Пожарным, за ними Майкл тащил Кэрол. Едва они достигли верхней площадки, ступеньки начали взрываться – пули грызли лестницу, наполняя ночь запахом свежих опилок.

Тут «Шевроле Интимидатор» – с пылающим клеймом «WKLL» на пассажирской дверце – съехал с дороги, спустился, гудя, с холма, объехал круг из камней. «Шевроле» затормозил у южной стороны церкви, на узкой полосе открытой земли между зданием и лесом. Из открытого кузова застрочил какой-то пулемет. Харпер не знала, какой, но глухие, пластиковые звуки не были похожи на выстрелы «бушмейстера».

Остальные два пикапа шумно проехали по открытому участку к северной стороне церкви. «Фрейтлайнер» остался на вершине холма, с работающим мотором, словно Джейкоб выжидал и прикидывал, где он будет полезнее.

Гейл Нейборс стояла у одной створки больших красных дверей. Тонкий, эльфийского вида мальчик, похожий на юного Дэвида Боуи, – у другой. Они уже закрывали двери, когда Харпер и Пожарный ввалились внутрь, – в дым, стоны, крики и ужас. Двери с грохотом захлопнулись – чтобы больше не открыться никогда.

Майкл, чуть пригнувшись, осторожно – с почтением – опустил Кэрол на ноги в тени притвора.

– Вы ранены? – хрипло воскликнул Майкл. – Бога ради, пожалуйста – пожалуйста, – скажите, что вы не ранены. Иначе я не знаю, как мне жить.

Кэрол косила глазами, как испуганная лошадь. Она, похоже, не узнавала Майкла.

– Нет. Не ранена. Свет. Наверняка это Свет! Он отводил пули в сторону. Это как силовое поле любви. Оно защитило и тебя!

Харпер прочистила горло и легонько локтем отодвинула Кэрол с дороги. В левом кулаке она сжимала белый камень чуть покрупнее мяча для гольфа – камень, который Джейми Клоуз впихнула в рот Харпер пятнадцать невероятных минут назад. Теперь камень дымился, постепенно разогреваясь в покрытой драконьей чешуей ладони. Харпер ударила им Майкла Линдквиста Джуниора в челюсть, выбив два зуба.

– Не-а, – сказала Харпер. – Нет у него силового поля. – Майкл согнулся пополам, и Харпер впечатала колено в его разбитое лицо. И тут же ударила по плечу горячим камнем. Брызнули искры. Плечо выскочило из сустава с таким звуком, будто кто-то вытащил пробку из бутылки.

Харпер не могла заставить себя остановиться. Она была сама не своя. Ее рука действовала по собственной воле, и рука желала убить Майкла. Но для этого пришлось бы встать на колени, а из-за частых схваток это представлялось затруднительным. И потом, Пожарный все еще держал ее за пояс, и, хоть сил оттащить Харпер у него не было, он хотя бы пытался.

– Погодите, – сказала Харпер. – Я в порядке. Больше не буду.

Она честно сама верила, что не будет, но стоило Пожарному отпустить ее, как она саданула ботинком Майклу по шее.

– Он был таким милым стариком, – сказала Харпер, пока Пожарный оттаскивал ее на безопасное расстояние. – Ты должен сдохнуть со стыда!

Кэрол смотрела непонимающим, удивленным взглядом. Одна сторона лица порозовела и опухла, ухо было ободрано. Упавшая рука Бога оставила на ее щеке настоящий солнечный ожог.

– Ну что? – обратилась к ней Харпер. – Похоже, твое силовое поле отключалось, когда Микки хотелось залезть пальчиком в твою киску.

Кэрол съежилась, как от удара. Левая щека начала приобретать тот же цвет, что и обожженная половина лица.

– Можете убить меня если хотите, – сказала Кэрол. – Вы просто отправите меня в объятия моего отца. Он ждет меня в Свете. Все, кого мы потеряли, ожидают в Свете. В любом случае теперь это наш единственный выход.

– Я не собираюсь вас убивать, – сказала Харпер. – И никогда не собиралась. Да мне и незачем. Люди за стенами позаботятся об этом вместо меня. Мы в западне, а у них уйма оружия. У нас осталось минут пять или десять. И за это время подумайте вот о чем. Майкл убил вашего отца... ради вас. Чтобы спасти вас. И себя. Отец собирался сослать вас за то, что вы сделали с Гарольдом Кроссом. А Микки разбил ему голову, чтобы он никому не рассказал, как вы подставили и застрелили Гарольда. Отправив Гарольда в могилу, вы закопали вместе с ним в грязь и собственного отца. Одно потянуло за собой другое. Ступайте в Свет с этим.

Харпер говорила все тише, и последние слова произнесла хриплым шепотом. В конце концов, она никогда не умела быть жестокой с людьми, даже с теми, кто заслужил такое обращение. Харпер неприятно было смотреть на бледное, потерянное лицо испуганной Кэрол. Под глазами легли темные круги, кожа под розовыми ожогами посерела. Наконец-то Кэрол стала похожа на взрослую женщину: выжатую, утомленную, не слишком привлекательную женщину, потрепанную жизнью.

Она озадаченно взглянула на Алли, держащую на руках Ника. Лицо Кэрол задрожало, она заплакала.

– Алли... – Кэрол протянула руки. – Дай я подержу Ника. Посмотрю на него. Пожалуйста.

Алли плюнула Кэрол в лицо. Та моргнула, на щеках и лбу проступили красные пятна. Она подняла ладони, защищаясь, и Алли плюнула в них сгустком соплей и сукровицы.

– Да вот хрен тебе, – сказала Алли порезанным ртом. – Не хочу, чтобы ты его трогала. Ты больна чем-то пострашнее драконьей чешуи, и я не подпущу тебя к нему – вдруг это заразно. – Кровь брызгала на каждом слоге. Рана на губах была слишком свежей. Харпер подумала, что придется наложить швы, но все равно останется шрам.

– У нас нет времени, – сказал Пожарный. – Нужно подняться на колокольню. Там мы сможем сразаться.

Харпер подумала, что это самая безнадежная идея, какую ей доводилось слышать, и открыла рот, чтобы так и сказать, но Джейми заговорила первой.

– Там, наверху, есть по крайней мере одна винтовка, – сказала она. Лицо Джейми было грязным, и она дрожала, хотя Харпер не могла

понять, от шока или ужаса. – И коробка патронов. На башне всегда есть хотя бы одна винтовка – для часового.

Джейми Клоуз была не только мелкой сучкой, но еще и пронырой будь здоров. Ситуацию она просчитала не хуже других и переметнулась к тем, у кого больше шансов на выживание, – с легкостью кассира, отсчитывающего сдачу.

Пожарный кивнул.

– Хорошо. Хорошо, Джейми. Иди наверх. Мы следом. Можно стрелять с колокольни, чтобы очистить проход, – от двери подвала до... – Он замолчал, уставившись перед собой мутным взглядом. Очки он где-то потерял. Харпер поняла, что он представляет себе план лагеря: двойные двери подвала выходят на северное поле, громадную пустошь без единого укрытия. А там – два пикапа, набитые людьми и оружием. Харпер уже думала об этом и не видела выхода.

– Джиллиан! – кричала Гейл. – Кто видел мою сестру? Кто-нибудь видел: она зашла внутрь? – Гейл направилась от дверей в неф, где собрались почти все прихожане.

Харпер сжала плечо Джона.

– Думаете, сможете подняться по лестнице?

– Идите, – ответил он. – Я за вами.

– Я вас не оставлю. Нет. Пойдем наверх вместе.

Он кивнул, стер кровь со щеки.

– Тогда пошли. У нас будет удобная позиция наверху. Не важно, сколько их там. Отличное гнездышко для снайпера. Мы еще сможем пулями и огнем расчистить себе дорогу. Как-нибудь. Еще есть время, Уиллоуз.

Но времени не было. Через мгновение первая бутылка с «коктейлем Молотова» ударила в южную стену церкви – с треском и вспышкой голубого пламени.

Кэрол повернулась на каблуках. Высокий свод эхом отзывался на мольбы – о помощи, о милости Иисуса, о сострадании, о прощении. Кэрол смотрела на длинный, полный людей зал удивленным и смущенным взглядом.

Кто-то распростерся на полу. Другие, сидя на скамьях, обнимали друг друга. Многие примостились у подножия кафедры. Норма, присев на ступеньках, раскачивалась и мотала головой.

– О чем вы плачете? – крикнула она. – Почему плачете? Думаете, нам не выбраться? Думаете, мы в *ловушке*? Нас ожидает Свет, и никто не помешает нам уйти туда, чтобы стать свободными! Не время плакать! Время *петь*!

Витражные окна длинного зала были закрыты листами фанеры, приколочеными снаружи здания. Один из этих листов был охвачен огнем, и пляшущие языки пламени бросали яркие отблески на ряды скамей.

– Время петь! – снова крикнула Норма. – Давайте! Давайте же! – Ее безумный взгляд уперся в Кэрол через длинный зал, заполненный шумящей толпой. – Мать Кэрол! Вы знаете, что нужно делать! Вы знаете!

Кэрол долго смотрела на Норму, словно не понимая. Но все же перевела дыхание и громким голосом запела.

– *О верные Богу*, – пела Кэрол. Сначала ее было плохо слышно за стонами и криками.

Пули частым дождем стучали в стены церкви.

– *Радостно ликуйте*, – продолжала Кэрол трагичным, испуганным – и сладким – голосом. Она пошла по нефу, обойдя стороной Майкла и раскинув руки. Кровь капала с пальцев.

В проходе стояла Гейл. Она, похоже, уже потеряла надежду найти сестру и стояла, покачиваясь. Кэрол взяла ее за руку. Гейл бросила на нее удивленный взгляд и подпрыгнула, будто Кэрол ее ущипнула.

Кэрол схватила ее крепче и продолжала:

– *Придите... придите... во град Вифлеем.*

– Да! – заревела Норма. – Да! В Вифлеем! В Свет!

Кто-то подхватил, подпевая Кэрол испуганным голосом, не попадая в ноты.

Кто-то без остановки плакал:

– Мы умрем! Мы умрем здесь! Господи, мы все умрем!

Гейл посмотрела на руку Кэрол и заплакала так, что плечи заходили ходуном. Но потом Гейл тоже запела.

Уже полдюжины голосов поднимались к стропилам:

– *Царь там родился! Царь небесных воинств!*

И серебряный с розовым отливом свет поднялся над полосками и завитками драконьей чешуи Кэрол. Свет пробивался сквозь шелк пижамы.

Гулким, ломким от горя голосом Норма завопила:

– Придите поклониться, придите поклониться, придите поклониться Господу!

И это звучало не как призыв, а скорее как угроза.

Еще один «коктейль Молотова» прилетел в южную стену церкви. Огонь охватил участок стены. Два человека подбежали и принялись сбивать пламя куртками.

– Это конец, – сказала Харпер Пожарному. – Все кончено.

Кэрол медленно шла к возвышению; люди поднимались на ноги и тянулись к ней. Скамьи заскрипели по полу – их отодвигали в сторону. Люди лезли друг по другу, чтобы приблизиться к Кэрол.

Прихожане тянулись к ней, пели с ней, и многие смотрели на нее с благоговением. Маленький мальчик бежал за Кэрол вприпрыжку, хлопая в ладоши в невыразимом припадке восторга, словно его вели к воротам парка развлечений, в который он давно мечтал попасть. Кэрол пожимала руки, продвигаясь вперед, совсем как политик, идущий через толпу. Иногда она нагибалась, чтобы коснуться губами чьих-нибудь пальцев, и продолжала с пением идти дальше. Конечно, она их любила. Странной, нездоровой любовью – Харпер подумала, что почти так же любил ее Джейкоб, – но любовь Кэрол была настоящей, и это было все, что она могла им дать.

Пули забарабанили в деревянные двери за спиной Харпер, вырвав ее из транса. Она развернула Пожарного и не то повела, не то понесла его в укрытие под каменной аркой, за которой начиналась лестница. Пули свистели и выли, разбивая плитки пола за спиной. Алли, шедшая рядом, несла брата на руках.

– Есть идеи? – В голосе Алли не было ни тени паники.

– Там можно выбраться на крышу, – сказал Пожарный.

Харпер понимала, что стоит им забраться на колокольню, и возможности спуститься уже не будет – по крайней мере для нее. И по крыше церкви сбежать не удастся. Слишком высоко. Рухнув с крутой крыши, она переломает ноги, и случится выкидыш.

Но ничего этого она говорить не стала. Ведь по крайней мере Алли – ловкая, спортивная Алли – сможет пробраться по крыше до

водосточного желоба, повиснуть на руках и спрыгнуть. Будет много дыма и шума – и в этой суматохе она сможет добраться до леса и скрыться.

– Да, – сказала Харпер вслух, но все еще медлила; она вытянула шею, чтобы видеть, что происходит в нефе.

Голоса всех оставшихся слились в сладкую, мучительную песню. Люди пели и сияли. Глаза светились голубым светом газовых горелок. Маленькая девочка с бритой головой стояла на скамье и старательно пела. Драконья чешуя на ее руках светилась так ярко, что кожа казалась прозрачной; Харпер могла различить просвечивающие кости.

Первой вспыхнула Норма. Она стояла за кафедрой, раскачиваясь перед распятием, гулко произнося слова песни. Ее крупное, простое лицо разругнилось и блестело от пота, она открыла рот и закричала:

– Пойте в ликовании!

Ее глотка была залита светом.

Норма шумно набрала воздуха перед следующей строкой. Желтый язык пламени вырвался изо рта. Горло покраснело, как от натуги. Потом шея начала чернеть, а из ноздрей повалил черный дым. Драконья чешуя на толстых дрожащих руках приобрела ядовитый оттенок темно-красного. По спине черного платья в цветочек – размером с двухместную палатку – пополз голубой огонь.

Гейл закашлялась, оступилась и врезалась в мальчишку, который скакал по полу. Гейл замахала рукой туда-сюда, словно отгоняя комаров от лица. Когда она махнула в третий раз, Харпер увидела, что рука Гейл в огне.

– Что с ними происходит? – крикнула Джейми, догнавшая их в каменной арке.

– Цепная реакция, – сказал Пожарный. – Они сгорят вместе.

– *Слава в небесах!* – запели все. Вернее, уже не все. Некоторые начали кричать. Те, кто не горел.

Когда огонь охватил Кэрол, она стояла в центре толчеи – десятки прихожан тянулись, чтобы прикоснуться к ней. И вдруг она превратилась в пульсирующий столб огня, голова отклонилась назад и руки раскинулись, словно она хотела обнять невидимого любовника. Кэрол полыхнула, будто облитая керосином.

Пули продолжали свистеть по нефу, поражая людей, стоящих во внешнем круге толпы. Харпер увидела: худенький черный мальчик

хлопнул себя по лбу, как ученик, обнаруживший, что забыл учебник. Когда он опустил руку, в центре лба зияла дыра.

Девочка-подросток согнулась пополам, обхватив себя руками и пытаясь дотянуться до горячей спины. Долговязый мальчик, похожий на Дэвида Боуи, рухнул на колени за спинами людей, склонил голову и сложил ладони, как для молитвы. Его горящая голова была похожа на черную спичку в центре яркого желтого пламени. Маленькая девочка металась по боковому приделу – она махала горящими руками и визгливо звала маму. Ее конский хвостик превратился в голубой огненный шарф.

– О, Джон, – сказала Харпер и отвернулась. – О, Джон.

Пожарный взял ее за руку, повел к дымному сумраку лестницы, и они начали взбираться вместе; прочь от криков, хохота и пения, но в первую очередь – прочь от пронзительных воплей, сплетающихся в последнем мучительном хоре, в последнем акте гармонии.

10

Харпер иногда пыталась представить: каково было людям на лестницах башен-близнецов, когда в здания врезались самолеты; что чувствовали люди, пробиваясь вслепую по ступенькам в дыму. Она снова пыталась представить это в тот день, когда мужчины и женщины начали прыгать с верхушки «Космической Иглы» в Сиэтле, в первые недели распространения эпидемии. В дни пожаров это повторялось без конца: высотные здания в огне, люди внутри пытаются спастись от настигающего пламени, найти выход, понимая, что единственное спасение – последний прыжок, головокружительный тихий стремительный полет, последний шанс на миг ощутить покой.

Больше всего Харпер боялась паники. Боялась потерять себя. И поднималась она по лестнице очень по-деловому: вот следующая ступенька, вот еще одна. Хотя бы этому можно было радоваться. Не так страшно умереть, как потерять личность, превратиться в животное на бойне, перестать слышать собственные мысли за гулким набатом отчаяния.

Харпер и цепляющийся за нее Пожарный то и дело останавливались – когда у него кружилась голова и когда ей нужно

было перевести дыхание. Они шли как старики: ступенька, пауза, ступенька. Он от слабости не мог идти быстрее, а у нее начались схватки. Живот казался камнем, внутри будто был твердый кирпич.

Джейми Клоуз уже была на башне – проскочила мимо них минуту назад. И то и дело оттуда раздавался винтовочный выстрел.

Алли поднималась чуть впереди и несла на руках Ника. Он уперся подбородком сестре в плечо, и Харпер ясно видела его лицо. Весь в крови, скальп содран там, где его поцеловал «Хаммер», но выражение лица спокойное и сонное. Ник открыл левый глаз, взглянул на Харпер и снова закрыл.

– Почти пришли, – сказала Пожарный. – Почти пришли.

И что они будут делать там, наверху? Ждать, пока огонь не доберется до них, решила Харпер. Или пока не подстрелят снизу. Но вслух этого говорить она не стала. Она была благодарна уже за их близость, за его руку на ее талии и голову на ее плече.

– Я рада, что влюбилась в вас, Джон Руквуд! – сказала Харпер и поцеловала его в шею.

– А, и я тоже, – ответил он.

Внизу пение продолжалось, хотя крики начинали заглушать его. Крики и смех. Кто-то смеялся очень громко.

Ароматный дым в колокольне нес запах печеных сосновых шишек.

– Джон... – Харпер внезапно решила. – А может, нам пойти назад? Попробовать пройти *сквозь* огонь. Ведь драконья чешуя защитит нас?

– От пуль, боюсь, не защитит. И потом, для Алли это вовсе не годится. Она не умеет управлять чешуей, как я или как вы. А Ник полусонный, так что и не знаю... но слушайте, если захотите попробовать, сначала помогите мне подняться наверх. Попробуем устроить вам какое-никакое прикрытие. Во всей этой суматохе вы могли бы... – В его глазах промелькнула какая-то идея.

– Нет, – сказала Харпер. – Вы правы. Я не подумала об Алли и Нике. Я никуда не пойду без них.

Они добрались до верхней площадки. За приоткрытой дверью была темная, задымленная ночь. Джон пожал плечо Харпер.

– Вы должны думать о своем ребенке.

– И не об одном, мистер Руквуд, – ответила Харпер.

Он нежно посмотрел на нее и поцеловал, и она ответила на его поцелуй.

– Ладно, – сказала Харпер – Тогда примем бой. *Мигом*, погнались.

– Погнались, сестра Уиллоуз, – повторил Джон.

Колокольня представляла собой пустой колодец, с настилом из сосновых досок вокруг квадратного отверстия. Над отверстием висел медный колокол, от старости покрывшийся благородной зеленью. Колокол то и дело начинал низко гудеть, когда в него попадала прилетевшая снизу пуля. Белые каменные балясины высотой до пояса поддерживали мраморные перила. Свинец выбивал из камня облачка белой пыли.

Харпер не ожидала, что придется перешагивать через труп, но на последних ступенях раскинулся мертвый мальчик. Он лежал лицом вниз, а на спине рубашки расплылось красное пятно. Харпер поняла, что это дозорный, дежуривший ночью. Он пропустил сигнал автобуса у поворота – слишком увлекся летавшими внизу камнями, – но сполна расплатился за отсутствие бдительности. Харпер нагнулась проверить пульс. Шея уже остыла. Харпер помогла Джону перебраться через мальчика, и они поднялись наверх.

Алли сидела на полу, укрывшись за перилами, и обнимала брата. Вид у них был такой, будто они проползли рука об руку через особо грязную скотобойню.

Джейми стояла на коленях, уложив на перила винтовку мертвого часового. Винтовка выстрелила с сухим невыразительным звуком. Джейми выругалась, дернула затвор и потянулась за новым патроном в мятую картонную коробку, стоявшую у ее колена.

Харпер, выйдя на открытый воздух, инстинктивно пригнулась. Теперь она подняла голову, чтобы оценить масштабы разорения. Отсюда, с высоты птичьего полета, она видела весь лагерь целиком.

Мемориальный парк начинался у самых ступеней главного входа в церковь. Сверху круг языческих памятников выглядел в точности как Стоунхендж. Полдюжины мужчин, прячась, рассыпались среди валунов и постаментов. Костлявый парень в очках в черной оправе, как у Бадди Холли, сгорбился за почерневшим алтарем, сжимая в руках что-то вроде «узи». Улыбка сверкала на его чумазом лице под густыми белыми афрокосичками.

Неожиданный порыв ветра донес его голос до Харпер. Она тут же узнала этот кошачий визг, который запомнила с того дня, когда Ковбой Мальборо чуть не накрыл ее в ее же собственном доме.

– Вот это чума! – крикнул Марти. Автомат загрохотал в его руках. – Вот это реальная чума для командос!

На севере расстилалось пустое, грязное пространство футбольного поля с перевернутым «Хаммером». Еще там была припаркована пара черных пикапов – они сторожили двойные двери подвала. Сколько людей в машинах – рассмотреть в дыму было сложно, но Харпер видела частые выстрелы, будто вспышки фотокамер. Вниз с холма двинулся «Фрейтлайнер», собираясь присоединиться к остальным у северной стороны церкви. Возможно, Джейкоб надеялся, что люк в подвале распахнется и кто-то предпримет отчаянную попытку убежать; тогда найдется работа для его плуга.

Сложнее было разглядеть, что творится на юге. Между церковью и лесом протянулась широкая и ровная, как двухполосное шоссе, полоса травы. Харпер знала, что Ковбой Мальборо – там, внизу, в большом серебристом «Интимидаторе», но разглядеть могла только край кабины, и то вытянув шею. Машина стояла слишком близко к зданию.

Снизу поднимался черный, грязный дым; он сочился из-под карнизов и клубился в колодце колокольни, как в трубе. Большой свет костра пробивался через клубящийся дым. Харпер подумала, что снизу башню видно очень смутно – пожалуй, это единственное, что играет им на руку.

Дым поднимался ввысь облаком, которое тянулось на восток, по холму и к воде. Неба почти не было видно, дым затянул звезды и луну.

Крыша была ниже перил футов на пятнадцать – крутая поверхность черного шифера. Харпер представила: она прыгает, бьется ступнями о крышу, лодыжки ломаются, кости голени пронзают бедра со звоном разбитого стекла, она скользит по крутому скату, разрывается матка...

«Да уймись ты на хрен», – сказала себе Харпер.

Она подползла поближе к Алли.

– Как мой рот? *Нифево*? – спросила Алли.

– Неплохо, – ответила Харпер.

– Да хрен там. А мне нравится. Я теперь панк-рокер. Всегда мечтала быть панк-рокером. – Алли взъерошила Нику волосы. – Я хотя бы под конец попыталась поступить правильно, мисс Уиллоуз. Может, экзамен я и завалила, но на дополнительный вопрос ответила верно.

– Какой экзамен?

– Основы человечности, – сказала Алли, смаргивая слезы. – Возьмете меня за руку? Мне страшно.

Харпер сжала руку Алли.

Пожарный пробрался по настилу к южной стороне башенки, оказавшись рядом с Джейми.

– Ублюдки в «Сильверадо», – сказала Джейми, – слишком близко к стене. Мне их никак не достать. А если их отогнать, можно было бы спустить канат...

– Какой канат? – спросил Пожарный.

– Ну, не знаю. Связать одежду. Доберемся до леса. Добежим до дороги. Угоним машину. – Она говорила быстро и сбивчиво, перескакивая с одной идеи на другую. – У меня есть знакомые в Рочестере. Они спрячут нас. Вот только бы отогнать этот грузовик.

Пожарный устало кивнул.

– Попробую что-нибудь для них устроить.

Но, попытавшись встать, он опасно покачнулся. Харпер увидела, как его веки затрепетали, словно он изображал готовую к поцелую инженю в комедии сороковых. На какой-то миг ей показалось, что он вот-вот качнется назад и перевалится через железные перила вокруг отверстия в центре башни, рухнет в дымную тьму.

Но Джейми успела ухватить его за локоть. Харпер закричала, отпустила руку Алли и с трудом двинулась по настилу к Джону. Пока она добиралась до него, он опустил на одно колено.

Харпер погладила его по щеке, липкой от пота.

– Это колокол гудит? – неразборчиво пробормотал он.

– Нет, – сказала Харпер. – Сейчас нет.

– Господи. Значит, это у меня в голове гудит. – Он прижал подушечки пальцев к вискам. – Наверное, заболеваю.

– Не вставайте.

– Их нужно отогнать, если мы хотим спуститься отсюда.

– Сидите. Отдышитесь. Ничего хорошего не получится, если вы отключитесь.

Она отпустила его руки и, поднявшись, всем сердцем запела песню без слов. Правую кисть Харпер охватило пламя. Проглотите ложечку лекарства, засранцы.

Харпер запустила изогнутый огненный клинок в темноту. Клинок, свистя и роняя на лету брызги яркого света, ловко обогнул край крыши церкви и пропал из виду, упав на «Сильверато Интимидатор» внизу. Люди закричали, когда капот грузовика сорвало струей пламени.

Пули свистели и отскакивали от колокола, от перил, жужжали в воздухе, как сердитые осы; Харпер снова присела, рука окуталась клубом дыма.

Одна пуля попала в канат, на котором держался колокол, перебив почти все волокна. Гигантский колокол завертелся, низко гудя. Последние пряди каната лопались мелодично, как гитарные струны. Колокол рухнул в отверстие. Через мгновение он достиг пола церкви с раскатистым «бум-м-м», от которого задрожал воздух, за клубился дым и заболели барабанные перепонки.

Ник поднял голову и повел вокруг мутным взглядом. Колокол так гудел, подумала Харпер, что разбудил глухого.

– Господи, а это что за хрень?.. – крикнула Джейми, глядя на север, и бросилась мимо Пожарного на ту сторону башни.

Джейкоб.

«Фрейтлайнер» развернулся к длинной северной стене церкви. С ревом набирая обороты, грузовик двинулся вперед с опущенным плугом.

Джейми стояла, прижимая к плечу приклад винтовки. Выстрел. Белая искра отскочила от угла кабины. Джейми отвела затвор, и пустая гильза взметнулась в воздух, сверкнув латунию. Джейми вставила новый патрон и опять выстрелила. По лобовому стеклу поползла голубая трещина. Грузовик чуть дернулся влево, Харпер успела подумать: «Попала!» – но «Фрейтлайнер» перешел на следующую передачу, пролетел последние пятьдесят футов, и снежный плуг вонзился в стену церкви.

Харпер отбросило на каменные перила. Казалось, будто гигантская невидимая рука *подправила* все здание, оторвав от фундамента и передвинув на несколько футов к югу. Задний северный угол придела рухнул, со стоном и грохотом посыпались черепица и деревянные обломки. Большая горящая груда обрушилась на капот

«Фрейтлайнера», плуг скрылся под клубами дыма и под обломками. Удар качнул башню. Джейми как раз попятилась, чтобы открыть затвор винтовки, и ее откинуло еще дальше назад. Ее зад уперся в ограждение центрального отверстия. Джейми бросила винтовку и начала хвататься за воздух.

– Джейми! – крикнула Алли девчонке, которая порезала ей лицо. – Но на руках у Алли сидел Ник, и она не могла даже встать – да и времени уже не оставалось.

Через мгновение колокол внизу мягко загудел – это Джейми упала на него.

Пожарный в недоумении огляделся, кровь капала с лица. Харпер убрала ему волосы с глаз, а потом ласково и осторожно обняла. Ей казалось, что можно больше не бороться. Настало время просто обняться, всем четверым, всей просранной маленькой семье. Всем пятерым – считая ребенка. Они вцепятся друг в друга и под конец найдут любовь и близость. И будут стоять, обнявшись, до тех пор, пока Джейкоб не разгонится снова и не врежется в церковь – поближе к колокольне, чтобы сбросить их всех в огонь.

В воздухе еще звенело эхо колокола – «динь-динь-динь», тоненько, пронзительно; *золотистый* звук, как будто от маленького колокольчика. Пожарный поднял голову и начал всматриваться в завесу дыма с южной стороны церкви.

Пожарная машина – Гилберт Клайн рулил, высунув руку в окно, чтобы звонить в латунный колокольчик, – вынырнула из дыма с юга и лоб в лоб врезалась в «Шевроле Сильверадо». Старая пожарка с номером «5» на радиаторе весила тонны три. От удара передняя часть «Интимидатора» смялась, как пивная банка под тяжелым каблуком. Блок двигателя пробил приборную доску и разрубил водителя пополам. Пикап подскочил над землей, крутя передними колесами в воздухе, и перевернулся, накрыв людей в кузове.

Пожарная машина дотолкала «Шевроле» по грязи до самого входа в церковь. Потом качнулась, ахнув пневмотормозами. Маленькая круглолицая женщина с сединой в брейдах-косичках соскользнула с пассажирского сиденья и поспешила к хромированной лесенке у заднего бампера.

Рене взобралась на самый верх машины и подняла деревянную лестницу, развернув ее на вертлюге в сторону церкви. Упоры лестницы

ткнулись в стену. Рене, стоя на месте, начала озираться, словно потеряла сережку и пытается ее отыскать. Нагнувшись, она открыла отсек на крыше машины, где хранились пожарные топоры и багры. Потом замотала в отчаянии головой.

– Прямо под ногами! – крикнул ей Пожарный. Похоже, он догадался, что она ищет. Приложив ладонь ко рту, он снова крикнул: – *Под ногами!*

Рене прищурилась, вглядываясь в клубящийся дым, и стерла пот со щек тыльной стороной ладони. Снова посмотрела вниз, под ноги, кивнула и опустилась на колени. Найдя на крыше, в круглом углублении, ржавую железную рукоятку, Рене с усилием начала поворачивать ее. Деревянная лестница дрогнула, затряслась и начала расти вдоль стены в сторону башни.

Засевший в каменном круге парень, в котором Харпер узнала Марти, вытянул шею, пытаясь разглядеть, что происходит за перевернутым «Шевроле». Пуля срикошетила от каменной скамьи прямо у его ног, и он с криком отшатнулся, зацепился ногой и упал.

– Черт, – сказала Алли. Она стояла прямо, прижав к плечу приклад винтовки Джейми. Алли лязгнула затвором, и пустая гильза яркой искрой отскочила в ночь.

Харпер смотрела на Алли, а не вниз – на пожарную машину и перевернутый «Шевроле», – и не видела, как с пассажирского сиденья скользнул лысый мужчина в синей джинсовой рубашке. Но через мгновение Харпер заметила его. На спине рубашки был вышит яркий американский флаг, заметный во мгле. У мужчины с головы капала кровь, он пошатывался. Широкоплечий и могучий, он напоминал пожилого футболиста, который продолжает ходить в тренажерный зал, чтобы отсрочить наступление среднего возраста. В руке он держал черный пистолет.

Пожарная лестница дернулась, стукнула и застряла под карнизом, на полпути к вершине башни.

Человек с пистолетом – Харпер была уверена, что это Ковбой Мальборо; американский флаг на спине мог быть только у него – стал подкрадываться к водителскому месту пожарной машины.

– Рене! – закричала Харпер. – Рене, берегитесь! Он идет! – Харпер вытянула руку, показывая.

Рене Гилмонтон, стоявшая на крыше машины, пыталась поправить лестницу, чтобы она не упиралась в карниз. Когда наконец получилось как надо, Рене отступила на шаг и прищурилась, глядя на колокольню.

– Берегитесь! Пистолет! – кричала Харпер.

– Мужик с пистолетом! Мужик с пистолетом! – ревел Пожарный.

Рене показала на ухо и покачала головой. Потом опустилась на одно колено и снова взялась за рукоятку. Лестница стукнулась о карниз, медленно поднимаясь к колокольне, медленно поднимаясь к небесам.

Ковбой Мальборо добрался до кабины и пригнулся у дверцы со стороны водителя.

Харпер поднялась, подумав: «Я метну огонь, ударю его и спасу друзей». Она снова начала петь про себя песню без слов. Драконья чешуя на ладони стала потихоньку разогреваться, как спираль электрообогревателя. Но больная рука дрожала и не спешила загораться. Пока Харпер ждала первого языка пламени, Ковбой Мальборо поставил ногу на подножку, сунул пистолет в окно и выстрелил.

Рене застыла, подняла голову, бросила взгляд на кабину грузовика и упала плашмя на крышу пожарной машины.

Лестнице оставалось до верха еще двенадцать футов.

Щелкнула винтовка Алли. В круге камней было шесть мужчин, и она удерживала их на месте, заставляя прятаться за обелиски. Выругавшись, Алли взяла новый патрон.

Ковбой Мальборо прижался к боку пожарной машины и пропал из виду. Харпер не видела его с колокольни. Не видела его и Рене. Но он был там – крался вдоль грузовика, чтобы выскочить и выстрелить в Рене Гилмонтон.

Харпер поняла, что рядом с ней стоит Ник и смотрит вниз сонными глазами. Она взяла его за плечо и развернула лицом к себе – почти так же примерно год назад она развернула мальчика по имени Реймонд Блай, который порывался выглянуть в окно, – рассмотреть, что происходит на школьной игровой площадке. Не надо, чтобы Ник видел, что произойдет, – хотя сама Харпер не могла отвести взгляд.

Рене неподвижно лежала на крыше пожарной машины. Шевелилась только ее правая рука – она пыталась что-то нащупать.

Пальцы отыскивали край отсека, который она открывала, когда хотела поднять лестницу. Рене потянулась и ухватила рукоятку пожарного топора.

Ковбой Мальборо выскочил, как чертик из коробки, широко оскалившись, будто дикий зверь, и наведя пистолет на крышу. Рене опустила топор на его запястье, и Ковбой Мальборо с криком упал. Кисть его руки осталась лежать на крыше, по-прежнему сжимая рукоять пистолета. Рене смахнула ее топором прочь. Кисть с пистолетом свалилась с края крыши и пропала из виду.

Ковбой Мальборо завыл – голос, полный боли и ярости, звучал глухо, как со дна колодца.

Рене опустилась на колени на краю крыши. Наклонившись, она заглянула в кабину. Потом что-то крикнула, но Харпер не могла разобрать, что именно. Похоже, Рене звала Гила. Казалось, что она сидела так довольно долго, хотя прошло всего несколько секунд. Потом Рене повернулась и снова взялась за рукоятку. Теперь она вращала механизм с каким-то отрешением.

Ковбой Мальборо кричал и кричал.

«Фрейтлайнер» закашлялся и подал назад. Вся церковь снова содрогнулась, когда плуг выскочил из пробитой им дыры и поволок мусор по футбольному полю.

Большой грузовик откатился от церкви ярдов на пятьдесят и остановился. От выстрела Джейми в стекле со стороны водителя осталась ветвистая трещина, и Харпер внезапно подумала: Джейми все-таки попала в Джейкоба. Чуть не убила его.

Алли бросила винтовку и присела на корточки.

– Все! – крикнула она. – Патроны кончились.

Ручки пожарной лестницы уже было видно: они со стуком добрались до перил. Пожарный встал и, чуть покачиваясь на каблуках, потянулся и придержал лестницу.

– Давайте. Вниз. Вы – первая, – сказал Пожарный, кивнув Харпер.

– А Ник... – начала она.

– Алли посадит его себе на спину.

– Я о нем позабочусь, – сказала Алли, подбираясь по настилу к Нику.

С той стороны церкви «Фрейтлайнер» пришел в движение, с ревом направляясь к основанию колокольни.

Харпер боялась высоты, и от мысли, что придется лезть в пустоту, ей стало нехорошо. Но она уже оседлала перила и нащупала босой ступней верхнюю ступеньку.

Она оглянулась через плечо на лестницу и увидела пожарную машину в сорока футах внизу, такую крохотную, что ее можно было ухватить одной рукой; на мгновение Харпер показалось, что колокольня склонилась, как цветочек, чтобы сбросить ее. Харпер вцепилась в перила и зажмурилась.

– Ты сможешь, Харпер, – сказал Пожарный и поцеловал ее в щеку.

Она кивнула. Нужно сказать что-нибудь милое и ласковое, но ей и сглотнуть-то не удавалось, куда уж там разговаривать.

Харпер перенесла вторую ногу.

Потом опустила правую ступню на вторую ступеньку, отпустила каменные перила и вцепилась в перекладину изо всех сил. Лестница качалась под ней.

От дальней стены здания донесся отчетливый рев «Фрейтлайнера», который начал разгоняться.

Харпер спустилась всего на пять ступеней, когда Пожарный помог Алли с Ником на спине перебраться через край. Алли двинулась вслед за Харпер, Ника она несла легко, как школьный рюкзак.

Пожарный перенес ногу через перила, поставил ногу на верхнюю перекладину. Вторая ступня нашла следующую ступеньку. Пожарный схватился рукой за лестницу, замерев на самом-самом верху.

«Фрейтлайнер» ударил в северную стену церкви на скорости миль пятьдесят в час. В последний момент грузовик чуть повернул, и плуг снес весь передний угол церкви – камня, дерева и стекла хватило бы, чтобы наполнить целый мусорный самосвал.

Колокольня качнулась, замерла на мгновение – и обрушилась. Вот она была – и вот ее нет. Башня осела внутрь себя – рухнули каменные перила, балясины, крыша, балки, деревянный настил. Грохот от падения отозвался в груди Харпер ударом пульса. Пожарная лестница качнулась в воздухе без опоры. Джон Руквуд оставался на самой верхушке. Черный поток дыма от развалин укрыл его искристым покровом.

Через несколько мгновений порыв холодного ветра с океана частично отнес дым в сторону – Пожарного не было.

Харпер уже открыла рот, чтобы закричать, но тут увидела его – он был уже в десяти ступеньках от верха и быстро спускался на руках. Лестница качалась и тряслась в воздухе. Алли спускалась так быстро, что чуть не наступала Харпер на руки.

Харпер с трудом двигалась к машине. Ниже лестница все-таки нашла опору. Половина южной стены оставалась на месте. Харпер поняла, что она уже внизу, только когда почувствовала металл под босой ступней. Она шагнула в сторону на трясущихся ногах и оглянулась в поисках Рене. Той уже не было на крыше машины – в какой-то момент она слезла.

Дрожащая Харпер ощутила, как ослабела, как продрогла до костей. Дрожь передалась от ног всему телу. Она подумала, что сейчас рухнет без чувств. Потом вспомнила, что дело в другом. Джон говорил, что на метание огня уходит столько калорий и кислорода, что потом начинается головокружение и недомогание, и если не отдохнуть, может стать плохо.

Она нетвердыми шагами дошла до задней части машины, где была старая ржавая лесенка. Спустилась на бампер и на землю – и тут ноги подкосились без предупреждения. Харпер неуклюже хлопнулась в сырую траву. Вокруг замедляющейся каруселью кружились искры и дым.

Харпер поборолла чувство слабости и встала, держась за бампер.

– Ах ты, сука! Моя рука! Моя рука!

Харпер двинулась вдоль машины на крик. Ковбой Мальборо лежал на траве, выгибая спину и упираясь каблуками в грязь. Он словно пытался ползти на спине. Правое запястье он обхватил левой рукой. А правой кисти не было – только розовые кости торчали.

Харпер перешагнула через него и подошла к Рене, склонившейся к водительской двери. Харпер увидела, что Рене качает Гилберта Клайна на руках. Кровь еще текла из раны на его шее, но уже не хлестала. И кровью было залито все переднее сиденье.

Харпер безучастно отметила, что кисть, еще сжимающая пистолет, аккуратно уложена на приборную доску. Рене разумно подобрала ее и поместила туда, где Ковбой Мальборо не сможет забрать свой «глок».

– Мы почти дочитали «Обитателей холмов», – сказала Рене. – Гил сказал, что в жизни не думал, что ему так понравится книга про

говорящих животных. Я сказала, что жизнь – странная штука, и я никак не ожидала, что влюблюсь в угонщика машин. – Рене не плакала, она говорила очень спокойно. – Он провода замкнул – мы не нашли ключи. И он еще сказал мне, что он – живое свидетельство того, что большинство преступников берутся за старое, едва оказавшись на свободе. И сказал: сожалеет, что повышает уровень рецидива. И я не сразу поняла, что он шутит. Он говорил так серьезно. Он даже не улыбался собственным шуткам, не то что не смеялся. Ох, Харпер, мне незачем жить без него. Я как будто всю жизнь прожила, не чувствуя вкуса еды. Потом в лагерь пришел Гил, и у всего появился вкус. Все стало деликатесом. А потом этот гад застрелил его, и теперь Гил мертв, а я снова перестану чувствовать вкус. Не знаю, как мне быть.

Харпер хотелось бы сказать хоть что-то. Но она так ослабела, что не могла выдать ни слова. И просто обняла Рене и поцеловала в ухо. Рене закрыла глаза и заплакала очень тихо, почти беззвучно.

Ковбой Мальборо пронзительно закричал.

Харпер обернулась – над ним стояла Алли. Она снова держала брата на руках. Похоже, она остановилась только для того, чтобы ударить Ковбоя Мальборо по ребрам.

– Ах ты, сраная сука, ты сгоришь, а я буду драть на твои сраные обугленные сиськи, – сказал Ковбой Мальборо.

– Подрочить захочешь, – ответила Алли, – так научись делать это левой, огрызок.

– Ему не стоит жить, – сказала Рене, – когда столько людей мертвы. Это нечестно.

– Хотите, я его убью? – спросил Пожарный. Харпер не заметила, когда он спустился и оказался рядом. Он и сам пошатывался и, судя по всему, чувствовал себя не лучше – или даже хуже, – чем Харпер. Пот катился по его изможденному бледному лицу. Впрочем, глаза были темны, как вороново крыло, и совершенно невозмутимы.

Он ухватил пожарный топор, прислоненный к машине.

Рене обдумала предложение, потом покачала головой:

– Нет, пожалуй, нет. Наверное, я слабая и глупая, раз не хочу поквитаться, пока есть возможность.

– Вот уж чего тут точно нет – так это слабости, – сказал Пожарный. Он оглянулся на подошедшую Алли. – Тебе придется вести

пожарную машину, Алли. И вам всем надо найти место, где спрятаться, только недалеко. Я присоединюсь к вам позже.

– О чем вы? – спросила Харпер. – Вы едете с нами.

– Не сейчас. Но скоро догоню.

– Это глупо, Джон. Вам нельзя оставаться одному. Вы еле на ногах стоите.

Он отмел все возражения, качнув головой.

– В глазах уже не двоится. Это явный прогресс. – Увидев выражение лица Харпер, он заговорил тверже: – Я не бросаю вас. Никого из вас. Клянусь, что буду с вами через день. В крайнем случае, через два.

– Как вы нас найдете? – спросила Харпер.

– Ник пошлет за мной, – ответил Пожарный, посмотрев через плечо Алли на опухшее, грязное, сонное личико Ника.

Пожарный начал жестикулировать. Ник поморгал и вроде бы кивнул. Харпер показалось, что Пожарный говорил что-то о птицах.

Рене сказала:

– Придется втиснуться с Гилом. Надеюсь, вы не против. Я не оставлю его.

– Разумеется, – сказала Харпер. – Конечно, не оставите.

Рене кивнула, встала на подножку и аккуратно подвинула Гиля в сторону, освобождая место за рулем.

Пожарный повернулся и пошел по мятой траве. Он склонился над Ковбоем Мальборо.

– Это ты, – сказал Ковбой Мальборо. – Я знаю, кто ты. Ты сдохнешь. Мой приятель Джейкоб размажет твою дырявую британскую задницу по дороге. Он покрасит тобой шоссе. Джейкоб обожает убивать окурков – говорит, впервые в жизни у него что-то получается действительно хорошо. Но больше всего он хочет разобраться с тобой. И чтобы она при этом смотрела.

– Джейкоб любит мочить окурков, да? – спросил Пожарный. Он поднял левую руку, и струйка зеленого пламени потянулась шелковой лентой от указательного пальца. Пожарный задумчиво посмотрел на огонь, потом задул его – кончик пальца стал серым от пепла. Пожарный опустил руку и начертил пеплом крест на лбу Ковбоя Мальборо. Тот вздрогнул. – Ну вот. А теперь тебе лучше пошевеливаться – как только сможешь. Потому что теперь ты один из

нас, друг. Этот пепел полон моего яда. Может, если повезет, ты найдешь других зараженных, которые укроют тебя и помогут, как люди в этом лагере когда-то помогли нам. Может быть – впрочем, я сомневаюсь. Думаю, большинство захлопнут перед твоим носом дверь, как только ты раззявишь рот, чтобы попросить помощи. У тебя слишком узнаваемый голос.

Ковбой Мальборо уперся каблуком в землю, сдвинулся на шесть дюймов по грязи, бешено замотал головой и завопил:

– Нет! Нет, нет! Ты не можешь! Не можешь! Послушай меня! Послушай!

– Вообще-то, – сказал Пожарный, – я уже наслушался тебя по горло. Хуже, чем слушать такого по радио, – только встретить в реальной жизни. Потому что в реальном мире нельзя просто переключить станцию.

И он пнул Ковбоя Мальборо – легонько, почти шутливо – под челюсть. Голова Ковбоя Мальборо откинулась, он лязгнул зубами, прикусив язык, и крик превратился в высокий, мерзкий, дикий вой.

Пожарный пошел прочь, чуть покачиваясь, и полы куртки хлопали на ветру.

– Если я не увижу вас завтра вечером, – крикнула ему Харпер, – я отправлюсь вас искать.

Он оглянулся через плечо и криво усмехнулся:

– А я уж было решил, что счастливо отделался. Не беспокойтесь. Мы встретимся очень скоро.

– Поехали, мисс Уиллоуз, – сказала Алли. Она уже села за руль и высунулась в окно. – Надо ехать. Там еще остались люди с оружием. И этот плуг.

Харпер кивнула, потом обернулась бросить последний взгляд на Джона. Но его уже не было. Дым поглотил его.

Пожарная машина без усилий смела с пути останки «Шевроле Интимидатора», отшвырнув их в сторону каменного круга. Машина ткнулась в монолит с железным лязганьем. Марти Кассельман шел к перевернутому «шевроле», когда пожарная машина двинулась на него.

Он отскочил, но «узи» в руке Марти разразился очередью и отстрелил ему три пальца на ноге.

Громадный «Фрейтлайнер» сдавал задом от полуобрушившегося костра, оставшегося от церкви. Водитель заметил удирающую по холму пожарную машину, но пока Джейкоб разворачивал «Фрейтлайнер», его жена, Рене Гилмонтон и двое детей уже скрылись.

Алли притормозила там, где проселочная дорога выходила на Литтл-Харбор-роуд.

– И куда теперь? – спросила она.

Харпер посмотрела в окно у пассажирского сиденья на ржавую синюю громаду школьного автобуса. Фары все еще горели. Тощая девочка лет пятнадцати с обритой головой повалилась на руль. Кто-то оставил у нее в затылке мачете.

Ник потянулся к подбородку Харпер и повернул ее голову к себе. Он сидел у нее на коленях. От него пахло паленым волосом, а лицо было липким и алым от крови – как будто он доставал зубами яблоки из миски с красным «кул-эйдом», но глаза смотрели внимательно. Он заговорил руками.

– Ник говорит, что знает, где можно спрятаться, – перевела Харпер и подозрительно прищурилась. Потом обратилась к Нику: «Что за место?»

«Верьте мне, – показал Ник языком жестов. – Там безопасно. Нас никто не найдет. Это там я спрятал все, что украл».

Он посмотрел ей в глаза с очаровательной торжественностью. «Вор – это я».

Книга девятая

Машина

1

После полуночи – май только что пришел на смену апрелю – пожарная машина неслась по Литтл-Харбор-роуд – к Сагамор-авеню. Там Ник велел Алли повернуть направо. Меньше чем через милю Ник замахал руками – остановись.

Алли подъехала к воротам кладбища Южной улицы, погоста длиной в полмили, сохранившегося с колониальных времен. Машина остановилась у черных ворот, закрытых на длинную тяжелую цепь с висячим замком. Ник открыл пассажирскую дверь и сполз с коленей Харпер.

Он обхватил ладонью цепь и наклонил голову. Расплавленный металл закапал сквозь пальцы на землю. Цепь развалилась на две части, и Ник распахнул ворота еще дымящимися руками. Алли въехала и остановилась. Ник через прутья связал две половинки цепи узлом и крепко сжал его. Опять повалил дым, а глаза Ника горели красными угольками. Когда он убрал руки, звенья цепи снова были сварены.

Кладбище Южной улицы было похоже на небольшой город, только большинство жилищ располагалось под землей. Ник показывал дорогу по переулкам и аллеям, извилистым окраинам и открытым пастбищам. Так они добрались до грунтовой дороги вдоль задней стены кладбища. Здесь, в сырой траве и подлеске, их ждало другое, более скромное кладбище: дюжина машин разной степени разбитости – грязные, выгоревшие, осевшие на обода. Некоторые уже заросли сорняками – ржавые островки в мелком море ядовитого плюща.

Сбоку от этого последнего пристанища неоплаканых автомобилей стояло приземистое бетонное здание с жестяной крышей. Из-под свесов крыши глядели затянутые паутиной окна. С одного торца была гофрированная алюминиевая гаражная дверь. Харпер догадалась, что здание служило штаб-квартирой похоронных бюро... в те дни, когда на кладбище Южной улицы еще работали похоронные

бюро. Трава высотой по колено ясно говорила, что уже давно никто не приходил отмечаться в начале рабочего дня.

За останками автомобилей, у большой мусорной ямы, накрытой коричневым брезентом, Алли поставила пожарную машину – рядом с «Понтиаком Файербердом», сгоревшим до рамы. Алли покопалась под рулем, нашла пару скрученных проводов и распутала их – с электрическим треском. Мотор запыхтел, застучал и стих.

Они сидели в молчании. Сквозь дубы у задней стены парка Харпер видела ровную бухту, прибрежную полосу гальки и темные здания на том берегу. Переезжайте на кладбище Южной улицы. Прекрасный вид на побережье. Тихие соседи.

– Это все хорошо, пока солнце не взойдет. А потом машину будет видно с воздуха, – сказала Рене.

Харпер поглядела на гаражные двери бетонного здания, прикидывая, хватит ли там места, чтобы спрятать антикварную пожарную машину. Ник снова сполз с ее коленей, распахнул дверцу и выпрыгнул в рваный туман.

– Не думаю, что мы достаточно далеко убрались от лагеря Уиндем, – продолжала Рене ровным, бесчувственным голосом. Она сидела слева от Харпер, обнимая за талию Гила, которого умостила рядом, положив его голову себе на плечо. – В лесу есть тропинка. Отсюда пешком минут пятнадцать до стрельбища лучников. Я сама прошлым летом пару раз там ходила.

– Но если по дороге – почти четыре мили, – возразила Алли. – И они уверены, что мы поедem дальше. Нет. Думаю, все будет в порядке, если мы спрячем машину под... что он там затеял? – Она отстегнула ремень безопасности и вышла из машины.

Ник зарылся в песочную кучу. Он вытянул угол брезентового покрывала, открыв гору высохших цветов, почерневших венков и заплесневелых плюшевых мишек. Даже у горя, похоже, есть срок годности. Алли подошла, нащупала второй угол, и они с Ником потащили брезент к машине. Вдвоем им хватит сил накрыть всю машину.

Харпер спустилась на землю, уперлась кулаками в поясницу и потянулась, хрустнув позвоночником. Тело болело, как после гриппа – болела каждая мышца, ныл каждый сустав.

Харпер обернулась к машине и посмотрела на Рене:

– Накроем машину и пойдем в дом. – Рене не ответила, и Харпер добавила: – Вам, наверное, нужно выбираться.

Рене вздохнула, устало приподняв плечи.

– Хорошо. Алли поможет мне занести Гила внутрь?

Алли, которая только что укрыла с Ником половину пожарной машины, замерла и беспокойно взглянула на Харпер. Та еле заметно кивнула.

– Конечно, помогу, мисс Гилмонтон, – ответила Алли беззаботным тоном, который никак не соответствовал смятению на ее бледном лице.

Достать тяжелый труп Гилберта Клайна из пожарной машины было непросто. Рене подхватила его под мышки и, тяжело дыша, начала сдвигать по несколько дюймов к пассажирской двери. Алли взялась за лодыжки, и Гила потащили из кабины, но Рене стукнулась головой и неожиданно выпустила верхнюю половину тела. Его голова ударилась о ступеньку кабины. Рене громко ахнула от ужаса и чуть не выпала следом.

– Ах нет! – крикнула она. – Ох нет, ох нет, Гил. Я такая слабая. Я бесполезная.

– Замолчите, – скомандовала Харпер, пройдя мимо Рене и нагнувшись, чтобы взять Гила под мышки.

– Вам нельзя, – ахнула Рене. – Не надо, Харпер. Вы на девятом месяце.

– Да ерунда, – сказала Харпер, хотя, выпрямившись, почувствовала, как горят лодыжки и отзывается болью поясница.

Они понесли Гилберта по высокой траве, которая шуршала под его спиной. Голова свесилась набок. Харпер казалось, что философский, почти снисходительный взгляд его ясных голубых глаз все время устремлен на нее.

Когда добрались до угла гаража, пришлось положить мертвеца на землю, чтобы Харпер могла отдохнуть, пока Алли искала способ попасть внутрь. Дверь была заперта, и ключа не нашлось ни под ковриком, ни под керамическими цветочными горшками на ступеньках (в горшках буйно цвели декоративные растения). Впрочем, Ник и не собирался входить через дверь. Он пошел вдоль боковой стены здания, заглядывая под край крыши. Потом остановился и махнул в сторону одного из окон. До него было футов пять, и окно находилось так

близко к скату крыши, что непонятно, как оно могло пропускать свет. У края переплета рамы в длинном узком стекле зияла треугольная брешь. В отверстие не пролезла бы рука ни одного взрослого – только детская ладошка.

Алли пришлось нагнуться, чтобы Ник смог забраться ей на плечи. Но даже когда Алли выпрямилась во весь рост, Ник еле-еле дотянулся до стекла. Встав на цыпочки, он просунул руку в дыру и повернул защелку. Открыл окно, ухватился за подоконник, подтянулся и нырнул головой вперед в темноту.

Что-то, очевидно, стояло под самым окном – какой-то стеллаж, – и Ник спустился по нему; Харпер не слышала шума падения. Не слышала вообще ни звука.

– Интересно, кто помогал ему в прошлый раз, – сказала Харпер и в ответ на недоуменный взгляд Алли показала на окно. – Ясно, что он уже такое проделывал, но самому ему до окна не достать.

Алли нахмурилась.

Передняя дверь щелкнула и открылась; Ник высунул в щель голову и кивнул: заходите и почувствуйте себя как дома.

К рассвету грузовик был укрыт двумя полотнищами брезента – спереди и сзади. Убрать пожарную машину в гараж, как хотела Харпер, не удалось бы – там уже стояли мини-трактор «Джон Дир» и небольшой экскаватор. Вдоль одной из стен на крюках висели вполне исправные, хоть и опутанные паутиной, грабли и лопаты. Вдоль другой протянулся широкий верстак. На него и положили Гилберта, накрыв его еще одним листом брезента.

В конце гаража большие окна открывались в неопрятный офис: два стола, доска для бумаг на стене, пустой кулер и диван цвета зеленой сопли. В офисе они устроились на ночлег. Харпер заняла диван. Алли и Ник, обнявшись, завернулись в серое одеяло, которое нашлось в заднем отсеке пожарной машины. Рене не легла со всеми. Она сидела на табурете у верстака, держа Гилберта за руку, и изредка смеялась, как будто он сказал что-то забавное. И постоянно то поглаживала пальцем его кулак, то прижимала его ладонь к щеке.

Ник, признавшись Харпер, что это он вор, обещал показать, где припрятал добычу. Но «Подручной мамы» нигде не было видно, как и остальных ценностей, пропавших из лагеря. Харпер решила подождать, пока Ник дозреет до объяснений.

Она свернулась на боку, накрывшись черной ветровкой. На спине куртки была изображена сама Смерть – в одной костлявой руке коса, а в другой... кружевной лифчик. Надпись гласила: «МОГИЛЬНАЯ БРИГАДА 13 – ГНИЛЫЕ ДО КОСТЕЙ». От ветровки пахло кофе и ментолом, и Харпер сразу вспомнила отца, который постоянно мазал метилсалицилатом больную шею. Харпер плакала, пока не заснула – думала про папу, который, возможно, уже мертв и которого она уж точно больше не увидит. Плакала Харпер тихонько, чтобы никого не беспокоить.

Когда она проснулась, дети еще спали. Ведь Алли – ребенок? Глядя на ее гладкие щечки и длинные ресницы, хотелось так думать. Впрочем, даже в спящей Алли можно было разглядеть что-то, делавшее ее похожей на молодую женщину, измотанную заботами и печалью, которой уже не до детских радостей.

Через панорамное окно, открывающееся в гараж, Харпер увидела, что Рене, забравшись на стол, дремлет рядом с Гилом, положив пухлую руку на его грудь. Высокие окна под крышей выходили в полную тьму. Харпер проспала весь день и проспала бы следующую ночь, если бы не голод. Скоро придется где-то искать еду.

В офисе была устроена пластиковая стенка с раковиной, микроволновкой, кофеваркой и радиоприемником – старым, с вмонтированным кассетным магнитофоном. Вилка торчала в розетке, но электричества, конечно, не было. Харпер даже не стала заглядывать в холодильник – не хотелось нюхать то, что могло там оказаться. Разглядывая радиоприемник, Харпер обнаружила на его задней панели отделение для батареек – для шести больших. Упаковку свежих батареек Харпер нашла в третьем по счету ящике.

Она вынесла магнитолау из офиса в прохладную каменную тишину гаража. Остановилась у верстака, рядом с Рене и Гил. Брезент сполз, открыв обоих до пояса. На рубашке Гила расстегнулись несколько пуговиц, и Рене положила ладонь ему на грудь, прижавшись щекой к плечу.

Бледно-синими, изящными, почти готическими буквами на груди Ги́ла были написаны две строки:

«Нельзя прожить жизнь, никому не доверяя, запереть себя в Худшую из тюрем, какая может быть, – в самого себя.

Г. Грин»

Харпер подтянула край брезента, прикрыв обоих, и оставила их наедине.

Она уселась на цементную ступеньку; необычайно теплая ночь стрекотала песнью сверчков. Харпер вжала пальцы ног в сырую супесь. Задрав голову к небу, она увидела столько звезд, что сердце защемило от любви к миру. Надо же: она все равно любит мир, даже теперь. На панели радиоприемника засветился зеленый светлячок. Чего еще желать: весенняя ночь, босые ноги в теплой грязи, запах распускающихся на деревьях почек и немного музыки по радио? Разве что еще бы холодного пивка.

Харпер зашарила по FM-диапазону, надеясь услышать Марту Куинн, хоть и понимала, что не получится. Не получилось. Через статические помехи пробилась станция, где передавали старые записи черных госпелов, но вскоре она затихла. Дальше по шкале прорезался голос молодого человека – или это был ребенок? Высокий голос – он наводил на мысли о начале пубертатного периода – вел репортаж с тренировочного матча «Ред Сокс» в Форт-Мейерс. Харпер опешила, потрясенная тем, что где-то в мире еще играют в бейсбол.

Но после нескольких иннингов она начала подозревать, что мальчик все выдумывает на ходу. Билл Бакнер снова играл на первой базе – через двадцать пять лет после своей последней игры, – и мяч каждый раз пролетал у него между ног. Вин Дизель, отбивающий «Ред Сокс», послал мяч в сторону игрока защиты по имени Кермит ля Гушенец. Ля Гушенец поймал мяч, но силой удара ему вывихнуло оба плеча. «Сокс» играли с командой «Еретики», собранной из кукол Маппет-шоу, монстров и психов, которые, едва допустив ошибку, вспыхивали и умирали на поле. Харпер, улыбаясь, прослушала еще иннинг. «Сокс» вели 3:1, когда она решила сменить станцию, так и не сумев понять, откуда взялась половина перебежки. Ребенку-ведущему было лет одиннадцать, и он, похоже, развлекался от души.

В самом конце шкалы хор мальчиков пел «О верные Богу». Харпер остановилась послушать и через какое-то время почувствовала, что плачет. Она не хотела, чтобы хоть кто-то умер. Хоть один человек, как бы ни было трудно с ним жить.

Когда пение затихло, женщина начала читать «сегодняшние благодати» – своего рода новости. Она сообщила, что, по некоторым сведениям, Дж. К. Роулинг, автор безбожных романов о Гарри Поттере, пала жертвой расстрельной команды в Эдинбурге. Казнь транслировали по остаткам Всемирной паутины. Писательница, покрывшаяся дьявольскими письменами, пользовалась своими деньгами и положением, чтобы укрывать и перевозить других больных. Когда ей предложили покаяться в многочисленных грехах – соращение детей, укрывательство зараженных, – она отвергла возможность и заявила, что не станет извиняться ни за единое междометие. Ведущая сочла благословением, что писательница будет вечно гореть в аду, слава Иисусу.

Местные благодати: бойцы Национальной гвардии при поддержке Береговых сжигателей – добровольной милиции – обнаружили шестьсот зараженных грешников, прятавшихся в лагере Уиндем. После ожесточенной перестрелки больные сгорели заживо в церкви, превращенной в напичканное оружием неприступное укрепление. Аллилуйя.

Благодати с севера: новые пожары на юге Мэна, но вот вам знак божественного провидения – площадь возгорания ограничена полосой в двадцать миль шириной. Нью-гемпширские Воины Христа готовятся отправить на тушение более ста человек и дюжину пожарных машин в течение недели. Великий воин Иан Иудо-Киллер связался с Управлением лесной службы Мэна и выразил готовность помочь всем, кто слышит и признает истинными его божественные откровения. Ничего себе. Великий воин? Прежде он был губернатором, но звали его тогда Иан Джуд-Скиллер.

Снова вступил хор мальчиков – теперь что-то на латыни.

Подняв глаза, Харпер увидела, что на другом краю ступеньки сидит Ник, подтянув коленки к груди.

«Хорошо снаружи, – молча показала Харпер руками. – Я люблю теплые ночи. Почти лето».

Ник легонько кивнул, его подбородок навис над самыми коленями.

«Есть надо нам, – показала Харпер, чувствуя, что жесты не совсем правильные. – Я найду есть. Принесу. Не беспокойся, если задержусь».

Ник покачал головой:

«Я знаю, где есть еда, – показал он красноречивыми, выразительными руками. – Пошли».

Он поднялся и повел Харпер по кладбищу.

3

Сначала они шли по дороге вдоль задней стены кладбища. Потом Ник свернул и пошел между надгробиями, по траве высотой до пояса. Мальчик остановился у старой серой каменной плиты с надписью «Макдэниелс». Нагнувшись, Ник коснулся края плиты. Харпер разглядела ярко-красную черточку.

Ник развернулся и пошел дальше, Харпер за ним. У плиты из голубого мрамора, увековечившей какого-то Эрнеста Грейпсида, Ник нагнулся и ткнул пальцем в еще одну красную линию, потом многозначительно посмотрел на Харпер.

И показал по буквам: «Лак для ногтей».

Харпер вспомнила: когда начали пропадать вещи, одним из первых исчез пузырек с красным лаком для ногтей. Он принадлежал сестрам Нейборс, каждая обвиняла другую, и произошла ужасная стычка.

Ник вел дальше по помятой зелени. Высокая трава росла по всему кладбищу. К середине июня только самые крупные постаменты останутся торчать над буйной зеленью. И Харпер не возражала. Дикие цветы и хохолки мятлика нравились ей куда больше целого парка ухоженных газонов.

Они подошли к усыпальнице, белые стены которой были увиты плющом с мясистыми зелеными листьями. На входной двери над надписью «О’Брайен» красовался штурвал. Двери не давал захлопнуться булыжник с еще одной полоской красного лака для ногтей.

Ник надавил плечом, и дверь со скрежетом открылась внутрь.

В склепе было темно, и Харпер пожалела, что не захватила с собой фонарь – в гараже наверняка нашелся бы, – но Ник быстро прошел к каменной гробнице у стены. Указательный пальчик загорелся, выпустив ленту сине-зеленого пламени. Ник коснулся по очереди нескольких свечей – от некоторых остались лишь жалкие огарки, – потом помахал рукой, чтобы загасить огонь.

Портплед Харпер стоял на одной из гробниц. Золотой медальончик Алли свисал с ручки сумки. У Харпер странно засосало под ложечкой, когда она снова увидела «Подручную маму». Это как наткнуться на кого-то, по кому вздыхала давным-давно – еще в школе, – а он такой же хорошенький, каким оставался в памяти.

Громадная чайная кружка размером с супницу стояла на крышке другой каменной гробницы. Особая звездная чашка Эмили Уотерман. Изнутри налипли древние высохшие кусочки мяса. У стены громоздились одна на другой три банки «спама» и три банки сгущенного молока.

Мальчик сел между свечками. Харпер присела напротив, склонив голову, и ждала.

«Я пытался поймать кота, – зашевелил руками Ник. – Большого кота с полосками, как у тигра. Когда я гладил его, я чувствовал, что он жужжит, как маленький мотор. Я не слышу мурчания, но могу его чувствовать – и ничего нет лучше. Один раз я поймал его в коробку и понес к лагерю. Но на полпути он просунул голову в дно коробки и выпрыгнул».

Харпер кивнула – показать, что пока все понятно.

«Майкл сказал, что поможет мне поймать его. Только нужно было хранить это в секрете. Мы его вместе поймаем и принесем в лагерь, и я смогу его оставить. Майкл велел мне стянуть «спам» и молоко из кафетерия. Он и сам кое-что взял в лагере, вроде газировки и конфет. Я спросил, не попадет ли нам, и он сказал – нет, если никто не узнает. Я знал, что мы плохие мальчики. И жалел – *иногда*».

«Но в этом было и хорошее – Майкл обращал на тебя внимание». Харпер очень аккуратно жестикулировала, чтобы сказать именно то, что собиралась.

Ник кивнул с такой готовностью, что у Харпер защемило сердце. «Остальные дети почти вообще меня не замечали. Никто не понимал языка жестов – и я не мог участвовать в беседе. Я сидел с ними в

кафетерии, но обычно не мог понять, о чем они говорят. Если все смеялись, я тоже улыбался, чтобы показать, что я понял, хотя не понимал ничего. А они ведь могли шутить и надо мной».

Ник опустил голову и посмотрел на руки. Они чуть подергивались, шевелились, и Харпер вдруг с умилением и грустью подумала, что он разговаривает сам с собой и что легкое движение пальцами для Ника – шепот. Наконец он поднял подбородок, посмотрел Харпер в глаза и продолжил:

«Майкл не знал языка жестов, мы писали друг другу записки. Он очень терпеливо ждал, пока я допишу, если мне нужно было много сказать. Он мог пять минут сидеть и болтать ногами, пока я корябаю. Многим не хватает терпения. Он помогал мне строить ловушки на кота. Некоторые получались очень забавные. Прямо как из комиксов. Один раз мы украли камуфляжную ветровку, натянули ее над ямой и присыпали листьями. Вдруг кот такой тупой, что провалится».

Харпер вспомнила тот день, когда пропала камуфляжная ветровка. Это была куртка девочки по имени Нелли Ланс, которая, обнаружив пропажу, начала рвать и метать. «Да она могла выбрать из буквально десяти тысяч курток получше», – кричала Нелли.

Она. Все время считалось, что воровка – женщина. Все, что пропало, было взято из кухни или женской спальни. Но, разумеется, в женской спальне был *один* мужчина. Ник провел там всю осень – спал сначала в кровати Алли, а потом перебрался в койку Харпер.

Ник продолжал: «Все, что мы украли из лагеря, мы спрятали здесь. Я сделал пометки лаком для ногтей, чтобы всегда можно было найти дорогу к тайнику. Иногда мы влезали в гараж. Майкл выяснил, что если я заберусь к нему на плечи, то смогу пролезть в окно».

«Люди сердились, – показала Харпер. – Когда ты понял, что люди сердятся, почему не признался? Объяснил бы все, и никто не злился бы».

«Вы решите, что я идиот».

«Давай попробуем».

«Я даже не знал, что все ищут вора. Очень, очень долго. Об этом все говорили, но никто не говорил со мной. В церкви объявляли, а я не слышал. Я иногда спрашивал Майкла, о чем все говорят, а он отвечал – ерунда. Однажды Алли просто тряслась от злости, а я спросил, почему, а она сказала, что какая-то сука ворует в девчачьей спальне. А я, такой

дурак, даже не понял, что она говорит обо мне. Я подумал, кто-то еще ворует – что-то ценное. Важные вещи. Я ведь взял только лак для ногтей, дурацкую чашку и «спам». Его все терпеть не могли. – Ник опустил взгляд. – И еще я взял медальон Алли. – Ник смело взглянул Харпер в глаза. – Но это только потому, что медальон должен быть и моим. Мы должны были носить по очереди. Но Алли сказала, что медальоны – для девочек, и она оставила его себе и не давала мне носить и даже поглядеть».

«А «Подручная мама?»» – спросила Харпер.

Подбородок Ника снова опустился на грудь. Ник заморгал, и слезы закапали ему на ноги.

«Простите».

«Не извиняйся. Просто расскажи – почему».

«Майкл сказал, что сумка большая – кот поместится. Сказал, что из нее получится ловушка, а потом мы ее вернем. Я не хотел брать то, что было внутри... сначала. Хотел все вынуть и взять только сумку. Но потом вспомнил про «Вью-мастер».

«Что?»

Ник повернулся и расстегнул золотой замочек на портпледе. Порывшись внутри, он достал красный пластиковый стереоскоп.

«Помню. Кэрол дала мне его, – показала Харпер. – Для ребенка».

Ник помрачнел: «Она не должна была отдавать его. Он мой. Тетя Кэрол сказала, что я уже взрослый для таких штук и она отдаст его вам. И сказала, чтобы я вел себя как большой мальчик. И я взял всю сумку. Украл. Хотя вы мой друг. И это вправду плохо. – Ник вытер ладонью глаза. Мышцы на лице дрожали от еле сдерживаемых чувств. – И когда я взял сумку, я хотел вернуть ее. Правда. Майкл встретил меня здесь, в склепе, и сказал, что мы не можем рисковать. Что отец Стори объявил: тот, кто украл «Подручную маму», покинет лагерь навсегда. И воровать у беременной – самый страшный грех, не считая убийства. Майкл сказал, что я не смогу ничего вернуть тайком, потому что Бен Патчетт проверит отпечатки пальцев. А Алли сказала, что той, кто украла медальон, нужно отрезать руки. И все равно я думал: расскажу отцу Стори, что я наделал. Я хотел рассказать. Как только он вернется после спасения заключенных с Пожарным. А потом... – Руки Ника замерли на мгновение, и он приложил ладони к глазам. – Майкл сказал, что мне, может, повезло, что отец Стори

получил по голове. Он сказал, что отец Стори наверняка подозревал меня. И что отец Стори, прежде чем его ударили, предупредил Майкла, что собирается задать мне несколько серьезных вопросов об украденных вещах, и если ответы ему не понравятся, он отошлет нас с Алли – обоих – прочь, навсегда. Майкл сказал, отец Стори избавится от нас обоих, потому что Алли должна была следить, чтобы я хорошо себя вел. И что отец Стори говорил, что важно всем показать: он не станет ко мне относиться по-особому только потому, что я его внук».

«Он лгал. Ужасно лгал. Отец Стори никогда не обидел бы ни тебя, ни сестру. И никому не дал бы обидеть вас».

Харпер видела, что Ник не хочет на нее смотреть, не хочет поднимать глаза – но в этом проклятие глухих: нельзя прятать глаза, если хочешь общаться. Ему приходилось смотреть на ее руки. Он сморгнул слезы и провел тыльной стороной ладони по носу.

«*Теперь* я знаю. Но я испугался. И поэтому оставался с вами в лазарете. Чтобы, если отец Стори проснется, рассказать ему, что мне жаль, и попросить его не наказывать Алли за то, что сделал я. А Майкл сказал, что это хорошая мысль, и он сам будет у лазарета сколько сможет. Чтобы, если отец Стори очнется, взять вину на себя. Майкл сказал, что должен отвечать, ведь он старше».

«Ты не виноват, Ник, – показала руками Харпер. – Майкл был лжецом. Он надул всех нас».

Ник нервно повел плечами. Поднял руки и беспомощно уронил их. Снова поднял. «Однажды я проснулся и собрался в туалет. А Майкл склонился над ступнями отца Стори. Он удивился, увидев меня, сразу выпрямился и выглядел испуганным. И в руке был шприц. Я спросил, что он делает, а он сказал, что пришел сделать себе укол инсулина, и остановился, чтобы помолиться за отца Стори. Он так пытался убить отца Стори?»

«Да. Когда это случилось?»

«В феврале».

Харпер подумала и кивнула. «Припадки у отца Стори прекратились в феврале. Тогда он начал поправляться. Ты спас жизнь отцу Стори. Ты напугал Майкла, когда застал его со шприцем. Он побоялся колоть яд».

Ник покачал головой: «Я не спас. Майкл все равно убил его».

Харпер наклонилась вперед, упершись локтями в колени. «Но только после того, как отец Стори очнулся и сказал тебе, что он любит тебя. Понимаешь? Любит. Ты совсем не плохой мальчик».

Ник оставался безутешен, и Харпер пришлось поцеловать его в макушку и обнять.

Когда она отпустила Ника, он уже не плакал. Она спросила: «Как думаешь: эта банка с мясом еще хорошая?»

«Она *никогда* не была хорошей. Но есть, наверное, можно».

Харпер набрала банок со «спамом» и молоком в обе руки. Обернувшись, она увидела перед собой Ника, который надел медальон на шею и широко распахнул «Подручную маму». Харпер одобрительно кивнула и свалила банки в сумку.

Они выскользнули в темноту и пошли обратно тем же путем, каким пришли. Но не успели пройти и сотни футов, как Харпер услышала знакомый стон и рев мощного двигателя – от этого звука сжались внутренности. Она ухватила Ника за рукав и притянула к земле за Девой Марией.

Оранжевый грузовик с плугом прогрохотал по улице, наполнив ночь вонючим дизельным выхлопом. Он ехал медленно, и прожектор, укрепленный на крыше кабины, кивал и качался, выхватывая куски каменной стены и кладбищенского двора. Десятифутовые тени от ангелов и крестов тянулись по траве к Харпер, потом отползали. Она перевела дух.

Все еще здесь. Все еще ищет. Он знает, что они сбежали. А может, знает, что ушли недалеко. Пожарная машина – не самое незаметное в мире средство передвижения.

Харпер повернулась к Нику и с удивлением обнаружила, что он улыбается во весь рот. И смотрел он не на улицу, а на гравийную дорожку вдоль задней стены кладбища, разглядывал что-то в высоких, густых кустах. Харпер заметила, как качается потревоженный папоротник.

«Что?» – спросила она руками.

«Кот, – ответил Ник. – Я только что видел кота. Он тоже пережил зиму».

Харпер приготовилась разнимать Алли и Ника, ждала угроз, слез и летающей мебели. Но Алли словно и не удивилась вовсе, увидев снова «Подручную маму» и обнаружив, что Ник надел медальон. Когда они вернулись в офис, Алли сидела на краю дивана и терла лицо ладонями. Она взглянула на Харпер и Ника мутными глазами и ничего не спросила. Харпер достала банку «спама» из портпледа и полезла в буфет – мясо хорошо бы на что-то намазать. Нашлась пачка соленых крекеров, и Харпер ощутила благодарность почти нечеловеческую.

Ник встал перед Алли, выпятив подбородок, и ждал – что она скажет. Наконец Алли показала пальцевой азбукой: «Наверное, ты можешь его носить. Мне казалось, ты будешь похож на девчонку, но, по крайней мере, девчонка вышла симпатичная».

Харпер нашла кассету «Роллинг Стоунз» – «Последствия» – и сунула в магнитофон. Мик Джаггер предупреждал свою крошку, крошку, крошку, что она не ко времени. «Именно», – подумала Харпер.

Харпер, намазывая студенистый «спам» на крекеры, вкратце пересказала Алли то, что узнала от Ника в склепе. Алли не перебивала, не задавала вопросов. Потом, когда Харпер договорила и они все, сидя на диване, жевали липкое мясо, Алли сказала пальцевой азбукой: «Невероятно – ты купился на туфту Майкла про отпечатки. Это глупо даже для тебя».

Ник кивнул: «Я знаю. Но когда я начал подозревать, что Майкл выдумывает про отпечатки, уже выпал снег и из лагеря выбраться было невозможно, так что я не мог принести наворованное, не оставив следов. И потом. Это ты – дурочка, потому что сказала мне, что когда найдут вора, Бен отрежет ему руки при всем лагере».

Алли кивнула: «Не парься. Тебе всего девять. Тебе положено быть тупым. А мне семнадцать. И оправданий мне нет».

И когда это Алли исполнилось семнадцать, задумалась Харпер; и вдруг ее осенило, что она пропустила и собственный день рождения – четыре недели назад.

– И на сколько хватит «спама»? – спросила Алли. Верхняя губа уродливо расходилась на две части там, где Джейми разрежала ее. Нужно найти иголку и нитку.

– Осталось две банки... так что ненадолго.

– Хорошо. Потому что когда он кончится и мы сможем мирно умереть от голода – это будет благословение.

– Я надеялась, что мы избежим этого, – сказала Харпер и снова обратилась к Нику: «Пожарный сказал, что ты можешь его найти и показать, где мы».

«Если нужно».

«Нужно».

«Придется метать огонь. Мне это не нравится».

«Я знаю, что не нравится».

Он посмотрел осторожным взглядом одичавшей собаки, которая увидела человека с ошейником и поводком: «Джон рассказал, почему?»

Харпер кивнула.

Алли медленно переводила взгляд с Харпер на Ника.

Харпер хотела еще кое-что сказать Нику, но тут язык жестов не годился. Она поднялась, поискала в ящиках и вернулась с блокнотом и шариковой ручкой.

«То, что произошло, не твоя вина. Нужно как минимум шесть недель, чтобы споры добрались до участка мозга, который позволяет управлять чешуей. Иногда дольше. Твоя мама хотела управлять огнем, как Джон управляет фениксом, как ты вчера управлял птичками. Но ее мозг не был готов. Это то же самое, как стимулировать роды, когда ребенок еще не способен выжить вне матки. Вместо ребенка получишь выкидыш. Она этого не знала. И никто из вас не знал. Ты не виноват. Она не виновата. Это несчастный случай. Вот и все».

Но Ник покачал головой, сложил записку пополам, потом еще раз пополам и положил в карман. На лице – опухшем от слез, с розовыми пятнами от ожогов, грязном и с кровавыми царапинами – не отразилось ни успокоения, ни согласия.

«Вы не знаете, – показал он. – Вы понятия не имеете».

Харпер не успела ответить, а он оттолкнулся кулаками от дивана и зашагал в гараж. Потом обернулся.

«Идете или нет?» – спросил он руками.

Он повел их наружу. Ночь наполнялась пульсирующей гармонией; казалось, сам воздух дрожит от песни тысяч сверчков. Ник отошел в сторону, в высокую траву. Он начал шагать кругами, притаптывая траву. Мокрые стебли повизгивали под его подошвами. Ник шагал, все быстрее и быстрее, качая головой вправо-влево. Пальцы танцевали и играли, и Харпер подумала, что Ник поет без песни, слушает мелодию

без звуков. Просит о том, что нужно, без слов. Было немного страшно: он двигался, как статуэтка на беззвучной музыкальной шкатулке. Глаза были закрыты. И вдруг открылись – как смотровая щель печки. Из пальцев посыпались оранжевые искры.

Ник поднял левую руку, и ее охватило пламя. Язычки соскальзывали с его пальцев, срывались в воздух, но не съеживались, исчезая, а меняли форму, превращаясь в изысканных огненных птичек. Пылающая стая разлеталась от сияющих ладоней Ника во все стороны и поднималась ракетами в небо. Дюжина. Две дюжины. Сотня.

– Господи, – пробормотала Рене, которая вышла на задний двор посмотреть. – Почему они не прогорают и не гаснут? Что они используют в качестве топлива?

– Его. – Алли кивнула на брата. – Он и растопка, и дрова. Бензин и спичка.

– Нет, не так, – возразила Харпер. – Так не может быть. Я сама еще не поняла механизм, хотя Джон и пытался объяснять...

Тут Ник остановился. Он быстро помахал руками и спрятал ладони под мышками – голубовато-желтые полоски пламени сменились странными струйками розового дыма. Ник нагнулся, чтобы подуть на ладони, но тут что-то случилось, и он нырнул головой в траву.

Алли первой добежала до него и обхватила руками. Голова Ника качнулась так, будто в шее не осталось костей. Алли рассердилась.

– Он не был готов, – сказала она. – Он слишком много пережил. Нужно было подождать до следующей ночи. Вы должны были подождать.

– Но Джон...

– Джон Руквуд может о себе позаботиться, – сказала Алли. – А Ник не может.

И она промаршировала мимо Харпер в гараж.

Наверное, это нужно было Алли: возможность постоять за брата, взять на себя роль защитника Ника от Харпер – хотя бы на время.

– Я правда не понимаю, – сказала Харпер Рене. – Алли сказала, что Ник и растопка, и керосин – это очень поэтично, но тут нет ни крупицы смысла.

– Так затем и нужна поэзия – для того, что верно, но не имеет смысла. Для грубого зверя, ползущего в Вифлеем, и для небесной

спирали, – сказала Рене и подняла глаза к ночному небу, где огненные птички поднимались спиралью ввысь и рассыпались среди звезд.

В ящичке под верстаком Харпер нашла леску и крючок; с их помощью она наложила два шва на верхнюю губу Алли. Во время операции Алли сидела неподвижно, уставившись в потолок, только сердитые глаза набухали слезами. Она не произнесла ни звука. Харпер так и не поняла – бойкот это или стойкость.

Закончив с Алли, Харпер занялась Ником. Он крепко спал и только хмурился, пока Харпер накладывала четыре шва на его ободранный лоб. Она использовала ту же иглу, только стерилизовала ее, зажав между большим и указательным пальцами, чтобы игла накалилась добела.

А потом Харпер вышла наружу и, сев на крыльцо, смотрела в ясное ночное небо. Иногда казалось, что звездочка, сорвавшись с темного свода, улетает с головокружительной скоростью в дальний угол неба. В сумеречные предрассветные часы созвездия расползались, перестраивались и пропадали горящими линиями.

И наконец в бледной дымке рассвета крохотный воробей выпорхнул из-за деревьев за кладбищем и растаял стружкой дыма. И следом за ним появился Пожарный – из леса прямо в объятия Харпер.

На него было страшно смотреть. Ободранная кожа на левой щеке висела рваной полоской черной резины. Сбоку на шее краснело пятно – вроде болезненного солнечного ожога. Вонял он так, как будто катался по угасшему кострищу.

В левой руке покачивалось стальное ведро, полное углей.

– Я спас ее, – с трудом произнес Пожарный. – Нужно найти ей безопасное местечко и свежих дров. – Он бросил на Харпер безумный взгляд. – Она голодная.

Он не очень-то охотно позволил Харпер забрать ведро у него из руки. Оловянная ручка была горячей – наверное, обжигающей, – но ладонь Харпер мягко засветилась, и боли она не чувствовала.

Харпер поставила ведро на крыльцо и повела Пожарного внутрь.

Он отключился почти сразу после того, как она зашила ему распоротую щеку. Харпер оставила его на диване – там он и уснул, накрывшись собственной курткой, как одеялом.

Харпер снова вышла на воздух, ощущая жуткую усталость и жуткую беременность. Поясница ныла беспрерывно, и еще сильно болело в районе женских органов.

Ведро с сияющими углями стояло на верхней ступеньке, рядом с магнитолой. Мик Джаггер под басовое соло обещал, что вернется домой. Угли ярко разгорались, притухали и разгорались снова, в такт песне.

Харпер непреодолимо захотелось пнуть ведро и опрокинуть в траву.

Вместо этого она отнесла ведро к большой стальной бочке, стоявшей в траве за гаражом, рядом с мусорными баками. Харпер вывалила угли на гору старого мусора: расколотые доски, ржавеющие пивные банки, промасленные тряпки. Пламя замерцало и рванулось вверх, мусор разгорелся с мягким голодным «пых». Харпер подобрала несколько веток и гнилое полено, кишащее жучками, и сунула в огонь.

– Это что? – спросила Рене. – Будем готовить?

– Скорее, это огонь памяти.

– Вечный огонь?

И Харпер ответила:

– Надеюсь, что нет.

На диване спали по очереди, ели «спам», пили молоко из банок. В гараже было жарко и тесно, воздух пропах тушенкой, бетоном и соляной. Скоро что-то нужно будет делать с Гилом. Он вот-вот начнет портиться.

После захода солнца Харпер выскользнула через заднюю дверь – подышать свежим воздухом. Под звездами было лучше. Ночь медленно текла, казалось, будто ныряешь в теплый плавательный бассейн, наполненный не водой, а жидкой тьмой. И словно за углом притаилась буйная весна.

В мусорной бочке щелкнул сучок. Харпер повернулась и увидела Алли – та изумленно смотрела на угли большими испуганными глазами. Алли крепко обхватила себя, сжав ладонями локти.

– Ты в порядке? – спросила Харпер.

Алли повернулась и посмотрела отсутствующим взглядом.

– Нет, – сказала она и пошла в здание.

Харпер подошла и сама взглянула на пламя, но увидела только угли.

Она присела на верхнюю ступеньку. Посчитала, сколько дней осталось до срока, потом посчитала еще раз – для надежности. Получалось восемнадцать, если родит в срок. Иногда с первым ребенком женщины перехаживают.

Она слушала «Последствия», положив руки на раздувшийся глобус беременного живота. Но Роллингов пришлось выключить, когда дело дошло до «Под большим пальцем». Всю жизнь она страстно мечтала о мире, живущем по законам диснеевских мюзиклов начала 60-х, где песни и танцы непременно сопровождают значительные события вроде первого поцелуя или генеральной уборки на кухне. И если уж не «Мэри Поппинс», то пусть хотя бы «Вечер трудного дня». Но выяснилось, что жизнь больше похожа на песни «Роллинг стоунз»: ты не получаешь удовлетворения, ловишь удар за ударом, если ты женщина – ты сучка, которую кто-то прижал большим пальцем, а если просишь маминых маленьких помощников у дорогого доктора, лучше возьми серебро, бери или брось, и не плачь, ища сочувствия, не тешь дьявола.

Харпер покрутила каналы. Госпел-хор хлопал в ладоши, славя Иисуса. Мальчик продолжал весенний тренировочный репортаж: «Ред Сокс» играли против сборной «Все звезды Шекспира». Ромео пошел отбивать. Он получил страйк, сломал биту о колено, проглотил яд и умер на хоум-плейте. Джульетта выбежала со скамейки запасных, немного порыдала и вонзила себе в сердце биту Ромео. Питчер, Том Гордон, ждал, уперев кулак в бедро, пока Розенкранц и Гильденстерн утаскивали трупы с поля.

Дальше по шкале FM женщина сообщила, что Старший Полевой Маршал Иан Иудо-Киллер подписал смертный приговор Пожарному, который убил двух нью-гемпширских Воинов Христа в битве при лагере Уиндем три дня назад. Еще сообщалось, что двенадцать тысяч

безбожных японцев покончили с собой на Окинаве – крупнейший зарегистрированный случай суицида. Получена из космоса фотография стада коров в Айове, выстроившихся крестом. Настали последние дни, скоро спадет последняя печать и вострубит последняя труба.

Что-то очень легко погладило ее по костяшкам пальцев. Харпер опустила глаза и увидела пушистого кота, темного с золотыми полосками, задравшего морду; его привлек запах «спама» под ее ногтями. Присмотревшись, Харпер вспомнила, что где-то уже видела этого кота, и потянулась погладить его по голове. Он сжался под ее рукой, потом нырнул в сырую траву и исчез.

Харпер еще задумчиво смотрела вслед коту, когда на крыльцо вышел Джон Руквуд, одетый по форме – в каске и куртке.

– И куда это вы собрались? – спросила Харпер.

Он оглядел себя, словно проверяя, что на нем надето.

– Ну я же не могу пойти на похороны в этом. И вы не можете – в этом. – Он кивнул на изгвазданную толстовку бостонских «Ред Сокс» и заляпанные спортивные штаны. Штаны когда-то были синими, но теперь стали черными и покрылись кровавыми отпечатками пальцев. – Так что я, пожалуй, пойду по магазинам.

– Мы хороним Ги́ла?

– Думаю, мы хороним весь лагерь, – ответил Пожарный. – В каком-то смысле. Это нужно Рене.

– Это нужно всем нам.

Он коротко кивнул и пошел прочь.

– Вас ищут, – сказала Харпер. – По радио сказали.

– Лучше им поостеречься, – ответил Пожарный не оборачиваясь. – Могут ведь и найти.

Он вернулся через два часа после рассвета, толкая ржавую магазинную тележку по густой траве. Поднял ее на крыльцо и закатил в гараж.

Тележка была полна пиджаков и галстуков, платьев и блузок, ботинок и туфель на шпильках, шарфов и шляп. Под кучей одежды

нашлась еда – столько, что хватит еще на неделю: консервированные фрукты, коробка овсянки быстрого приготовления и упаковка из шести банок газировки – воду «Нозз-А-Ла» Харпер не видела с детства. Среди продуктов нашлась аудиокассета. Харпер не успела ее рассмотреть – Пожарный убрал пленку в карман куртки.

– Панихида сегодня вечером. Форма одежды соответствующая, – объявил он.

– Надену цилиндр. – Алли кокетливо напялила на голову черную печную трубу. – Мне нравится металл.

Ник нашел пару театральных перчаток. Они доходили ему до плеч.

Впервые за много недель Харпер увидела на лице Ника улыбку.

8

Траурная процессия шествовала по траве кладбища под звездным небом. Возглавлял ее Пожарный, подняв ладонь, горящую голубым пламенем. В середине шел Ник, из пальцев которого струился зеленый огонь. Харпер шагала позади, подняв ладонь – золотой канделябр.

Пожарный устроил из магазинной тележки похоронные дроги. Он накрыл ее двумя досками, закрепив их резиновыми жгутами. Покойника положили на брезент, который служил ему саваном. Рене толкала тележку, а Алли шла следом с магнитолой в руках; негромко играла музыка.

Алли смотрелась очень мило в своем цилиндре и черном плаще, шуршащем по лодыжкам. Ник отказался от оперных перчаток, но надел желто-канареечный фрак и медальон матери. Для Харпер Пожарный где-то раздобыл громадную толстовку «Пэтриотс» – размера примерно XXXXL. Для необъятно беременной женщины это был лучший вариант траурного одеяния из возможных. Рене шла по кладбищу в темно-синем бархатном платье. Длинный разрез позволял увидеть ямочки под коленками. Харпер надеялась, что Гилберт успел по достоинству оценить гладкие, стройные ножки.

Бог знает, где Пожарный достал свой наряд: килт, открывающий худые волосатые ноги, черный берет и короткий черный пиджак.

Харпер не хотелось думать, что он насмехается над таким событием. Видимо, так он представляет себе искреннее уважение.

Пожарный толкнул горячей ладонью дверь склепа О'Брайана. Пламя осветило изнутри крохотный мраморный куб, нависшие тени качались, словно под музыку. Джон нашел альбом «Дайр стрейтс»; «Ромео и Джульетта» сливались с песней сверчка.

Джон затушил руку и втащил за собой тележку. Рене вошла следом, и на счет «раз-два-три» они переложили тело в саване на каменную гробницу. Ник поджег кончиком пальца свечи. Алли с магнитолой зашла за всеми. Только Харпер медлила снаружи, глядя на руку, горящую совсем без жара. Ей было приятно. Глядя на пламя нынешней ночью, она словно видела собственную душу.

Песня гулко отдавалась эхом в каменной шкатулке, и Харпер начала тихонько подпевать. К ней присоединился Пожарный, взяв Рене за руку. Ник, взяв другую, потянулся к сестре, Алли потянулась к Харпер; они образовали человеческую цепочку. Рене опустила голову и закрыла глаза – то ли чтобы поплакать, то ли чтобы помолиться. Только когда она подняла голову, стало видно, что ее радужки пронизал свет. Витки драконьей чешуи вокруг обнаженных рук налились темно-лиловым цветом, спускаясь к запястьям. Свечение перекинулось на руку Пожарного, потом перешло к Нику. Харпер почувствовала, как отвечает ее чешуя, наливаясь светом и теплом.

Все сияли в темноте: бледные силуэты с кольцами света там, где были глаза; словно это они, а не Гилберт Клайн – мертвые, восставшие из могил привидения. Скорбь представлялась Харпер потоком ледяной воды, по которому она сама проплывала, кружась, как сухой лист.

Сливаясь с музыкой, Харпер чувствовала, как ускользает ее собственное «я». Ее личность не удержалась, и ее поглотил поток, пронзающий их всех. Она уже была не Харпер. Она превратилась в Рене, вспоминающую шершавую щеку Гила на своей шее и запах опилок от его волос. Она вспоминала тот первый раз, когда Гил поцеловал ее в углу подвала, когда крепко прижал ладонь к ее пояснице, вспоминала так ярко, словно ощущала все сама. Паутина на голых перегоревших лампочках на потолке. Запах пыли и старых кирпичей, его губы, прижатые к ее губам. Она плыла по воспоминаниям Рене, ее несло дальше, перекинуло через порог в...

...воспоминание о том, как держит и качает ее Кэрол в ночь, когда умерла мама. Кэрол качала ее и благоразумно не говорила ничего, не произносила слов фальшивого утешения. Кэрол тоже плакала; их слезы смешивались, и Харпер даже сейчас ощущала их вкус – стоя в склепе, она знала, что чувствовала Алли в ту ночь, когда сгорела Сара Стори. Ее чувства кружащимся листом неслись дальше, через другой порог, в...

...воспоминание о полете. Гейл Нейборс схватила ее за лодыжки, Джиллиан – за запястья, они раскачивали ее, как гамак, и швыряли в головокружительную тишину, и она падала беззвучно на койку, а из легких рвался смех, которого она не могла слышать. В жуткой тишине мира глухоты Ника, казалось, кричали цвета. Он обожал летать снова и снова, он обожал их веселье; и как он теперь скучает по ним и жалеет, что нельзя все вернуть. Но сознание Харпер несло дальше – и рухнуло с самого высокого водопада, в горе такое глубокое, что и дна не разглядеть, и провалилось в...

...голову Джона и его мысли о Саре. Харпер ощутила, что держит Сару на коленях, и зарылась носом в ее волосы, вдыхая дразнящий аромат сахарного печенья. Она решала кроссворд, задумчиво грызя шариковую ручку; и какая же смелость, какая уверенность нужны, чтобы вписывать слова сразу ручкой! Квадратик солнечного света падал на изгиб худого загорелого плеча. Харпер никогда так ясно не ощущала свет и тишину – если не под грибами. С диким весельем она подумала о своем отце – блестящем, образованном, далеком, сердитом пьянице. «Я буду жить счастливо, – подумала Харпер с британским акцентом, – и значит, я уделаю тебя. Значит, я выиграю». Сара прижалась спиной к костлявой груди Харпер. «Семь букв – непреходящее счастье», – спрашивает она, и Харпер, заправив ей прядь волос за изящное розовое ушко, шепчет: «Сегодня». Жить в таком блаженстве и потерять его – это как незаживающий ожог. Думать о ней – все равно что заново прикладывать раскаленное клеймо.

И наконец, – ее собственный гладкий пруд боли, тоски по всему, что любила когда-то: пить кофе под стучащий по окнам холодный дождь, пылесосить в одном белье и подпевать Брюсу Спрингстину, рассеянно разглядывать корешки книг в книжном магазинчике с высоченными полками, грызть холодное яблоко перед домом и сгребать листья. А школьные коридоры, полные бормочущих-

хохочущих-дерущихся учеников, а кока-кола в стеклянной бутылке... Сколько всего лучшего в жизни даже не замечаешь, пока оно с тобой.

Затихающий поток вертел и вертел ее листик, унося от воспоминаний, от боли – к надежному песчаному берегу. Магнитола щелкнула. Песня кончилась.

9

Она сидела на песке, прижавшись плечами к изрезанной каменной стене склепа. Пожарный сидел рядом. Так получилось, что они держались за руки. Он вынес радиоприемник наружу и настроил FM-диапазон. Хор тянул в унисон звенящий скорбный напев. Ночь сияла звездами.

Харпер была словно немного пьяная. Она расслабилась и решила, что можно положить голову Джону на плечо.

– А что Рене? – спросила она.

– Еще внутри. Говорит со своим мужчиной. Вспоминает, что больше всего любила в нем. И чем они занялись бы, если бы было больше времени.

– А дети?

– Пошли обратно в гараж. Я нашел пакет зефира. Кажется, они собрались его печь на огне.

– А думаете... это безопасно? Печь зефир на огне?

– Да нет, если учесть, что им довелось пережить, думаю, не стоит особо опасаться горячего зефира. Самое страшное, что может случиться, – обожгут небо.

– Я о том, что они могут увидеть в огне.

– А. – Пожарный вытянул губы трубочкой. – Не думаю, что она покажет себя. И, может, Саре будет приятно поглядеть на них. Мы не единственные, кто горюет об ушедшем. Мы не единственные, кого гложет печаль.

Харпер погладила большим пальцем его ладонь, легонько пожала.

– Я давненько так не балдел от Света... я ведь не входил в Свет полгода. – Пожарный выдохнул, как человек после обильной трапезы. – Мне не нужна была защита гармонии, с тех пор как я

научился общаться со спорами напрямую. Я даже забыл, как это приятно. Даже если делишься болью, это добрая боль.

В самом ли деле они делились воспоминаниями и мыслями? Харпер не могла сказать точно. Дети в лагере Уиндем всегда считали споры чем-то вроде Сети, группового разума, носимого на коже, органического Интернета, к которому может подключиться любой зараженный. И они не сомневались, что Сеть может передавать мысли и чувства. Но ведь у человека, накачанного Светом, разыгрывается фантазия. Телепатия – это, конечно, звучит красиво, но Харпер считала, что простого воображения достаточно.

С неба упала звезда. Харпер загадала, чтобы Джон не шевелился, чтобы оставался на месте, а ее голова так и лежала у него на плече. Если время остановится, то пусть остановится сейчас, когда Джон прижался к ней и весна дышит им в лицо.

Он выпрямился так резко, что она чуть не упала. Потянулся к радиоприемнику и сделал погромче.

Безумная женщина прославляла Великого Панджандрума Иана Иудо-Киллера.

– А, опять эта бешеная сука, – сказала Харпер. На трезвую голову она не стала бы бросаться словами вроде «сука», но спьяну позволяла себе больше, а сейчас была словно навеселе. – Знаете, каждый раз, как она упоминает этого Иана Иудо-Киллера, она называет новый титул. То он Великий маршал, а то вдруг полевой генерал. Вот-вот она объявит, что его нарекли Всемогущим засранцем...

– Тс-с... – сказал Пожарный, подняв руку.

Харпер прислушалась. Женщина в приемнике сказала, что Его Честь обещал отправить двенадцать пожарных машин с полными расчетами в Мэн на борьбу с лесными пожарами; экипажи получили приказ об отправке в полдень в пятницу, слава Иисусу и Святому воинству...

– Вот с ними и поедем, – сказал Пожарный.

– С Иисусом и Святым воинством? – спросила Харпер. – Мне казалось, мы этого и пытались избежать.

– С пожарными. – Большие глаза Джона выделялись на худом лице. – Поедем прямо по мосту, в Мэн, с ними. Нас пропустят вместе со всеми. – Он повернул голову и посмотрел на Харпер. – У нас

остается два дня. Мы прибудем на остров Марты Куинн ровно через неделю.

Когда пришло время, Джон разбудил ее, легко проведя костяшками пальцев по щеке.

Харпер потерла лицо, приподнялась на локтях.

– Я не... что? Рано ведь! Я думала, они поедут не раньше полудня в пятницу.

Алли сидела на полу. Ник спал на боку рядышком с ней. Алли широко зевнула, прикрыв рот тыльной стороной ладони.

– Уже полдень? – спросила она.

– Уже пятница? – спросила Харпер.

– Пятница – да, полдень – нет. Примерно восемь утра. Но если выйдете наружу, сможете их услышать. Я говорил, что мы заранее узнаем, когда они будут готовы ехать. Почему, как думаете, мальчишки так рвутся стать пожарными? Чтобы гудеть сиреной. А дюжина машин поднимут такой шум, что перебудят весь город.

И он не шутил. Харпер слышала их еще до того, как вышла в туманное, прохладное утро: переключка воющих и ревущих сирен меньше чем в полумиле от них. Одна сирена кричала и вопила несколько мгновений и затихала; тогда вступала другая. Джон предполагал, что они будут собираться у центрального пожарного депо, у муниципалитета – совсем недалеко от кладбища.

– И нам нужно торопиться? – спросила Харпер у Пожарного.

– Нам, разумеется, ни к чему пытаться проскочить мост впереди них, – ответил он. – Но и отставать сильно не стоит. Давайте. Посадим детей в машину. – Это прозвучало так, будто они уже опытные родители и собираются везти собственных детей к неприятным родственникам. Харпер подумала, что Алли и Ник теперь и вправду *их* дети.

Рене уже ждала возле автомобиля, открывая деревянные отсеки над задним крылом. Сорокавосьмифутовая пожарная машина выкатилась с завода «Студебекер» в 1935 году, красная, как спелое яблочко, блестящая, как ракета в комиксах про Бака Роджерса.

Идеальное представление прошлого о будущем – или будущего о прошлом. В отсеках хранились грязные пожарные рукава, стояли рядами стальные огнетушители, кучей лежали куртки, уходил в пещерную тьму строй пожарных ботинок. Казалось, что в глубине одного из отсеков отыщется и вход в Нарнию. Рене подняла Ника, и он залез в отсек.

– Заберись под шланг, – сказала ему Рене и тут же щелкнула языком, досадуя, что заговорила с ним вслух. – Харпер, скажите, чтобы залез под шланг.

Но этого и не понадобилось. Ник был уже под рукавом. Алли вскочила на хромированный бампер, залезла в отсек к брату и начала помогать, художественно накрывая Ника витками шланга.

– Почти так же Гил выбрался из тюрьмы, – сказала Рене.

– А у кого Джон позаимствовал идею, как думаете? – спросила Харпер. – Гил все еще помогает нам.

– Да, – согласилась Рене и пожала Харпер ладонь. – Соберу пожитки, какие уж есть. И радио. Без меня не уезжайте.

Харпер загрузила «Подручную маму» в правый задний отсек, за три ряда хромированных огнетушителей, рядом с продуктовым пакетом. Осталось еще место для Рене и Харпер – если они обнимутся и накроются одеялом.

А Пожарный... Пожарный поведет машину.

– Это мне совсем не нравится, – сказала ему Харпер.

Пожарный стоял на подножке со стороны пассажирского сиденья. В руках он держал ведро с углями. Пожарный прислонил ведро к выхлопной трубе, торчащей за кабиной. Потом нагнулся, и Харпер увидела, как засветился кончик его указательного пальца, красный и прозрачный – ассоциация с инопланетянином из фильма была неизбежна, – как раскалился настолько, что больно было смотреть. Полетели искры – Пожарный пальцем приваривал ведро к выхлопной трубе.

– Так что вам не нравится? – рассеянно спросил он.

– То, что вы попытаетесь перевезти эту штуковину через мост. Они охотятся за вами. Там есть те, кто вас видел, они опознают вас.

Харпер даже приходило в голову, что вся кутерьма затеяна, чтобы выманить их; весь разрекламированный караван пожарных машин, якобы направляющихся в Мэн тушить пожары, – наживка. Чем больше

она размышляла, тем явственнее ей казалось, что они направляются прямо в ловушку и будут мертвы к полднику.

В конце концов ее заставили смириться с риском схватки – они длились полчаса и превратили матку в глыбу быстрозастывающего бетона. В какой-то момент боль стала такой острой и ритмичной, что Харпер, быстро и коротко дыша, решила, что уже рожает. И в этот момент почти полной уверенности схватки начали утихать и скоро совсем прошли, оставив вспотевшую Харпер с трясущимися руками. Две недели – всего две недели до срока, плюс-минус пару дней.

Им предстоял безнадежный бросок – так солдаты Первой мировой выскакивали из окопов и бежали к ничейной земле, наплевав на то, что участников первых четырех атак порубало на куски. Остаться невозможно, ведь ребенка не вырастишь в окопе.

И дело не только в безопасных родах. Дело в следующих после родов минутах, часах, днях. Особенно если у мальчика не будет драконьей чешуи. Харпер уже много месяцев не читала новостей, но в дни, когда Интернет еще был доступен, можно было узнать, что где-то у восьмидесяти процентов зараженных матерей рождаются здоровые дети. Пацан будет розовеньким и чистеньким; чтобы он и оставался таким, придется найти кого-то здорового, кто усыновит его... об этом она отказывалась думать. Сначала нужно найти место, где получится впустить малыша в мир. А дальше уже – искать дом для незараженного сына. А может быть, у врачей на острове Марты Куинн нет чешуи. Может, кто-то из них возьмет ребенка. И может, ее ребенок даже останется на одном острове с ней!

Нет. Надеяться на это – уже слишком. Придется принять то, что будет лучше для ребенка, даже если это означает, что в день его рождения она увидит его в последний раз. Харпер уже решила, что когда придет пора, она примет все, как Мэри Поппинс. То есть ребенок будет принадлежать ей, пока не подует западный ветер... Поднимется буря, и Харпер спокойно раскроет зонтик и улетит прочь, оставив ребенка в руках человека любящего, достойного и мудрого – если, конечно, такой найдется. Она не сможет остаться с сыном, но сын может остаться с мамой. С «Подручной мамой».

– Не думаю, что Ник сможет управлять машиной с ручной коробкой передач. Рене никогда не водила больших машин. Алли слишком юна. Вы слишком беременны. И потом: они, на хрен, ищут

того, кто говорит, как принц, на хрен, Чарльз, а не как Дон, на хрен, Льюистон, – объяснял ей Пожарный; и гласные в его речи удлинялись, а британское «р-р-р» пропало, словно он вдруг оказался родом из Манчестера в штате Мэн, а не из Манчестера в Соединенном Королевстве. – Я смогу говорить, как местный, хотя бы несколько минут – хватит, чтобы проскочить пост.

– Как ваше запястье? – спросила Харпер, тронув его за руку. Запястье все еще было обмотано грязным бинтом.

– А, с рычагом справлюсь. Не беспокойтесь, Уиллоуз. Я провезу нас через пост. Вы просто забыли, как я люблю представления.

Но Харпер его почти не слышала.

Рене остановилась шагах в десяти от машины и, нагнувшись, держала ладонь тыльной стороной вниз, чтобы длинношерстному коту с золотыми полосками было удобно нюхать. Кот, задрав хвост, вылез из травы, к его шерсти прилипли сухие листья. Он урчал так громко, будто кто-то запустил электрическую швейную машинку.

Ник выбрался из-под шланга поглядеть. Он возбужденно оглянулся на Алли и начал шевелить пальцами. Алли вылезла наружу на четвереньках.

– Ник говорит, это тот кот, которого он подкармливал с прошлого лета, – сказала она.

Когда Харпер оглянулась, большой кошак уже сидел на руках Рене, довольно прищурившись. Рене поставила радиоприемник на землю и ласково гладила кота вдоль позвоночника.

– Это *мой* кот. – Рене выглядела изумленной, как будто кто-то только что разбудил ее после глубокого сна. – Мой кот, которого я отпустила в прошлом мае. Мистер Трюфель. Ну, верней, Трюффо, но для друзей – Трюфель.

Пожарный, соскочив с подножки, смотрел сурово.

– Вы уверены?

– Конечно, уверена. Своего-то кота я узнаю!

– Но у него ни ошейника, ни жетона. Точно сказать нельзя.

Рене вспыхнула:

– Он подошел прямо ко мне. Он вспрыгнул ко мне на руки.

Джон молчал, и Рене добавила:

– А почему же нет? Это мои места. Я ведь жила именно на этой улице. На милую южнее, но на этой улице.

– Кот остается здесь, – сказал Джон.

Рене открыла рот, чтобы возразить, но осеклась и только смотрела на Пожарного – сначала непонимающе, а потом постепенно соглашаясь.

– Разумеется, – сказала она. – Глупо было думать... конечно, вы правы.

Она потерлась носом о нос кота и аккуратно опустила животное на землю.

– Нет! – воскликнула Алли. – Что вы делаете? Мы можем его взять.

– Правильно. Я возьму его к себе, – сказала Харпер.

Ее поразило выражение лица Рене, когда та узнала кота. Это было не просто удовольствие – это было потрясение. Харпер подумала, что Рене уже отказалась от счастья – похоронила его в склепе с Гилбертом, – и нежданная радость ошеломила ее. Ник спрыгнул с машины, опустился на колени в пыль и осторожно приближался к коту, как загипнотизированный. Кот вился у лодыжек Рене и следил за мальчиком настороженными нефритовыми глазами.

– А если они заглянут в задние отсеки и найдут его? – спросил Пожарный.

– Решат, что кот спрятался в вашей машине. Посмеются.

– Нет. Они перероют все.

– Проголосуем, – сказала Харпер.

– В жопу ваше голосование! Это небезопасно. Кот остается здесь.

Харпер ответила:

– Мистер Руквуд, мне надоели люди, считающие, что только они имеют право решать, что лучше или хуже для других. Я была замужем – и пять лет мне внушали: все, что позволяет мне чувствовать себя человеком, мне не нужно. Я обращалась к религии – к церкви Святого Пеня в храме Света – все то же самое. Теперь у нас демократия, и мы будем голосовать. Не дуйтесь, у вас тоже есть право голоса.

– Трижды ура выборам! – крикнула Алли.

Пожарный злобно глянул на Алли с братом.

– Большинство сообществ сходятся на том, что дети не обладают достаточной информацией, чтобы участвовать в публичных диспутах.

– Большинство детей не спасали вашу тощую неблагодарную задницу от публичных побиваний камнями. Голосуем. Все. И я – за

кота, – сказала Харпер.

– Я голосую за бескошачье будущее, – сказал Пожарный и ткнул пальцем в Рене: – И она тоже. Потому что, в отличие от вас, Рене Гилмонтон женщина разумная, логичная и осторожная, правда, Рене?

Рене провела ладонью по мокрой щеке.

– Он прав. Если что-нибудь случится с детьми из-за того, что мы взяли с собой кота, я не перенесу. Это чрезмерный риск. И потом... я вовсе не уверена, что это мой кот.

– Вы лжете, Рене, я вас насквозь вижу, – сказала Харпер. Она обернулась, пылая праведным гневом, к детям. – Как вы голосуете?

– Я за кота, – сказала Алли.

Ник ткнул большим пальцем вверх.

– Вы двое в меньшинстве! – воскликнула Харпер. – Мистер Трюфель едет с нами!

Рене задрожала:

– Харпер. Нет. Правда. Вы не... мы не можем...

– Можем, – сказала Харпер. – И возьмем. Демократия, мать вашу. Привыкайте.

Мистер Трюфель потерял спиной о лодыжки Рене и взглянул на Харпер с таким выражением, что стало ясно: он не сомневался ни минуты.

11

Харпер вытянулась в темноте рядом с Рене – кот примостился между ними – за тремя рядами огнетушителей. Алли и Ник залезли под шланги в другом отсеке. Харпер уткнулась лицом в шерсть мистера Трюфеля и вдыхала историю последних девяти месяцев тайной кошачьей жизни: плесень, пыль, могильная земля, подвалы и высокая трава, пляж и сточная канава, помойка и одуванчики.

Машина зашумела и дернулась. Они выехали на Южную улицу – Харпер поняла это по невысокой скорости и качке. На Южной полно поворотов. Они попали в выбоину, и зубы Харпер лязгнули.

– Раньше до Макиаса было часов пять. Интересно, как сейчас? – тихо спросила Рене.

– Неизвестно, что сейчас с автострадой. Прошлой осенью пожар прошел от Бутбей-Харбора до границы. Тысячи акров. И кто его знает – получится ли проехать всю дорогу. Если придется идти пешком, это может занять... много времени.

Мурчание мистера Трюфеля ритмично разносилось по деревянному отсеку; Харпер казалось, что кто-то играет на стиральной доске в кантри-ансамбле.

– Но если дорога свободна, мы *могли бы* оказаться на острове уже сегодня ночью.

– Неизвестно, сколько времени нас будут оформлять. И как часто ходит корабль.

– А неплохо было бы принять горячий душ?

– Безумие. Сейчас вы еще начнете грезить о еде не из консервной банки.

– Вы с ним спали? – спросила Рене с бухты-барахты.

Пожарная машина перешла на более высокую передачу и начала ускоряться. Они выехали с Южной улицы на Миддл-роуд. Под колесами шуршал ровный асфальт.

– Нет, – ответила Харпер. – Ну, то есть... мы лежали рядом в кровати, просто обнявшись. У него же ребра сломаны. И еще рука. – И непонятно, как рассказать про другую женщину, бывшую с ними в комнате, в огне. – А позже я была слишком беременна.

– Ну с этим разберетесь, когда окажемся на острове. – Пожарная машина тряслась и погромыхивала. – Жалко, что у нас с Гилом ничего не было. Жалко – но Мазз все время пялился, все время был с нами в комнате. Я понимаю, что не особо привлекательна. То есть я толстая, и мне почти пятьдесят. Но он долгое время провел в тюрьме, и...

– Рене, вы восхитительно вдувабельны, – сказала Харпер. – Вы бы перевернули его мир.

Рене закрыла рот ладонью и беспомощно затряслась.

Огнетушители позвякивали, стучаясь друг о друга.

Когда Рене справилась со смехом, она спросила:

– Но вы хотя бы целовались? И говорили слово на букву «Л»?

– Да.

– Хорошо. Гил никогда мне этого не говорил, и я не говорила. Не хотела, чтобы он чувствовал себя обязанным. А теперь жалею. Жалею,

что не рискнула. И не важно, что он ответил бы. Главное, чтобы услышал это от меня.

– Он знал, – сказала Харпер.

Звук под колесами изменился – стал глуше. Значит, они выезжают на автомагистраль, на I-95. «Вот сейчас, – подумала Харпер. – Вот сейчас. Вот сейчас». На мосту из-под колес будет доноситься стальной торопливый шум. Там уж не ошибешься. Контрольный пост расположен на первой трети моста.

– Жалею, что не сказала ему утром. Если нас остановят и найдут, я уже не успею, – сказала Харпер. Пульс участился, словно спеша за ускоряющейся машиной. – И *вас* я очень люблю, Рене Гилмонтон. Вы самый разумный человек, кого я знаю. Надеюсь, я стану такой же, когда вырасту.

– О, Харпер. Пожалуйста, не становитесь кем-то – только собой. Вы прекрасны такая, какая есть.

Под колесами зазвенел мост, и машина стала замедляться.

С закрытыми глазами Харпер видела все, как наяву: шестиполосный мост, три полосы на юг и – через бетонный разделитель – три на север. В прежние времена машины проскакивали по мосту в Мэн без остановки, но осенью губернатор установил пропускной пункт. Две из трех полос будут перекрыты полицейскими машинами, военными «Хаммерами» или бетонными блоками. Сколько человек на посту? Сколько у них оружия? Скрипнули пневмотормоза. Пожарная машина, качнувшись, остановилась.

Застучали сапоги. Харпер услышала приглушенную беседу, потом хохот – похоже, смеялся Джон. Снова голоса. Харпер осознала, что затаила дыхание, и заставила себя медленно и спокойно выдохнуть.

– Можно, я возьму вас за руку? – прошептала Рене.

Харпер потянулась в темноте и нащупала теплую, мягкую ладонь Рене.

Дверца отсека приоткрылась на четверть дюйма.

У Харпер перехватило дыхание. «Сейчас. Сейчас заглянут», – подумала она. Они с Рене застыли под одеялом, за огнетушителями. Все просто. Если постовые заглянут за огнетушители, все умрут. Если не заглянут, они переживут это утро.

Дверца отсека приоткрылась еще на четверть дюйма, и Харпер даже рассердилась: почему придурок просто не распахнет ее разом.

– О господи, – сказала Рене, сообразившая на долю секунды раньше Харпер.

Харпер приподнялась на локтях, почувствовав биение пульса в горле.

Никто не открывал дверцу снаружи. Ее открыли изнутри. Мистер Трюфель, высунув голову в щель, любовался солнечным утром. Он протиснул плечи, оттолкнув дверцу еще на шесть дюймов, и спрыгнул вниз. «Спасибо, что подвезли, детки, здесь я сойду».

Рене сжала ладонь Харпер до боли в пальцах.

– Господи, – шептала Рене. – Боже...

Харпер высвободила руку и села на колени, чтобы взглянуть поверх огнетушителей. Был виден уголок ясного голубого неба, затянутого вдали белесой дымкой, и серый изгиб моста, ведущего обратно, в Нью-Гемпшир.

Всю обочину занимали разбитые машины, до начала моста и дальше. Там была, наверное, сотня пустых машин: все автомобили, пытавшиеся, но не сумевшие проскочить. Паутина разбитых лобовых стекол, пулевые отверстия в капотах и дверцах.

Со стороны кабины доносились голоса. Кто-то говорил:

– Да вы прикалываетесь. Когда она была последний раз на техобслуживании?

Харпер осторожно приподняла один огнетушитель и отодвинула в сторону, чуть звякнув.

– Нет, Харпер, – зашептала Рене, но Харпер на сей раз не собиралась устраивать голосование. Если кота заметят, он привлечет внимание к задним отсекам машины.

Она сдвинула еще один огнетушитель. «Дзынь».

– Да мы ее из гаража выводим каждый год на Четвертое июля. Поливаем детей из брандспойта, сбиваем их с ног – им нравится, – рассказывал у кабины немногословный уроженец Новой Англии. Его голос казался почему-то знакомым. – Им стало бы не так весело, дай мы полное давление. Шестилеток разметало бы по деревьям на хрен.

Шутка была встречена дружным одобрителем хохотом – шесть человек, не меньше. Тут-то до Харпер и дошло, кто говорил. В роли забавного морского волка выступал Пожарный, примеривший голос Дона Льюистона.

Харпер открыла дверцу и высунула наружу голову.

Пахло рекой – насыщенный запах с легкой примесью гниения. За пожарной машиной на дороге никого не было. Все часовые собрались у кабины. Справа стояла пустая белая будка с пыльными плексигласовыми стеклами. На пластиковой полке трещала и булькала рация.

– Спереди здорово помялись. Во что-то въехали? – спросил один из часовых.

– Ага, пару месяцев тому. Думал, в гребаную рытвину попал. А оказалось – въехал в «Приус» с двумя окурками. Извиняйте!

Снова хохот, еще громче.

Мистер Трюфель посмотрел с дороги на Харпер, прищурился, зевнул, задрал заднюю лапу и принялся вылизывать мохнатые яйца.

– Никак не найду вас в списке, – сказал один из часовых. Он говорил не враждебно, но и не давился от хохота. – У меня список машин, которые разрешено пропустить на север. Вашего номера тут нет.

– Можно взглянуть? – спросил Пожарный.

Зашуршали бумаги.

Харпер спустила ногу на асфальт, держась за бампер.

Цепочка расстрелянных машин тянулась и тянулась вдоль дороги по всему мосту и дальше. Харпер увидела автофургон с изрешеченным пулями лобовым стеклом. В машине осталось детское сиденье.

– Да вот, – сказал Пожарный. – Вот она, моя ласточка.

Харпер показалось, что на мгновение его акцент пропал – заметил ли это кто-нибудь еще?

– «Студебекер» 1963-го? Я не знаток, но не похоже, чтобы эта машина была 1963-го.

– Ну еще бы! Не 63-й, а 36-й. Поменяли местами цифры. Ну и номер ни хрена не правильный, ясное дело. У вас тут старый. На антикварных машинах номера поменяли три... хрен там, четыре? Уж года четыре как.

Парень вздохнул.

– Кого-то вздрючат за это.

– Ага. Уж это наверняка, – согласился Пожарный. – Да и насрать. Ищите виноватого – вот он я. Что они, наорут на меня? Захотят устроить мне взбучку – пусть отправляются на север, в Мэн, и ищут меня. Дайте ручку. Исправлю номер.

– Seriously?

– Ну. Даже визу поставлю.

– Эй, Глен! Хочешь, я свяжусь по рации, проверю? – спросил кто-то другой. Голос молодой, почти ломающийся. – Я за пять минут управлюсь – свяжусь с конторой.

Харпер двумя руками ухватила мистера Трюфеля. Он тихо мякнул. Харпер начала разворачиваться к пожарной машине... и застыла, глядя на пустую будку.

Видеокамера, укрепленная под краем крыши, смотрела прямо на Харпер. Она даже видела себя, немного не в фокусе, на голубом экране телевизора в будке.

Харпер еще стояла, уставившись на свое изображение на мониторе, когда в поле зрения, между ней и пыльной будкой появился охранник. Совсем еще ребенок, с коротко постриженными рыжими волосами и винтовкой М-16 через плечо. Он шел спиной к Харпер, но если бы обернулся, то уперся бы взглядом прямо в нее. Если бы он посмотрел в будку, то увидел бы изображение Харпер на экране. Он не сделал ни того, ни другого. Часовой смотрел в сторону кабины машины и показывал большим пальцем на будку.

– Я знаю всех в общественных работах, – сказал он. – У них есть список допущенных машин, и в конторе всегда кто-нибудь сидит – Элвин Уиппл или Джейкоб Грейсон. Они скажут, что делать.

Харпер сунула мистера Трюфеля в отсек. Потом осторожно задрала ногу – насколько получилось – и подтянулась вверх.

– Хорошая мысль! Давайте, – сказал Пожарный. – А, нет, погодите, идите сюда. Вам понадобится планшет, чтобы вписать правильные номера.

Харпер выглянула во все еще приоткрытую дверцу отсека и увидела, как рыжий мальчик снова потрусил к кабине. Через мгновение он пропал из виду.

Харпер закрыла дверь.

Потом передала Рене мистера Трюфеля и вернула на место огнетушители... хотя зачем – никто ведь не открывал дверцы отсеков; и через мгновение машина тронулась. Харпер улеглась на пол. Мышцы в левой ноге свело.

Мистер Трюфель тихо заурчал. Рене теребила шерсть на голове кота.

- Знаете что, Харпер? – негромко спросила Рене.
- Что?
- Мне кажется, это не мой кот, – сказала Рене.

Пожарная машина дрогнула, подалась назад на фут-другой и двинулась вперед, словно неохотно. Металлические канавки в асфальте снова запели под шинами. Харпер услышала далекий «динь-динь» медного колокольчика – Пожарный прозвонил «адьюс».

Машина набирала скорость по дороге на север.

– Получилось, – сказала Рене. Она оперлась на локоть. – Похоже, мы в безопасности.

Харпер не ответила. Она чуть приподняла голову и снова уронила ее на стальной пол, думая про камеру.

– Что? – спросила Рене.

Харпер покачала головой.

Машина ехала дальше. Наверное, Джон уже разогнался до шестидесяти или семидесяти миль, и машина шла гладко и быстро. Харпер подумала, что через какое-то время качка и ощущение скорости убаюкают ее.

Впрочем, минут через десять Пожарный понизил передачу. Машина стала замедляться, гравий захрустел под шинами и камешки застучали в днище.

Харпер уже привстала на колени, когда Пожарный открыл дверцу заднего отсека.

– У нас неприятности? – спросила она.

– Нет. – У него была гадкая привычка: когда он врал, то смотрел прямо в глаза. – Решил узнать: не хотите ли сесть впереди со мной.

Открылся второй отсек, Алли высунула голову, почесывая медового цвета ежик на затылке.

– И Ника заберите. У него ноги воняют.

– Тогда ладно, – сказал Пожарный.

– Наверное, не стоило тут останавливаться, – сказала Харпер. – Мы еще слишком близко к границе.

– Надо дровишек подбросить, – ответил он.

Вылезли все – размяться. Харпер уперлась кулаками в поясницу и захрустела позвонками. Легкий бриз сдувал волосы со лба.

Они уже миновали Кейп-Неддик, где когда-то был природный заповедник. Справа от дороги, со стороны мыса, заповедник остался. Громадные дубы, пышные от новых зеленых листьев, покачивали ветвями. В темной траве звенели пчелы.

Слева от дороги раскинулся лунный пейзаж с обугленными ветками и почерневшими камнями среди пепельных дюн. Обгорелые остовы деревьев казались легкими набросками на фоне бледной грязи. В сотне футов от дороги стояло здание из гофрированной жести, покоробившейся от жара; стены так деформировались, что домик напоминал рисунок пятилетнего ребенка. И разоренные земли тянулись, насколько хватало глаз.

– И так везде? – спросила Рене, прикрыв глаза ладонью.

– В штате Мэн? Насколько я слышал, нет. Дальше на север будет гораздо хуже. – Пожарный обернулся на шоссе, по которому они приехали. – Понятия не имею, в каком состоянии дороги дальше. Конвой пожарных, к которому мы якобы принадлежим, по 95-му ехал только до Йорка, а потом – по местному шоссе, прямо на север. Йорк мы уже проскочили, так что впереди – великая неизвестность.

Харпер последовала за ним в сторону от дороги, в траву. Джон крутил головой, собирая сухие ветки. Ник отошел к деревьям, повернулся спиной и стал писать в папоротник.

– Очень скоро они разберутся, что не должны были нас пропускать, – сказала Харпер.

– Уже не важно. Когда они поймут свою ошибку, думаю, будут держать рот на замке. В конце концов, *им* гораздо легче устроить показательную порку, чем нам. Их-то ловить не нужно. Нет, моему...

– Вы все-таки не понимаете. На мосту кое-что произошло. Полный провал. Кот выпрыгнул. Я боялась, что его кто-нибудь заметит, и тогда решат обыскать всю машину. И я вылезла, чтобы забрать его, а на будке была камера. У них осталась запись – доказательство того, что вы везете «зайцев».

– Это если они будут запись смотреть, – сказал он. Потом обернулся на Харпер и добавил: – Я же говорил, что брать кота – ошибка!

– У вас есть другие хобби, кроме как заявлять направо и налево: «Я же говорил»? – Это были любимые слова Джейкоба. И Харпер не хотелось, чтобы Джон напоминал Джейкоба хоть чем-то. От одной мысли хотелось врезать Джону от души.

Пожарный повернулся с охапкой тощих веток и двинулся обратно по высокой траве.

– Никого они за нами не пошлют, – сказал он наконец. – Нью-Гемпшир изолирован – полицейское государство. И они никого не отправят в погоню. Не станут рисковать. Любой, кого они пошлют, может ведь решить не возвращаться. В этом проблема полицейских государств. Охранники – тоже заключенные, и большинство из них это понимают.

Но, говоря все это, Пожарный смотрел Харпер в глаза, не отрываясь, – и она поняла, что он сам себе не верит.

Пожарный поднялся на подножку и принялся подкладывать дрова в дымящееся ведро. Из леса вернулся Ник.

«А зачем на машине ведро с углями?» – показал он знаками.

Харпер пришлось воспользоваться пальцевой азбукой.

«Это память о его любимом огне».

«Он психованный, как сортирная крыса, – показал Ник. – Я иногда забываю».

«Выбирайте выражения, молодой человек, а то я помою вам руки с мылом».

«Ха-ха, – показал Ник. – Я понял. Очень смешно. Все любят шутки про глухих. Вот еще: зачем Господь сделал так, чтобы, когда пердишь, воняло? Чтобы и глухие наслаждались».

Когда они въехали на шоссе, Пожарный высунулся из окна и снова позвонил в колокольчик.

Чем дальше они продвигались на север, тем меньше пейзаж напоминал Землю. На дороге напозлали дюны из серого пепла, иногда оказывавшиеся такими высокими и широкими – целые острова бледной пушистой грязи, – что разумнее было, сбросив скорость, объехать их стороной. Земля цветом напоминала бетон. Обугленные

деревья по обе стороны дороги сияли кристаллическим блеском под бледным и начинающим розоветь небом. Здесь ничего не росло. Харпер читала, что травы и кусты быстро восстанавливаются после лесных пожаров, но тут почва была погребена под слоем спекшегося пепла, белесой коркой, на которой не было видно ни следа зелени.

Поднявшийся ветер бросал пыль в лобовое стекло, и Пожарный включил «дворники», которые начали чертить на стекле длинные серые дуги.

Минут примерно через двадцать Харпер увидела на гребне с восточной стороны ряд жилых прицепов. От них не осталось почти ничего – только обгорелые скорлупки с выбитыми окнами и обвалившимися крышами. Ряд алюминиевых коробок под открытым небом промелькнул мимо.

Теперь скорость упала до двадцати миль в час – Пожарному приходилось объезжать груды пепла, а иногда – упавшее на дорогу дерево. Переехали через речку. Под мостом текла серая слякоть. По грязной воде лениво плыл мусор: Харпер разглядела шину, покореженный велосипед и дальше – как будто раздутую свинью в джинсовом комбинезоне; гнилая плоть кишела мухами. Приглядевшись, Харпер поняла, что это вовсе не свинья, и заслонила ладонью глаза Нику.

Въехали в Биддефорд. Казалось, город подвергся бомбежке. Черные трубы торчали среди рухнувших кирпичных стен. Обгорелые телефонные столбы выстроились в ряд – ни дать ни взять кресты, готовые к жертвоприношению. Надо всем возвышался Медицинский центр Южного Мэна – от корпусов, черных, как обсидиан, еще поднимался дым. Биддефорд превратился в империю руин.

Ник показал руками: «Люди, которые тут жили, спаслись?»

«Да, – ответила Харпер. – Большинство спаслось». Лгать руками оказалось проще, чем вслух.

Биддефорд остался позади.

– Я думала, мы увидим беженцев, – сказала Харпер. – Или патрули.

– Чем дальше на север, тем гуще дым и больше всяких токсинов в воздухе. Не говоря уже о пепле. Воздух становится отравленным очень быстро. Но не для нас, не забывайте. Думаю, драконья чешуя у нас в легких о нас позаботится. Воздух опасен для нормальных. – Он слабо

улыбнулся. – Хоть человечество и вырождается, нам повезло стать частью чего-то нового.

– Угу, – сказала Харпер, оглядывая громадные пустоши. – Вот оно, наше везение. Кроткие наследуют землю. Если кого-то заинтересует то, что от нее останется.

Пожарный включил радио и начал пробираться через треск статики, неразборчивые голоса и хор мальчиков, достигший высокой ноты в гулком соборе; нашел – за треском – скачущее, почти бестолковое басовое соло, и певца, который жаловался, что его любимая решила *убежать, убежать*. Слабый сигнал еле пробивался сквозь безумные помехи, но Пожарный нагнулся и расширил глаза, прислушиваясь, потом взглянул на Харпер.

Харпер посмотрела на него и кивнула.

– Я действительно слышу, – спросил Пожарный, – то, что мне кажется?

– Похоже, и вправду «Инглиш бит», – ответила Харпер. – Вперед, мистер Руквуд. Наше будущее ждет нас. Рано или поздно мы доберемся.

– И кто бы подумал, что будущее будет звучать совсем как прошлое? – спросил Пожарный.

Через пару миль после Биддефорда Пожарный убрал ногу с акселератора, и машина начала замедляться.

– Честно говоря, – сказал он, – почти сорок миль одним махом – на такое я и не надеялся.

Полосы, ведущие на север, перегораживал восемнадцатиколесный грузовик. Как и все, что попадалось им на глаза за последний час, он тоже словно побывал под бомбежкой. От кабины осталась выгоревшая скорлупа. Контейнер почернел от сажи, но под грязью еще можно было разглядеть слово «Уолмарт».

Над логотипом кто-то счистил грязь и краской из баллончика написал большими красными буквами:

ПОРТЛЕНДА НЕТ

ДОРОГА РАЗРУШЕНА НЕ ПРОЕХАТЬ
ЗДОРОВЫЕ? ОТМЕТЬТЕСЬ У ДИКА ХОКИНСА В ПРАУТСНЕК
ЗАРАЗНЫХ ПРИСТРЕЛИМ НА МЕСТЕ
ПРОСТИ НАС БОГ, ХРАНИ ВАС БОГ

Пожарный открыл дверцу и встал на подножку.

– У меня есть буксирная цепь. Наверное, получится сдвинуть эту фуру в сторону. Нам нужно не очень много места, чтобы проскочить. И раз уж встали, можно дровишек подбросить.

Ник пошел за Харпер к корме пожарной машины – проверить, как там Алли и Рене. Алли уже стояла на асфальте и помогала Рене спуститься по бамперу. Рене с серым, как окружающий пейзаж, лицом одной рукой прижимала к груди кота.

– Как держитесь, старушка? – спросила Харпер.

– Не услышите ни единой жалобы, – заявила Рене.

– Да куда уж, – встряла Алли. – Что вообще можно услышать за воем кота?

– Нашему маленькому туристу не нравится путешествовать общим классом, – сказала Рене.

– Тогда может сесть впереди, – сказала Харпер. – И вы с ним садитесь.

Рене выглядела измученной и усталой, но в ответ улыбнулась:

– Да ни за что.

– Вы не поедете сзади, мисс Уиллоуз, – сказала Алли. – Ухнем в глубокую рытвину – и ребенок пулей вылетит. Получатся реактивные роды.

Рене побледнела:

– Выразительный образ.

– А что – нет? Кто хочет есть? – Алли потянулась в задний отсек за пакетом с продуктами.

Харпер понесла банку персиков и пластиковую ложку к кабине – решила поделиться с Джоном. Он забрался на капот большого трейлера и, приставив ладонь козырьком ко лбу, вглядывался в шоссе.

– Что там впереди? – спросила Харпер.

Джон сел и съехал по капоту.

– Ничего хорошего. Целых участков дороги не хватает, и еще я вижу громадное дерево поперек шоссе, меньше чем в миле отсюда. И

до сих пор все дымится.

– Да быть не может. Горело когда? Восемь месяцев назад? Девять?

– Огонь не потухнет, пока есть чему гореть. Пепел укрывает защитным одеялом угли внизу. – Пожарный выскользнул из куртки и остался в замызганной майке. Полуденный жар колыхался над дорогой. – Будем ехать, пока сможем. Тогда бросим машину и пойдем пешком. – Он мельком глянул на живот Харпер. – Вам надо с одеждой разобраться. Будет жарко, а брести придется несколько дней.

Харпер пыталась гнать прочь фантазии о том, что они доберутся до острова Марты Куинн сегодня ночью, о постели со свежими простынями, о горячем душе, об ароматном мыле – но не могла удержаться. Она пала духом, услышав, что может потребоваться больше времени и сил, чем она надеялась. Все надеялись. Однако едва почуяв собственное разочарование, Харпер решительно отодвинула его на задний план. Они в пути и уже выбрались из Нью-Гемпшира. На сегодня вполне достаточно.

– Что? – переспросила она. – Думаете, я первая беременная леди, которой придется пройти пешком? Вот. Съешьте персик. Займите чем-нибудь рот – вместо суровых речей и мрачных предсказаний. Знаете, что вы убийственно сексуальный, пока молчите? А как заговорите – становитесь феноменальной задницей.

Пожарный разинул рот и получил персик на пластиковой ложке. За фруктом последовал поцелуй со вкусом золотого сиропа. Когда Харпер оторвалась от губ Джона, он улыбался.

Ник, Рене и Алли, собравшиеся рядом, заплотировали. Харпер показала им средний палец и снова поцеловала Джона.

Джон и Алли прикрепили цепь к буксирной проушине пожарной машины и потащили другой конец к трейлеру. Пока они привязывали цепь, Харпер заглянула в длинный контейнер «Уолмарта». Внутри пахло каленым металлом и паленым волосом, но у стены обнаружили несколько деревянных поддонов. Харпер вытащила один наружу – если получится сломать, будет топливо для ведра с углями.

Рене принесла ломик и топор. Харпер прислонила поддон к побелевшему от огня дорожному ограждению и начала тюкать топором. Полетели сосновые щепки.

Рене прищурилась от яркого солнца, глядя на ведро, приваренное позади кабины.

– Я все собиралась спросить... – неуверенно начала Рене.

– Наверное, лучше и не стоит.

– Ладно.

Харпер отнесла несколько щепок к машине, забралась на подножку и заглянула в ведро. Угли пульсировали. Харпер начала подкладывать кусочки дерева, один за другим. Каждая щепка вспыхивала с дрожащим шипением белого огня. Положив четыре или пять щепок, Харпер помедлила, держа очередную над ведром, – выбирала, куда положить.

Изогнутая лента пламени, похожая на руку ребенка, протянулась и схватила палку. Харпер отпустила ее, тихо вскрикнув, и соскочила с подножки. Ватные ноги тряслись. Рене придержала Харпер за локоть.

– Я слышала про языки огня, – мягко сказала Рене. – Но не про руки.

Харпер покачала головой, не в силах ответить.

Пожарный захлопнул водительскую дверцу и включил заднюю передачу. Буксирная цепь натянулась и щелкнула. Шины пожарной машины завертелись, задымились, нашли сцепление с дорогой – и задняя часть трейлера с лязгом дернулась вбок.

Когда фура освободила небольшой проезд, Харпер впервые увидела дорогу впереди. Футах в двадцати за трейлером одну полосу съел кратер размером с малолитражку. Дальше был еще один кратер – но на соседней полосе. Через полмили автостраду перегородило огромное дерево, гигантская обгорелая лиственница. Она словно была сделана из жженого сахара. Над длинной и прямой дорогой, над размякшим покрытием колыхался горячий воздух.

– Дальше придется ехать медленно, – сказал Пожарный.

Он ошибся.

Пожарный проламинировал среди больших осыпавшихся ям на дороге, доехал до рухнувшей лиственницы и снова остановился. Харпер и остальные даже не стали залезать в машину, а шли следом. Небо заволокло, как будто собирается дождь, вот только дождь не собирался и тучи были неправильного цвета. Розовые, как лососина, словно подсвеченные закатом, и плевать, что полдень. В воздухе повисло напряжение, как перед грозой. Барабанные перепонки Харпер неприятно зудели от давления.

Пожарный обвязал цепью упавшее дерево и бегом вернулся в машину. Раздался громкий треск. Пожарный изысканно выругался.

– Слышали, что он сказал? *Ни одна* женщина такого не сможет, – сказала Рене. – Анатомически невозможно.

Пожарный выпрыгнул из-за руля. Цепь оторвала от лиственницы сук длиной футов в десять.

– Нужно обернуть цепь вокруг ствола, – сказала Алли. – А то разломаете по кускам.

Ник сидел на заднем бампере с Рене и Харпер, пока Алли с Пожарным оборачивали цепь вокруг центра тяжести ствола.

– Давайте сыграем, – предложила Рене. – В «двадцать вопросов». Кто первый?

Харпер перевела Нику. Он ответил знаками.

– Он спрашивает: животное, овощ или минерал?

– Минерал. Вроде того. Господи. Сразу сложности.

Они продолжали, Харпер служила переводчиком.

– Желтое? – передала Харпер.

– Да, и еще оранжевое.

– Теперь он спрашивает: это больше легковушки?

– Да. Гораздо больше.

Ник быстро задвигал руками.

– Он говорит – грузовик, – перевела Харпер.

– Нет! – радостно воскликнула Рене.

Ник соскочил с бампера, отчаянно махая руками.

– Он говорит – большой оранжевый грузовик, – сказала Харпер.

– Нет! – Рене нахмурилась. – Скажите ему «нет». Он зря тратит вопросы.

Но тут и Харпер сама соскочила с решетки, вперив взгляд в шоссе.

– Нам пора, – сказала она.

Ник уже бежал к кабине. Харпер потрусил за ним, крича на ходу и сбиваясь на невнятный визг.

– Джон! Надо ехать! Ехать! Немедленно! Сейчас!

Джон наполовину был в кабине – рукой держал руль, а ногу поставил на подножку. Высунувшись в окно, он выкрикивал указания Алли, которая усевшись верхом на листовницу, поправляла цепь. Услышав крики Харпер, Алли огляделась, потом, прищурившись, устояла на шоссе.

На дальнем подъеме, в миле от них, сверкнул на солнце оранжевый грузовик. «Фрейтлайнер» приближался, и Харпер уже слышала нарастающий рев мотора.

– Алли, слезай! – заорал Джон.

Алли приложила ладонь к уху и покачала головой. «Не слышу». Харпер и сама-то еле могла расслышать Джона за работающим на холостом ходу мотором.

Харпер вскочила на подножку рядом с Пожарным и начала изо всей силы звонить в колокольчик. Алли пригляделась, спрыгнула с дерева и бросилась к машине.

– В машину, в машину! – орал Джон. – По-бырому, я дам задний ход.

Алли обхватила Ника руками, подняла с земли и толкнула к корме пожарной машины.

Джон дал им секунд десять – занять места, – включил заднюю передачу и дал газ. Дерево удержало машину, как якорь. Покрышки завизжали. Харпер, стоя на подножке, одной рукой вцепилась в дверцу кабины, второй – в руку Джона.

«Фрейтлайнер» Джейкоба был меньше чем в миле от них, солнечный свет отражался от треснувшего лобового стекла. Харпер слышала завывание ускоряющегося мотора.

Джон надал, и дерево качнулось, повернулось и начало скользить по пеплу. Ветки щелкали и ломались, падая на дорогу.

В полумиле от них Джейкоб чиркнул плугом по корме «уолмартовского» грузовика и со скрежетом разодрал трейлер на клочки, отлетевшие с пути.

Дерево зацепилось за трещину в асфальте и не сдвигалось. Джон выругался. Он переключил скорость, проехал вперед футов десять и

снова дал задний ход. Машина двинулась под визг покрышек. Харпер еле держалась, стиснув зубы, ожидая толчка, пульс бешено колотился. Лиственница подскочила, рухнула вниз, взмахнув сучьями, и освободила полосу.

– Я отцеплю нас, – сказала Харпер. Она спрыгнула на дорогу и побежала к переднему бамперу.

– Скорее, Харпер, – позвал Пожарный. Звук «Фрейтлайнера» превратился в звенящий рев. – Залезайте, залезайте.

Харпер сняла цепь с передней проушины и кинулась к пассажирскому сиденью.

– Жми! – крикнула она, ухватившись за дверцу кабины и забираясь на подножку.

Пожарная машина рванула вперед. Толстые ветки хрустели и трескались под колесами. К тому времени, когда Харпер частично взобралась на сиденье, машина набрала двадцать миль в час. Пожарный обогнул лиственницу, постепенно набирая скорость на прямом участке, ведущем в небольшую горку.

Снежный плуг ударил в дерево. И не просто сдвинул лиственницу, а раздробил ее – ветки брызнули облаком серой пыли и черных щепок. «Фрейтлайнер» взвыл. Харпер поняла, что впервые слышит настоящий голос Джейкоба.

Она еще стояла одним коленом на сиденье, когда «Фрейтлайнер» ударил пожарную машину в корму. От удара Харпер соскользнула. Ноги выскочили из двери и повисли над дорогой. Одну руку Харпер просунула в окошко, держась за дверцу, второй вцепилась в сиденье.

– Харп! – заорал Пожарный. – Господи, Харп, залезайте, залезайте!

– Быстрее, – ответила она. – Не смейте тормозить, Руквуд.

Она засучила ногами, но забраться на сиденье не получалось. Слишком большая часть ее тела торчала снаружи, слишком низко оказался ее центр тяжести; она почти всем весом нависала над дорогой.

Харпер повернула голову, чтобы посмотреть, где «Фрейтлайнер», и в этот момент Джейкоб ударил их снова. Теперь Харпер *видела* его за рулем, видела голодное, щетинистое лицо со шрамами. Он не улыбался и не хмурился. Только крутил головой, словно напичканный сильным обезболивающим.

– Да заберитесь, ради бога, в машину, – сказал Пожарный. Одной рукой он держал руль, но уже не смотрел в лобовое стекло. Он навис над пассажирским сиденьем, пытаясь дотянуться рукой с забинтованным запястьем до Харпер и втащить в кабину.

Она изо всех сил рванулась к его руке, вцепилась в пальцы. Он тащил, борясь с потоком воздуха, который норовил вытянуть Харпер с переднего сиденья. Она продолжала лягаться, и вдруг колено уперлось в пол кабины, и Харпер забралась внутрь.

Пока Пожарный втягивал ее, пожарную машину снесло влево. Они чиркнули по обгоревшей «Хонде», припаркованной на обочине. Корма «Хонды» подскочила в воздух, словно под задними колесами взорвалась мина. Они пролетели мимо.

«Хонда» с грохотом опустилась на дорогу. Через секунду в нее врезался снежный плуг и отбросил прочь с визгом, полным почти человеческой ярости, и звоном рассыпающегося стекла.

Харпер вскарабкалась на сиденье; еще открытая пассажирская дверца качалась на петлях. Харпер ухватила за поручень над дверью и высунула голову наружу, глядя назад.

– Да какого хрена... – начал Пожарный.

Душа Харпер наполнилась песней – песней ярости и горя, без слов и без мелодии, и ее рука вспыхнула, как вымоченная в бензине тряпка от поднесенной спички. Голубое пламя охватило руку, и Харпер метнула огненный мяч. Он ударил в лобовое стекло «Фрейтлайнера», растекся огненным опахалом – и погас.

Харпер метала огонь снова и снова. Взрыв голубого пламени снес зеркало с пассажирской стороны. Следующий снаряд ударил в сам плуг, на мгновение ставший похожим на корыто белого трескучего огня. В четвертый раз у Харпер получился крученный бросок; мяч попал в колесо с пассажирской стороны, превратив его в огненный обруч.

– Можете ослепить его? – спросил Пожарный.

– Что? – переспросила Харпер.

– Ослепите его. На десять секунд. Прямо сейчас, пожалуйста. И бога ради, пристегните ремень.

Жилы проступали на шее Джона. Он сжал губы в гримасе страха. Машина поднималась в горку – к какой-то эстакаде. Бампер сбил оранжевый ромб – предупреждающий знак. Харпер не успела

прочитать, что там написано, прежде чем Пожарный отшвырнул его в сторону.

Харпер не стала возиться с ремнем безопасности. Пристегнувшись, она не сможет высунуться достаточно далеко, чтобы бросить пламя прямо в Джейкоба. Снова нырнув головой в полуденный зной, она посмотрела на «Фрейтлайнер». Джейкоб глядел на нее сквозь покрытое паутиной трещин лобовое стекло; трещины расходились от единственного пулевого отверстия, справа от Джейкоба. Харпер подумала, что Джейми Клоуз в ту ночь едва не прострелила ему легкое с церковной башни.

Харпер глубоко вздохнула и метнула сгусток пламени. Он попал точно в пулевое отверстие. Огонь брызнул по трещинам, прочертив яркую сеть. Струйка пламени пробилась в отверстие, и Джейкоб съежился, уклоняясь. Кажется, он даже зажмурился.

Харпер повернулась взглянуть, что там впереди, и увидела, что эстакады больше нет. «МОСТ РАЗРУШЕН» – вот что было написано на том оранжевом знаке. Эстакада обрушилась прямо посередине, оставив пропасть длиной футов тридцать; арматурины торчали из обломков бетона. В последний момент у Харпер мелькнула мысль, что она так и не пристегнулась.

Джон вдавил педаль тормоза и внезапно вывернул руль, резко уходя от обрыва.

Слишком внезапно, слишком резко. Пожарная машина пошла вправо, шины издали высокий визг пузырящейся резины. Из-под днища появился сизый дымок. Харпер чувствовала, как машина норовит опрокинуться. Джон всем телом навалился на руль, выворачивая его. Машина двинулась юзом, вибрируя, как отбойный молоток. «Я потеряю ребенка», – подумала Харпер.

«Фрейтлайнер», пролетая, задел их корму. Пожарная машина завертелась, как безумная карусель. На мгновение они развернулись носом к дороге, по которой приехали, и продолжали вертеться. Центробежная сила прижала Харпер к двери – не захлопни она ее только что, вылетела бы прочь. Руль крутнулся так быстро, что Пожарный с криком боли выпустил его из рук.

Они еще смотрели в сторону Нью-Гемпшира, еще скользили по асфальту, и Харпер не видела, как «Фрейтлайнер», пролетев мимо них

к обрыву, упал с тридцати футов на дорогу внизу с оглушительным грохотом, потрясшим мир. Казалось, за спиной взорвалась бомба.

Харпер все еще казалось, что они крутятся, хотя пожарная машина замерла. Харпер посмотрела на Джона. Он посмотрел в ответ широко раскрытыми изумленными глазами. Шевельнул губами. Кажется, произнес ее имя, но точно Харпер сказать не могла – ничего не слышала из-за гула в ушах. Ник был прав – читать по губам непросто.

Пожарный махнул рукой, словно прогоняя Харпер. Вылезай. Сам он боролся с застежкой ремня безопасности.

Харпер кивнула, вылезла с подгибающимися коленями на подножку, опустилась на дорогу. Потом разжала пальцы, сжимавшие ручку двери, и повернулась к обрушенной эстакаде; и почувствовала, как дух выходит из нее вон.

Задняя половина пожарной машины висела над пропастью. И наклонялась все больше. Стоило Харпер посмотреть на нее, как машина качнулась назад, передние колеса поднялись в воздух.

Харпер успела только охнуть. Она только собиралась выкрикнуть имя Джона, когда пожарная машина перевалилась через край, в пропасть, унося Пожарного с собой.

Харпер подбежала к краю рухнувшей эстакады и посмотрела вниз, туда, где заканчивались гроздья перекрученной арматуры с раскрошившимся бетоном между ними. Пожарная машина рухнула на корму и завалилась в сторону пассажирского сиденья. Со своего места Харпер не могла видеть, что происходит внутри кабины, не могла разглядеть Джона. «Фрейтлайнер» лежал вверх колесами. Что-то горело внизу; Харпер чувствовала вонь паленой резины.

Ее удержал на месте только шок, покалывание в каждом нервном окончании, в кончиках пальцев. «Все мертвы, – застучало в голове. – Все мертвы, все мертвы, Джон и Ник, Алли и Рене. Джон и Ник, Алли и Рене. Джон и Ник, Алли и Рене».

Горло саднило, и только теперь Харпер осознала, что кричит уже целую минуту, и заставила себя замолчать. Надо спуститься. Спуститься и посмотреть, что можно сделать.

Она повернулась и увидела Алли. У той лицо было залито потом, и она тяжело дышала после бега.

– Ты откуда? – спросила Харпер. – Как ты выбралась?

Харпер тупо посмотрела через плечо Алли. В полумиле от них трусил по обочине Ник и тянул за собой Рене.

– Мы и не забирались, – ответила Алли. – Не успели. Рене стащила нас в канаву, как только мы с Ником добежали до задних отсеков. И вы с Джоном уехали без нас. А где Джон? Где...

Алли попыталась обойти Харпер, чтобы заглянуть за край обрыва. Харпер ухватила ее за руку и оттащила, не дав посмотреть вниз.

– Не надо. Не хочу, чтобы Ник видел, и не хочу, чтобы ты видела. Оставайтесь здесь, пока я не позову.

Харпер хотела бежать, но дни ее пробежек завершились несколько недель назад. Она перешла на рысцу беременной дамы, придерживая живот. Преодолев ограждение, Харпер соскользнула по насыпи на своей большой беременной попе, хватаясь за кустики, чтобы затормозить.

Внизу проходило шоссе – на восток и на запад. Пожарная машина перегородила полосы, ведущие на восток. Горящее озеро разлилось по

асфальту, и Харпер в ужасе подумала: «Бензин, разлился горящий бензин – все взорвется». Она перескочила через пламя и подошла к кабине.

Харпер посмотрела сквозь лобовое стекло – потрескавшееся и вдавленное внутрь. Джон повис, все еще пристегнутый к сиденью, голова склонилась на правое плечо, и кровь капала из-под волос и из носа. Но он был жив. Харпер видела, как вздымается и опадает его грудь.

Не видела она одного – способа достать Джона. Она слишком беременна, чтобы добраться до водительской дверцы, которая теперь смотрела в небеса. Харпер не могла разбить то, что осталось от ветрового стекла, без инструментов – да и боялась засыпать Джона осколками.

«Лестница», – пришла в голову мысль. Не та, большая, на крыше машины, а одна из маленьких, прикрепленных к отсекам.

Харпер снова перепрыгнула полосу огня (так что же горит? пахнет не бензином) и поспешила к корме машины. Все содержимое отсеков вывалилось, и Харпер осторожно шагала через перепутанные, как в игрушечном наборе, рукоятки топоров и ломы. В спешке Харпер чуть не наступила на кота и отшатнулась, когда он испуганно взвыл.

Харпер опомнилась и отступила на шаг. Мистер Трюфель уставился на нее, шерсть встала дыбом. Похоже, Рене увела от машины всех, кроме кота.

– Ох, это ты, – сказала Харпер, нагнувшись и протянув руку. – Господи, как же ты выжил? Сколько из девяти жизней потратил?

– Все до одной, – произнес Джейкоб, и лопата, разорвав дымовую завесу, ударила по коту, как крокетный молоток – по шару.

Мистер Трюфель, мертвый, со сломанной шеей, пролетел по воздуху и рухнул в кусты. Харпер завизжала и, отшатнувшись, села на задницу. Джейкоб двумя руками занес лопату над ее головой. Харпер начала отталкиваться каблуками, и лезвие лопаты вонзилось в мягкий асфальт между ее ног.

Харпер ползла задом прочь, по битому стеклу и камням. Пока Джейкоб раскачивал лопату, чтобы вытащить лезвие и шагнуть вперед, Харпер успела рассмотреть его. Правая рука почернела и напоминала кожу пережаренного цыпленка. Трещины открывали розовое мясо, блестящее гноем. Правая половина лица тоже обуглилась, и волосы с

этой стороны еще дымились. На дряблой шее чернел старый ожог в форме человеческой ладони.

Он шагнул вперед, медленно и неуклюже; от былой грации танцора не осталось и следа. Он заговорил грубым и невнятным голосом. В правом углу рта обожженные губы слиплись.

– Я был прав, когда говорил, что заболел из-за тебя, миладевичка, – сказал он. – Да, ты не заразила меня драконьей чешуей, у меня другая болезнь. Гораздо хуже. Жить с тобой – все равно что подцепить лихорадку. Такая женщина – сама по себе инфекция. Ты паразитировала на мне, как бактерия. Ты не представляешь, как мне хотелось выздороветь. Излечиться от тебя.

Он снова взмахнул лопатой, но Харпер успела оттолкнуться пятками. Штык лопаты разрезал туман, оставив за собой полосы дыма.

– Когда-то я думал, что ты станешь моей музой, – сказал Джейкоб и засмеялся странным неуместным смехом. – Я думал – ты вдохновишь меня! Что ж, в конце концов вдохновила. В конце ты показала мне мое настоящее призвание: тушить огонь. Я такой бравый пожарный, я тушу пожары еще до их возникновения. Ясно? Ты все же стала моей музой!

Никакая я не муза, подумала Харпер, да и он никакой не писатель; и ей было нисколько не жаль. Что бы ни искал Джейкоб – вину или вдохновение, – в любом случае ей отводилась роль топлива. Она была для него чем-то, что нужно жечь.

– Твой приятель жив еще? – спросил Джейкоб, кивнув на пожарную машину. – Хорошо бы он был жив. Я отрежу твою голову и брошу ему на колени, прежде чем убить его. Пусть посмотрит еще раз на твое лицо и назовет твое имя. Пусть знает: он не сохранил то, что отнял у меня.

Харпер начала петь про себя без слов. Левая кисть зашипела, задымилась и окуталась светом. Харпер подняла руку, но Джейкоб ударил ее лопатой, и пламя погасло. Харпер вскрикнула от боли.

– Он еще и фокусам тебя научил? – спросил Джейкоб. – Не только отсасывать ему? Жаль, он не научил тебя не играть с огнем. В твоём возрасте женщина должна помнить, чем это может кончиться, миладевичка. Дети, которые играют с огнем, в конце концов сгорают. Сгорают дотла.

Харпер его не слушала. Она смотрела мимо. Сердце бешено колотилось, толкая кровь, дышать было тяжело.

– На меня смотри, – рявкнул Джейкоб. Он кончиком лопаты уперся в подбородок Харпер и поднял ей голову, заставив взглянуть ему в глаза. – Я с тобой говорю, миладевочка. Ты слышала меня? Ты вообще меня слушаешь? Маленькие девочки не играют с огнем. А то будет больно.

– Да, – прошептала Харпер. – Ты прав. Мне очень жаль, Джейкоб. Он подозрительно прищурился и начал поворачивать голову.

Но огненная женщина уже преодолела половину расстояния между машиной и Джейкобом. Женщина была ростом с самого Джейкоба, длинные волосы тянулись за ней, желтые и красные. Она была нагая – в каком-то смысле, ведь ее колеблющиеся формы казались созданными из малинового шелка. Только глаза горели голубым пламенем газовой горелки. Женщина оставляла следы – пятна красного пламени.

– Мама? – крикнула Алли в тридцати футах от них. Она все-таки спустилась и теперь стояла, держа Ника за руку. Голос звучал тихо и изумленно.

Огненная женщина метнула топор из пламени. Он возник внезапно, когда она взмахнула рукой. Топор попал Джейкобу в лицо, и тот закричал – пламя разлилось по лицу и волосам. Женщина отвела руку назад – и в ее ладони из ниоткуда возник новый топор. Она метнула его, приближаясь. Второй топор попал Джейкобу в грудь – грязная, промасленная футболка вспыхнула. Джейкоб ринулся к женщине, но он ничего не видел из-за дыма, окутавшего голову. Женщина шагнула в сторону, как тореадор. Джейкоб споткнулся и упал на одно колено.

Женщина опустилась рядом и мягко обхватила его пылающими руками.

Алли присела у насыпи, крепко обняв Ника. Она прижала лицо брата к своей груди, а сама уткнулась ему в плечо; они сложились, как две половинки грецкого ореха.

Пламя, бывшее когда-то женщиной, поднялось от черного и дымящегося трупа Джейкоба Грейсона. Сара оставила свою жертву и шла к детям. Каблуки оставляли пузырящиеся следы, под которыми таял асфальт.

Не дойдя до Ника и Алли футов десять, женщина очень грациозно опустила, скрестив ноги, на дорогу. Алли, подняв голову, присмотрелась, потом тронула плечо Ника: можно смотреть.

Золотые волосы женщины струились и потрескивали. Покрытие под ней плавилось, растекаясь озером гудрона.

Ник шевельнул руками: «Мама?»

Женщина кивнула и показала: «Была когда-то». Руки двигались завитками пламени: «Большая часть меня прошлой сгорела».

«Я скучал по тебе», – показал Ник, а Алли добавила пальцевой азбукой: «И я. Очень».

Сара снова кивнула. Ее макушка была похожа на чашу огня. Все, что она сжигала, чтобы оставаться с ними – воздух и миллионы спор, – она сжигала быстро и остывала, таяла. С порывами ветра она колыхалась, как отражение в беспокойной воде.

«Я во всем виноват», – показал руками Ник.

«Нельзя винить спичку за пожар, – ответила пламенная Сара. – Винить нужно человека, который чиркнул спичкой. А ты был просто спичкой».

«Ты была бы с нами, если бы я не учил тебя бросать огонь».

Сара показала руками: «Я все еще с вами». И добавила: «Я всегда с вами. Любовь не сгорает. Она длится и длится».

Дети снова плакали. И Сара, похоже, плакала. Огненные слезы капали с ее лица на дорогу.

Дети говорили с ней руками, она кивала и отвечала, но Харпер отвернулась и не видела конца разговора. То, что они говорили друг другу, должно было остаться между ними.

Харпер с трудом поднялась на ноги и огляделась. От черного высохшего трупа Джейкоба поднимался грязный черный дым. Харпер подошла к корме машины и сунула руки за свернутый шланг. Достав пожарное одеяло, она накинула его на голову и плечи Джейкоба, потом пошла прочь, отмахиваясь от дыма. Пахло горячей помойкой.

Харпер наткнулась на Рене, которая придержала ее, взяв за плечо. Рене спустилась, чтобы присоединиться ко всем.

- Вы видели кота? – напряженно спросила ошеломленная Рене.
– Он... он не выжил, Рене, – ответила Харпер. – Его... выбросило во время катастрофы. Очень жаль.
– А... – Рене моргнула. – А как...
– Джон? Он жив. Но ранен. Мне нужна помощь, чтобы вытащить его из машины.
– Да. Конечно. – Рене оглянулась на Алли, Ника и горящую женщину. – А это... это что?
– Она приехала с Джоном, – объяснила Харпер.
– А она... – начала Рене, сглотнула, облизала губы и попробовала заново: – А она... – Слова опять застряли в горле.
– Пламя старой любви, – сказала Харпер.

Рене подсунула ломик под отставший угол лобового стекла и выдавила его. Оно рухнуло на дорогу одним куском – звенящее одеяло из голубого армированного стекла, испещренное трещинами. Харпер и Рене втиснулись в кабину и оказались под Джоном, повисшим на ремне безопасности. Капля крови попала Харпер в правый глаз, и она какое-то время смотрела на мир словно через красное витражное стекло.

Вдвоем они попытались спустить Джона так, чтобы не ушибить, но когда его правая нога ткнулась в асфальт, глаза Джона распахнулись и из груди вырвался тонкий вскрик. Они оттащили его от разбитой машины. Рене пошла искать что-нибудь ему под голову и принесла «Подручную маму», которая отлично пригодилась в качестве подушки.

– Ох, – простонал Джон. – Моя нога... Что, совсем плохо? Я не вижу.

Харпер провела руками по его бедру, ощутив перелом через толстую резину пожарных штанов. Не похоже, чтобы кость прорвала кожу, и уж точно не повредила крупную артерию. В противном случае он не спрашивал бы про ногу. От потери крови он был бы без сознания или мертв.

– Можно кое-что поправить. Нужно поставить кость на место и наложить шину, и без анестезии будет больно. – Харпер пощупала

грудь Джона. Он ахнул, зажмурился и вжался затылком в портплед. – Меня больше беспокоят ребра. Они снова сломаны. Я отойду, поищу что-нибудь для вашей ноги. – Она спиной почувствовала жар и поняла, кто стоит за ней. – Вот вам компания, а я отправлюсь на поиски.

Харпер поцеловала его в щеку, поднялась и отошла в сторону.

Сара сверкала над ним. Она опустилась на одно колено и заглянула ему в лицо; Харпер показалось, что она улыбается. Сказать точно было трудно: от лица остались только языки пламени. Когда Сара явилась в первый раз, она была саваном из белого огня с ослепительной сердцевиной. А теперь основным цветом стал темно-красный, и сама она стала ростом с ребенка, с Ника.

– Ох, Сара. Только посмотри на себя, – сказал Джон. – Держись. Мы соберем дров. Мы тебе поможем. – Он поднял руки, чтобы повторить на языке жестов.

Она покачала головой. Теперь Харпер была уверена, что Сара улыбается. Огненная женщина задрала подбородок – ветер развевал остатки ее волос – и посмотрела прямо в лицо Харпер; таким сонным взглядом сама Харпер глядела на пляшущий огонь. И потом Харпер показалось, что Сара подмигнула ей.

И погасла она разом. Огненная женщина исчезла с шипением углей. Тысяча зеленых искр взметнулась к небу. Харпер подняла ладонь, прикрывая глаза, и искры жалили ее – очень ласково, – падая на обнаженные руки, на лоб, шею и щеки. Харпер вздрогнула, но легкое покалывание уже прошло. Она вытерла щеки – на ладони остался жирный пепел.

Харпер потерла указательный и большой пальцы, глядя, как ветерок уносит бледную пыль; ей вспомнились слова, которые обычно произносят на похоронах, – про пепел к пеплу и что-то про надежду на воскресение.

Джон смотрел испуганными глазами, лицо покрылось потом и сажей. Он лежал без штанов. Правое бедро почернело и распухло – стало вдвое толще левого. Пухлые ладошки Рене обхватили ногу ниже перелома, Харпер вцепилась в бедро повыше.

– Готовы? – спросила Харпер.

Джон испуганно кивнул.

– Давайте уже покончим с этой средневековой медицинской процедурой.

Алли стояла в тридцати футах от них, но когда Пожарный заорал, она повернулась спиной и зажала руками уши. Кость издала дикий хруст, когда две половины встали на место; как будто кто-то провел кирпичом по школьной доске.

21

Именно Алли сообразила, как сделать волокушу, накрыв сложенными одеялами сегмент пожарной лестницы. Пожарного привязали, наложив на голени и таз резиновые жгуты. Еще один пошел на лоб. Только в этих местах жгуты не давили на сломанные кости.

Джон был уже без сознания, но дергался, шумно выдыхая и пытаясь потрясти головой. Харпер он показался очень старым, щеки и виски ввалились, лоб покрывали морщины. От его беспокойного безумного вида у нее щемило сердце.

Рене отлучилась и вернулась с картой дорог Новой Англии, которую нашла в бардачке «Фрейтлайнера» Джейкоба. Харпер изучила карту, положив на колени, потом объявила, что до Макиаса двести миль.

– Если сможем проходить по двадцать миль в день, – сказала она, – доберемся чуть больше чем за неделю.

Харпер ждала, что ее спросят, не шутит ли она.

Но Алли нагнулась, взялась за конец самодельной волокуши и выпрямилась. Голова Джона поднялась до уровня ее поясицы, лицо Алли превратилось в угрюмую стоическую маску.

– Тогда лучше идти, – сказала Алли. – Если двинемся сейчас, то сможем пройти десять миль до темноты. Не вижу причин терять день. А вы?

Она оглядела спутников, словно ожидая возражений. Возражений не было.

– Десять дней на ногах... – задумалась Рене, глядя на раздутый живот Харпер. – Когда у вас срок?

Харпер натянуто улыбнулась.

– Времени вагон. – Она уже сбилась со счета, но была уверена, что осталось не больше двух недель.

Рене взяла пакет с продуктами из обломков машины; Харпер подняла «Подручную маму» с дороги. Они выбрались по склону на шоссе I-95, и только тут Харпер заметила, что Ник тащит пожарный топор. Очень разумный ребенок.

Там, где шоссе не было разбито, дорогу покрывал слой пепла. До самого горизонта было не за что глазом зацепиться – только холмы цвета золы и обуглившиеся остовы сосен.

За пару часов до захода солнца они добрались до места, где шоссе обрушилось в бывший ручей. Пепел засыпал воду и превратил ее в слизь цвета магнезии. По ручью плыл, погрузившись по фары, «Меркурий» 79-го года – словно гигантский робот-крокодил патрулировал токсичный канал.

Алли опустила волокушу на краю дороги.

– Пройдусь вверх по течению, может, там можно перебраться.

– Мне не нравится, что ты идешь одна, – сказала Харпер. – Неизвестно, кто там может оказаться. Алли, я не хочу терять еще одного любимого человека.

Алли не готова была услышать, что Харпер любит ее. Она взглянула с выражением такого удивления, радости и смущения, что казалась не семнадцатилетней, а двенадцатилетней девчонкой.

– Я вернусь, – сказала Алли. – Обещаю. И потом... – Она взяла топор из рук Ника. – Не только моя мама умела бросать такие штуки.

Она двинулась по крутому откосу дороги, взмахами лезвия расчищая путь через траву высотой по пояс.

Алли вернулась к началу сумерек – небо окрашивалось в нездоровый желтый цвет. На вопрос Харпер – нашлось ли что-нибудь – Алли только устало покачала головой, не сказав ни слова.

Заночевали на берегу потока, под остатками рухнувшего моста. Ночью Пожарный начал бредить.

– Дым по трубе, дым по трубе, дым улетел, дай мне водички, пока не сгорел! Дым по трубе, дым по трубе, дым улетай! Если горю, то писай давай!

– Ш-ш-ш... – успокаивала его Харпер, обняв за талию и прижимаясь к нему, чтобы согреть. После душного жаркого дня вечерний воздух был так холоден и едок, будто они очутились на горном хребте. Лицо Пожарного покрылось ледяным нездоровым потом, но он все равно тянул воротник рубашки, словно его поджаривали. – Ш-ш-ш. Постарайтесь уснуть.

Веки Джона дрогнули, и он посмотрел на Харпер безумным взглядом.

– Джейкоб все еще преследует нас?

– Нет. Его больше нет.

– Мне показалось, что я слышу его машину. Что он нас догоняет.

– Нет, любимый.

Он похлопал ее по руке, кивнул, успокоенный, и снова заснул.

Почти все следующее утро они потратили на то, чтобы вернуться назад по своим следам к развязке; дорога вела мимо выжженных развалин «Пиццы-Хат». Пожарный проспал почти весь день. А когда просыпался, хлопал глазами удивленно и непонимающе.

Он почти не говорил – сначала, – и порой приходилось переспрашивать его по нескольку раз, прежде чем он понимал вопрос. Впрочем, отвечал он впопад и разумно. Да, воды он попил бы. Да, нога болит, но ничего, терпеть можно. Грудь не очень болит, но давит. Он несколько раз просил Алли ослабить ремень на его груди. Сначала она отвечала, что никакого ремня на груди нет, а когда он попросил в третий раз, Алли сказала: «Конечно, нет проблем», – и он поблагодарил и больше к этому не возвращался.

Только один раз Пожарный действительно заставил всех поволноваться. Он начал шевелить руками, обращаясь к Нику. Ответ Ника был понятен: он отрицательно покачал головой. А потом прибавил шагу и догнал Харпер, чтобы не встречаться взглядом с Пожарным.

«Что он сказал?» – спросила Харпер.

«Сказал, что за нами точно едет грузовик. С большим плугом. Я сказал, что его нет, но он сказал, что *слышит*. Сказал, что грузовик

едет, и если догонит, чтобы мы его бросили».

«Он болен. Не беспокойся. Он все путает».

«Я знаю, – показал Ник. – А вы уже очень хорошо освоили язык жестов».

Харпер хотела ответить: «Может, я сына научу», – но вспомнила, что если все пойдет по плану, она навсегда потеряет сына. Отдаст его кому-то здоровому. Харпер сунула руки глубоко в карманы толстовки, прекратив разговоры.

На обед они остановились в невероятной березовой рощице, приютившейся на островке между полосами автострады. На холмах по обе стороны дороги торчали почерневшие деревья, но каплеобразный островок остался невредим – зона зеленой, папоротниковой прохлады.

Они пили воду из бутылок и хрустели крендельками. Вскоре начался непонятный легкий сухой град, он стучал по листьям, по папоротнику и по их плечам. Харпер увидела, что по тыльной стороне ладони ползет божья коровка; по запястью – другая. Она запустила пальцы в волосы, и полдюжины насекомых посыпались в траву.

Подняв голову, Харпер увидела сотни божьих коровок – они ползли по стволам деревьев или, распахнув панцирь, летели по ветру. Не сотни – тысячи. Насекомые поднимались в восходящих потоках на сотни футов неторопливым смерчем. Руки Рене были облеплены божьими коровками, словно она надела перчатки по локоть. Рене смахнула насекомых, и они застучали по листьям папоротника. Джон был покрыт ими, как одеялом, пока Алли не обтряхнула их веткой.

Заночевали они в развалинах придорожного коттеджа. Западная стена сгорела и рухнула, похоронив гостиную и кухню под обугленными досками и обгорелой дранкой. Но восточное крыло таинственным образом осталось целым: белый сайдинг, черные ставни, задвинутые жалюзи на окнах. Путники расположились в бывшей гостевой спальне, где обнаружилась аккуратно заправленная королевская кровать. Высохший букетик цветов калины лежал на подушке. Последний гость оставил послание на стене: «Семья Краутер ночевала здесь по пути к Марте Куинн». И дата – прошлая осень.

К заходу солнца Джона начало лихорадить; он расслабился, только когда Харпер прижалась к нему под одеялом. Он полыхал жаром, и драконья чешуя была здесь ни при чем. Сухая горячка напугала Харпер. Она осторожно приложила ухо к его груди, чтобы

прослушать легкие, и услышала хлюпанье, словно кто-то вытаскивает сапог из грязи. Значит, пневмония. Снова воспаление легких, и хуже, чем прежде.

Ник растянулся у другого бока Джона. Он нашел на тумбочке «Полевой определитель птиц» Петерсона и теперь листал страницы и изучал картинки, подсвечивая себе пальцем.

«О чем ты думаешь?» – спросила его Харпер.

«Интересно, сколько из них вымерло», – ответил Ник.

С утра Пожарный был покрыт липким потом.

– Он горит, – сказала Рене, приложив тыльную сторону ладони к его щеке.

– Смешно будет изжариться до смерти, – пробормотал Джон, и все подскочили. Больше в тот день он не произнес ни слова.

Они брели через густой, горчичного цвета туман, развесивший на деревьях грязные полосы. Они шли на север, и солнце казалось всего лишь рыжим диском, прожигающим ржавую дыру в завесе. В испарениях видно было всего на несколько шагов. Харпер заметила что-то – ей показалось, что это громадный мотоцикл, прислоненный к остаткам изгороди из колючей проволоки. Но мотоцикл обернулся мертвой коровой; трещины в черной шкуре открывали спелое гнилое мясо; в пустых глазницах жужжали мухи. Рене пробежала мимо, закашлявшись, и закрыла ладонью рот, чтобы не стошнило.

В первый – и в последний – раз за этот день Харпер слышала кашель. Даже Пожарный дышал ровно и размеренно. Хотя глаза и ноздри Харпер горели, она словно дышала свежим альпийским воздухом – клубящийся дым не беспокоил ее.

Ей пришло в голову, что они вдыхают яд, что они попали в среду, примерно так же подходящую для человека, как атмосфера Венеры. Но эта среда их не убила, и Харпер начала размышлять. Это, конечно, шуточки драконьей чешуи. Харпер уже знала, что чешуя превращает яды в дыме в кислород. Но тут возникла еще одна мысль, и Харпер попросила Алли остановиться.

Алли встала, запыхавшаяся и чумазая. Харпер опустилась на колени у волокуши, расстегнула рубашу Джона и приложила ухо к его груди.

Она слышала тот же сухой песчаный скрежет, который ей очень не нравился. Но хотя лучше и не стало, не стало и хуже. Джон улыбался, а во сне выглядел почти прежним – спокойным и ехидным. Дым вокруг них действовал как кислородная палатка. Он не вылечит пневмонию – это сделают только антибиотики, – но поможет выиграть время.

Впрочем, после полудня они вышли из тумана и теперь двигались под чистым, безоблачным и омерзительно голубым небом; солнце нещадно бликовало от каждого куска металла и каждого осколка закопченного стекла. К тому времени, как они окончательно сошли с дороги, Джону стало хуже, чем когда-либо. Вернулась горячка, пот струился по щекам и по серым, впалым вискам. Язык, облизывающий губы, распух и стал бесцветным. Джон говорил с людьми, которых не было рядом.

– Инки правильно боготворили солнце, отец, – говорил Пожарный отцу Стори. – Бог – это огонь. Возгорание – вот истинное благословение. Дерево, нефть, уголь, человек, цивилизация, душа. Они все когда-нибудь сгорят. И тепло от их горения может стать спасением для других. Высшая ценность Библии, или Конституции, или любого произведения литературы на самом деле в том, что они превосходно горят и могут на время сдерживать холод.

Они устроились в самолетном ангаре рядом с небольшой частной взлетно-посадочной полосой. В ангаре, голубоватом металлическом сооружении с полукруглой крышей, не было самолетов, зато в конторе стоял черный кожаный диван. Харпер решила привязать к нему Пожарного, чтобы он не свалился ночью.

Пока она фиксировала Джона, он уставился безумными глазами на ее лицо.

– Грузовик. Вечером я видел грузовик. Бросьте меня. Я вас задерживаю, а плуг приближается.

– Ни за что, – сказала Харпер и отвела мокрые от пота черные волосы у него со лба. – Я без вас никуда не поеду. Ты и я, крошка.

– Ты и я, крошка, – повторил он и коротко улыбнулся. – Что скажешь?

Когда он забылся беспокойным сном, они собрались у открытых дверей ангара. Алли раздолбала молотком книжную полку, а Ник развел костер из щепок и летных инструкций. Он поджег все одним мановением горячей руки. Рене добыла в буфете бутылки воды «дасани» и макароны. Харпер держала кастрюлю над пламенем, ожидая, пока закипит вода. Рука Харпер была прямо в огне, языки пламени лизали костяшки пальцев. Если научишься управлять драконьей чешуей, прихватки больше не нужны.

– Если он умрет, – сказала Алли, – я сваливаю. Мне по барабану остров Марты Куинн. Я даже музыку восьмидесятых не люблю.

Огонь потрескивал и щелкал.

– Тут вы должны пообещать мне, что он не умрет, – сказала Алли. Харпер молчала минут десять, а потом сказала только:

– Макароны готовы.

Поздним утром на следующий день маленький отряд пилигримов прошел, устало шаркая, поворот и остановился.

Первое, что заставило их замереть, это буйство красок. Пейзаж слева от дороги был вполне привычным: сгоревшие деревья, обуглившиеся ветви и развалины. Но справа – серо-зеленый сосновый бор. Усыпанные слоем пепла деревья все же были здоровы и невредимы, а трава под ними росла пышная и сочная. За стволами деревьев они увидели блеск черной воды.

На зеленой стороне дороги возвышался рекламный щит. Изначально там был логотип страховой компании «GEICO». Изящный геккончик намекал, что пятнадцать минут могут сэкономить доллар-другой. Под этим полезным предложением черной краской из баллончика было написано:

**СВОБОДНАЯ ЗОНА НОВОГО МЭНА
ЗАРАЖЕННЫЕ, НАДЕНЬТЕ ПЕРЧАТКИ И ПЛАЩИ
ДЕРЖИТЕСЬ ДОРОГИ НА СЕВЕР
В МАКИАС, К ОСТРОВУ МАРТЫ КУИНН
ЗАРАЖЕННЫЕ, НОСИТЕ ОРАНЖЕВУЮ
ОДЕЖДУ НЕ СНИМАЯ!**

У щита был припаркован выдавший виды пикап. В кузове стояли картонки из-под молока, набитые ярко-оранжевыми рабочими перчатками. Рядом в стопку были уложены оранжевые дождевики. Ник, забравшись в кузов, порылся в вещах и поднял, развернув, один дождевик, чтобы всем было видно.

На спину дождевика был черной краской нанесен символ биологической опасности.

– И что теперь? – спросила Рене.

– Похоже, мы приоденемся, – ответила Харпер. – Будьте зайкой, подберите мне плащ. Не хочется карабкаться туда.

Через десять минут они пошли дальше – все в оранжевых плащах и оранжевых перчатках, помечавших их, как больных. Надеть дождевик на Пожарного они даже не попытались – просто накрыли плащом его грудь.

Пруд, который они заметили сквозь деревья, оказался гадким водоемом. На камнях у воды догнивали многочисленные дохлые крысы, а мелководье пряталось под плавучими шапками пепла; только черная вода в центре пруда была свободна. На берегу стояли несколько целехоньких пустых коттеджей – построенных еще до введения новых правил строительства. К входным дверям были приколочены объявления, тоже с символами биологической опасности.

– Погодите, – сказала Харпер и оставила их на дороге.

Взобравшись по ступенькам первого коттеджа, она прочитала объявление.

«ЭТОТ ДОМ ПРЕДНАЗНАЧЕН ДЛЯ ВРЕМЕННОЙ НОЧЕВКИ ЗАРАЖЕННЫХ *DRACO INCENDIA TRYCHOPHYTON* (ОНА ЖЕ ДРАКОНЬЯ ЧЕШУЯ). ЕСЛИ ВЫ ЗДОРОВЫ, НЕ ВХОДИТЕ.

НЕ ПЕЙТЕ ВОДУ, НЕ ПОЛЬЗУЙТЕСЬ ТУАЛЕТОМ. В ХОЛОДИЛЬНИКЕ ЕСТЬ БУТЫЛКИ С ВОДОЙ И КОНСЕРВЫ. НЕ БЕРИТЕ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ВАМ НАДО. НИКАКОГО НЕЗАКОННОГО ПОСЕЛЕНИЯ. ПОСЕТИТЕЛИ ДОЛЖНЫ УЙТИ В ТЕЧЕНИЕ 12 ЧАСОВ. ДОМ ОХРАНЯЕТСЯ МЕСТНЫМИ СИЛАМИ ПРАВОПОРЯДКА.

НЕ СНИМАЙТЕ ОРАНЖЕВЫЕ ЗАЩИТНЫЕ ПЛАЩИ. ЗАРАЖЕННЫЙ, НЕ НОСЯЩИЙ ОДЕЖДУ, ОТМЕЧАЮЩУЮ ЕГО

КАК БОЛЬНОГО, СЧИТАЕТСЯ УГРОЗОЙ И МОЖЕТ БЫТЬ ЗАСТРЕЛЕН.

ДО МАКИАСА 131 МИЛЯ, ТАМ ВАМ ПРЕДОСТАВЯТ ТРАНСПОРТ ДО ОТДЕЛЕНИЯ БОРЬБЫ С *D.I.T.* НА ОСТРОВЕ СВОБОДНОГО ВОЛКА. МЫ МОЛИМСЯ ЗА ВАС».

– Что там написано? – крикнула Алли.

– Что мы можем переночевать здесь, если надо, – сказала Харпер, хотя уже понимала, что они не останутся. День еще не кончился, останавливаться рано.

Толкнув дверь, Харпер вошла в холл. Пахло трубочным табаком и пыльными книгами – у Харпер эти запахи ассоциировались со стариками. На стене висел телефон с дисковым набором.

Из окна кухни открывался вид на пруд. У стены стоял холодильник цвета бананового молочного коктейля прямым из 1950-х. У двери висела картинка в грубой деревянной рамке – Медведь Смоки. «Только ты можешь предотвратить лесные пожары».

Свет не работал. Харпер заглянула в холодильник и обнаружила упаковки бутилированной воды комнатной температуры. В ванной было темно, как в шкафу, и Харпер пришлось на ощупь искать аптечку.

Выйдя через пять минут из дома у озера, Харпер тащила под мышкой упаковку воды, а в правой руке зажала баночку байеровского аспирина. Она присела на корточки на плитках тропинки и камнем растолкла четыре таблетки аспирина в порошок. Эту порцию она скормила Джону с ложки, с несколькими глотками воды.

– Ему станет лучше? – спросила Алли.

– Собьет жар, – сказала Харпер и подумала: «На время». Если вскорости они не раздобудут антибиотики, всего аспирина в мире не хватит, чтобы поддерживать его дыхательную систему. Джон захлебнется собственной мокротой.

– Дым по трубе, – забормотал Джон. – Дым по трубе, бреке-ке-ке. Джейкоб догонит на грузовике. Дым по трубе, дым по трубе, эхе-хе-хех. «Плуг разрушения» вынесет всех.

Харпер поцеловала его в мокрую от пота щеку, поднялась и кивнула Алли. Алли пригнулась и ухватила лестницу.

– Пошли, – сказала Харпер.

Озеро осталось за спиной, и вскоре они шли по еще одной выгоревшей зоне. Низкие тучи дыма застилали небо, в дождевиках было жарко и липко. Ветер налетал резкими порывами, взметая песок. Пепел набивался Харпер в рот и в глаза. Алли собирала пепел на длинных ресницах и бровях и в коротких щетинистых волосах. С покрасневшими от пыли глазами Алли напоминала альбиноса. Остановились на отдых, и Харпер проверила пульс Джона – слабый и неровный. Она растолкла еще четыре таблетки аспирина и заставила его проглотить.

Ближе к вечеру они поднялись на холм и увидели внизу зелень – на этот раз с обеих сторон дороги. Справа качался хвойный лес. Слева тянулся бурый луг, окаймленный кустиками черники, на которых еще не было и намека на ягоды. В миле от себя они увидели белый сельский дом, сарай и стальную силосную башню.

Когда до строений оставалось уже немного, Харпер увидела перед домом женщину, которая, прикрыв ладонью глаза, глядела на пришельцев. Хлопнула сетчатая дверь. Залаяла собака.

Они подошли к изгороди из ошкуренных бревен, за которыми стояли сельские постройки. Черный ретривер бегал взад-вперед на цепи и безостановочно лаял на чужаков. Его безумные глаза сверкали.

С забора свисала белая простыня, хлопая на ветру. На ней маркером было написано:

«МЫ ЗДОРОВЫ. ПОЖАЛУЙСТА, ИДИТЕ ДАЛЬШЕ. ДО МАКИАСА 126 МИЛЬ.

ГОСПОДЬ ЛЮБИТ ВАС И БЕРЕЖЕТ. ПОМОЩЬ ВПЕРЕДИ».

– Вот засранцы, – прошептала Алли.

– У этих засранцев, возможно, есть дети, – сказала Харпер. – И им не хочется, чтобы дети сгорели заживо.

– Сгореть заживо! – прокаркал Пожарный и закашлялся, извиваясь на своих носилках.

Женщина по-прежнему смотрела на них с верхней ступеньки крыльца. Она словно явилась из другого столетия: в платье до лодыжек и синей джинсовой куртке, с платком, повязанным поверх седеющих каштановых волос.

У забора стояли бумажные стаканчики с чем-то вроде апельсинового «Гаторейда».

Ник поднял стаканчик, принялся и взглядом попросил у Харпер разрешения. Она кивнула – можно пить.

– А если там яд? – спросила Алли.

– Убить нас можно гораздо проще, – сказала Харпер. – Можно просто пристрелить. Спорим, у мужчины, который глядит со второго этажа, в руках винтовка?

Алли с удивлением снова посмотрела на дом. Мужчина со впалыми щеками и зачесанными назад черными волосами, посеребрёнными сединой на висках, стоял у верхнего окна справа от входной двери. Смотрел невозмутимо и не моргая. Взгляд снайпера.

Женщина наблюдала, как они пьют, и не произносила ни слова. Харпер подумала, что напиток – разведенный порошок «Танг». В любом случае он был сладкий и чистый – от него можно было почувствовать себя человеком.

– Спасибо, – сказала Харпер.

Женщина кивнула.

Харпер собралась уходить, но помедлила и перегнулась через изгородь.

– Наш друг болен. Очень болен. Ему нужны антибиотики. У вас есть антибиотики?

Женщина задумалась, наморщив лоб. Посмотрела на Пожарного, привязанного к носилкам, потом на Харпер. Шагнула к ним и собралась что-то сказать, но тут со стуком распахнулось окно на втором этаже.

– Идите дальше, – крикнул мужчина. Харпер была права: у него была винтовка, хотя он не целился в них, а просто прижал ее к груди. – Сделаете хоть один шаг на эту сторону забора – второго не будет. Место для таких, как вы, на севере.

– Один из них болен, – сказала женщина.

Ее муж рассмеялся:

– Они все больны.

Все следующее утро Харпер ощущала на себе взгляды; за ними наблюдали, иногда исподтишка, иногда явно. Старик в майке-алкоголичке пялился на них из-за сетчатой двери коттеджа. Трое сопливых, почти одинаковых мальчишек глядели из окна одноэтажного дома. Ник помахал рукой. Они не помахали в ответ.

Потом за ними ехала черная машина – почти четверть мили, хрустя гравием под колесами. Тормозила, когда останавливались они; трогалась, стоило им продолжить движение. Четыре человека – двое на передних сиденьях, двое сзади. Мужчины во фланелевых охотничьих куртках и фетровых шляпах.

– Они скорее всего вооружены, – сказала Рене. – Думаете, мы в безопасности? Нет, не отвечайте. Говорят, что не бывает глупых вопросов, но я, кажется, один все-таки изобрела. Мы не были в безопасности много месяцев.

Черная машина сопровождала их больше часа, а потом внезапно ускорила и свернула на узкую сельскую дорогу, расшвыривая камни из-под колес. Один из пассажиров выбросил в окно пустую пивную банку, впрочем, Харпер не показалось, чтобы он целился в них. Оружия она так и не увидела, но когда машина поворачивала, толстый краснолицый мужчина на заднем сиденье выставил палец, изображая пистолет, прицелился в Ника и нажал воображаемый спусковой крючок. Бах.

К самому концу дня они достигли Бакспортского торгового центра, судя по виду – бывшую конюшню, с коновязью у дороги и оконными рамами из необработанной сосны. Над входной дверью торчали оленьи рога. На деревянном крыльце собирала пыль неработающая машина для продажи кока-колы из сороковых годов. Стоянка для машин была пуста, а на белой простыне, перекинутой через цепь, черной краской было написано: «ВСЕ ЗДОРОВЫЕ СЮДА БОЛЬНЫЕ ИДИТЕ ДАЛЬШЕ».

Однако по эту сторону ржавой цепи стоял складной столик. И на нем – картонные миски с супом. Куриная лапша. В ряд выстроились бумажные стаканчики с водой.

От одного запаха куриной лапши слюнные железы Харпер заработали, а желудок свело от голода; но не еда привела ее в восторг. На углу столика стояла бутылочка с розовым сиропом, и рядом лежал маленькая пластиковая спринцовка. Такой спринцовкой дают

лекарство собакам и маленьким детям. Этикетка на бутылочке гласила: «ЭРИТРОМИЦИН», и на рецепте была указана доза для какого-то Лаки. Срок годности истек больше года назад, и в заляпанной бутылочке осталась только половина. Под бутылочкой оказался линованный листок из блокнота.

«слышал у вас больной это поможет?»

Харпер взяла бутылочку в руку и посмотрела на Бакспортский торговый центр. Черный мужчина, во фланелевой рубашке и в очках с золотой оправой на кончике носа, смотрел на нее из-за витрины, заставленной всякой всячиной, – деревянная статуэтка лося, лампа из плавника. Харпер подняла руку в знак признательности. Мужчина кивнул, сверкнув очками, и скрылся во мраке.

Харпер дала Джону первую дозу, впрыснув ее поближе к корню языка, и добавила аспирин; остальные сидели на краю дороги, хлебая из картонных мисок чуть теплый суп.

Оранжевый знак «ОБЪЕЗД ДЛЯ БОЛЬНЫХ» указывал на запад, по сельской дороге, в сторону от Бакспорта. Но они помедлили у деревянного барьера («БОЛЬНЫМ ПРОХОДИТЬ ЗАПРЕЩЕНО»), чтобы поглядеть на шоссе, ведущее прямо в город и дальше – к морю. Дорогу затеняли большие пышные дубы, вдоль нее стояли двух– и трехэтажные дома в колониальном стиле. Темнело, и Харпер заметила свет в домах – электрический свет; от уличных фонарей лилось голубое сияние.

– Господи, – сказала Рене. – Мы снова попали в ту часть мира, где есть электричество.

– Нет, мы – нет, – возразила Алли. – Та часть мира – за барьером. Как думаете, что будет, если мы попробуем войти?

– Не знаю, и выяснять мы не будем. Пойдем, куда показывает знак, и будем делать то, что говорят, – сказала Харпер.

– Проходите сюда, – пробормотала Алли. – Поднимайтесь по пандусу – и прямо на бойню. По одному, пожалуйста. Не толкайтесь.

– Если бы нас хотели убить, у них была уйма возможностей, – заметила Рене.

– Не слушайте меня, – вздохнула Алли. – Я просто прокаженный подросток-изгой.

Ночь они провели в общественном палаточном лагере, предназначенном специально для зараженных. Справа и слева от сельской дороги торчали две громадные деревянные головы – они напоминали доблестных индейских вождей с печальными мудрыми глазами и в головных уборах из перьев. Над въездом был растянут баннер: «БОЛЬНЫЕ ОТДОХНИТЕ ЗДЕСЬ ВОДА ЕДА ТУАЛЕТЫ».

Спать улеглись под столами для пикника; дождь барабанил по доскам и капал на головы. Но тут были биотуалеты – немыслимая роскошь после целой недели, когда приходилось подтираться тряпками; и Джон порадовал Харпер, проспав всю ночь, глубоко дыша, а на худом морщинистом лице сохранялось выражение мечтательного спокойствия. Он проснулся только раз, когда она сунула спринцовку ему в рот, чтобы дать новую порцию антибиотика, – да и то лишь невнятно фыркнул и снова заснул.

Они оставались в лагере почти все утро – ждали, когда пройдет дождь. Он унялся к обеду, и потом идти было приятно. Прохладный ветер шуршал дубовыми листьями. Дневной свет играл на всех мокрых поверхностях и превращал паутину в сети, усыпанные алмазами.

Они шли по указаниям знаков «БОЛЬНЫЕ СЮДА» на север и на восток – в основном на север – мимо леса и озера. Однажды у дороги нашелся складной столик, где кто-то оставил миску с печеньем «Орео» в обертках, стальной кувшин с благословенно прохладным молоком и бумажные стаканчики. Домов поблизости не было видно. Столик стоял в конце грунтовой дороги, ведущей в лес.

– Свежее, – сказала Харпер. Она зажмурилась, чтобы лучше ощутить ледяной глоток. – Недавно выставили.

– Конечно, недавно. Они знают, что мы идем, – прохрипел Пожарный с носилок.

У Харпер чуть молоко не вылилось через ноздри.

Через мгновение они все стояли на коленях у волокуши. Джон оглядел их полуприкрытыми глазами. Подбородок зарос щетиной, щеки ввалились из-за худобы. Цвет лица был ужасен, а добрая улыбка вышла слабой.

– Я и сам бы не отказался от этого молока, сестра Уиллоуз, – сказал Пожарный. – Если это не повредит моему выздоровлению.

– Нет, конечно. Но примите еще и аспирин.

Просунув руку под затылок, Харпер приподняла ему голову, и Джон отпил несколько глотков из ее чашки. Харпер не сказала ни слова. Минут десять Алли и Рене говорили, перебивая друг друга, а Ник отчаянно жестикулировал: они все одновременно пытались рассказать историю последних полутора недель. Пожарный вертел головой, иногда кивал, сонно пытаясь слушать каждого. Харпер не могла сказать, много ли он понял, хотя Джон нахмурился, узнав от Алли, что они утром миновали Бакспорт.

– Вы вчетвером тащили меня до самого Бакспорта?

– Нет, – поправила Харпер. – Только Алли.

– Хорошо, что ваша костлявая британская задница такая легкая, – сказала Алли.

– Хорошо, что ты не знаешь, как сказать «нет», – ответил Джон. – Хорошо для меня. Спасибо, Алли. Я люблю тебя, девочка.

Алли терялась в эмоциональных ситуациях. Она отвернулась к деревьям, сжав зубы и пытаясь унять поднимающиеся чувства.

– Постарайтесь больше не оказываться на краю смерти, – сказала она, вновь обретая дар речи.

Они все выговорились одновременно, и настала благословенная тишина – только шуршал ветер в ветвях и чирикали птички. Харпер осознала, что держит Джона за руку.

– Может, попробуем раздобыть мне костыль, – сказал он. – Или что-то вроде. Не хочу больше вас обременять.

– Давайте не забегать вперед, – ответила Харпер. – Вчера в это же время я не думала, что вы доживете до утра.

– Так плохо?

– Приятель, – сказала Харпер. – Я думала, что вы истлели в прах.

– Ха-ха, – сказал Пожарный. – Неплохо, Уиллоуз.

Он проспал следующие двадцать четыре часа, проснувшись только раз – чтобы поесть. На ужин была холодная тушеная говядина, оставленная у края дороги в глубокой стальной кастрюле. Мисок не было, так что пришлось хлебать по очереди прямо из черпака.

Говядина была жирная – у Харпер даже голова закружилась, – соленая и клейкая. Порезанная морковь, и маслянистые куски мяса, и дымчатый привкус бурбона. И не страшно, что все холодное. Ничего вкуснее Харпер в жизни не ела. С большими кусками Джон справиться не мог, но глотал горошек и маленькие кусочки мяса; и когда Пожарный снова задремал, Харпер понравился его цвет лица.

На следующий день после полудня они оказались перед затяжным подъемом. Вдоль дороги росли густые дубы, так что двухполосная дорога пролежала под зеленым балдахином. Солнечный свет пробивался через колышущуюся листву, и зайчики плясали по шоссе. Подъем на холм вышел долгим, и потным, и утомительным, но он стоил того. На гребне деревья отошли вправо и открыли вид на мили, через луга и густые рощи. Харпер видела пасущихся коров и крыши ферм. А за всем этим раскинулся синий простор океана. Харпер глубоко вдохнула и будто бы почувствовала запах морской воды.

Джон не видел моря в просветах среди деревьев, когда они шли мимо Бакспорта, и попросил Алли развернуть его, чтобы он мог полюбоваться. Алли подняла его на волокуше почти вертикально, и он смотрел на поля, залитые золотым полуденным светом, и на глубокое синее море. Ветер откидывал его волосы со лба. Стоило Харпер посмотреть на него, так и тянуло поцеловать.

– Это парусник? – спросил Джон прищурившись. – Кто-нибудь видит парус?

Все начали приглядываться.

– Ничего не вижу, – сказала Рене.

– И я, – сказала Харпер.

Алли ткнула пальцем:

– Есть. Вон там.

– А видишь что-нибудь *на парусе*? – спросил Джон. – Красное пятнышко?

Алли вгляделась вдаль.

– Не-е-ет. А что?

Но Джон уже повернулся к Нику и спросил жестами, что тот увидел. Ник кивнул и ответил. Харпер не поняла.

– Что он сказал?

– У Ника глаза острее всех, – ответил Джон с ехидным удовлетворением. – Он тоже заметил красную искорку.

– И что? – спросила Харпер.

– Вы никогда не видели «Бобби Шоу» на воде, – сказал он. – Шлюп. А я видел. Ходил на нем пару раз, в тот год, когда работал инструктором в лагере Уиндем. На парусе нарисован красный краб.

– Нет, – сказала Рене. – Я поняла, куда вы клоните, Джон, но это точно не Дон Льюистон. Нет. Четыре недели прошло. Не знаю, сколько нужно, чтобы дойти под парусом из Портсмута в Нью-Гемпшире до Макиаса, но не месяц же.

– У нас случилось несколько заминок по пути, – мягко сказал Джон. – Может, и у Дона тоже.

Они молча постояли еще немного, а потом, не говоря ни слова, Алли развернула волокушу и тяжело двинулась вперед. Остальные по одному последовали за ней, осталась только Харпер. Она вглядывалась в даль.

Вот. У самой линии горизонта. Крохотный белый осколок на громадной синеве.

И на нем – красная искорка.

До Макиаса оставалось миль пятьдесят в то утро, когда они нашли костыль.

Уже два дня прошло с того, как Джон очнулся и попросил молока. Алли продолжала тащить волокушу – других разумных вариантов не было, – а Джон вновь обрел голос и теперь непрестанно жаловался на тряску и тычки. Он причитал, что у него чешется там, где нельзя достать, что болит спина, что солнце слепит глаза.

– Мне больше нравилось, когда вы были при смерти, – сказала Алли. – Вы столько не ныли.

– Смотри внимательней, Алли. Ты, похоже, пропустила одну рытвину. Ты же хочешь протащить меня по всем выбоинам.

Алли остановилась, выпрямилась и выгнула спину.

– Желаете отдохнуть от меня? Будьте осторожны в своих желаниях, умник. Они могут исполниться. Это то, что я думаю?

Он стоял, прислоненный к стволу большого старого дуба, и на нем была повязана красная бандана, чтобы привлечь внимание к нему

– стальному костылю с желтой пенопластовой подмышечной накладкой. Неподалеку за частоколом был белый коттедж, но свет в окнах не горел. Если за ними и наблюдали – а Харпер была в этом уверена, – то откуда, сказать было нельзя.

Ник отвязал резиновые жгуты, удерживавшие Джона на носилках, и помог встать. Алли придерживала его, пока он примерял костыль. Джон потренировался, ходя маленькими кругами, а Харпер заметила слезы на глазах у Рене.

– Столько добра... – Рене вытерла мокрые щеки. – Так много людей помогают нам. Они не знают о нас ничего – только то, что мы в беде. Я читала роман Кормака Маккарти о конце света. Люди охотятся на собак и друг на друга, жарят новорожденных – все это ужасно. Доброта нужна нам так же, как и еда. Она дает нам то, без чего не прожить.

– А может, они просто хотят поторопить нас, – сказала Алли. – Чем быстрее мы уберемся, тем для них безопаснее.

– Трудно разглядеть зловещий замысел в еде, которую для нас оставляют. Суп, кувшины молока. Просто не могу представить – из каких злобных соображений нас постоянно снабжают вкусностями.

– И Гензель с Гретель не могли представить, – сказал Пожарный. – Ну, похромали? Я бы размял немного здоровую ногу.

Он продержался целых пять минут и присел на бордюрный камень; побледневший Джон потел и дрожал, и согласился снова улечься на волокушу. Разговоры прекратились, и он терпел тряску, стиснув зубы.

Впрочем, на следующий день он шел с костылем рядом со всеми полчаса утром и минут двадцать вечером. А на завтра он шел почти все утро.

На четвертый день после обретения костыля Джон шел сам с завтрака и до обеда, останавливаясь передохнуть, только когда настаивала Харпер. На обед были мягкие кексы и несколько бутербродов с болонской колбасой, завернутых в вощеную бумагу. Кто-то сложил их в пластиковую магазинную корзинку и повесил на

почтовый ящик в конце подъездной дорожки. Харпер развернула бутерброд и принялась. Запах был немного порченный, так пахнет туфля изнутри.

Набросились на кексы – сначала. Но Харпер взяла корзинку с собой и позже, в какой-то момент, поняла, что неосознанно вгрызлась в бутерброд.

– Надеюсь, вам не станет от них плохо, – сказала Рене. – Все же девять месяцев...

– Девять месяцев и неделя. Поэтому и ем, – ответила Харпер. – Ничего не могу с собой поделать.

После третьего укуса она распробовала по-настоящему – колбаса испорчена. Сначала-то она не обратила внимания на склизкое мясо и на слабый, но явный привкус, заставляющий вспомнить о сепсисе. Харпер выплюнула непрожеванное и швырнула остаток бутерброда в траву с отвращением, похожим на угрызения совести.

Она виновато слизывала ярко-желтую горчицу с пальцев, когда Пожарный сказал:

– Стойте.

Харпер подняла голову, чтобы посмотреть, что привлекло его внимание, и увидела пару джипов, нос к носу перегородивших шоссе. Рядом стояли два человека в желтых прорезиненных комбинезонах и шлемах с прозрачными забралами. В желтых сапогах и желтых перчатках. Харпер узнала облачение, которое и сама носила, когда работала медсестрой в Портсмутской больнице. Часовые держали штурмовые винтовки. Один сделал шаг вперед и поднял руку ладонью вперед. Харпер не поняла, приказывал ли он им остановиться или просто приветствовал.

Алли остановилась, взяла за руку Ника и тихонько пожала, чтобы он тоже остановился. Рене спокойно прошла мимо.

– Вы правда думаете, что нам нужно сдать? – спросила Алли.

Рене спокойно взглянула на нее.

– Ох, Алли, мы у них в руках много дней.

В джипе сидел еще один человек. Тоже в желтом, хотя он снял шлем, так что Харпер видела шапку белых волос и большое морщинистое лицо. Он уперся коленом в руль и положил на бедро тонкий журнал – похоже, решал кроссворд.

– На дороге пятеро, Джим, – сказал один из вооруженных мужчин в маске.

Джим оторвался от журнала и спокойно огляделся. У него был большой смешной нос, бледные глаза и мохнатые брови. Он отложил кроссворды и выскочил из машины. Протиснулся между часовыми и попутно опустил одному ствол автомата, так что теперь тот был нацелен на дорогу. Харпер сочла этот жест многообещающим.

– Добро пожаловать в Макиас! – крикнул Джим, замедляя шаг. – Пришлось же вам потопать. Дороти с Тотошкой и половины этого не прошли.

– Вы отвезете нас в страну Оз? – спросила Рене Гилмонтон.

– Там не то чтобы Изумрудный город, – сказал Джим, – но на острове есть горячая вода и электричество.

Его взгляд упал на живот Харпер, и улыбка погасла. Он задумчиво и немного печально добавил:

– И врачи есть, хотя их главный ученый, профессор Хастон, погиб во время большого пожара в январе.

– Большого пожара? – переспросила Рене. – Я правильно понимаю?

– Боюсь, лекарства так и нет, – ответил Джим. – И ошибок многовато. И одна оказалась просто ужасной. Ничего не поделаешь. У всех тридцати зараженных в контрольной группе оказалась странная реакция на лекарство, которое они испытывали. Все сгорели за несколько часов. Огонь вышел из-под контроля и сжег центральную клинику, хотя оставшийся персонал устроил лабораторию на ферме. Но не беспокойтесь. Мы уже отправили сообщение, что среди вас беременная и, похоже, на большом сроке. Вам когда рожать?

– Вообще-то я, похоже, несколько дней переходила, – сказала Харпер.

Джим покачал головой:

– По крайней мере не придется рожать на дороге. Врачи на острове про вас знают. И приготовили вам койку.

Харпер сама поразилась тому, какое облегчение почувствовала. Даже колени обмякли. Какая-то мышечная боль, судорожная зажатость словно ослабли в груди... ушло то, что мучило долгие месяцы.

– Если выехать сейчас, доставим вас к полуночи, – сказал Джим. – Морем три часа, и оформление в пункте приема, прежде чем

отправляться. И хорошая новость – мы знали, что вы на подходе. Кораблик готов.

«Что он говорит?» – показал руками Ник.

Харпер объяснила. Джим смотрел, наморщив лоб, с неуверенной улыбкой на лице.

– Глухой? – спросил он. Харпер кивнула, и он покачал головой. – Глухой и зараженный. На некоторых детей валятся все несчастья.

Джим присел на корточки, положив ладони на колени, и взглянул в лицо Нику. Очень громко, медленно шевеля губами, он сказал:

– Там много! Детей! Куда вы едете! Маленькие приятели! С которыми можно играть!

Ник посмотрел на Харпер, и она показала руками. Ответ Ника переводить не пришлось. Он поднял вверх большие пальцы.

Джим кивнул, довольный, и надвинул маску.

– Пошли. Залезайте в джип.

Харпер шла рядом с Пожарным. Одной рукой она придерживала его за локоть, в другой несла «Подручную маму». Перекрикивая неожиданный порыв ветра, она сказала:

– У меня только два вопроса: когда мы увидим Марту Куинн и выполняет ли она заявки?

Джим, севший за руль, оглянулся на них. Он улыбнулся за стеклом маски.

– Увидитесь раньше, чем ожидаете.

На второй вопрос он не ответил.

После двенадцати дней ходьбы быстрая езда на джипе немного даже пугала Харпер. Она сидела впереди, рядом с Джимом. Рене и Пожарный устроились на заднем сиденье, Алли втиснулась между ними, а Ник уселся на колени к Рене. Один из часовых тоже поехал с ними, хотя сидел позади, держась за ограждение; ноги свешивались через задний бампер, а винтовка беззаботно болталась на шее.

Взбаламученный желудок Харпер взвыл, когда Джим развернул джип и повел его по широкой гравийной полосе, а вовсе не по дороге.

Они подпрыгивали на рытвинах и ухабах, по крыше шуршали ветки лиственниц. Джим сказал, что они едут по Тропе Восхода.

– Вообще-то дорога для велосипедистов, – сказал он, словно извиняясь. – И пешеходов. Но так лучше всего ехать к пункту приема, не заезжая в город.

Пожарный подался вперед.

– Поражаюсь, что вы еще носите эти костюмы. Уже должны были понять, как происходит заражение – после года исследований. Если мы это понимаем, то они тоже должны были понять – ваши специалисты на острове.

Джим выслушал, но ничего не ответил.

– Дело в пепле! – Пожарный перекрикивал свист ветра. – Если нет контакта с пеплом, то и беспокоиться не о чем!

– Да, есть такая теория, – сказал Джим, коротко улыбнувшись.

– Это не теория. Это факт! – сказал Пожарный.

– А вы, типа, биолог?

– Преподавал в Нью-Гемпширском университете.

– Я уверен, там будут рады получить ваш квалифицированный совет, – отозвался Джим. – Сразу приступите к работе.

Он сказал это так, что Харпер не поняла – он всерьез или в шутку.

Шоссе освещал мутный розоватый закат. А под деревьями уже наступила ночь, сосны шумели в теплой темноте. В просветах между деревьями Харпер видела устье реки – широкую плоскость черного стекла под краснеющим небом. Она заметила разбросанные электрические огоньки в городке.

Пожарный снова подался вперед.

– У вас еще есть электричество. А мобильники ловят? Мне интересно, как люди передавали по дороге, что мы идем.

– Мы очень благодарны всем, кто оставлял нам еду! – воскликнула Рене.

Харпер тоже была благодарна всем, кто оставлял еду – кроме того, кто решил избавиться от тухлой колбасы, сбавив ее беременной даме. В животе словно сплелся клубок змей.

– Да, электричество кое-где есть. Но не везде и частенько отрубается. Мобильной сети нет, но в Макиасе работает проводной телефон – губернатор за этим следит – и еще мы можем общаться по радиации. – Джим немного подумал, аккуратно крутя руль, и сказал: – С

юга теперь мало кто приходит. По всем этим пустошам. В эти дни вообще мало прибывающих, и если кто приходит, то с севера. Из Канады.

– А скольких вы спасли? – крикнула Харпер. Ей казалось, что разговор отвлечет ее от нарастающей тошноты.

– Шестьсот девяносто четырех мужчин, женщин и детей, – объявил Джим. – А с вами получается шестьсот девяносто девять. Нет. Ровно семьсот, считая ребенка! Как я мог забыть про ребенка!

– Об этом я хотела поговорить, – сказала Харпер. – Насчет того, кто возьмет его, если он родится без инфекции.

– Это вы о чем?

– Я давно не изучала медицинскую литературу, но когда-то читала о гипотезе, что дети у матерей с драконьей чешуей чаще всего рождаются без инфекции.

– Боюсь, моих медицинских познаний хватит только на то, чтобы наложить пластырь, когда мой восьмилетний сын поцарапает коленку.

– Но на острове наверняка рождались дети, раз там семь сотен жителей. Правда?

– Это за пределами моих должностных обязанностей! – радостно объявил Джим.

Деревья начали редеть, и в правое окно джипа Харпер увидела высокую траву, полоску мокрого песка и за ним – воду. На другом берегу залива стоял маяк, обшаривающий океан. Он действительно был похож на свечу над водой, толстую и белую, зажженную на первый день рождения ребенка.

– Если малыш родится здоровый, – не унималась Харпер, – я бы хотела поговорить с приемной семьей.

– Я ничего об этом не знаю. Не слышал, чтобы кто-то усыновлял больных детей.

– Он будет не больной, – сказала Харпер, чувствуя, что он упускает важный момент.

Джим улыбнулся под маской еще шире.

– Так это мальчик? Вы уверены?

– Да, – сказала Харпер. Она была уверена.

Она ждала продолжения, но Джим снова замолчал. Харпер решила оставить тему – потом все уточнит у медицинского персонала на острове. Деревья остались позади, а они все ехали. Справа тянулась

шаткая перекошенная проволочная изгородь. Вдали Харпер рассмотрела яркий желто-белый полосатый тент – сразу вспомнились деревенские ярмарки. Под таким тентом должно стоять ведро с яблоками в воде, чтобы вылавливать их без рук, и там должны продавать карамельный попкорн.

Когда они подъезжали к павильону, трава слева поредела, и Харпер увидела узкую дорогу, бегущую параллельно их тропе. Впереди, сбоку от большого полосатого тента, была парковка – там стояли несколько машин. Еще не видя кораблика, Харпер почувствовала его запах – тошнотворную вонь дизельного двигателя. Желудок свело. До пункта приема оставалась сотня футов, и Харпер увидела пристань в конце косы и грязный рыболовный траулер с веселенькой надписью «Мэгги Этвуд» на корме. Люди в полных костюмах биологической защиты носили по пандусу на палубу картонные ящики.

Под тентом стояли несколько длинных складных столиков. Рождественские огни на стальных стойках над головами создавали таинственно-праздничную атмосферу. Народу была целая толпа – человек девять или десять в желтых прорезиненных костюмах суетились у столов. В углу на походной газовой плитке дышала паром стальная кастрюля.

– У них есть какао, – сказал Джим. – Имбирное печенье. И прекрасная тушеная индюшати́на. Всех накормят перед выходом в море.

Харпер развернулась на сиденье и начала жестикулировать, передавая добрые вести Нику.

Он улыбнулся и показал в ответ: «Посмотрите на огоньки! Как будто тут живет Санта! Как будто мы дошли до самой Страны Рождества!»

Харпер показала: «Ты, наверное, имеешь в виду Северный полюс», – но Ник уже не смотрел на нее, вытянув шею в сторону павильона.

Джим припарковал джип на участке с примятой травой и заглушил мотор. Они прошли под тент, под праздничные огни.

– Познакомьтесь с волонтерами, – сказал Джим.

Все волонтеры оказались женщинами среднего возраста и старше. Харпер они напомнили веселых, заводных старушек, устраивавших

церковные пикники. Джим подвел беженцев к столам, где их ждала первая женщина с бланками на планшете. Через прозрачное забрало своей маски она радостно улыбнулась и была, похоже, особенно рада видеть маленького мальчика.

– Привет! Ох, и пришлось же вам потопать! Вымотались, наверное, донельзя. Меня зовут Вивиан, я запишу ваши данные. Потом мы сфотографируем каждого для нашего сайта, дадим документы на поселение и кое-что в дорогу.

– И немного супа, я надеюсь, – сказала Рене. – Такой запах – просто голова кругом.

Харпер и сама чувствовала запах куриного бульона и тушеной моркови, смешанный с черной вонью от траулера. От всего этого ее мутило. Как можно было быть такой тупой, чтобы хоть кусочек откусить от тухлого бутерброда. Надо же соображать, хотя бы из чувства самосохранения. Позволила беременности превратить себя в тупую свинью, так получи, что заслужила. Кончится все рвотой, только неизвестно когда.

– Ну еще бы! – воскликнула Вивиан. – И суп, и свежее молоко, и кофе – для взрослых – и отправим вас дальше! И все как можно быстрее и безболезненнее. Начнем сначала: кто вы?

Харпер собралась ответить, но Рене оказалась первой:

– Мы то, что осталось от заговора лагеря Уиндем. А вот наши злые гении – мистер Руквуд и сестра Харпер. Мы пришли с миром.

Джим, который ходил между столами, приветствуя старушек, обернулся и хохотнул.

– Ух ты! – сказала Вивиан. – Заговорщики! Такого у нас еще не бывало.

– Вообще-то у нас демократический заговор. Все голосовали. Даже дети.

– Вот тут не знаю. Уж мои дети наверняка проголосовали бы за мороженое на ужин и чтобы не ложиться спать вообще. Ты голосовал за то, когда ложиться спать? – спросила она, нагнувшись к Нику.

– К сожалению, он глухой, – вмешался Пожарный.

– Вы британец!

– Как и все лучшие злые гении. И если бы мой сын действительно голосовал, он, наверное, выбрал бы сначала суп, а потом уже заполнять бланки. – Харпер не сразу осознала, что он сказал «мой

сын», но зато сразу почувствовала, что Джон обнял ее за талию, добавив: – И моя жена тоже.

Вивиан так и записала: муж и жена, мистер и миссис Руквуды. Харпер не возражала. Ведь в каком-то смысле Джон сказал правду. Харпер склонила голову ему на плечо, отвечая на вопросы, пока Вивиан записывала.

Вивиан хотела знать, сколько они прошли и откуда явились. Когда они заболели и где побывали со времени заражения. Она спрашивала про подробности симптомов: случаются ли у них жар, обугливание, дымление.

– Да вовсе нет! – сказала Рене. – У нас есть способ успокаивать инфекцию: ежедневные песнопения. Они не дают идти вразнос. Можно управлять спорами с помощью любого группового занятия, которое приносит удовлетворение. Это как-то связано с гормоном, который производится в мозгу, – окситоцин, кажется? Сестра Харпер объяснит лучше.

Но сестре Харпер не потребовалось ничего объяснять. Вивиан улыбнулась.

– Насколько я знаю, у них на острове групповая терапия очень популярна – и пока что она является лучшим лечением. После завтрака они поют песни восьмидесятых – Тото, а еще Холл и Оутс.

– Тогда, – сказал Пожарный, – я бы предпочел сгореть заживо.

Кучу вопросов задали о будущем ребенке. Все женщины пришли в восторг, а пухлая старушка, которая их фотографировала, рассказала Харпер во всех подробностях о своей первой внучке, маленькой Келли, родившейся три недели назад, которая, когда плачет, становится похожей на овечку.

– Бе-е! Бе-е! – со смехом изображала старушка.

Но когда Харпер сказала, что хотела бы переговорить с кем-то по поводу усыновления ребенка, если он родится здоровым, новоиспеченная бабушка смутилась и начала возиться с камерой.

– Да что такое! – сказала она и пошла прочь.

Дальше по столу стояла «Подручная мама» – ее обыскивала на предмет оружия худая безразличная и молчаливая женщина с узким лицом. Другая дама раздала голубые папки с толстыми конвертами внутри. Харпер увидела распечатанную на ксероксе тридцатистраничную брошюру, выпущенную Центром контроля

заболеваний: «Остров Свободного волка – путь к здоровью и безопасности».

В каждой папке был еще и ордер на жилье. Харпер, Джону и детям был предложен коттедж с двумя спальнями и двумя ванными по адресу Лонгбэй-роуд, 3. На размытом черно-белом снимке можно было разглядеть маленький белый коттедж и усыпанный листьями дворик с детской площадкой. Рене досталась спальня в пансионе «Лонгбэй» – общежитии на шесть человек. Прилагались еще цветные фото острова с высоты – осенний день, деревья оделись в ржаво-оранжевый и масляно-желтые цвета. На карте городка были отмечены клиника, оранжереи, городская библиотека, бывший универмаг, в котором теперь располагался центр снабжения и распределения, и другие важные объекты.

За последним столом сияющая бабушка-азиатка раздавала картонные миски с супом и молоко в бумажных стаканчиках; и их пригласили присесть на тюки сена рядом с павильоном. Есть Харпер не могла. Когда покончили с оформлением, у нее начались схватки – сильные, – и желудок крутило от боли. Она присела на краешек тюка и, морщась, обхватила руками живот. Расстроенный Джон тоже не стал есть и сидел рядом, поглаживая ее спину.

– Я раньше вас такой не видел, – сказал он. – Думаете, роды начинаются?

Желудок скрутило спазмом, и Харпер тихонько застонала, потом покачала головой.

– Поешьте, Джон. Вам понадобятся силы.

– Может, через минутку, Харпер, – ответил он, но так и не встал, хотя Ник принес ему кофе со сливками и с сахаром.

Они сидели на тюках, на краю освещенного пространства, Джон гладил спину Харпер, а Харпер ждала, когда прекратятся схватки. Они прошли, но неприятные скользкие ощущения в желудке и кишках остались. Грязные клубы черного дыма наплывали на берег от траулера, и каждый раз Харпер еле сдерживалась, чтобы ее не вырвало.

Перед отправлением к ним подошла Вивиан. Она передала Нику обувную коробку и обратилась к Пожарному, чтобы он перевел ее слова.

– Это мои записи «Доктора Кто», – сказала она. – Три месяца назад на остров переправили мальчика. Он постарше Ника, ему лет четырнадцать, и я узнала, что он фанат научной фантастики. Я обещала, что пошлю ему свою коллекцию, чтобы он мог посмотреть. Пусть Ник отдаст ее Джареду Моррису. И скажите Нику, что он, конечно, тоже может смотреть. Думаю, Джареду это понравится. И, наверное, Джареду понравится умный друг, который научит его языку жестов.

– Вы так добры, – сказал Джон Руквуд и объяснил все Нику, который торжественно принял обувную коробку, полную видеодисков.

Вивиан поднялась, и ее глаза блестели от слез.

– Ребята. Не могу даже представить, через что вам пришлось пройти. Я молюсь каждый вечер, чтобы вас вылечили. Многие молятся. Однажды вы вернетесь, здоровые – и сколько вы тогда сможете порассказать.

– Спасибо за все, что вы сделали, – еле смогла выговорить Харпер.

– Хотелось бы сделать больше, – ответила Вивиан. – А у нас только тушеная индюшка и старые видеодиски для людей, прошедших ад.

– Тушеная индюшка и старые серии «Доктора Кто» – примерно так я представляю себе рай, – сказала Рене.

Вивиан кивнула. Говорить она не могла из-за нахлынувших чувств. Она поднесла кончики пальцев в перчатках к маске, изобразила, что целует их и прикоснулась к щеке Ника.

– Скажи Джареду, что его тетя любит его.

Она помахала рукой в последний раз и отвернулась, моргая мокрыми глазами.

– Тебе понравился суп? – спросила Рене у Алли.

Алли посмотрела безразлично.

– Нормуль. Может, двинем уже?

– Правильно! – сказал Джим, подходя к ним. – Давайте. Яхта к вашим услугам.

Траулер пробирался по широкому заливу под тяжелые удары волн. Харпер стошнило через борт, не успели огни павильона скрыться с глаз. Джон гладил ее по шее, пока Харпер отдувалась и сплевывала.

– Хотите кофе? – спросил он. – У меня еще полстаканчика осталось. Сполоснете рот.

Харпер покачала головой. Джон выплеснул остатки за борт и выбросил стаканчик.

– Все равно кофе так себе, – сказал он.

Палубу грязного кораблика на четверть дюйма покрывала мерзкая вода. Выхлопная труба возвышалась над маленькой капитанской рубкой, и ветер сносил дым прямо на сидевших на открытой корме. Они пристроились на сиденьях с подушками вдоль борта, втиснутые в оранжевые спасательные жилеты. Нику жилет был так велик, что закрывал его почти целиком; видна была только голова в воротнике и ступни ног снизу.

– Дождь идет? – спросила Харпер. Их осыпали холодные соленые брызги.

– Это от волн, – ответил Джон.

– Кажется, я ненавижу открытое море, – сказала Харпер.

Волна подбросила их, и Харпер снова стошнило в кильватерную струю.

В рубке были трое мужчин в костюмах биозащиты: Джим, один из часовых с пропускного пункта и третий – за штурвалом. Харпер решила, что это капитан. Их не представили.

– Вы сказали им, что мы женаты, – сказала Харпер, отдышавшись и вытерев губы. – Я подумала об этом. Помните, вы говорили, что пожарный имеет право разводить супругов? А как насчет заключения браков?

– Я открою вам секрет. Я не настоящий пожарный. Но за штурвалом настоящий капитан, и он может женить людей. – Он вдруг взглянул на нее, озаренный вдохновением. – Мисс Харпер Уиллоуз! Я хочу спросить вас.

– Нет! – воскликнула она. – Нет, не надо. Пожалуйста. Джон, я просто шутила.

Он опустил голову, и на лице появилось печальное, подавленное выражение.

– Но это только потому, что мой ответ может привести к поцелую. А сейчас я не могу целовать вас, это будет гадко. Из-за вкуса блевотины у меня во рту. – Впрочем, теперь она чувствовала себя неплохо, и живот успокоился – верней, успокоился бы, если бы не начались снова эти чертовы схватки.

Лицо Джона снова просветлело. Харпер пожала его мокрую, холодную ладонь, и Джон улыбнулся до ушей.

Волна, стукнув в борт, окатила их ледяными брызгами.

– Слава богу, мы в дождевиках, – сказала Харпер, когда они врезались в следующую волну. – Просто ужас.

– Меня Ник беспокоит. – Джон пихнул ее локтем. – По-моему, он отрубился еще до того, как мы отошли от пристани.

– Нашагался, – кивнула Харпер.

Траулер качнуло. Харпер попыталась сквозь морось разглядеть маяк, но они уже далековато отошли.

Джон зевнул, прикрыв рот тыльной стороной ладони.

– Может, и мне вздремнуть немного...

– Как можно заснуть здесь?

– Не знаю, – ответил он. – У Рене вон получилось.

Харпер огляделась. Ник спал, прижавшись щекой к груди Рене, а она опустила подбородок ему на голову. Алли не спала, а, вцепившись двумя руками в спасжилет, хмуро вглядывалась в капитанскую рубку.

– Джон, – сказала Харпер. – Джон, почему Рене спит? Кто вообще может тут заснуть?

– Ну... Вы же сами сказали. Мы прошли сегодня не меньше пятнадцати миль, так что...

– Разбудите ее, – сказала Харпер.

– Не хочу я ее будить.

– Попробуйте. Пожалуйста.

Пожарный искоса взглянул на Харпер – с сомнением, – потом поднялся на костыле, потянулся через палубу и потряс колено Рене.

– Рене. Рене, проснитесь.

Траулер ударился о новую волну, и Джон покачнулся. Впрочем, он ухитрился сесть на свое сиденье, не упав.

Рене улыбалась во сне и никак не реагировала.

– Что с ней? – спросила Алли.

Джон чуть опустил голову. Харпер показалось, что у него мутный взгляд.

– Черт подери, – сказал Джон. – Ну хоть что-то могло получиться нормально? Хоть раз?

Алли потрясла Ника за плечо. Он уткнулся лицом в колени Рене.

– Суп, – сказал Джон.

– Кофе, – сказала Харпер.

– Но Алли в порядке.

– Я ничего не ела, – сказала Алли. – Я им не доверяла. Сделала вид, что ем, а потом все вылила, когда никто не видел.

– И очень жаль, – крикнул Джим – его было еле слышно за шумом мотора и ветром.

Он приоткрыл дверь капитанской рубки и высунулся наружу, глядя на пассажиров через пластиковое забрало. Он сжимал пистолет 45-го калибра, но не целился в них, просто держал у бедра.

– Мы пытаемся все делать мирно, – сказал Джим. – Без страха, без боли. Немного снотворного – и за борт.

– Нет, – сказала Харпер. – Нет, нет, нет. Вы не можете. Пожалуйста. Тут нет никакого смысла. Зачем? Зачем устраивать такую сложную шараду? Почему нас просто не пристрелили на хрен? Нас мог пристрелить кто угодно и в любое время. Зачем разыгрывать для нас такой большой спектакль?

– Он не для нас, – сказал Пожарный. – Так ведь?

Джим пожал плечами:

– Мне нравится думать, что вы, ребята, уходите в приподнятом настроении. Засыпаете, мечтая о месте, где вы будете в безопасности. Где за вами присмотрят. Господи. Мы же люди, а не монстры. Мы никому не желаем причинять страданий. И вы правы. Да, мы вынуждены поступать так ради общества. Многие люди вроде Вивиан тоже верят в остров. Не представляете, как это важно для поднятия духа – верить в то, что они спасают людей. Помогают. Если бы они знали, что мы плывем сюда, только чтобы сбросить людей за борт, сколько сердец разбилось бы. И началось бы недовольство. – Джим замолчал, когда траулер ткнулся в новую волну, и ухватился рукой за раму двери. – Вы должны понять. Вы же говорили, что вы – остатки маленькой демократии? Вы проголосовали за то, что направитесь сюда? Ну так у нас тоже демократия. В нашем приватном верховном

совете. Губернатор и еще двенадцать человек, включая меня. Не только у вас было голосование. У нас тоже. И мы проголосовали за это.

– Острова нет, – сказала Алли.

– Есть! Вернее, был. Центр контроля заболеваний накрылся в ноябре. Случился бунт. Там применяли экспериментальные лекарства, от которых некоторые умерли, так эти неблагодарные сукины дети захватили больницу. Заявили, что больше не хотят лечиться. Несли бред о собственном лекарстве, о том, что научились управлять огнем. Взяли медиков в заложники, чтобы не допустить силового захвата. Но надо знать нашего губернатора. Он не идет на переговоры с террористами. Он реквизирует бомбардировщик в Бангоре и засыпал остров бомбами-косилками. Остался просто черный камень. Дым было видно из Макиаса. Тогда и пришлось придумать историю, что у некоторых окурков оказалась плохая реакция на новое лекарство, и больница сгорела.

– Но мы слышали Марту Куинн по радио, – всхлипнула Харпер. – Слышали.

– Ага. У нас сотня часов ее старых записей. Мы их гоняем по кругу. Губернатор всегда считал, что так быстрее всего можно остановить эпидемию на северо-востоке. Собрать всех больных в пункте приема и гуманно избавиться от них. Бросить их в Северо-Атлантическое течение, чтобы тела не принесло обратно к Макиасу. Мне правда очень, очень жаль.

– Это невозможно, – сказала Харпер. – Пожалуйста. Мой ребенок может родиться здоровым.

Лицо Джима посуровело. Видно было за маской, как напряглась челюсть.

– Ложь. Если вы больны, то и он болен.

– Нет. Вы не знаете. Есть исследования.

– Не знаю, о каких исследованиях вы читали. Да, многие больные женщины рожают детей без *видимых* признаков драконьей чешуи. Но анализы крови показывают, что болезнь сидит в ДНК и ждет возможности проявиться. И вот что я скажу: не надо женщине в вашем состоянии донашивать ребенка. Вы были медсестрой. Имели доступ к лекарствам. Давно могли принять что-нибудь. Заснуть. От мысли, что женщина хочет родить малыша, зараженного – *заряженного* болезнью, меня и самого блевать тянет. – Джим взглянул во мрак, потом снова

перевел взгляд на них. – Слушайте. Я не хочу стрелять. В воде лучше. Спокойнее. Не важно, что вы не заснули. Холод отключит вас за десять минут. Как после гибели «Титаника». К тому же, если придется стрелять, я могу продырявить траулер. Это так неудобно. Выручите. Снимайте жилеты. И мальчика достаньте.

– Или мы снимаем спасжилеты, или вы нас пристрелите, – сказал Джон Руквуд. – Я правильно понял? – Он начал стаскивать перчатку с левой руки.

Джим кивнул.

– А что, если есть третий вариант? – спросил Джон, стянув перчатку и бросив ее за борт. Ладонь покрылась золотыми нитями.

– А что, если нет? – спросил Джим и выстрелил Пожарному в живот.

Джон положил руку на пупок. Рука еще светилась, и казалось, что он истекает светом, что его ладонь – это блюдце, наполненное золотом. Он был полон золотом, а теперь оно вытекало. Волна ударила в борт с такой силой, словно корабль налетел на скалу, и Джон некрасиво рухнул на палубу.

Алли пыталась закричать – Харпер видела ее краем глаза. Рот Алли был открыт, жилы на шее напряглись от ужаса. Кричала ли она на самом деле – Харпер не знала, не могла сказать. Она не слышала ничего, кроме глубокого тяжелого буханья собственного пульса в ушах.

Харпер опустилась на одно колено и, взяв Джона за плечо, чуть повернула к себе. Грязная вода на палубе уже начала окрашиваться красным. Лицо Джона побелело от боли и шока. Харпер нащупала рану, повторяя: «Нажать, сначала остановить кровотечение, потом оценить повреждение».

– Ох, – сказал Джон слабым голосом. – Ох! Меня подстрелили.

– Черт подери, – проворчал Джим. – Теперь вся палуба в крови.

– Джон, – сказала Харпер. – Джон. Джон, любимый. Пожалуйста, останься. Останься со мной. Пожалуйста, не уходи.

– Отойдите от него. Встаньте и снимите жилет, или я вас тоже пристрелю. Мне не хотелось бы. Пожалуйста. В воде лучше. Легче. –

Но Харпер не слушала Джима.

Кровь капала на ладонь Джона, шипела, дымилась и пахла, как подгоревшая сковорода. Харпер не плакала. А Джон плакал.

– Прости, – сказал он. – Я был таким задавакой. Так любил себя. Так заносился. Я все понимаю, и я так жаждал внимания, так хотел впечатлить тебя. О, Харпер, прости, что я не был лучше. Жаль, что я не был лучше.

– Ты идеален. Ты самый лучший из людей. Ты принес мне счастье. Ты принес мне веселье. Я в жизни столько не смеялась, как с тобой. Тебе не нужно извиняться ни за что.

Легкая улыбка тронула углы губ Джона.

– Все-таки есть за что. Я виноват, что не поджарил этого придурка до того, как он выстрелил. Но лучше поздно, чем никогда. – Золотые ободки сверкнули вокруг его радужек, глаза засияли, как электрическая спираль.

Рука под его телом запульсировала красным пламенем.

– Сделай одолжение, – сказал он. – Пожалуйста. По-обещай мне.

– Да, любимый. Что угодно. Ради тебя – все, что скажешь, Джон.

– Живи, – сказал он.

Харпер отшатнулась. Джон поднял подбородок, открыл рот, и Джим заорал:

– Что за хрень!

И ракета желтого пламени вырвалась изо рта Пожарного. Джим поднял руку. Пламя разлилось по желтому прорезиненному костюму, который пошел пузырями. Джим попытался ухватиться за раму двери. Траулер трянуло следующей волной, Джим качнулся, и рука с пистолетом оказалась в рубке. Оружие грохнуло. Капитан качнулся вперед. Брызнуло оконное стекло.

Часовой с поста протиснулся мимо Джона, поднимая винтовку. Харпер уже вставала с колен. Траулер принял новую волну, и Харпер рухнула на мягкую теплую громаду Рене.

Пожарный с негромким хлопком загорелся весь разом, словно кто-то поднес спичку к куче листьев, политых бензином. Он превратился в огненное ложе, гнездо, из которого начала подниматься птица. Громадное доисторическое пернатое с огромными распростертыми крыльями. Винтовка грохнула, пуля впиалась в палубу.

Траулер перевалил через высокую волну. Алли схватила Ника за жилет, взобралась на сиденье и прыгнула. Харпер обхватила Рене, перенесла ее через борт; и в этот момент она почувствовала, как что-то рвется в паху, в животе. За ее спиной заорал мужчина. Разгорался желтый свет.

Харпер упала в обжигающе холодную воду – это было подобно смерти, подобно самовозгоранию. Сотни тысяч серебряных пузырьков закружились вокруг нее в безумном хороводе. Харпер вынырнула, хватая воздух, хлебнула соленой воды и закашлялась.

Яркая огненная птица с голубыми, как газовая горелка, глазами и размахом крыльев, как у одномоторного самолета, раскрыла кошмарный клюв и закричала. Человек в огненном саване заметался перед птицей. В капитанской рубке бушевал огонь. Серый дым клубился над ним. Траулер по-прежнему двигался прочь от них – он отошел уже почти на сотню футов.

Волна хлестнула Харпер по лицу, ослепила, оглушила. Спасательный жилет качал ее в беспокойной воде. Харпер протерла глаза и тут же увидела, как «Мэгги Этвуд» разлетелась на куски – огонь добрался до пропанового бака. Полыхнул белый свет, раздался грохот, который словно откинул назад голову Харпер. Только потом она заметила, что носом пошла кровь.

Ослепительный столб огня взметнулся к небу над обломками разрушенной лодки, и из пламени выпорхнула птица небывалых размеров. Она распахнула крылья и поднялась в небо, к клубящимся тучам, начертила громадный красный круг над ними. Харпер эта птица казалась великой и ужасной, существом варварским и торжествующим.

Птица сделала над ними еще круг, еще, и Харпер даже с расстояния чувствовала жар на обращенном к небу лице. Потом птица заложила вираж и поплыла, взмахнув громадными крыльями, прочь от людей и тонущих, шипящих обломков.

Харпер смотрела вслед и вдруг заметила, что бедрам не так холодно, как должно быть. Их согревало липкое, неестественное тепло.

У нее отошли воды.

Роды

Оказавшись в воде, она уже не страдала от качки. Спасательный жилет поднимал Харпер на гребень волны и опускал с другой стороны. Движение почти убаюкивало, и ее вовсе не мучило. А может быть, она уже настолько промерзла насквозь и ооченела, что не обращала внимания. Харпер уже не чувствовала ладоней и ступней. Зубы выбивали дробь.

Рене моргала и фыркала, мотая головой. Она испуганно оглядывалась, близоруко щурясь – очки где-то потерялись.

– Что? Мы опрокинулись? Мы... – Волна хлестнула ее по щеке, Рене хлебнула воды и закашлялась.

Харпер подгробла к ней и взяла за руку.

– Алли! – крикнула она. – Алли, где ты?

– Здесь! – отозвалась Алли откуда-то из-за спины.

Харпер слабо замолотила ладонями и развернулась в воде. Алли неуклюже подплыла к ней, таща брата за жилет. Он все еще спал; пухлое гладкое личико было обращено к небу.

– Г-г-господи, – сказала Рене, когда смогла говорить. – Т-т-так х-х-холодно. Что... что?..

– Вас усыпили с-с-супом. Они собирались убить нас. Джон. Джон. – Харпер пришлось остановиться и перевести дыхание.

Не пытаясь ничего объяснить, она показала на разбитое судно. Нос уже ушел под воду, корма задралась в воздух. Большие ржавые лопасти винта, облепленные водорослями, медленно вращались в ночи. Пламя брызгало и плевалось – «Мэгги Этвуд» скользнула в пучину. Черный жирный столб дыма поднялся в ночь. Харпер провела пальцем от горящих обломков к фениксу, который уже казался всего лишь желтым пятнышком в ночном небе, как удаляющийся пассажирский реактивный самолет.

Рене смотрела, не понимая ничего. Еще не совсем проснулась, решила Харпер, и не может выстроить сложную причинно-следственную связь.

Алли взяла Харпер за другую руку. Так они вчетвером вытянулись в цепочку, едва шевеля руками и ногами в ледяной воде. Харпер

видела пар от собственного дыхания. А может, это был дым.

– Мы умрем, – выдохнула Алли. – Мы з-з-замерз-знем насмерть.

– П-пой, – сказала Харпер.

Алли взглянула недоверчиво.

Харпер громким голосом начала:

– *In every j-job that must be done, there is an element of fun! Find the f-f-fun and, snap! The job is a game!*^[5]

– Зачем? – воскликнула Алли. – Зачем? Это д-д-дурость! Все кончено. Какая разница – умрем через д-д-десять минут или д-д-десять часов? Нам конец.

Но Харпер продолжала петь:

– *And every task you undertake, becomes a piece of cake*^[6], так пой!

И ни хрена не спорь со мной! – последние слова прекрасно легли на мелодию.

Рене, моргая и потирая ладонями лицо, начала подпевать.

Они болтали в воде ногами, их дрожащие голоса поднимались и опускались, пока волны качали вверх-вниз их тела.

Рука Алли, расчерченная драконьей чешуей, начала сиять – желтый свет поднялся к запястью и под промокшую кофточку. Теплый блеск лился из-под капюшона ее оранжевого дождевика. На глазах появился яркий золотой ободок.

Свет, казалось, пробежал по белым пальцам Алли и перебрался на ладонь Харпер. Она почувствовала, как тепло – глубокое, уютное – поднимается по руке и к туловищу, как будто она поворачивается под горячим душем.

От их тел в ледяной воде поднимался пар. Харпер взглянула на Рене – глаза у пожилой женщины сияли. Порванный воротник открывал на шее красивое ожерелье из светящихся золотых нитей.

– А Ник? – крикнула Алли, когда они допели «Ложку сахара».

– Пой, – повторила Харпер. – Ему не обязательно просыпаться. Он нас все равно не услышит. Мы поем для драконьей чешуи, а не для него. Пой, черт побери.

– Без толку!

– Ты жива?

– Да!

– Значит, толк есть, – сказала Харпер и замолчала. У нее начались схватки – сильные. Внутренности сжались, расслабились и сжались

снова. А она ведь всегда мечтала рожать в воде. Было такое модное поветрие совсем недавно.

Они пели «Ложку сахара» во второй раз, когда «Мэгги Этвуд» окончательно ушла под воду, – с прощальным громким шипением, громадным клубом дыма и шумным бульканьем.

Они запели песню Трубочиста. А когда забывали слова, выдумывали на ходу.

– Дым полезай, дым полезай прямо в насос, в воде бултыхаться – это отсос, – орала Алли.

– Целуй меня в губы, и сам себя в зад, – пропела Рене.

– Смотрите, – сказала Харпер.

Ник светился сквозь свитер. Голубые огоньки роились под капюшоном. Вода вскипала, попав на его розовое, теплое, сонное личико.

Они снова запели «Ложку сахара». Впрочем, Харпер из-за боли не могла даже подпевать. Она стиснула зубы и зажмурилась, встречая новые схватки. А открыв глаза, увидела «Подручную маму», громадный черный портплед, проплывающий мимо. Широко распахнутая, словно пасть, сумка наполнялась водой. Харпер смотрела, как портплед сонно поворачивается и тонет, унося все, что она собиралась передать ребенку.

Жаль, что феникс улетел. Еще долгое время Харпер могла видеть на темном горизонте яркое медное пятнышко, но потом – когда они в третий раз завели «Свечу на воде» – оно скрылось из глаз, словно унося надежду. Харпер не могла понять, почему он улетел. Почему Джон оставил их. Ведь громадная, чудовищная птица и была Джоном. По сути, в ней было больше от Джона Руквуда, чем даже в человеке, который утонул с «Этвуд». Вот он – настоящий Джон: огромный, преувеличенный, с чудинкой и непобедимый.

Харпер сказала Алли, что будет петь, сколько хватит сил, потому что Джон попросил ее жить. Она сделает это для него.

А сколького она хотела для них обоих – простых домашних удовольствий, которые начала представлять себе помимо воли. Хотела по воскресеньям валяться утром в постели, под яркими лучами солнца. Хотела обхватывать руками его костлявые бедра – просто интересно, каково это. Хотела пересматривать с ним старые грустные фильмы. Хотела бродить осенью и вдыхать запах опавших листьев, шуршащих

под ногами. Хотела видеть его с ребенком на руках – не важно, что разумная часть мозга собиралась ребенка отдать. Харпер полагала, что Джон Руквуд будет фантастическим отцом. Она хотела дать ему глоток свежего воздуха и глоток счастья, помочь освободиться от вины, горя и потери. Она хотела тысячи раз просыпаться утром рядом с ним. Теперь у них не будет ничего, но *он* хотел, чтобы она жила – он любил их всех и хотел, чтобы жили они все, – и Харпер считала, что должна чем-то отплатить за его заботу.

Они спели «Ромео и Джульетту», они спели «Над радугой». Алли одна спела припев из «Остаемся в живых», пока Рене отдыхала, а потом Рене спела «Хей, Джуд», пока отдыхала Алли.

Рене допела и испуганно посмотрела на Алли.

– А почему у Харпер такое лицо?

– Думаю, она рожает, – ответила Алли.

Харпер уже давно была не в состоянии петь. Она смогла только слабо кивнуть. Ребенок – плотной, скользкой, непереносимо болезненной массой – продирался сквозь нее. Впечатление было такое, словно все внутренности выдавливают наружу.

– Господи, нет, – сказала Рене придушенным голосом.

От сильной боли в глазах у Харпер появились вспышки. Перед ней словно плыли черные точки и серебряные блески. Особенно больно было в уголке правого глаза – там сияла жутко яркая блеска. Харпер помотала головой, чтобы видение исчезло – не помогло.

– Смотрите, – сказала Алли и ухватила Харпер за плечо. – Смотрите!

Харпер повернула голову, чтобы посмотреть, куда показывает Алли.

Сначала показалось, что Алли в восторге, потому что Ник проснулся. Он водил пухлыми ручками туда-сюда, мутно оглядываясь и утирая мокрое лицо. Но Алли показывала мимо брата, на восток.

Тогда Харпер решила, что Алли радуется рассвету. Полоска сияющей меди зажгла горизонт. Плотные тучи на востоке окрасились в цвета клюквы и лимона.

Волна плеснула Харпер в глаза, ослепив. Какое-то время все двоилось, и вдалеке виднелись два ярко-золотых пятнышка света. Потом зрение прояснилось, и Харпер рассмотрела постепенно растущее горячее ослепительное сияние высоко в облаках. Это чудо. От вида возвращающегося феникса отлегло от сердца, и Харпер

ощутила тепло, и теперь драконья чешуя была ни при чем. На мгновение даже острая боль в животе утихла. Харпер заморгала от соленых капель – то ли брызг океана, то ли слез.

Впрочем, Алли показывала и не на феникса.

Она показывала на парус.

Большой белый треугольный парус, с нарисованным красным крабом. Парус заслонил восходящее солнце и превратился в мерцающую золотую вуаль.

Сильный ветер дул с правого борта парусника, накрывая его под углом сорок пять градусов, пенные буруны перехлестывали через нос. Шлюп несся к ним словно по невидимым подводным рельсам. Харпер не доводилось прежде видеть такой стремительной грации.

Феникс спустился ниже и с ревом пролетел над ними – футах в восьми над головами. За те часы, что его не было, он потерял массу и стал размером с кондора, хотя пролетел с жутким гулом. Их омыл поток химического жара, немного пахнущего серой. На миг птица оказалось так близко, что Харпер могла бы дотянуться до нее. С крючковатым носом и сияющим гребнем красного пламени феникс был ни дать ни взять гордый и смешной петух, научившийся летать.

Дон Льюистон убрал парус, и длинный белый шлюп последнюю сотню футов скользил по инерции, стаксель-гик свободно качался, а полотно обвисало и морщилось. Дон спустил с кормы цепную лестницу; когда Ник начал подниматься, Дон протянул костлявую руку, чтобы принять мальчика. Голубые глаза Дона сияли не ужасом, не удивлением, а и тем и другим сразу, и еще... Харпер решила, что благоговением.

Они повалились на палубу, один за другим, вымокшие насквозь и беспомощно дрожащие. Никто из них уже не сиял. Свечение погасло почти сразу, как они заметили парус, драконья чешуя словно выдохлась. Последние десять минут оказались самыми трудными. Холод обжигал, словно они оказались по шею в кислоте, а потом перестал обжигать, и онемение было еще хуже боли, оно захватило ступни и ладони Харпер, оно ползло по ногам. К тому времени, как Дон втащил ее на палубу – небывалый улов, – она не чувствовала даже схваток.

Дон отошел на мгновение и вернулся с полотенцами, с одеялами, с мешковатыми кофтами, со стаканами кофе для Рене и Алли. Дон

похудел и выглядел замерзшим, и на бледном лице выделялся только красный нос.

Харпер в уши попала вода, да еще снова начались и участились схватки – и она почти не понимала, что говорят вокруг. Рене задавала вопросы, и Дон отвечал тихим, потрясенным голосом, но Харпер улавливала только с пятого на десятое. Рене спросила, как он очутился здесь, чтобы выловить их из воды, и Дон ответил, что ждал неподалеку от берега уже несколько дней. Он знал, что они идут пешком в Макиас, – услышал об этом по коротковолновке. Харпер представила, как Дон Льюистон сует голову в микроволновку, и готова была рассмеяться, впрочем, истерическим смехом.

– По коротковолновке? – переспросила Рене.

– Да, мэм, – ответил Дон. С помощью коротковолнового радио он мог слушать переговоры по рациям на берегу. Он принимал сигнал со всего побережья и знал про беременную, которая идет на север в сопровождении черной женщины, подростка с выбритой головой, маленького мальчика и безнадежно больного, который бредит с британским акцентом. Вся компания медленно движется к Макиасу, где их оформят и отправят на остров Марты Куинн.

Вот только Дон уже посетил остров Марты Куинн, обошел вокруг под парусом, прошагал по суше пешком и не нашел ничего, кроме обожженной почвы и почерневших скелетов. По радио он слушал рассказы старой Марты – про кафе-пиццерию и школу в одну классную комнату, про городскую библиотеку, – но мест, которые она описывала, не существовало уже несколько месяцев. Их стерли с лица земли.

А раз остров Марты Куинн не убежище, то это ловушка; и Дон не мог придумать, как уберечь их. Он подумывал о том, чтобы держаться поближе к гавани и, может быть, – если повезет, – подплыть под покровом темноты, когда Харпер и компания подойдут к Макиасу, перехватить их, предупредить. Но в последние пару дней о них перестали говорить по радио, так что Дон не знал, где они и что происходит. Он стоял на якоре у острова Марты Куинн, когда увидел феникса, падающего с небес, как сброшенный чертов Люцифер. Дон сказал, что так и не понял, вел его феникс или подгонял.

Из его последних слов Харпер поняла немного. Она чувствовала, как выворачивается наизнанку.

– Да что творится? – спросил Дон Льюистон. – Что еще за хрень? О черт. О черт, только не это...

– Дышите, Харпер! – крикнула Рене. – Вдох и выдох. Ребенок идет. Через минуту все кончится.

Алли расположилась между ног Харпер. Штаны уже сняли, и ниже талии мокрая Харпер была открыта всему миру.

– Вижу головку! – закричала Алли. – Ах, срань господня! Продолжай тужиться, сука! Ты можешь! Ты это сделаешь, давай!

Ник подбежал к Дону Льюистону и уткнулся ему в живот. Харпер, зажмурившись, тужилась и чувствовала, что кишки выплескиваются на палубу. Она ощущала острый соленый запах – то ли моря, то ли плаценты. Открыв на мгновение глаза, Харпер снова увидела феникса, размером со страуса – он парил над мирной водой рядом с парусником, раскинув крылья. Феникс спокойно смотрел умными и веселыми огненными глазами – горящая масляная пленка на поверхности моря.

Харпер напряглась. И что-то сдвинулось. Она словно разорвалась, пах превратился в огненный шрам. Харпер всхлипнула от боли и освобождения.

Новорожденная замахала пухлыми ручонками и запищала. Ее голова напомнила Харпер помятый кокос, обмазанный кровью: густые коричневые волосы облепили шишковатый череп. Толстый красный шнур свисал от ее живота, сворачивался на палубе и исчезал внутри самой Харпер.

Девочка, конечно, девочка. Алли положила новорожденную в руки Харпер. Саму Алли трясло – и вовсе не от холода.

Лодка качалась на волнах, и дочка качалась на руках Харпер. Тихим голосом, почти шепотом, Харпер пропела дочери несколько строк из «Ромео и Джульетты». Девочка открыла глаза и посмотрела на Харпер – радужки светились золотом, драконья чешуя была уже глубоко внутри нее, обернувшись вокруг сердцевины. Харпер обрадовалась. Теперь не нужно отдавать дочку. Нужно только петь ей.

Солнце окрасило края серо-стальных волн. Харпер поискала глазами феникса – от него не осталось ничего, кроме нескольких язычков пламени над водой. Искры и хлопья пепла плыли в спокойном холодном воздухе, осыпая волосы и руки Харпер. Часть перышек пепла упала на дочку, оставив на лбу пятнышко. Туда Харпер и поцеловала ее.

– Как назовете ее, Харпер? – спросила Рене, стуча зубами. Она дрожала, но глаза блестели – от слез и от радости.

Харпер провела большим пальцем по лбу дочки, размазав пепел. Она надеялась, что в пепле есть немного Джона. Надеялась, что он на ней, на них обоих, что он хранит их покой. Да так и есть, решила она.

– Пепел... Эш... – тихо сказала Харпер.

– Эшли? – переспросила Алли. – Хорошее имя.

– Да, – сказала Харпер. – Хорошее. Эшли. Эшли Руквуд.

Рене рассказала Дону о Макиасе, об их последнем плавании и о человеке, который застрелил Джона.

Дон вытер губы тыльной стороной ладони.

– Будет погоня. Но, наверное, не сразу. У нас фора примерно в двадцать четыре часа. За это время попробуем смыться.

– Куда? – спросила Алли.

Дон встал на одно колено рядом с Харпер. Он вытащил из кармана ножик, открыл лезвие и посмотрел вопросительно. Харпер кивнула. Дон сложил пуповину и перерезал ее в два удара. Немного крови и околоплодных вод потекло по его пальцам.

– Ан Тра, – сказал Дон.

– Будьте здоровы, – отозвалась Рене.

Дон устало улыбнулся одним углом рта.

– Это на Инишире. Слыхал по «Би-би-си». Я ловил радио тридцати разных стран в хорошую ночь. Инишир – это остров у берегов Ирландии, Ан Тра – город. Восемь тысяч больных. Полная господдержка.

– Еще один остров, – сказала Алли. – Откуда нам знать, что это опять не фуфло?

– Ниоткуда, – ответил Дон. – И этот шлюп не приспособлен для трансатлантического перехода. Нам чертовски повезет, если получится. Чертовски. Но ничего лучше предложить не могу.

Алли кивнула и, повернув голову, прищурилась на восходящее солнце.

– Ладно. Сегодня ведь все равно больше заняться нечем.

А Харпер не ощущала вовсе никакой тревоги. Все болело, но она была довольна. Густые тучи расходились, небо на востоке становилось почти идеальным, безоблачно-голубым. Неплохой день для прогулки

под парусом. И мать Джона была ирландкой. Харпер всегда мечтала повидать Ирландию.

Ник опустился рядом с ней на колени. Он посмотрел на новорожденную с милым, чистым любопытством и шевельнул руками. Харпер улыбнулась и кивнула, потом коснулась носом носа Эшли.

– Эй. Твой большой брат хочет тебе кое-что сказать, – сказала Харпер. – Он говорит – привет. Он говорит, что рад познакомиться, и приветствует тебя на Земле. Он говорит – готовься к веселью, малышка, потому что сегодня большое яркое утро и сегодня начинается история.

Начато 30 декабря 2010 года.

Завершено 9 октября 2014 года.

Джо Хилл, Эксетер, Нью-Гемпшир.

Авторские права

“Jungleland” by Bruce Springsteen, copyright © 1975 by Bruce Springsteen, renewed © 2003 by Bruce Springsteen (Global Music Rights). Reprinted by permission. International copyright secured. All rights reserved.

“Chim Chim Cher-ee” and “A Spoonful of Sugar” from Walt Disney’s *Mary Poppins*. Words and music by Richard M. Sherman and Robert B. Sherman © 1963 Wonderland Music Company, Inc. Copyright renewed. All rights reserved. Used by permission. Reprinted by permission of Hal Leonard Corporation.

“Romeo and Juliet”. Words and music by Mark Knopfler. Copyright © 1980 Straitjacket Songs Limited. International copyright secured. All rights reserved. Reprinted by permission of Hal Leonard Corporation.

“Candle on the Water” from Walt Disney’s *Pete’s Dragon*. Words and music by Al Kasha and Joel Hirschhorn © 1976 Walt Disney Music Company and Wonderland Music Company, Inc. Copyright renewed. All rights reserved. Used by permission. Reprinted by permission of Hal Leonard Corporation.

Excerpt from *Fahrenheit 451* © 1953, renewed 1981 by Ray Bradbury, reprinted by permission of Don Congdon Associates, Inc.

Excerpt from *The Ministry of Fear* © 1943, renewed 1971 by Graham Greene, reprinted by permission of Penguin Random House.

Кода

“What if There was Just a Bit More Story?” by Joe Hill. Copyright © 2016 by Joe Hill.

«А если бы у истории было продолжение?»

А ведь продолжение есть. Первым их увидел серьезный мальчик, шестилетний Кай, который шел с мамой домой. Он потянул мамину руку и сказал:

– Мама, посмотри: падающая звезда. – Кай показал пальцем.

Женщина, Элайна, остановилась, прикрыла ладонью глаза от яркого света дня и увидела на юго-востоке элегантный белый кораблик под надутыми парусами со стилизованным изображением красного краба. На первый взгляд казалось, что за парусником гонится красный язык пламени, похожий на комету; он метался вверх и вниз. Однако приглядевшись, Элайна поняла, что скользящий по воде парусник вовсе не спасается от шаровой молнии; а несется в сопровождении громадной сияющей птицы. Этот огненный сокол своим жаром нагонял горячий воздух в паруса, разгоняя шлюп до головокружительной, опасной скорости. На носу парусника Элайна разглядела женщину с желтыми волосами. Женщина приветственно подняла руку – ладонь сияла, словно в перчатке из чистого света. Кай помахал в ответ; его рука горела, словно факел, зеленые ленты огня тянулись от пальцев.

– Кай, никто не любит задавак, – предупредила сына Элайна, но по улыбке можно было понять, что она говорит не всерьез.

Благодарность

Если в Портсмуте, штат Нью-Гемпшир, вы доедете до конца Литл-Харбор-роуд, вы доберетесь до океана, но не найдете песчаной дорожки к лагерю Уиндем. Это место я выдумал. Впрочем, многие другие приметы этого региона именно таковы, как я изобразил: кладбище Южной улицы, пруд Саут-Милл, мост через Пискатакву. В некоторых местах я подправил действительность в интересах романа.

Одна из опасностей написания страницы благодарностей в том, что можешь забыть человека, внесшего значительный вклад. Когда я выражал признательность в конце моего предыдущего романа, «NOS4A2», я не написал, как благодарен за редкие разговоры с доктором Дерекком Штерном. Терапевтические беседы теперь вышли из моды. Кому охота разговаривать, если можно просто проглотить таблетку, правда? Но у психофармакологии есть свои ограничения; никто не выпишет вам рецепт на чувство перспективы. Я даже не уверен, что смог бы закончить тот прошлый роман (или нынешний) без въедливой научной поддержки доктора Штерна.

Работая над книгой четыре года, получаешь полезную информацию из самых разных сфер. Моя благодарность доктору Марку Соферу, доктору Энди Сингху и доктору Брайану Кнабу – они ответили на столько медицинских вопросов! Если что-то написано неправильно – это не их вина: когда мне приходилось выбирать, следовать логике истории или медицинской правде, я голосовал за историю. Иначе говоря, невозможно вправить выбитую полулунную кость в запястье простым нажатием, хотя фантазия заманчивая. Дети, если что-то подобное случится с вами, отправляйтесь в травмпункт и готовьтесь к операции. Помимо сказанного, большинство медицинских процедур Харпер остаются в рамках реальности... включая снижение внутричерепного давления у отца Стори с помощью обычной электродрели.

Многие мои друзья читали куски из этой книги, или всю целиком, и давали полезные отзывы. Крис Райалл, Джейсон Кьярамелла, Си Роберт Каргилл, Лорен Бьюкс, Шейн Леонард и Либерти Харди. Мой агент по правам на экранизацию, Шон Дейли, и его жена Сара

предложили поддержку и добрые советы, а затем Шон развернулся и продал права на фильм студиям «21-й век Фокс» и «Темпл Хилл». Моя глубочайшая благодарность Стиву Эсбеллу, Айзеку Клознеру и Вику Годфри, сделавшим ставку на Харпер и Джона; и начальнице Шона, Джоди Хотчкисс, которая сделала ставку на меня.

Дженнифер Брель, мой редактор из «William Morrow», и Джиллиан Редферн, мой британский редактор из «Gollancz», – образовали безупречный союз, как инь и ян. Их пристальное внимание принесло пользу каждой странице этой книги. Келли Рудольф и Софи Калдер развернули захватившую мир рекламную кампанию. В издательстве «HarperCollins/Morrow» убойная бригада профессионалов работала без устали, чтобы заставить «Пожарного» сиять во всех отношениях. Среди этих профессионалов – Келли О’Коннор, Тавия Ковальчук, Ариана Хендраван, Андреа Молитор, Морин Сагден, Аманда Кейн, Ли Карлсон-Станисик, Мэри Энн Петяк, Кати Островка, Дуг Джонс, Карла Паркер, Мэри Бет Томас, невероятно упорная команда по продажам и издатель Лайет Стелик. Британская бригада не менее замечательна – во главе с Дэвидом Шелли; это Кейт Эспинер, Йон Вуд, Джен Макменеми и вся маркетинговая команда, Крейг Лейенаар, Пол Хасси, мой приятель Марк Стэй и вся остальная команда по продажам в «Орионе». Кейт Малгрю начитывала аудиокнигу так, что я зазвучал как минимум в пять раз круче, чем есть на самом деле. Она заслуживает хорошую бутылку вина. Моя благодарность Лорел Чоат из агентства «Чоат» за то, что занималась бизнесом, пока я сосредоточился на творчестве (то есть развлекался).

Моя любовь и благодарность Кристине Терри, которая следила, чтобы я иногда выбирался из кабинета развеяться, пока работал над романом. Бесконечная любовь содружеству Кинг – Браффет: Наоми, моим родителям, во многих отношениях сделавшим эту книгу возможной, а мои дни – счастливыми. И главное: спасибо моим трем сыновьям, которые приносят мне столько радости, – я люблю вас, мальчики. Я так благодарен за время, проводимое с вами.

И наконец: вскоре после того, как я завершил третий черновик романа, мой друг и агент в течение двадцати лет, Микки Чоат – любимый муж Лорел – скончался от рака легких в пятьдесят три года. А я не знал, что он болел. Он держал все в себе. Впервые я узнал о его болезни, когда Лорел позвонила мне сообщить, что он умер. Он

никогда не курил и бегал каждый день – и все это ужасно несправедливо. В нашей последней беседе – он только что дочитал «Пожарного» – Микки сказал мне, что считает роман чертовски замечательным. Его одобрение значило для меня все; и в то же время мне жаль, что говорили мы по большей части обо мне и моей книге. Лучше бы мы больше говорили о Микки. Он любил как следует покушать в новом ресторане, и я жалею, что не разделил с ним его последний ужин и не успел сказать ему, что считаю его чертовски замечательным другом. Впрочем, возможно, это справедливое воздаяние мне. Микки представлял мои интересы почти десять лет, прежде чем я сообщил ему, что Хилл – не настоящая моя фамилия. Мы оба сумели преподнести друг другу по крайней мере по одному сногшибательному сюрпризу.

Я люблю тебя, Микки. Спасибо, что нашел для меня место в своей жизни.

Об авторе

Джо Хилл – автор бестселлеров *New York Times* «Страна Рождества» («NOS4A2»), «Рога» и «Коробка в форме сердца», а также награжденного многочисленными премиями сборника рассказов «Призраки двадцатого века». Джо Хилл – лауреат Премии Айснера за шеститомную серию комиксов «Семья Локк и ключ» («Locke & Key»). Живет в Нью-Гемпшире.

notes

По требованию правообладателей здесь и далее стихотворные цитаты приводятся на английском языке.

Как в вальсе, смерть
Кружится огнем.

«Земля джунглей». Брюс Спрингстин

Но нет человека счастливей, чем тот,
Кто сажу отмоем и гарь ототрет.

*Песенка Трубочиста (из фильма «Мэри Поппинс»,
1964). Роберт и Ричард Шерманы*

2

Чтобы выпить лекарство, ложку сахара добавь, ложку сахара добавь...

3

Я буду свечой на воде для тебя, моя любовь к тебе будет гореть всегда...

Пораженный любовью Ромео
поет на улице серенаду,
заставляя всех умолкнуть
любовной песней, которую сочинил.
Он находит фонарь,
выходит из тени
и говорит такой:
«Ты и я, крошка —
что скажешь?»

5

Тебе готовит всякий т-труд немало радостных минут, От-тыщешь их и хоп! Играй в игру!

6

Любое дело в тот же час к себе потянет нас.